

*Издание журнала
осуществлено при поддержке
фонда «История Отечества»*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

**ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

№ 3 (8), 2021

Научный журнал

**Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2021**

UDC 281.93(066)

The Edition is recommended for publication
by the Publishing Council of the Russian Orthodox Church
IS R22-120-0480

Recommended for publication by the Scientific Council
of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church
Protocol No. 7 from October 25, 2021

Editor-in-Chief

Dmitriy Andreevich Karpuk, Candidate of Theology, Assistant Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Editorial Board

Bishop of Peterhof Silouan (Nikitin Sergey Sergeyeovich), Candidate of Theology, Rector of Saint Petersburg Theological Academy.

Metropolitan Kliment of Kaluga and Borovsk (Kapalin German Mikhailovich), Doctor of Historical Sciences, Candidate of Theology, Chairman of Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Rector of Kaluga Theological Seminary.

Bishop Seraphim of Istra (Amel'chenkov Vladimir Leonidovich), Candidate of Historical Sciences, Doctor of Theology, Chairman of the Synodal Department for Youth Affairs of the Russian Orthodox Church.

Archpriest Konstantin Aleksandrovich Kostromin, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, Assistant Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Archpriest Georgiy (Yuriy) Nikolayevich Mitrofanov, Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Theology, Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Natalia Yuryevna Sukhova, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Church History, Professor, St. Tikhon's Orthodox University of Humanities.

Petr Evgen'evich Bukharkin, Doctor of Philological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg Theological Academy.

Aleksey Vladimirovich Petrov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Mikhail Vital'evich Shkarovskiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg Theological Academy.

Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy:
scientific journal. – SPb.: Publ. House of SPbTA, 2018 – .

№ 3 (8). – 2021. – 464 p.

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

© Article authors, 2021
© Publishing House of Saint Petersburg
Theological Academy, 2021

УДК 281.93(066)
ББК 86.372.24-3я5
В38

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС P22-120-0480

Рекомендовано к публикации Научным советом
Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви
Протокол № 7 от 25.10.2021 г.

Главный редактор

Дмитрий Андреевич Карпук, кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Редакционный совет

Епископ Петергофский Силуан (Никитин Сергей Сергеевич), кандидат богословия, ректор Санкт-Петербургской духовной академии.

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Герман Михайлович), доктор исторических наук, кандидат богословия, председатель Издательского совета Русской Православной Церкви, ректор Калужской духовной семинарии.

Епископ Истринский Серафим (Амельченков Владимир Леонидович), кандидат богословия, доктор теологии, кандидат исторических наук, председатель Синодального отдела по делам молодежи.

Протоиерей Константин Александрович Костромин, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Протоиерей Георгий (Юрий) Николаевич Митрофанов, кандидат философских наук, доктор богословия, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

Наталья Юрьевна Сухова, доктор исторических наук, доктор церковной истории, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Петр Евгеньевич Бухаркин, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургской духовной академии.

Алексей Владимирович Петров, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

Михаил Витальевич Шкаровский, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

В38 Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии : научный журнал. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2018– .
№ 3 (8). — 2021. — 464 с.

УДК 281.93(066)
ББК 86.372.24-3я5

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

© Авторы статей, 2021
© Издательство Санкт-Петербургской
Духовной Академии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

Д. А. Карпук. От(к)рытые источники, или Несколько слов о смертном грехе синодального периода 12

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Империя и Церковь» «Особенности церковно-государственных и религиозно-общественных отношений в Российской империи (К 300-летию Святейшего Правительствующего Синода)»

А. М. Азова. Вклад русских миссионеров Американской православной миссии в формирование системы образования в Русской Америке 17

Иеродиакон Александр (Дерягин). Пастырские труды духовенства Владивостокской епархии в сфере народного просвещения в конце XIX — начале XX вв. 26

Священник Николай Антипенко. Проблемы преподавания Закона Божия в начале XX в. (по материалам «Церковных ведомостей» (1901–1910 г.)) 40

Ю. Н. Антипина. Природа и значение царской власти в христианском государстве 47

К. С. Бабак. Межконфессиональная обстановка в Волынской епархии в 1905–1909 гг. (по материалам церковной периодической печати) 56

Ю. В. Балакина. Правда Христова в общественной жизни: из опыта Православной Российской Церкви начала XX в. 63

Г. В. Бежанидзе, А. Г. Фирсов. Святейший Синод и становление ведомства православного исповедания 73

Священник Михаил Березин. «Путь в духовное звание»: личное дело священномученика Василия Иосифовича Бовы 83

Протоиерей Александр Берташ. Губернатор князь Сергей Шаховской — выразитель политики императора Александра III в Эстляндии и мемориальная Сергиевская церковь в Пюхтицком монастыре 93

Н. Ю. Борисов. Влияние «освободительного» движения на паству Черниговской епархии в 1905–1915 гг. (по отчётам епархиальных преосвященных) 106

В. В. Бурега. Киевское христианство в имперском интерьере: XVIII век 119

Р. Б. Бутова. Переписка архимандрита Антонина (Капустина) со Св. Синодом по церковным делам на Православном Востоке во второй половине XIX в. 131

Г. Р. Гуцу. Монастыри Псковской епархии на рубеже XIX–XX вв. (по материалам ежегодных епархиальных отчетов) 142

Д. М. Дерягин. Социально-общественная деятельность монастырей и монашеских общин Южно-Уссурийского края в конце XIX — начале XX вв. 148

Н. Г. Зарембо, М. Д. Попова. Научно-справочный аппарат к документам фонда Канцелярии Синода Российского государственного исторического архива 161

<i>Священник Сергей Зяблицкий. Старообрядчество Вологодской губернии в XIX — начале XX вв. (по материалам годовых епархиальных отчетов).....</i>	171
<i>Иеромонах Иоанн (Лудисцев). Духовно-просветительская деятельность Московского Сретенского монастыря при архимандрите Серафиме (Богоявленском) (1884–1890).....</i>	178
<i>Священник Игорь Иванов. Мария Эдинбургская (1875–1938), внучка Александра II — королева Великой Румынии</i>	186
<i>Протоиерей Михаил Иванов. Земельные владения и доходы Святогорского монастыря Псковской епархии накануне секуляризации 1764 г.</i>	196
<i>С. А. Исаев. Устройство Евангелическо-Лютеранской церкви в России по Уставу 1832 г.....</i>	205
<i>Д. А. Карпук. Издательский совет при Святейшем Синоде: обстоятельства учреждения и основные направления деятельности</i>	214
<i>Священник Иоанн Кудласевич. Архимандрит Леонид (Кавелин) и вопросы церковной реформы: опыт публичной полемики</i>	222
<i>Диакон Сергей Кульпинов. К проблеме оценок синодального периода в обновленческом расколе (на сибирском материале).....</i>	230
<i>И. В. Лобанова. «Едва ли был бы он полезнее Синода...»: положение епископата в структуре управления Церковью в синодальный период.....</i>	241
<i>А. Ю. Макаров. Церковно-просветительская деятельность священника Григория Петрова в 1891–1908 гг.....</i>	249
<i>Священник Владислав Малышев. Церковно-общественная публицистика середины XIX в.: использование в современных исторических исследованиях</i>	257
<i>Священник Сергей Мансуров. Воронежская епархия в начале XX в.</i>	267
<i>А. И. Мраморнов. Труды В. П. Шеина (1870/71–1922) в предсоборных органах 1906–1917 гг.</i>	275
<i>Диакон Вадим Навыко. Полемика против учения беспоповцев о Церкви и церковной иерархии в сочинении Н. И. Ивановского «Критический разбор учения не приемлющих священства старообрядцев о церкви и таинствах»</i>	286
<i>А. А. Назаров. Формирование системы финансового контроля и хозяйственного управления церковной экономикой в XVIII в.....</i>	294
<i>М. А. Приходько. Специальный орган управления инославными исповеданиями в государственной системе Российской империи в начале XIX в.</i>	302
<i>Иеромонах Прохор (Андрейчук). Псково-Печерский монастырь в синодальный период: события и лица.....</i>	311
<i>П. С. Резухин. Проблема обеспечения церковной дисциплины внутри духовного сословия в конце XIX — начале XX вв.</i>	321
<i>Священник Вячеслав Савинцев. Уголовные дела в отношении старообрядцев в Рязанской епархии во второй половине XIX в.....</i>	329

<i>А. В. Сартаков.</i> Русская богословская наука в синодальный период в контексте становления «практического» направления	336
<i>Н. Р. Славнитский.</i> Церемонии в Петропавловском соборе в дни празднования 200-летия Санкт-Петербурга (май 1903 г.).....	344
<i>И. Ю. Смирнова.</i> Конфессиональный вектор внешней политики России: к истории взаимодействия МИДа и Св. Синода в XIX веке	351
<i>С. С. Сингх.</i> Организация судовым священником паломнических поездок для нижних чинов кораблей российского флота на рубеже XIX–XX вв.....	361
<i>Диакон Константин Суржиков.</i> Внутренняя структура и личный состав Учебного комитета при Святейшем Синоде (краткий обзор).....	371
<i>Н. А. Тарнакин.</i> К вопросу о преемственности образовательной и научной моделей дореволюционных духовных школ в Ленинградской духовной академии и семинарии (вторая половина 1940-х гг.).....	378
<i>Иеромонах Феропонт (Широков).</i> Епархиальные архиереи второй половины XIX — начала XX вв. как главные начальники духовных семинарий своих епархий (на примере Вологодской епархии)	389
<i>Протоиерей Владимир Чернецкий.</i> К вопросу о подготовке педагогических кадров для школ грамоты в конце XIX — начале XX вв. на примере Таврической епархии.....	400
<i>М. В. Шкаровский.</i> Храм Рождества Христова на Песках	413
<i>И. И. Юрганова.</i> Русская Православная Церковь и народы Восточной Сибири: коммуникативный аспект инкорпорации в империю (постановка проблемы).....	426

Сообщения

<i>Священник Павел Овчинников.</i> Создание базы данных духовного сословия Российской империи: подготовка материала, разработка платформы, размещение, информационная работа.....	434
<i>М. Е. Смирнова.</i> Деятельность обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера в Санкт-Петербурге	438
<i>С. Х. Ямазаки.</i> Особенности религиозной политики и отношение японского правительства к Японской миссии Русской Православной Церкви во второй половине XIX — начале XX вв.	445

Научная жизнь академии

Защита кандидатской диссертации диакона Сергия (Сергея) Сергеевича Кульпинова «Возникновение, развитие и ликвидация обновленческого раскола в Иркутской епархии в 1920-х — 1930-х гг.»	451
Защита кандидатской диссертации диакона Максима Тарасова «Миссионерское общество в Петербурге (1865–1869)»	457

CONTENTS

From the editorial board

D. A. Karpuk. Discovered sources or A few words
about the mortal sin of the synodal period 12

Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference “Empire and Church” “Features of Church-State and Religious-Social Relations in the Russian Empire (To the 300th Anniversary of the Holy Governing Synod)”

A. M. Azova. The Contribution of Russian Missionaries of the American Orthodox
Mission to the Formation of the Education System in Russian America 17

Hierodeacon Alexander (Deriagin). Vladivostok Diocese
Pastoral Work in Public Education
at the end of the 19th — early 20th Centuries..... 26

Priest Nikolay Antipenko. Problems of Teaching the Law of God at the Beginning
of the 20th Century (Based on Materials from *Tserkovnye Vedomosti* (1901–1910))..... 40

Yu. N. Antipina. The Nature and Significance of Royal Power
in the Christian State 47

K. S. Babak. The Interfaith Situation in the Volyn Diocese
in 1905–1909 (Based on Materials from Church Periodicals) 56

Yulia V. Balakshina. The Truth of Christ in Public Life: from the Experience
of the Russian Orthodox Church in the Early Twentieth Century..... 63

Georgy V. Bezhanidze, Andrey G. Firsov. The Holy Synod and Establishing
the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession 73

Priest Mikhail Berezin. “A Path to the Clerical Rank”:
the Personal File of Hieromartyr Vasily Iosifovich Bova 83

Archpriest Alexander Bertash. Governor Prince Sergius Shakhovskoy
as a Spokesman for the Policy of Emperor Alexander III in Estonia
and the Memorial Church of St. Sergius in the Pukhtitsky Monastery 93

N. Yu. Borisov. The Influence of the “Liberation” Movement on the Flock
of the Chernigov Diocese in 1905–1915
(According to Reports of Diocesan Bishops)..... 106

V. V. Bureha. Kiev Christianity in an Imperial Interior: the 18th Century 119

Ritta Butova. Correspondence of Archimandrite Antonin (Kapustin)
with the Synod on Church Affairs in the Orthodox East
in the Second Half of the 19th Century 131

G. R. Gutsu. Monasteries of the Pskov Diocese at the Turn of the 19th–20th Centuries
(Based on the Materials of the Annual Diocesan Reports) 142

D. M. Deryagin. Social and Public Activities of Monasteries and Monastic
Communities of the South Ussuri Region
in the Late 19th–early 20th Centuries 148

N. G. Zarembo, M. D. Popova. Scientific Reference Apparatus
for the Documents of the Collection of the Chancellery of the Synod
of the Russian State Historical Archive 161

<i>Priest Sergy Zyablitsky. The Old-Believers of the Vologda Province in the 19th and early 20th Centuries</i>	171
<i>Hieromonk John (Ludischev). Spiritual and Educational Activities of the Moscow Sretensky Monastery under Archimandrite Seraphim (Bogoyavlensky) (1884–1890)</i>	178
<i>Priest Igor Ivanov. Marie of Edinburgh (1875–1938), Granddaughter of Alexander II – Queen of Greater Romania</i>	186
<i>Archpriest Mikhail Ivanov. Land Holdings and Incomes of the Svyatogorsk Monastery of the Pskov Diocese on the Eve of the Secularization of 1764</i>	196
<i>Sergei A. Isaev. The Structure of the Evangelical-Lutheran Church in Russia according to the Church Ordinance of 1832</i>	205
<i>D. A. Karpuk. Publishing Council at the Holy Synod: Circumstances of Establishment and Main Directions of Activity</i>	214
<i>Priest Ioann Kudlasevich. Archimandrite Leonid (Kavelin) and the issues of the Church reform: the experience of public debate</i>	222
<i>Deacon Sergey Kulpinov. On the problem of assessments of the synodal period in the renovationist schism (on the Siberian material)</i>	230
<i>I. V. Lobanova. “He would hardly have been more useful than the Synod ...”: the Position of the Episcopate in the Structure of the Administration of the Church during the Synodal Period</i>	241
<i>A. Yu. Makarov. Church and Educational Activities of Grigory Spiridonovich Petrov in 1891–1908</i>	249
<i>Priest Vladislav Malyshev. Church-Social Journalism of the Mid-19th Century: Use in Modern Historical Research</i>	257
<i>Priest Sergey Mansurov. The Voronezh Diocese at the Beginning of the 20th Century</i>	267
<i>A. I. Mramornov. The Works of Vasily Pavlovich Sheyin (1871–1922) in the Preconciliar Bodies of the Russian Church 1906–1917</i>	275
<i>Deacon Vadim Navnyko. Polemics against the Doctrine of Bespopovtsy about the Church and the Church Hierarchy in the Work of N. I. Ivanovsky “Critical Analysis of the Doctrine of the Old Believers who do not Accept the Priesthood about the Church and the Sacraments”</i>	286
<i>A. A. Nazarov. Formation of the System of Financial Control and Economic Management of the Church Economy in the 18th Century</i>	294
<i>M. A. Prikhodko. A Special Body for Managing Heterodox Confessions in the Sate System of the Russian Empire at the Beginning of the 19th Century</i>	302
<i>Hieromonk Prokhor (Andreychuk). The Pskov Caves Monastery during the Synodal Period: Events and Faces</i>	311
<i>P. S. Rezhukhin. The Problem of Ensuring Church Discipline within the Clergy in the late 19th–Early 20th Centuries</i>	321
<i>Priest Vyacheslav Savintsev. Criminal Cases against Old Believers in the Ryazan Diocese in the Second Half of the 19th Century</i>	329

<i>Alexey Sartakov</i> . Russian Theological Scholarship during the Synodal Period in the Context of the Formation of the “Practical” Direction	336
<i>Nikolay Slavnitsky</i> . Ceremonies in the Peter and Paul Cathedral during the Celebration of the 200 th Anniversary of St. Petersburg (May 1903)	344
<i>I. Yu. Smirnova</i> . The Confessional Vector of Russian Foreign Policy: the History of Interaction Between the Ministry of Foreign Affairs and the Holy Synod in the 19 th Century.....	351
<i>S. S. Singh</i> . Organization of Pilgrimage Trips for Sailors of the Ships of the Russian Fleet by the Navy Chaplain at the Turn of the 19 th –20 th Centuries.....	361
<i>Deacon Constantine Surzhikov</i> . Internal Structure and Personnel of the Educational Committee of the Holy Synod (a Brief Overview)	371
<i>N. A. Tarnakin</i> . On the Issue of the Continuity of the Educational and Scientific Models of Pre-Revolutionary Theological Schools at Leningrad Theological Academy and Seminary (Second Half of the 1940s).....	378
<i>Hieromonk Ferapont (Shirokov)</i> . Diocesan Bishops in the Second Half of the 19 th and Early 20 th Centuries as Heads of Theological Seminaries in Their dioceses (Based on the Example of the Vologda Diocese)	389
<i>Archpriest Vladimir Chernetsky</i> . On the Issue of Training Teachers for Literacy Schools in the Late 19 th – Early 20 th Centuries Based on the Example of the Tauria Diocese	400
<i>Mikhail Shkarovsky</i> . Church of the Nativity of Christ on the Sands.....	413
<i>I. I. Yurganova</i> . The Russian Orthodox Church and the Peoples of Eastern Siberia: the Communicative Aspect of Incorporation into the Empire (a Problem Statement).....	426

Posts

<i>Priest Pavel Ovchinnikov</i> . Creation of a Database of the Clergy of the Russian Empire: Preparation of Materials, Development of a Platform, Placement, Publicity.....	434
<i>M. E. Smirnova</i> . Activities of the Ober-Procurator of the Holy Synod	
<i>V. K. Sabler</i> in St. Petersburg	438
<i>S. Kh. Yamazaki</i> . Features of Religious Policy and the Attitude of the Japanese Government to the Japanese Mission of the Russian Orthodox Church in the Second Half of the 19 th – Early 20 th Centuries.....	445

Scientific life of the Academy

Defense of the Candidate’s Dissertation of deacon Sergiy (Sergey) Sergeevich Kulpinov “The Emergence, Development and Elimination of the Renovatianist Schism in the Irkutsk Diocese in the 1920s–1930s”	451
Defense of the Candidate’s Dissertation of deacon Maksim Tarasov “The Missionary Society in St. Petersburg (1865–1869)”	457

От(к)рытые источники, или Несколько слов о смертном грехе синодального периода

Когда готовился к печати данный номер «Вестника Исторического общества», в одну из общих заготовок для большей части статей вкралась, как показалось на первый взгляд, досадная опечатка. Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что не все так однозначно. Дело в том, что с недавнего времени в каждой статье необходимо стало указывать, откуда были взяты те или иные изображения и / или фотографии. И если некоторые авторы присылают свои уникальные изображения (за что им отдельное большое спасибо!), то другую часть изображений приходится брать из сети Интернет, т.е. из открытых источников. И вот именно сюда и вкралась опечатка, на что обратил внимание один из авторов. Мол, у меня написано, что фотографии взяты из **отрытых** источников, надо бы исправить. Посмеявшись над этой опечаткой (сколько их было! Можно уже коллекцию собирать: ели/если, пост/пот, работа/робота, сало/стало и т.п.), стали исправлять. Правда, в издательстве академии при этом подумали — а может быть, и не стоит?! Ведь работа некоторых историков, например, археологов, в прямом смысле слова связана с раскопками. Да и другие исследователи, кто трудится, например, в архивах, часто этот процесс работы с многостраничными описями и пыльными делами также называют копанием, раскапыванием и т.п.

Теперь несколько слов о смертном грехе. Так уже получается — что бы мы не пытались говорить хорошего о положении Православной Церкви в Императорской России, все равно все заканчивается критикой строя, положения и т.п. Причина проста — история империи, а значит, и синодального периода завершилась революционными событиями 1917 года. Итоговый вывод прост до неприличия. Если *все* завершилось разгромом, значит, *все* (ну или почти все) тогда было плохо. И церковно-государственные отношения ущербные, и в монастырях сплошные пьяницы, и духовные школы блестяще справились лишь с подготовкой «доблестных» революционных кадров,

и лучшими миссионерами у нас были околоточные... Благо, для подтверждения подобного рода суждений далеко ходить не надо. Прямо под ногами — россыпь ярких, безапелляционных суждений и броских цитат, например, из воспоминаний митрополита Евлогия (Георгиевского), митрополита Вениамина (Федченкова), протопрезвитера Георгия Шавельского и ряда других неравнодушных свидетелей эпохи...

В этом контексте рецепт средней, но вполне добротной статьи по истории синодального периода получается следующим. Берем какую-нибудь одну тему (архиерейское управление, монашество и монастыри, духовенство и приходы, духовное образование, миссионерская и просветительская деятельность в той или иной епархии, например, на рубеже XIX–XX вв., и т. д.). Просматриваем местные епархиальные ведомости, откуда берем два-три факта / события. Обязательно обращаемся к одному-двум делам из местного ГАМО (Государственный архив *Местной области*). Если есть возможность, можно добавить также одно-два дела из сокровищницы истории синодального периода — Российского государственного исторического архива (РГИА). Ну а далее все это необходимо тщательно взболтать, в смысле проработать, проанализировать, изложить пластами, т. е., например, в хронологической последовательности, и украсить, нет, не вишенкой, а цитатами из сочинений вышеприведенных и / или некоторых других авторов. Все, блюдо — в смысле статья / доклад / выступление на местных Рождественских чтениях в связи с очередным значимым юбилеем etc. — готово...

Да простит читатель этот, скажем так, сарказм, однако, как кажется, в некоторых случаях (не говорю, что во всех!) исследователь оказывается в плену у современников изучаемой им эпохи, игнорируя или не замечая целый ряд других фактов, которые если не полностью разрушают, то довольно серьезно меняют его стройную и, как ему кажется, убедительную концепцию. Прелесть же той или иной концепции — в рамках изучения именно синодального периода — нередко заключается еще и в том, что она уже апробирована многими высококвалифицированными предшественниками. А значит, зачем спорить, все же очевидно и понятно. Другими словами, действительно, «кругом измена, и трусость, и обман»!..

Вместе с тем совершенно очевидно (это банальность), что история не в широких мазках — даже не с помощью свидетельств очевидцев, ведь никто всерьез не согласится

писать историю Русской Православной Церкви, например, начала XXI в., основываясь на материалах всего лишь одного какого-нибудь блога; точно так же, как невозможно писать историю, основываясь исключительно на официальных / официозных опубликованных источниках, — а в деталях. И в этой связи отрадно, что специалистов, которые в последние годы все больше внимания уделяют именно деталям — например, различным аспектам той же региональной истории, — становится все больше. В научный оборот вводятся новые данные, которые далеко не всегда опровергают общеизвестные суждения и клише. Вместе с тем, благодаря таким исследованиям церковная история синодального периода приобретает все больше оттенков, которые в ряде случаев позволяют говорить, что не все было так уж беспросветно и плохо. Правда, справедливости ради следует отметить — в некоторых случаях выясняется, что порой ситуация была даже хуже, чем это было принято думать до недавнего времени...

В рамках II Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Империя и Церковь», посвященной теме «Особенности церковно-государственных и религиозно-общественных отношений в Российской империи (К 300-летию Святейшего Правительствующего Синода)», организованной Историческим обществом Санкт-Петербургской духовной академии при поддержке фонда «История Отечества» и прошедшей 13–14 мая 2021 года, выступили более 60-ти участников из России, Украины, Беларуси и Японии. Все доклады так или иначе были связаны с историей синодального периода. В настоящем номере «Вестника Исторического общества» публикуются почти 50 докладов. К сожалению, не все докладчики успели к заранее указанному сроку подготовить и прислать свои тексты, но это не означает, что их работы будут потеряны. С рядом авторов имеется договоренность, что они пришлют статьи позже, уже для других номеров журнала, который, будучи связан с историей Санкт-Петербургской духовной академии, давно уже стал площадкой для публикации материалов, в большей степени посвященных церковной истории именно синодального периода.

В рамках подготовки конференции была предпринята попытка разбить доклады по тематическому принципу, за исключением пленарного заседания, где должны были прозвучать сообщения специалистов по различным аспектам синодального

периода. Из числа пленарных докладов в данном номере журнала опубликованы статьи В. В. Бурегу о «киевском христианстве», И. Ю. Смирновой об особенностях русских духовных миссий, Г. В. Бежанидзе и А. Г. Фирсова о нюансах развития синодального строя в начале XIX в., Ю. В. Балакшиной о церковно-общественных движениях в начале XX в.

Секция «Общее состояние Православной Российской Церкви. Роль личности в истории» была представлена до-

кладами, из которых в текущем номере опубликованы статьи и сообщения священников Игоря Иванова, Павла Овчинникова, Владислава Малышева, Сергия Мансурова, Михаила Березина и Сергия Кудласевича, диакона Сергия Кульпинова, Р. Б. Бутовой, А. И. Мраморнова, П. С. Резухина, А. Ю. Макарова, М. Е. Смирновой, С. С. Сингха, Ю. Н. Антипиной и Н. Ю. Борисова.

Отрадно, что в последнее время все больше внимания уделяется изучению синодальных учреждений и церковной бюрократии. Совершенно очевидно, что секретари духовных консисторий, столоначальники центральных синодальных учреждений и другие представители церковной бюрократии должны наконец-то выйти из тени! Ведь зачастую то или иное решение, принимаемое даже на самом высоком уровне, рождалось под напряженный скрип перьев именно этих незаметных сотрудников синодальных и епархиальных учреждений. Различным аспектам истории церковной бюрократии посвящены публикации А. А. Назарова, И. В. Лобановой, М. А. Приходько, Д. А. Карпука, диакона Константина Суржикова. Отдельного внимания заслуживает статья Н. Г. Зарембо и М. Д. Поповой, которая станет полезным путеводителем по описям Российского государственного исторического архива не только для новичков, но и для постоянных посетителей этой, как уже было выше сказано, сокровищницы материалов по истории синодального периода.

Особое внимание было уделено обсуждению как истории отдельных обителей (иеромонах Иоанн (Лудищев), иеромонах Прохор (Андрейчук), протоиерей Александр Бергаш, протоиерей Михаил Иванов), так и общих проблем, касающихся русских монастырей и монашества (Д. М. Дерягин, Г. Р. Гуцу). Вне всякого сомнения, данная тема в последние десятилетия была и остается одной из тех, что активно развиваются в отечественной историографии.

Богословскому образованию и духовному просвещению в Российской Церкви синодального периода посвящена одна из секций, а значит, и часть опубликованных докладов. Секция эта оказалась одной из самых больших, что неудивительно, поскольку многие докладчики, являясь учащимися аспирантуры и магистратуры Санкт-Петербургской духовной академии, одновременно с этим занимают должности преподавателей и проректоров в различных духовных семинариях Русской Церкви. В опубликованных статьях затронута как общая проблематика, связанная с историей русской богословской науки и духовного образования (А. В. Сартаков), так и с историей конкретных духовных школ (иеромонах Ферапонт (Широков), Н. А. Тарнакин), а также начального церковного образования (протоиерей Владимир Чернецкий, иеромонах Александр (Дерягин), священник Николай Антипенко).

Синодальный период славен в том числе и своей миссионерской деятельностью, различным аспектам которой — как внутренней, так и внешней миссии — были посвящены доклады И. И. Юргановой, священника Вячеслава Савинцева, священника

Сергия Зяблицкого, диакона Вадима Навныко, К. С. Бабак, А. М. Азовой. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что в рамках конференции состоялось выступление — а на страницах журнала появилась публикация — Светланы Ямазаки из Японии. Это является свидетельством — пусть и косвенным — того успеха, что удалось достичь святителю Николаю (Касаткину) в деле миссии в Японии более столетия назад.

Церковное петербурговедение в рамках конференции было представлено, к сожалению, всего лишь несколькими докладами, из которых сейчас опубликованы статьи М. В. Шкаровского и Н. Р. Славнитского. Доклад С. А. Исаева открывает еще одно из важных и нужных направлений, которое, вне всякого сомнения, необходимо дальше развивать в рамках конференции «Империя и Церковь». Речь идет об изучении религиозной политики Российской империи в отношении других конфессий и религий.

В рамках ставшей уже традиционной рубрики «Научная жизнь академии» помещены краткие публикации, посвященные защита кандидатских диссертаций диакона Сергия Кульпинова и одного из постоянных авторов нашего журнала диакона (теперь уже священника) Максима Тарасова.

Из завершение вступительного слова не станем скрывать, — да, конечно же, не все, но совершенно точно многие доклады вызывали не только повышенный интерес, но и, в некоторых случаях, оживленную дискуссию, в рамках которой что-то раскрывалось, уточнялось, детализировалось. Остается надеяться, что проявленный взаимный интерес к трудам коллег будет сохраняться и впредь, а конференции «Империя и Церковь», проводимые на базе Санкт-Петербургской духовной академии, ежегодно будут притягивать к себе многочисленных «синодалов», т. е. всех тех, кто занимается историей синодального периода в истории Русской / Российской Православной Церкви.

Д. А. Карпук

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

А. М. Азова

**Вклад русских миссионеров
Американской православной миссии
в формирование системы образования
в Русской Америке**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_17

Аннотация: Политика просвещения являлась важным компонентом процесса закрепления российской короны на Северо-Американском континенте: повышение уровня грамотности местного населения и привлечение образованных кадров из числа автохтонного населения к работе в Русской Америке способствовали установлению дружественных отношений с коренным населением Аляски и, как следствие, закреплению власти России в регионе. Однако развитие светского и духовного образования легло на плечи русских миссионеров. В статье рассматриваются вопросы учреждения и финансирования школ, разработки учебных программ и основные типы школ и училищ в русский период истории Аляски (вторая половина XVIII в. — 1867 г.) через призму влияния русских миссионеров на систему образования Русской Америки.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Православие, образование, Русская Америка, миссионерская работа, святитель Иннокентий (Вениаминов).

Об авторе: **Анастасия Михайловна Азова**

Магистрант Института педагогики СПбГУ, преподаватель ГБОУ лицей № 410 Пушкинского района Санкт-Петербурга.

E-mail: karambolaka@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8562-7958>

Ссылка на статью: Азова А. М. Вклад русских миссионеров Американской православной миссии в формирование системы образования в Русской Америке // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 17–25.

* Изображения взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

A. M. Azova

**The Contribution of Russian Missionaries
of the American Orthodox Mission
to the Formation of the Education System
in Russian America**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_17

Abstract: The policy of education was an important component of the process of consolidating the Russian hold on the North American continent: raising the level of literacy of the local population and attracting educated cadre from among the autochthonous population to work in Russian America contributed to the establishment of friendly relations with the indigenous population of Alaska and, as a result, consolidation of Russian power in region. However, the development of secular and theological education fell on the shoulders of Russian missionaries. The article examines the establishment and financing of schools, the development of curricula and the main types of schools and colleges in the Russian period of the history of Alaska (the second half of the 18th century to 1867) through the prism of the influence of Russian missionaries on the education system of Russian America.

Keywords: Russian Orthodox Church, Orthodoxy, education, Russian America, missionary work, St. Innocent (Veniaminov).

About the author: **Anastasia Mikhailovna Azova**

Master's Student at the Institute of Pedagogy, St. Petersburg State University, Teacher at the Lyceum No. 410 of the Pushkin District of St. Petersburg.

E-mail: karambolaka@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8562-7958>

Article link: Azova A. M. The Contribution of Russian Missionaries of the American Orthodox Mission to the Formation of the Education System in Russian America. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 17–25.

* Images are taken from open sources.

Историко-культурное наследие Русской Америки активно выявляется современными исследователями в разных формах. Но одно объединяет и изменение семейного уклада автохтон, и сохранение православной веры, русских имен и русских заимствований в языках коренных народов Аляски — всё это наследие было сформировано и сохранилось сквозь столетие американизации благодаря деятельности Русской Православной Церкви. В сферу деятельности православного духовенства в Русской Америке входили не только миссионерская деятельность среди автохтонного населения и поддержание нравственного облика русских переселенцев и промышленников, но и просвещение жителей Аляски.

Политика просвещения являлась важным компонентом процесса закрепления российской короны на Северо-Американском континенте: учреждение школ и училищ, где автохтоны изучали грамоту и обучались разным ремеслам для работы в Русской Америке, способствовало установлению дружественных отношений с коренным населением Аляски и, как следствие, содействовало продвижению и закреплению власти России в регионе.

Однако за неимением учителей в Русской Америке развитие и светского, и духовного образования легло на плечи русских миссионеров.

Школьное дело зародилось на северо-западе Северо-Американского континента до прибытия в регион первых миссионеров — первыми учителями автохтонного населения стали российские промышленники. Г. И. Шелихов, соучредитель торгово-промышленной Северо-Восточной Американской компании, основал школу на острове Кадьяк в 1784–1786 гг. В школе изначально обучались только мальчики-автохтоны и изучали основные науки: русскую словесность, арифметику, Закон Божий. После развития основных навыков в школе мальчиков отправляли в качестве аманатов в Иркутск для продолжения обучения в русскоязычной среде, а по возвращении на Алеутские острова они делились обретенными знаниями с соплеменниками. Девочек учили ведению домашнего хозяйства и рукоделию вне стен школы.

С прибытием в российские заокеанские владения 24 сентября 1794 г. Первой духовной (Кадьякской) миссии во главе с архимандритом Иоасафом (Болотовым) школьное дело стало частью миссионерского служения в Русской Америке.

Однако по приезде на остров Кадьяк миссионеры столкнулись с сопротивлением А. А. Баранова и сотрудников Северо-Восточной Американской компании. В частности, Баранов и сотрудники компании оказали яростное сопротивление образовательной деятельности миссионеров: компания настаивала на обучении только аманатов.

Американский исследователь М. Олекса на основании писем архимандрита Иоасафа отметил, что архимандрит «был категорически против отправки детей для обучения в Россию»¹. Но не стоит думать, что архимандрита Иоасафа не затронул уровень образования автохтонного населения. Система изъятия аманатов для их обучения в России, несмотря на очевидные плюсы — в частности, обучение в русскоязычной среде эффективнее, — на практике завершалась чаще всего гибелью учащихся-автохтонов из-за резкого изменения природно-климатических условий, системы питания и отсутствия иммунитета ко многим болезням². Можем предположить, что архимандрит Иоасаф настаивал на обучении автохтонного населения в естественных условиях для сохранения их жизни. Архимандрит, выступая в Синоде, отмечал необходимость учреждения на Кадьяке учебной школы с установленной учебной программой и учителями, однако, получив одобрение Синода, план не успел реализовать.

После гибели епископа Иоасафа деятельность миссионеров пошла на спад: например, школа на Кадьяке пребывала в упадке³. А с 1802 г., когда ведение школы

¹ Alaskan Missionary Spirituality / edited by Michael Oleksa. NY., 1987. P. 11.

² Наследов В. Г. Система образования в Русской Америке // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного университета. 2015. № 1–2 (21). С. 17.

³ Из рукописи соборного иеромонаха Александро-Невской лавры о. Гедеоны // Валаамские миссионеры в Америке (в конце XVIII столетия). СПб., 1900. С. 278.

временно перешло в руки РАК, успехи школы «были ничтожны, ибо они [дети] нисколько не начав говорить по-русски, а учителя их <...> не разумея по-островитянски, не могли сообщать взаимных понятий»⁴.

Положение школьного дела изменилось с прибытием в Русскую Америку в 1805 г. первой кругосветной экспедиции. Синод, получавший свидетельства о притеснении аборигенов и миссионеров администрацией РАК, направил в составе этой экспедиции иеромонаха Александро-Невской лавры Гедеона (Федотова) с двумя задачами: изучить положение местного населения и миссионеров и возобновить миссионерскую работу. А со стороны российского правительства на Аляску был направлен Н. П. Резанов для изучения положения дел в компании, миссии и колониях в целом.

Совместными усилиями иеромонаха Гедеона как представителя Американского православной миссии и Резанова как представителя российского монарха в Русской Америке на острове Кадьяк в 1805 г. школа была преобразована в двухклассное училище. По учебной программе в первом классе изучали письмо, чтение, краткий Катехизис и правила обучения в училище. Со второго класса предполагалось изучение русской грамматики, арифметики, географии, истории Церкви и истории России. Кроме того, учащиеся изучали основы ведения хозяйства: огородничество, собирательство, рыболовство, сапожное и башмачное искусство — предметы, которыми ученики занимались вместо отдыха⁵.

Согласно письму иеромонаха Гедеона в Синод, в первый год в училище обучалось 50 учеников: 30 учащихся в первом классе и 20 учащихся во втором классе. Учеников для второго класса отбирали на основании освоенной ими ранее грамоте, и во втором классе давали более глубокие знания, как советовал Резанов: «Ежели юношество там обучено уже грамоте, дайте им истинное понятие о законе Божиим и Естественном, займитесь между тем показанием им правил Правописания, Арифметики, и положите первоначальные основания прочим наукам»⁶. Первый выпуск училища успешно сдал публичный экзамен, а отличившиеся «за прилежание, успехи в науках и благомерное поведение» были награждены⁷.

Кроме иеромонаха Германа, учителем в Кадьякском училище был назначен также иеродиакон Нектарий (Попов), самостоятельно выучивший русскую грамматику и научившийся столярному мастерству во время миссионерского служения на Кадьяке.

Российский исследователь В. Г. Наследов отмечает, что иеромонах Нектарий учил автохтонное население еще в Кадьякской школе при архимандрите Иоасафе — т. е. до 1799 г.⁸ Однако в письме иеромонаха Гедеон от 1 июня 1805 г. сообщал, что самостоятельно подготовил Нектария как учителя для училища во время своего пребывания в колониях — т. е. в 1805–1808 гг.: в свободное время от миссионерского служения «приуготовил учителем для Кадьякского училища иеродиакона Нектария, который имел великую охоту и способность к наукам, особенно к Механике. <...> Я ему показал первоначальные основания прочих наук: Арифметики, Истории и Географии...»⁹.

Впоследствии к миссионерам — отцам Нектарию (Попову), Гедеону (Федотову), Герману (мирское имя неизвестно) и Иоасафу (Евсееву) присоединились первые выпускники училища: с 1807 г. в училище преподавали автохтоны Парамон Чумовицкий, Иван Кадьякский, Христофор Прянишников, Алексей Котельников¹⁰.

⁴ *Наследов В. Г.* Система образования в Русской Америке // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного университета. 2015. № 1–2 (21). С. 16.

⁵ Из рукописи соборного иеромонаха Александро-Невской лавры... С. 241–242.

⁶ Там же. С. 254.

⁷ Там же. С. 262.

⁸ *Наследов В. Г.* Система образования в Русской Америке // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного университета. 2015. № 1–2 (21). С. 16.

⁹ Из рукописи соборного иеромонаха Александро-Невской лавры... С. 241.

¹⁰ Там же. С. 280–288.

Кадьякские миссионеры успешно развивали школьное дело в Русской Америке: в 1807 г. в училище обучалось более 100 мальчиков и девочек¹¹. Ареал получавших школьное образование автохтонного населения расширялся — так, с 1806 г. в училище обучались не только алеуты и эскимосы, но и индейцы-тлинкиты, которых направляла компания с юго-восточной части Аляски¹².

С 1807 г. миссию возглавил инок Герман, на его же попечение перешло училище. Но РАК продолжала препятствовать развитию школьного образования: компания не желала финансировать проекты миссионеров и, как следствие, численность обучающихся сокращалась. Стоит заметить, что проекты миссионеров не были такими уж крупнозатратными, РАК не понесла бы колоссальных убытков, — миссионеры даже не просили компанию прислать учителей и сами обучали коренное население богословию. В конечном итоге, в 1811 г. администрация РАК принимала в училище только детей русских промышленников и креолов, а детей-автохтон в училище более не принимали. При этом преподавателями в школе были лучшие ученики миссионеров из числа местных жителей. А в 1825 г. Кадьякское училище было переведено в столицу российских заокеанских владений — в Новоархангельск.

Стоит заметить, что конфликтные ситуации между миссионерами и Барановым сменялись активным взаимодействием сторон. В частности, в 1807 г. Баранов лично поблагодарил отца Германа за эффективность учебной деятельности Кадьякского училища и подготовку образованных кадров для Русской Америки и выделил из личных средств 500 рублей на нужды училища и еще 200 рублей школьникам, преуспевшим в науках и готовым делиться знаниями и навыками с соплеменниками¹³. В качестве другого яркого примера смягчения накала противоречий между администрацией РАК и участниками Духовной миссии можно назвать поручение от Баранова лично инок Герману в 1809 г. воспитания своих детей — сына Антипатра и дочери Ирины в Кадьякском училище.

Развитие образования в Русской Америке связано с расцветом Американской православной миссии на Северо-Американском континенте в 1820–1850-х гг., когда в Русской Америке служил святитель Иннокентий (Вениаминов).

Отец Иоанн через год после прибытия на пастырское служение на остров Уналашка, в 1825 г., основал школу, где обучались 22 мальчика, «большую часть сирот креол и алеут»¹⁴. Отец Иоанн и его брат Степан Вениаминов сами обучали туземцев письму, чтению, техническим наукам и знакомили с Катехизисом.

Главный правитель РАК П. Е. Чистяков также помог отцу Иоанну и его супруге Е. И. Вениаминовой организовать на Уналашке приют для девочек-сирот, по подобию созданного преподобным Германом на острове Еловом, и постановил выплачивать

А. А. Баранов

¹¹ Alaskan Missionary Spirituality. / edited by Michael Oleksa. P. 12.

¹² Из рукописи соборного иеромонаха Александро-Невской лавры... С. 279.

¹³ Там же. С. 269–270.

¹⁴ Донесение М. И. Муравьева в Главное правление РАК о закладке церкви на Уналашке, открытии там училища для мальчиков, должности смотрителя и учителя в котором исполняет священник И. Е. Вениаминов. № 328. 22 сентября 1825 г. // Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. М., 2005. С. 198.

Святитель Иннокентий (Вениаминов)

На Кадьяке, вместо переведенного в Новоархангельск училища, в 1842 г. силами священника Петра Литвинцева и начальника конторы И. С. Костромитинова была построена приходская школа, в которой сначала «обучалось 13 детей, а к 1850 г. число учеников возросло до 25»¹⁷.

На острове Атка священник-креол Иаков Нецветов открыл приходскую школу, которую посещали дети со всех ближайших островов. Также усилиями отца Иакова и местных жителей было построено отдельное здание для школы, дом для проживания обучающихся.

В Новоалександровском редуте, в центре расселения автохтон в Нушагаке, в 1842 г. священник Илия Петелин организовал приходскую школу для мальчиков, которую могли посещать также взрослые жители региона.

На полуострове Кенай в Николаевском редуте также была устроена приходская школа, в которой силами иеромонаха Николая (Милитова) автохтоны изучали грамоту, церковное пение и Закон Божий. Эта школа получила название «Игуменская» по содержанию образования, а выпускники школы продолжали дело настоятеля. Так, выпускник школы Василий Орлов служил в Нушагакской миссии диаконом¹⁸.

В Квихпакской миссии, самой обширной в территориальном отношении миссии, из-за отсутствия финансирования и необходимого количества миссионеров и помощников школы не было.

жалование «супруге священника Вениаминова по примеру такого же заведения на Кадьяке по 200 рублей в год»¹⁵.

На заседаниях Синода в феврале 1840 г. было принято постановление об учреждении духовного училища в Новоархангельске. Таким образом, идея российского правительства и Русской Православной Церкви о подготовке священников из числа коренных жителей для Американской миссии была претворена в жизнь.

С 1840 г., когда была учреждена Северо-Американская Православная епархия, в Русской Америке наступил этап расцвета миссионерского служения: были созданы новые миссии, успешно распространявшие Слово Христово вглубь континента, были учреждены приходские школы и подготовлены священники-миссионеры из числа местных жителей.

Дело святителя Иннокентия на Уналашке продолжил священник Григорий Головин: в школе для мальчиков на Уналашке отец Григорий преподавал Закон Божий, письмо и чтение¹⁶.

¹⁵ Предложение П. Е. Чистякова Уналашкинской конторе в связи с учреждением там дома для призрения и воспитания бедных девушек-сирот и участия в этом священника И. Е. Вениаминова и его жены. № 207. 4 июня 1830 г. // Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. С. 240.

¹⁶ Письмо И. А. Купреянова уналашкинскому священнику Г. Н. Головину выражением благодарности за заботу о местной школе. № 142. 23 апреля 1840 года. // Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. С. 387.

¹⁷ Климент (Капалин), митр. Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М., 2009. С. 179.

¹⁸ Alaskan Missionary Spirituality / edited by Michael Oleksa. P. 383.

После 1799 г. финансирование просветительских проектов миссионеров, в том числе школьного дела, ложилось на плечи РАК и Синода.

В 1818–1867-х гг. РАК в целом отличалась четкой линией поддержки уровня образованности служащих компании, креолов и автохтонного населения. В частности, компания брала на свой счет содержание училищ и школ, восполняя все нужды.

Показательным примером заботы Главного правления о просвещении является помощь П. Е. Чистякова Уналашкинской школе. Уналашкинская церковь, изначально существовавшая на средства от Синода и из частных пожертвований (в том числе от Главного правления РАК), в 1820-х гг. претерпевала финансовые трудности. Тогда П. Е. Чистяков, главный правитель компании, предложил поставить школу на содержание РАК, «дабы не разрушить столь полезное заведение и по бедности здешних жителей необходимо»¹⁹. Чистяков также составил смету учебных пособий и расходов на каждого учащегося: «Для одежды и обуви на одного мальчика в год 27 рублей 30 копеек <...> Кормовыми колониальными припасами ученики будут от Компании довольствоваться по-прежнему»²⁰.

Компания предлагала свою помощь также в случае, если желаемое обучение на Аляске не могло быть реализовано, но такая квалификация была необходимой для РАК, и брала на себя расходы за содержание и обучение в Петербурге детей служащих компании²¹.

Получив образование, креолы и автохтоны заключали контракт на работу в РАК сроком на 10 лет. Главное правление РАК признавало, что учреждение учебных заведений в колониях есть полезное дело, поскольку «дети лиц, состоящих там (в Русской Америке. — А. А.) на службе могли получить достойное образование как для занятия должностей по ведомству компании, так и для дальнейшего их существования по выезде в Россию»²². Поскольку специалистов, желающих отправиться на службу на Аляску, в России не находилось, компания самостоятельно воспитывала квалифицированные кадры.

Изменение курса политики РАК в отношении миссии связано с изменением состава Главного правления: с 1818 г. российской колонией управляли морские офицеры с отличным образованием и твердой верой, которых лично утверждал российский император. Правители российской заокеанской колонии уделяли внимание не только торгово-промышленной работе, но и положению коренного населения и креолов, а также уровню их просвещения. Закрепление российской короны на местах было возможно через формирование положительного образа Российской империи и русского человека в среде автохтонов, поэтому интересы автохтонного населения стояли на первом месте для РАК.

Синод также оказывал материальную поддержку образовательным проектам Американской православной миссии. Например, на заседаниях Святейшего Синода в январе-феврале 1840 г., согласно предложениям митрополита Московского Филарета (Дроздова), была составлена новая смета расходов на содержание православных приходов в Русской Америке, которая включала также сумму, необходимую для направления в российскую колонию и содержания при школах учителей²³. Синод также

¹⁹ Письмо П. Е. Чистякова священнику Вознесенской церкви на Уналашке П. Е. Вениаминову о содержании школы для мальчиков за счет Компании и составлении сметы расходования средств на одного ученика в год и на учебные пособия. № 204. 2 июля 1826 г. // Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. С. 201.

²⁰ Там же.

²¹ Письмо Главного правления Российско-Американской компании Главному правителю Российско-Американских колоний Чистякову П. Е. о намерении служащего Компании Бензема-на отправить своего сына в Петербург на обучение. РГА ВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 6. Л. 315.

²² Письмо Главного правления Российско-Американской компании Главному правителю Российско-Американских колоний Фуругельму И. В. об организации в колониях общеобразовательного училища. РГА ВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 22. Л. 509.

²³ Смета издержек на содержание Церкви в Российской Америке, составленная вновь по замечаниям преосв. Митрополита Московского. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 162. Л. 73–74 об.

финансировал миссионерские проекты епископа Алеутского Иннокентия: так, Кенайская миссия получала из фонда Хозяйственного Управления при Синоде ежегодное содержание в 881 рублей 42 1/3 копейки серебром²⁴.

Практические шаги построения системы образования в Русской Америке дополнялись теоретическим фундаментом, создаваемым миссионерами. Особый вклад в развитие отечественной педагогики XIX в. внес святитель Иннокентий (Вениаминов).

Педагогические взгляды владыки Иннокентия были нацелены на осуществление христианского воспитания в совокупности с общим школьным образованием — по мнению святителя, сочетание школьного образования и духовного воспитания необходимо для формирования нравственных установок в представителях подрастающего поколения²⁵.

Согласно педагогической мысли святителя Иннокентия выстраивалась духовно-просветительская работа в Русской Америке: в школах и училищах учили и наукам, и Закону Божьему, воспитывали патриотические чувства и уважение к культурному многообразию государства²⁶. Миссионерами-учителями были «твердые ревнительные люди, деятели искусные, самоотверженные»²⁷, добросердечные и образованные, личным примером наставлявшие учеников и проводившие просветительскую деятельность на языках коренных жителей.

Результаты трудов миссионеров на поприще развития образования выражались в подготовке из числа автохтонного населения квалифицированных кадров, которых РАК, заинтересованная в специалистах из числа коренных жителей, принимала на службу. Главный правитель Русской Америки Ф. П. Врангель отмечал, что «в колониях из служащих-креолов некоторые бухгалтеры и содержатели магазинов — ученики того времени (ученики Кадьякского училища, просуществовавшего до 1825 г. — А. А.)»²⁸. Ученики из числа автохтонов и креолов также становились и миссионерами, и учителями, продолжая дело своих наставников.

Трудами русских миссионеров количество образованных жителей на Аляске росло. Так, за 10-летнее служение отца Иакова Нецветова на Атке четверть населения развила грамотность: «В Атхинском приходе из 714 душ алеутов и креолов умеющих читать 190»²⁹.

Миссионеры Американской православной миссии внесли весомый вклад в формирование крепкой системы образования в Русской Америке. Показательно, что труды миссионеров сохранились и после 1867 г.: на Аляске на рубеже XIX–XX вв. действовала сеть русских православных школ, обучение в которых строилось по заветам святителя Иннокентия, т. е. проводилась линия религиозно-нравственного просвещения американского населения в духе православия.

Таким образом, Американская православная миссия способствовала развитию грамотности местного населения, формированию системы образования на Аляске и, в конечном итоге, внесла вклад в формирование русского наследия, которое сохранилось сквозь век американизации до наших дней.

²⁴ Письмо Главного правления Российско-Американской компании Главному правителю Российско-Американских колоний Розенбергу Н. Я. об отпуске средств на содержание Кенайской духовной миссии. РГА ВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 19. Л. 513.

²⁵ *Иннокентий (Вениаминов), митр.* Записка о детском воспитании // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Moskovskij/zapiska-o-detskom-vozpitanii/ (дата обращения: 10.05.2021).

²⁶ Московский сборник. М., 1896. С. 70.

²⁷ Школьное дело русской православной церкви в Аляске // *Американский Православный Вестник*. 1900. № 20. С. 402.

²⁸ Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / Сост., введ. и коммент. Ляпуновой Р. Г. и Федоровой С. Г. Л., 1979. С. 246.

²⁹ *Климент (Капалин), митр.* Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. С. 195.

Источники и литература

Источники

1. Из рукописи соборного иеромонаха Александро-Невской лавры о. Гедеона // Валаамские миссионеры в Америке (в конце XVIII столетия). СПб., 1900. С. 195–289.
2. Иннокентий (Вениаминов). Записка о детском воспитании. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Moskovskij/zapiska-o-detskom-vozpitanii/ (дата обращения: 10.05.2021).
3. Московский сборник. М., 1896. 314 с.
4. Смета издержек на содержание Церкви в Российской Америке, составленная вновь по замечаниям преосв. Митрополита Московского. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 162. Л. 73–74 об.
5. Письмо Главного правления Российско-Американской компании Главному правителю Российско-Американских колоний Чистякову П. Е. о намерении служащего Компании Бенземана отправить своего сына в Петербург на обучение. РГА ВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 6. Л. 315.
6. Письмо Главного правления Российско-Американской компании Главному правителю Российско-Американских колоний Розенбергу Н. Я. об отпуске средств на содержание Кенайской духовной миссии. РГА ВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 19. Л. 513–514.
7. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841: сборник документов / [Рос. АН, Отд-ние историко-филологических наук, Федер. архив. агентство, Рос. гос. архив ВМФ; Сост.: Т. С. Федорова, Л. И. Спиридонова; Редкол.: Н. Н. Болховитинов (отв. ред.) и др.]. М., 2005. 456 с.
8. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / Составление, введение и комментарий Ляпуновой Р. Г. и Федоровой С. Г. Л., 1979. 280 с.
9. Письмо Главного правления Российско-Американской компании Главному правителю Российско-Американских колоний Фуругельму И. В. об организации в колониях общеобразовательного училища. РГА ВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 22. Л. 509–517.

Литература

10. *Климент (Капалин), митр.* Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М., 2009. 605 с.
11. *Наследов В. Г.* Система образования в Русской Америке // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного университета. 2015. № 1–2 (21). С. 16–18.
12. Школьное дело русской православной церкви в Аляске // Американский Православный Вестник. 1900. № 20. С. 398–409.
13. *Alaskan Missionary Spirituality / edited by Michael Oleksa.* NY., 1987. 406 p.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Иеродиакон Александр (Дерягин)

**Пастырские труды духовенства Владивостокской епархии
в сфере народного просвещения
в конце XIX — начале XX вв.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_26

Аннотация: В статье предпринимается попытка проанализировать историю развития церковно-общественной жизни Владивостокской епархии в конце XIX — начале XX вв. Автор рассматривает церковно-общественную жизнь юга Приморской области, исследуя деятельность духовенства в сфере народного просвещения. В статье обнаруживается отношение крестьянского населения к школьному образованию. Определяется влияние пастырской деятельности священнослужителей на жизнь дальневосточных переселенцев. Приводятся статистические сведения о церковных школах Владивостокской епархии. Внимание уделяется деятельности школьных обществ трезвости, миссий которых было преодоление пьянства в подростковой среде. Отмечается работа священнослужителей по насаждению сельскохозяйственной грамотности среди населения и учащихся церковных школ. Автор аргументированно доказывает, что духовенство Владивостокской епархии в указанный период времени внесло существенный вклад в дело народного просвещения и укрепления нравственности в обществе.

Ключевые слова: церковная история, Дальний Восток, Владивостокская епархия, Русская Православная Церковь, православное духовенство, архиепископ Евсевий (Никольский), народное просвещение, церковная школа, приходская деятельность, общество трезвости, церковно-общественная жизнь.

Об авторе: **Иеродиакон Александр (Дерягин Николай Михайлович)**

Магистр богословия, соискатель Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: nderyagin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7094-9527>

Ссылка на статью: Александр (Дерягин), иеродиак. Пастырские труды духовенства Владивостокской епархии в сфере народного просвещения в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 26–39.

* Фотографии взяты из открытых источников и предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Hierodeacon Alexander (Deriagin)

**Vladivostok Diocese Pastoral Work in Public Education
at the end of the 19th – early 20th Centuries**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_26

Abstract: The article makes an attempt to analyze the history of the development of ecclesiastical and public life in the Vladivostok diocese in the late 19th – early 20th centuries. The author examines church and social life in the south of the Primorsky region, examining the activities of the clergy in the field of public education. The article reveals the attitude of the peasant population to school education. The influence of the pastoral activity of clergymen on the life of the Far Eastern migrants is determined. Provides statistical information about the church schools of the Vladivostok Diocese. Attention is paid to the activities of school sobriety societies, whose mission was to overcome drunkenness in adolescents. The work of clergymen to promote agricultural literacy among the population and students of church schools is noted. The author reasonably proves that the clergy of the Vladivostok Diocese in the indicated period of time made a significant contribution to the cause of public education and the strengthening of morality in society.

Keywords: church history, the Far East, the Vladivostok Diocese, Russian Orthodox Church, Orthodox clergy, Archbishop Eusebius (Nikolsky), public education, church school, parish activities, sobriety society, church and social life.

About the author: **Hierodeacon Alexander (Deryagin Nikolay Mikhaylovich)**

Master of Theology, Graduate Student at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: nderyagin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7094-9527>

Article link: Alexander (Deryagin), hierodeacon. Vladivostok Diocese Pastoral Work in Public Education at the end of the 19th – early 20th Centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 26–39.

* Photos are taken from open sources and provided by the author.

Исследование пастырской деятельности православного духовенства Владивостокской епархии в конце XIX — начале XX вв. в сфере народного просвещения необходимо для лучшего понимания роли приходов Русской Православной Церкви как духовно-просветительских образовательных центров в реалиях современной церковно-общественной жизни. Изучение работы священников по укреплению нравственных начал в обществе и подъему уровня общей и религиозной грамотности представляется важным и актуальным, т.к. данная сфера является в пастырской работе первостепенной.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., только 38,66% мужчин и 5,74% женщин крестьянского населения Приморской области были грамотными¹. Медленное развитие образования объясняется отсутствием традиций просвещения. В получении своими детьми школьного образования крестьяне чаще всего видели для себя лишь дополнительную статью расходов. В отчете военного губернатора за 1890 г. отмечается факт, что «русское крестьянское население к делу обучения своих детей относится с полным равнодушием, если не с неохотой»². Через десять лет отношение к просвещению практически не меняется — генерал-губернатор Н. И. Гродеков докладывал, что крестьянин, «находясь в постоянных заботах об устройстве своей материальной жизни на далекой окраине, он на школу смотрит как на обузу, отнимающую у него не только помощника-ребенка, но и требующую материальных затрат»³. Известны случаи, когда крестьянский начальник вместе со священником приезжал в село, чтобы предложить сельскому сходу возбудить ходатайство о постройке нового здания для школы, в ответ слышали: «Нам и эта хороша, все равно за одиннадцать лет никто еще ни читать, ни писать не выучился»⁴.

В период с 1894 по 1904 гг. на территории Приморья было выстроено 24 церкви с школами при них⁵. В 1906–1907 учебном году количество школ начального образования в целом возросло до 155, включая 95 церковно-приходских, 43 Министерства народного просвещения и 17 казачьих школ⁶. Несмотря на то, что церковно-приходских школ было вдвое больше, количество учеников в них было практически одинаковым. В этом году в церковно-приходских школах обучалось 3525 детей, в министерских — 3453, в казачьих — 749⁷. Школы Министерства народного просвещения располагались главным образом в многолюдных крупных населенных пунктах и были переполнены учениками, а школы церковные открывались даже в самых малолюдных селениях, поэтому обслуживали гораздо меньшее количество населения, чем министерские⁸.

В отчете генерала Гродекова за 1898–1900 гг. сообщается, что представители интеллигентного класса, хотя и осознавая важность традиционного нравственного воспитания своих детей, которое дается в семье, нередко находились в затруднительном положении при выборе специальности для своего ребенка. Родители обнаруживали, что в их распоряжении на выбор имеется всего только лишь одно-два учебных заведения. Поэтому они оказывались вынуждены или давать детям образование не такое, какое они бы хотели, или отправлять их на обучение в другие города и нередко в далекие страны, расставаясь со своими детьми на долгое время. Владивостокская интеллигенция отдавала своих детей в заграничные пансионы Китая и Японии, которые

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Приморская область. Тетрадь 3. СПб., 1905. С. 12.

² Обзор Приморской области за 1890 год. Владивосток, 1891. С. 30.

³ Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова за 1898–1900 годы. Хабаровск, 1901. С. 28.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 233. Л. 79 об.

⁵ Усова Н. А. Роль просвещения, учителей в освоении и развитии Дальнего Востока в кон. XIX — нач. XX вв. Владивосток, 1993. С. 214.

⁶ Отчет Епархиального Наблюдателя церковных школ Владивостокской епархии за 1906–1907 уч. г. // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. № 19. С. 463.

⁷ Там же. С. 466.

⁸ Там же.

содержали в основном иностранные миссионеры. В 1899 г. при католических миссиях воспитывались, таким образом, свыше 40 русских детей. Получалось так, что, «отдавая своих детей туда, родители волей-неволей, иногда даже не сознавая того, ставят их в такие условия воспитания, при которых из них выходят будущие граждане или без всяких религиозных основ, или совершенно чуждые понятиям о своей родной вере и родном языке и вообще традиций, на которых зиждется мощь русского народа»⁹.

На рубеже веков государственные власти, сознавая всю важность народного просвещения, видя в нем «залог будущности» страны¹⁰, все же в большей степени были заняты проблемами административного управления, проектами укрепления военно-оборонного сектора, налаживанием железнодорожного сообщения с центром России. Нередко начальные школы открывались спустя десятилетия после основания поселения. Решение проблемы образования своих детей было предоставлено самим крестьянам. Сельские общества самостоятельно строили школы или снимали помещения для проведения школьных занятий, искали и за свои средства нанимали преподавателей. Часто инициаторами появления школы выступали сами учителя и священники.

В ряде церковных округов Владивостокской епархии отцы благочинные отмечали низкий уровень религиозной грамотности. Духовные понятия у населения этих благочиний сводились «в большинстве случаев к поверхностному знанию “Отче наш” и других начальных молитв; Символ веры многими читается механически, но с грубыми искажениями в роде таких, например: “Распятого Жезаны Припантийся Палате” (“Распятого же за ны при Пантийстем Пилате”»)¹¹.

В других церковных округах и, можно сказать, в целом по епархии ситуация с религиозным образованием прихожан находилась на удовлетворительном уровне. Благочинный второго округа епархии священник Елевогрий Суражкевич докладывает, что «почти все прихожане знают первоначальные молитвы как то: молитву Господню, Святому Духу, Символ веры, песнь Богородицы и молитву за Царя. Означенные молитвы родители изустно передают своим детям. Само собой разумеется, что грамотные христиане и дети, посещающие школу, имеют сведения об истинах веры более обширные»¹².

Таким образом, в разных районах Приморья ситуация с уровнем образования и религиозной грамотности отличалась. Где-то от священника требовалось больше усилий моральных и физических, а также соответствующая образовательная подготовка для пастырского служения. Поэтому за богослужением в храмах священниками произносились проповеди, «принаровленные к умственному и нравственному состоянию прихожан»¹³.

Несмотря на то, что многие священники Владивостокской епархии не имели семинарского образования, этот недостаток отчасти восполнялся ими посредством чтения духовной и богословской литературы, периодических журналов и научных книг, например, по ведению сельского хозяйства, чтобы заботиться не только о душах своих прихожан, но и помогать бытовыми советами¹⁴.

Генерал-губернатор Гродеков в своем отчете за 1898–1900 гг. писал, что «необходимость поднятия нравственного и умственного уровня духовенства требует предоставления в распоряжение епархиальных начальств края возможно больших средств к духовно-образовательному развитию лиц, посвящающих себя служению Церкви Христовой»¹⁵. Гродеков добавлял, что «необходимым является также открытие в г. Вла-

⁹ Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова за 1898–1900 годы. Хабаровск, 1901. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 24.

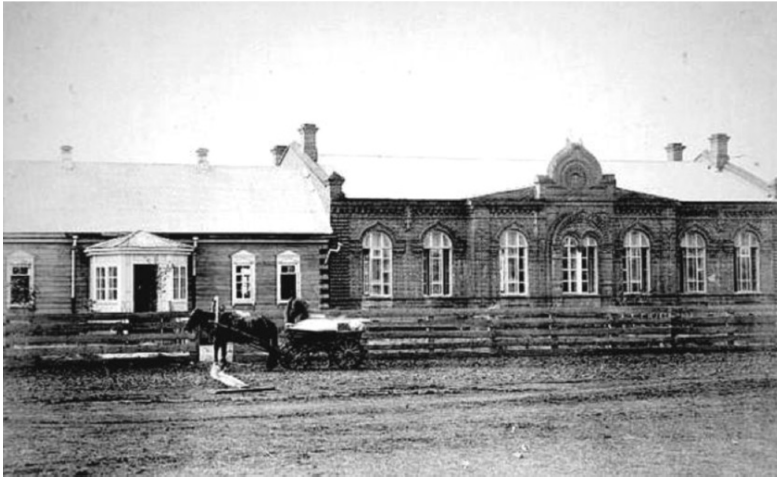
¹¹ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 135. Л. 15.

¹² РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 105. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 12.

¹⁴ Там же. Л. 11 об.

¹⁵ Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова за 1898–1900 годы. Хабаровск, 1901. С. 22.

Никольская сельская школа

дивостоке духовных семинарии и училища»¹⁶, для того, чтобы «снабжать свои церковные приходы соответственными священнослужителями, а церковно-приходские школы — надлежаще подготовленными учителями»¹⁷. Однако духовной семинарии в Приморье так и не появилось, а поскольку средние духовные учебные заведения в епархии отсутствовали, священнослужители были вынуждены отдавать своих детей в светские учебные заведения: реальные училища, женские прогимназии, ремесленные училища и т. д.¹⁸

Первая в Южно-Уссурийском крае сельская школа была выстроена в селе Никольском по личной инициативе и трудами окружного исправника П. А. Занадворова только в 1884 г.¹⁹ Школа расположилась в центре села рядом с храмом. В день открытия школы был совершен благодарственный молебен. Первые годы существования школы, как отмечал инспектор Владивостокской мужской прогимназии Г. Л. Мазинг, священник Свято-Никольского храма Петр Певцов существенного интереса к школе не проявлял и в делах ее не участвовал²⁰. Можно полагать, что это было связано с большой территорией пастырской ответственности священника, ведь духовенства в то время не хватало критически.

В течение первого десятилетия своего существования школа властями не поддерживалась, а существовала исключительно на средства самих крестьян. Несколько раз в школе менялся преподаватель. Нередко учителю в одиночку приходилось заниматься обучением сразу порядка сотни учеников. Учебной литературы в школе не хватало, отсутствовала библиотека, школьники занимались каждый по тем учебникам, которые удавалось найти их родителям. Учебный процесс усложнялся еще и тем, что многие крестьяне, проучив своих детей в школе одну зиму, обучение оставляли. Когда же по прошествии нескольких зим дети забывали элементарную грамоту, их вновь приводили на начальное школьное отделение, которое вследствие этого было постоянно переполнено²¹.

В 1884 г. к Свято-Никольской церкви был назначен священник Павел Саввич Мичурин. Совмещаая должности благочинного, наблюдателя церковных школ, военного

¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 135. Л. 14.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 967. Л. 6–7.

²⁰ Там же. Л. 7–7 об.

²¹ *Лынина О. Б. История образования в Никольске-Уссурийском. 1882–1922 гг. Владивосток, 2017. С. 15.*

священника и священника-миссионера, он преподавал в церковной школе Закон Божий. По школьной программе ученики изучали Священную Библейскую историю Ветхого и Нового Завета, Символ веры, заповеди христианской нравственности, молитвы с объяснением их смысла и значения²².

Назначенный с 1892 г. епархиальным наблюдателем церковно-приходских школ священник Павел Мичурин инициировал сбор средств для постройки нового каменного школьного здания, так как прежнее здание школы уже не удовлетворяло потребностям сельчан, требовало ремонта и не вмещало всех желающих обучаться. На этот раз в строительстве школы участвовали уже в большей степени состоятельные Владивостокские предприниматели. 5 августа 1896 г. епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский Макарий (Дарский)²³ совершил освящение места под строительство новой школы рядом со старой. Школа была выстроена за один год²⁴.

В 90-х гг. XIX в. начинается государственное финансирование образовательной сферы и постепенно в отдаленных рядовых поселениях области появляются школы. Можно предположить, что до этого момента правительственные чиновники считали, что крестьяне сами должны были заботиться о создании для своих детей учебных заведений, покупать учебники и школьные принадлежности, искать квалифицированных педагогов. Но время показало, что без государственной поддержки народного просвещения дело будет идти крайне медленно. Так, ситуация начала меняться и на школы начинают выделяться ассигнования, размер которых, однако, все равно не удовлетворял потребностям жителей далекой окраины. Проблемы с финансированием школьного образования оставались и спустя десятилетия. Люди в Приморскую область прибывали, появлялись и росли стремительно новые поселения. Требовалось все больше священников, преподавателей, школ, церквей, но средств не хватало. Имеющиеся школы были переполнены. Желаящим учиться часто отказывали из-за недостаточного количества мест.

В годовом епархиальном отчете за 1916 г. архиепископ Приморский и Владивостокский Евсевий (Никольский)²⁵ писал: «С должным вниманием и усердием духовенство епархии относилось к обязанности по преподаванию Закона Божия в приходских школах как в церковных, так и в министерских, несмотря на то, что труд этот оплачивается весьма скудно, а требует от духовенства много времени, так как за немногими исключениями на долю приходского сельского священника приходится по две или даже по три школы, расположенные при том большей частью в разных пунктах, иногда более десяти верст от места жительства священника»²⁶.

Кроме осуществления своей основной деятельности, священники занимались образованием обществ трезвости, разрабатывали и печатали в больших количествах антиалкогольные листовки для раздачи населению, организовывали лекции и народные чтения, посвященные вреду алкоголя и многим другим темам, связанным с трезвостью. Народные чтения, задачей которых было благотворно влиять на души людей и способствовать развитию грамотности, несмотря на многие усилия священников и учителей, посещались не так активно, как бы того хотелось. При церковных школах организовывались учительские и ученические библиотеки, где собиралась, насколько это было возможно и позволяли средства, доступная литература и учебники. Иногда школы выписывали для библиотек периодические издания.

²² Там же. С. 14.

²³ См.: *Евфимий (Моисеев), иг.* Забытый святитель-миссионер: жизнь и труды епископа Камчатского, Курильского и Благовещенского Макария (Дарского) (1842–1897) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2 (7). С. 13–21.

²⁴ *Лыниша О. Б.* История образования в Никольске-Уссурийском... С. 17.

²⁵ Владыка Евсевий был сторонником активной миссионерской деятельности. См.: *Карпук Д. А.* Обстоятельства созыва Миссионерского съезда в Иркутске в 1910 г. и рассмотрение на нем вопросов о российских заграничных духовных миссиях // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2 (7). С. 46.

²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2749. Л. 21 об. — 22.

Благочинный четвертого церковного округа священник Григорий Георгиевич Ваулин, совмещавший многочисленные епархиальные послушания, одновременно находящийся на должности уездного наблюдателя церковных школ Никольско-Уссурийского отделения Владивостокского епархиального училищного совета, председателя Осиновского общества трезвости, а также законоучителя и заведующего несколькими церковно-приходскими школами, законоучителя двухклассного училища Министерства народного просвещения, для учеников церковных школ устраивал открытые экзамены, которые могли посетить и действительно посещали все желающие.

В епархиальных ведомостях в 1903 г. отец Григорий публиковал свои мысли о том, каким образом такие мероприятия могут привить интерес крестьян к народному просвещению. В своей статье священник написал про одну из своих поездок по деревням своего прихода, когда получилось так, что вместе с проведением школьного

Учащиеся церковной школы села Осиновка во время паломничества в Шмаковский Свято-Троицкий Николаевский мужской монастырь

экзамена в Даниловке он должен был отслужить общественный молебен перед выгоном скота и лошадей на пастбища. На площади около школы в тот день собрались почти все жители деревни. По окончании молебна и благословения пастбищ священник вместе с учениками и учителем крестным ходом направились в здание школы. Дальше «в присутствии народа были произведены переводные испытания учащихся. Ученики бойко и осмысленно отвечали по Закону Божию, арифметике и русскому языку. На лицах тех родителей, дети коих хорошо отвечали удаивались похвалы, видно было выражение большого удовольствия. При решении устных арифметических задач учениками, мужики и бабы, по своей, конечно, неразвитости, не могли понять, как это их дети могут угадывать чужие мысли, особенно поразило их решение в детской группе следующей задачи: «Я задумал одно число, которое увеличил в пять раз, и когда к полученному числу прибавил 1, то у меня получилось 16. Кто может угадать, сколько я задумал?». Ученики быстро ответили: «Вы задумали 3». В толпе народа пошел шепот, началось переглядывание, некоторые в полголоса передавали другим: «Як оно так, что ученики умеют угадывать батюшкины думки?»»²⁷.

После экзамена священник давал ученикам духовные наставления на летние каникулы, чтобы любое доброе дело дети начинали с молитвы и заканчивали благодарением Богу, чтобы вели себя к родителям и старшим с почтением, и чтобы пребывали в абсолютной трезвости²⁸.

Священники епархии церковному начальству докладывали, что с самого раннего возраста «все подростки пьют водку на свадьбах, крестинах, похоронах и других семейных событиях в большинстве случаев по приглашению и даже настоянию старших и родителей»²⁹. Однако за время существования Осиновского школьного общества трезвости никто из учащихся, состоящих в обществе, водки не пил. Отец Григорий писал, что «многие из родителей, зная, что сын или дочь их состоит

²⁷ Ваулин Г., священник. Мерцание звездочек-школ // Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. № 12. С. 274.

²⁸ Там же. С. 274–275.

²⁹ Там же. С. 275.

в обществе трезвости, не предлагали водки, говоря: “ну, ты в трезвом обществе”, а меньшим и большим братьям и сестрам трезвенников-учеников родители предлагают и те пьют»³⁰.

Осиновское общество трезвости в селе Осиновка было образовано в 1900 г. Одновременно с организацией общества его председатель, священник Григорий Ваулин, задумал организовать при обществе женскую школу-читальню. Этой идее удалось осуществиться только после войны, с большими, однако, трудностями. Даже в таком добром деле нашлись свои противники. Осиновское сельское общество не оказало священнику никакой помощи и без всякого сочувствия, даже с враждебностью отнеслось к строительству новой школы. «Когда приступлено было к закладке фундамента, крестьяне толпой собрались на церковную площадь и силой хотели воспрепятствовать постройке, угрожая разбросать камни и бревна»³¹.

При заготовке материалов для строительства школы осиновцы снова проявили свое несочувствие, когда отказались вывезти подготовленный для стройки пиломатериал. Камень, находящийся на незначительном расстоянии — всего в четырех верстах от Осиновки — осиновцы доставили по 20 руб. за куб, что было для того времени очень дорого. Когда на станцию Ипполитовка пришла известь, отец Григорий был вынужден «собственноручно, глотая известковую пыль, разгружать вагон. Ему же пришлось на своей лошади с помощью подростка-сынишки возить песок и воду для фундамента и печей»³².

Когда отец Григорий, «разболевшись от душевных потрясений»³³, ненадолго уехал в Никольск-Уссурийский поправить здоровье, учитель Осиновской министерской школы Я. П. Шабельников «взял на себя одного хлопоты по постройке, при чем на него обрушилась вся тяжесть нападков со стороны крестьян. Бывали даже случайные приговоры об удалении из Осиновки того и другого»³⁴.

26 сентября 1906 г. в селе Осиновке состоялась открытие и освящение женской школы-читальни, названной в честь генерала-от-инфантерии Н. И. Гродекова³⁵, который был главным попечителем Осиновского общества трезвости и первым благотворителем школы-читальни. В открытую совместными усилиями высокого покровителя и тружеников-исполнителей «записалось свыше 75 девочек, при чем некоторые родители, стыдясь явиться лично, посылали девочек записываться одних»³⁶. Священник Владимир Давыдов, автор статьи о женской школе Осиновского общества трезвости во «Владивостокских епархиальных ведомостях», отмечал важное значение школы: «Этим девочкам предстоит высокая задача в будущем: они призываются в положении жен и матерей облагораживать грубую, темную, пьяную деревенскую среду и воспитывать своим женским влиянием поколение нравственно-здоровых, трезвых людей на благо родной земле»³⁷.

Другим ярким примером пастырской деятельности священнослужителей епархии является история строительства во Владивостоке Первореченской Петропавловской церкви-школы. В 1910 г. «Владивостокские епархиальные ведомости» сообщали, что в самом городе Владивостоке, население которого на тот год составляло 30–40 тысяч человек, кроме военного гарнизона, находятся три приходских храма, а также несколько домовых и военных церквей³⁸. Владивосток увеличивался, и вопрос

³⁰ Там же. С. 276.

³¹ Давыдов В., свящ. Освящение Осиновской школы-читальни // Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. № 20. С. 445.

³² Там же. С. 445.

³³ Там же. С. 446.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 443.

³⁶ Там же. С. 446.

³⁷ Там же. С. 448.

³⁸ Давыдов В., свящ. Из церковной жизни гор. Владивостока // Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. № 16. С. 574.

Матросская слободка

постройки новых церквей и воспитания будущих пастырей стоял остро. В кафедральном городе было всего семь священников, поэтому многие районы не имели ни церкви, ни пастырского окормления. Дело храмового строительства ждало частной инициативы.

Одним из проблемных районов, нуждавшихся в возведении церкви, была Матросская слободка — район «самый заброшенный в духовном отношении, население, благодаря соседству порта, самое “прогрессивное” и распропагандированное»³⁹. В слободку требовался пастырь «сильный словом и делом, человек начитанный и, главное, с твердыми и трезвыми взглядами и строго церковными убеждениями, человек, который сумел бы заставить полюбить себя и церковь и тем возвратил бы тысячи почти оторванных овец Христова стада в ограду церкви»⁴⁰.

С инициативой постройки храма в Матросской слободке выступил протоиерей Успенского кафедрального собора Стефан Владимирович Нежинцев. Несмотря на известную дороговизну и другие трудности, у администрации города и крепости им был лично исходатайствован почти гектар земли на центральной возвышенности Владивостока под строительство храма, церковной школы и домов причта⁴¹. Прежде чем приступить к строительным работам на полученной земле, отец Стефан арендовал помещение и организовал церковную школу. К 1 октября 1907 г. в арендованном помещении была открыта первая в Первореченском районе Владивостока двухклассная церковно-приходская школа. Примечательно, что жители Первой речки поддержали идею открытия школы именно церковной. Так как население здесь состояло в большей степени из запасных нижних чинов Маньчжурской армии, неофициально школа получила название «Имени всех запасных нижних чинов». Заслуга в этом принадлежит протоиерею Стефану Нежинцеву, который привлекал разных благодетелей, помогавших приобретать учебную литературу для школьников и покупать мебель для классных помещений, а также помогали отапливать и освещать арендованное помещение, «битком набитое детворой»⁴².

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 575.

⁴² Давыдов В., свящ. Из церковной жизни гор. Владивостока // Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. № 17. С. 598.

После получения земельного участка отец Стефан приступил к расчистке строительной площадки и организовал сбор средств на постройку будущего большого храма и каменной школы. За два года протодиакону удалось собрать сумму в размере около 29 тысяч руб. наличными и почти 20 тысяч руб. подписными листами, которых было заготовлено в количестве 136.684 листов. В ответ на свои подписные листы отец Стефан нередко получал не деньги, а замечания и обвинения в несанкционированном массовом обращении к разным лицам, которые могли быть дозволены только Высочайшим разрешением.

С 1 мая 1908 г. отец Стефан приступил к постройке причтового дома, предназначавшегося для временного использования под церковную школу, и временного храма при нем. В здании получилось 12 комнат, четыре из которых были временно приспособлены под классные занятия, а в трех была устроена квартира настоятеля⁴³. В 1908–1909 учебном году школа состояла из пяти отделений, на которых обучалось 176 учащихся⁴⁴.

Постоянно находясь среди детей, всю свою жизнь и время посвящая церковно-приходской школе, протодиакон Стефан Нежинцев не получал жалованья ни как директор школы, ни как законоучитель, ни даже как штатный клирик. Кроме уроков по Закону Божию отец Стефан также бесплатно занимался со школьниками пением⁴⁵.

Церковь-школа, с двумя примыкавшими классами вмещавшая до 600 человек, часто была полна людьми. В своем храме отец Стефан первым в городе ввел пение акафистов, которое совершалось дважды в неделю. За богослужением практиковалось общенародное пение основных молитв — Символа веры, «Отче наш» и других. На клиросе читали и пели на гласы сами учащиеся школы под руководством отца Стефана⁴⁶. Также усилиями протодиакона был собран Первоуреченский народный хор, который состоял в разное время не менее, чем из 70 певцов⁴⁷.

С 1 сентября 1908 г. учебное заведение стало получать государственные ассигнования — 1.200 руб. в год для содержания четырех учителей и 600 руб. в год от городского самоуправления. Учитывая, что в школе отца Стефана обучалось почти 200 человек, сумма эта была весьма скромной. Для сравнения: в это же время соборной школе для содержания только двоих учащихся отпускалось 1.000 руб.⁴⁸

14 декабря 1908 г. состоялось освящение церкви-школы святых апостолов Петра и Павла. После торжественного чина освящения была отслужена Божественная литургия в новом храме, за которой протодиакон Стефан Нежинцев был рукоположен в сан священника и поставлен настоятелем новообразованного прихода, «с обеспечением причта пока на местные средства»⁴⁹.

В феврале 1909 г. на приходе было образовано попечительство по призрению бедных, при котором была открыта первая в городе библиотека-читальня. Это учреждение стало называться Гоголевским, потому что в этот год отмечалось столетие со дня рождения Николая Васильевича Гоголя. По ходатайству отца Стефана на Первой Речке было открыто почтовое отделение, которого очень сильно не хватало местному населению⁵⁰.

⁴³ Там же. С. 600.

⁴⁴ Там же. С. 598.

⁴⁵ Там же. С. 600.

⁴⁶ В отчете за 1916 г. архиепископ Евсевий констатирует факт, что «неграмотного населения в деревнях становится все меньше и меньше». Поэтому и знание прихожанами главных истин веры и основных молитв можно оценивать как удовлетворительное. Запоминанию неграмотными людьми молитв в свою очередь способствовало введенное в некоторых храмах общенародное пение. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2749. Л. 26.

⁴⁷ Мизь Н. Г. С Богом в сердце. Владивосток, 1998. С. 13.

⁴⁸ Давыдов В., свящ. Из церковной жизни гор. Владивостока // Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. № 17. С. 598.

⁴⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2259. Л. 9.

⁵⁰ Давыдов В., свящ. Из церковной жизни гор. Владивостока... С. 601.

Весной 1909 г. воспитанниками церковно-приходской школы и добровольцами с разрешения администрации города и крепости было посажено 2.000 деревьев, а с наступлением осени еще 2.000 деревьев и 500 корней различных кустарников⁵¹. Новый парк получил неофициальное название «Парк Императора Александра II-го».

У отца Стефана были и свои недоброжелатели. Однажды утром, придя в парк, он обнаружил, что за одну ночь все молодые деревья, посаженные не так давно, были подчистую вырублены варварским способом какими-то злоумышленниками. Однако отец Стефан не пал духом и вместе со своими помощниками за три дня восстановили Александровский парк⁵².

Задуманный отцом Стефаном будущий каменный Петропавловский храм, на строительство которого был открыт новый сбор средств, по проектной стоимости выходил не менее 140.000 руб. На поиск такой внушительной суммы требовалось неопределенное время, но начало было положено. В епархиальных ведомостях тогда писали так: «Возможно, отец Стефан ошибется в своих расчетах и им не будет изыскано средств на построение постоянного храма и каменной школы, но, во всяком случае, эта ошибка будет не преднамеренная: им делается и, судя по его настойчивости и неутомному нраву, несомненно, будет и впредь делаться все возможное, чтобы осуществлены были им же самим все его широкие планы и намерения. Сам он до последнего времени не теряет надежды, что все это так и будет»⁵³.

С началом аграрной реформы появилась необходимость в получении знаний по садоводству и огородничеству, в совершенствовании земледельческих технологий и инструментов. При этом на всей территории Южно-Уссурийского края имелось всего «одно лишь опытное поле, переведенное туда из Хабаровска»⁵⁴. Нередко встречались такие переселенцы, которые не были обучены и подготовлены к самостоятельной хозяйственной деятельности в условиях Дальневосточного климата⁵⁵.

На епархиальном уровне подготовкой программы развития среди крестьян сельскохозяйственной грамотности занимались училищные советы. 22 апреля 1909 г. Училищным советом при Св. Синоде по епархиям был отправлен циркуляр, который поручал училищным советам на местах «приступить к разработке главных оснований и программ преподавания сельского хозяйства в начальных церковных школах»⁵⁶. Готовясь ходатайствовать о выделении для этого дела специальных средств, Училищный совет срочно запрашивал у епархиальных училищных советов сведения о школах, в которых могли бы быть устроены для учеников курсы по садоводству, огородничеству, пчеловодству и другим отраслям хозяйства⁵⁷.

16 июля 1909 г. председатель Никольск-Уссурийского отделения Владивостокского епархиального училищного совета священник Григорий Ваулин предоставил в консисторию список школ, в которых желательно ввести преподавание сельского хозяйства»⁵⁸. Количество школ по списку — 21. При школах находились земельные участки под огороды размерами от 200 квадратных саженей до 2 десятин. Без участка в списке была одна школа — Никольск-Уссурийская соборная школа. По предложению

⁵¹ Там же. С. 601.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 602.

⁵⁴ Холодов Н. Уссурийский край. СПб., 1908. С. 71–72.

⁵⁵ Отметим, что в условиях уменьшения пожертвований за исполнение церковных треб и сокращения пособий не только в сельских, но и в городских приходах, земельный надел для причтов Владивостокской епархии служил большим подспорьем в их материальном обеспечении. Архиепископ Евсевий всемерно заботился о том, чтобы для всех открывающихся новых приходов сразу бы отводилась земельных участков. Наиболее вероятной причиной сокращения сборов за требоисполнение, в особенности в городских приходах, архиепископ Евсевий видит в первую очередь всеобщее охлаждение к Церкви и духовенству, которое он называет «болезнью века». См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2259. Л. 39–40.

⁵⁶ РГИА ДВ. Ф. 163 Оп. 1. Д. 177. Л. 1.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. Л. 19–20.

отца Григория, за неимением собственного земельного участка при соборной школе планировалось начать занятия по садоводству в городском питомнике⁵⁹.

В августе 1909 г. Владивостокский епархиальный наблюдатель церковных школ Сергей Фатуев в своем рапорте Училищному совету выступил с предложением организовать при начальных школах сельскохозяйственные отделения, а также передвижные курсы по разным отраслям сельского хозяйства⁶⁰. Фатуев представил на обсуждение Совета программу упрощенной сельскохозяйственной школы с разъяснениями особенностей ее внутренней и внешней организации⁶¹.

19 марта 1911 г. архиепископ Евсевий охотно разрешил участие учителей церковных школ епархии в сельскохозяйственных курсах, устраиваемых Областным Агрономическим совещанием. Курсы предлагались слушателям продолжительностью в три недели. К открытию планировались в Никольск-Уссурийске в ближайших июле или августе, «когда учащие бывают свободны от занятий в школах»⁶². Расходы на поездку слушателей к месту проведения курсов в обе стороны, а также на питание во время пребывания на курсах должны были оплачиваться за счет средств Областного агрономического совещания⁶³. Кроме того, совещание предоставляло возможность преподавателям участвовать «на специальных курсах, устраиваемых при учреждениях Главного управления землеустройства и земледелия»⁶⁴. Количество слушателей от учителей было поручено выяснить наблюдателю и войти в соглашение с агрономическим совещанием⁶⁵.

Открытие курсов состоялось 1 июня 1911 г. в Никольске-Уссурийском. На курсах читались лекции и проводились практические уроки по земледелию, по садоводству и огородничеству, пчеловодству, рассказывалось о почве и растениях, о скотоводстве, об анатомии и физиологии млекопитающих.

Некоторые представители духовенства епархии состояли в сельскохозяйственных обществах и принимали активное участие в их деятельности. 31 октября 1913 г. газета «Дальний Восток» опубликовала статью священника церкви-школы «Памяти убиенных воинов» во Владивостоке Николая Диаталовича «Скотоводство и овцеводство в нашем крае», в которой он делился практическими советами исходя из собственного опыта⁶⁶.

Таким образом, процесс освоения территории юга Приморской области в конце XIX — начале XX вв. сопровождался довольно быстрым появлением новых населенных пунктов, образованием сельских обществ. Священнослужители Владивостокской епархии участвовали в общественной жизни края, внося значительный вклад в развитие народного просвещения, поскольку в то время переселенцы зачастую сталкивались с проблемой получения образования для себя и своих детей. Приходы епархии, оказавшись в авангарде народного просвещения, являлись центрами церковно-общественной жизни.

Изложенным в настоящей статье обозначенная тема не исчерпывается. Приведены лишь несколько ярких примеров деятельности Приморского духовенства в сфере образования и нравственного воспитания. Однако в качестве заключения уже сейчас можно выделить ряд проблем, которые влияли на церковно-общественную жизнь Приморской области. К таким проблемам относятся: 1) недостаточное количество школ и квалифицированных преподавателей в период активного заселения края переселенцами; 2) недостаток православных пастырей и большая территория

⁵⁹ Там же. Л. 20.

⁶⁰ Там же. Л. 30.

⁶¹ Там же. Л. 40.

⁶² Там же. Л. 44–44 об.

⁶³ Там же. Л. 44 об.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Л. 45–45 об.

⁶⁶ Диаталович Н., свящ. Скотоводство и овцеводство в нашем крае // Дальний Восток. 1913. 31 октября. С. 6.

их пастырской ответственности, вследствие чего — отсутствие у священников времени и сил на развитие церковно-школьного дела; 3) отсутствие интереса у многих крестьян повышать свою грамотность и обучать своих детей, что в некоторых случаях вызывало даже агрессию по отношению к священнослужителям; 4) бедность духовенства и крестьян, а также нежелание последних участвовать в материальном содержании церковных школ и причтов; 5) отсутствие достаточной государственной поддержки делу народного просвещения из-за занятости властей проблемами становления в новом крае административного аппарата, усилением оборонного сектора, налаживанием инженерно-технических коммуникаций.

Задачи по решению вышеизложенных проблем, а также многих других, стояли на повестке дня православного духовенства Владивостокской епархии, которое в лице своих ярких представителей беззаветно трудилось на ниве народного просвещения в непростые последние предреволюционные десятилетия.

Источники и литература

1. *Ваулин Г., свящ.* Мерцание звездочек-школ // Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. № 12. С. 273–277.
2. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова за 1898–1900 годы. Хабаровск, 1901.
3. *Давыдов В., свящ.* Из церковной жизни гор. Владивостока // Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. № 16. С. 573–576.
4. *Давыдов В., свящ.* Из церковной жизни гор. Владивостока // Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. № 17. С. 598–602.
5. *Давыдов В., свящ.* Освящение Осиновской школы-читальни // Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. № 20. С. 443–448.
6. *Диатович Н., свящ.* Скотоводство и овцеводство в нашем крае // Дальний Восток. 1913. 31 октября.
7. *Евфимий (Моисеев), игум.* Забытый святитель-миссионер: жизнь и труды епископа Камчатского, Курильского и Благовещенского Макария (Дарского) (1842–1897) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2 (7). С. 13–21.
8. *Карпук Д. А.* Обстоятельства созыва Миссионерского съезда в Иркутске в 1910 г. и рассмотрение на нем вопросов о российских заграничных духовных миссиях // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2 (7). С. 38–47.
9. *Лынина О. Б.* История образования в Никольске-Уссурийском. 1882–1922 гг. Владивосток: ДВФУ, 2017.
10. *Мизь Н. Г.* С Богом в сердце. Краткий очерк истории Православия Приморья. Владивосток, 1998.
11. *Мизь Н. Г.* Буяков А. М. Вековой юбилей. Владивосток, 1999.
12. Обзор Приморской области за 1890 год: приложение к Всеподданнейшему отчету. Владивосток, 1891.
13. Отчет Епархиального Наблюдателя церковных школ Владивостокской епархии за 1906–1907 уч. г. // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. № 19. С. 463–474.
14. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Приморская область. Тетрадь 3 / под ред. Н. А. Троицкого. СПб., 1905.
15. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 967. Постановления комиссии по городским делам, переписка с директором Владивостокской гимназии, Хабаровским городским общественным управлением и Приамурским генерал-губернатором об учреждении в Приморской области учебных заведений. 15 декабря 1884 г. — 12 марта 1887 г.
16. РГИА ДВ. Ф. 163 Оп. 1. Д. 177. Постановления Синода, переписка о преподавании в школах сельскохозяйственных курсов. 1909 г.

17. РГИА ДВ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 224. Дело Владивостокского епархиального наблюдателя церковных школ действительного статского советника Антонинова В. П. 1910 г.
18. РГИА ДВ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 233. Переписка о недоброжелательном отношении крестьянских начальников к церковным школам и желании переименования их в министерские. 1911–1913 гг.
19. РГИА ДВ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 24. Дело по донесению священника Ваулина о недостатках религиозно-нравственного воспитания. 1899–1910 гг.
20. РГИА ДВ. Ф. 244 Оп. 1. Д. 135. Отчетная документация за 1907 г. о состоянии дел в приходах Владивостокской епархии. Часть 2.
21. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1 Д. 105. Клировые ведомости III округа церквей Владивостокской епархии за 1905 год.
22. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2259. Отчет о состоянии Владивостокской епархии за 1908 год.
23. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2320. Отчет о состоянии Владивостокской епархии за 1909 год.
24. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2749. Отчет о состоянии Владивостокской епархии за 1916 год.
25. Усова Н. А. Роль просвещения, учителей в освоении и развитии Дальнего Востока в конце XIX — нач. XX вв. // Исторический опыт освоения Восточных районов России. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Книга 2. Владивосток, 20–22 сентября 1993 г. Владивосток, 1993.
26. Холодов Н. Уссурийский край. СПб.: «Пушкинская скоропечатня», 1908.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Священник Николай Антипенко

**Проблемы преподавания Закона Божия
в начале XX в.
(по материалам «Церковных ведомостей» (1901–1910 г.))**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_40

Аннотация: Закон Божий являлся первым в числе обязательных предметов любого начального и среднего образовательного учреждения Российской империи. До начала XX в. в официальных речах и документах мы видим сообщения о благотворном влиянии религиозного образования. Однако в начале XX в. появляется большое количество высказываний о необходимости реформировать или вообще исключить религиозные предметы из школы и сделать ее полностью независимой от Церкви. Церковной иерархии, православным журналистам, ученым и педагогам нужно было защитить и отстоять необходимость преподавания Закона Божия в школе от посягательства со стороны левых и либеральных сил. Официальным изданием, на страницах которого Российская Православная Церковь в лице ее официальных и неофициальных представителей отстаивала свои интересы, являлся журнал «Церковные ведомости», издававшийся с 1888 по 1918 гг. В статье рассмотрены публикации, раскрывающие проблемы преподавания Закона Божия как главного инструмента религиозного образования в российской школе, а также проанализированы решения, предложенные авторами данных публикаций.

Ключевые слова: Закон Божий, «Церковные ведомости», религиозное образование, законоучитель, школа.

Об авторе: **Священник Николай Григорьевич Антипенко**

Клирик храма Державной иконы Божией Матери на пр. Культуры (г. Санкт-Петербург), соискатель кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: nikolaiantipenko@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>

Ссылка на статью: Антипенко Н., свящ. Проблемы преподавания Закона Божия в начале XX в. (по материалам «Церковных ведомостей» (1901–1910 г.)) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 40–46.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Priest Nikolay Antipenko

**Problems of Teaching the Law of God at the Beginning
of the 20th Century
(Based on Materials from *Tserkovnyye Vedomosti* (1901–1910))**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_40

Abstract: The law of God was the first among the compulsory subjects of any primary and secondary educational institution of the Russian Empire. Until the beginning of the 20th century, in official speeches and documents, we see reports of the beneficial effects of religious education. However, at the beginning of the 20th century there is a large number of statements about the need to reform or even exclude religious subjects from the school and make it completely independent of the Church. The church hierarchy, Orthodox journalists, scientists and educators had to defend and uphold the need to teach the Law of God in school from encroachment on the part of left-wing and liberal forces. The official publication on the pages of which the Russian Orthodox Church, through its official and unofficial representatives, defended its interests, was the *Tserkovnyye Vedomosti* journal, published from 1888 to 1918. The article considers publications that reveal the problems of teaching the Law of God as the main tool of religious education in Russian schools, and also analyzes the solutions proposed by the authors of these publications.

Keywords: Law of God, *Tserkovnyye Vedomosti*, religious education, teacher of the law, school.

About the author: Priest Nikolai Grigorievich Antipenko

Cleric of the Church of the Reigning Icon of the Mother of God on Kultury Avenue (St. Petersburg), Graduate Student at the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: nikolaiantipenko@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>

Article link: Antipenko N., priest. Problems of Teaching the Law of God at the Beginning of the 20th Century (Based on Materials from *Tserkovnyye Vedomosti* (1901–1910)). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 40–46.

* Photos are taken from open sources.

Журнал «Церковные ведомости»

стантина, стремятся к тому, чтобы Закон Божий занимал господствующее положение.

Однако одновременно с этим в начале XX в. мы наблюдаем большое количество высказываний о необходимости реформировать или вообще исключить религиозные предметы из школы и сделать ее полностью независимой от Церкви: «Компетенции Церкви и государства настолько различны, что их сотрудничество кроме вреда широким народным массам ничего не приносит. Религиозные догмы должны быть удалены из школьного обучения»³. Дело доходило до полного игнорирования требований школьной программы. В 3-м номере «Церковных ведомостей» за 1907 г. приводятся сведения о заседании губернского земского собрания, на котором было объявлено о первой в России школе — Щигровской учебно-ремесленной мастерской (г. Глаз, Курская губ.), в которой «официально изгнано преподавание Закона Божия»⁴. Все члены собрания кроме одного, пытавшегося объяснить целесообразность исключения религиозных дисциплин из школы, заявили о необходимости немедленного включения предмета «Закон Божий» в школьную программу. Церковной иерархии, журналистам, ученым и педагогам, по их мнению, было необходимо защитить Закон Божий и присутствие религии в школе от посягательства со стороны левых и либеральных сил.

Для этого необходимо было использовать печать. Основным официальным изданием, на страницах которого Русская Православная Церковь в лице ее официальных и неофициальных представителей отстаивала свои интересы, был журнал «Церковные ведомости», издававшийся с 1888 по 1918 гг. Журнал состоял из двух

Преподавание предмета «Закон Божий», начавшееся в 1786 г. согласно «Уставу народных училищ» в начальных школах, а затем и в открывающихся гимназиях¹ было знаковым событием в истории российского образования. Закон Божий в течение 132-х лет стоял первым в числе обязательных предметов любого начального и среднего образовательного учреждения Российской империи. До начала XX в. в официальных речах и документах мы видим сообщения о благотворном влиянии религиозного образования. 2 апреля 1908 года на торжественном собрании у обер-прокурора Святейшего Синода П. П. Извольского протоиереем Константином Рознатовским была произнесена речь «Значение церковной школы в деле возрождения прихода», восхваляющая предмет «Закон Божий», который способствовал «раскрытию высокого религиозно-нравственного настроения». Его основой служило изучение Евангелия, молитва, примеры из Ветхого и Нового Завета, богослужение. Ученики, изучая Закон Божий, «приобретают высокое настроение, которое неудержимо разливается по всему приходу»². Все школы, по словам отца Константина,

¹ Черепанов С. А. Учебные планы общеобразовательной школы в дореволюционной России // Известия АПН РСФСР. 1951. № 33. С. 151.

² Рознатовский К., прот. Значение церковной школы в деле возрождения прихода // Церковные ведомости. 1908. № 15–16. С. 724.

³ Прения в Государственной Думе по вопросу о церковно-приходских школах // Церковные ведомости. 1908. № 49. С. 2394.

⁴ Церковные ведомости. 1907. № 3. С. 114.

частей — официальной части, где печатались законы, указы, иные правительственные распоряжения и т. д., и неофициальной — «Прибавлений к Церковным ведомостям», в которой публиковались статьи по различным вопросам церковной жизни.

В процессе работы над темой нами было просмотрено 906 выпусков журнала с 1901 по 1918 гг., в 290 из которых были опубликованы статьи, посвященные преподаванию Закона Божия. Анализ предложенных статей было решено разделить на два этапа. На первом этапе мы обратимся к статьям за 1901–1910 гг.

Авторы публикаций журнала «Церковные ведомости» пытались найти причины критики религиозного образования и воспитания, возникновения предложений об исключении Закона Божия из числа образовательных предметов школы в условиях, когда большинство населения Российской империи считалось православным — изучало в той или иной степени предмет «Закон Божий», слушало церковные проповеди.

Также авторы рассмотренных нами публикаций отмечают желание российских чиновников найти идею школы вне чаяний народа — в образовательных системах за границей, которые пропитаны духом гуманизма, либерализма и т. д. Так, протоиерей К. Фоменко, исследуя вопрос об отчуждении интеллигенции от Церкви, отмечал, что основная причина заключается в оставлении отеческих преданий, заимствовании идей у «врагов наших». По его мнению, во всех сферах жизни общества появилась тенденция «предпочитать все нерусское»⁵.

По мысли иерархов и церковных деятелей, именно школы духовного ведомства имели в себе возможность вернуть потерянную идею русской школы, основанную на изучении истин православной веры. Поэтому на страницах «Церковных ведомостей» мы наблюдаем попытки доказать превосходство церковных образовательных учреждений над светскими (ведомства Министерства народного просвещения). Главным аргументом этого спора являлся Закон Божий, который, по мысли церковной власти, при качественном его преподавании мог бы возродить школу из неверия, сделать ее «школой христианского учения и добрых нравов, школой жизни христианской под руководством пастырей Церкви»⁶ и избавить народ от поиска альтернативных православной вере жизненных ориентиров. Примечательно, что во многих публикациях содержатся в большом количестве такие слова как «насадить», «усилить», «внушить».

В российском религиозном образовании не наблюдалось единства идей воспитания. Например, в отчете «Томских епархиальных ведомостей» представлено описание приказа правящего архиерея, в котором законоучителям было «внушено, что нельзя отделять обучение Закону Божию от воспитания в духе православной веры»⁷, заключавшегося в том, что школьникам «возможно чаще следует напоминать о том, как должно стоять в церкви, какие таинства в ней совершаются, как содержательны церковные песнопения»⁸. Законоучителя обязательно должны были разъяснять учащимся всю важность, «святость и благотворное значение святых таинств покаяния и причащения»⁹. Отправляя учеников в церковь, учитель должен напоминать им, как они должны входить в нее, «где и когда полагать поясные или земные поклоны, когда преклонять голову, припадать к земле»¹⁰. Все разъяснительные беседы необходимо было фиксировать в классном журнале для отчета перед церковно-школьной инспекцией и благочинным. По мнению Томского архиерея, воспитание заключается в побуждении учащихся совершать внешние благочестивые обрядовые действия. На наш взгляд, данное решение епископа являлось следствием того, что предъявленные высокие требования к Закону Божию, а именно, «восстановление в человеке

⁵ Фоменко К., *прот.* К вопросу об отчуждении интеллигенции от церковности // Церковные ведомости. 1904. № 22. С. 810.

⁶ Трошин А. Новый закон о начальном обучении в России, проектируемый Государственной Думой // Церковные ведомости. 1909. № 48. С. 2286.

⁷ Церковные ведомости. 1901. № 31. С. 1113.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

образа Божия силою благодати Святого Духа при содействии законоучителей»¹¹, не могли быть выполнены по ряду причин. Прежде всего, это отсутствие единства школы и семьи в деле воспитания, взаимные претензии учителей и родителей, а также несогласованность методов воспитания.

«Школа ропщет на семью, семья на школу»¹², — так епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев) охарактеризовал состояние отношений между семьей и школой. Родители до отправки своих детей в школы оказывают на них исключительное воздействие, соответственно, ученик является отражением своей семьи. Приводя детей в образовательные учреждения, родители требуют сделать из них нравственных и религиозных людей, исправить или поддержать уже начатое воспитание. Воспитатели недовольны, что все учащиеся приходят из семей с разным уровнем духовно-нравственного развития и с родителями невозможно найти общего языка, поскольку везде царит «дух взаимного недовольства, ропота и пререканий». Школа не производит новые качества и способности учеников, а раскрывает и развивает уже заложенные в семье с самого раннего возраста. Вторая причина взаимной неприязни заключалась в отношении учителей к состоянию учащихся. Зачастую учителя, принимая уже испорченных учеников, и при этом сами не являясь образцами для подражания, опускают руки, «перестают воспитывать и развивать нравственную природу детей»¹³ и заменяют воспитание на обучение предметам, передачу знаний, умений и навыков. Как результат, «по следам больной семьи идет нездоровая школа»¹⁴.

Причины неудач в деле преподавания религиозных дисциплин авторы публикаций видят также в отсутствии единства в преподавательской корпорации образовательных учреждений, незнании законоучителями содержания своего предмета,

¹¹ Смирнов П., *прот.* Закон Божий в средней школе // Церковные ведомости. 1901. № 35. С. 1250.

¹² Иннокентий (Беляев), *еп.* Об отношениях между семьей и школой // Церковные ведомости. 1904. № 44. С. 1738.

¹³ Там же. С. 1739.

¹⁴ Там же.

отсутствии у священников желания заниматься просветительской деятельностью, формальном преподавании Закона Божия, нежелании законоучителей знакомить учащихся со Священным Писанием, некомпетентности преподавателей в области методики преподавания вероучительных и гуманитарных дисциплин.

На наш взгляд, совокупность описанных выше проблем не позволяла законоучителям занять центральное место в системе школьного образования и влиять предполагаемым образом на воспитание учащихся. Поэтому на местах заинтересованные лица ограничивались призывами к правильной постановке преподавания Закона Божия, усилению воспитательного воздействия на учащихся и предложениями по исполнению минимальных видимых правил, в основном касающихся посещения храма как места, куда все учащиеся с учителями должны были собираться.

Многие авторы рассмотренных нами публикаций в противовес официальным сводкам констатируют, что настоящее состояние преподавания Закона Божия является неудовлетворительным. Поэтому на страницах журнала «Церковные ведомости», особенно во второй период издания (1905–1914 гг.), мы находим предложения по выходу из кризисной ситуации. Прежде всего, мы видим попытки отделить преподавание Закона Божия в школе, т. е. получение знаний о религии от воспитания в духе христианской веры. Мы находим предложения по христианизации школы, однако, на наш взгляд, государственная школа не может ставить перед собой задачу религиозного воспитания, т. к. оно возможно только в Церкви. Поэтому предмет «Закон Божий» в светской школе должен был носить характер знакомства с православной верой. При такой постановке вопроса приемами обучения могли быть рассказы священника о христианской религии и беседы с учащимися о жизненных проблемах с точки зрения православной веры. Образовательные учреждения духовного ведомства, перед которыми правительством была поставлена задача образовывать людей, в силу различных причин не могли заниматься религиозным воспитанием, в основном, из-за отсутствия денежного довольствия у законоучителей, следствием чего были отказы священников заниматься просвещением.

Несомненно, в истории российского образования есть выдающиеся законоучителя, которые явили нам образ жертвенного служения Церкви и народному просвещению, однако их было недостаточно для того, чтобы покрыть потребность в ревностных преподавателях Закона Божия для 40 тыс. церковно-приходских школ¹⁵. Поэтому большое внимание на страницах «Церковных ведомостей» уделялось призывам к пастырям начать работу по просвещению населения как на уроках Закона Божия, так и в приходской деятельности. Все авторы единогласно утверждают, что личность законоучителя и его отношения с учениками являются одним из основных условий преподавания религиозных дисциплин. Вера и жизнь самого пастыря должны быть примером для учащихся.

На наш взгляд, порядок качественно нового взаимодействия священника со своими учениками был предложен епископом Тобольским и Сибирским Антонием (Каржавиным). В своей речи архипастырь выделяет совместное церковное богослужение, духовное окормление, церковную проповедь и пастырские беседы как обязательное условие сопровождения учеников, помимо классных уроков Закона Божия. На наш взгляд, архиерей говорит о необходимости общинной жизни, в которой возможно воспитание в духе христианской веры. Непосредственное участие в церковной жизни, которая не ограничивается только богослужением, позволила бы подросткам увидеть на практике труд членов Церкви. На наш взгляд, все попытки менять методику, содержание обучения Закона Божия не будут успешны, если законоучитель не способен передать опыт христианской жизни, основанной на Евангельских заповедях, в современных ему условиях жизни церковной общины.

¹⁵ Анфимов А. М., Корелин А. П. Россия в 1913 г. СПб.: БЛИЦ, 1995. С. 328–330.

Источники и литература

1. *Анфимов А. М., Корелин А. П.* Россия в 1913 г. СПб.: БЛИЦ, 1995. С. 328–330.
2. *Иннокентий (Беляев), еп.* Об отношениях между семьей и школой // Церковные ведомости. 1904. № 44. С. 1737–1739.
3. Прения в Государственной Думе по вопросу о церковно-приходских школах // Церковные ведомости. 1908. № 49. С. 2393–2399.
4. *Рознатовский К., прот.* Значение церковной школы в деле возрождения прихода // Церковные ведомости. 1908. № 15–16. С. 723–727.
5. *Смирнов П., прот.* Закон Божий в средней школе // Церковные ведомости. 1901. № 35. С. 1247–1250.
6. *Трошин А.* Новый закон о начальном обучении в России, проектируемый Государственной Думой // Церковные ведомости. 1909. № 48. С. 2278–2288.
7. *Фоменко К., прот.* К вопросу об отчуждении интеллигенции от церковности // Церковные ведомости. 1904. № 22. С. 808–810.
8. Церковные ведомости. 1901. № 31. С. 1112–1113.
9. Церковные ведомости. 1907. № 3. С. 104–105.
10. *Черепанов С. А.* Учебные планы общеобразовательной школы в дореволюционной России // Известия АПН РСФСР. 1951. № 33. С. 151–209.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Ю. Н. Антипина

**Природа и значение царской власти
в христианском государстве**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_47

Аннотация: В трудах протоиерея Сергия Булгакова понятие христианской теократии основано на его представлении о Церкви как Богочеловеческой синергии и церковной власти как совместной власти Бога и Церкви. Проблему осуществления христианской теократии в истории отец Сергий рассматривает в связи со служением христианского царя. Вопрос о царской власти протоиерей Сергий поставил как вопрос догматический, т.е. относящийся к учительной стороне Православия. По мнению отца Сергия Булгакова, в христианском царе Церковь признала не только государственного главу, но и носителя особой харизмы царствования, соответственно — церковного служения.

Ключевые слова: протоиерей Сергий Булгаков, христианская теократия, служение царя, харизма царствования, церковное служение, народовластие в душах, оцерковление государства.

Об авторе: **Юлия Николаевна Антипина**

Магистр богословия, сотрудник Свято-Филаретовского православно-христианского института.

E-mail: juliantipina@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0526-1288>

Ссылка на статью: Антипина Ю. Н. Природа и значение царской власти в христианском государстве // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 47–55.

* Фотографии взяты из открытых источников и предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Yu. N. Antipina

**The Nature and Significance of Royal Power
in the Christian State**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_47

Abstract: In the writings of Archpriest Sergius Bulgakov, the concept of Christian theocracy is based on his concept of the Church as Divine-human synergy and church power as the joint power of God and the Church. Father Sergius examines the problem of the implementation of Christian theocracy in history in connection with the ministry of the Christian tsar. Archpriest Sergius Bulgakov posed the question of tsarist power as a dogmatic question, that is, referring to the teaching side of Orthodoxy. According to Father Sergius, the Church recognized in the Christian tsar not only the head of state, but also the bearer of the special charisma of reign, respectively, of the church service.

Keywords: Archpriest Sergius Bulgakov, Christian theocracy, the service of the tsar, the charisma of reign, church service, democracy in souls, churching the state.

About the author: **Yulia Nikolaevna Antipina**

Master of Theology, Employee of the St. Philaret Orthodox Christian Institute.

E-mail: juliantipina@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0526-1288>

Article link: Antipina Yu. N. The Nature and Significance of Royal Power in the Christian State. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 47–55.

* Photos are taken from open sources and provided by the author.

Вопрос о власти христианского царя многие годы оставался ключевым в работах протоиерея Сергия Булгакова. Статья С. М. Половинкина «Путь прот. Сергия Булгакова от мечты о цареубийстве к царелюбию»¹, а также статья К. Я. Паромова «Религиозно-политические искания С. Н. Булгакова (1905–1917): от “антихристового самодержавия” к “теократии Белого Царя”»² позволяют проследить кардинальную трансформацию взглядов протоиерея Сергия на самодержавие. Основная линия этой трансформации — это переход от обвинения царя в духовном насилии над Церковью к признанию царской власти церковным служением.

Со взглядами протоиерея Сергия Булгакова в период его «православного антимонархического радикализма», в том числе с критикой отношений между Русской Церковью и русским царем, можно познакомиться в статье А. Ю. Бендина «С. Н. Булгаков о взаимоотношениях церкви и государства в России (1902–1918)»³. В рамках нашей статьи мы будем рассматривать труды протоиерея Сергия Булгакова, написанные после того, как он, по собственному выражению, стал «царистом». «Идея священной царской власти загорелась» в его душе после того, как он увидел царя на набережной Ялты летом 1909 года: «Однажды, всего на краткое мгновение, мелькнуло предо мною её <царской власти> мистическое видение. Это было при встрече Государя. Я влюбился тогда в образ Государя и с тех пор носил его в сердце»⁴. В итоге «религиозная идея демократии была обличена и низвергнута во имя теократии в образе царской власти»⁵.

Тему царской власти протоиерей Сергей Булгаков рассматривает в связи с идеей осуществления христианской теократии. Сама идея теократии основывается на ветхозаветном понимании власти Бога, т. е. абсолютного господства и владычества. Теократическая задача, по мнению отца Сергия, заключается в том, чтобы «государство растворилось в Церкви». Важно подчеркнуть, что отец Сергей Булгаков понятие христианской теократии связывал не с опытом реализации теократии в христианском государстве, а с опытом реализации идеи теократии на новозаветных основаниях. Этими новозаветными основаниями являются представления протоиерея Сергия Булгакова о Церкви как Богочеловеческой синергии и церковной власти как совместной власти Бога и Церкви. Напомним, что отец Сергей определял Церковь как Богочеловечество — «соединение начал Божеского и тварного, нераздельное и неслиянное их взаимопроникновение»⁶. С одной стороны, Церковь — это преемственный замысел Бога о мире и конечная цель творения, а с другой — человеческая общность, совершающая исторический путь. Такое понимание Церкви подчеркивает *содействие* Бога и человека и утверждает опыт реализации Богочеловеческой власти в истории.

Проблему осуществления христианской теократии в истории отец Сергей рассматривает в связи со служением христианского царя. Вопрос о царской власти он ставит как вопрос догматический, т. е. относящийся к учительной стороне Православия. Сравнение ранних и поздних работ отца Сергия, посвященных осмыслению власти

¹ Половинкин С. М. Путь прот. Сергия Булгакова от мечты о цареубийстве к царелюбию // URL: <https://politconservatism.ru/thinking/put-prot-sergiya-bulgakova-ot-mechty-o-tsareubiystve-k-tsarelyubiyu> (дата обращения: 10.05.2021).

² Паромов К. Я. Религиозно-политические искания С. Н. Булгакова (1905–1917): от “антихристового самодержавия” к “теократии Белого Царя” // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 6 (55). С. 7–30.

³ Бендин А. Ю. С. Н. Булгаков о взаимоотношениях церкви и государства в России (1902–1918) // Русское богословие в европейском контексте. С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. С. 99–110.

⁴ Булгаков С., прот. Мое безбожие // Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел: Издательство орловской государственной телерадиовещательной компании, 1988. С. 30.

⁵ Булгаков С., прот. Агония // Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. С. 53.

⁶ Булгаков С., прот. Невеста Агнца. М.: Общеизвестный православный университет, 2005. С. 283.

Протоиерей
Сергий Булгаков

христианского императора и православного царя, позволяет проследить определенную эволюцию идеи христианского самодержавия и представлений о взаимоотношениях Церкви и государства. По мнению протоиерея Сергия Булгакова, в христианском царе Церковь признала не только государственного главу, но и носителя особой харизмы царствования: царь был «символом завоевания мира крестом, строителем царствия Божия на земле»⁷. С другой стороны, отец Сергей констатировал, что служение царя не является необходимым для жизни Церкви. С падением монархии в России прекратилось служение царя, но не Церкви: «Церковь существует ныне без Царя, и ее харизматическое положение, как и полнота ее даров, от этого не изменилось»⁸.

В своих трудах протоиерей Сергий Булгаков представил учение о царской власти как учение о церковном служении. Он считал, что царь занимал «особое место в церковной иерархии», хотя «его трудно определить во всей точности»⁹. Основанием царской власти как церковного служения являлась «харизма царствования», которая

реализовывалась как «таинственное воздействие Церкви на жизнь государства»¹⁰. В своем эмпирическом измерении царское служение сводилось к заботе о внешнем устройстве Церкви: «Сам Константин Великий определял себя как епископ для внешних дел, возвращая тем самым званию епископа то ограниченное значение управителя, наблюдающего за финансовыми и административными делами общины, какое ему принадлежало в век апостольский»¹¹. Влияние царя в Церкви «фактически определялось той государственной мощью, которою он располагал»¹². Кроме этого, царь часто претендовал на оформление догматического учения Церкви или даже на исполнение священнического служения. В мистическом измерении служение царя было служением «представителя церковного народа как царственного священства» и «жениха церковного, имеющего образ самого Христа»¹³. Все перечисленные образы царского служения подразумевают главенство царя над Церковью, а значит, внешнее положение царя по отношению к Церкви. Таким образом, определение власти царя как церковного служения оказывается проблематичным, так как констатирует возможность совершения церковного служения вне церковного собрания.

Протоиерей Сергий Булгаков считал, что через служение христианского царя Церковь приняла на себя ответственность за судьбы мира, в том числе ответственность за жизнь государства. Церковь ставила перед собой задачу освящения земной власти в лице царя. Возможность освящения власти в лице ее носителя отец Сергей возводил к образу святого царя, предсказанному в пророческих ветхозаветных книгах и открывшемуся в Новом Завете в образе «кроткого царя» Христа. Однако трудно

⁷ Булгаков С., *прот.* Очерки учения православной церкви. Париж: YMCA-PRESS, 1985. С. 334.

⁸ Булгаков С., *прот.* Православие. С. 336.

⁹ Там же. С. 332.

¹⁰ Братство Святой Софии: Материалы и документы. С. 47.

¹¹ Булгаков С., *прот.* Православие. С. 332.

¹² Там же. С. 333.

¹³ Там же. С. 332.

Коронация императора Николая II. 1896 г.

согласиться, что исторический христианский император соответствовал именно этому образу. В истории «власть христианских монархов имела еще ветхозаветную природу, находя свой прототип и высшую норму в теократических царях Давиде и Соломоне»¹⁴. Власть христианского императора была явлением силы, славы и всемогущества Саваофа. Получается, что византийская теократия основывалась на реализации власти Бога в ее ветхозаветном понимании — как владычества и господства.

Отец Сергей попробовал переосмыслить царское служение в новозаветном ключе, для чего обратился к образу Белого царя. Образ Белого царя как носителя высшей власти традиционен для русской культуры¹⁵. Он представляет собой идею преображенной власти, которая уже является не властью меча, но властью любви. Как справедливо замечает С. И. Скороходова, традиционно этот образ воспринимался в хилиастическом и эсхатологическом ключе, т.е. как имеющий не национальное, но всемирное и сверх-историческое значение¹⁶. Что касается отца Сергия, то он образ Белого царя отождествил с личностью последнего русского императора. В своих воспоминаниях протоиерей Сергей Булгаков пишет о том, как его потрясло описание в газете выхода царской четы в Зимнем Дворце: «Для меня это было явление Белого Царя своему народу»¹⁷.

В отличие от идеи византийского императора, идея Белого царя в основе своей имеет не образ силы и мощи, а образ истины. По словам проф. А. Л. Доброхотова, «Белый царь выше всех царей не потому, что он могущественней или богаче, а потому, что он — носитель истинной веры, ее хранитель и заступник»¹⁸. В интерпретации отца

¹⁴ Булгаков С., *прот.* Свет Невечерний. С. 534.

¹⁵ «Стоит обратить внимание на эпитет “белый”. Происхождение его не ясно, но, скорее всего, в тюркской политической лексике, повлиявшей на русскую, он значил: “независимый, суверенный”. Выражения “Белый царь” и “Белая Россия” — довольно древние <...> Иван III, называя свои владения “Белой Россией”, мог вкладывать в титул дополнительный смысл: “великая”, “святая”, “праведная”. Возможно, “белый” как титул царя имеет восточное происхождение. Не исключена связь с санскритом, где *bala* значит “власть” (ср. *balaksa* — белый)». Доброхотов А. Л. Белый Царь, или Метафизика власти в русской мысли // Доброхотов А. Л. Избранное. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 126.

¹⁶ Скороходова С. И. Проблема «власти» в историософии Ю. Ф. Самарина и С. Н. Булгакова // Булгаковские чтения: Сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научной конференции с международным участием / Под общ. ред. Л. И. Пахарь. Орел: Картуш, 2012. С. 45–49.

¹⁷ Булгаков С., *прот.* Агония. С. 57.

¹⁸ Доброхотов А. Л. Белый Царь, или Метафизика власти в русской мысли. С. 125–126.

Император Николай II. Август 1915 г.

Сергия образ Белого царя дополнялся идеей личной святости и получил свое развитие в образе царя-страстотерпца. Отец Сергий так вспоминает свою встречу с последним русским императором: «Я почувствовал, что и Царь несет свою власть, как крест Христов, и что повиновение Ему тоже может быть крестом Христовым и во имя Его»¹⁹. Для отца Сергия несение бремени власти являло жертвенное служение русского царя и его страстотерпчество.

Традиционно страстотерпцами называют тех праведных христиан, которые понесли тяжелые страдания и приняли смерть от убийц. В связи с рассмотрением «феномена „русских страстотерпцев“» академик С. С. Аверинцев обращал внимание на то, что они не являлись мучениками за веру, но «мучениками непротivления злу <...> неповинными жертвами за грешный мир»²⁰. Он отмечал, что от страстотерпцев «требуется особого рода безответность, даже беспомощность. <...> “Страстотерпец” ведет себя как дитя, и чем больше этой детскости, тем чище явление жертвы». В связи с идеей царя-страстотерпца С. С. Аверинцев указывал на опасность русского отношения к власти, которая «заключена в вековой привычке перекладывать чуждое бремя власти на другого, отступаться от него, уходить в ложную невинность безответственности»²¹. Если образ Белого царя-страстотерпца, как считал протоиерей Сергей Булгаков, являл собой власть преображенную, «которая становится уже не властью меча, но властью любви»²², то можно добавить, что в равной степени он также являл собой отказ от несения мирской власти.

Падение Византии и Русского царства, которые лишили христианский мир православного царя, по мнению отца Сергия, обусловлено тем, что «превращение языческого государства в христианское оказалось совсем не таким легким и простым делом, как это могло казаться»²³. Протоиерей Сергий считает, что христианские цари совершали чрезвычайные усилия для того, чтобы перестроить на христианский лад языческое в своей основе государство, но им не хватило исторического времени, т. к. дело христианизации государства прервалось катастрофой. Получается, что падение христианского государства, основанного на симфонии власти царской и церковной, протоиерей Сергий Булгаков связывал с историческими обстоятельствами и не сомневался в желательности такой симфонии. Более того, отец Сергий говорил о возможности симфонии вне христианской монархии. Он считал, что идея симфонии допускает

¹⁹ Булгаков С., *прот.* Агония. С. 53.

²⁰ Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая // Новый Мир. 1988. № 9. С. 232.

²¹ Там же. С. 235.

²² Булгаков С., *прот.* Православие. С. 340.

²³ Там же. С. 336.

Священноисповедник Роман Медведь и Братство ревнителей православия. 1920-е годы

разнообразие политических форм правления: «Эта идея может осуществиться не в политическом самодержце, но и выборном представителе власти, президенте»²⁴. Поэтому новые исторические обстоятельства послеконстантиновского периода сами по себе не являются препятствием для того, чтобы в истории христианской Церкви повторилась попытка осуществления симфонии Церкви и государства. Например, в своей статье «С. Н. Булгаков: образы власти божественной и власти земной» (2006) А. А. Морозов приходит к выводу, что булгаковская идея православного царства может быть актуализирована применительно к задачам развития современного российского общества.

Подводя некоторый итог, можно заключить, что исторический опыт христианской монархии не являлся осуществлением идеи христианской теократии. Это была симфония Церкви как сакраментально-иерархической организации и государственной власти в лице её носителя. Свой союз с государством в лице царя Церковь оправдывала не только тем, что государство служит Церкви, но и тем, что Церковь «оцерковляет» языческую стихию государства. В результате в константиновский период истории Церкви возникло ложное понимание Богочеловеческой власти, согласно которому Божественная сторона власти представлена церковной иерархией, а человеческая сторона — носителем государственной власти.

В книге «Православие. Очерки учения Православной Церкви», которая была опубликована уже после его смерти, в 1965 г., отец Сергей подвёл некоторый итог своим размышлениям и пришёл к утверждению, что «Православная Церковь <...> всегда хотела максимально влиять на государственную власть», и многие века византийской симфонии «христианские цари были водителями ко Христу своих народов дотоле, пока возможно было такое водительство»²⁵. Признавая, что время такого водительства миновало (вместе с исчезновением христианской империи), протоиерей Сергей Булгаков не отказывается от самой идеи воздействия исторической Церкви на «судьбы мира» через «идею освящения власти в лице ее высшего представителя» и «растворения её (власти. — Ю. А.) в стихии Церкви»²⁶. По мнению отца Сергия, принимая юридическое отделение от государства, Церковь не должна отказываться

²⁴ Там же. С. 339.

²⁵ Там же. С. 337.

²⁶ Там же. С. 341.

от «задачи оказывать влияние на всю жизнь государства, с проникновением его во все поры её»²⁷. Данная точка зрения выявляет некоторое противоречие в позиции протоиерея Сергия Булгакова. С одной стороны, он утверждает, что воцарение Христа, а значит, и Церкви, на земле ведется в сфере человеческого духа и представляет собой «брань духовную», а окончательное установление Божественной власти имеет эсхатологическую перспективу. С другой стороны, идея освящения мирской власти и растворения ее в стихии Церкви напоминает попытку осуществить Царство Божие на земле, уже в пределах человеческой истории. Задача «оцерковления» государства кажется сомнительной, т.к. «Царство Божье не от мира сего» (Ин 18:36). Можно предположить, что идея оцерковления государства в трудах протоиерея Сергия Булгакова возникла в связи с задачей реализации полноты ответственности Церкви за преобразование мира, так как в жизни мира нельзя пренебречь государством как институтом власти.

Важно, что сам отец Сергий не считал, что освящение государственной власти в лице ее носителя является единственным способом влияния Церкви на жизнь государства. Второй путь влияния Церкви на государство, на который указывал отец Сергий, — это оцерковление «снизу», из народа и через народ, т.н. «народовластие в душах»²⁸. Этот способ влияния отец Сергий считал наиболее актуальным в связи с окончанием константиновского периода. Лишенная государственной мощи и поддержки, Церковь в новых исторических условиях обретает преимущество: «Влияние Церкви на души осуществляется путем свободы, которая, единственно, соответствует достоинству христианскому, а не принуждением сверху, которым иногда можно осуществлять более скорых результатов, но которое и наказуется в истории, как об этом достаточно говорит нам новейшая история и востока, и запада»²⁹. Невозможно не согласиться, что идея народовластия в душах людей более соответствует образу христианской теократии как Богочеловеческой власти, так как реализует царственное сослужение мирян Христу в борьбе за Его воцарение в мире.

Источники и литература

Источники

1. Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939 / Сост. Н. А. Струве; Подгот. Текста и примеч. Н. А. Струве, Т. В. Емельяновой. М.: Русский путь; Париж: YMCA-PRESS, 2000. 336 с.
2. Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел: Издательство орловской государственной телерадиовещательной компании, 1988.
3. Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2008. 640 с.
4. Булгаков Сергей, прот. Невеста Агнца. М.: Общедоступный православный университет, 2005. 655, [1] с.
5. Булгаков С., прот. Православие. Очерки учения православной церкви. Париж: YMCA-PRESS, 1985. 403 с.

Литература

6. Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья первая // Новый Мир. 1988. № 7. С. 210–220.

²⁷ Там же. С. 343.

²⁸ Там же. С. 340.

²⁹ Там же. С. 344.

7. Бендин А. Ю. С. Н. Булгаков о взаимоотношениях церкви и государства в России (1902–1918) // Русское богословие в европейском контексте. С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. С. 99–110.
8. Доброхотов А. Л. Белый Царь, или Метафизика власти в русской мысли // *Его же*. Избранное. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 113–165.
9. Морозов А. А. С. Н. Булгаков: образы власти божественной и власти земной // Русское богословие в европейском контексте. С. Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль. Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. С. 154–157.
10. Паромов К. Я. Религиозно-политические искания С. Н. Булгакова (1905–1917): от “антихристового самодержавия” к “теократии Белого Царя” // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 6 (55). С. 7–30.
11. Половинкин С. М. Путь прот. Сергия Булгакова от мечты о цареубийстве к царелюбью // URL: <https://politconservatism.ru/thinking/put-prot-sergiya-bulgakova-ot-mechty-otsareubiystve-k-tsarelyubiyu> (дата обращения: 10.05.2021).
12. Скороходова С. И. Проблема “власти” в историософии Ю. Ф. Самарина и С. Н. Булгакова // Булгаковские чтения: Сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научной конференции с международным участием / Под общ. ред. Л. И. Пахарь. Орел: Картуш, 2012. С. 41–49.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

К. С. Бабак

**Межконфессиональная обстановка
в Волынской епархии в 1905–1909 гг.
(по материалам церковной периодической печати)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_56

Аннотация: После принятия конфессионального манифеста от 17 апреля 1905 г. Волынский край наряду со всем западнорусским регионом Российской империи стал центром межконфессионального и национального противостояний. В данной статье предпринята попытка осветить межконфессиональную обстановку в Волынской епархии по материалам церковной периодической печати с 17 апреля 1905 г. — подписания манифеста «Об укреплении начал веротерпимости», до 30 октября 1909 г. — принятия Государственной думой законопроекта «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое». Данные временные рамки обусловлены тем, что именно в этот период в Западном крае Российской империи происходило наиболее жесткое противостояние католиков и православных.

Ключевые слова: межконфессиональная проблематика, конфессиональный манифест, веротерпимость, смешанные браки, католичество, Православие, русская народность, польский национализм, прозелитизм, Волынская епархия, западнорусский регион, Российская империя, Волынский край, архиепископ Антоний (Храповицкий), Свято-Успенская Почаевская лавра.

Об авторе: **Константин Сергеевич Бабак**

Студент II курса аспирантуры Московской духовной академии.

E-mail: babak.konstantin.96@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9696-9961>

Ссылка на статью: Бабак К. С. Межконфессиональная обстановка в Волынской епархии в 1905–1909 гг. (по материалам церковной периодической печати) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 56–62.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

K. S. Babak

**The Interfaith Situation
in the Volyn Diocese in 1905–1909
(Based on Materials from Church Periodicals)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_56

Abstract: After the adoption of the confessional manifesto of April 17, 1905, the Volyn region, along with the entire Western Russian region of the Russian Empire, became the center of interfaith and national confrontation. This article is an attempt to illuminate the interfaith situation in the Volyn Diocese based on materials from church periodicals following April 17, 1905 – the date of the signing of the manifesto “On Strengthening the Principles of Religious Tolerance”, until October 30, 1909 – the adoption by the State Duma of the law “Concerning Changes to the Law Regulating Movement from One Confession to Another”. This time frame is due to the fact that it was during this period that the most severe confrontation between Catholics and Orthodox took place in the Western territories of the Russian Empire.

Keywords: interfaith issues, confessional manifesto, religious tolerance, mixed marriages, Catholicism, Orthodoxy, Russian nationality, Polish nationalism, proselytism, Volyn Diocese, Western Russian region, Russian Empire, Volyn Region, Archbishop Anthony (Khrapovitsky), Holy Dormition Pochaev Laura.

About the author: **Konstantin Sergeevich Babak**

2nd year graduate student at Moscow Theological Academy.

E-mail: babak.konstantin.96@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9696-9961>

Article link: Babak K. S. The Interfaith Situation in the Volyn Diocese in 1905–1909 (Based on Materials from Church Periodicals). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 56–62.

* Photos are taken from open sources.

Западный регион Российской империи являлся проблемным субъектом для государственной власти как в конфессиональном, так и в национальном отношениях. Среди этих регионов особняком стоит древний Волынский край, где тесно переплетается история двух конфессий — православия и католицизма. Для русской власти после разделов Речи Посполитой стратегической целью являлось укрепление позиций господствующей православной веры и русского народа в противовес католической вере и польскому национализму. Это выражалось в контроле и ограничении деятельности католиков ради пользы господствующей православной веры. В 1839 г. стараниями митрополита Иосифа (Семашко) и при поддержке имперских властей состоялось воссоединение униатов с Православной Церковью. Спустя десятилетия указ о веротерпимости от 17 апреля 1905 г.¹ развязывал руки польскому духовенству в деле прозелитизма, а польским националистам — в деле насаждения своей идеологии и вытеснения русской народности². Межконфессиональная обстановка в Волынской епархии после принятия закона о веротерпимости не могла не отразиться в церковной периодической печати, т. к. именно Волынь в тот период являлась местом жесткого противостояния католицизма и православия в западнорусском регионе Российской империи³.

Данный период жизни Православной Церкви как в Волынском крае, так и в западнорусском регионе в целом описывается на страницах церковно-периодической печати: «Настало католикам время отомстить православным за все обиды и притеснения, которые якобы несли католики от русских православных людей»⁴. Указ о веротерпимости католиками и польскими националистами был воспринят как источник насилия, преследования, лжи, смуты, клеветы⁵. В свете интересов католической пропаганды зачастую использовалась явная ложь и спекуляция информацией, распространяемая ксендзами и польскими националистами. Одним из таких примеров является информация о том, что «Государь принял католическую веру; р.-католическая вера есть вера господствующая в государстве... православные церкви будут обращены в костелы»⁶. Данная ложная трактовка информации влекла за собой реальные переходы православных в католическое вероисповедание⁷. Не меньшей проблемой для Православной Церкви и правящего архиерея Волынской епархии стали факты

¹ Манифест 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» // Полное собрание законов Российской империи (1883–1913 гг.). Собрание Третье. Том XXV. Отделение 1. 1905 г. № 26125. СПб., 1908. С. 257–258.

² См.: Дрозд В., *свящ.* Рапорт одного из благочинных Холмской епархии // Волынские епархиальные ведомости. 1906. № 8. С. 271–277; Из отчета о состоянии Староконстантиновского городского благочиннического округа за 1905 год // Волынские епархиальные ведомости. 1906. № 16. С. 278–280; Из отчетов о.о. благочинных о состоянии вверенных им округов за 1904 год. Благочинный 3 округа Дубенского уезда // Волынские епархиальные ведомости. 1906. № 9–10. С. 175; Из рапорта благочинного 4 округа Ровенского уезда о состоянии округа за 1905 год // Волынские епархиальные ведомости. 1906. № 14. С. 244–247; Рапорт священников с. Квасилова Ровенского уезда Феодора Гейды и с. Дидыч Дубенского уезда Владимира Заха на имя Высокопреосвященнейшего Антония Архиепископа Волынского и Житомирского от 21 сентября сего года за № 42 // Волынские епархиальные ведомости. 1906. № 30. С. 526–537.

³ См.: Романчук А., *прот.* Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. Москва — Минск, 2015. С. 159.

⁴ Квятковский М., *свящ.* Из епархиальной жизни. Местечко Иказнь, Дисненского уезда, Виленской губернии // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 35–37. С. 310.

⁵ См.: Особое вневедомственное Совещание по укреплению начал веротерпимости // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 25–26. С. 230.

⁶ Протокол № 9. 1905 года 1 июня. Литовский епархиальный съезд духовенства // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 51–52. С. 399. См. также: Карпук Д. А. Взаимоотношения православных и католиков на территории современной Республики Беларусь в 1905–1907 гг. (по материалам годовых отчетов архиереев Русской Православной Церкви) // Митрополит Иосиф (Семашко; 1798–1868): личность, эпоха, исторический путь Православия на белорусских землях. Материалы международной научно-практической конференции. Минск, 24–26 октября 2018 г. Мн., 2019. С. 284–288.

⁷ См.: Янушевич П., *свящ.* Письмо в редакцию // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 35–37. С. 312–313; Из западно-русских епархий // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 28–29. С. 255.

угроз и применения силы в отношении духовенства⁸ и тех, кто оставался верным православно́й вере⁹. Католицизм крайне враждебно относился к православному миру¹⁰. Попытки священников Волынской епархии на своих приходах опровергнуть ложные слухи ксендзов и неправильное понимание закона о веротерпимости привели к усилению угроз в адрес православного духовенства и активизации еще больших ресурсов католической и польской пропаганды¹¹.

В данный период как в Волынской епархии, так и во всех православных епархиях западнорусского региона было совершено множество переходов из Православия в католицизм. Одним из факторов, способствующих переходу в латинство, являлись смешанные браки православных с католиками. Большой процент отпавших был как раз в смешанных семьях¹². Данную проблему пытался разрешить выдающийся иерарх, защитник Православия и русской народности в Волынском крае архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий). Владыка предпринял попытку законодательно запретить смешанные браки на территории Волынской епархии. Им был подан рапорт на рассмотрение Св. Синода с соответствующим заявлением о запрете смешанных браков¹³. Новая законодательная инициатива архиепископа Антония была отклонена из-за нарушения норм, прав и свобод граждан Российской империи. Синод, отметив проблему смешанных браков для Православной Церкви, так и не принял, к сожалению, никаких мер¹⁴.

Изучая проблему отпадений от православного вероисповедания в Волынской епархии по материалам церковной периодики, удалось обнаружить рапорт священника Василия Брекевича благочинного Дубенского уезда, в котором поднималась проблема взаимоотношений православных помещиков и крестьян¹⁵. В рапорте отец Василий констатировал неутешительный факт — у людей было больше доверия

Митрополит
Антоний (Храповицкий)

⁸ «Протоиерею Шумской церкви местный прихожанин Жуковский письменно донес, что крестьянин деревни Шульги Иван Наумович грозил публично, в присутствии толпы народа, зарезать “попа и дьяка”, за то, что так долго остаются в своих приходах и тем замедляют передачу церкви ксендзам». [См.: Протокол № 9. 1905 года 1 июня. Литовский епархиальный съезд духовенства// Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 51–52. С. 400–401.]

⁹ См.: Протокол № 9. 1905 года 1 июня. Литовский епархиальный съезд духовенства... С. 399–400.

¹⁰ См.: *Никандр (Молчанов), архиеп.* Послание Архиепископа Литовского и Виленского Никандра к пастырям Литовской епархии // Литовские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 29–31; Протокол № 9. 1905 года 1 июня. Литовский епархиальный съезд духовенства... С. 401.

¹¹ См.: Протокол № 9. 1905 года 1 июня. Литовский епархиальный съезд духовенства... С. 401; *Вераксин А., свящ.* Слово о православии, сказанное 7-го июня на площади Рускосельской церкви // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 32–33. С. 289.

¹² См.: Донесение о воспрещении смешанных браков в Волынской епархии и указ Святейшего Синода. Рапорт архиепископа Волынского и ведомости // Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 3. С. 31–36.

¹³ См.: Указ Его императорского Величества Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященнейшему Антонию, архиепископу Волынскому и Житомирскому, Почаевской Лавры Священноархимандриту // Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 3. С. 36–38.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Из рапорта священника Каменице-Подлужского прихода Дубенского уезда городского благочиннического округа Василия Брекевича на имя Преосвященнейшего Антония епископа Волынского и Житомирского // Волынские епархиальные ведомости. 1906. № 3. С. 64–69

Свято-Успенская Почаевская Лавра

к помещикам католического вероисповедания, нежели к православным, т. к. католики «внимательнее и сердечнее относятся к нуждам крестьянского населения»¹⁶. В некоторых случаях польские паны использовали ради «добровольных» переходов из Православия в католицизм экономическое давление, что способствовало росту числа перешедших в латинскую веру¹⁷. На страницах церковной периодики обсуждалась одна из мер по улучшению финансового положения православного населения. Например, для этого было предложено открыть русские потребительские лавки¹⁸. Данную меру пытались разрешить при активном участии православных братств, действующих на территории Волынской епархии.

Ввиду незнания вероучения прихожанами православных церквей остро стоял вопрос образования мирян и активизации приходской деятельности духовенства. Наряду с недостатком образования мирян проблемой являлся и уровень образования духовенства. В Волынской епархии был реализован один из важных проектов, который был направлен на разрешение указанных вопросов. В 1909 г. в центре Православия на Волыни – в Почаевской Лавре были открыты краткосрочные миссионерские курсы для священнослужителей Волынской епархии¹⁹. Знаменательно, что местом проведения курсов была выбрана древняя Свято-Успенская Почаевская Лавра, основанная одним из апологетов Православия в данном регионе преподобным Иовом (Железо). Данные краткосрочные курсы ставили задачу улучшения пастырско-просветительской деятельности на приходах Православной Церкви Волынской

¹⁶ Там же. С. 67.

¹⁷ См.: Борьба католичества с православием в Литве // Волынские епархиальные ведомости. 1905. № 20. С. 675–677.

¹⁸ См.: Казыльский П., свящ. Воззвание // Волынские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 541–542.

¹⁹ См.: Антоний (Храповицкий), архиеп. Смиранный Антоний Божией милостью архиепископ Волынский и Житомирский всем участникам Почаевских миссионерских курсов Божиим священником и священномонахом... С. 819–823.

епархии. В ответ на католическую пропаганду среди православной паствы Волынская епархия получила качественное и количественное развитие проповеднической деятельности священнослужителей, которая включала в себя как проповедь с церковного амвона, так и внебогослужебные беседы, которые выходили и за церковную ограду. О важности всестороннего развития в условиях реальных притеснений православного населения неоднократно заявлял правящий архиерей Волынской епархии архиепископ Антоний (Храповицкий)²⁰.

Завершая обзор межконфессиональной обстановки в Волынской епархии с 1905 по 1909 гг. по материалам церковной периодической печати, можно сделать следующие выводы. Церковная периодика является важным источником по освещению конфессионального противостояния в указанной епархии. На ее страницах были обнаружены факты агрессивного прозелитизма католического духовенства и пропаганды польского национализма по отношению к русскому православному населению, последовавших после принятия конфессионального манифеста. Особым образом в свете религиозного противостояния на страницах церковной периодики освещались проблемы переходов из православия в католицизм, смешанных браков и вопрос образования как мирян, так и духовенства в Волынской епархии. Также церковная периодика западнорусских епархий является важным источником по изучению деятельности православного духовенства региона в свете изменений конфессионального законодательства в Российской империи.

Источники и литература

1. Антоний (Храповицкий), архиеп. Смиренный Антоний Божией милостью архиепископ Волынский и Житомирский всем участникам Почаевских миссионерских курсов Божиим священником и священномонахом // Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 39. С. 819–823.
2. Антоний (Храповицкий), еп. Окружное послание Преосвященнейшего Антония к Волынской пастве // Волынские епархиальные ведомости. 1905. № 29. С. 935–938.
3. Антоний (Храповицкий), еп. Послание Преосвященного Антония к пастырям Волынской Церкви // Волынские епархиальные ведомости. 1905. № 21. С. 679–686.
4. Борьба католичества с православием в Литве // Волынские епархиальные ведомости. 1905. № 20. С. 675–677.
5. Вераксин А., свящ. Слово о православии, сказанное 7-го июня на площади Рускосельской церкви // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 32–33. С. 289.
6. Донесение о восприятии смешанных браков в Волынской епархии и указ Святейшего Синода. Рапорт архиепископа Волынского и ведомости // Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 3. С. 31–36.
7. Дрозд В., свящ. Рапорт одного из благочинных Холмской епархии // Волынские епархиальные ведомости. 1906. № 8. С. 271–277.
8. Из западно-русских епархий // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 28–29. С. 255.
9. Из отчета о состоянии Староконстантиновского городского благочиннического округа за 1905 год // Волынские епархиальные ведомости. 1906. № 16. С. 278–280.

²⁰ См.: Антоний (Храповицкий), еп. Окружное послание Преосвященнейшего Антония к Волынской пастве // Волынские епархиальные ведомости. 1905. № 29. С. 935–938; Антоний (Храповицкий), архиеп. Смиренный Антоний Божией милостью архиепископ Волынский и Житомирский всем участникам Почаевских миссионерских курсов Божиим священником и священномонахом // Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 39. С. 819–823; Антоний (Храповицкий), еп. Послание Преосвященного Антония к пастырям Волынской Церкви // Волынские епархиальные ведомости. 1905. № 21. С. 679–686.

10. Из отчетов о.о. благочинных о состоянии вверенных им округов за 1904 год. Благочинный 3 округа Дубенского уезда // Волынские епархиальные ведомости. 1906. № 9–10. С. 175.
11. Из рапорта благочинного 4 округа Ровенского уезда о состоянии округа за 1905 год // Волынские епархиальные ведомости. 1906. № 14. С. 244–247.
12. Из рапорта священника Каменце-Подлужского прихода Дубенского уезда городского благочиннического округа Василия Брекевича на имя Преосвященнейшего Антония епископа Волынского и Житомирского // Волынские епархиальные ведомости. 1906. № 3. С. 64–69.
13. *Казыльский П., свящ.* Воззвание // Волынские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 541–542.
14. *Карпук Д. А.* Взаимоотношения православных и католиков на территории современной Республики Беларусь в 1905–1907 гг. (по материалам годовых отчетов архиереев Русской Православной Церкви) // Митрополит Иосиф (Семашко; 1798–1868): личность, эпоха, исторический путь Православия на белорусских землях. Материалы международной научно-практической конференции. Минск, 24–26 октября 2018 г. Мн., 2019. С. 284–288.
15. *Квятковский М., свящ.* Из епархиальной жизни. Местечко Иказнь, Дисненского уезда, Виленской губернии // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 35–37. С. 310.
16. *Никандр (Молчанов), архиеп.* Послание Архиепископа Литовского и Виленского Никандра к пастырям Литовской епархии // Литовские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 29–31.
17. Особое вневедомственное Совецание по укреплению начал веротерпимости // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 25–26. С. 230.
18. Полное собрание законов Российской империи (1883–1913 гг.). Собрание Третье. Том XXV. Отделение 1. 1905 г. СПб., 1908.
19. Протокол № 9. 1905 года 1 июня. Литовский епархиальный съезд духовенства // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 51–52. С. 399–401.
20. Рапорт священников с. Квасилова Ровенского уезда Феодора Гейды и с. Дидыч Дубенского уезда Владимира Заха на имя Высокопреосвященнейшего Антония Архиепископа Волынского и Житомирского от 21 сентября сего года за № 42 // Волынские епархиальные ведомости. 1906. № 30. С. 526–537.
21. *Романчук А., прот.* Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. Москва-Минск: Общество любителей церковной истории, 2018. 447 с.
22. Указ Его императорского Величества Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященнейшему Антонию, архиепископу Волынскому и Житомирскому, Почаевской Лавры Священноархимандриту // Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 3. С. 36–38.
23. *Янушевич П., свящ.* Письмо в редакцию // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 35–37. С. 312–313.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Ю. В. Балакшина

**Правда Христова в общественной жизни:
из опыта Православной Российской Церкви
начала XX в.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_63

Аннотация: Статья посвящена реакции представителей Православной Российской Церкви на революционную ситуацию 1905–1906 гг. Приводятся четыре возможных модели церковно-общественного действия: официальная (Послание Святейшего Правительствующего Синода от 14 января 1905 г.), радикальная (деятельность Христианского братства борьбы, направленная на христианизацию освободительного движения), социально-этическая (выбор нравственной позиции в сложных общественных ситуациях членами группы «32-х» петербургских священников), братская (предложения Н. Н. Неплюева по распространению опыта Крестовоздвиженского трудового братства). Приводятся примеры воплощения каждой из названных моделей. Делается вывод о том, как каждая из описанных парадигм использует в своей риторике выражение «правда Христова».

Ключевые слова: Православная Российская Церковь, общественная жизнь, революция 1905 г., Святейший Правительствующий Синод, Христианское братство борьбы, группа «32-х» петербургских священников, Крестовоздвиженское трудовое братство, митрополит Антоний (Вадковский), протоиерей К. М. Аггеев, Н. Н. Неплюев.

Об авторе: **Юлия Валентиновна Балакшина**

Доктор филологических наук, ученый секретарь Свято-Филаретовского православно-христианского института.

E-mail: jbalaksh9@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4187-1633>

Ссылка на статью: Балакшина Ю. В. Правда Христова в общественной жизни: из опыта Православной Российской Церкви начала XX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 63–72.

* Изображения взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Yulia V. Balakshina

**The Truth of Christ in Public Life:
from the Experience of the Russian Orthodox Church
in the Early Twentieth Century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_63

Abstract: The article is devoted to the reaction of representatives of the Russian Orthodox Church to the revolutionary situation of 1905–1906. Four possible models of church-social action are given: official (Epistle of the Most Holy Governing Synod of January 14, 1905); radical (activities of the Christian Brotherhood of Struggle, aimed at the Christianization of the revolutionary movement); socio-ethical (the choice of a moral position in difficult social situations by members of the group of 32 St. Petersburg priests); fraternal (N. N. Neplyuev on the dissemination of the experience of the Holy Cross Labor Brotherhood). Examples of the implementation of each of the named models are given. A conclusion is made about how each of the described paradigms uses the expression “the truth of Christ” in its rhetoric.

Keywords: Russian Orthodox Church, public life, revolution of 1905, Holy Governing Synod, Christian Brotherhood of Struggle, group of 32 St. Petersburg priests, Holy Cross Labor Brotherhood, Met. Anthony (Vadkovsky), K. M. Aggeev, N. N. Neplyuev.

About the author: **Yulia Valentinovna Balakshina**

Doctor of Philology, Scientific Secretary of the St. Philaret Orthodox Christian Institute.

E-mail: jbalaksh9@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4187-1633>

Article link: Balakshina Yu. V. The Truth of Christ in Public Life: from the Experience of the Russian Orthodox Church in the Early Twentieth Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 63–72.

* Images are taken from open sources.

Вступление

В центре нашего внимания в данной статье находится проблема реакции различных представителей Православной Российской Церкви на революционные сдвиги 1905–1906 гг. Нельзя не согласиться с утверждением, что «обращение к истории немигнуемо заставляет задуматься о том, что парадоксальным образом прошлое, о котором намеревается поведать изучающий его субъект, становится таковым только при установлении его связи с настоящим, открытым для будущего»¹. Очевидно, что ответ на вопрос, как должна реагировать Церковь на кризисные ситуации в общественной жизни страны, сегодня остается открытым. Мы понимаем, что исторические условия не повторяются, тем не менее типологические варианты церковной реакции на жизнь мира, в ситуации, когда она утрачивает стабильность, вероятно не столь уж многочисленны. Мы предлагаем рассмотреть четыре «модели» церковной реакции на жизнь общества, народа, государства.

На пастырских собраниях петербургского духовенства, собравшихся после 9 января 1905 г., сформировалась группа священников, предлагавших «стоять на чистом учении Христовом и проповедовать только идеалы Евангелия»². Однако в 1905 г. ситуация развивалась так, что полностью отстраниться от общественно-политической ситуации было уже невозможно. Протоиерей Иоанн Сергиев покинул Кронштадт, который громили революционные войска, но этот апофатический исторический жест ему не простили, обвинив в том, что он бросил паству в момент, когда ей особо была нужна его пастырская забота.

Основная часть

Первая модель связана с «официальной» реакцией Церкви на нарастающие в стране беспорядки. 14 января 1905 г. в ответ на события 9 января было опубликовано Послание Святейшего Правительствующего Синода³, в котором шла речь «о новом испытании», посетившем отечество, еще более горьком, чем первое бедствие — Русско-японская война. «В столице и других городах России начались стачки рабочих и уличные беспорядки»: «Люди русские, искони православные, от лет древних навывкившие стоять за Веру, Царя и Отечество, подстрекаемые людьми злонамеренными, врагами Отечества, домашними и иноземными... скопом и насилием добиваясь своих будто бы поправленных прав».

Далее шло обвинение в том, что «произошедшие беспорядки вызваны подкупамися со стороны врагов России», которые заинтересованы в поражении России в Русско-японской войне и в том, чтобы «раскачать твердьны наши — веру православную и самодержавную власть царскую». Обратим внимание на частое и сознательное использование инверсии, предающей тексту послания некоторую архаичность.

Далее авторы послания рисуют картину патриархального единства царя и народа и упрекают рабочих в том, что они принесли горечь «Венценосному вождю земли Русской». Впрочем, все происходящее вполне в духе средневековой религиозной парадигмы объясняется Божьим промыслом, цель которого «дабы все мы не погубили в конец, но пришли к покаянию».

Завершается послание обращением к разным категориям российского общества с увещеваниями, которые целиком состоят из новозаветных и ветхозаветных цитат. Смысл призывов кратко можно выразить так: ко всем чадам — повинуйтесь власти; к пастырям — проповедуйте слово, обличайте, подавайте пример; к власть

¹ Лингвистический поворот и историческое познание в западной философии XX–XXI веков. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 49.

² Петербургское духовенство и 9 января. Сообщил А. Шиллов // Красный архив. 1929. Т. 5 (36). С. 198–199.

³ Послание Святейшего Правительствующего Синода // Тверские епархиальные ведомости. Ч. офиц. 1905. № 3. С. 77–80.

Митрополит
Антоний (Вадковский)

имущим — ищите правды, спасайте угнетенного; к богатым — богатейте добрыми делами, щедростью и милосердием; к труженикам — трудитесь и берегитесь ложных советников.

Послание подписали члены Святейшего Синода: митрополиты Антоний (Вадковский), Владимир (Богоявленский), Флавиан (Городецкий), Николай (Налимов), епископ Винницкий Климент (Веринковский)⁴.

Характерна реакция на послание молодого питерского духовенства, будущих членов группы «32-х», которую они имели возможность высказать в личной беседе с митрополитом Антонием (Вадковским) 14 февраля 1905 г. Интересно, что владыка Антоний сам спросил у молодых священников искреннего мнения об этом документе. Священник Константин Аггеев от лица всей группы дал отрицательный отзыв на Послание. Несправедливым показались два тезиса: «ссылка на англо-японские деньги» и возложение вины исключительно на рабочих: «ни слова утешения и сожаления рабочим», «однобокая правда»⁵.

Таким образом, синодальное послание исходит из двух типичных, но уже устаревших к началу XX в. моделей: симфонических отношений Церкви и государства и патриархального

единства царя и народа. Оно игнорирует назревшие социальные конфликты, не признает существования в России общества, как группы людей, интересы которых не тождественны интересам государства; не замечает и тот факт, что внутри самой Церкви давно уже нет единомыслия по вопросу сохранении связи с государственной властью. В результате послание, выдержанное в архаизированной стилистике, не находит современного языка, чтобы обратиться к разным группам населения и оказывается мало эффективным средством воздействия на паству.

Второй вариант реакции на церковно-общественную ситуацию можно назвать **«радикальным»**. По радикальному пути — «встать впереди освободительного движения, сделать его христианским, сведя на нет силы революции»⁶ — пошло Христианское братство борьбы, ядро которого составляли молодые московские студенты В. П. Свенцицкий, В. Ф. Эрн, А. В. Ельчанинов. С февраля 1905 г. Братство открыто заявляет о себе и своей особой церковно-общественной позиции в листовках, распространяемых в Москве и других городах. Они обличают самодержавие, называя его «самым безбожным проявлением светской власти»⁷ (в качестве методов борьбы с действующей

⁴ С 1 декабря 1904 г. уволен на покой с титулом епископа Винницкого и оставлением его присутствующим членом Святейшего Синода.

⁵ Письма свящ. Константина Аггеева к П. П. Кудрявцеву // Балакина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников, 1903–1907): Документальная история и культурный контекст. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. С. 300.

⁶ Свенцицкий В. П. Христианское братство борьбы и его программа // Свенцицкий В. П. Собрание сочинений. Т. 2: Письма ко всем верующим: Обращения к народу. М.: ТГ «Белый город», 2010. С. 26.

⁷ «Борьба с самым безбожным проявлением светской власти — с самодержавием, кощунственно прикрывающимся авторитетом Церкви, терзающим народное тело и скрывающим все добрые силы общества». См.: Свенцицкий В. П. Христианское братство... С. 28.

властью допускаются и такие насильственные методы, как забастовки), призывают к борьбе «с пассивным состоянием Церкви в отношении государственной власти, в результате чего Церковь идёт на служение самым низменным целям и явно кесарю предаёт Боже»⁸; разрабатывают не только церковную, но и политическую и экономическую программу необходимых преобразований.

Понимая, что официальных согласований на свою деятельность они не получают, члены Христианского Братства борьбы начинают действовать нелегально. Так, не соглашаясь с официальной позицией Церкви, высказанной в послании Синода, члены Братства считают необходимым «распространить в народе, особенно в городском, наиболее восприимчивом населении, ответ на воззвание Синода»⁹, — ночью они сами расклеивают свое воззвание на улицах города. В целях распространения своих взглядов среди интеллигенции и духовенства члены ХББ рассылают свое обращение «О задачах Христианского братства борьбы» почти всем русским епископам и многим представителям духовенства в Москве, Петербурге, Киеве, Владимире, Воронеже, Тифлисе, Харькове, а обращение «К обществу» было разбросано по ящикам для писем и газет в Москве и других городах.

Однако собственно попытки от теории перейти к практике и встать во главе революционного движения, поменяв его цели, поставив в центр Христа и Вселенскую Церковь¹⁰, не увенчались успехом. Эти попытки описаны В. П. Свенцицким в работе «Христианское братство борьбы и его программа». Один из членов ХББ предпринял поездку в некоторые провинциальные города, где читал рефераты о программе Братства. Была произнесена проповедь во время стачки с призывом «Превратить стачку за хлеб насущный в подвиг борьбы с теми, кто, эксплуатируя труд, оскверняет мир — этот Храм Господень, делая его домом торговли и вертепом разбойников»¹¹. Представитель Братства выступал как проповедник. В силу своих личных недостатков (слабости голоса, делавшей его почти неслышимым на воздухе), он не мог говорить перед большой аудиторией, но среди небольшого числа рабочих его слушали и понимали. С большим трудом одному из членов Братства удалось направиться в Курскую губернию, где он и провёл около двух недель, переходя из деревни в деревню. Речь всюду была одна: народ должен стать свободен от цепей, но он должен освобождаться от них во имя свободы Христовой, и тогда не безумная ненависть, а великая любовь загорится в сердцах тех, кто борется за свободу¹².

Очевидно, что эти слабые попытки не могли изменить характер освободительного движения. Призывы бороться «не за личную счастливую жизнь, а во имя Христова, ...идти на защиту опозоренного Христа»¹³, хотя и вызвали сочувствие в религиозно настроенном народе, но не воплощались в конкретные действия, число членов Братства не увеличивалось. Христианское братство борьбы, по мнению Свенцицкого, было первой попыткой создания в России христианской политической организации. Однако попытка эта была предпринята задолго до манифеста об усовершенствовании государственного порядка 17 октября, даровавшего «свободы совести, слова, собраний и союзов». Радикальный и нелегальный характер деятельности ХББ привел к тому, что охранное отделение полиции объявило деятельность братства революционной, и в 1906 г. молодым людям широкую деятельность пришлось свернуть. Отметим,

⁸ Свенцицкий В. П. Христианское братство... С. 28.

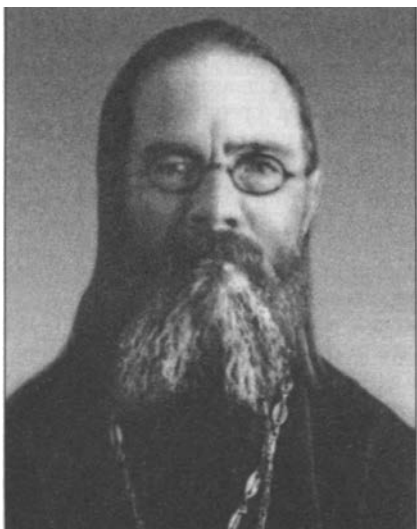
⁹ Нашедшие град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах / сост. С. В. Чертков. М.: Кучково поле; Спаское дело, 2017. С. 147.

¹⁰ «В центре всего для Братства стоит Христос. Вселенская Церковь — вот то, к чему стремится оно в каждом своём политическом действии, таким образом, не во внешних условиях полагает Братство всё значение и силу прогресса. Идея Богочеловечества, чуждая тому, что привыкли понимать под “христианским социализмом”, положена в основу деятельности Братства». См.: Свенцицкий В. П. Христианское братство... С. 32.

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Там же. С. 31–32.

¹³ Там же. С. 31.

Протоиерей
Константин Аггеев

однако, что при всем радикализме взглядов ХББ не представляло свою деятельность вне Церкви, в чем радикально разошлось с кругом Мережковского-Гиппиус¹⁴. Может быть, особая заслуга этого кратковременного явления не в их пропагандистской деятельности, а в первых попытках сформулировать и обосновать понятие «церковной общественности». Как писал Свенцицкий, «события 9 января застали христиан врасплох. ... не было выработанных, вполне сознательных религиозных основ для того, чтобы занять подобающее место в начавшемся движении... Острая неотложность момента вскрывала всю ту беспомощность, в которой находились христиане в вопросах общественных»¹⁵. Можно не соглашаться с теми ответами на вызовы времени, которые предложили члены ХББ, но сегодня уже трудно отрицать тот факт, что христианство должно реагировать на общественную ситуацию, обосновывая свою позицию не только политически, но и богословски.

Третью модель можно назвать «просветительской» или «социально-этической». Ее продемонстрировали некоторые представители группы «32-х» петербургских священников. Группа стала широко известна весной 1905 г. благодаря своим запискам о необходимых преобразованиях в церковном управлении и составе Поместного Собора. Формирование объединения, получившего позднее название Союз церковного обновления и Братство ревнителей церковного обновления, происходило на протяжении лета и осени 1905 г.

Речь в первую очередь пойдет об одном из лидеров группы священнике Константине Аггееве¹⁶. В своих письмах П. П. Кудрявцеву отец Константин так описывал свою деятельность в разгар революции 1905 г.: «...Во все дни “революции”, когда забастовавшие сидели по кабинетам, мы с Егоровым ни одного вечера не были дома: заседания и в отдаленных, и центральных местах Петербурга, и ни разу мысль об опасности не приходила в голову. Электричество потухло, газетчиков на было, а мы идем...»¹⁷ (письмо от 19 октября 1905 г.). Священники Константин Аггеев и Иоанн Егоров, в отличие от представителей Христианского братства борьбы, не пытались возглавить освободительное движение или как-то повлиять на его идеи и характер; скорее в их задачи входило христианское просвещение рабочих, которые, в силу ряда обстоятельств оказываясь вне традиционного для сельской местности религиозного уклада, с трудом обретали новый опыт и новые формы выражения христианской веры. Сходные задачи выработки новых форм христианского опыта решал в условиях модернизации страны, например, отец Иоанн Сергиев (Кронштадтский), который звал свою паству к частому причащению и осознанному участию в евхаристии. Для священников Константина Аггеева, Иоанна Егорова, Михаила Чельцова и ряда других пастырей-единомышленников таким новым центром христианского притяжения стало Евангелие. Они проводили внебогослужебные собеседования с рабочими на фабриках, в пунктах общества трезвости при Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения

¹⁴ См. об этом: *Свенцицкий В. П. Революция или бунт // Наше дело...* С. 444–449.

¹⁵ *Свенцицкий В. П. Христианское братство...* С. 42.

¹⁶ 4 января 1921 г. отец Константин вместе со своим сыном Иваном был расстрелян большевиками в Багреевке, под Ялтой. Подробнее см.: *Балакишина Ю. В. Братство...* С. 130–143.

¹⁷ *Аггеев К. М. Письма...* С. 346.

в духе Православной Церкви в различных частях города, опираясь на Евангельское слово: «Сначала говорил Чельцов — о Евангельских блаженствах. Затем я о богатстве и бедности применительно к Евангельскому чтению прошлого воскресения. В перерывах общее пение. Затем предложил самим слушателям — в большинстве рабочие — выйти на кафедру. Нашлись, и началась беседа... удивительно хорошо прошло»¹⁸. Собеседования пользовались большим успехом, число посещавших их рабочих неуклонно возрастало, рабочие крупнейших заводов обращались к митрополиту с просьбой назначить священника Константина Аггеева настоятелем в фабричные храмы.

Но помимо просветительской деятельности священникам приходилось постоянно решать совершенно новые для них нравственные задачи, связанные с поддержкой тех или иных сил в разворачивающемся противостоянии. В письмах отца Константина описан целый ряд ситуаций, когда ему приходилось искать критерий социально-этической, а не политической реакции на происходящее. Так, например, когда началась забастовка в Санкт-Петербургской духовной академии, студенты постановили обратиться за поддержкой к священникам из группы «32-х». Однако Аггеев не считал возможным отозваться на призыв студентов, чтобы не нарушать единство академической корпорации («Я со своей стороны ответил им что наше участие мыслимо лишь в том случае, если профессора единодушно выскажутся за это. В противном случае лучше пожертвовать нами, чем повредить делу солидарности профессоров и студентов»¹⁹). Однако, когда студенты пришли на экстренное собрание «Союза церковного обновления», было принято иное решение, которое Аггеев поддержал: «единогласно студенческое дело сочли своим» и наметили практические пути поддержки забастовавших студентов — посылка телеграмм во все академии, требование общего собрания духовенства города, подписка для уволенных студентов, записка от имени «Союза церковного обновления»²⁰. Когда забастовка началась в Александровской половине Смольного института, где Аггеев был законоучителем, он категорически отказался в ней участвовать: «Если бы вся Россия требовала от меня решения — я бы остался тверд»²¹. Однако, когда за участие в забастовке его коллег стали увольнять по тяжелым статьям, лишавшим людей возможности продолжать работать в сфере образования, Аггеев потребовал от начальницы института, чтобы его уволили по той же самой статье²².

Поиск нравственно честной, достойной позиции в далеко неоднозначных ситуациях для такого прямого, деятельного и чуткого к неправде человека, каким был отец Константин Аггеев, несомненно, был непростой задачей. В письмах он сетовал: «Ужасную ношу возложила на наши плечи история. Я порой физически чувствую что-то давящее»²³. Однако, проходя эти жизненные испытания, он вырабатывал своего рода критерии (нормы) достойного христианского общественного поведения:

- отказ от безоговорочной поддержки государства, но и отказ от прямой публичной критики власти и борьбы с ней;
- взвешенное и критическое отношение к действиям революционеров, приоритет ценности человеческой свободы: «Действия революционеров — совершенное самодержавие, попрание свободы, порою инквизиция. Отныне я лично отказываюсь сказать, как прежде: я на стороне наличного освободительного движения...»²⁴;
- отстаивание права Церкви выносить оценки явлений социальной жизни, вносить в социальные конфликты евангельский критерий;

¹⁸ Там же. С. 355.

¹⁹ Там же. С. 341.

²⁰ Там же. С. 342.

²¹ Там же. С. 346.

²² Там же. С. 361.

²³ Там же. С. 340.

²⁴ Там же. С. 360.

- христианское просвещение;
- поддержка и утешение тех, кто попал в ситуацию беззакония и насилия;
- собиране единомышленников вокруг реальных и позитивных целей и ценностей²⁵.

Наконец, четвертую модель мы назовем «**братской**», поскольку ее утверждал и продвигал основатель Крестовоздвиженского трудового братства Н. Н. Неплюев. Николай Николаевич Неплюев, будучи богатым русским дворянином,

Н. Н. Неплюев

оставил служебную дипломатическую карьеру, поселился в родовом имении и занялся воспитанием крестьянских детей. В 1880-е — 1890-е гг. он открывает Воздвиженскую и Преображенскую низшие сельскохозяйственные школы; в 1889 г. основывает Крестовоздвиженское православное трудовое братство, в которое входят выпускники этих школ. Если в 1889 г. в братстве было 3 человека, то к 1917 г. их число возросло до 1.200. Неплюев очень радел о распространении братского опыта в России, приезжал со специальными лекциями в столичные города. Закономерно, что, став свидетелем революционных событий, он сформулировал следующий тезис: сплоченным и разумно организованным силам зла нужно противопоставить объединенные силы добра. В отличие от представителей двух предыдущих «моделей» Неплюев в силу своего происхождения и воспитания не питал даже временных симпатий к освободительному движению.

Неплюев разработал целую программу христианской альтернативы революцион-

ным потрясениям, которую пытался донести до трех адресатов: до Церкви, до общества и до власти. В Церкви он предлагал «восстановить жизненное значение и жизненную правду верховного царственного закона о любви к Богу и братолюбия»²⁶, явить неверующим пример «братских отношений». Возможность таких отношений, по мнению Неплюева, была в созданном им братстве: «Что сделано в малом размере на лоне Братства нашего, может быть сделано и в больших размерах по всему широкому лицу земли русской»²⁷. Он полагал, что Крестовоздвиженское трудовое братство есть «живое доказательство, что оздоровление души народной и полное преобразование жизни с помощью Божьей возможно в самый короткий срок»²⁸. Неплюев считал, что опыт созданного им братства может быть воспроизведен повсеместно,

²⁵ Так, например, отец Константин Аггеев выступает организатором панихиды по С. Н. Трубецкому на том основании, что «в последнее время Трубецкой — символ разумно-освободительного движения в нашем обществе» и «отношение к нему со стороны духовенства имеет важное общественное значение»; на панихиде он произносит речь о почившем. Там же. С. 338.

²⁶ *Неплюев Н. Н.* Вера и жизнь. Публичная лекция для верующих // *Неплюев Н. Н.* Христианская альтернатива революционным потрясениям в России. Избранные сочинения 1904–1917 годов / сост. Н. Д. Игнатович. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2018. С. 182.

²⁷ Там же. С. 205.

²⁸ Там же. С. 231.

в разных сферах церковной, общественной, народной жизни. Так, он предлагал создание трудовых и профессиональных братств со свободным правом входа и выхода из них, братств-приходов с правом принимать и исключать из своей среды по требованию христианской совести и Всероссийского православного братства. Духовенство он призывал в годину междоусобия стоять за правду, но достигать ее мирными путями.

Особая программа была обращена Неплюевым к неверующему обществу. В центре этой программы находилась идея «мирного прогресса»: «...Призываю с пути борьбы на путь мира и братского единения, от боевого прогресса к мирному прогрессу»²⁹. Побудительной силой, которая может повлиять на выбор неверующего человека, может стать жажда свободы: «Человечество желает свободы. Свобода невозможна без дисциплины любви. Борьба, ожесточенная, является тормозом для истинной свободы»³⁰. Положительным шагом, практическим опытом в направлении мирного прогресса опять-таки объявляется «Трудовое братство наше»³¹. Но в данном случае Неплюев предлагает живым и желающим добра силам общества объединиться не в братство, а в союз добрых самарян, а в другом месте — в партию мирного прогресса. Братство — живая клетка живых организмов Церкви и государства. В общественной программе Неплюева важное место занимает идея сословного покаяния. В своих трудах 1904–1907 гг. он называет грехи разных сословий и призывает осознанно покаяться в них.

Наконец, Неплюев составил верноподданническую записку о прекращении революционного движения в стране и передал ее через великого князя Константина Константиновича императору Николаю II³². Среди мер, которые он предлагает императору для прекращения раздора и вражды, очевидно опираясь на традицию русских земских соборов, — определенная программа мирного прогресса, включающая учреждение совещательного собрания выборных от народа, и «право и честь сказать за всю страну слово покаяния в том, что все мы в недостаточной степени были и желали быть достойным Божиим...»³³

На записке Неплюева нет помет императора и не известно, была ли она прочитана; однако известно, что ни Всероссийское братство, ни Союз добрых самарян, ни партия мирного прогресса не были созданы. В 1906 г. была зарегистрирована партия Мирного обновления, членом которой стал о. Константин Аггеев, но об участии в ней Неплюева нам не известно. Сам Неплюев скончался в 1908 г., не успев довести до воплощения многие из своих идей. Однако идея братской жизни не осталась незамеченной. В 1906–1907 гг., когда общественная активность резко снизилась, многие деятели группы «32-х», слушавшие доклады Неплюева, занялись созданием православных братств и братских объединений. Особо широкое распространение идея братств получила уже после 1917 г., когда они стали реальной альтернативой революционным потрясениям и способом сохранения Церкви.

²⁹ Неплюев Н. Н. По поводу докладов «Война или мир», «Вера и жизнь» // Неплюев Н. Н. Христианская альтернатива... С. 19.

³⁰ Там же. С. 23. «Свобода всех невозможна без дисциплины любви, когда из любви не желают злоупотреблять своей свободой, становятся способными на сознательное и разумное самоограничение, становятся способными на добровольную дисциплину любви. Только при этих условиях возможно упразднение всяких мер репрессии и насилия без ущерба для самой свободы всех и мирного благоденствия человечества».

³¹ «Трудовое братство наше — положительный шаг, практический опыт в направлении мирного прогресса. Оно более убедительная проповедь делом против косности и застоя, против человеконенавистничества и социального неравенства, против благодушной уживчивости со злом и кастового обособления, чем всякие протесты, чем всякая борьба. Разумная свобода, равенство и тесное единение в братолюбии осуществлены на лоне Трудового братства, а это больше, чем спорить, требовать и не осуществлять! Осуществлены без ломки, без насилия, а это очевидно выгоднее для человечества!» Там же. С. 31.

³² Там же. С. 329–346.

³³ Там же. С. 341.

Заклучение

Все четыре описанных модели используют в своих программах документах выражениям «правда», «правда Христова», «правда Божья». Однако предложенный анализ позволяет увидеть, что в пределах разных моделей церковно-общественного взаимодействия «правда» может пониматься весьма по-разному — как сохранение патриархальных симфонических отношений между Церковью и государством и однозначное осуждение тех, кто посягает на государственные основы; как «правда о земле», а значит, о разумном и справедливом социальном устройении (идеал полной и всецелой правды людских отношений); как утверждение священного достоинства личности и полной недопустимости насилия (эксплуатации); как «Божья правда верховного христианского Откровения о любви», а значит, о создании православных братств. Справедливости ради стоит отметить, что «правда Христова» в своей глубине и многогранности действительно включает в себя почти все перечисленные значения, а многообразие путей ее достижения, предложенных церковными деятелями начала XX в., свидетельствует о том, что состояние Русской Церкви в конце синодального периода было отнюдь не безнадежным. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся...» (Мф 5:6).

Источники и литература

1. Балакишина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников, 1903–1907): Документальная история и культурный контекст. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. 424 с.
2. Лингвистический поворот и историческое познание в западной философии XX–XXI веков. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 304 с.
3. Наше дшше град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах / сост. С. В. Чертков. М.: Кучково поле; Спасское дело, 2017. 472 с.
4. Неплюев Н. Н. Христианская альтернатива революционным потрясениям в России. Избранные сочинения 1904–1917 годов / сост. Н. Д. Игнатович. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2018. 384 с.
5. Петербургское духовенство и 9 января. Сообщил А. Шилов // Красный архив. 1929. Т. 5 (36). С. 192–199.
6. Послание Святейшего Правительствующего Синода // Тверские епархиальные ведомости. Ч. офиц. 1905. № 3. С. 77–80.
7. Свенцицкий В. П. Собрание сочинений. Т. 2: Письма ко всем верующим: Обращения к народу. М.: ТГ «Белый город», 2010.

ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Г. В. Бежанидзе, А. Г. Фирсов

Святейший Синод и становление ведомства православного исповедания

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_73

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования ведомства православного исповедания как отдельной отрасли государственного управления. Возникновение ведомства следует связывать с министерской реформой первой четверти XIX в., когда появляется первая правительственная структура по делам Православной Церкви — отделение духовных дел греко-российского исповедания. Возникнув в 1817 г. как составная часть министерства Духовных дел и народного просвещения, это учреждение сохранилось при упразднении министерства и перешло в ведение обер-прокурора Синода. Но министр духовных дел, как впоследствии и обер-прокурор, по отношению к Синоду не обладал полномочиями руководителя ведомства. Церковное управление было прерогативой Святейшего Правительствующего Синода, который и возглавлял ведомство православного исповедания.

Ключевые слова: Святейший Синод, министерство духовных дел, обер-прокурор Святейшего Синода, ведомство православного исповедания, министерская реформа.

Об авторах: Георгий Вениаминович Бежанидзе

Кандидат богословия, доцент, доцент кафедры общей и русской церковной истории и канонического права Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: georgiib@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9628-9528>

Андрей Германович Фирсов

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История, философия, политология и социология» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I.

E-mail: agfirsov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6876-5972>

Ссылка на статью: Бежанидзе Г. В., Фирсов А. Г. Святейший Синод и становление ведомства православного исповедания // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 73–82.

* Фотографии предоставлены авторами.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Georgy V. Bezhanidze, Andrey G. Firsov

**The Holy Synod and Establishing the Department
of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_73

Abstract: The article is devoted to the problem of forming the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession as a separate branch of public administration. The emergence of the department should be associated with the ministerial reform of the first quarter of the 19th century, when the first government structure for the affairs of the Orthodox Church appeared – the department of religious affairs of the Greek-Russian confession. Having emerged in 1817 as an integral part of the Ministry of Religious Affairs and Public Education, this institution survived after the abolition of the ministry and came under the jurisdiction of the Ober-Procurator of the Synod. But the minister of spiritual affairs, like the Ober-Procurator later on, did not have the powers of the head of the department in relation to the Synod. Church administration was the prerogative of the Holy Governing Synod, which headed the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession.

Keywords: The Holy Synod, Ministry of Religious Affairs, Ober-Procurator of the Holy Synod, Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession, ministerial reform.

About the authors: **Georgy Veniaminovich Bezhanidze**

Candidate of Theology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Russian Church History and Canon Law at St. Tikhon's University for the Humanities.

E-mail: georgiib@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9628-9528>

Andrey Germanovich Firsov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology at the Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railways.

E-mail: agfirsov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6876-5972>

Article link: Bezhanidze G. V., Firsov A. G. The Holy Synod and Establishing the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 73–82.

* Photos provided by the authors.

В историографии и публицистике широко распространено мнение о государственном характере структур высшего церковного управления в синодальный период истории Русской Церкви. Святейший Правительствующий Синод часто называют государственным учреждением. Понятие «ведомство православного исповедания» все еще может использоваться как обозначение и даже наименование не только церковных административных структур XVIII–XIX столетий, но и самой Поместной Православной Церкви в Российской империи, хотя уже достаточно давно адекватное разъяснение этого термина предложено на страницах авторитетного энциклопедического издания¹.

Называть систему церковного управления синодального периода «ведомством» некорректно и с терминологической, и с исторической точек зрения. Как бы не характеризовать Святейший Правительствующий Синод, как государственное, церковное, церковно-государственное или государственно-церковное учреждение, как ни оценивать его каноническое измерение, как ни сопоставлять его место и роль в Поместной Русской Церкви с местом и ролью существовавшего до и после синодальной эпохи «первого епископа» — Патриарха, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что словосочетание «ведомство православного исповедания» или же «духовное ведомство» появляется на страницах источников через сто с лишним лет после учреждения Синода. Да и само понятие «ведомство» отражает российские административно-политические реалии только с первой четверти XIX в. Постепенное внедрение ведомственного принципа в систему государственного управления или, точнее, построение системы государственного управления на ведомственном принципе начнется с первых лет царствования Александра I и растянется, как минимум, на три десятилетия². В ходе этого процесса, который мы чаще всего называем «министерской реформой», слово «ведомство» начнет вполне официально обозначать «определенную область государственных задач, возложенных ... на то или иное учреждение»³.

Сказанное, конечно, не означает, что Церковь в России в XVIII в. функционировала автономно от государства. Абсолютистское государство вообще плохо терпит любую автономию, а российское самодержавие было православной монархией, и не могло быть устранено от церковных дел и контроля за ними. Формальным выражением этого контроля стало появление в 1722 г. должности обер-прокурора Святейшего Синода. Обер-прокурор был, безусловно, государственным чиновником. Но вот задачи, которые стояли перед синодальным обер-прокурором на протяжении первых ста с лишним лет существования этой должности, относились к сфере административно-бюрократической, а никак ни к государственно-политической. Административные полномочия обер-прокурора в XVIII столетии ограничивались надзором за функционированием Синода и ходом рассмотрения дел⁴.

Показательно, что обер-прокурор не обладал собственным канцелярским аппаратом и использовал служителей синодальной канцелярии. Правда, согласно инструкции обер-прокурору 1722 г., «канцелярия синодская и служители оной» находились в «дирекции» обер-прокурора⁵. Как показывают материалы синодального делопроизводства в XVIII в., кто-то из этих служителей закреплялся за обер-прокурором (первый случай фиксируется в 1723 г.). Однако это закрепление было

¹ Цыпин В., *прот.* Ведомство православного исповедания // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 369.

² См.: Приходько М. А. Создание министерской системы управления в России в первой трети XIX века. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2010.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. VIIа: Выговский — Гальбан. СПб., 1892. С. 611–612.

⁴ Божанидзе Г. В., Фирсов А. Г. Административные полномочия обер-прокурора Святейшего Синода в XVIII в. // Святейший Синод в истории российской государственности. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2017. С. 20–28.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее — ПСЗ-1). Т. 6. СПб., 1830. № 4036. С. 721.

Князь А. Н. Голицын.

Из собрания Государственного Эрмитажа

не административным, а функциональным, и оформлялось не решениями обер-прокурора, а решениями Синода. Определение, перемещение, повышение таких канцеляристов и даже их обязанности оформлялись синодальными постановлениями, хотя и, чаще всего, по представлениям обер-прокурора⁶. Сложно сказать, в чем конкретно заключались служебные обязанности таких канцеляристов: похоже, они играли роль личного секретариата, в современной терминологии. Во всяком случае, в 1725 г. в ответ на предложение обер-прокурора Баскакова учредить особых чиновников для ведения журнала обер-прокурорских дел, Синод ответил отказом, пояснив, что «обер-прокурорского журнала не имеется в канцелярии за тем, что и действ таких ныне нет»⁷.

В конце XVIII — начале XIX вв. ситуация несколько меняется. Однозначно выделяются дела, называемые «обер-прокурорскими». В архив такие дела, судя по описям, сдаются

отдельно, количество их составляет около двух десятков дел в месяц⁸. Канцелярские служители, закрепленные за обер-прокурором, рассматриваются как некая структура, называемая то «канторой обер-прокурорских дел», то даже «обер-прокурорской канцелярией». И все же ни штатно, ни организационно эта структура в составе синодальной канцелярии не выделяется. Обер-прокурор и его аппарат на протяжении достаточно долгого времени — это не ведомство и даже не отдельный институт в системе управления делами Православной Церкви в России.

Об институционализации обер-прокуратуры можно говорить только по мере реализации мероприятий «министерской реформы». Одним из активных участников происходивших преобразований был занимавший с 1803 г. пост обер-прокурора князь А. Н. Голицын, видный сановник и государственный деятель. Его деятельность и влияние не могли не отразиться на деятельности и влиянии подчиненных ему служителей. Кроме того, должны были сыграть роль и причины технического характера: появлялись новые органы управления, внедрялось «Общее учреждение министерств», с создаваемыми ведомствами нужно было взаимодействовать, вести переписку. К 1817 г. в «обер-прокурорской канцелярии», по-прежнему не выделенной структурно, насчитывалось едва ли не десяток сотрудников, которые едва ли не в полном составе перейдут в созданное в этом году Министерство духовных дел и народного просвещения⁹.

О необходимости особого ведомства по управлению делами религиозных конфессий говорилось с самого начала подготовки министерской реформы. Идею создания «министерства всех вер и религий», кроме православного исповедания, предлагал в 1802 г. Н. Н. Новосильцев. М. М. Сперанский проектировал создание ведомства духовных дел под руководством обер-прокурора Святейшего Синода. Однако ни то, ни другое предложения не были приняты. В манифесте 25 июля 1810 г.

⁶ См., напр.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (далее — ОДДС). Т. 3 (1723 г.). СПб., 1878. № 585. С. 639; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование императора Павла I. СПб., 1915. № 169. С. 157–158.

⁷ ОДДС. Т. 5 (1725 г.). М., 1880. С. VI.

⁸ Описи см.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 797. Оп. 2. Д. 5672.

⁹ Список чиновников канцелярии обер-прокурора // РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 9395. Л. 1а, 1б–16 об.

«О разделении государственных дел на особые управления с означением предметов, каждому управлению подлежащих» говорилось, что «предметы, относящиеся к духовству православного греко-русского исповедания имеют свое средоточие в Святейшем Синоде и не требуют в образе Главного их управления никакого дополнения»¹⁰.

И все же, через семь лет такое дополнение появилось. О причинах и обстоятельствах создания «Двойного министерства», а также о причинах и обстоятельствах его упразднения в 1824 г. написано немало. Религиозно-философские взгляды императора Александра I, карьера А. Н. Голицына, возглавившего министерство, усиление «влияния религии на все стороны культурного процесса», политика в области просвещения — какие только мотивы непродолжительного существования этого учреждения не приводились в литературе. Оставляя историю Министерства духовных дел и народного просвещения за рамками настоящей публикации, хочется обратить внимание на возможность подойти к этому вопросу в контексте «министерской реформы»: правительство искало подходящую форму для религиозного ведомства, существование которого признавалось необходимым.

В новом министерстве появилось подразделение, ведавшее делами Православной Церкви, — первое отделение Департамента духовных дел по делам греко-русского исповедания. Круг дел первого отделения был определен манифестом об учреждении «Двойного министерства»: это были дела, которые ранее вел обер-прокурор и его канцелярия. Если ранее подобные дела, скорее всего, поручались обер-прокурором по его усмотрению чиновникам его канцелярии, то теперь дела церковно-государственного характера производились первым отделением на основании государственного регламента¹¹. Деятельность именно этой структуры легла в основу формирования отдельного ведомства по делам Православной Церкви в России.

При упразднении «Двойного министерства» первое отделение стало отдельным учреждением в ведении синодального обер-прокурора с наименованием «Отделение Духовных дел Грекороссийского исповедания при обер-прокуроре Святейшего Синода». Если при создании Министерства Духовных дел и народного просвещения обер-прокурор Синода переходил в подчинение министра, не меняя своего функционала — наблюдения «за порядком и законным производством, подлежащих рассмотрению и решению Синода», то теперь должность обер-прокурора оказывалась напрямую связана с правительственной деятельностью. Как писал в своем «Курсе церковного права» Н. С. Суворов, «получив в свое распоряжение названное отделение ... обер-прокурор вступил в положение министра или главноуправляющего особым ведомством»¹².

Новые функции обер-прокурора не были обеспечены соответствующими административными полномочиями в системе государственного управления, теми полномочиями, которыми обладал прежний руководитель ведомства — министр духовных дел и народного просвещения. Рецепция этих полномочий и их оформление происходили постепенно, процесс легко проследить по законодательным актам второй-третьей четверти XIX в. Известно, что существенные сдвиги в этом процессе произошли в 1830–1840-е гг., когда пост обер-прокурора Синода занимал Н. А. Протасов. В это время административные функции обер-прокурора дополнялись, расширялся его аппарат. Вместо отделения духовных дел православного исповедания в ведении обер-прокурора учреждаются Канцелярия обер-прокурора, Духовно-учебный и Хозяйственный комитеты Синода, по образцу министерских отчетов начинает составляться и публиковаться ежегодный «Всеподанный отчет обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода по ведомству

¹⁰ См.: *Безянидзе Г. В., Фирсов А. Г.* Министерская реформа и «Двойное министерство»: попытка создания религиозного ведомства в России в первой четверти XIX века // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 1. С. 32–33.

¹¹ ПСЗ–I. Т. 34. № 27106. С. 815–816.

¹² *Суворов Н. С.* Курс церковного права. Т. 1. М., 1889. С. 161.

Обер-прокурор Синода
граф Н. А. Протасов

православного исповедания»¹³. В 1865 г. появится должность товарища обер-прокурора¹⁴. У теоретиков государственного права Российской империи последней трети XIX — начала XX вв. не будет никаких сомнений в том, что ведомство православного исповедания — это вполне самостоятельная отрасль государственного управления, а обер-прокурор Синода — это архаичное название должности министра по делам Православной Церкви¹⁵.

Тем не менее, нельзя не обратить внимание на следующее обстоятельство: процесс присвоения министерских полномочий обер-прокурором растянулся почти на столетие. Его должность, фактически министерская, относилась к IV, а не ко II классу Табели о рангах. Лица, занимавшие пост обер-прокурора, чаще всего имели более высокий чин, однако лишь в 1905 г. обер-прокурор был включен по должности в число членов Государственного совета и Комитета министров. Тогда же его должность была переведена во II класс¹⁶, но именоваться министром

обер-прокурор так и не стал. Получается, что за ним не признавался статус руководителя ведомства православного исповедания.

Конечно, нельзя не учитывать, что обер-прокурор не имел в своем подчинении ведомственных структур на местах, как имели их другие министерства¹⁷. Думается, однако, что при наличии соответствующего решения, такие структуры могли бы появиться незамедлительно. Вопрос в том, почему решение о преобразовании обер-прокуратуры в министерство не принималось вплоть до падения монархии в России.

Обращение к истории учреждения «Двойного министерства» в 1817 г. помогает прояснить причины такого положения дел. Реконструкция истории создания текста манифеста об учреждении Министерства духовных дел, сравнительный анализ прописанных в тексте Учреждения министерства духовных дел и народного просвещения полномочий министра в отношении Православной Церкви и других религиозных организаций показывают, насколько усердно авторы документов старались зафиксировать особое положение господствующего исповедания. Некоторые высказанные в ходе подготовки документов соображения дают представление об официальной оценке характера церковно-государственных отношений в Российской империи.

Так, утверждалось, что собственно духовные (вероучительные, канонические и т. д.) дела конфессий не подлежат ведению правительства, которое, однако, регулирует правовые и административные вопросы функционирования религиозных

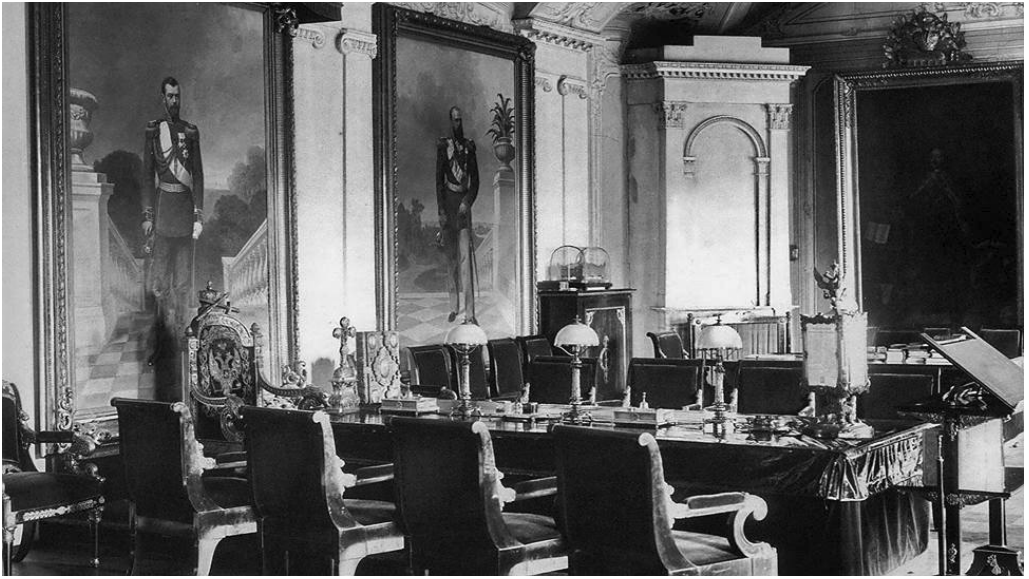
¹³ См. напр.: Полунов А. Ю. Обер-прокуратура Святейшего Синода: основные этапы становления и развития (XVIII — середина XIX в.) // Церковно-исторический вестник. 2005–2006. № 12–13. С. 165–169.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ–II). Т. 40. 2 отд. 1865 г. № 42772.

¹⁵ См., напр.: Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 140–150.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗ–III). Т. 24. 1905 г. № 25486.

¹⁷ См.: Фриз Г. Служанка государства? Переоценка роли Церкви в императорской России // Его же. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сборник статей. СПб., 2019. С. 29–30.

Зала заседаний Синода

структур. Но вот управление Православной Церковью является исключительной компетенцией Синода, который именно поэтому и именуется не только «Святейшим», но и «Правительствующим». А. И. Тургенев, один из участников подготовки манифеста, писал: «Духовная часть никак светскому правительству принадлежать не может, а только правительственная, но слова сего в отношении к Святейшему Правительствующему Синоду употребить не можно»¹⁸. Кроме того, особо подчеркивалось, что Святейший Синод не будет подчиняться министру духовных дел, подобно тому, как Сенат, находясь под надзором министра юстиции, не подчиняется последнему. А. Н. Голицын настаивал: «Хотя дела Святейшего Синода и будут присовокуплены к означенному министерству, при всем том министр Духовных дел и народного просвещения находиться будет в точно таком же к Святейшему Синоду отношении, в каком находится министр юстиции к правительствующему Сенату, кроме только дел судебных. Обстоятельство сие необходимо следует изложить с надлежащей ясностью и с большею определенностью, дабы не подать поводу к неправильному заключению, что будто бы Святейший Синод подчиняется министру духовных дел»¹⁹.

В «Учреждении» министерства духовных дел особое положение Синода отражено следующим образом. Министр не отменяет сомнительных, с его точки зрения, решений Синода, но может, «для соображения в каком-нибудь деле, до правительственной части относящимся», предложить свое мнение, и Синод пересматривает дело с учетом мнения министра (§ 113). В случае же несогласия министра с решением органа управления другой конфессии, Римско-католической духовной коллегии, «предлагает он ей свое мнение к исполнению» (§ 133). По имущественным тяжбам православных учреждений с казной Сенат запрашивает заключение Святейшего Синода, а для всех остальных вероисповеданий запрашивается заключение министра духовных дел (§ 137). Примечательно, что в обоих этих случаях законодатель ссылается на общее учреждение министерств, каковых ссылок не бывает в характеристике отношений министра к Синоду²⁰. Таким образом, министр духовных дел является

¹⁸ О проекте манифеста об учреждении министерства Духовных дел и народного просвещения // РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 460. Л. 7–7 об.

¹⁹ Там же. Л. 42 об. Подробнее см.: *Бежанидзе Г. В., Фирсов А. Г.* Министерская реформа и «Двойное министерство» ... С. 36–42.

²⁰ ПСЗ–I. Т. 34. 1817 г. № 27106. С. 828–830.

Члены Святейшего Синода. Начало XX в.

ведомственным руководителем для всех исповеданий кроме православного. Для православного же в роли такого руководителя выступает Синод.

Синод не просто официально считался высшей административно-судебной инстанцией в сфере высшего церковного управления²¹. Управление Православной Церкви воспринималось как прерогатива Синода, пусть формальная, но исключительная. Назвать обер-прокурора министром — управляющим отдельным ведомством, значило посягнуть на эту прерогативу. Появление министра означало создание министерства с регламентом деятельности по решению церковных дел. Такой регламент неминуемо позволил бы решать часть вопросов, пусть только административно-технических, без участия Синода.

У обер-прокурора же формально в распоряжении только инструкция 1722 г., по которой его административные полномочия были, как уже отмечалось, невелики. Хотя обер-прокурор со своим ведомственным аппаратом выглядел как управляющий ведомством православного исповедания, Синод мог, и, в целом ряде случаев, оказывал противодействие правительственным замыслам. Когда, казалось бы, всесильный К. П. Победоносцев писал: «Юридически я не имею никакой власти распоряжаться в церкви и ведомстве. Надо несть в Синод», он, как юрист, четко выражал полномочия обер-прокурора по отношению к высшему органу церковного управления, подчеркивая отсутствие у него той административной власти, которой обладал любой министр российского правительства в подчиненном ему ведомстве²².

Если же на посту обер-прокурора оказывался человек, по своим взглядам, убеждениям и способностям готовый отстаивать церковные интересы вопреки государственным (А. Ю. Полунов называет их «благочестивыми» — А. П. Толстой, А. П. Ахматов), отсутствие у него формального статуса главы ведомства позволяло выдерживать давление других членов правительства и даже императора, ссылаясь на позицию Синода²³.

²¹ Полунов А. Ю. Обер-прокуратура Святейшего Синода... С. 169.

²² См.: Пешков А. И. «Кто разоряет — мал во Царствии Христовом» // Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996. С. 8–15.

²³ Полунов А. Ю. «Благочестивые» обер-прокуроры, Святейший Синод и иерархия: к истории церковно-государственных взаимоотношений во второй половине XIX — начале XX в. //

Нельзя ли, таким образом, сказать, что ведомство православного исповедания возглавлялось Святейшим Правительствующим Синодом? Это положение, во всяком случае, соответствует 43 статье Основных государственных законов, опирающейся на Духовный регламент Петра I: «В управлении церковном самодержавная власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, ею учрежденного»²⁴.

Таким образом, в начале XIX в. при формировании министерской системы управления в России появилось ведомство православного исповедания, но управлял этим ведомством не министр, а Святейший Правительствующий Синод. Ведомственный принцип, на котором теперь строилась система государственного управления, внедрялся и в управление церковное. Однако, как и на протяжении всего синодального периода, церковное управление сохраняло свою обособленность. Конечно, в синодальную эпоху государство использует Церковь для реализации собственных целей. Но ведь это верно почти для всех периодов церковной истории. Везде и всегда государство с той или иной долей успеха стремится подчинить все существующие институты и установления. Но только к синодальной эпохе применима характеристика, которую можно предложить для научной церковно-исторической и богословской разработки. Можно сказать, что синодальный период — это такой этап церковной истории, когда Церковь использует государство и его структуры в церковном управлении.

Источники и литература

Источники

1. Инструкция обер-прокурору Святейшего Синода // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 6. СПб., 1830. № 4036. С. 721.
2. О проекте манифеста об учреждении министерства Духовных дел и народного просвещения // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 86. Д. 460.
3. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 3 (1723 г.). СПб., 1878.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 40. 2 отд. СПб., 1867.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 24. СПб., 1907.
6. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование императора Павла I. СПб., 1915.
7. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 1. Свод учреждений государственных и губернских. СПб., 1832.
8. Учреждение Министерства Духовных дел и народного просвещения // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 34. СПб., 1830. № 27106. С. 814–834.

Литература

9. *Бижанидзе Г. В., Фирсов А. Г.* Административные полномочия обер-прокурора Святейшего Синода в XVIII в. // Святейший Синод в истории российской государственности. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2017. С. 20–28.

Святейший Синод в истории российской государственности. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2017. С. 131–149.

²⁴ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 1. СПб., 1832. С. XVII.

10. *Бежанидзе Г. В., Фирсов А. Г.* Министерская реформа и «Двойное министерство»: попытка создания религиозного ведомства в России в первой четверти XIX века // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 1. С. 29–45
11. *Казанский П. Е.* Власть Всероссийского Императора. М., 2007.
12. *Пешков А. И.* «Кто разоряет — мал во Царствии Христовом» // *Победоносцев К. П.* Сочинения. СПб., 1996. С. 3–31.
13. *Полунов А. Ю.* «Благочестивые» обер-прокуроры, Святейший Синод и иерархия: к истории церковно-государственных взаимоотношений во второй половине XIX — начале XX в. // Святейший Синод в истории российской государственности. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2017. С. 131–149.
14. *Полунов А. Ю.* Обер-прокуратура Святейшего Синода: основные этапы становления и развития (XVIII — середина XIX в.) // Церковно-исторический вестник. 2005–2006. № 12–13. С. 148–170.
15. *Приходько М. А.* Создание министерской системы управления в России в первой трети XIX века. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2010.
16. *Суворов Н. С.* Курс церковного права. Т. 1. М., 1889.
17. *Фриз Г.* Служанка государства? Переоценка роли Церкви в императорской России // *Фриз Г.* «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: сборник статей. СПб., 2019. С. 17–44.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Священник Михаил Березин

**«Путь в духовное звание»: личное дело
священномученика Василия Иосифовича Бовы**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_83

Аннотация: Статья посвящена особенностям «пути в духовное звание» на завершающем этапе синодального периода истории Русской Церкви на примере личного дела ставленника в священный сан (и будущего священномученика) Василия Иосифовича Бовы (1876–1937). Автор показывает порядок замещения псаломнических и диаконских мест в Тобольской и Омской епархиях Западно-Сибирского региона Российской империи. В работе также раскрываются неизвестные ранее стороны биографии священномученика Василия Бовы, касающиеся его церковно-приходской деятельности. Документальный анализ особенностей жизненного пути священнослужителя доказывает, что значительную часть духовенства составляли выходцы из крестьянской среды. Особое внимание уделяется характеру деловой переписки различных инстанций духовного ведомства. Статья основана на ранее не введенных в научный оборот документах из фондов Государственного исторического архива Омской области.

Ключевые слова: Василий Иосифович Бова, синодальный период, Омская епархия, Тобольская епархия, Петропавловское викариатство, духовная консистория.

Об авторе: **Священник Михаил Анатольевич Березин**

Магистр богословия, аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. равноапостольных Кирилла и Мефодия.

E-mail: berezin_mihail@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0433-3019>

Ссылка на статью: Березин М., свящ. «Путь в духовное звание»: личное дело священномученика Василия Иосифовича Бовы // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 83–92.

* Фотографии предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Priest Mikhail Berezin

**“A Path to the Clerical Rank”: the Personal File
of Hieromartyr Vasily Iosifovich Bova**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_83

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of the “path to the clerical rank” at the final stage of the Synodal period in the history of the Russian Church based on the example of the personal case of the path to the priestly rank (and future martyr) Vasily Iosifovich Bova (1876–1937). The author shows the procedure for replacing psalm and diaconal places in the Tobolsk and Omsk dioceses of the West Siberian region of the Russian Empire. The work also reveals previously unknown aspects of the biography of Hieromartyr Vasily Bova, concerning his parish activities. A documentary analysis of the characteristics of the life of a clergyman proves that a significant part of the clergy were people from the peasant environment. Particular attention is paid to the nature of business correspondence between various departments of spiritual consistories. The article is based on documents from the collection of the State Historical Archive of the Omsk Region that have not been previously introduced into scientific circulation.

Keywords: Vasily Iosifovich Bova, Synodal period, Omsk Diocese, Tobolsk Diocese, Peter and Paul vicariate, spiritual consistory.

About the author: **Priest Mikhail Anatolyevich Berezin**

Master of Theology, postgraduate student at Saints Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies, Moscow.

E-mail: berezin_mihail@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0433-3019>

Article link: Berezin M., priest. “A Path to the Clerical Rank”: the Personal File of Hieromartyr Vasily Iosifovich Bova. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 83–92.

* Photos provided by the author.

«Путь в духовное звание» на завершающем этапе синодального периода истории Русской Церкви привел к служению Церкви многих выходцев из крестьянской среды. Возможно, этот выбор был связан с внутренними убеждениями человека или же созрел под давлением внешних обстоятельств. Автор убежден, что решение перейти в духовное звание было продиктовано живым религиозным чувством и желанием послужить Церкви, что наглядно показывает судьба новомученика Русской Церкви Василия Иосифовича Бовы.

Будущий священник и мученик Василий Иосифович Бова родился 30 декабря 1876 г. в семье крестьянина д. Калташевой Смолинской волости Тобольской губернии. Василий не получил систематического школьного образования, изучив азы грамотности в домашних условиях¹.

В немногочисленных кратких очерках о жизни Василия Бовы указывается, что он окончил духовное училище. Как думается, эта путаница основана на материалах следственного дела 1937 г., в котором Василий Бова говорит, что «окончил духовное училище». Впрочем, в другой раз он говорит лишь «о низшем духовном образовании». Однако его подробный послужной список, составленный перед рукоположением в 1915 г., однозначно говорит о домашнем образовании. Представляется маловероятным, что такой важный момент, как образовательный ценз, был упущен духовной консисторией при решении вопроса о диаконской хиротонии. По всей видимости, Василий Бова в обстоятельствах ареста и грозящей гибели не считал существенным этот вопрос².

До возраста 27 лет он занимался крестьянским трудом в родных для него местах Тобольской губернии. Сейчас можно только предполагать, почему в достаточно зрелом возрасте Василий Бова выбрал путь служения Церкви. Хотел ли он этого по своим убеждениям или же решил попасть в духовное звание под давлением внешних обстоятельств? Как думается, решение было продиктовано его живым религиозным чувством и желанием послужить Церкви. Ни образование, ни род занятий не способствовали тому, чтобы крестьянский сын стал священнослужителем. Думается, что выбор был связан с глубоким внутренним чувством, убежденностью в необходимости служения Церкви. На это указывает безусловная верность избранному пути во время послереволюционных атеистических гонений, закончившихся для него гибелью.

На каждом этапе «пути в духовное звание» будущий священник сталкивался с, казалось бы, непреодолимыми препятствиями. Однако не только предположение автора, но и архивные документы говорят о том, что В. И. Бова — не случайный человек в Церкви. Он не отступил от намеченного пути, не сбился, в конце не отрёкся даже перед угрозой физического уничтожения.

В 1903 г. Василий Бова устраивается на внештатную должность регента при Александро-Невской церкви г. Кургана. После пяти лет руководства хором он переходит на аналогичную должность при Введенской церкви железнодорожной станции Макушино, которую исправляет в течение одного года³. Должность регента не требовала утверждения со стороны епархиального преосвященного, равно как и не существовало перечня утвержденных формальных требований к исправляющему эту должность лицу (прежде всего образовательного ценза). Однако церковные регента не относились к духовному званию и стояли ниже приходских псаломщиков⁴.

Вместе с тем существующие государственные законы ограничивали приток в духовное звание лиц из бывших податных состояний, которые допускались к поступлению в белое духовенство, «... не иначе, как по удостоверению епархиального начальства в недостатке по его ведомству лиц духовного звания к замещению должностей»⁵.

¹ Государственный Исторический архив Омской области (далее — ГИАОО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 352. Л. 5 об.

² Специальный Государственный архив Департамента полиции Северо-Казахстанской области (далее — СГА ДП СКО). Д. 02242. Л. 8 об., 9 об.

³ ГИАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 352. Л. 10 об.

⁴ Свод законов Российской империи: в XVI томах. СПб., 1913. Т. IX. Ч. 1. С. 50.

⁵ Там же. С. 52.

Впрочем, в сложившейся к началу XX в. ситуации в Православной Российской Церкви с замещением духовных должностей это положение закона было практически невыполнимо. Св. Синод в своем отчете за 1911–1912 гг. признавал кадровый дефицит во многих (особенно новоучрежденных) епархиях, связанный с оттоком лиц из духовного звания⁶.

Желающий получить штатную должность приходского псаломщика должен был подать соответствующее прошение на имя епархиального архиерея и после номерной резолюции преосвященного подвергнуться испытаниям. В программе псаломщических испытаний Тобольской епархии имелись по преимуществу практические дисциплины, необходимые для дальнейшего прохождения приходского служения, но были и основы православного вероучения и библейской истории. Подробные требования к псаломщикам были в открытом доступе и регулярно публиковались в епархиальной печати⁷.

Как следует из личного дела Василия Бовы, резолюция епископа Антония (Коржавина) за № 2860 с допуском к испытаниям была получена 18 мая 1909 г., и уже через пять дней состоялось заседание «Испытательной комиссии». В штатный состав комиссии под председательством тобольского протоиерея Димитрия Смирнова входили как священнослужители, так и миряне, общим числом четыре человека.

Необходимо отметить, что кандидат Василий Бова показал весьма скромные познания по предлагаемым дисциплинам. Так, церковнославянское чтение было оценено на «3–», начатки христианского учения на «2», объяснение молитв на «1», священная история Нового и Ветхого Заветов на «3–», порядок церковных служб на «2,5», церковное пение «наслышкою» на «2,5» и «нотно» на «3». Стоит упомянуть и такую особенность: в свидетельстве о прохождении испытания делались пометки относительно заданных испытуемому вопросов. В тот же день оформленные итоги работы комиссии были просмотрены епархиальным архиереем, о чем свидетельствует соответствующая пометка с подписью преосвященного⁸.

Крайне неудовлетворительные результаты, показанные кандидатом при прохождении испытаний, закрывали для Василия Бовы возможность быть назначенным на место псаломщика даже на отдаленный сельский приход. Тем не менее, он вновь направляет в консисторию прошение о дополнительном испытании.

31 мая последовала повторная резолюция Тобольского архиерея и спустя две недели Василий Бова на переэкзаменовке смог удовлетворительно ответить на все вопросы комиссии. Как видно из резолюции епархиального архиерея, свидетельство о дополнительных испытаниях было препровождено им в Тобольскую духовную консисторию для последующего сбора необходимых документов⁹.

Консистория запросила в Градо-Курганской Свято-Троицкой церкви Тобольской губернии выписку из метрической книги о рождении кандидата на псаломщическую должность¹⁰ и его посемейный список¹¹. Упомянутые документы были подготовлены причтом Свято-Троицкого прихода к 9 июля 1909 г. и отправлены в консисторию.

Уже 30 августа состоялось назначение Василия Иосифовича Бовы на штатную должность псаломщика к Васильевской церкви с. Камышевское Курганского уезда Тобольской губернии¹². Это был уже сформировавшийся приход с относительно большим штатом, состоящим из священника, диакона и двух псаломщиков. У прихода имелась сенокосная и пахотная земля, а в 1910 г. для псаломщика был построен дом. Село, впрочем, было некрупное: немногим более пятисот дворов. Годовой доход

⁶ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. СПб., 1913. С. 162.

⁷ Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. Часть третья. Тобольск, 1913. С. 57–58.

⁸ ГИАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 352. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Тобольские епархиальные ведомости. 1909. № 18. С. 190.

I	II	III
Место, санъ, имя, фами- ли и лѣта отъ роду.	Гдѣ и съ какою степенью кончилъ курсъ ученія.	Когда вступилъ въ службу и въ какихъ званіяхъ и должностяхъ проходилъ оную.
<p>Псаломщикъ Василій Иосифовичъ Бовъ 36 лѣтъ. содержаніе отъ какимъ по сурь 200 руб. в годъ Кружечный Зародок 201/91 годъ по сур. 15 руб. 59к.</p> <p>Окончилъ въ Семейскомъ Училищѣ Александръ Никифоровъ 32 л.</p> <p>Житіи и др. Тавилъ 1904 г. 14 Мая шаръ 1908 г. 15 Мая Надежда 1911 г. 2 Сентября</p>	<p>Обученіе окончилъ въ Семейскомъ Училищѣ въ 1904 г. по курсу Вольской гимназіи Тавилъ Иосифовичъ Никифоровъ Кружечный Зародок</p>	<p>Пресвѣщенныиъ Святѣишѣмъ Епископомъ Тобольскимъ опредѣленъ чинъ псалом- щикомъ съ хлѣбомъ ками и моткой въ эваской церкви 1900 года 30 Января. Согласно процессу Трехъ свѣдѣ- телей Владимиръ приходъ въ Ому- егаруто и по назначенъ чинъ псалом- щикомъ къ мѣстному дому побогика Васки Костроманъ въ 1912 года 29 Января. Согласно процессу Трехъ свѣдѣ- телей на казенномъ мѣстѣ 1913 г. въ Проводилъ должностъ учителя въ церковно-приходской школѣ Васки Васки Проводилъ должностъ Ресетта три свѣдѣтеля Васки Костроманъ 1903 г. по 1908 г. Проводилъ должностъ Ресетта три свѣдѣтеля Васки Костроманъ 1908 г. по 1909 г. Проводилъ должностъ учителя по предметамъ Историю и географію ученикъ при д. Суфьяновскомъ мѣстѣ Тавилъ Иосифовичъ Никифоровъ Тавилъ Иосифовичъ Никифоровъ</p>
<p>Съ подписаннымъ въ руко: П. Г. Тавилъ</p>		

Послужной список псаломщика Василия Иосифовича Бовы
ГИАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 352. Л. 10 об.

псаломщика составлял всего 40 рублей (псаломщик на таком приходе также мог претендовать на 1/6 часть от раздела т. н. кружечного дохода)¹³.

Не будет преувеличением сказать, что именно низкое жалование заставило псаломщика Бову проситься о переводе из родного для него Курганского уезда в незнакомую Омскую епархию, охватывающую огромные территории от Алтайских гор до центральных районов современного Казахстана.

Омская епархия в рассматриваемый период переживала существенный количественный рост, связанный с процессом колонизации огромных просторов казахской степи. Увеличение числа переселенческих поселков и рост их материального благосостояния закономерно вел к открытию новых приходов и наличию свободных вакансий¹⁴.

Псаломщик Бова отправляет прошение с просьбой о переводе на имя епископа Омского Владимира (Путяты) и получив 29 июля 1912 г. положительное решение, переселяется в Акмолинскую область¹⁵. 8 августа последовало назначение на псаломщическую должность к Никольскому молитвенному дому с. Пески Петропавловского уезда¹⁶.

Как и во многих недавно созданных переселенческих поселках, молитвенный дом был сооружен двумя годами ранее из подручных материалов — плетня и глины. На приходе отсутствовало жилье и псаломщику Василию пришлось поселиться в землянке. Однако доходы за службу были несравненно большими, чем на прежнем месте служения: 200 рублей в год и ещё 300 рублей кружечного сбора псаломщик делил со священником¹⁷. Некоторым подспорьем было и преподавание в церковно-приходской школе¹⁸.

Через год, 2 июля 1913 г., Василий Бова был переведён на должность псаломщика в недавно созданный населенный пункт — с. Ново-Уральское Омского уезда. Ни храма, ни молитвенного дома в селе не было, а богослужение совершалось на переносном престоле, освященном в честь Успения Богородицы в одном из классов местной школы Министерства народного просвещения¹⁹.

21 июля 1915 г. последовал новый перевод, на этот раз к Марие-Магдалинской церкви железнодорожной станции «Петропавловск». Однако уже 16 сентября исполняющий должность благочинного Петропавловских городских церквей священник В. Успенский направляет рапорт викарию Омской епархии епископу Петропавловскому Мефодию (Красноперову) о необходимости рукоположения псаломщика Василия в сан диакона: «Вашему Преосвященству благоугодно было разрешить псаломщику Бове, под мою ответственность, исполнять обязанности законоучителя в железнодорожной церковно-приходской школе. Для занятий законоучителем более прилично было бы носить ему сан диакона. Кроме сего, второй диакон при нашей церкви мог бы в свободную от службы неделю, помогать при священнослужении Вашего Преосвященства в Соборе»²⁰. К прошению прикреплены личные документы кандидата: формулярный послужной список и метрическая выписка о заключении брака. Уже на следующий день последовала положительная резолюция: рукоположение возможно при условии свободы от воинской повинности. Стоит отметить, что в личном деле не имеется такого достаточно важного документа, как прошение самого кандидата на рукоположение.

Резолюция учитывала сложившееся положение вещей: шла Первая мировая война, вследствие чего епископ Мефодий не хотел посвящать в священный сан

¹³ Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. Часть первая. Тобольск, 1913. С. 95–96.

¹⁴ Васильева А. В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2015. С. 73.

¹⁵ Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 19. С. 262; Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. С. 1090.

¹⁶ Омские епархиальные ведомости. 1912. № 17. С. 2.

¹⁷ Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. С. 166–167; 1048.

¹⁸ ГИАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 352. Л. 10 об.

¹⁹ Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. С. 85–86.

²⁰ ГИАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 352. Л. 9–9 об.

1909 года Мая 23 дня. Сметурово.
Епископск. Антонія.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

2

Предъявитель сего *пресвященникъ Тобольской губернии*
Василій Александръ Губа,

допущенный, вѣдѣтвіе резолюціи Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Антонія, Епископа Тобольскаго и Сибирскаго отъ
18 мая 1909 года за № 2880, къ испытаніямъ на получение должности псаломщика, отвѣчалъ на предложенные вопросы:

по церковно-славянскому чтенію *3- (три съ шестисотъ)*

— начаткамъ христіанскаго ученія — *2 (два)*
О. Г. Св. Вард., о Ташкентѣ

— объясненію молитвъ *(вечерняя и утренняя)* *1 (единица)*

— Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Заветъ *(Наша и Аваль, Исхаль, прор. Илія, три отрока; Крестьяне в Господне, дивен. книга и Крестьяне, Свѣдѣніи о Судѣ)* *3-*

— порядку службъ церковныхъ *- 2 1/2 (два съ половиною)* *(три съ шестисотъ)*
Чаренск.

— церковному наслышкою *2 1/2 (два съ половиною)*

пѣнію нотой *3 (три)*

— церковному письменоводству

Председатель Испытательной Комиссіи, *протоіерей Даниилъ Савулов.*

Члены: *Св. А. Шреверскій?*
А. Горюховъ
В. Пашковъ

Мая 23..... дня, 1909 года.

военнообязанного. Иначе говоря, кандидату в сан диакона необходимо было представить свидетельство об освобождении от воинского призыва, которое оставалось в архиве Тобольской духовной консистории. Также Омской консистории необходимо было получить прочие документы, оставшиеся со времени служения псаломщика Бовы в Тобольской епархии. 12 октября, спустя месяц, в Тобольскую консисторию была отправлена «спешная» телеграмма с запросом. 29 октября ответ был выслан Тобольской консисторией почтовым сообщением с приложением оригиналов требуемых документов²¹.

7 ноября кандидатом была собственноручно подписана «Присяга производимому во диакона» и заполнен «Допрос ставленнику перед рукоположением во диакона». Причем последний документ интересен присутствием различных официально-деловых пометок. Так, в самом верху первого листа стоит резолюция владыки Мефодия: «К духовнику на исповедь, если не будет канонических препятствий, то к рукоположению». Исповедь состоялась в тот же день: в конце документа присутствует соответствующая запись проводившего таинство священнослужителя. Еще ниже находится подробная информация о дате и месте состоявшейся хиротонии, а также о степени усвоения практической стороны совершения богослужений. Здесь же на полях документа имеется информация о выдаче указа с назначением с пометками об исполнении (в данном случае указ был выдан 25 ноября, что говорит об отсутствии ныне распространенной практики прохождения длительного служения в кафедральном храме)²².

Таким образом, 8 ноября 1915 г. Василий Иосифович Бова в Вознесенском соборе г. Петропавловска епископом Петропавловским Мефодием (Красноперовым), викарием Омской епархии, был рукоположен в сан диакона²³. В 1920 г. последовало его рукоположение в сан пресвитера, однако это произошло уже после завершения синодального периода в истории Российской Православной Церкви и хронологически не относится к предмету настоящего исследования. Впоследствии священник Василий Бова разделит трагическую судьбу многих представителей православного духовенства Русской Церкви, закончив свою жизнь мученически в ночь на 20 ноября 1937 г.²⁴

Анализ социального происхождения лиц духовного звания региона показывает, что значительную его часть составляли выходцы из крестьянской среды. Так, в 1913 г. клир Омской епархии на четверть состоял из бывших крестьян. Недавние крестьяне, влившиеся в духовное звание, подобно интересующему нас Василию Бове, не имели семинарского (среднего) образования (оно имелось менее чем у 1/5 части духовенства епархии), что не мешало им, в силу кадрового голода, занимать различные, хотя и низшие, должности в духовном ведомстве (как правило, псаломщические). Вопрос низкого образовательного уровня духовенства неоднократно поднимался не только церковными властями, но и обществом, однако решить его в предреволюционные годы так и не удалось²⁵.

Вместе с тем имелось существенное различие в области материальной поддержки клира епархий Западно-Сибирского региона. Так, материальное положение клира Тобольской епархии заметно отставало от положения дел в Омской епархии²⁶. Последнее

²¹ Там же. Л. 2, 13, 14.

²² Там же. Л. 16–17.

²³ Омские епархиальные ведомости. Омск, 1915. № 24. С. 7.

²⁴ СГА ДП СКО. Д. 02242. Л. 10 об., 13. Стоит отметить, что в имеющихся публикациях, даже таких авторитетных, как Православная энциклопедия, дата смерти священномученика Василия Бовы указывается неточно. Настоящая дата обозначена исходя из «Акта приведения приговора в исполнение», хранящегося в следственном деле.

²⁵ Литягина А. В. Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул, 2010. С. 154–155.

²⁶ Гончаров Ю. М. Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–1 (68). С. 63–64.

7 Ноебр 1915. Къ Духовн. ^{на мѣсто}
если не будетъ конвокация
прислуживъ, то въ рукоположеніи

ДОПРОСЪ

С. П. Кошкин

ставленнику предъ рукоположеніемъ во діакона.

1915 года Ноября мѣсяца 7 дня, въ присутствіи ^{Благочиннаго} Петропавловск.
^{и чужака} Ленина Духовной Консисторіи, проситель ^{св. священникъ} Маріе
^{дальниинской церкви ст.} Петропавловск. Масишъ Кошаровъ
Трѣва опредѣленный, согласно его прошенія, Преосвященнѣйшимъ
Мессадіемъ Епископомъ Петропавловскимъ ^{на мѣсто} Самарскій ^{епископъ}
къ Маріе Магдалининской церкви, города или села ст. Петропавловск.
Самарскій епархіи, при спросѣ показать:

1. Отъ роду я имѣю 37 лѣтъ, сынъ престарѣннаго Тоболванск. уез. Ку
анеканъ угрозда, Мало-Тадсовскій волости, дер. Калстимшево
2. Обучался въ Самарскій Св. Спаса
имѣю объ образованіи _____
3. Женатъ первымъ бвакомъ на дѣвицѣ, дочери мещан. г. Самарска
андр. Александровъ Немоготовъ православной.
4. Исповѣданія православнаго, съ раскольниками и сектантами въ
религіозномъ общеніи не состою.
5. Въ преступныхъ политическихъ дѣлахъ не замѣшанъ, къ тюрем-
ному заключенію приеуждаемъ не былъ, и вообще дѣлъ, препятствую-
щимъ посвященію въ духовный санъ, не имѣю.
6. Болѣзнямъ заразительнымъ и неизлечимымъ не подверженъ и фи-
зическихъ недостатковъ, за собою не имѣю.
7. Рукоположенія во діаконскій санъ ишу для славы Божіей и спасенія
душъ, съ искреннимъ намѣреніемъ послужить святой Церкви, какъ святыхъ

Допрос ставленнику перед рукоположением во диаконы
ГИАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 352. Л. 16.

было напрямую связано с усилением политики колонизации в Российской империи, непосредственно затронувшей Акмолинскую область. В свою очередь, это закономерно вело к миграции духовных лиц в Омскую епархию в поисках более высоко оплачиваемых должностей. Анализ мобильности духовенства Омской епархии показывает, что не менее 16% от его общей численности по состоянию на 1913 г. прибыло туда из иных епархий²⁷.

Таким образом, «путь в духовное звание» Василия Иосифовича Бовы, несмотря на индивидуальные особенности жизненного пути этого священнослужителя, без сомнения характерен для Западно-Сибирских епархий периода окончания синодального периода.

Источники и литература

Источники

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. СПб., 1913. 230 с.
2. Государственный Исторический архив Омской области. Ф. 16. Оп. 1. Д. 352.
3. Омские епархиальные ведомости. 1912. № 17.
4. Омские епархиальные ведомости. 1915. № 24.
5. Свод законов Российской империи: в XVI томах. СПб., 1913. Т. IX. Ч. 1. 208 с.
6. Специальный Государственный архив Департамента полиции Северо-Казахстанской области. Д. 02242.
7. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. 1240 с.
8. Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. Тобольск, 1913.
9. Тобольские епархиальные ведомости. 1909. № 18.
10. Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 19.

Литература

11. *Васильева А. В.* Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2015. 261 с.
12. *Гончаров Ю. М.* Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX — начале XX в. // Известия Алтайского Государственного Университета. Барнаул, 2010. № 4–1 (68). С. 63–66.
13. *Дикова Н. В.* Кадровый вопрос в Омской епархии в конце XIX — начале XX в. и механизмы его решения епархиальными властями // Известия Алтайского Государственного Университета. Барнаул, 2020. № 3 (113). С. 31–36.
14. *Литягина А. В.* Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул, 2010. 331 с.

²⁷ Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. С. 1072–1240; *Васильева А. В.* Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири... С. 77–81; *Дикова Н. В.* Кадровый вопрос в Омской епархии в конце XIX — начале XX в. и механизмы его решения епархиальными властями // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 3 (113). С. 33–35.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Протоиерей Александр Берташ

**Губернатор князь Сергей Шаховской —
выразитель политики императора Александра III
в Эстляндии и мемориальная Сергиевская церковь
в Пюхтицком монастыре**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_93

Аннотация: В статье рассмотрена деятельность в Эстляндии губернатора в 1885–1894 гг. князя С. В. Шаховского. С одной стороны, он являлся наиболее ярким в Прибалтийских губерниях выразителем политики императора Александра III на «национальных окраинах», прежде всего «русификации», с другой — отстаивал большую, чем имперские и национальные идеи, значимость единства русского и эстонского народов на основе Православия. Подробно изложена история строительства вдовой князя церкви-усыпальницы во имя его небесного покровителя прп. Сергия Радонежского, и ее архитектура. Князь по завещанию был похоронен в фактически основанном им Пюхтицком Успенском женском монастыре в местности, которую осознавал как древний центр Православия. Шатровая деревянная церковь в стиле храмов Русского Севера была создана одним из крупнейших мастеров русского стиля, автором генерального плана монастыря М. Т. Преображенским. Статья основана как на опубликованных, так и новых архивных источниках из хранилищ Санкт-Петербурга, Тарту, Риги.

Ключевые слова: Православие в Прибалтике, Эстляндская губерния, губернатор князь С. В. Шаховской, царствование императора Александра III, Пюхтицкий Успенский монастырь, храмостроительство, княгиня Е. Д. Шаховская, церковно-усыпальница прп. Сергия Радонежского, имперская политика русификации, деревянное зодчество, русский стиль.

Об авторе: **Протоиерей Александр Витальевич Берташ**

Кандидат богословия, кандидат искусствоведения, член Союза архитекторов России, древлехранитель Берлинской и Германской епархии, ведущий искусствовед Архитектурного бюро «Литейная часть-91» (С.-Петербург), настоятель храма святых Царственных страстотерпцев Берлинско-Германской епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) (Германия, г. Бремен).

E-mail: bert14@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3486-0490>

Ссылка на статью: Берташ А., *прот.* Губернатор князь Сергей Шаховской — выразитель политики императора Александра III в Эстляндии и мемориальная Сергиевская церковь в Пюхтицком монастыре // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 93–105.

* Фотографии предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Archpriest Alexander Bertash

**Governor Prince Sergius Shakhovskoy
as a Spokesman for the Policy of Emperor Alexander III
in Estonia and the Memorial Church of St. Sergius
in the Pukhtitsky Monastery**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_93

Abstract: The article examines the activities of the governor in Estonia in 1885–1894, Prince S. V. Shakhovskoy. On the one hand, he was the most prominent spokesman in the Baltic provinces of the policy of Emperor Alexander III on the “national outskirts”, primarily “Russification”, on the other, he defended, more than imperial and national ideas, the importance of the unity of the Russian and Estonian peoples on the basis of Orthodoxy. The history of the construction of the church by the widow of the prince, named after his heavenly patron St. Sergius of Radonezh, and its architecture, are discussed. According to his will, the prince was buried in the Pyukhtitsky Assumption Convent, which he actually founded in the area, which he recognized as an ancient center of Orthodoxy. The tent-roofed wooden church in the style of the churches of the Russian North was created by one of the greatest masters of the Russian style, the author of the general plan of the monastery, M. T. Preobrazhensky. The article is based on both published and new archival sources from the depositories of St. Petersburg, Tartu, and Riga.

Keywords: Estland province, Governor Prince Sergei Shakhovskoy, the memory of St. Alexander Nevsky, reign of Emperor Alexander III, temple building, Russification.

About the author: **Archpriest Alexander Vitalevich Bertash**

Candidate of Theology, Candidate of Art History, member of the Union of Architects of Russia, guardian of antiquities at the Berlin and German Diocese, leading art critic of the Liteinaya Chast-91 Architectural Bureau (St. Petersburg), Rector of the Church of the Holy Royal Passion-Bearers of the Berlin and Germany Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate) (Germany, Bremen).

E-mail: bert14@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3486-0490>

Article link: Bertash A., archpriest. Governor Prince Sergius Shakhovskoy as a Spokesman for the Policy of Emperor Alexander III in Estonia and the Memorial Church of St. Sergius in the Pukhtitsky Monastery. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 93–105.

* Photos provided by the author.

Среди т.н. «национальных регионов» Российской империи особое положение занимал Прибалтийский край (Остзейские губернии): Лифляндская, Эстляндская и Курляндская губернии, с их преимущественно лютеранским населением. «Прибалтийские губернии Российской империи традиционно были ареной столкновения политических интересов — великодержавных и региональных, а также национальных чувств — немцев, латышей, эстонцев, русских. Любые изменения в соотношении этих сил, так или иначе, сказывались на положении Православной Церкви в этом регионе»¹.

Важнейшим событием в истории Православия в Балтийском крае в XIX в. стал уникальный по своему масштабу стихийный переход и, соответственно, формирование первых сельских приходов в Лифляндии, в котором выделяют две волны: с лета 1841 г. и с весны 1845 г.² Это движение оказалось неожиданным не только для безраздельно господствовавших в крае немецких дворян-лютеран и пастората, но и для царского правительства и было истолковано в Санкт-Петербурге как социальный бунт, «нарушение стародавнего строго установленного государственного и общественного строя»³. Едва ли не единственным способом поддержки новых прихожан стало церковное строительство в Лифляндии, которое достигло максимальной интенсивности в 1871–1873 гг., в ходе «церковно-строительной операции» на государственные средства⁴. В отличие от интенсивного храмостроительства на территории Лифляндской губернии, крестьяне в пределах собственно Эстляндской губернии, составляющей северную часть современной Эстонии, такой возможности были лишены.

Недолгое правление энергичного Рижского епископа Доната (Бабинский-Соколов, 27 марта 1882–27 марта 1887 гг.)⁵, совпало с изменениями в государственной политике по отношению к Эстляндии и всему Прибалтийскому краю. Для царствования императора Александра III была характерна активная поддержка Православной Церкви в Рижской епархии на фоне политики русификации. Ряд значимых мер облегчил положение новообращенных православных Остзейского края. В частности, император одобрил ряд законов, дающих Православной Церкви право покупать землю для приходов и кладбищ (1885 г.), упростить новое церковное строительство (1885 г.)⁶. К началу управления епархией владыки Доната общее число приходов в Рижской епархии составило 149, к 1887 г. — 169, с числом прихожан до 216.000 человек. Предпосылкой открытия новых приходов и строительства церквей, прежде всего в Эстляндской губернии, стало одно из важнейших событий в истории эстонского Православия: третья, после 1841 и 1845 гг., волна присоединения к Православию, начавшаяся в 1882 г. «В 80-х гг. XIX в. в Эстляндии можно выделить два религиозных течения: одно — сектанство, надвигавшееся с запада, другое — встречное движение к Православию с востока»⁷. В отличие от предшествующих десятилетий, движение к государственной

¹ Гаврилин А. В. Православные приходы на территории Курляндской губернии; Православие в Балтии. № 2 (11). Rīga, 2014.

² См. подр.: Гаврилин А. В. Очерки истории Рижской епархии. Rīga, 1999; Берташ А., *прот.* Переход в Православие латышских и эстонских крестьян в 1840-е гг. и храмостроительство в Лифляндской губернии в середине 1840-х — 1850-е гг. // Энциклопедическая практика: материалы и исследования. Вып. 5. СПб., 2017. С. 25–46.

³ Высоцкий И. И. Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией (1710–1910 гг.). Вып. 4. Православие. Рига, 1910. Вып. 2. Ч. 1. С. 15.

⁴ Берташ А., *прот.* «Церковно-строительная операция»: провинциальное церковное строительство конца 1860–1870-х гг. на территории Латвии и Эстонии // Православие в Прибалтике: религия, политика, образование. 1840-е — 1930-е гг. Пярт И. (ред.), Tartu, 2018. С. 41–93.

⁵ О нем: Малышкин И. П. Высокопреосвященный Донат. Рига, 1895.

⁶ Полунов А. Ю. Православие в Остзейском крае и политика правительства Александра III // Россия и реформы. М., 1993. Вып. 2. С. 55–65; Гаврилин А. В. Рижская епархия и политика правительства в Прибалтийских губерниях в 60–90-х годах XIX века // Россия и Балтия. Вып. 3. М., 2004; Фриз Гр. Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 799.

⁷ Алексей II (Ридигер), *патр.* Православие в Эстонии. М., 1999. С. 287.

Церкви крестьян поддержали гражданские власти. Всего с 1883 по 1887 гг. в Рижской епархии перешло в Православие 15.652 человека, большинство — в Эстляндии⁸.

Переходу в Православие активно содействовали Эстляндские губернаторы В. П. Поливанов (14 марта 1875–4 апреля 1885 гг.) и особенно его преемник, князь Сергей Владимирович Шаховской (12 апреля 1885–12 октября 1894 гг.), по слову священника-эстонца, «энергический и самоотверженно воодушевленный русским делом патриот, сам деятельно возвышавший в местном обществе русское самосознание и сочувственно отзывавшийся ко всякому благу начинанию во славу России»⁹. Князь Шаховской родился 14 июня 1852 г. в Москве, окончил гимназию и физико-математический факультет Московского университета (1870–1874 гг., с кандидатской степенью), поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Сослуживец князя, дипломат и писатель Г. А. Де-Воллан вспоминал, что он «был в высшей степени порядочный и хороший человек». Князь занимался общественной и благотворительной деятельностью, представлял Красный Крест на Русско-турецкой (Балканской) войне и при отряде М. Д. Скобелева в Ахал-Текинской экспедиции (1880–1881 гг.). Там он познакомился с сестрой милосердия графиней Е. Д. Милютиной¹⁰, которая с 29 мая 1881 г. стала его женой и затем ближайшей сподвижницей. Сергей Владимирович был избран членом исполнительного комитета Славянского благотворительного общества, служил по Министерству внутренних дел. С 16 августа 1881 г. князь занимал должность Черниговского губернатора. По назначении в Эстляндию С. В. Шаховской стал основным деятелем на ниве проведения в жизнь политики Александра III в Остзейском крае. Им было введено делопроизводство на русском, эстонском и латышском языках, структура полицейских органов приближена к общеимперскому образцу, создано Русское общественное собрание в Ревеле (1888 г.). В понимании князя следовало произойти «полному слиянию» по вере «местных народностей» «с великой православной русской семьей», а «Россия и православие синонимы». Особенность позиции С. В. Шаховского заключалась в приоритете веры над национальным: «национальность в православии сглаживается или вовсе исчезает». «В основу объединительной политики должно быть прямо и откровенно поставлено православие... В виду этого нельзя не признать, что возможное содействие к широкому распространению православной веры среди эстонского населения является одною из главных задач плодотворной национальной внутренней политики»¹¹. Князь С. В. Шаховской с годами все более и более видел положение Эстляндии глазами не чиновника, а православного христианина.

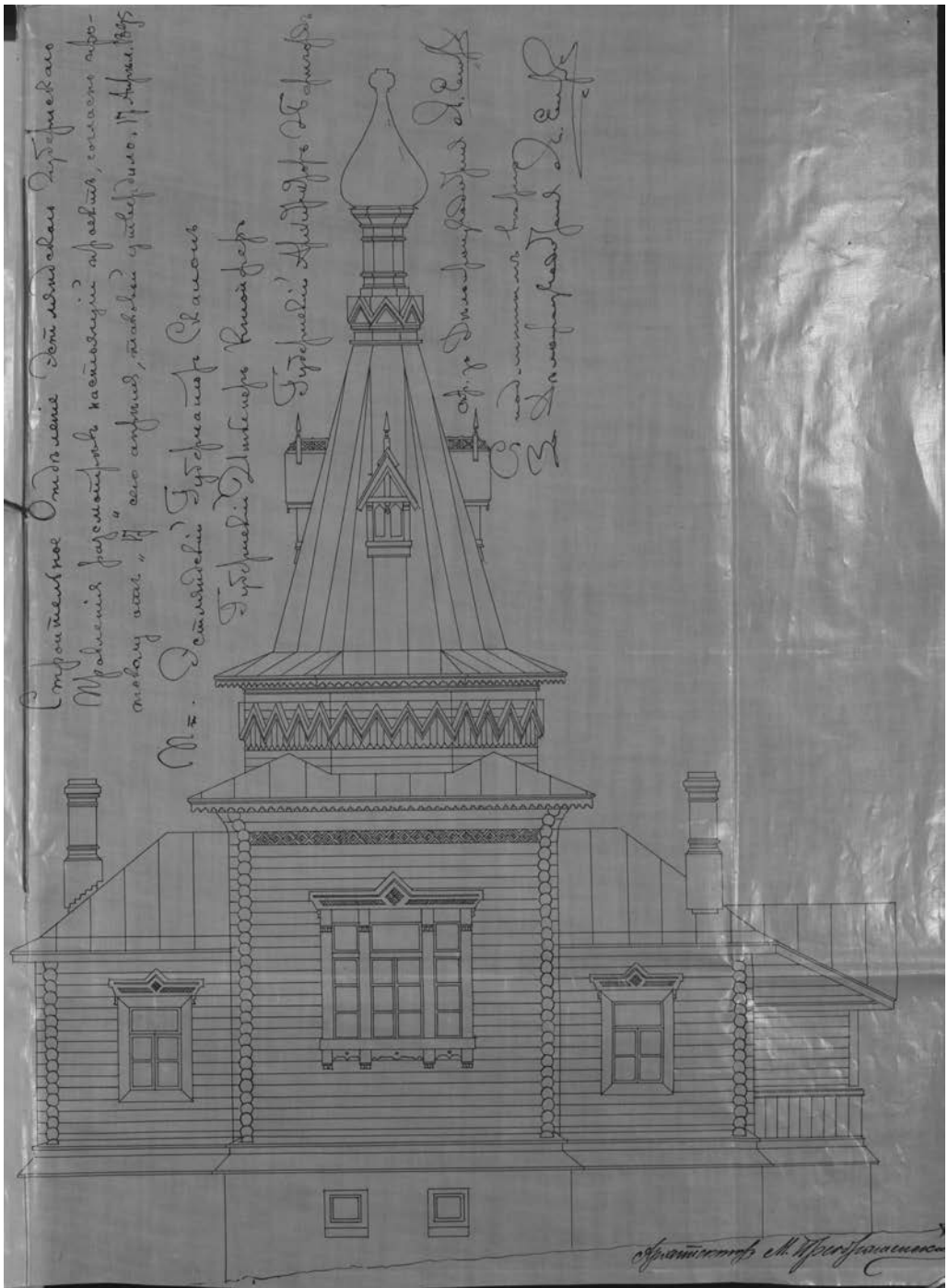
Князь С. В. Шаховской находил не так много единомышленников. Государственный секретарь А. А. Половцев выступал против отчуждения в прибалтийском крае земель для нужд Православной Церкви. Не получила развития идея Шаховского об устройстве в Ревеле в миссионерских целях отдельной епископской кафедры во главе с епископом-эстонцем Дионисием Таммом (1887 г.), о чем он неоднократно

⁸ Православие в Прибалтийском крае в 1887 г. по отчету обер-прокурора Св. Синода // Рижские епархиальные ведомости. 1890. № 10. С. 305–306.

⁹ *Тизик (Тийзик) К., свяц.* Ревельский Александро-Невский собор на Вышгороде. Ревель, 1910. Подробнее о церковно-политической деятельности князя см.: *Берташ А., прот.* Обитель у могил воинов св. Александра Невского: к предыстории Пюхтицкого Успенского монастыря // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2021. № 2 (15). С. 55–73. DOI: 10.51216/2687-072X; там же библиография. Основные биографические сведения: Венок на могилу. Ревель, 1896; Из архива князя С. В. Шаховского: Материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины (1885–1894 гг.). Т. I–III. СПб., 1909–1910.

¹⁰ Графиня Елизавета Дмитриевна Милютина (28 марта 1844–16 июня 1939) — дочь военного министра и реформатора, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии графа Дмитрия Алексеевича Милютина, фрейлина императрицы. В 1892 г. благодаря ее усилиям был зарегистрирован устав Общества милосердия и Ревельское благотворительное общество. 17 апреля 1892 г. под ее председательством был образован Эстляндский попечительный о сестрах милосердия комитет Российского Красного Креста.

¹¹ Из архива князя С. В. Шаховского: Материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины (1885–1894 гг.). Т. III. СПб., 1910. С. LXVII.

Сергиевская церковь в Пюхтицком монастыре.
Южный фасад. ЕАА. 33-3-2075

писал К. П. Победоносцеву. Обер-прокурор счел, что «покуда русская власть не стала в этом крае твердою ногою... неблагоприятно пускать эстонцев и латышей в высшие должности, особенно в церкви»¹². Ревельское духовное правление также не поддерживало идею хиротонии архиерея-эстонца.

Однако князю удалось добиться многого. 10 февраля 1886 г. император утвердил «Правила отчуждения и занятия частных недвижимых имуществ для надобностей православных церквей, молитвенных собраний, кладбищ, причтов и школ в Прибалтийских губерниях», которые открыли «зеленый свет» храмостроительству в Эстляндской губернии, в частности, в Пюхтицкой общине¹³. В 1887 г. в Иевве (Йыхви) было открыто отделение Православного Прибалтийского братства Христа Спасителя и Покрова Божией Матери¹⁴. Отделение возглавила княгиня Е. Д. Шаховская. Оно сыграло важную роль в основании крупнейшего в Балтии Пюхтицкого Успенского женского монастыря.

Указом Синода № 743 от 7 марта 1887 г. при непосредственном участии князя С. В. Шаховского в Ревеле был учрежден временный «Наблюдательный комитет» для надзора за строительством православных церквей в Эстляндской губернии. Сам князь говорил, что «каждая новая церковь дает не одну тысячу новых православных, и в этом-то и заключается вся суть и разрешение векового Остзейского вопроса»¹⁵. В 1887–1892 гг., уже при следующем Рижском архиерее — епископе Арсении (Брянцеве, прибыл в Ригу 11 мая 1887 г., с 1893 г. — архиепископ), под началом Ревельского наблюдательного комитета в Эстляндии были построены более 12-ти храмов в русском «московско-ярославском» стиле, с применением местного булыжного камня и кирпича. В их основе был проект пятиглавой церкви для Эстляндской губернии рижского епархиального архитектора А. Н. Эдельсона (1886 г.)¹⁶. Особенно значимым было устройство Пюхтицкого Успенского женского монастыря на северо-востоке Эстляндской губернии (1891 г.)¹⁷.

Начало одной из самых значительных женских обителей империи на землях, где православная вера имела древние корни, положила скромная часовня на месте явления Божией Матери и иконы Ее Успения. Близ нее, на северном склоне Пюхтицкой горы, расположено древнее кладбище, раскопки которого проводил П. А. Висковатов, друг князя С. В. Шаховского. По мнению С. В. Шаховского, для Эстляндии особое значение имела память св. Александра Невского, поскольку в округе Пюхтиц «покоются могилы павших в бою Александра Невского ратников»¹⁸. Ряд случайно найденных бронзовых, железных и глиняных культурных предметов князь С. В. Шаховской отправил в Москву, в Императорский Российский исторический музей.

Тайный советник князь С. В. Шаховской, считавший устройство монастыря одним из важнейших дел своей жизни, завещал похоронить себя в любимой обители. Таково было и желание княгини. После его безвременной скоропостижной кончины и отпевания в Преображенском соборе в Ревеле, 15 октября, траурная процессия прибыла

¹² Там же. С. XLVI–L, 31–39; *Высоцкий И. И.* Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией. Рига, 1910. Вып. 4. Ч. 3. С. 40.

¹³ Из архива князя С. В. Шаховского. Т. III. СПб., 1910. С. XV–XIX; Венок на могилу. Ревель, 1896. II пагинация. С. 8–13.

¹⁴ РГИА. Ф. 812. Оп. 1. Д. 157; *Лейсман Н., свящ.* Состоящее под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Прибалтийское Православное Братство Христа Спасителя и Покрова Божией Матери. Рига, 1892.

¹⁵ LVVA, 4754. f., 1. arg., 472. l.

¹⁶ EAA, f. 1655, n. 2, s. 952; *Плаат Я., Маасик А.* (фото). Православные церкви, монастыри и часовни в Эстонии. Tallinn, 2011; *Берташ А., прот.* Устройство и топография православных церквей в Прибалтийских губерниях в царствование императора Александра III // Теория и практика регионоведения. Т. I. СПб., 2018. С. 92–103; *Pantelejev A. Vene õigeusu kirikuarhitektuur // Eesti kunsti ajalugu. Kõide 4. 1840–1900.* Tallinn, 2020.

¹⁷ См.: *Берташ А., прот.* Пюхтицкий в честь Успения Пресвятой Богородицы женский ставропигиальный монастырь // Православная энциклопедия. Т. LIX. С. 107–124, библиография.

¹⁸ *Уманец С. И.* Воспоминания о князе С. В. Шаховском и Балтийские очерки. СПб., 1899. С. 18.

Сергиевская церковь и дом княгини Е. Д. Шаховской в Пюхтицком монастыре.
Фото автора. 2018

в Пюхтицкий монастырь. Протоиерей Симеон Попов¹⁹ возглавил служение панихиды у гроба князя и произнес речь со словами: «Благочестивые инокини святой обители сей! Хозяин прибыл к вам. Он приготовил и устроил вам здесь на этой горе место жительства и молитвы. На этой же горе он устроил и себе место упокоения. Он часто приезжал к вам порадоваться успеху вашего дела и отдохнуть здесь душою и телом, и снова возвращался к своим административным обязанностям, к которым призван был волею Государя. Как верный слуга Царев, он трудился и работал для отечества и церкви святой, не зная усталости и отдыха. Тяжелые труды надломили его силы, и вот бездыханное тело его теперь здесь между вами и останется с вами. Ваша святая обязанность молиться об упокоении души вашего благодетеля, труженика-героя, усопшего раба Божия князя Сергия». При пении «Святый Боже» гроб на руках был вынесен из церкви и, предшествуемый иконами и хоругвями, при колокольном звоне, был отнесен на вершину горы. Там князь в 1892–1893 гг. построил себе скромный дом и около дома — «каменный склеп для себя и княгини на случай смерти. Здесь под кудрявой сосной в склепе поставлен был металлический гроб... Гроб был окружен хвойной зеленью и венками из живых цветов и покрыт песком». После прощальных слов члена Ревельского окружного суда М. И. Шкляревского и известного эстонского священника, проповедника и писателя отца Карпа Тизика (Тийзика) было совершено погребение, и склеп заложен кирпичом²⁰.

¹⁹ Митрофорный протоиерей Симеон Иоаннович Попов (1823–4 сентября 1909) рукоположен в диаконский и священнический сан в 1848 г. в Псковской епархии. Служил настоятелем в сельских приходах Эстонии, в Ревельском Преображенском соборе (1875–1900 гг.). Благочинный, в 1900–1909 гг. первый настоятель Александро-Невского собора в Ревеле.

²⁰ Отзывы газет // Венки на могилу. Ревель, 1896. Приложение. С. XXXIX–XLIV.

Княгиня осталась жить в монастыре в своем доме, который в то время представлял собой близкое к квадрату строение с треугольными фронтонами, завершающими фасады по центральным осям. Фасады прорезали по два двоянных окна. В настоящее время он представляет собой протяженное строение со двоянными окнами, мансардным и подвальным этажами, украшенное накладной резьбой.

Над могилой супруга, на вершине горы, она решила соорудить на свои средства храм «в северно-русском стиле XVII столетия», примыкающий к ее дому. «Храм во имя св. Сергия Радонежского над могилою князя и среди Эстляндской святыни будет служить постоянным напоминанием о б. Эстляндском губернаторе князе Сергии Шаховском и о неутомимой его деятельности во вверенной губернии во славу Божию и на пользу дорогого нашего Отечества», — писал 18 октября 1894 г. товарищ председателя Прибалтийского Православного братства В. Евреинов²¹.

20 марта 1895 г. вдова обратилась с прошением к архиепископу Арсению, в котором, с согласия первой пюхтицкой игуменнии Варвары (Блохиной), ходатайствовала о «милостивом разрешении ... построить на вершине Богородицкой горы в Эстляндии на расстоянии 135 саженей в южном направлении от монастырской Успенской церкви — небольшую деревянную церковь на каменном фундаменте, алтарная часть коей будет находиться над сводчатым каменным, наглухо замурованным склепом» князя С. В. Шаховского. «Храм желала бы посвятить св. преподобному Сергию Радонежскому с престолом во имя Св. Троицы. Все расходы по построению храма принимаю на себя, а также и содержание оногo — доколе я жива, а после моей смерти монастырь остается полным владельцем и распорядителем как церкви, так и всех невдалеке от нее на монастырской земле сооружаемых жилых построек, коими пожизненно я владею». Княгиня Е. Д. Шаховская прилагала план на 5 листах, составленный автором генерального плана и первых зданий монастыря академиком архитектором М. Т. Преображенским²², ситуационный план участка, отчужденного в духовное ведомство, фото церкви с севера (с юга к ней примыкала цветочная галерея) и просила направить планы в губернское правление, чтобы после Пасхи приступить к постройке. Консистория 14 апреля выразила согласие с предложениями княгини²³. 27 марта 1895 г. проект нового деревянного храма на пяти листах М. Т. Преображенского был препровожден Рижской духовной консисторией на рассмотрение в Строительное отделение Лифляндского губернского правления. 17 апреля Строительное отделение во главе с Р. Е. Кнютфером «нашло его составленным правильно и во всем отвечающим требованиям архитектуры» и направило губернатору, а затем в тот же день по утверждению — в Рижскую духовную консисторию²⁴.

Храм прп. Сергия — шатровый, построен «из круглых бревен». Шатровые церкви являются наиболее ярким типом русских деревянных храмов, которые в значительной степени воплотили народные представления о красоте. Важно отметить, что каменные шатровые церкви с XVI в. преимущественно имели мемориальный характер, а деревянные храмы (хотя это вопрос дискуссионный), видимо, строились на их основе. «Шатровый храм значительно отличался от клетских и своей высотой, и своим сильно подчеркнутым стремлением вверх. Изумительно, как красива, до чего проста и рациональна и как обдуманна эта глубоко национальная форма храма»²⁵. В их основе лежит восьмигранный (восьмерик) или четырехгранный

²¹ П. Из писем // Венок на могилу. Ревель, 1896. Приложение. С. XVIII.

²² Берташ А., прот. Церковный зодчий М. Т. Преображенский и его работы в Эстляндской губернии // Седьмые Пюхтицкие чтения. Куремяз, 2018. С. 116–124; Егo же. Архитектор Михаил Т. Преображенский и его наследие в странах Балтии и Восточной Европы // Sztuka Europy Wschodniej — Искусство восточной Европы — The Art of Eastern Europe. Т. 6. Polska i rosyjscy architekci w XIX i XX wieku. Warszawa-Toruń, 2018. С. 61–76.

²³ ЕАА, ф. 1655, н. 2, с. 1276.

²⁴ ЕАА, ф. 33, н. 3, с. 2075.

²⁵ Горностаев Ф. Ф., Грабарь И. Э. Деревянное зодчество русского севера // Грабарь И. Э. История русского искусства. Т. 1, М., 1910. С. 360.

(четверик, как в Сергиевской церкви) сруб, увенчанный шатром. С XVII в. ведущий тип шатрового храма — «восьмерик на четверике», с трапезной. Преемственность шатровых форм присутствует в архитектуре Сергиевской церкви. Ее прямого прототипа нет, тем более что при постройке церкви, в отличие от проекта, шатер посажен непосредственно на основной четверик (в русском зодчестве шатер ставили обычно на восьмерик над четвериком). Аналоги ее архитектуры многочисленны среди церквей Русского Севера — к сожалению, в подавляющем большинстве своем утраченных за последнее столетие²⁶.

1 июля 1895 г. протоиерей Александр Полетаев рапортовал архиепископу Арсению (Брянцеву) о готовности церкви и «всех вещей, нужных ко освящению». Он просил владыку «предпринять путешествие на св. [Пюхтицкую] гору и освятить новопостроенный дом Божий». Церковь была освящена 5 июля 1895 г. владыкой Арсением во имя прп. Сергия Радонежского — небесного покровителя князя. Сергиевская церковь сочетает аскетизм, свойственный северно-русскому зодчеству, а также типу мемориального храма-усыпальницы, с оригинальной ступенчатой композицией, прекрасно вписывающейся в участок на вершине холма. Поднимающийся на холм паломник оказывается перед низким притвором с двумя окнами по сторонам от входа, к которому ведет крыльцо на два всхода. Оно завершено килевидным кокошником-киотом, поднимающимся над скатами кровли притвора, и более высокой трапезной в одну ось. За трапезной высится кубический объем храма с небольшим расширением кверху — повалом. Он перекрыт плоской четырехскатной кровлей, в центре которой устремляется к небу высокий восьмигранный шатер с четырьмя окнами-слухами. Над шатром — небольшой глухой двухъярусный барабанчик, завершенный усеченной «перевернутой» пирамидкой — основанием луковичной главки с восьмиконечным крестом. Высота здания — около 20 м. Наличники окон основного объема, трапезной и слухов декорированы зубчатой резьбой в русском стиле. Окна шатра оформлены двускатными кровельками с гребнями на скатах и резными причелинами. Декор основного объема представлен лишь карнизом с резным геометрическим орнаментом. Алтарная часть — прямоугольный объем на цоколе.

8 декабря 1895 г. княгиня обратилась с прошением к владыке Арсению «1. утвердить за мной право владеть пожизненно построенными на мои собственные средства, на Св. Богородицкой горе, в Эстляндии, зданиями, а именно: 1) церковь во имя Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца над местом, где похоронен муж мой и б. прилегающими к ней жилыми помещениями и хозяйственными постройками, а равно и садиком, огородом и колодцем, мною устроенными (здания эти не обременены никакими долгами и застрахованы в 15.000 руб.); 2) сделать постановление о том, а. чтобы после моей смерти я была похоронена в склеп. рядом с усопшим в 1894 году мужем моим под алтарем вышеуказанной церкви преподобного Сергия; б. чтобы все, что войдет при моей жизни в церковный инвентарь церкви Преподобного Сергия осталось церковной собственностью и всегда в ней хранилось; 4 в. чтобы все движимое мое имущество, которое окажется мне принадлежащим в день моей смерти, было передано моим родственникам или душеприказчикам, и с ним было поступлено согласно моей воле; г. чтобы все выстроенное мною на Богородицкой горе после моей смерти перешло в полное распоряжение лично Игумении Варвары (в мире Елизаветы Блохиной), а после ее смерти — монастырю и д. чтобы взамен этого приобретения монастырь совершал ежегодно 12 октября торжественную заупокойную службу об упокоении души Эстляндского Губернатора Князя Сергия Владимировича Шаховского и супруги его Княгини Елизаветы, родителей их и сродников, Императрицы Марии Александровны и рабов Божиих Иоанна и Михаила». 12 января 1895 г. Рижская духовная консистория утвердила прошение с соответствующими ссылками

²⁶ Зосимо-Савватиевская церковь в пог. Верховье на р. Уфтьюге (XV–XVII вв., 1908, разрушена ок. 1946 г.), Варваринская церковь в Яндомозеро (1650 г.), Георгиевская церковь в с. Вершина (1672 г., перенесена), Успенская церковь в г. Кондопога (1774 г., сгорела в 2018 г.) и многие другие.

на законодательство, за что 20 января княгиня благодарила владыку. Со временем возникали «рабочие вопросы» — как учитывать пожертвования для храма, можно ли расширить дом княгини пристройкой по юго-восточному склону, ближе к колодезю, и построить дворничью со стойлом для лошади и сараем. Об этом она писала архиерею 22 февраля 1897 г., и консистория решила эти вопросы за пять дней²⁷.

Позднее, уже при игумении Алексие, 7 апреля 1901 г. княгиня Е. Д. Шаховская обратилась непосредственно в Строительное отделение с просьбой разрешить ей «постройку звонницы по прилагаемому плану при церкви св. Преп. Сергия на Св. Богородицкой горе. План составлен архитектором профессором М. Т. Преображенским, а по его непосредственным указаниям студенту гражданского инженерного института А. А. Эйсмонту, постройка будет производиться под наблюдением сего последнего». Утраченная старая и новая звонницы Сергиевской церкви принадлежат к шатровому типу. Не вызывает сомнений, что М. Т. Преображенский, проектируя первоначальную колокольню Сергиевской церкви, ориентировался на колокольницу в пог. Ракула современного Холмогорского района Архангельской области (конец XVII в. или 1763 г., разрушена в 1940 е гг.). Она была впервые обследована В. В. Суловым в 1883 г. (Нива. 1884. № 43).

Княгиня желала поднять колокола до престольного праздника, и поэтому довольствовалась эскизом проекта и устным, а не письменным, согласием игумении и благословением епископа Агафангела (Преображенского) на постройку. Свое одобрение владыка подтвердил 13 апреля 1901 г. в письме новому эстляндскому губернатору (с 25 октября 1894 г.) тайному советнику Евстафию Николаевичу Скалону (9 сентября 1845–20 июня 1902). 18 апреля Строительное отделение нашло проект «составленным правильно» и представило на утверждение губернатора, который одобрил его 18 апреля²⁸. Прямоугольное в плане деревянное на каменном фундаменте здание представляло собой вытянутую усеченную пирамиду, внутри которой располагалась только лестница до яруса звона, расположенного выше середины ее высоты. Она завершалась луковичной главкой на двухступенчатом (восьмерик и цилиндр) барабане.

На алтарной стене Сергиевской церкви под кокошником-киотом с иконой святых Сергия и Елисаветы — памятная беломраморная доска с именами и датами жизни С. В. и Е. Д. Шаховских. Их могила окружена художественной металлической решеткой. К южному фасаду храма примыкает одноэтажная часть бывшего дома княгини, которая жила и скончалась в нем.

В храме прп. Сергия пребывают плоды рукоделия княгини Е. Д. Шаховской — шитые пелены, а также погребальное убранство в память князя и дары ему: венки, сплетенные из металлических листиков и фарфоровых белых цветов, икона, вышитая бисером. Надписи на ряде венков утрачены, возможно, из-за их «монархического» характера. На одной из белых лент написано: «Князю С. В. Шаховскому крестьяне Иеввенского участка. 20 ноября. 1889». Бронзовое паникадило, стилизованное под барокко, канделябры, часть икон принадлежали князю²⁹.

Сохранилась внутренняя отделка в русском стиле. Особого внимания заслуживает резной дубовый иконостас светло-коричневого тона, реализованный с небольшими изменениями в сравнении с эскизным проектом М. Т. Преображенского. Его центральная часть представляет собой невысокие Царские врата с небольшими четырьмя иконами Евангелистов в один ряд в киотах с килевидными кокошниками. Врата фланкированы столбиками, на каждом из которых, завершеном тремя луковичными главками на барабанчиках — по три иконы. По сторонам от них — киоты с малыми иконами Спасителя и Богородицы, далее большие ростовые иконы свв. архангелов Михаила и Гавриила. Врата и киоты завершены крупными килевидными профилированными кокошниками, причем в двусоставной кокошнике над царскими

²⁷ ЕАА, f. 1655, n. 2, s. 1276.

²⁸ ЕАА, f. 33, n. 3, s. 2320; ЕАА, f. 1655, n. 2, s. 1276, l. 21–23.

²⁹ Беренс В., прот. Историко-статистическое описание церквей и приходов ... Эстонская епархия. Таллин, 1974. С. 482.

вратами — образа Благовещения: Архангела Гавриила и Божией Матери. По сторонам от них уже на деревянной стене — ростовые иконы свв. Архангелов. Все киоты украшены резьбой, в отдельном резном киоте наверху — «Тайная вечеря», и в его кокошнике — «Господь Саваоф».

Среди икон храма — ростовой образ св. прав. Елисаветы, небесной покровительницы княгини, Спаса Вседержителя, свт. Николая, Тихвинская и Феодоровская иконы Богородицы в окладах, аналойная золотофонная икона прп. Сергия, гравированные иконы прпп. Иоанна Рыльского и Серафима Саровского, золотофонная икона св. Анны Кашинской с видом Воскресенского собора в Кашине, икона прп. Сергия у гроба его родителей с видом Хотькова монастыря, в раме и окладе в русском стиле; «Минеи»; в алтаре — запрестольный ростовой образ Спасителя, иконы Воскресшего Спасителя с праздниками — в стиле классицизма, Спаса Нерукотворного, Успения Богородицы, четырех русских святителей: Феодосия, Иоасафа, Гермогена и Питирима в орнаментальной раме (1910-е гг.). Сохранились металлические рипиды с прорезным орнаментом в русском стиле и запрестольный крест, паникадило, старинные аналои. Деревянный потолок оформлен в виде звезды.

В притворе хранятся два старинных каменных равноконечных креста, найденных в районе Пюхтицкой горы и напоминающих о древности здешней православной традиции, возрождению которой посвятил свою жизнь «выдающийся деятель на ниве православно-русского дела в Прибалтийском крае» князь С. В. Шаховской.

С одной стороны, он являлся наиболее ярким в Прибалтийских губерниях выразителем политики Александра III на «национальных окраинах», прежде всего «русификации», с другой — отстаивал большую значимость вероисповедного единства русского и эстонского народов на основе Православия, чем торжества имперских и национальных идей. Памятью о нем стала сооруженная его вдовой мемориальная церковь-усыпальница в русском стиле во имя небесного покровителя князя — прп. Сергия Радонежского в фактически созданной им на месте явления Богородицы обители — Пюхтицком Успенском женском монастыре. Храмостроительство стало важнейшим свидетельством о Православии в Эстляндии и главной формой поддержки новообращенных православных из эстонского и латышского крестьянства, противовесом местным немецким лютеранским элитам и важным идеологическим и эстетическим феноменом.

Могила князя С. В. и княгини Е. Д. Шаховских у алтаря Сергиевской церкви.
Фото автора. 2018

Источники и литература

Источники

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 812. Оп. 1. Д. 157.
2. Rahvusarhiiv, Eesti Ajaloarhiiv — Исторический архив Эстонии (ЕАА), Tartu. f. 33, n. 3, s. 2075; f. 1655, n. 2, s. 952; f. 1655, n. 2, s. 1276.
3. Latvijas Valsts Vēstures arhīvs — Латвийский государственный исторический архив (LVVA), Rīga. 4754. f., 1. apr., 472. l.

Литература

4. *Алексий II (Ридигер), патр.* Православие в Эстонии. М., 1999.
5. *Беренс В., свящ.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Северо-Западных епархий. Эстонская епархия (машинопись, ЕАА). Таллин, 1974.
6. *Берташ А., прот.* Переход в Православие латышских и эстонских крестьян в 1840-е гг. и храмостроительство в Лифляндской губернии в середине 1840-х — 1850-е гг. // Энциклопедическая практика: материалы и исследования. Сборник научных статей и документов. Вып. 5. СПб., 2017. С. 25–46.
7. *Берташ А., прот.* Пюхтицкий в честь Успения Пресвятой Богородицы женский ставропигиальный монастырь // Православная энциклопедия. Т. LIX. С. 107–124.
8. *Берташ А., прот.* Устройство и топография православных церквей в Прибалтийских губерниях в царствование императора Александра III // Теория и практика регионоведения. Т. I. СПб., 2018. С. 92–103.
9. *Берташ А., прот.* «Церковно-строительная операция»: провинциальное церковное строительство конца 1860–1870-х гг. на территории Латвии и Эстонии // Православие в Прибалтике: религия, политика, образование. 1840-е — 1930-е гг. Пярт И. (ред.), Tartu, 2018. С. 41–93.
10. *Берташ А., прот.* Церковный зодчий М. Т. Преображенский и его работы в Эстляндской губернии // Седьмые Пюхтицкие чтения. Куремяэ, 2018. С. 116–124.
11. *Берташ А., прот.* Архитектор Михаил Т. Преображенский и его наследие в странах Балтии и Восточной Европы // Sztuka Europy Wschodniej — Искусство восточной Европы — The Art of Eastern Europe. Т. 6. Polscy i rosyjscy architekci w XIX i XX wieku. Warszawa-Toruń, 2018. С. 61–76.
12. Венок на могилу. Ревель, 1896.
13. *Высоцкий И. И.* Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией (1710–1910 гг.). Вып. 1–4. Рига, 1910.
14. *Гаврилин А. В.* Очерки истории Рижской епархии. Rīga, 1999.
15. *Гаврилин А. В.* Православные приходы на территории Курляндской губернии // Православие в Балтии. № 2 (11). Rīga, 2014.
16. *Гаврилин А. В.* Рижская епархия и политика правительства в Прибалтийских губерниях в 60–90-х годах XIX века // Россия и Балтия. Вып. 3. М., 2004.
17. *Горностаев Ф. Ф., Грабарь И. Э.* Деревянное зодчество русского севера // *Грабарь И. Э.* История русского искусства. Т. 1, М., 1910.
18. Из архива князя С. В. Шаховского: Материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины (1885–1894 гг.). Т. I–III. СПб., 1909–1910.
19. *Лейсман Н., свящ.* Состоящее под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Прибалтийское Православное Братство Христа Спасителя и Покрова Божией Матери. Рига, 1892.
20. Малышкин И. П. Высокопреосвященный Донат. Рига, 1895.
21. Отзывы газет // Венок на могилу. Ревель, 1896. Приложение. С. XXXIX–XLIV.
22. *Плаат Я., Маасик А.* Православные церкви, монастыри и часовни в Эстонии. Tallinn, 2011.
23. *Полунов А. Ю.* Православие в Остзейском крае и политика правительства Александра III // Россия и реформы. М., 1993. Вып. 2. С. 55–65.

24. Православие в Прибалтийском крае в 1887 г. по отчету обер-прокурора Св. Синода // Рижские епархиальные ведомости. 1890. № 10.
25. Тизик (Тийзик) К., свящ. Ревельский Александро-Невский собор на Вышгороде. Ревель, 1910.
26. Уманец С. И. Воспоминания о князе С. В. Шаховском и Балтийские очерки. СПб., 1899.
27. Фриз Гр. Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 777–806.
28. Pantelejev A. Vene õigeusu kirikuarhitektuur // Eesti kunsti ajalugu. Kõide 4. 1840–1900. Tallinn, 2020.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Н. Ю. Борисов

**Влияние «освободительного» движения
на паству Черниговской епархии в 1905–1915 гг.
(по отчётам епархиальных преосвященных)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_106

Аннотация: В начале XX в. в истории России произошло два крупных события, которые совершенно изменили жизнь общества того времени: революции 1905 и 1917 гг. После первой из них по стране начало распространяться освободительное движение, которое оказало влияние на все стороны жизни населения. Коснулось оно и Церкви. В первую очередь, это относится к пастве. Архипастыри внимательно следили за жизнью своих епархий, поэтому столь сильное революционное движение в обществе не могло пройти незамеченным ими. Это нашло отражение в донесениях архиереев о состоянии вверенных им епархий. Одной из таких была Черниговская епархия, которой в рассматриваемое время управляли епископ Антоний (Соколов) и его преемник, член Св. Синода священномученик Василий (Богоявленский). В статье на основании анализа отчётов епархиальных архиереев о состоянии Черниговской епархии за 1905–1915 гг. делается попытка рассмотреть масштаб влияния освободительного движения на жизнь местной паствы. Также подобный вопрос затрагивается относительно духовенства.

Ключевые слова: Малороссия, Русская Церковь, Чернигов, Н. А. Маклаков, Черниговская епархия, духовенство, священномученик Василий (Богоявленский), епископ Антоний (Соколов), революция, освободительное движение, отхожие промыслы.

Об авторе: **Николай Юрьевич Борисов**

Бакалавр богословия, магистрант Санкт-Петербургской Духовной Академии.

E-mail: nikolai.borisovnikolay@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4198-3456>

Ссылка на статью: Борисов Н. Ю. Влияние «освободительного» движения на паству Черниговской епархии в 1905–1915 гг. (по отчётам епархиальных преосвященных) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 106–118.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

N. Yu. Borisov

**The Influence of the “Liberation” Movement
on the Flock of the Chernigov Diocese in 1905–1915
(According to Reports of Diocesan Bishops)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_106

Abstract: At the beginning of the 20th century in the history of Russia, two major events took place that completely changed the life of society at that time: the revolutions of 1905 and 1917. After the first of them, the liberation movement began to spread throughout the country, which influenced all aspects of the life of the population. It also touched the Church. First of all, this applies to the flock. The archpastors closely followed the life of their dioceses, therefore such a strong revolutionary movement in society could not pass unnoticed by them. This was reflected in the reports of the bishops on the state of the dioceses entrusted to them. One of these was the Chernigov diocese, which at the time was ruled by Bishop Anthony (Sokolov) and his successor, a member of the Holy Synod, Hieromartyr Basil (Epiphany). In the article, based on an analysis of the reports of diocesan bishops on the state of the Chernigov diocese for 1905–1915, an attempt is made to examine the scale of the influence of the liberation movement on the life of the local flock. Also, a similar question is raised regarding the clergy.

Keywords: Ukraine, Russian Church, Chernigov, N. A. Maklakov, Chernigov Diocese, clergy, Hieromartyr Vasily (Epiphany), Bishop Anthony (Sokolov), revolution, liberation movement, waste trades.

About the author: **Nikolay Yurievich Borisov**

Bachelor of Theology, Master's Student at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: nikolai.borisovnikolay@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4198-3456>

Article link: Borisov N. Yu. The Influence of the “Liberation” Movement on the Flock of the Chernigov Diocese in 1905–1915 (According to Reports of Diocesan Bishops). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 106–118.

* Photos are taken from open sources.

Период между двумя крупными потрясениями в России — Первой Русской революцией 1905–1907 гг. и событиями февраля 1917 г., — когда фактически прекратила своё существование Российская империя, вызывает большой интерес у исследователей. Рассмотрению подвергаются различные стороны жизни общества того времени, изучаются возможные причины и последствия каждого события. Наибольшее же внимание уделяется самим революционным движениям и различным политическим партиям, действовавшим как во время революций, так и в межреволюционное десятилетие. Активно изучаются их программы, легальная и нелегальная деятельность, в том числе агитация и пропаганда в различных слоях общества.

В сфере церковной истории в первую очередь представляет интерес отношение Церкви в лице её представителей к революционным явлениям. Одной из важных составляющих такого взгляда является мнение архиереев о влиянии на их паству т. н. освободительного движения, причём как в области нравственного состояния, так и в области политических настроений.

Важным источником в данной области исследования являются ежегодные отчёты епархиальных преосвященных в Св. Синод, в которых, как видно при изучении, представлены выводы местного архиерея, основанные на докладах благочинных епархии, приводимых им здесь же. Можно сказать, что епископ проводил аналитическую работу, сравнивая доклады подчинённых ему священнослужителей, отбирая из них самые важные и делая на основании всего объёма полученной им информации вывод. При этом следует отметить и личное отношение самого архипастыря к происходящим событиям.

Священномученик
Василий (Богоявленский)

В данной статье рассматриваются мнения двух черниговских архиереев — преосвященных Антония (Соколова) и священномученика Василия (Богоявленского) — о влиянии освободительного движения на жизнь паствы Черниговской епархии (оба архипастыря занимали местную кафедру в период между двумя революциями).

Прежде всего следует обратить внимание на то, что же подразумевают под освободительным движением преосвященные Антоний и Василий, и откуда вообще взялся данный термин. Можно предположить, что он использовался благочинными. Так, он впервые появляется в приводимом епископом Антонием за 1906 г. донесении благочинного 2-го округа Сосницкого уезда¹. Сам архиерей до этого момента в отчётах не употребляет данный термин, но потом он появляется всё чаще, причём, и в отчётах его преемника, священномученика Василия (Богоявленского)². Таким образом, название присваивалось со стороны местного духовенства определённым группам людей.

Мнения же архиереев по поводу определения данного термина, как видно из отчётов, совпадают. Преосвященный Антоний пишет об этом так: «Освободительное движение... породило лиц индифферентных к вопросам веры. Изменяя родной вере, народ изменяет и законной власти»³. Преосвященный Василий упоминает его при описании

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2189. Л. 93.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2432. Л. 44.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2252. Л. 83.

событий 1905–1906 гг.⁴ Далее он дает ему следующую характеристику: «Развращение народа продолжается и по днесь, посредством разных брошюр и дешевых газет»⁵. В схожих описаниях архиереи называют данное движение аграрным⁶, революционным, а распространяемые его сторонниками идеи — социалистическими, социал-демократическими и атеистическими⁷.

Таким образом, следует отметить, что под освободительным движением обоими архиереями понимается вредное влияние на население социалистов (часто без указания партийной принадлежности распространителей), вызванное революционными потрясениями 1905–1906 гг., которое ведёт к борьбе с существующим государственным строем и религиозному индифферентизму, а нередко и к атеизму.

Далее необходимо обратиться непосредственно к сведениям о влиянии представителей данного движения на жизнь паствы. Прежде всего, следует отдельно рассмотреть пять вопросов: причины, источники и субъекты (возрастная категория, национальность и вероисповедание, род деятельности) распространения, последствия этого в духовно-нравственной жизни прихожан, а также периодизацию подъёмов и спадов подобных процессов в означенный период.

Прежде всего, следует задать вопрос о том, почему население вообще поддавалось пропаганде. Возможно, для этого существовали объективные причины. Как видно из отчётов, в Черниговской губернии преобладает аграрное население (крестьянство — подавляющее большинство). Следовательно, не зря революционное движение называлось аграрным, как было указано выше. Отсюда, самым важным вопросом являлся земельный вопрос. При описании бунтов в Черниговской губернии, приводимом в Историческом вестнике в 1913 г., указывалось, что крупные нестроения происходили в северных уездах губернии (прежде всего, Мглинском и Суражском), где земля неплодородна⁸. Неудивительно, что население уходило отсюда на отхожие промыслы на юг Малороссии в шахты, а некоторые жители даже уезжали в Америку⁹. Здесь же видна отдалённость паствы от указанных проблем пасомых. Епископ Антоний пишет: «Благочинный 2-го округа Суражского уезда о вредном влиянии отхожих промыслов доносит так... молодёжь относится с насмешкой к труду земледельца и предпочитает жить впроголодь в городе, чем работать дома»¹⁰.

Конечно, преосвященный заботился о духовенстве и пастве, но ни он, ни благочинные не брали в расчёт тот факт, что отъезд в город был средством выживания для населения, у которого заготовленный хлеб заканчивался уже в ноябре-декабре¹¹. Зимних работ в местных краях не было, что и заставляло идти молодёжь на промысел на юг страны или за границу, где зарабатывать на жизнь было не легче. Поэтому земельный вопрос стал одной из главных причин, которая подготовила — прежде всего, в уездах с плохой землёй и, как следствие, населяющими их бедняками — почву для развития революционного движения. Это заметил и сам преосвященный Антоний, указывая в рапорте, что зажиточные крестьяне не сочувствуют распространяемым через прокламации течениям¹².

Таким образом, можно сказать, что большую роль для движения играли именно проблемы материального обеспечения.

Далее следует обратиться к источникам распространения освободительных идей. С одной стороны, как видно из отчётов, это литература. В большинстве своём

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2432. Л. 44.

⁵ Там же. Л. 46.

⁶ Там же.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2252. Л. 86, 88; Д. 2432. Л. 49.

⁸ Крестьянские беспорядки в Черниговской губернии в 1905 г. // Исторический вестник. Т. 132. СПб.: Новое время, 1913. С. 853–854.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2252. Л. 80.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2313. Л. 77.

¹¹ Крестьянские беспорядки в Черниговской губернии... С. 853.

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2129. Л. 82.

она носила нелегальный характер и представляла из себя газеты, прокламации и брошюры радикальных течений. Например, в отчете за 1906 г. епископ Антоний (Соколов) приводит такие сведения: «Антирелигиозная и антисоциальная литература, во множестве распространяемая в сёлах и выписываемые газеты крайнего направления — всё это оказало на прихожан слишком сильное влияние»¹³. При этом её выпуск не ослабевает даже после революционных событий. Уже в 1913 г. преосвященный Василий (Богоявленский) докладывал: «Развращённому состоянию теперешнего молодого поколения содействующей причиной, главным образом, было так называемое “освободительное” движение, ныне с большим усердием поддерживаемое распространяющимися в народе многочисленными брошюрами и газетами левой печати»¹⁴.

Другим источником можно назвать те сведения и идеи, которые приносили возвращающиеся с отхожих промыслов, возможно, также под влиянием левой печати. Епископ Антоний пишет: «О вредном влиянии отхожих промыслов доносят и Благочинные 3-го округа Остерского уезда, 2-го Новозыбковского уезда и 1-го округа Сосницкого уезда»¹⁵.

Прежде всего, следует обратить внимание на два фактора при распространении источников: дешевизна (копеечные освободительные газеты в городах¹⁶) и количество издаваемой литературы, а также большое влияние на местное население именно левых идей, видимо, легко усваиваемых простыми людьми и более близких им (например, агитаторы говорили о наболевшей теме материального обеспечения)¹⁷.

Необходимо также отметить, что источником новых веяний и очагом распространения вольнодумства и атеизма в глазах преосвященного Антония являлись земские школы. В 1906 г. он докладывал: «О вредном влиянии некоторых учителей земских школ на религиозно-нравственное состояние поселян благочинный 3-го округа Черниговского уезда доносит так: “Учителя почти всех земских школ развращают население в религиозном и нравственном отношении, а революционные идеи распространяют почти открыто”»¹⁸. Подобные отзывы о деятельности земских учителей можно увидеть и в его отчёте за 1905 г.¹⁹

В данном случае наблюдается явная нерасположенность архиерея к таким учебным заведениям (прежде всего, к преподавателям), которые мыслятся им как очаги революционных течений, развращающие простой народ. Правда, следует сделать оговорку: епископ Антоний (Соколов) упоминает учителей в негативном ключе только в 1905–1906 гг.: после успокоения революционных движений он более не обращался к данной теме.

Отдельно отмечается деятельность агитаторов, которые разъезжали по сёлам, останавливались у единомышленников, а по ночам собирали народ на полях и в лесах для пропаганды своих идей²⁰.

Таким образом, освободительные идеи переходили через нелегальную литературу и те сведения, которые получали люди в земских школах и во время работы на заводах и в шахтах. Т. е., первым звеном в цепочке субъектов распространения становились учителя, приезжие агитаторы и пролетариат. Вторым же являлись, по мнению обоих преосвященных, молодые люди, т. е. то поколение, которое посещало школы и уходило в отхожие промыслы. Благочинный 1-го округа Суражского уезда сообщает: «Молодёжь, побывавшая на отхожих промыслах, главным образом в каменноугольных шахтах, вносит, по возвращении домой, в жизнь прихожан некоторое

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2189. Л. 93.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2620. Л. 137; Д. 2497. Л. 52.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2252. Л. 87.

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2432. Л. 48.

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2129. Л. 81.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2189. Л. 92.

¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2129. Л. 79.

²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2189. Л. 97.

растление и либерализм»²¹. По отзыву же благочинного 3-го округа Черниговского уезда, «эта зараза прививается к молодёжи частью от Черниговской интеллигенции, частью от земских учителей и учительниц»²².

Далее преосвященный Антоний, видевший в еврейском (иудейском) влиянии одну из важных причин падения духовно-нравственного уровня жизни своей паствы, ставит их промежуточным агитационным звеном: «Занесённые из отдалённых мест вместе с революционными и социалистическими идеи религиозного индифферентизма и атеизма, поддерживаемые местными проводниками оных, по преимуществу евреями...»²³. Возможно, это было связано с переселением в Новозыбков и Конотоп большого количества евреев, а благочинные данных округов просто акцентировали внимание на их влиянии. Так или иначе, но согласно переписи 1897 г. на территории Черниговской епархии проживало 114.370 евреев, что составляло меньше 5% от общего числа жителей губернии²⁴. Сомнительно, что всё еврейское население губернии стало организовано агитировать против власти, тем более что влияние его было крайне незначительным по сравнению с деятельностью молодёжи, а также по причине не любви населения к лицам еврейской национальности (в самих отчётах приводятся сведения о еврейских погромах в губернии).

В итоге становится очевидным, что пролетарская среда отхожих промыслов, учителя и распространители агитационной литературы транслировали свои идеи молодёжи, которая, в свою очередь, по возвращении домой находили сочувствие у своих земляков, прежде всего, части евреев и людей своего возраста. Об этом преосвященный Василий, оборачиваясь назад, в 1910 г., писал: «Много зла сделано в деле нравственного развращения народа, и особенно молодёжи, революционной пропагандой печальной памяти 1905–1908 годы»²⁵.

Таким образом, можно наблюдать разностороннее проникновение освободительных идей в жизнь населения Черниговщины. Соответственно, масштаб их влияния на жизнь как всего населения в целом, так и на жизнь православной паствы должен быть значительным. Его результат можно разделить на две большие области: религиозно-нравственную и политическую. Обе они нашли отражение в отчётах Черниговских архипастырей.

Область политическая, хотя и тесно связана с нравственностью, лишь косвенно касается рассматриваемого вопроса, поэтому здесь можно ограничиться краткой характеристикой. С одной стороны, это словесные выпады в адрес существующей власти: «Разнузданность в словах переходила всякие границы: поносили духовенство, начальство, публично поносили Помазанника Государя Императора»²⁶. Молодёжь уже после революции неправильным пониманием дарованных свобод и социалистическими учениями подыгрывала устоям государственности и общественности²⁷. С другой стороны, это насильственные акции с целью разграбления чужого имущества: «Относительно населения Черниговской области нужно сказать, что... поддаются вольномыслию и нечестию, временами обнаруживают противление Власти и установленным порядкам, учиняют бунты, мятежи, ограбления помещичьих имений и имущества евреев и разного рода беспорядки»²⁸.

Духовенства подобные последствия тоже коснулись. В 1906 г. ходили слухи, что будут отобраны церковные земли²⁹, а годом ранее звучали угрозы и в адрес

²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2369. Л. 97; Д. 2432. Л. 49.

²² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2252. Л. 86; Д. 2369. Л. 97.

²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2252. Л. 88.

²⁴ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. В 2-х томах. М.: Издательство Крутицкого подворья, 2004. Т. 2. С. 127.

²⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2432. Л. 49.

²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2189. Л. 89, 94.

²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2313. Л. 72.

²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2189. Л. 97.

²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2129. Л. 82.

отдельных священнослужителей³⁰. В условиях ежегодных ограблений церквей это выразилось в увеличении их количества и даже в убийстве 17 сентября 1906 г. двух сторожей Покровской церкви села Годуновки Глуховского уезда, чего раньше никогда не наблюдалось³¹. В селе Порохня 11 декабря того же года был убит священник Пиневиц³². Епископ Антоний (Соколов) писал: «В настоящее время воры, разные злоумышленники, грабители, убийцы и проч. свободно расхаживают по Черниговской губернии; нападают на мирных жителей, в том числе на священно-церковно-служителей, избивают их, проникают в храмы Божии, убивая наперед церковных сторожей, и святотатствуют, нападают на дворы и имущество и сожигают их и т. д. и т. д.»³³.

Итак, подобного рода идеи с материальной стороны часто оказывались и видом выражения протеста против существующего строя, и поводом для разбоя с целью наживы. Например, в октябре 1905 г. крестьяне Городнянского уезда расправились с имением помещика-либерала Свечина, члена Черниговского комитета партии кадетов³⁴. Такие выступления прекратились лишь после 1907 г.

Духовно-нравственные и религиозные последствия более многообразны и их следует проследить за каждый год отдельно.

В 1905 г. это проявилось, прежде всего, в антирелигиозной и антицерковной пропаганде, что подрывало авторитет священников, а также приводило людей к атеизму: «[Земские учителя] словом и примером подрывают уважение к Православной Церкви и всеми мерами вредят духовенству»³⁵. В этом году преосвященный Антоний мало внимания уделяет подобным последствиям, акцентируясь на погромах и революционных выступлениях.

В 1906 г. уже отмечаются результаты такой пропаганды: «По местам прихожане в жизни своей далеко не следуют наставлениям своих пастырей, даже не верят им, причина сему — переживаемое освободительное движение. Благодаря изменившемуся взгляду прихожан на духовенство, только и можно объяснить вмешательство прихожан в расходование церковных сумм»³⁶. Т. е. наблюдается желание в некотором роде анархической свободы в управлении приходом, а также по местам разъединение паствы с приходским священником.

В среде же крестьянской молодёжи появляется свободомыслие в церковно-религиозной жизни³⁷. Но так было не везде. Можно даже утверждать, что влияние больше касалось нравственности, нежели религиозности населения (данные понятия в отчётах ставятся раздельно): «Происходившее политическое и экономическое движение, а равно и законодательные распоряжения о свободе вероисповедания, по-видимому, на религиозное состояние паствы влияния не оказало, но значительно отразилось на нравственном состоянии паствы»³⁸.

К 1907 г. все указанные последствия остаются и даже усиливаются, намечаются даже предпосылки чёткого расслоения населения на приверженцев монархического строя и революционеров. Благочинный 2-го округа Борзенского уезда сообщал: «В политическом отношении паства разделилась на монархистов — сторонников Правительства и скрытых революционеров, враждующих между собою»³⁹. Это, с одной стороны, относится к политической стороне дела, с другой — свидетельствует о втянутости населения в данную область настолько, что духовно-нравственная составляющая перестаёт играть какую-либо роль. Это, возможно, является одним из тревожных

³⁰ Там же. Л. 79.

³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 6285. Л. 171.

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2189. Л. 99.

³³ РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 6285. Л. 172.

³⁴ Сенчакова Л. Т. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М.: Наука, 1989. С. 89.

³⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2129. Л. 79–80.

³⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2189. Л. 93, 101.

³⁷ Там же. Л. 92.

³⁸ Там же. Л. 94.

³⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2252. Л. 92.

сигналов к грядущей братоубийственной войне, т.к. речь уже идёт не о различиях в социальном классе, а просто о приверженности определённому строю.

Также отмечается и плодотворное воздействие происходивших событий на состояние духовенства. Для каждого священника революционные события стали определённым маркером духовно-нравственного состояния его жизни, и помогли ему поднять его уровень. Епископ Антоний писал: «Горячность противников Церкви, обнаружившаяся в последние два года, уничтожила прежнюю “теплохладность” пастырей Церкви и последние сделались в свою очередь горячими защитниками истин веры»⁴⁰.

В следующем же году после всех революционных потрясений сохраняется только нелюбовь и недоверие к священникам молодого поколения: «Упадок веры и благочестия в народе изменил во многом и отношения паствы к духовенству: пастырские наставления революционно-настроенными членами в приходе перетолковываются всегда в другую сторону, просьбы духовенства к прихожанам о своих назревших нуждах далеко не встречают прежнего благожелательного сочувствия, прежнего простосердечия и послушания в отношениях пасомых к своим пастырям теперь уже нет»⁴¹. В целом же движение утихает: «До сих пор ещё есть в каждом приходе люди неблагонадёжные как в религиозном отношении, так и в политическом, именуемые “демократы”, но значение их в глазах народа пало, отношение к ним народа во всяком случае отрицательное... революционный угар в народе в значительной степени прошёл... более заметно становится успокоение умов»⁴².

Следует отметить, что во время революции далеко не всё духовенство было незабвенно предано светской власти. Конечно, в советской историографии можно найти частые примеры его изображения как идеологического аппарата самодержавия: «Более суровому осуждению подвергался всякий социальный протест со стороны народных низов... На практике Церковь давно уже свела свою деятельность к проповеди терпения и покорности... Патриархальный быт нерасслоившейся деревни и захолустного города — вот тот социальный идеал, к поддержанию которого стремилось православное духовенство. Этот идеал отвечал и политическим воззрениям духовенства»⁴³. Возможно, большая часть духовенства, как и сам епископ Антоний (Соколов), в то время искренно считала это своей обязанностью⁴⁴. В этом не видится ничего позорного или недостойного, т.к. Церковь всегда должна выступать против насилия и ратовать за мир.

Также следует сказать, что не единичными являются примеры выступления священников на стороне революционеров, их сочувствия освободительным идеям. Некоторых священников привлекали к ответственности как неблагонадёжных⁴⁵. В 1905 г. доме у священника Лисовского из села Куриловки полицией была открыта тайная типография, которую содержал репетитор его племянника Галецкий. Священника села Сальное Илию Великодского заключили в Нежинскую тюрьму за противоправительственную пропаганду среди крестьян (вместе с тем его отрешили от прихода, а после окончания следствия предоставили ему право перейти в другой приход). Священника Феодора Смелъницкого за такую же деятельность переместили на другой приход, псаломщика Д. Букатого по определению епархиального начальства от 15 декабря 1905 г. отрешили от места⁴⁶. В следующем году таких примеров стало в разы больше, на основании чего епископом Антонием (Соколовым) отмечалось, что революционное брожение коснулось и духовенства, в среде которого тоже не всё благополучно⁴⁷.

⁴⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2252. Л. 93.

⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2313. Л. 87.

⁴² Там же. Л. 71.

⁴³ Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1984. С. 26.

⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2252. Л. 93.

⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2129. Л. 86.

⁴⁶ Там же. Л. 86–87.

⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2189. Л. 102–104.

И.д. генерал-губернатора
Черниговской губернии
Николай Алексеевич Маклаков

Тогда, по свидетельству преосвященного, в Государственную Думу народ избирал священников, которые сочувствуют революционным и вольнодумным идеям⁴⁸. Об этом он писал и в отзывах о церковной реформе: «Но, как не избранники населения, депутаты духовного ведомства не пользуются сколько-либо значительным влиянием: не только нет тесного единения между ними и выборными гласными, но на них смотрят, как на людей совершенно чуждых интересам, обслуживаемым общественными учреждениями; их заявления снисходительно выслушиваются, но и только»⁴⁹.

В последующее время число революционных выступлений духовенства уменьшается, но они становятся более резкими: «Священник села Столяж, Борзенского уезда, Феодор Новиков... произнёс крайне тенденциозную речь, в которой призывал народ к восстанию и ниспровержению существующего государственного строя... называл Вторую Государственную Думу (распущена императором) «красным солнышком»»⁵⁰.

В 1908 г. к ответственности за «нехорошее направление в политическом отношении» привлечено всего три священника: Александр Бузина, Михаил Вербицкий и Николай Нагорский⁵¹. Такие настроения сохранялись и позже, недаром создание Черниговским генерал-губернатором Н. А. Маклаковым предвыборного блока правых, духовенства и националистов считалось в 1912 г. весьма трудной задачей⁵².

Таким образом, во время революции Черниговское духовенство не являлось простым механизмом в государственной структуре: оно было живым организмом, частью общества, которого тоже коснулись разделения, несмотря на борьбу со свободомыслием светской и церковной власти.

Возвращаясь же к рассмотрению влияния на паству, следует отметить, что в 1909 г. были подведены своеобразные итоги всего происшедшего: «В народе стало как бы меньше страха перед Богом и законом, развились в народе полное неуважение к чужой собственности и личности, нарушение постов и святости праздничных дней... такому способствует обращающиеся среди народа безбожные брошюры и книги»⁵³.

Конечно, не стоит винить во всём этом освободительное движение. Благочинный 4-го округа Глуховского уезда справедливо отмечает, что кроме революционного влияния ко многим недобрым явлениям в нравственной жизни прихожан привели невежество и бедность⁵⁴. В данном случае, никакая пропаганда и увещания духовенства, по мнению благочинного 1-го округа Новозыбковского уезда, не смогут помочь,

⁴⁸ Там же. Л. 98.

⁴⁹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. В 2-х томах. М.: Издательство Крутицкого подворья, 2004. Т. 1. С. 156.

⁵⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2252. Л. 94.

⁵¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2313. Л. 83.

⁵² Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 227.

⁵³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2369. Л. 100.

⁵⁴ Там же. Л. 101.

когда земли неплодородны, а трудоспособное население уходит в другие районы на отхожие промыслы, где человек попадает под влияние другой среды⁵⁵. Т. е., единственное, что могло бы помочь искоренить такие идеи в местной среде — это улучшение условий жизни населения и ведение просветительской работы с ним, что всегда было сложной задачей как для государства, так и для Церкви.

Также встаёт вопрос об образовательном уровне духовенства, т. к. для многих хотя бы немного образованных молодых людей приходской священник перестаёт быть авторитетом, из-за чего наблюдается индифферентизм по отношению к религии⁵⁶. Т. е. даже просвещение без должного уровня подготовки священства, без умения на достойном уровне ответить своей пастве на актуальные вопросы приводит к отрицательным последствиям для Церкви — либо к безразличию, либо к неверию.

В целом же весь комплекс причин, по мнению как преосвященного Антония, так и владыки Василия, привёл к следующему: «Во многих местах епархии население... нравственно портится: миряне, а в особенности молодёжь, Заповеди Господни забывают, страха Божие не имеют, Церковь Божию почитают мало, поддаются вольномыслию. Понижению уровня нравственности в народе много способствует так называемое освободительное движение»⁵⁷.

Необходимо отметить, что такое место Церковь заняла в том числе из-за обозначения своей позиции. Епископ Антоний тут же указывает задачи духовенства: «Пастырям Церкви необходимо зорко следить за нравственным состоянием вверенной им паствы и оберегать их от разных проповедников современных злых учений... духовенство старается оберегать своих пасомых от увлечения разными революционными учениями»⁵⁸. Роль и успехи образованного духовенства в подобной борьбе отмечал и епископ Василий (Богоявленский)⁵⁹.

С одной стороны, логично, что священнослужитель обличает религиозную сторону таких учений и призывает к миру, с другой — он затрагивает и политические вопросы, что неправильно. Из-за отсутствия чёткой грани между этими аспектами в глазах населения священник уже в то время становится просто одним из «цепных псов» самодержавия, мнение о чём, зачастую небеспочвенное, успешно подогревают и развивают агитаторы.

Ко времени вступления в управление епархией епископа Василия (Богоявленского) освободительное движение, на первый взгляд, уже не оказывает влияния на население. Но как докладывал благочинный 2-го округа Сосницкого уезда, если всмотреться, то можно увидеть, что оно, хотя и немного утихло, всё же никуда не пропало и продолжало оказывать своё тлетворное воздействие на жизнь паствы⁶⁰. Это касается, в первую очередь, молодёжи. Все же влияние таких идей, кроме насильственных актов и грабежей, сведённых в то время к минимуму, остается. Настоящим бичом в глазах преосвященного выглядят представители интеллигенции, которые распространяют новые идеи, служа дурным примером для своей прислуги и вообще простого народа. Последнее приводит к тому, что местное духовенство было счастливо, когда среди своей паствы мало встречало представителей интеллигенции⁶¹.

В 1911–1912 гг. жизнь принимает совершенно мирный характер, а бывшие беспорядки, если и встречаются, то не поражают, а навлекают на зачинщиков осуждение. Случаи уклонения от уставов Церкви относительно поста среди сельского населения редки⁶². Интересный факт — по отчёту увеличение доходности (увеличение количества проданных свечей, большое количество молящихся в храмах по праздникам)

⁵⁵ Там же. Л. 102.

⁵⁶ Там же. Л. 103.

⁵⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2369. Л. 107; Д. 2432. Л. 54.

⁵⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2369. Л. 107.

⁵⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2432. Л. 20.

⁶⁰ Там же. Л. 46.

⁶¹ Там же. Л. 52.

⁶² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2497. Л. 48; Д. 2559. Л. 44.

по сравнению с революционными годами есть показатель повышения религиозности и благочестия⁶³.

Однако антицерковный дух 1905–1906 гг. давал о себе знать, что особенно проявлялось в городах, где «приходские священники не могут похвалиться возвышением народного благочестия, скорее наоборот»⁶⁴.

По-прежнему в этой области на молодёжь оказывают развращающее действие отхожие промыслы на заводы и шахты, где молодые люди подхватывают освободительные идеи. Тогда же появляется поговорка: «Кто в шахтах был, того нужно в другой раз крестить»⁶⁵. Благочинный 2-го округа Сосницкого уезда сообщал, что солдаты, вернувшиеся с окраин на родину, объявляют себя прямо потерявшими веру и стыд, не почитают святых, не признают мощей, отвергают всякую обрядность в делах веры⁶⁶. Однако преосвященный Василий оптимистичен: «Плоды освободительного движения... не пустили глубоких корней и православная паства, хотя медленно, благодаря... учительству пастырей церкви, отрешается от своих заблуждений и идёт к единению со своей матерью — Православной Церковью»⁶⁷.

В среде молодёжи сохранялось неуважение, недоброжелательство и враждебное отношение к духовенству. Возможно, молодое поколение под влиянием освободительного движения видело в приходском священнике один из поработавших их государственных элементов, но, скорее всего, данный конфликт следует рассматривать в области финансовой: население не устраивает тот размер вознаграждения, который оно должно платить священнику за совершение треб. Об этом говорят в годовых отчётах за рассматриваемые 10 лет оба архиерея⁶⁸. По этому поводу во избежание конфликтов они предлагают единственный возможный способ решения: «Бедность населения по некоторым приходам, кажется, вела к тому, что прихожане, сами терпя нужду, мало удовлетворяли труд священно-церковнослужителей... Увеличенное казённое жалование, можно надеяться, в этом отношении сослужит добрую службу»⁶⁹.

К 1913 г. уже говорится о малозаметном следе событий 1905–1906 гг. среди молодого поколения⁷⁰, что, с учетом предыдущих свидетельств, выглядит странно. Возможно, такое мнение связано с «увеличением числа богомольцев в приходских храмах... учащёнными просьбами прихожан к священникам об освящении домов, служении молебнов, панихид, поминовений покойников»⁷¹. Возможно, опять-таки, проявляется лишь внешняя видимость спокойствия. Упомянутый ранее благочинный (явно очень наблюдательный человек) 2-го округа Сосницкого уезда «пророчески» описывает сложившуюся ситуацию: «По крайней мере, тех зловещих и страшных криков, что бывали в прежние “освободительные” годы слышны по сёлам у нас: “долгой гражданские и духовные узы, не надо церквей и духовенства, нет Бога и греха никакого”, — в настоящее время наблюдать не приходится; но всякому вдумчивому и наблюдательному человеку видно, что это затишье только временное, что это не есть полное покаяние и сознание ошибочности своих прежних убеждений, а скорее тактический приём, в видах изменившегося общего направления жизни»⁷².

Данный отчёт выглядит грозным предостережением для Церкви, тем более интересным, что через четыре года произойдут события, о которых оно предупреждает. Видимо, из-за такой видимой благонамеренности не было поддержки существующей государственной власти; в декабре 1915 г. в донесении начальником Черниговского

⁶³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2497. Л. 49.

⁶⁴ Там же. Л. 50.

⁶⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2559. Л. 47.

⁶⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2497. Л. 52.

⁶⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2497. Л. 55; Д. 2559. Л. 49.

⁶⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2189. Л. 98; Д. 2432. Л. 57; Д. 2497. Л. 58; Д. 2559. Л. 52.

⁶⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2369. Л. 117; Д. 2497. Л. 58.

⁷⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2620. Л. 130.

⁷¹ Там же. Л. 134.

⁷² Там же. Л. 135.

губернского жандармского управления констатируется «безжизненность монархических организаций»⁷³.

Население Черниговской губернии не оставило своих мыслей, не было положительно настроено к Церкви и государству, не разделяло монархических идей, хотя с внешней стороны будущий священномученик Василий (Богоявленский) почти не замечал этого. В 1914 г. он писал, что все революционные настроения совершенно улеглись из-за начавшейся Первой мировой войны⁷⁴, а в 1915 г. вообще не упоминал о влиянии на свою паству освободительного движения.

Истинное же лицо большинства духовенства и мирян отразится в постановлениях Экстренного съезда духовенства и мирян Черниговской епархии. Тогда съезд высказался 1) за создание в России демократической республики, главой которой будет лицо, исповедующее православную веру, 2) против отделения Церкви от государства, 3) за предоставление духовенству полной свободы участия в общественно-политической жизни страны⁷⁵.

Т. е., большинство населения раздражала, прежде всего, прогосударственная позиция духовенства вкупе с высокими ценами за совершение треб. Отношение же к самому духовенству без привязки к данным вопросам, как видно, в том числе и из отчётов, было либо нейтральным, либо положительным.

Следует заключить, что освободительное движение в период с 1905 по 1915 гг. действительно оказало огромное влияние на жизнь паствы и духовенства Черниговской епархии. Во время Первой русской революции это выразилось в форме открытых выступлений, сопровождаемых грабежами, погромами и убийствами. В межреволюционный период подобных явлений не было: тогда осталась лишь агитационная литература и изменения в духовно-нравственной жизни населения. Священнослужители и миряне всё чаще стали высказывать своё недовольство по различному рода вопросам. К сожалению, следует признать, что меры по исправлению ситуации либо не принимались, либо были явно недостаточными: за такой короткий промежуток времени они не принесли желаемого результата. Жизнь населения Черниговской губернии изменилась, и процесс возвращения к прошлому оказался невозможен.

Не следует также забывать, что самой благодатной почвой для распространения и усвоения освободительных идей была молодёжь, которая к 1917 г. стала взрослым поколением и, возможно, сыграла роль в событиях новой революции и Гражданской войны. Церковь не смогла удержать от этого молодое поколение. Наоборот, из-за неумелых попыток исправить ситуацию в этой области авторитет духовенства был подорван (в 1906 г. священники получали письма с рисунками в них гроба, револьвера и надписью: «За небрежное отношение к народу, ожидай»⁷⁶). Таким образом, идеи освобождения за 10 лет в Черниговской губернии смогли подготовить почву для новой, ещё более крупной и радикальной по своим последствиям революции.

⁷³ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 405.

⁷⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2682. Л. 46, 49.

⁷⁵ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. М.: Индрик, 2006. С. 167–168.

⁷⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2189. Л. 101.

Источники и литература

Источники

1. РГИА — Российский Государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 187. Д. 6285. По донесениям Преосвященных о кражах, пожарах и других происшествиях в епархиях за 1907 год.

2. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2129. Отчёт о состоянии Черниговской епархии за 1905 год.

3. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2189. Отчёт о состоянии Черниговской епархии за 1906 год.

4. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2252. Отчёт о состоянии Черниговской епархии за 1907 год.

5. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2313. Отчёт о состоянии Черниговской епархии за 1908 год.

6. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2369. Отчёт о состоянии Черниговской епархии за 1909 год.

7. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2432. Отчёт о состоянии Черниговской епархии за 1910 год.

8. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2497. Отчёт о состоянии Черниговской епархии за 1911 год.

9. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2559. Отчёт о состоянии Черниговской епархии за 1912 год.

10. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2620. Отчёт о состоянии Черниговской епархии за 1913 год.

11. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2682. Отчёт о состоянии Черниговской епархии за 1914 год.

12. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. В 2-х томах. М.: Издательство Крутицкого подворья, 2004.

13. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. М.: Индрик, 2006. 504 с., ил.

Литература

14. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 604 с.

15. *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1984. 224 с.

16. *Кириянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с., ил.

17. Крестьянские беспорядки в Черниговской губернии в 1905 г. // Исторический вестник. Т. 132. СПб.: Новое время, 1913. С. 853–871.

18. *Сенчакова Л. Т.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М.: Наука, 1989. 264 с.

ВЕСТНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

В. В. Бурега

Киевское христианство в имперском интерьере: XVIII век

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_119

Аннотация: В статье рассмотрены трансформации, совершившиеся в жизни Киевской митрополии после ее вхождения в состав Московского патриархата в 1686 г. Автор анализирует понятие «киевское христианство» и указывает его характерные черты, сформировавшиеся к концу XVII в. На момент своего вхождения в состав Московского патриархата Киевская митрополия была особым миром, со своей выразительной спецификой. Здесь сложилась особая традиция взаимодействия с государственной властью, установились особые предпочтения в сфере богословия, образования, церковного искусства. В течение XVIII в. жизнь Киевской митрополии подверглась жесткой унификации со всей остальной частью Российской Церкви. В статье показано, как изменилась территория Киевской митрополии и ее административно-территориальное деление, каким стал титул Киевских митрополитов и как изменился объем их прав. Рассмотрена процедура избрания / назначения Киевских митрополитов. Обращено внимание на изменения в приходской жизни, связанные с порядком назначения приходского духовенства. Автор показывает, что к концу XVIII в. Киевская митрополия превратилась из обширного митрополичьего округа в одну из рядовых епархий Российской Церкви. Однако, несмотря на процессы унификации, киевская церковная традиция в XVIII в. не исчезла. Более того, она оказала заметное влияние на церковную жизнь в России. Фактически «киевская школа» стала одним из важных субстратов, из которых выросла Синодальная Церковь.

Ключевые слова: Киевская митрополия, киевское христианство, Русская Православная Церковь, Российская империя, Святейший Синод.

Об авторе: **Владимир Викторович Бурега**

Кандидат богословия, кандидат исторических наук, проректор Киевской духовной академии и семинарии по научно-богословской работе, профессор.

E-mail: vbureha@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9207-7723>

Ссылка на статью: Бурега В. В. Киевское христианство в имперском интерьере: XVIII век // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 119–130.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

V. V. Bureha

**Kiev Christianity
in an Imperial Interior:
the 18th Century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_119

Abstract: The article examines the transformations that took place in the life of the Kiev Metropolitanate after its entry into the Moscow Patriarchate in 1686. The author analyzes the concept of “Kiev Christianity” and indicates its characteristic features that were formed by the end of the 17th century. At the time of its entry into the Moscow Patriarchate, the Kiev Metropolitanate was a specific world, with its expressive specificity. A special tradition of interaction with state authorities has been developed here, and special preferences have been established in the fields of theology, education and church art. During the 18th century the life of the Kiev Metropolitanate underwent the process of strict unification with the rest of the Russian Church. The article shows how the territory of the Kiev Metropolitanate and its administrative-territorial division has been changed, what the title of the Kiev Metropolitans has become, and how the scope of their rights has changed. The procedure for the election / appointment of Kiev metropolitans is considered. Attention is drawn to the changes in parish life connected with the order of appointment of the parish clergy. The author shows that by the end of the 18th century the Metropolitanate of Kiev has been transformed from a vast metropolitan area into one of the ordinary dioceses of the Russian Church. However, despite the processes of unification, the Kiev church tradition in the 18th century did not disappear. Moreover, it had a noticeable influence on church life in Russia. In fact, the “Kiev school” became one of the important substrates from which the Synodal Church grew.

Keywords: Kiev Metropolitanate, Kiev Christianity, Russian Orthodox Church, Russian Empire, Holy Synod.

About the author: **Volodymyr Victorovych Bureha**

Candidate of Theology, Candidate of Historical Sciences, Vice-Rector of Kiev Theological Academy and Seminary for Scientific and Theological Work, Professor.

E-mail: vbureha@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9207-7723>

Article link: Bureha V. V. Kiev Christianity in an Imperial Interior: the 18th Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 119–130.

* Photos are taken from open sources.

Христианское наследие Византии получило самобытные преломления в разных странах с преобладающим православным населением. Сербия, Болгария, Московское царство, Валахия с Молдовой — все они считали себя наследниками Византии и осмыслили свою историческую миссию в категориях «трансляции Второго Рима». Но все же в каждой из этих стран можно видеть особые черты церковной жизни, позволяющие говорить о сербском, болгарском, московском, румынском или молдавском православии. Здесь мы имеем в виду не просто особенности национальной религиозности. Речь идет о более широком круге явлений. Это различные формы взаимодействия Церкви и власти, специфика церковного управления, особенности литургической жизни, своеобразие богословского мышления, различные типы образовательных систем и многое другое.

Украина здесь не исключение. В название своей статьи я вполне осознанно вынес словосочетание *киевское христианство*. Под ним следует понимать не просто культурно-национальную окраску церковной жизни, а вот это широкое своеобразие. В последние годы в украинской историографии активно обсуждается концепт *киевского христианства*. Ведутся дискуссии о смысле и наполнении этого словосочетания¹. С 2012 г. в Украинском католическом университете во Львове действует масштабная учебно-исследовательская программа «Киевское христианство». Целью программы является критическое исследование киевской традиции, как особого феномена, сформировавшегося «на цивилизационном пограничье христианского Востока и Запада»².

Потому прежде чем говорить о метаморфозах синодальной эпохи, следует кратко указать те особые черты киевского христианства, которые оформились к концу XVII в.

Очертания киевского христианства

Первая особенная черта церковной жизни на территории Украины, а также Беларуси и Литвы связана с характером взаимодействия с государственной властью. В отличие, например, от Московской Руси украинские земли в XIV в. жили вне т.н. «симфонии». Эти территории постепенно оказались включенными в состав Польского королевства и Великого княжества Литовского, т.е. оказались под властью инославных (католических) правителей. Потому отношения Православной Церкви с властью здесь всегда были напряженными. Особенно сложными они стали после 1569 г., когда Литва была фактически поглощена Польским государством.

В Речи Посполитой сложился особый формат взаимодействия Православной Церкви с властью. Мы видим здесь активную самоорганизацию православного населения, которая проявилась, прежде всего, в братском движении. Православные братства были корпорациями, которые планомерно защищали интересы Церкви. При этом они старались действовать в правовом поле, опираясь на права, полученные от польских королей. Еще одним важным фактором было наличие в украинских землях православной шляхты, которая в своих владениях также защищала права Церкви. И это тоже вполне вписывалось в юридические понятия того времени.

Со второго десятилетия XVII в. в этом непростом церковно-политическом раскладе появляется и еще одна важная сила — запорожское казачество. Казаки были традиционными оппонентами королевской власти, борясь с ней за получение особого статуса в Польском государстве. И в этом они были вполне солидарны с «православными диссидентами». В результате на восточных рубежах Речи Посполитой сложился тесный союз казачества и Православной Церкви. Причем казаки выступали не просто как политический союзник, но и как реальная военная сила, готовая защищать Церковь с оружием в руках³.

¹ См., например: *Ранця І. Поняття Київської Церкви в історіографії та еклезіяльній свідомості // Наукові записки УКУ: Богослов'я. Вип. 3. Львів, 2016. С. 171–196.*

² Описание программы см. на официальном сайте проекта по адресу: <http://kyiv-christ.ucu.edu.ua/home/about/>

³ Подробнее см., например: *Плохій С. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. К., 2006. С. 136–176.*

Вторая особенность киевского христианства, каким оно было ко второй половине XVII в. — это открытость к западной культуре. Именно в XVII в. в Киевской митрополии был осуществлен т.н. «могилянский синтез». Я имею в виду масштабную реформу, инициированную митрополитом Петром Могилой. Прежде всего, он внедрил в Киеве новую образовательную модель. Киевская коллегия (позже ставшая Киево-Могилянской академией) стала активно впитывать новации латино-польской культуры. Митрополит Петр, сохраняя верность Православию, пытался соединить восточное христианство с западной образованностью. Надо признать, что этот проект оказался весьма успешным. Созданная митрополитом Петром образовательная модель оказала решающее влияние на весь православный мир.

Доступные нам источники дают основания предполагать, что митрополит Петр стремился создать своеобразную международную сеть православных учебных заведений, прототипом для которых должна была стать Киево-Могилянская коллегия. В частности, он инициировал создание коллегии по киевскому образцу в Яссах (столица Молдавского княжества). Митрополит Петр пытался вести переговоры об открытии такой же школы в Москве. Есть также косвенные свидетельства, что обсуждалась возможность открытия подобной школы и в Константинополе⁴.

И хотя при жизни митрополита Петра этот масштабный проект не был реализован, все же в последующие годы созданная им образовательная модель была воспринята и в Российском государстве, и на Балканах. Потому могилянский синтез не был явлением узко региональным. Владыка Петр определил формат развития Православной Церкви на много лет вперед. Созданная им образовательная модель господствовала в православном мире как минимум до начала XIX в.

Православная Церковь в Речи Посполитой в XVII в. окончательно обрела свои особые черты. Постараемся их кратко перечислить. Во-первых, это была Церковь, готовая не только к диалогу с властью, но и к жесткому оппонированию власти. Она была воспитана вне парадигмы «симфонии». Во-вторых, эта Церковь опиралась на широкую активность духовенства, монашества и мирян. Все они действовали как самостоятельные субъекты, готовые защищать свои права. В случае невозможности действовать правовыми методами, православные могли прибегать и к активному сопротивлению (прежде всего, этим прославились казаки). В-третьих, эта Церковь была готова к конкуренции на «рынке идей»: публиковались полемические сочинения, развивалось школьное образование, регулярно проводились диспуты. В-четвертых, эта Церковь активно усваивала западный тип культуры, адаптируя его к православной традиции. Преподавание в православных школах опиралось на польский и латинский языки. В архитектуре, иконописи, книгопечатании, проповедничестве, литургических текстах влияние западной культуры было глубоким и устойчивым. В результате именно в XVII в. оформился особый культурный феномен, который получил название «украинского барокко».

Таким образом, к концу XVII в. Киевская митрополия была особым миром, со своими представлениями о церковной жизни, со своими богословскими и культурными предпочтениями. Понятно, что этот мир сильно отличался от московского православия.

Именно в таком виде в 1686 г. Киевская митрополия перешла в подчинение Московского патриарха⁵. Это событие повлекло за собой глубокие трансформации в церковной жизни на территории Украины. До этого на протяжении нескольких столетий Киевская митрополия развивалась, скорее, в европейском контексте, нежели в поствизантийском.

⁴ См.: Бурега В. В., Головащенко С. И., Ткачук М. Л. и др. Киево-Могилянская академия // Православная энциклопедия. Т. 32. М., 2013. С. 705–706.

⁵ В последние годы этому событию в историографии уделялось особое внимание. Укажем здесь лишь две последние и, пожалуй, наиболее заметные публикации: Воссоединение Киевской митрополии с Русской Православной Церковью. 1676–1686 гг. Исследования и документы / Под общ. ред. митрополита Волоколамского Илариона. М., 2019. 912 с.; Ченцова В. Киевская митрополия между Константинополем и Москвой. 1686. К., 2020. 632 с.

И вот, после 1686 г. Киевская митрополия парадоксальным образом вернулась в поствизантийский контекст, который был для нее уже во многом чужим.

С одной стороны, переход митрополии под власть Московского патриарха, а значит, и под патронат московских царей означал завершение долгой борьбы за сохранение собственной церковной идентичности. Московские цари выступали защитниками и гарантами сохранения православной веры. Но, с другой стороны, интеграция Киевской митрополии в состав Российской Церкви повлекла за собой утрату множества прав и привилегий, которые были буквально завоеваны в предшествующие столетия. Особо активным этот процесс унификации стал в XVIII в. после учреждения Св. Синода. Ниже мы постараемся кратко очертить эти глубокие перемены.

Территория митрополии

Начнем с того, что Киевская митрополия в XVII в. вошла в подчинение Московского патриарха как автономный церковный округ. Во второй половине столетия Киевская митрополия объединяла епархии: Луцкую, Львовскую, Могилевскую, Перемышльскую, Полоцкую и Черниговскую. Однако, после 1686 г. на территории, подконтрольной Москве оказались лишь Киевская и Черниговская епархии. Другие епархиальные центры остались на территории Речи Посполитой.

Уже в 1688 г. Черниговская епархия была переведена под непосредственное управление Московского патриарха. Правобережные епархии (Львовская, Луцкая и Перемышльская) к началу XVIII в. перешли в унию, а Могилевская епархия, хотя и оставалась православной, также оказалась под прямым управлением Московского патриарха. В результате уже к началу XVIII в. Киевский митрополит потерял власть над всеми указанными епархиями, кроме собственно Киевской. Однако в октябре 1700 г., при поддержке гетмана Ивана Мазепы, была создана Переяславо-Бориспольская епархия (ее территория была выделена из состава Киевской епархии), правящий архиерей которой подчинялся Киевскому митрополиту. Но 19 февраля 1733 г. указом Св. Синода Переяславо-Бориспольская епархия получила самостоятельный статус и была выведена из подчинения Киевскому митрополиту⁶. В результате Киевская митрополия окончательно превратилась из Митрополитского округа в одну из епархий Российской Церкви.

Титул Киевских митрополитов

Традиционно, еще с домонгольских времен Киевские митрополиты носили титул: «Киевские и всея Руси»⁷. С начала XVI в. употреблялся более широкий титул: «архиепископ митрополит Киевский и Галицкий и всея Руси»⁸. Поскольку в XVII в. закрепились практика предоставлять Киевским митрополитам статус экзархов Константинопольского патриарха, то полный их титул стал еще более пространным. Так, например, митрополит Петр Могила подписывался как «милостью Божией архиепископ митрополит Киевский, Галицкий и всей Руси, экзарх Святейшего Апостольского престола Константинопольского, архимандрит Печерский»⁹.

Первым Киевским митрополитом, поставленным в Москве, был Гедеон (Святополк-Четвертинский, 1685–1690). В полученной в Москве настольной грамоте от 15 декабря

⁶ См.: Пархоменко В. Очерк истории Переяславо-Бориспольской епархии (1733–1785 гг.) в связи с общим ходом малороссийской жизни того времени. Опыт церковно-политического исследования. Полтава, 1908. С. 12–19.

⁷ Об истории титула Киевский митрополитов см.: Бурега В. Православні митрополити між Києвом, Царгородом і Москвою // URL: <http://www.religion.in.ua/main/history/3781-pravoslavni-mitropoliti-mizh-kiyevom-cargorodom-i-moskvoyu.html> (дата обращения: 21.06.2021).

⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АЗР). Том второй (1506–1544). СПб., 1848. С. 7–8. См. также: Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Книга пятая. М., 1996. С. 106.

⁹ АЗР. Том пятый (1633–1699). С. 18.

Митрополит Гедеон
(Святополк-Четвертинский)

Митрополит Варлаам
(Ясинский)

1686 г. он именовался «митрополитом Киевским, Галицким и Малой России». Таким образом, сразу после подчинения Московскому патриарху титул митрополита Киевского был изменен: с «...всея Руси» на «...Малой России». При этом патриарх Константинопольский Дионисий IV в своей грамоте об утверждении митрополита Гедеона именовал его «преосвященный митрополит Киевский, экзарх всей России»¹⁰. Однако в грамоте, присланной из Москвы гетману Ивану Самойловичу, специально указывалось, чтобы новопоставленный митрополит не именовался больше экзархом Константинопольского патриарха.

Характерно, что митрополит Гедеон, игнорируя предписания Москвы, определенное время продолжал подписываться как «митрополит Киевский, Галицкий и всей России»¹¹. Однако указом от 27 января 1688 г. ему было однозначно запрещено употреблять этот титул. После этого митрополит Гедеон уже подписывался как митрополит «всей Малой России». В таком виде титул просуществовал до времени правления Екатерины II. В 1767 г. из титула было изъято упоминание о «Малой России». С этого времени Киевские архиереи стали просто «митрополитами Киевскими и Галицкими»¹².

Порядок избрания митрополита

Со второй половины XV в. в Киевской митрополии утвердилась традиция избрания митрополитов на особых («элекционных») Соборах. Это избрание утверждалось в Константинополе и после утверждения избранный митрополит рукополагался и интронизовался местными епископами. Однако светская власть постоянно старалась взять процесс назначения митрополитов под свой контроль. Поэтому не всегда удавалось соблюдать каноническую процедуру избрания митрополита.

Документы 1686 г. не предусматривали каких-то изменений в процедуре избрания

¹⁰ Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе (далее — АЮЗР). Часть 1. Том V. Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату (1620–1694). К., 1872. С. 186.

¹¹ АЗР. Том пятый (1633–1699). С. 210.

¹² Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Кн. VIII. Ч. 1. М., 1996. С. 701.

митрополита. Как и раньше, Киевский архиерей должен был избираться в Киеве «свободными голосами». Московский патриарх должен был лишь утверждать этот выбор. И, действительно, митрополит Гедеон (Четвертинский) и два его преемника — Варлаам (Ясинский) и Иоасаф (Кроковский) — были избраны в Киеве и лишь утверждены в Москве.

Однако в 1721 г. эта традиция была сломана. Императорским и синодальным указами коадьютору Киевской митрополии, епископу Переяславскому Кириллу (Шумлянскому), было поручено провести избрание не митрополита, а лишь кандидата на Киевскую митрополию, который должен был быть представлен на рассмотрение в Петербург. Таким кандидатом был избран архимандрит Межигорского монастыря Иларион (Журавский), но его кандидатура не была утверждена. 11 мая 1722 г. Петр I своим указом по представлению Синода назначил на Киевскую кафедру Варлаама (Ванатовича, 1722–1730). Тем самым была фактически упразднена выборность Киевского митрополита. С этих пор митрополиты назначались императорскими указами без консультаций с духовенством Киевской митрополии. Кроме того, Св. Синод обратил внимание на противоречие между титулом Киевского митрополита и его реальным положением. В результате, Варлаам (Вонатович) был наименован не митрополитом, а архиепископом.

Если митрополиты Гедеон (Четвертинский), Варлаам (Ясинский) и Иоасаф (Кроковский) получали после поставления особые грамоты, в которых «свидетельствовался сам акт поставления митрополита, а затем определялось правовое положение Киевской митрополии и ее архипастыря в ряду других епархий и епископов Русской Церкви», то архиепископ Варлаам (Вонатович) такой грамоты не получил. Перед его отъездом в Киев был издан указ Св. Синода, адресованный Киевской духовной консистории, в котором последняя извещалась о состоявшейся хиротонии архиепископа Варлаама¹³. Это также подчеркивало уравнивание Киевской митрополии с остальными епархиями Русской Церкви.

С этого времени и до 1742 г. Киевские иерархи носили титул архиепископов.

Митрополит Иоасаф
(Кроковский)

Архиепископ Варлаам
(Ванатович)

¹³ Рыбаловский А. Варлаам Вонатович, архиепископ Киевский, Галицкий и Малыя России // Труды КДА. 1908. № 5. С. 99–100.

Судебные полномочия митрополитов

Киевский митрополит традиционно имел право церковного суда над духовенством митрополии. Переподчинение Москве не предусматривало изменения этой традиции. Однако, уже в 1685 г. киевское духовенство, избирая на митрополитскую кафедру Гедеона (Четвертинского), высказывало опасение, что в случае перехода в московскую юрисдикцию, Московский патриарх начнет вмешиваться в церковные суды митрополита¹⁴. Поэтому после избрания митрополита Гедеона гетман Иван Самойлович специально просил патриарха Иоакима и московских царей Петра и Иоанна сохранить за Киевским митрополитом его судебные права¹⁵. Но патриарх Иоаким, отвечая на это письмо, обошел молчанием вопрос о привилегиях Киевской кафедры¹⁶. Цари Петр и Иоанн, в отличие от патриарха, обещали тогда, что судебные полномочия Киевских митрополитов будут сохранены¹⁷.

Тем не менее, уже в конце XVII в. известны первые попытки московских церковных властей взять в свои руки контроль над судебными делами Киевской митрополии. Так, патриарх Адриан принял челобитную киевских мещан на митрополита Варлаама (Ясинского), что стало важным прецедентом¹⁸.

Со времени же учреждения Св. Синода право Киевских митрополитов на самостоятельное, независимое от Московской церковной власти судопроизводство было фактически упразднено. Синод стал принимать жалобы от духовных лиц Киевской епархии на суд своего архиерея, подтверждать или отменять их. С этого времени «вмешательство высшей церковной власти во внутренние дела Киевской митрополии становится обычным»¹⁹. Попытки Киевских иерархов вернуть себе право на самостоятельное церковное судопроизводство успеха не имели.

Границы митрополии и ее административно-территориальное устройство

В административно-территориальном отношении Киевская митрополия делилась на округа (протопопии) во главе с протопопами. Границы протопопий традиционно отвечали полковому устройству Гетманщины. Это специфическое устройство не согласовывалось с территориальным делением земель в Московском царстве, однако до второй половины XVIII в. Киевская митрополия сохраняла именно такое устройство. Ситуация принципиально изменилась во времена Екатерины II.

С 1770-х гг. наблюдаются системные изменения, в первую очередь, внешних границ митрополии. Эти процессы были частью более широкой трансформации административно-территориального устройства украинских земель в составе Российской империи. Во-первых, 9 сентября 1775 г. была создана новая Славяно-Херсонская епархия. В ее состав вошли территории, отделенные от Киевской, Переяславско-Бориспольской и Белгородской епархий. От Киевской епархии отошли тогда 173 церкви и 7 монастырей. Указом Св. Синода от 13 октября 1777 г. из Киевской в Переяславско-Бориспольскую епархию были переданы 126 храмов. Таким образом, в 1770-е гг. Киевская митрополия потеряла значительную часть своей территории на юге и востоке.

¹⁴ АЮЗР. Ч. 1. Т. V. С. 55–61.

¹⁵ Там же. С. 68.

¹⁶ Там же. С. 84–85.

¹⁷ Там же. С. 93–101.

¹⁸ *Титов Ф. И., свящ.* Русская Православная Церковь в Польско-Литовском государстве в XVII–XVIII вв. Т. 2. Киевская митрополия-епархия в XVII–XVIII вв. (1686–1797 гг.). Первая половина тома. Опыт церковно-исторического исследования. К., 1905. С. 419–422.

¹⁹ *Граевский И. С.* Киевский митрополит Тимофей Щербацкий. К., 1912. С. 46–47.

В 1782 г. на территории украинских земель, которые находились в составе Российской империи, была проведена административная реформа, в результате которой было создано три наместничества: Киевское, Черниговское и Новгород-Северское. Указом от 27 марта 1785 г. границы Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархий должны были быть согласованы с границами наместничеств. После этого границы Киевской епархии были полностью наложены на территориальные границы одноименного наместничества. Это привело к новому уменьшению территории Киевской епархии²⁰.

Если в 1737 г. в Киевской митрополии документы фиксируют 1107 церквей, то в 1785 г. — лишь 635. Кроме того, после 1785 г. как внешние границы епархии, так и ее внутреннее устройство совпадают с соответствующим государственным административно-территориальным делением²¹.

Приходское духовенство

В Киевской митрополии традиционно действовало право выборности священников приходской общиной. Киевскому митрополиту, как правило, оставалось только утвердить состоявшееся избрание и рукоположить избранного кандидата²². В документах фиксируется много случаев, когда преимущество в ходе выборов отдавалось кандидату с элементарным уровнем грамотности, который тем не менее был желательным для прихожан. Ученые кандидаты, которых делегировала епархиальная власть, нередко проигрывали выборы. Традиционно приходская община не только избирала своих священников, но и полностью их содержала. Также в XVIII в. типичным было наследственное право занятия приходов.

Изменения в этой сфере начались лишь после императорского указа 1778 г., которым был установлен для каждого прихода постоянный размер денежных доходов от земель, лугов, огородов и других источников прибыли. Еще одним указом регулировалось количество священников, дьяконов, а также церковнослужителей для каждого прихода²³. Так было положено начало процессу изъятия у общины рычагов контроля над местным клиром в пользу архиерея. Окончательно этот процесс был завершён уже в XIX в.²⁴

«Киевский субстрат» Синодальной Церкви

Казалось бы, столь жесткая унификаторская политика Петербурга должна была привести к полному исчезновению самобытной киевской церковной традиции. Однако взаимодействие Киевской митрополии с Российской Церковью было более сложным и многомерным. После того, как Петр I начал широкомасштабные реформы, он столкнулся с оппозицией со стороны великорусского епископата. При этом выходцы из Киева не имели особых предубеждений против европейской культуры и европейской образованности. Потому Петр стал рассматривать воспитанников Киевской коллегии как важный кадровый резерв. В 1701 г. он наделил Киевскую школу статусом академии, после чего систематически оказывал ей материальную поддержку²⁵.

²⁰ Прокоп'юк О. Київська митрополія: топографія посвят. Реконструкція реєстру храмів за відомостями про церковнослужителів (1780–1783). К., 2012. С. 26–28.

²¹ Там же. С. 33–34.

²² Граевский И. С. Киевский митрополит Тимофей Щербачкий. С. 123–125.

²³ Прокопюк О. Б. Киевская епархия в 1686–1796 гг. (не территории Российского государства) // Православная энциклопедия. Т. 33. М., 2013. С. 180.

²⁴ О трансформациях церковной жизни на территории Украины в XIX в. см., например: Колман Г. Що таке Київське православ'я? Парафіяльний клір і місцева релігійна практика Київської єпархії у XIX ст. // Труды КДА. № 21. К., 2014. С. 179–187.

²⁵ Анализ вопроса о статусе Академии см. в: Яременко М. Перед викликами уніфікації та дисциплінування: Київська православна митрополія у XVIII столітті. Львів, 2017. С. 220–228.

Петр стал активно вызывать профессоров Могиланской академии в Москву, а затем в Петербург, где назначал их на епископские кафедры в пределах России. Выходцами из Киева были и местоблюститель Московского Патриаршего престола митрополит Стефан (Яворский), и главный сподвижник Петра в деле проведения реформы архиепископ Феофан (Прокопович). Ученым монахам настолько часто приходилось покидать Киев, что в академии постоянно возникали трудности с замещением появившихся вакансий.

В течение первых шести десятилетий XVIII в. около семидесяти выпускников Киево-Могиланской академии достигли епископского сана. Они занимали подавляющее большинство архиерейских кафедр тогдашней Российской Церкви²⁶. При этом на всех местах своего архиерейского служения «могилянцы» старались открывать школы по киевскому образцу. В течение первой половины XVIII в. подобные школы появились в Петербурге, Москве, Архангельске, Астрахани, Вятке, Казани, Костроме, Новгороде, Смоленске, Суздале, Твери. Тем самым были фактически заложены основы системы образования в Российской империи.

Понятно, что в местах своего служения украинские архиереи решающим образом повлияли на иконопись, церковное пение, архитектуру, проповедничество. В результате украинское барокко как культурный феномен получило широкое распространение далеко за пределами Киевской митрополии.

К этому следует добавить, что выходцы из Киева становились и настоятелями монастырей на территории России, и преподавателями в многочисленных школах, и даже сотрудниками дипломатических миссий Российской империи.

Как видим, в XVIII в. сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, в сфере церковного управления мы видим жесткую трансформацию киевской традиции. Киевская митрополия во многом утрачивает свои древние права и интегрируется в Российскую Церковь в качестве обычной епархии. Но с другой, киевский извод православия оказался невероятно живучим. Он оказал глубокое и всестороннее влияние на церковную жизнь в России. Можно сказать, что выходцы из Киева сформировали в России новый взгляд на архиерейское служение. В XVIII в. «образцовым архиереем» считался человек хорошо образованный, способный произносить яркие проповеди, владеющий иностранными языками, умеющий творчески усваивать достижения западной культуры, заботящийся о развитии школьного образования, активно занимающийся миссионерством и готовый к содержательной полемике с идейными оппонентами. Именно таким был коллективный портрет архиереев «киевской школы»²⁷.

Важно отметить, что в синодальную эпоху это был не просто нормативный образ епископа, но и преобладающий тип святости. Более половины святых, прославленных в период с XVIII до начала XX вв., составляли именно архиереи. При чем многие из них принадлежали к «киевской школе» (свв. Димитрий Ростовский, Иоасаф Белгородский, Иннокентий и Софроний Иркутские, Иоанн Тобольский, Феодосий Черниговский)²⁸.

Интересно, что довольно долго иерархи «киевской школы» еще могли демонстрировать характерную независимость в суждениях или даже непреклонность. Здесь наиболее известным примером является судьба митрополита Арсения (Мацеевича), который отказался присягнуть на верность императрице Екатерине, за что поплатился лишением сана, расстрижением и ссылкой. Пожалуй, это был один из последних отголосков того «православного диссидентства», которое было типично для Киевской митрополии в XVII в.

²⁶ Титов Ф., *прот.* Императорская Киевская Духовная Академия в ее трехвековой жизни и деятельности (1615–1915 гг.): Историческая записка. К., 2003. С. 247.

²⁷ Антоній (Пананич), *архієп.* Київська академія – школа святості // Труды КДА. № 15. К., 2011. С. 17.

²⁸ Подробнее см.: Бурега В. В. Собор Святых Киевской духовной академии: установление празднования и иконография // Труды КДА. № 18. К., 2013. С. 188–190.

Выводы

Таким образом, XVIII век стал временем глубинной трансформации в истории Киевской митрополии. Изменились статус митрополии, ее территория и административное деление, были заметно сужены права Киевского митрополита. Постепенным изменениям подверглась и внутренняя жизнь митрополии. Фактически к концу XVIII в. Киевская митрополия превратилась из обширного митрополичьего округа в одну из рядовых епархий Российской Церкви, которая при этом всё же сохраняла некоторые особенности.

Однако, несмотря на процессы унификации, определившие жизнь Киевской митрополии в XVIII в., киевская церковная традиция не исчезла. Она сумела «прорасти» сквозь имперскую церковность. Архиереи «киевской школы» оказали заметное (а порой и определяющее) влияние на церковную жизнь далеко за пределами Украины. Фактически «киевская школа» стала одним из важных субстратов, из которых выросла Синодальная Церковь.

Источники и литература

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Том второй (1506–1544). СПб., 1848. III, 405, 15, 14 с.
2. *Антоній (Пананич), архієп.* Київська академія — школа святості // Труды КДА. № 15. К., 2011. С. 13–22.
3. Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть 1. Том V. Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату (1620–1694). К., 1872. XI, 172, 488 с.
4. *Бурега В. В.* Собор Святых Киевской духовной академии: установление празднования и иконография // Труды КДА. № 18. К., 2013. С. 185–228.
5. *Бурега В. В., Головащенко С. И., Ткачук М. Л. и др.* Киево-Могилянская академия // Православная энциклопедия. Т. 32. М., 2013. С. 698–720.
6. *Бурега В.* Православні митрополити між Києвом, Царгородом і Москвою // URL: <http://www.religion.in.ua/main/history/3781-pravoslavni-mitropoliti-mizh-kiyevom-cargorodom-i-moskvoyu.html> (дата обращения: 21.06.2021).
7. Воссоединение Киевской митрополии с Русской Православной Церковью. 1676–1686 гг. Исследования и документы / Под общ. ред. митрополита Волоколамского Илариона. М., 2019. 912 с.
8. *Граевский И. С.* Киевский митрополит Тимофей Щербацкий. К., 1912. [2], IV, 241 с.
9. *Колман Г.* Що таке Київське православ'я? Парафіяльний клір і місцева релігійна практика Київської єпархії у XIX ст. // Труды КДА. № 21. К., 2014. С. 179–187.
10. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. V. М., 1996. 560 с.
11. *Пархоменко В.* Очерк истории Переяславско-Бориспольской епархии (1733–1785 гг.) в связи с общим ходом малороссийской жизни того времени. Опыт церковно-политического исследования. Полтава, 1908. [4], IV, 98, XXXXII с.
12. *Плохий С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні / [авториз. пер. з англ. та ред. укр. тексту С. Грачової]. К., 2006. 494 с.
13. *Прокоп'юк О.* Київська митрополія: топографія посвят. Реконструкція реєстру храмів за відомостями про церковнослужителями (1780–1783). К., 2012. 208 с.
14. *Прокоп'юк О. Б.* Киевская епархия в 1686–1796 гг. (не территории Российского государства) // Православная энциклопедия. Т. 33. М., 2013. С. 174–181.
15. *Ранця І.* Поняття Київської Церкви в історіографії та еклезіяльній свідомості // Наукові записки УКУ: Богослов'я. Вип. 3. Львів, 2016. С. 171–196.

16. *Рыбаловский А.* Варлаам Вонатович, архиепископ Киевский, Галицкий и Малая России // Труды КДА. 1908. № 5. С. 93–128; № 7. С. 436–456; № 8. С. 551–578; № 9. С. 69–87; № 10. С. 207–272; № 11. С. 312–343.
17. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Кн. VIII. Ч. 1. М., 1996. 798 с.
18. *Титов Ф. И., свящ.* Русская Православная Церковь в Польско-Литовском государстве в XVII–XVIII вв. Т. 2. Киевская митрополия-епархия в XVII–XVIII вв. (1686–1797 гг.). Первая половина тома. Опыт церковно-исторического исследования. К., 1905. [4], III, 480 с.
19. *Титов Ф., прот.* Императорская Киевская Духовная Академия в ее трехвековой жизни и деятельности (1615–1915 гг.): Историческая записка. К., 2003. СХХVII, 559 с.
20. *Ченцова В.* Киевская митрополия между Константинополем и Москвой. 1686. К., 2020. 632 с.
21. *Яременко М.* Перед викликами уніфікації та дисциплінування: Київська православна митрополия у XVIII столітті. Львів, 2017. 272 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Р. Б. Бутова

**Переписка архимандрита Антонина (Капустина)
со Св. Синодом по церковным делам
на Православном Востоке во второй половине XIX в.***

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_131

Аннотация: В статье речь идет о деятельности известного представителя Русской Православной Церкви второй половины XIX в., одного из главных действующих лиц церковной дипломатии на Ближнем Востоке архимандрита Антонина (Капустина; 1817–1894). Донесения в Св. Синод, переписка с обер-прокурорами посвящены церковно-политическим проблемам в местах служения отца Антонина (в Афинах, Константинополе, Иерусалиме), реформированию Константинопольской и Элладской Церкви, особенностям богослужения, церковно-каноническим и церковно-дипломатическим проблемам. В Иерусалиме архимандрит Антонин, как начальник Русской духовной миссии, не всегда пользовался поддержкой Св. Синода. Это касалось как самого права существования РДМ в Иерусалиме, так и земельных приобретений отца Антонина. В статье показано, как благодаря усилиям архимандрита Антонина по приобретению земель, строительству паломнических подворий и храмов менялась позиция государственных институтов (Святейшего Синода и Министерства иностранных дел), что привело к возникновению уникального феномена — Русской Палестины.

Ключевые слова: архимандрит Антонин (Капустин), Св. Синод, Русская духовная миссия, Иерусалим, Ближний Восток, Афины, Константинополь, паломничество, русская земельная собственность.

Об авторе: **Ритта Борисовна Бутова**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории религии и Церкви ИРИ РАН (Москва).

E-mail: rittabutova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3868-591X>

Ссылка на статью: Бутова Р. Б. Переписка архимандрита Антонина (Капустина) со Св. Синодом по церковным делам на Православном Востоке во второй половине XIX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 131–141.

* Работа подготовлена в рамках гранта РФФИ № 21-011-44187.

** Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Ritta Butova

**Correspondence of Archimandrite Antonin (Kapustin)
with the Synod on Church Affairs
in the Orthodox East in the Second Half of the 19th Century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_131

Abstract: The article deals with the activities of the famous representative of the Russian Orthodox Church of the second half of the 19th century, one of the main actors of church diplomacy in the Middle East, Archimandrite Antonin (Kapustin; 1817–1894). Reports to the Synod, correspondence with the chief prosecutors are devoted to church-political problems in the places of service of Archimandrite Antonin (in Athens, Constantinople, Jerusalem), the reformation of the Constantinople and Greek Churches, the peculiarities of worship, church-canonical and church-diplomatic problems. In Jerusalem, Archimandrite Antonin, as the head of the Russian Ecclesiastical Mission, did not always enjoy the support of the Synod. This concerned both the very right of the REM to exist in Jerusalem, and the land acquisitions of Fr. Antonin. The article shows how, thanks to the efforts of Archimandrite Antonin the position of state institutions (the Synod and the Ministry of Foreign Affairs) changed with the acquisition of land, the construction of pilgrimage farmsteads and temples, which led to the emergence of a unique phenomenon — Russian Palestine.

Keywords: Archimandrite Antonin (Kapustin), Synod, Russian Ecclesiastical Mission, Jerusalem, Middle East, Athens, Constantinople, pilgrimage, Russian land property.

About the author: **Ritta Borisovna Butova**

Senior researcher, PhD, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

E-mail: rittabutova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3868-591X>

Article link: Butova R. B. Correspondence of Archimandrite Antonin (Kapustin) with the Synod on Church Affairs in the Orthodox East in the Second Half of the 19th Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 131–141.

* Photos are taken from open sources.

Архимандрит Антонин (Капустин; 1817–1894), известный деятель Русской Православной Церкви второй половины XIX в., является одним из главных действующих лиц церковной дипломатии на Ближнем Востоке благодаря занимаемым им постам — настоятеля посольской церкви в Афинах в 1850–1860 гг., настоятеля посольской церкви в Константинополе в 1860–1865 гг. и, наконец, начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме в 1865–1894 гг.

Русские зарубежные церкви, по характеру их служебной принадлежности и по размеру окладов, разделялись на три категории. К первой относились посольские храмы в Вене, Лондоне и Париже. Ко второй — церкви при дипломатических миссиях в Афинах, Берлине, Берне, Константинополе, Копенгагене, Мадриде, Пекине, Риме, Стокгольме, Тегеране и Флоренции. К этой же категории были причислены придворная церковь в Штутгарде и кладбищенские в Веймаре, Висбадене, Гааге, Ироме (близ Будапешта). Наконец, третью категорию составляли церкви при консульствах в Хакодате (Япония) и Чугучаке (Китай). Храмы русских духовных миссий, существовавших в Иерусалиме и Пекине, не относились ни к одной из названных категорий, их деятельность регулировалась особыми постановлениями¹.

Все зарубежные храмы Русской Церкви состояли в двойном подчинении: в иерархическом ведении Св. Синода и Санкт-Петербургского епархиального начальства (последнее связано с тем, что зарубежными приходами ведал первоприсутствующий член Св. Синода митрополит Санкт-Петербургский), «во всех же прочих отношениях подчинялись заведыванию Министерства иностранных дел, от которого получали и содержание, положенное по штату»².

Отдельный параграф «Положения о заграничных церквах православного исповедания» был посвящен проблеме качества отбираемых кадров для службы за границей. «Священнослужители, как представители православного духовенства в чужих краях, избираются духовным ведомством из лиц, известных ему усердием к службе, способностями и образом жизни, преимущественно же из лучших наставников духовных академий и семинарий или из отличных воспитанников духовных академий, окончивших полный курс учения и удостоенных степени магистра богословия;

Архимандрит
Антонин (Капустин).

¹ Дело Государственного Совета (по Департаменту государственной экономии). По проектам положения и штата о заграничных церквах православного исповедания. СПб., 1866. С. 11; Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода. (1721–1901 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к ведомству православного исповедания / Сост. С. В. Калашников. Изд. 3. испр. и доп. СПб., 1902 г. С. 213, 527, 529. — Штаты заграничных православных церквей (27 апреля 1867 г.; Указ Св. Синода от 22 ноября 1875 г.). О том же (Определение Св. Синода № 219 от 6–20 февраля 1886 г.). Об обязанностях духовной миссии в Иерусалиме (Высочайше утверждены 11 декабря 1859 г.). Штаты миссии (Высочайше утверждены 18 ноября 1863 г., определение Св. Синода от 21 октября — 10 ноября 1863 г.). Новые штаты Российской Духовной Миссии в Иерусалиме (Высочайше утверждены 27 января 1890 г.).

² Дело Государственного Совета... С. 12.

а причетники, предпочтительно, из лучших воспитанников духовных семинарий и даже академий»³.

Иеромонах Антонин к 1850 г. был не только блестящим магистром, вторым по списку выпускником 1843 г. Киевской духовной академии, но и преподавателем в своей alma mater, с прекрасным знанием нескольких древних и новых языков.

44-летнее служение отца Антонина на Православном Востоке совпало со службой под началом шести обер-прокуроров⁴ и несколькими глубокими каноническими и церковно-политическими кризисами, почти на грани разрыва евхаристического общения. Иеромонах Антонин приехал в Афины в тот период, когда проходило становление официальных отношений между Св. Синодом и Элладской Церковью, прерванных перед этим на довольно долгий период. Причиной была церковная реформа в Греции, начавшаяся еще в 1833 г. с объявления независимости Элладской Церкви от Константинопольского Патриарха и учреждения Синода, продолжившаяся после революции 1843 г. внесением изменений в конституцию и завершившаяся признанием автокефалии (1850) и законом об устройстве управления в Церкви «Νομοϛ χαταστιχοϛ της ιεραϛ συνοδοϛ της εχληϛιαϛ της Ελλαδοϛ» (1852)⁵.

Задачами архимандрита Антонина было, с одной стороны, миссионерское свидетельство о Православии и православной России среди местного населения, а с другой стороны — он должен был информировать российский Св. Синод о событиях местной внутрицерковной жизни и готовить аналитические материалы о состоянии Греческой Церкви, особенностях ее богослужения, местных обычаях, церковных древностях, книгах, об отношении греков к России. Это было время, совершенно верно оцениваемое отцом Антонином как «время действовать, когда сношения Греческой Церкви с нашею имеют еще всю свежесть»⁶ и когда возможно предостеречь «ветромысленное юношество греческое» от католического и англиканского прозелитизма. Архимандрит Антонин отмечал, что «преобладающий дух столичного общества есть французский. Между тем, на самом деле он есть почти только дух молодежи. Его везде ограничивает холодный и все парализующий дух английский, разносимый повсюду печатью. Ему везде противодействует дух русский, дух порядка, здравого смысла и верности отеческим преданиям, единый и нераздельный с духом Церкви и славного минувшего, проникающий всюду часто против желания и без сознания европействующего грека»⁷.

Переписка отца Антонина в этот период велась с редактором-издателем «Журнала Министерства народного просвещения», секретарем Синода Константином Степановичем Сербиновичем, который в первую очередь интересовался духовной литературой и образованием в Греции, а отец Антонин, пораженный непривычным для него греческим богослужением, довольно подробно описывал, отмечая отклонения в совершении литургии, а также бедность и простоту духовенства, представляющие, по его словам, поучительнейшее зрелище. Собственный чин рукоположения в архимандриты (5 апреля 1853 г.), стал поводом для рассказа о внутрицерковных греческих реформах последних десятилетий⁸. В преддверии Крымской войны, в донесении от 2 июля 1853 г., отец Антонин дает характеристику афинским газетам, отмечая, что именно с антироссийски настроенной «Афиной» сотрудничал Феоклит Фармакидис, секретарь греческого Синода и автор тома об автокефалии, а также, что на страницах газеты не было ни одного признательного слова в адрес России за все её

³ Там же. С. 13.

⁴ Н. А. Протасова (1836–1855), А. И. Карасевского (исправляющий должность в 1855–1856), А. П. Толстого (1856–1862), А. П. Ахматова (1862–1865), Д. А. Толстого (1865–1880), К. П. Победоносцева (1880–1905).

⁵ См. подробнее: Герд Л. А. Архимандрит Антонин Капустин в Афинах (1850–1860) // Антонин (Капустин), архим. Донесения из Афин. 1851–1860. М., 2018. С. 7–15.

⁶ Антонин (Капустин), архим. Донесения из Афин. С. 55.

⁷ Там же. С. 78.

⁸ Там же. С. 61–75.

заботы об Элладской Церкви. Сведения, присылаемые Сербиновичу, предназначались для внутреннего использования.

В первые 5 лет пребывания отца Антонина на Востоке произошли кардинальные изменения в руководстве Св. Синодом. В разгар Крымской войны скончался обер-прокурор Николай Александрович Протасов, занимавший свой пост в 1836–1855 гг., с ним ушла целая эпоха, оцениваемая весьма неоднозначно. Так, по случаю его смерти архимандрит Порфирий (Успенский) записал в дневнике: «Sic transit gloria mundi! Est Deus, qui ad Suum Terribile iudicium appellat homines, usurpantes sanctae Ecclesiae jura»⁹.

Обер-прокурором стал Александр Петрович Толстой, который очень интересовался церковной жизнью на Православном Востоке и вообще установлением тесных контактов между Церквями. Поэтому в свои вторые пять лет в Афинах отцом Антонином было составлено несколько важнейших документов. В частности, он подготовил для Толстого записки, касающиеся канонического права и богослужебных отличий Русской Церкви от Восточных Церквей, ответив на конфиденциальные вопросы обер-прокурора о различиях чина принятия в Православие иноверных христиан и иноверных священников¹⁰. Архимандриту Антонину не удалось ответить на вопрос Толстого «о границах свободного творчества в церковном пении и церковной живописи», т. к. после кончины Маврокордато не было никого в пределах Греции, кто мог бы заняться его изучением. Из-за значительной стоимости содержания профессора из России не был осуществлен и проект по учреждению в Афинах духовной школы изящных искусств¹¹.

После паломничества в Святую Землю и Египет в 1857 г. отец Антонин написал обстоятельное донесение, в котором отождествил Иерусалимскую Церковь с кораблем, носимым по морю, а Александрийскую с оазисом, заносимым песками. В целом отчет понравился руководству русским делом на Востоке — обер-прокурору Св. Синода и митрополиту Филарету (Дроздову). Это было очень важно, поскольку в т. н. «Филаретовский период» истории Церкви, т. е. в 1820–1860-е гг., «наложение церковных задач на проблематику связанную с внешней политикой и дипломатией требовало слаженного механизма межведомственного взаимодействия светских и церковных структур Российской империи — и в первую очередь Министерства иностранных дел и Святейшего Синода. И зачастую единственным экспертом по вопросам отношений с Константинопольским, Иерусалимским, Антиохийским и Александрийским Патриархиями выступал митрополит Филарет»¹². Митрополит, как и обер-прокурор, оценили мысль отца Антонина о том, что Россия должна поддерживать Великую Церковь, как единственную на Востоке силу, сохраняющую выгоды Православия. Высказал отец Антонин свою оценку и касательно срочной необходимости основания русского консульства в Иерусалиме¹³.

Таким образом, подготовленные материалы не только привлекли к архимандриту Антонину внимание высшего церковного начальства, но и показали, что он обладает аналитическим складом ума, широким кругозором и определенной свободой мысли. Постепенно отец Антонин становился редким в Русской Церкви носителем и поборником подлинно вселенского православного сознания, способным подняться от национальных и этнических особенностей к общему православному наследию. Об этом свидетельствует, к примеру, его проект от 2 февраля 1859 г. о реформировании церковной практики в России в соответствии с обычаями, увиденными им в Греции¹⁴.

⁹ Лат.: «Так проходит слава мирская! Воистину есть Бог, Который призывает на Свой Страшный суд людей, покушающихся на права Святой Церкви». См.: *Порфирий (Успенский), еп.* Книга бытия моего. Т. 7. СПб., 1901. С. 13.

¹⁰ Антонин (*Капустин*), архим. Донесения из Афин. С. 115–116.

¹¹ Проект не был поддержан и митрополитом Филаретом.

¹² Смирнова И. Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток. М., 2014. С. 10.

¹³ Антонин (*Капустин*), архим. Донесения из Афин. С. 119–123.

¹⁴ Там же. С. 137–157.

Довольно благосклонно принятый А. П. Толстым, данный проект был раскритикован митрополитом Филаретом¹⁵. Архимандриту Антонину понадобилось время, чтобы справиться с мыслями и уже со своего следующего места служения, из Константинополя, написать в январе 1861 г. митрополиту письмо с объяснениями своих десятилетних аттических размышлений.

«Естественно думать, — писал отец Антонин, — что я увлекся Грецией и вслед за тем Греческой Церковью. В Грецию я переехал как бы на родину своих убеждений. А всматриваясь в подробности религиозной жизни греков, я нашел в ней столько еще похожего на то, чему учат нас Четии-Минеи и Пролог, что я отказал бы себе в имени православного священника и монаха, если бы умолчал о том перед своей Церковью»¹⁶. Стремление осмыслить и довести до российского священноначалия различия между греческим и русским богослужением, обрядом, устройением церковной жизни отец Антонин сознавал как долг «глубокой признательности воспитавшей меня Матери Церкви. <...> Я не могу быть спокойным при мысли, что, не доводя до сведения разницы двух Церквей, я отнимаю, может быть, случай сделать что-нибудь полезное вообще Христову делу»¹⁷. Архимандрит выражал надежду, что Святейшей Синод поручит ему — и всем, имеющим возможность изучать Греческую Церковь — «изложить все подробности, все разности церковной практики греческой с нашей и даже обобщить эту меру на другие православные Церкви Востока»¹⁸. Более того, архимандрит Антонин призывал глубоко чтимого им святителя стать «покровителем возвратного движения России к древнеотеческому православию седми Вселенских соборов»¹⁹. Так что отец Антонин был первым, кто решительно сказал, что нужно отменить нововведения синодального периода и что Русской Церкви есть чему поучиться у Элладской, отложив своей поместный патриотизм и провинциализм.

Следующие пять лет отец Антонин провел в Константинополе, прибыв к новому месту служения 18 сентября 1860 г. Несмотря на критику его проекта, перевод состоялся по рекомендации митрополита Филарета. При отъезде из Афин греческое правительство наградило архимандрита орденом Спасителя, а местные жители жалели об его отъезде. Обер-прокурор Синода А. П. Толстой писал 30 ноября 1860 г., что вполне уверен, что деятельность отца Антонина в Константинополе будет не менее полезна Церкви, чем в Афинах и что он приобретёт такую же любовь и общее уважение, какими пользовался там²⁰.

Так начинался новый период накопления знаний, навыков, опыта жизни на Православном Востоке. «Восток есть колыбель человечества. Довольно сказать это, — писал архимандрит Антонин, — чтобы сделать мысленный поклон в ту сторону, “откуда свет истек”»²¹. Это время ознаменовано новыми научными достижениями и становлением отца Антонина как выдающегося церковного дипломата, поскольку проблем в этот период было более чем достаточно.

В середине XIX в. в Османской империи проходила серия реформ — Танзимат, отразившихся на положении Православной Церкви. К 1860 г. были разработаны новые положения управления Великой Церковью, известные под названием «Общих уставов». Патриарх лишился своей неограниченной власти, которая оказалась раздробленной на две части: в церковных делах он был подчинен Синоду, в гражданских — смешанному совету. Таким образом, архимандрит Антонин приехал в Константинополь в тяжелое время церковно-политического конфликта

¹⁵ Там же. С. 158–171.

¹⁶ *Бутова Р. Б.* Архимандрит Антонин (Капустин) на Православном Востоке: Афины — Константинополь — Иерусалим // История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке. Материалы конференции. Афины — М., 2008. С. 103.

¹⁷ Там же. С. 103–104.

¹⁸ Там же. С. 104.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Антонин (Капустин), архим.* Донесения из Афин. С. 207.

²¹ *Антонин (Капустин), архим.* Поездка в Румелию. СПб., 1879. С. 7.

внутри Константинопольской Церкви (между митрополитами-геронтами и мирянами, членами смешанного совета).

Во властных структурах России по-разному оценивали церковные преобразования, со стороны Св. Синода было единодушие — серьезная критика и неприятие. Однако мнения МИДа и Синода на этот — и на еще более острый греко-болгарский — вопрос не совпадали. Проблемы усугубились патриаршим кризисом, в октябре 1860 г. на патриарший престол был выбран Иоаким II (1860–1863), который поддержал проведение реформ, жестко и бескомпромиссно выступая в болгарском деле.

Архимандрит Антонин только входил в курс дела. Тем не менее, митрополит Филарет решил, что Русская Церковь не должна становиться посредником между Константинополем и болгарскими митрополитами (Иларионом и др.), и архимандриту Антонину было поручено неофициальное и конфиденциальное дело по урегулированию греко-болгарского конфликта. Однако 24 февраля 1861 г. патриаршим актом болгарские митрополиты Иларион, Аксентий и Паисий были отлучены.

Подробное донесение отца Антонина в Синод от 6 марта 1861 г., касающееся разговора с Патриархом и суждений по болгарскому вопросу, вызвало скандал в Петербурге и Москве. Толстой и митрополит Филарет были возмущены смелостью и определенной свободой, которую позволил себе отец Антонин. «Из Синода присланы горькие замечания мне по поводу письма моего <...>. Отделал же мою худость неутомимый владыка Московский! — писал отец Антонин по этому поводу в своем дневнике 9 мая 1861 г. — Вечером уже писал ответ Св. Синоду на делаемые мне упреки в невежестве, в неуважении к духовной власти, в сумудрии, и, наконец, даже в неправославии»²².

Но нет худа без добра. Перепиской архимандрита Антонина с Синодом и МИДом заинтересовался новый посол России в Константинополе Н. П. Игнатъев. Это стало началом большой дружбы двух выдающихся деятелей Православного Востока. Через несколько лет Н. П. Игнатъев впрямую отдал должное отцу Антонину в своем письме: «По кончине Филарета у нас нет никого, по мнению моему, способного составлять и выражать за Св. Синод мнение в различных щекотливых случаях и ответы на патриаршие грамоты, обращения Синода и т. п. Кто же возьмется написать так *дипломатически* и так *крючкато*, но вместе с тем так православно, как Вы?»²³.

Среди важных вопросов, в которых Игнатъев активно пользовался советами и дипломатическими способностями отца Антонина, было и дело о Синайском Архиепископе и Синайском кодексе Библии. Для Игнатъева архимандрит оказался едва ли не единственным надежным помощником в его церковно-политической

Н. П. Игнатъев

²² Антонин (Капустин), архим. Дневник. Годы 1861–1865 / Изд. подг. Л. А. Герд. М., 2020. С. 83–84.

²³ Письмо от 18/30 июня 1868 г.: Дмитриевский А. А. Граф Н. П. Игнатъев как церковно-политический деятель на Православном Востоке (по неизданным письмам его к начальнику Русской Духовной Миссии отцу архимандриту Антонину (Капустину)) // Дмитриевский А. А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Сост. и предисл. Н. Н. Лисовой. М. — СПб., 2009. С. 507.

деятельности. С 14 по 21 марта 1863 г. архимандрит Антонин во второй раз был на Афоне. По указанию МИД и Св. Синода архимандрит занимался изучением вопроса о Синайской Библии и должен был ответить на авантюрную попытку греческого графа, любителя древностей Константина Симоидиса (1820–1867) приписать себе изготовление рукописи Синайского Кодекса и тем самым объявить о поддельности известного памятника. Архимандрит Антонин подтвердил подлинность кодекса. Более того, именно отец Антонин придумал способ получения от Синайского монастыря необходимых дарственных документов на владение рукописью и проделал всю основную работу, благодаря которой эти документы оказались в руках Игнатьева²⁴. В 1868 г. отец Антонин вел в Константинополе переговоры об окончательной передаче этой ценнейшей рукописи русскому правительству, приехав специально из Иерусалима в Константинополь (17 августа – 24 сентября).

В 1873 г. в Киеве были изданы «Акты Русского на Святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона». В подготовке издания принимали участие архимандрит Антонин и профессор Киевской духовной академии Ф. А. Терновский. Работу над расшифровкой и изданием актов трудно переоценить, поскольку она в определенной мере способствовала утверждению русского имени на Афоне во время русско-греческого афонского кризиса 1870-х гг., когда архимандрит Макарий (Сушкин) был избран настоятелем Русского Пантелеимоновского монастыря и преемником настоятеля обители архимандрита Герасима и понадобилось долгих 5 лет, чтобы этот выбор был утвержден Константинопольским Патриархом Иоакимом II. Архимандрит Антонин как мог помогал монастырю. Он составлял докладные записки и мнения в Св. Синод и в МИД, писал статьи для иностранной прессы, пытаясь изменить общественное мнение.

Донесения отца Антонина касались не только текущих политических дел. Так, в январе 1861 г. он составил для Св. Синода проект преобразования духовных академий в России²⁵. В целом, за пять лет отец Антонин написал около 30 официальных записок и донесений, касающихся церковно-дипломатических дел на Востоке; они, без сомнения, могут служить прекрасным источником для изучения истории Церкви середины XIX в., а также русско-константинопольских церковных связей²⁶.

Наконец, Иерусалим. Почти за тридцать лет жизни в Иерусалиме (1865–1894) архимандрит Антонин по долгу служения состоял в тесных отношениях с пятью Иерусалимскими патриархами, при нем тринадцать раз сменились турецкие губернаторы и десять раз русские консулы. Его работа осуществлялась в постоянном взаимодействии со Св. Синодом, Азиатским департаментом и Палестинской комиссией МИДа, Православным Палестинским обществом. Так что тем для донесений отца Антонина было много, но главной была все же одна – земельная, т. е. создание Русской Палестины. На посту начальника РДМ архимандрит Антонин все годы пребывания на Востоке старался укрепить положение миссии и расширить влияние России в Святой Земле, в том числе путем приобретения недвижимости, строительством на новых участках странноприимных домов, а затем и церквей.

Архимандрит Антонин не был первым из российских подданных, приобретавших недвижимость в Палестине: к 70-м гг. XIX в. в Палестине существовала многочисленная русская колония. Но только отец Антонин неоднократно официально заявлял, что все купленное им является собственностью России, поскольку приобретено на деньги русских жертвователей.

Возникает вопрос, когда и как явилась отцу Антонину сама идея палестинского владения? Во-первых, это интерес и накопленный опыт. Еще в Афинах со всей присущей ему энергией и обстоятельностью входил он во все подробности

²⁴ См.: Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым. 1865–1893. М., 2014. 480 с.

²⁵ Антонин (Капустин), архим. Донесения из Афин. С. 212–221.

²⁶ Антонин (Капустин), архим. Донесения из Константинополя (1860–1865). Подг. изд., предисл., комм. Л. А. Герд. М., 2013. 222 с.

своего первого храмостроительного проекта. Вторым фактором следует, видимо, решение архимандрита о необходимости создания независимой от МИД паломнической структуры РДМ в Иерусалиме. Как напишет отец Антонин в письме Б. П. Мансурову от 2 декабря 1879 г., «осмотревшись на месте, я, чтобы не столкнуться ни с кем ни на политическом, ни на церковно-каноническом, ни даже на миссионерском поприще, ограничился одним чисто поклонническим значением своей Миссии и нашел способ, путем территориальных приобретений и устройством в разных местах русских приютов, поставить ее и крепче, и весче и, пожалуй, даже блестяще, чем когда бы то ни было в другое время в Палестине»²⁷. Позиция архимандрита была тем более выигрышной, что он «стал приобретать в собственность России то, что еще осталось, Божиим Провидением, в Святой Земле ценного, не захваченного католиками, протестантами, армянами»²⁸. Объективно это был наиболее простой и надежный путь усиления русского присутствия в Иерусалиме и на Ближнем Востоке.

Третий момент — русские паломники со своей малой, но неисчислимой копеечкой. Архимандрит Антонин вообще обладал особым талантом не просто привлекать людей к своим замыслам, но и располагать их к реальному участию в проектах — к дарениям и жертвованиям. Что касается щедрости русских паломников, то его всегда огорчала и раздражала их готовность нести свои деньги в первую очередь в греческие храмы и монастыри и проходить мимо своих, русских. Реализовать возможный потенциал религиозной жертвенности, найти в ней дополнительный и независимый источник финансирования стало для архимандрита Антонина постоянной задачей. И, наконец — но не в последнюю очередь, — отец Антонин нашел в Иерусалиме верных соратников. Прежде всего, Я. Е. Халеби который стал для начальника Русской духовной миссии не просто «смирненным драгоманом», но настоящим другом и соратником. Едва ли не Якубу обязан отец Антонин и самой идеей «владельчества».

Эта деятельность архимандрита Антонина не получала поддержки в Св. Синоде и вызывала раздражение сотрудников МИД, которые, с одной стороны, справедливо считали, что он вторгается в сферу их деятельности и интересов, а с другой — его активность расширяла и усложняла круг их должностных обязанностей. Отца Антонина не вполне понимал даже Н. П. Игнатъев, неоднократно убеждавший начальника РДМ не покупать «кочки земли» и считающий, что он «строит на воздухе».

В 1872 г. МИД обратился с официальным запросом к обер-прокурору Св. Синода Д. А. Толстому относительно незаконности и нежелательности палестинских покупок архимандрита Антонина. 4 мая Св. Синод известил министерство, что архимандриту Антонину запрещено впредь осуществлять покупки, и поставил вопрос не только о прекращении приобретений, но и об отчуждении у отца Антонина уже имеющихся владений.

В этих обстоятельствах Н. П. Игнатъев и архимандрит Антонин разработали план, согласно которому начальник РДМ заявил о своем намерении «продать участки в собственность иноверцев»²⁹, а Игнатъев, чтобы подстраховать отца Антонина, направил предписание консулу в Иерусалиме с требованием объявить начальнику миссии, чтобы «он ни в каком случае не приступал к отчуждению приобретенных уже им на русские деньги земельных участков в Палестине, так как вопрос об этих приобретениях перенесен на политическую почву и сделался уже предметом особых переговоров между Портою и посольством»³⁰. МИД согласился с мерой посла и дал указание оформить права на уже купленную недвижимость³¹.

²⁷ Писарская копия из библиотеки ИППО. Шифр И. П. П. О. Б. IV. № 856. Страницы не нумерованы.

²⁸ Там же.

²⁹ Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Сост., комм, вступ. ст. Н. Н. Лисового. М., 2017. Т. 2. С. 288.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

Через восемь лет после приезда в Иерусалим, в 1873 г., архимандрит Антонин уже был владельцем участков на Елеоне, в Айн-Кареме, в Хевроне, в Бет-Джале, в Силоаме, Яффе и Иерихоне. Тем обиднее ему было получить новый указ Св. Синода о запрещении покупать землю: «28 апреля 1873 г. Синодальный указ, прибывший с русским пароходом, разрушил благонастроенность души. Злоба просто душит меня»³². Причиной указа стало требование МИД, считавшего недостойным для себя подписать конвенцию о собственности, на чем настаивала Порты. В России считали, что, подчиняясь турецким законам, продают честь за *мнимое* право покупать землю, совершенно не видя русские политические интересы. В итоге протокол о праве русских подданных покупать земельную собственность в Османской империи был все же подписан и отец Антонин получил возможность оформить приобретенные ранее земельные участки на собственное имя.

К середине 1870-х гг. архимандрит Антонин сформулировал несколько важнейших постулатов своей деятельности в святом граде. Официальной линии Петербурга отец Антонин смело противопоставляет совершенно другую концепцию и другую задачу: «Прокладывать себе “дорогу будущего” на Востоке, которого давно ждут, а именно занимая в нем о с е д л о е положение»³³. Иными словами, формулируется идея созидания того, что мы сегодня называем Русской Палестиной, в основе которой лежит русская копейка, принесенная в Святую Землю благодаря «сочувствию христоролюбцев (жертвователей и спонсоров. — Р.Б.), которыми переполнена дорогая отчина». Но, пожалуй, еще более важно, что отцом Антонином постоянно ощущается «невидимая рука Божественного Промысла»³⁴, помогающая ему в этом непростом деле. Таким образом, была сформулирована главная, заветная мысль архимандрита Антонина — идея Русской Палестины как особой церковно-исторической реальности, принципиально нового этапа и новой формы служения Русской Церкви. Архимандрит Антонин свое кредо также изложил в письме к В. Н. Хитрово: «Я оставил всякую высоту и широту жизненной карьеры и прилепился всем существом своим к одной цели — *утвердить и закрепить имя русское в Святой Земле Обетованной* так, чтобы мы не были в ней только гостями, а в известной доле хозяевами, на утешение своим и на страх чужим по вере и духу»³⁵.

К 1880-м гг., с интересом к Ближнему Востоку со стороны императорской семьи, августейшими паломничествами, вообще увеличением русского паломничества в Святую Землю в Св. Синоде осознали огромное значение приобретений, справедливо полагая, что они служат усилению влияния России, однако возник новый вопрос — о будущем собственности архимандрита Антонина. Дипломаты настаивали на скорейшем переформировании его недвижимости на имя российского правительства, или иерусалимского консула, или Православного Палестинского общества. В рамках правового пространства Османской империи сделать это было непросто, к тому же сам архимандрит не торопился передавать свою землю, опасаясь своего удаления из Палестины.

К 1889 г. был найден выход: наиболее крупные шесть из своих приобретений он решил обратить в вакуф — понятие шариатского законодательства, предполагавшее передачу собственности в вечное пользование храму, монастырю или религиозной общине. В этом решении отца Антонина деятельно поддержал обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев. В Османской империи было две основные причины, на которых мусульмане основывали вакуф: обеспечение безопасности имущества основателя и недопущение его конфискации государственными властями. Эти

³² Антонин (Капустин), архим. Дневник за 1873 г. // РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1126. Л. 28 об.

³³ Антонин (Капустин), архим. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. Изд. подг. Р. Б. Бутова. М., 2010. С. 174.

³⁴ Там же. С. 174–175.

³⁵ Из письма архимандрита Антонина к В. Н. Хитрово от 23 января 1879 г. // Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907. Вступ. ст. и посл. Н. Н. Лисового. М. — СПб., 2008. С. 145.

причины были особенно важны для христиан и евреев, которые, будучи религиозными меньшинствами, естественно, чувствовали себя менее защищенными. Применение исламского права было удобно также тем, что оно предотвращало столкновения с мусульманскими властями.

12 сентября 1889 г. акт об учреждении вакуфа архимандритом Антонином был утвержден иерусалимским судьей. В него вошли главные земельные владения отца Антонина: Елеонский участок, Силоамский с «Гробницей дочери фараона», Иерихонский, Горненский, Хевронский с Мамврийским дубом и Яффский³⁶

24 марта 1894 г. архимандрит Антонин скончался. В завещании, составленном за пять дней до его смерти, все приобретенные земельные участки, как помещенные, так и не помещенные в вакуф, были завещаны в собственность Св. Синода³⁷. Как видим, отец Антонин выбрал верный способ сохранения недвижимости. В XX в. именно вакуф спас Русскую Палестину, ведь вакуфные участки не могли быть никем проданы, а желающих было много.

Деятельность архимандрита Антонина на Православном Востоке — в Афинах, Константинополе и Иерусалиме — является показателем того, как один человек, хотя и не облеченный властью и не обладающий большими средствами, десятилетиями находящийся в неопределенности статуса своей миссии между Св. Синодом и МИДом, может в определенном смысле влиять на стратегию русской политики в регионе. Его усилия по созиданию Русской Палестины станут причиной эволюции позиций государственных институтов (Св. Синода и МИДа) и приведут к изменениям в церковно-дипломатической деятельности России на Ближнем Востоке.

Источники и литература

1. Антонин (*Капустин*), архим. Дневник. Годы 1861–1865 / Изд. подг. Л. А. Герд. М., 2020.
2. Антонин (*Капустин*), архим. Донесения из Афин. 1851–1860. М., 2018.
3. Антонин (*Капустин*), архим. Донесения из Константинополя (1860–1865). Подг. изд., предисл., комм. Л. А. Герд. М., 2013.
4. Антонин (*Капустин*), архим. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. Изд. подг. Р. Б. Бутова. М., 2010.
5. Антонин (*Капустин*), архим. Поездка в Румелию. СПб., 1879.
6. Бутова Р. Б. Архимандрит Антонин (Капустин) на Православном Востоке: Афины-Константинополь-Иерусалим // История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке. Материалы конференции. Афины — М., 2008. С. 7–10.
7. Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907. Вступ. ст. и посл. Н. Н. Лисового. М. — СПб., 2008.
8. Дмитриевский А. А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Сост. и предисл. Н. Н. Лисовой. М. — СПб., 2009.
9. Смирнова И. Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток. М., 2014.

³⁶ Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 2. С. 625–633.

³⁷ Там же. С. 638–640.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Г. Р. Гуцу

**Монастыри Псковской епархии
на рубеже XIX–XX вв.
(по материалам ежегодных епархиальных отчетов)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_142

Аннотация: Отчеты Святейшему Правительствующему Синоду о состоянии епархий являются важным источником по истории Церкви в синодальную эпоху. На основании ежегодных отчетов о состоянии Псковской епархии было проанализировано состояние монастырей епархии с середины XIX по начало XX вв. В отчетах говорилось о количестве монастырей, братии, хозяйственной жизни, нравственном состоянии насельников, а также о проблемах, которые существовали в монастырях. Отчеты, как и другие протокольные документы, нередко составлялись шаблонно, но об особо примечательных моментах говорилось отдельно.

Ключевые слова: Святейший Правительствующий Синод, Псковская епархия, отчёты, епархиальные отчёты, монастыри, монашеские, митрополит Арсений (Стадницкий), Псковская епархия.

Об авторе: **Герман Романович Гуцу**

Магистрант Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: germangutsu01@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9962-0933>

Ссылка на статью: Гуцу Г. Р. Монастыри Псковской епархии на рубеже XIX–XX вв. (по материалам ежегодных епархиальных отчетов) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 142–147.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

G. R. Gutsu

**Monasteries of the Pskov Diocese
at the Turn of the 19th–20th Centuries
(Based on the Materials of the Annual Diocesan Reports)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_142

Abstract: Reports to the Holy Governing Synod on the state of dioceses are an important source for the history of the Church in the Synodal era. On the basis of annual reports on the state of the Pskov Diocese, the state of the monasteries of the diocese from the middle of the 19th to the beginning of the 20th century was analyzed. The reports describe the number of monasteries, the size of the brotherhood, economic life, the moral state of the inhabitants, as well as the problems that existed in the monasteries. The reports, like other protocol documents, were often drawn up in a formulaic manner, but especially noteworthy points were discussed separately.

Keywords: Holy Governing Synod, Pskov Diocese, reports, diocesan reports, monasteries, monastics, Metropolitan Arseny (Stadnitsky).

About the author: **German Romanovich Gutsu**
Masters student at St. Petersburg Theological Academy.
E-mail: germangutsu01@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9962-0933>

Article link: Gutsu G. R. Monasteries of the Pskov Diocese at the Turn of the 19th–20th Centuries (Based on the Materials of the Annual Diocesan Reports). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 142–147.

* Photos are taken from open sources.

Одним из важнейших источников по истории Русской Православной Церкви в синодальный период являются архиерейские отчеты Святейшему Синоду о состоянии епархий, отражающие основные стороны жизни Православной церкви в Российской империи. Один из разделов этих отчетов был посвящен обозрению монастырей епархий. В этом разделе Синоду предоставлялись сведения об открытии монастырей, возрождении запустевших или закрытии неперспективных и разорившихся обителей. Сообщалось о храмах, святынях, крестохождениях, духовно-нравственном состоянии братии, монастырском хозяйстве, домах призрения для бедных и больниц при монастырях, составе братии, школах, содержании арестантов, и т. д.

Безусловно, отчеты, как и другие протокольные документы, нередко составлялись шаблонно, но в некоторых случаях предоставлялась подробная информация. Первый сохранившийся в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 796. Оп. 442) отчет из Псковской епархии датируется 1861 годом. В последнем описывались события за 1916 г.

Русская Церковь всегда была богата монастырями, славилась подвигами аскетов и отшельников, и Псковская епархия, пожалуй, была в авангарде этого явления. Но с 1764 г. многое изменилось в отношении монастырей и монашествующих. Манифест о секуляризации ограничивал не только размеры церковного землевладения, но и регулировал количество монашествующих. Число монастырей закономерно сократилось. Так, в Псковской епархии было упразднено 9 монастырей: Воскресенский женский на Стадище, Иоанно-Богословский Костельников на Мишариной горе, Козьмодемьянский Гремяцкий на Гремячей горе, Никольский Любятковский, Никитский в Выползовой слободе, Покровский в углу Окольного города, Сереткин, Каменноградский на Завеличье, Ильинский женский на Запсковье¹.

Согласно «Духовным штатам», изданным Екатериной II 26 февраля 1764 г., все монастыри делились на штатные и нештатные, и были разделены на три класса по размерам выдаваемого им содержания и по степени прав, «сообразно богатству и знатности»². Нештатные обители не получали средств от государства. Таким монастырем в Псковской епархии была Никандрова пустынь, а с 1906 г. к числу нештатных причислен и Елеазаровский монастырь. Также некоторые бывшие женские общины Псковской епархии, преобразованные в монастыри в начале XX в., существовали как нештатные общежительные – Воронцовский, Спасо-Казанский и Покровский.

Согласно отчету за 1861 г., в Псковской епархии насчитывалось 11 монастырей. Из них мужские: Печерский, Спасо-Елеазаровский, Крыпецкий, Святогорский, Великолуцкий Сергиевский, Торопецкий Небин, Спасо-Мирожский, Никандрова пустынь; женские: Иоанно-Предтеченский, Старо-Вознесенский и Великолуцкий Вознесенский (женские). В 1903 г. насчитывалось уже 12 монастырей, в 1907 г. – 13 монастырей, в 1909 г. – 14 монастырей.

Изначально новые монастыри разрешено было открывать только с высочайшего разрешения. В Псковской епархии увеличение числа монастырей приходится лишь на начало XX в. и связано это было с преобразованием женских общин в монастыри.

По уставу монастыри делились на общежительные и необщежительные. В отчетах прослеживается такая тенденция, что Синод старался вводить общежительный устав с целью поднятия нравственности в монастырской среде и в целях ограничения связей с внешним миром через имущественные отношения. Так, необщежительные монастыри Елеазаровский и Крыпецкий были преобразованы в общежительные в 1906 и 1911 гг. соответственно. В Елеазаровском это, действительно, способствовало возрождению и процветанию монастыря.

С 1884 г. в отчетах по Псковской епархии появляется больше конкретной информации: сообщается не только о надзоре епархиального начальства и об успехах в хозяйстве, но публикуется основная информация о количестве и статусе епархиальных

¹ См. подр.: Евгений (Болховитинов), митр. История княжества Псковского. Т. III. Киев, 1831.

² Зверинский В. В. Монастыри в Российской империи. СПб.: Издательство Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи, 1887. С. 6.

Никандров монастырь

монастырей, об их истории и святынях, храмах обителей, количестве братии, епархиальных событиях, связанных с монастырями.

В некоторых монастырях штаты со временем увеличивались, правда, не всегда понятно, по каким причинам. Например, указом Синода в 1899 г. в ознаменование исполнившегося в мае 1899 г. столетия со дня рождения А. С. Пушкина, погребенного в Святогорском монастыре, обитель была возведена из третьего во второй класс с увеличением оклада содержания из казны³ (интересно, что в 1898 г. монахов было 10, а в 1899 г., т. е. в год увеличения штата монастыря, монашествующих было всего 9 человек). Другими словами, увеличение привело в данном случае к увеличению выдаваемого содержания, но отнюдь не к увеличению братии.

Анализируя содержание отчетов по Псковской епархии, можно увидеть, что заштатные монастыри порой были более процветающими и многочисленными. Подтверждением тому служит Никандрова пустынь, в которой было больше всего насельников. И в нравственном отношении Никандров монастырь, наряду с Печерской обителью, считался одним из самых преуспевающих и процветающих.

В Псковских обителях нередко наблюдался дефицит монахов. В этой связи правящие архиереи не раз жаловались в Синод, что из-за недостатка братии тот или иной монастырь не в состоянии совершать ежедневные богослужения с произнесением проповедей, не мог наладить дело с пением и чтением и поэтому вынужден привлекать к богослужениям третьих лиц.

В монастыри не всегда приходили лишь желающие монашеского жития. В отчетах отмечается, что послушниками в монастырь приходили либо отчисленные из состава учащихся духовных школ, либо необразованные крестьяне. Как результат, с дисциплиной в монастырях были определенные проблемы. Ежегодно в отчетах упоминалось о главной беде практически всех мужских монастырей — пьянстве. Порок винопития был неискореним, хотя с этим истою боролись. Уличенных в нарушении наказывали, переводили в другие монастыри или вовсе выгоняли. Например, в 1897 г. в отчете сообщается о правонарушениях иеромонаха Илариона из Мирожского и иеродиакона Леонтия из Торопецкого монастырей. За нетрезвость, грубость, нанесение оскорбления настоятелю и братии и самовольные отлучки из монастырей они были запрещены в священнослужении⁴.

Совершаемые крестные ходы (крестохождения) строго регламентировались Синодом. Что касается Псковской епархии, то в отчетах сообщается, что ежегодно

³ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1800. Л. 16 об.

⁴ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1687. Л. 25 об.–26.

Псково-Печерский монастырь

совершался крестный ход 15 мая в город Порхов из Никандровой пустыни, установленный в 1855 г. по просьбе Порховских жителей, чудесно спасенных от холеры молитвами прп. Никандра⁵. Люди в благодарность Богу за избавление от эпидемии совершали ежегодно крестный ход на расстояние более 20 км. Эти крестные ходы собирали массы богомольцев.

При монастырях активно открывались школы, в которых, как видно из отчетов, преподавали и состояли законоучителями выпускники Псковской семинарии. Им выделялось хорошее ежегодное жалованье и гарантировалось содержание за счет монастырей.

Безусловно, на монастыри возлагалась обязанность благотворительства. Все обители были призваны приносить пользу государству преимущественно как социальные учреждения — оказывать помощь нуждающимся, больным, раненым, инвалидам и т.п. Ежегодно епархия отчитывалась о состоянии больниц, о содержании в них больных и о домах призрения.

Нельзя не сказать об роли монастырей во время войн. Согласно отчетам, монастыри Псковской епархии проявили себя в годы Русско-турецкой (1877–1878) и в Первой мировой войн. Так, сестры Иоанно-Ильинской женской общины были направлены на фронт для помощи в войне в качестве медсестер. В монастырях были устроены лазареты для раненых воинов и приюты для беженцев. Обители помогали также и сильной денежной помощью, а насельники направлялись в места боевых действий для духовного окормления воинов.

Почти все монастыри епархии имели в Пскове подворья, которые приносили важный для обителей доход. Монастыри изначально стремились обзавестись подворьем в губернском городе. Некоторым удавалось открыть подворье в столице. Так, Воронцовский женский монастырь имел подворье в Петербурге, которое приносило монастырю немалые средства.

В монастырях служили также белые священники и диаконы, хотя, судя по отчетам, их было немного. В основном это были клирики, которые направлялись в монастыри для исправления.

Из примечательных событий начала XX в. в Псковской епархии нельзя обойти стороной епархиальное совещание по вопросам монастырей 1905 г. Дело в том, что, несмотря на принимаемые епархиальным начальством меры по улучшению нравственности, жизнь в мужских обителях находилась в состоянии кризиса — отмечалось малодушие, доводящее не только до нравственного индифферентизма, но и до безразличия

⁵ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1352. Л. 12.

к сохранению иноческого звания⁶. К 1905 г. до небывало низких показателей уменьшилось число послушников.

В этой связи 10 октября 1905 г. было собрано экстренное епархиальное совещание под руководством епископа Арсения (Стадницкого). Проблемы, которые решались на совещании, были типичными тогда для многих монастырей. Падение нравственности в обществе в предреволюционное время затрагивало также и церковные структуры. По наблюдениям епископа Арсения, наблюдался всеобщий упадок в монастырях⁷. Он многократно писал о том, что монашество совершенно пало.

Целью собрания было объединить в тревожное время всех монашествующих. Владыка Арсений немало обращался к собравшимся со словами о монашеском призвании, об активном участии монастырей в жизни общества. Он отмечал, что мнение, согласно которому монахи должны находиться только в монастыре и думать исключительно о своём спасении во время болезней, голода, войны, — ошибочное. Сущность монашества — проявлять любовь к Богу и ближним.

Назревшие проблемы предполагалось решать посредством следующих мер:

— был предусмотрен более тщательный прием в монастыри, т. к. набралось много неблагонадежных людей;

— старшей братии было предписано наблюдать за младшей;

— следить не за хозяйством, а обратить внимание на внутреннюю жизнь;

— не покидать без надобности монастыри;

— тщательней подбирать духовников и тех, кто совершает исповедь;

— восстановить ежедневную проповедь за богослужением (которая почти отсутствовала).

Таким образом, это было не столько протокольное совещание, а весьма живое обсуждение вопросов, связанных с монашеством, реальными проблемами и путями их решения.

Подводя итог, следует отметить, что отчеты о состоянии епархий, несмотря на некоторую шаблонность, нередко содержат важную и ценную информацию, касающуюся состояния монашества.

Епископ
Арсений (Стадницкий)

Источники и литература

1. Евгений (Болховитинов), митр. История княжества Псковского. Т. III. Киев, 1831.
2. Зверинский В. В. Монастыри в Российской империи. СПб.: Издательство Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи, 1887. 105 с.
3. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1352. 49 л.
4. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1687. 52 л.
5. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1800. 44 л.
6. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2109. 68 л.

⁶ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2109. Л. 14.

⁷ См.: Там же. Л. 15.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Д. М. Дерягин

**Социально-общественная деятельность монастырей
и монашеских общин Южно-Уссурийского края
в конце XIX — начале XX вв.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_148

Аннотация: В статье предпринимается попытка провести анализ социально-общественной деятельности монастырей и монашеских общин Южно-Уссурийского края в конце XIX — начале XX вв. Рассматривается вопрос о деятельности монастырского духовенства по окормлению и оказанию помощи переселенцам, прибывшим на Дальний Восток России. Показано, что монастыри выполняли важнейшие социально-общественные функции: способствовали просвещению и духовному наставлению переселенцев, участвовали в благотворительной деятельности, обучали новоприбывших крестьян особенностям местного ведения сельского хозяйства. Делается вывод, что монашеские обитатели Русской Православной Церкви внесли неоценимый вклад в дело воспитания молодых патриотов, что существенным образом повлияло на становление и укрепление государственности на Дальневосточной окраине России.

Ключевые слова: Дальний Восток, Южно-Уссурийский край, Свято-Троицкий Николаевский мужской монастырь, Южно-Уссурийский Рождества-Богородицкий женский монастырь, обитель милосердия Одигитрии Смоленской, Уссурийское Православное братство, игумен Алексей (Осколков), игуменья Руфина (Кокорева), игуменья Павла (Трегубова).

Об авторе: **Даниил Михайлович Дерягин**

Магистр богословия, соискатель Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: denderyagin@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0859-2835>

Ссылка на статью: Дерягин Д. М. Социально-общественная деятельность монастырей и монашеских общин Южно-Уссурийского края в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 148–160.

* Фотографии взяты из открытых источников.

HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

D. M. Deryagin

**Social and Public Activities of Monasteries
and Monastic Communities of the South Ussuri Region
in the Late 19th–early 20th Centuries**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_148

Abstract: The article attempts to analyze the social activities of monasteries and monastic communities of the South Ussuri region in the late 19th–early 20th centuries. The question of the activity of the monastic clergy in the care and assistance to the immigrants who have arrived in the Russian Far East is considered. It is shown that monasteries performed the most important social functions: they contributed to the enlightenment and spiritual guidance of settlers, participated in charitable activities, taught the newcomers to the peasants in the peculiarities of local farming. It is concluded that the monastic monasteries of the Russian Orthodox Church made an invaluable contribution to the education of young patriots, which significantly influenced the formation and strengthening of statehood in the Far Eastern outskirts of Russia.

Keywords: Far East, South Ussuri Territory, Holy Trinity St. Nicholas Monastery, South Ussuri Nativity of Theotokos Convent, Monastery of Mercy of Hodegitria of Smolensk, Ussuri Orthodox Brotherhood, Abbot Alexy (Oskolkov), Abbess Rufina (Kokoreva), Abbess Paula (Tregubova).

About the author: **Daniil Mikhailovich Deryagin**

Master of Theology, corresponding graduate student at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: denderyagin@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0859-2835>

Article link: Deryagin D. M. Social and Public Activities of Monasteries and Monastic Communities of the South Ussuri Region in the Late 19th–early 20th Centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 148–160.

* Photos are taken from open sources.

История возникновения монастырей в Южно-Уссурийском крае неразрывно связана с историей освоения региона, вошедшего в состав Российской империи по Айгунскому (1858 г.) и Пекинскому (1860 г.) договорам с Китаем. Присоединение новых территорий спровоцировало переселенческую политику в государстве и массовое заселение Дальневосточного края. Первыми переселенцами стали крестьяне, военные чины, рабочие и казаки. В 1855 г. начался процесс переселения крестьян в Приамурье¹.

Огромная роль по духовно-нравственному окормлению переселенцев ложилась на плечи православного духовенства ввиду того, что абсолютное большинство переселенцев были православного вероисповедания. Духовенство заботилось не только о нравственных качествах переселенцев, но и активно участвовало в налаживании их хозяйственной жизни. Так, военный губернатор Приморской области по областному управлению 31 июля 1899 г. направил во Владивостокскую духовную консисторию письмо, в котором выразил просьбу направить священников епархии на выставку сельского хозяйства в город Хабаровск с целью дать наглядное и точное представление о производительных силах края. Священники были приглашены как имеющие «ближайшее отношение к делу народного образования»².

В монастырях приезжих крестьян обучали основам местного земледовства и пчеловодства. Священником Сергием Лебедевым из станицы Полтавка в 1890 г. была открыта учебная пасака для детей и взрослых, согласно рапорту на имя епархиального архиерея, у него проходили обучение 10 мальчиков³. В своих беседах с населением священнослужители делились опытом ведения сельскохозяйственных работ, применения тех или иных сельскохозяйственных орудий труда и машин.

Главнейшей задачей деятельности монастырей была забота об образовании. При монастырях организовывались церковно-приходские школы, в которых у детей воспитывали любовь и преданность Православию, царю и отечеству. Монастыри вели активную просветительскую и миссионерскую деятельность и имели попечение о борьбе с сектантством, которое на Дальнем Востоке было весьма распространено.

На территории Южно-Уссурийского края располагались два монастыря и одна монашеская община: мужской Свято-Троицкий монастырь, женский Рождества-Богородицкий монастырь и женская монашеская община в честь иконы Божией Матери Одигитрии Смоленской.

Свято-Троицкий Николаевский мужской монастырь занимает исключительное место в истории освоения Дальнего Востока. Несмотря на свою относительно недолгую историю существования, монастырь внес огромный вклад в развитие духовно-нравственной жизни на новоприобретенных и заново заселяемых Российских землях. Его насельники принимали деятельное участие в обустройстве быта переселенцев. Монастырь вел не только сельскохозяйственную деятельность, но также имел технически сложные производства – паровые машины, типографию и др.

Первым настоятелем и строителем Свято-Троицкого Николаевского монастыря был игумен Алексей (Осколков). Он происходил из старинного дворянского рода Осколковых из Великого Новгорода. Осколковы были предпринимателями, имевшими свое дело в Сибири. Один из предков Александра Захарьевича совместно с иеромонахом Макарием в 1681 г. учредил на Байкале Посольский Свято-Преображенский мужской монастырь.

Указом Св. Синода от 4 августа 1893 г. (№ 3476) отец Алексей был послан в Камчатскую епархию для изыскания места под строительство предполагаемого монастыря и сбора средств на его содержание в будущем. 27 сентября 1893 г. иеромонах Алексей прибыл в город Владивосток и был зачислен в штат Архидиоцессии Камчатской епархии. Руководство по устройству монастыря было поручено епископу Камчатскому Макарию (Дарскому), также к содействию в открытии монастыря был приглашен

¹ Справка (1908 г.) по переселенческому делу в Приамурском крае (краткие историко-статистические сведения) // НСБ РГИА. Печатная записка № 1030. С. 1.

² РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

³ Там же. Л. 5.

генерал-губернатор Приамурского края С. М. Духовской⁴, двоюродным братом которого был отец Алексей. Сразу по прибытии в Камчатскую епархию отец Алексей активно принялся искать место для устройства монастыря и собирать добровольные пожертвования на его строительство.

Игумен Алексей заложил предпосылки к дальнейшему развитию мужского монастыря, как в хозяйственном, так и в духовном плане. Воспитанного на Афонских традициях, отца Алексея безусловно волновало общее духовное состояние общества, о чем он писал в донесении Св. Синоду 14 августа 1895 г. Он считал, что монахи должны быть строгими аскетами, не боящимися испытаний и тяжелых трудов. Большое внимание отец Алексей уделял миссионерской и просветительской деятельности монастыря, ставя задачи иметь школу, обучать различным ремеслам и вести образцовое хозяйство. При этом игумен Алексей считал, что монастырь должен иметь достаточное количество земли для реализации разных благотворительных проектов, чтобы можно было отказаться от сборов на содержание обители⁵. Таким образом, трудами отца Алексея монастырю на правах вечного пользования был отведен участок, состоящий из 3.753 десятин 1.260 саженьей земли, из которых для хлебопашества и заготовки сена было пригодно до 800 десятин. Остальная часть земель состояла из гор, покрытых мелким лиственным лесом, по своим качествам пригодным только на дрова и для мелких поделок, и из низменных, болотистых участков земли, заливаемых во время частых наводнений реки Уссури⁶.

Начиная с 1897 г. количество монастырских построек увеличивается. Определением Св. Синода от 15 ноября 1896 г., после почисления на покой по состоянию здоровья игумена Алексея, новым настоятелем монастыря был назначен иеромонах Сергей (в миру Павел Егорович Озеров)⁷. Отец Сергей родился около 1868 г. в крестьянской семье. Обучался в Лисинском лесном училище, по окончании которого (1893 г.) служил лесным кондуктором в лесничествах Вологодской губернии⁸. В 1893 г., в возрасте 26 лет Павел Егорович поступил в Спасо-Преображенский Валаамский мужской монастырь, где проходил послушание в Всехсвятском скиту под руководством опытных старцев.

Под руководством нового настоятеля была устроена пасека с кельей для пасечника и помещением для зимовки пчел, а также скотный двор с помещением для заведующих скотом послушников⁹. Успешная пчеловодческая деятельность дала возможность монастырю заниматься промышленной переработкой воска на свечном заводе,

Генерал-губернатор Приамурского края
С. М. Духовской

⁴ Свято-Троицкий Николаевский Шмаковский монастырь // Журнал Московской Патриархии. 1995. № 11. С. 51–52.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1209. Л. 61.

⁶ Приамурский Свято-Троицкий Николаевский общежительный монастырь // Церковные ведомости. 1899. № 25. С. 975–976.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 4. Д. 128. Л. 206–207.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1209. Л. 156.

⁹ Приамурский Свято-Троицкий Николаевский общежительный монастырь... С. 977.

который был открыт в 1900 г. На нем трудилось до 7 человек братии монастыря. Свечной завод играл важную роль не только в жизни монастыря, но и в жизни всей епархии. Объемы производства свечей постоянно увеличивались — если в 1900 г. было произведено 109 пудов свечей, то к 1908 г. — более 2.000 пудов¹⁰, что давало возможность монастырю снабжать свечной продукцией Владивостокскую и Благовещенскую епархии. Помимо изготовления свечей монастырь располагал своими кирпичным, мыловаренным и дегтярным заводами.

В конце 1900 г. был окончательно решен вопрос о размере монастырских угодий и выделена лесная дача. «Согласно Высочайшего разрешения»¹¹ от 14 декабря 1900 г. в постоянное пользование монастырю было передано 4.754 десятины 1260 квадратных сажень, из которых 3.753 десятины 1.260 квадратных сажень находились при монастыре, лесной участок в 1.000 десятин на реке Шитухэ и 1 десятина близ станции Шамаковки¹².

На выделенных участках земли братия монастыря приступила к сельскохозяйственной разработке. По мере увеличения численности насельников развивалось и зерновое хозяйство. На монастырских полях был введен севооборот, посевы обрабатывались, вносились удобрения. Для своего хозяйства монастырем был приобретен полный комплект необходимых машин и инструментов, в числе которых плуги, сеялки, жатки, бороны и др., всего в количестве 883 единиц¹³. Высокий уровень обработки пашни привел к высоким урожаям. На монастырских пашнях урожаи были выше, чем на близлежащих крестьянских полях. Обитель занималась не только выращиванием зерновых культур, но и их переработкой. Так, в 1907 г. монастырь приобрел собственную паровую мельницу, обеспечив себя мукой. Работа мельницы не ограничивалась нуждами одного только монастыря, крестьянам из соседних деревень предлагался помол по цене вдвое меньшей чем на других мельницах¹⁴.

Монастырское хозяйство также располагало крупорушкой и маслобойкой, на которой было налажено производство соевого, подсолнечного и льняного масел¹⁵. Местное население также имело возможность пользоваться услугами маслобойки и сдавало на переработку свой урожай, увеличивая при этом свои посевы масляных культур.

Монастырь располагал своей больницей на 11 кроватей. Она располагалась в отдельном деревянном здании. При ней имелась аптека с достаточным количеством медикаментов, отпуск которых для местного населения зачастую был бесплатным. Больница была устроена главным образом для заболевших насельников монастыря, но в нее в случае нужды принимались и мужчины-богомольцы. Аптечными лекарствами пользовались все нуждающиеся. Больницей и аптекой заведовал фельдшер-послушник¹⁶.

Монастырь принимал активное участие в жизни переселенцев. С 1 мая по 10 июля 1901 г. при монастыре действовал глазной летучий отряд, командированный в Приморскую область попечительством императрицы Марии Александровны о слепых. Более 500 человек, страдающих различными глазными болезнями, были вылечены стараниями его участников. Всего врачами были проведены 229 глазных операций.

¹⁰ Смагин А. Н. Социально-хозяйственная деятельность Приамурского Св.-Троицкого Николаевского мужского монастыря в дореволюционный период // Девятая Дальневосточная конференция молодых историков. Сб. материалов. Владивосток. 2006. С. 155–166.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 164. Л. 1.

¹² Там же.

¹³ Поповкина Г. С. Традиции русских православных женских монастырей на Дальнем Востоке: Южно-Уссурийский Рождество-Богородицкий монастырь (нач. XX в.) // Вторые Приморские образовательные чтения, посвященные памяти святых Кирилла и Мефодия: сб. тезисов и докл. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. С. 98.

¹⁴ Смагин А. Н. Роль православного духовенства в освоении юга Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006. С. 98.

¹⁵ Ваулин Г., свящ. Первая обитель на Дальнем Востоке. Владивосток, 1903. С. 19.

¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 135. Л. 146; Д. 105. Л. 90.

Все расходы по содержанию и размещению глазного отряда и больных монастырь принял на себя. В мае 1903 г. глазной отряд был организован повторно¹⁷.

В 1902 г. для ликвидации эпидемии холеры, разразившейся в близлежащем селе Тихменево, братья монастыря организовала санитарный отряд. Его возглавлял иеромонах обители, который лечил больных и хоронил умерших. Благодаря предпринятым действиям эпидемию в скором времени удалось ликвидировать.

Монастырь активно занимался просветительской деятельностью. С 1898 г. при монастыре была организована трехгодичная церковно-приходская школа с общежитием для учеников. Школа содержалась за счет средств самого монастыря. В ней в 1898–1899 учебном году обучались 20 учеников. Учителем числился послушник монастыря¹⁸. Из архивных данных за 1907 г. следует, что число учеников, обучающихся в монастырской школе, увеличилось до 36 воспитанников. Законоучителем состоял иеромонах Пантелеимон (Максунов), учителем — монах Серафим, окончивший курс в Богуславском Духовном училище¹⁹.

Монастырь вел обширную издательскую деятельность. В 1898 г. владелец газеты «Русский Восток» города Никольск-Уссурийска Л. П. Кажеураев передал в дар монастырю типографские станки²⁰. С 1909 г. монастырь трудами насельников начинает издание листов, брошюр и книг. Одной из самых важных издательских программ был выпуск святоотеческого сборника поучений о духовной жизни «Заветы инокам»²¹. Другим важным изданием Свято-Троицкого Николаевского монастыря является клиросная книга «Пойте Богу разумно», которая включала в себя все богослужебные песнопения годового круга. С 1910 г. монастырь, желая поддержать патриотический дух среди войск, начинает издание «солдатского письма».

Ежегодно монастырь организовывал школьные паломнические поездки, в которых принимали участие учащиеся церковно-приходских школ не только Приморской, но и соседних епархий²². Детям проводили экскурсию по обители, знакомили с его хозяйственной и типографской деятельностью, показывали монастырские сады и огороды. Также детей знакомили с пчеловодством и показывали процесс изготовления свечей на свечном заводике. Помимо этого, дети общались с насельниками монастыря и принимали участие в богослужениях; им рассказывали об уставе обители. Помимо школьных поездок в монастырь, как в главный религиозный центр Южно-Уссурийского края, устраивались и общенародные крестные ходы. Богомольцы добирались до станции Шмаковка, а дальше шли пешком до монастыря²³.

Свято-Троицкий Николаевский монастырь вел просветительскую и миссионерскую деятельность среди китайцев и корейцев, которых нанимали на строительные работы в монастыре. Многие мигранты, соприкасаясь с монастырской жизнью, в дальнейшем принимали крещение²⁴.

Отдельно следует отметить деятельность монастыря в военное время. Так, в годы боксерского восстания в Китае было мобилизовано в действующую армию порядка 20 человек из членов братии. В связи с уходом войск на территорию Китая в Южно-Уссурийском крае возросла опасность нападения хунтузов, поэтому в срочном порядке в крае начали организовываться отряды самообороны. При монастыре была создана

¹⁷ Разумовский А. Г. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899–1903 гг.). Симферополь, 1906. С. 177–178.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 4. Л. 211–215.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 135. Л. 146–150; Д. 105. Л. 90–93.

²⁰ Мизь Н. Г. Духовно-просветительская деятельность монастыря «Новый Валаам» // Приморский образовательные чтения. Владивосток, 2001. С. 127.

²¹ Там же.

²² Доклад комиссии VII Епархиального Съезда духовенства Владивостокской епархии по вопросу о мерах борьбы с сектантством // Благовещенские епархиальные ведомости. 1911. № 20. С. 162.

²³ Там же. С. 163.

²⁴ Ваулин Г., свящ. Первая обитель на Дальнем Востоке... С. 54.

«монастырская сотня», в которую вошли 24 послушника и около 100 добровольцев из близлежащих деревень. Во время Русско-японской войны из состава братии монастыря в ряды действующей армии было мобилизовано порядка 30 человек запасных. Монастырь участвовал и в помощи обеспечению армии, выделив лучших лошадей, 4-х быков на мясо, 400 рублей, 400 пудов капусты и 1.000 пудов картофеля. Для госпитализации больных и раненых в ходе боевых действий монастырь предоставил помещения на 25 человек²⁵.

В годы Первой мировой войны в действующую армию были призваны 28 человек. Кроме того, монастырь производил периодические отчисления на нужды раненых воинов и в пользу их семей. На нужды фронта монастырь периодически поставлял белье, мед и литературу духовного содержания²⁶. Монастырская церковно-приходская школа с помещением для общежития учеников принимала и детей-сирот воинов, для которых предоставлялась возможность бесплатно обучаться и питаться. Монастырь ежемесячно жертвовал на нужды фронта по 90 рублей. Также в армию в большом количестве рассылались иконы, крестики, брошюры и напечатанные в монастырской типографии листки духовно-нравственного и патриотического содержания.

Монастырь вел активную работу по духовно-нравственному окормлению в переселенческой среде. Он занимался образовательной деятельностью не только для детей, но и для взрослых, обучая их земледелию, пчеловодству и скотоводству. Монастырь являлся центром духовной жизни региона, куда ежегодно устраивались паломничества для поклонения святыням и участия в жизни обители.

8 июля 1908 г., в праздник Казанской иконы Божией Матери, при Свято-Троицком Николаевском мужском монастыре состоялось открытие «Уссурийского Православного Братства Пресвятой Богородицы». После совершения Божественной литургии, на который присутствовало до 20-ти священнослужителей, под председательством игумена Сергия состоялось собрание духовенства, на котором после прочтения приветственного слова епископа Евсевия был принят устав братства²⁷. Затем началась запись в состав братства всех желающих. По окончании собрания членами братства были отправлены две телеграммы. Первая, адресованная епископу Евсевию, содержала в себе слова благодарности за «молитвенное благожелание и благословение» на открытие братства²⁸. Вторая телеграмма была адресована императору Николаю Александровичу. В ней члены братства свидетельствовали о своей «безпредельной любви и безграничной готовности защищать в юном еще крае исконные, исторические начала нашего Государства — Православие, Самодержавие и Русскую народность»²⁹.

Таким образом, основными направлениями деятельности братства были защита веры и нравственности народа от разного рода агитаторов, подстрекающих народ против веры и царской власти, а также борьба с сектанством, активно распространявшимся в переселенческом регионе. В дальнейшем деятельность братства затрагивала такие острые моменты социальной жизни переселенцев, как борьба с пьянством, перенесение ярмарок с двенадцатых праздников на будничные дни, неуважительное отношение торговцев к святым иконам, которые при продаже держали их с другим своим товаром. Также члены братства проявляли заботу о духовно-нравственном просвещении народа, активно печатая в монастырской типографии просветительские листовки. Братство выписывало и распространяло по приходам епархии журналы «Миссионерское обозрение», «Духовная беседа», «Троицкое слово».

Огромную роль в становлении социально-общественной жизни Южно-Уссурийского края сыграл женский Рождество-Богородицкий монастырь. Первое предложение о создании в Южно-Уссурийском крае женского монастыря впервые

²⁵ Разумовский А. Г. Владивостокская епархия за первые пять лет... С. 190–192.

²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1883. Л. 62.

²⁷ Хроника епархиальной жизни // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. № 14–15. С. 385.

²⁸ Там же. С. 386.

²⁹ Там же. С. 387.

поступило от крестьянки Тульской губернии Анны Волковой, бывшей послушницы Свято-Троицкой Взыскания погибших общины Калужской области. Было получено благословение правящего архиерея на устройство женской обители для миссионерской деятельности среди местных жителей. Однако устроительницей обители ее не утвердили из-за отсутствия «житейского опыта»³⁰. Идея организации женской обители стала возможной с приездом в Южно-Уссурйский край бывшей настоятельницы Читинского женского монастыря игуменьи Павлы, в миру Параскевы Трегубовой. Матушка Павла родилась в 1830 г. в деревне Трегубово Слободского уезда Вятской губернии. В возрасте 24-х лет поступила в Христо-Рождественский Слободской женский монастырь, где трудилась 11 лет послушницей и 19 лет по постриге в мантию. В 1884 г. матушку Павлу командировуют в Забайкалье, где она основывает Читинский женский монастырь. На момент отъезда в Приморский край игуменье Павле исполнилось 70 лет³¹. Становлению обители способствовали епископ Евсевий (Никольский) и генерал-губернатор Н. И. Гродеков³².

Генерал-губернатор
Н. И. Гродеков

В 1899 г. игуменья Павла со своей помощницей, монахиней Марией, и 15-ю послушницами Читинского монастыря приехали в Никольск-Уссурйск. Сразу по прибытии матушка начала искать место для создания женской обители³³. Местом для размещения Рождество-Богородицкого монастыря был выбран правый берег реки Суифуна. Площадь отведенной земли составляла 434 десятины 1563 квадратные сажени. Земля на выбранном участке была удобной для земледелия, а прибрежная речная низменная площадь — для сенокоса³⁴. В 1900 г. на избранном для монастыря месте был устроен деревянный барак для насельниц и произведена закладка деревянного храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы. 3 декабря того же года Св. Синод принял решение об открытии общины³⁵.

К началу 1901 г. в монастыре завершилось строительство первого храма, освящение которого 16 января совершил епископ Евсевий. По просьбе игуменьи владыка назначил к монастырской церкви священника Константина Цивилева³⁶.

Насельницы монастыря выполняли различную хозяйственную работу: занимались пасекой, огородничеством, животноводством, садоводством и черновыми работами³⁷. Часть земли, выделенной в пользование монастырю, обрабатывалась трудами самих сестер и при помощи нанятых корейских работников, часть земли сдавалась в аренду. Общение с корейским населением создало основу для миссионерской работы. Также корейцы имели возможность наблюдать за деятельностью монастыря, перенимая опыт культурной обработки пашни и выращивания различных культур.

³⁰ Там же. Л. 19.

³¹ Некролог // Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. № 8. С. 253–255.

³² Давыдов В., свящ. Рождество Богородицкая женская община // Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. № 22. С. 503.

³³ Некролог // Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. № 8. С. 255.

³⁴ Давыдов В., свящ. Рождество Богородицкая женская община... С. 504.

³⁵ Там же. С. 503–504.

³⁶ Там же. С. 504–505.

³⁷ Разумовский А. Г. Владивостокская епархия за первые пять лет... С. 185.

Епископ
Евсевий (Никольский)

епархии. Также в монастыре была организована лечебница и аптека, лекарственные средства из которой бесплатно раздавались богомольцам, совершающим паломничество в обитель.

Численность сестер стремительно увеличивалась. В общину поступали вдовы с малолетними дочерьми, девочки из соседних деревень Линевицы и Кугуки, воспитание и обучение которых ложилось на насельниц обители. Детей приучали к клиросному послушанию, учили читать и писать. В связи с этим возникла острая необходимость в создании школы. Первоначально школа разместилась на втором этаже сестринского корпуса, учительницей была назначена послушница Екатерина Левченко⁴⁰. В 1903 г. в городе Никольск-Уссурийск было выстроено отдельное здание для женской одноклассной церковно-приходской школы. В 1906 г. в деревнях Линевицы и Кугуки были открыты собственные школы, поэтому монастырская школа была закрыта. Учительница П. Казанцева, которая являлась воспитанницей матушки игуменьи, перешла в Никольск-Уссурийскую школу, попечительницей которой оставалась игуменья Павла⁴¹. В 1903–1904 учебном году в школе обучалось до 50 воспитанниц⁴². Во «Владивостокских епархиальных ведомостях» за 1908 г. отмечается, что в школе проходили обучение две крещенные китайки-сироты⁴³.

Помимо основных предметов в школе преподавали «изящное рукоделие», заключающееся в вышивании на пальцах гарусом, гладью и мережкой (в строчку), а также учили детей изготавливать искусственные цветы из бумаги и гаруса⁴⁴. В 1909 г. школа даже представила работы своих воспитанниц на церковно-школьной выставке при Синодальном Училищном совете. Было показано порядка 139 работ,

В 1906 г. указом Св. Синода община приобрела статус монастыря, а игуменья Павла была назначена его настоятельницей. Ей шел уже восьмой десяток лет, матушка часто болела. Умерла она в 1909 г. в возрасте 78 лет³⁸. Указом от 23 июля 1909 г. новой настоятельницей монастыря с возведением в сан игуменьи была назначена монахиня Сергия (Воронова). Она родилась в 1856 г. в Ярославской губернии, принадлежала к купеческому сословию и имела хорошее образование. В 1881 г. она поступила в Воскресенский Горицкий монастырь, где в 1898 г. приняла постриг³⁹.

В 1912 г. пожаром были уничтожены монастырская церковь, игуменский корпус и хозяйственные постройки. В связи с этим было принято решение о строительстве каменных зданий церкви и монашеских корпусов. Строительство началось в 1913 г.

Некоторые насельницы монастыря занимались иконописанием. Монастырская иконописная мастерская принимала заказы со всей

³⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 967. Л. 32.

³⁹ Там же. Л. 61.

⁴⁰ Давыдов В., свящ. Рождество Богородицкая женская община... С. 505.

⁴¹ Некролог // Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. № 8. С. 255–257.

⁴² Там же. Л. 257.

⁴³ Хроника епархиальной жизни // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. № 2. С. 53.

⁴⁴ Антонинов В. Отчет Владивостокского Епархиального Наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Владивостокской епархии за 1909/10–1910/11 учебные года // Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. № 7–8. С. 235.

Южно-Уссурийский Рождество-Богородицкий женский монастырь

от самых простых — вышивания крестиком, до ковров, детских платьев и корзин с искусственными цветами⁴⁵. Отметим, что в 1913 г. учитель Никольск-Уссурийской школы при женском монастыре Екатерина Левченко была награждена Николаем II серебряной медалью на Александровской ленте за «неслужебные отличия по ведомству Православного Исповедания»⁴⁶. Также школа принимала неоднократное участие в выставках в Хабаровске, где была награждена медалями не только за образовательную деятельность, но и за «распространение практических занятий по рукоделию»⁴⁷.

В 1910–1911 учебном году одноклассная церковно-приходская школа была преобразована в двухклассную. К 1917 г. в школе обучалось около 200 девочек, многие из которых были беспризорные, сиротами или из бедных семей⁴⁸.

Южно-Уссурийский Рождество-Богородицкий женский монастырь принимал деятельное участие не только в духовно-нравственной жизни переселенцев, но также в поддержании и налаживании хозяйственной и образовательной жизни переселенцев на Дальнем Востоке.

На территории Южно-Уссурийского края располагалась еще одна иноческая женская община — в честь иконы Божией Матери Одигитрии Смоленской, которая находилась в районе Морского кладбища Владивостока. Ее основательницей была игуменья Руфина (в миру Ольга Андреевна Кокорева). Родилась она в 1872 г. в Перми в купеческой семье.

В ходе Гражданской войны игуменья Руфина, бывшая настоятельница женского монастыря в Чердыне, переехала на Дальний Восток, где в марте 1920 г. по благословению епископа Владивостокского и Приморского Михаила (Богданова) начала

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Известия и распоряжения епархиального начальства // Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. № 14–15. С. 354–355.

⁴⁷ Список лиц и учреждений по Владивостокской епархии, удостоенных наград за экспонаты на Хабаровской краевой выставке 1913 года // Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. № 22. С. 624–625.

⁴⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2749. Л. 17.

организовывать женскую обитель в честь иконы Божией Матери Одигитрии Смоленской. Вначале обитель размещалась в 3-х комнатной квартире на 7-й Матросской улице. Затем матушке Руфине удалось добиться выделения ей участка земли в размере 4-х десятин в районе Морского кладбища, с правом постройки там обители и пользования кладбищенской церковью в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость».

Строительство на отведенном месте началось весной 1920 г. В это время 20 сестер-насельниц временно жили в караульном помещении. Одна из сестер, Ариадна, потом вспоминала: «Энергия матушки снова развернулась во весь свой богатырский размах. Поместившись в крайней простоте и тесноте, матушка и сама погрузилась в работу, с трех часов утра уже находясь на постройке, и сестер вдохновляла на неустанный труд. Закипело дело. Вели сестры хозяйство, смотрели за могилами, помогали в совершении треб, рукодельничали. Благосостояние возникающей обители росло. Росло и здание будущего монастыря. Оно должно было, по мысли матушки, иметь три этажа. Первый, полуподвальный, предназначался под службы, второй под жильё, а в третьем должен был помещаться храм»⁴⁹. Обитель благоустраивалась стараниями сестер-монахинь, а также благодаря помощи жертвователей, в основном офицеров, расквартированных в городе Владивостоке частей.

Монахини и послушницы следили за порядком на кладбище, ухаживая за могилами, поэтому приказом командующего Сибирской флотилии от 18 июля 1921 г. Военно-морское кладбище со всеми находящимися там сооружениями было передано в ведение Владивостокской «Одигитрии Смоленской» иноческой женской общины. В обязанности общины стала входить бесплатная раздача участков на кладбище для служащих морского ведомства и членов их семейств, а также безвозмездное отпевание покойных и бесплатный уход за могилами⁵⁰.

После установления Советской власти во Владивостоке монашеская жизнь обители была нарушена — начались притеснения, обыски, изъятия, аресты. В июне 1923 г. большая часть насельниц с игуменьей Руфиной перебралась в Харбин⁵¹. В городе осталась малая часть монахинь и послушниц под руководством монахини Апполинаруи (в миру Августы Александровны Мичуриной).

С 1928 г. обитель стала испытывать притеснения от городских властей. Вначале монахини и послушницы были лишены своего места проживания и временно поселились в кладбищенском храме. С уничтожением церкви община перестала существовать. О ее кратковременном пребывании на Морском кладбище напоминает сопка, возвышающаяся над старой частью кладбища, которая называется Монастырская. В настоящее время на месте храма и строений обители находится мемориальная зона Морского кладбища.

Заключение

Монастыри Южно-Уссурийского края, несмотря на свою недолгую историю существования, дали духовные ориентиры для развития Православия в Дальневосточном регионе. Дальневосточные нештатные монастыри были лишены казенной помощи, что вело к развитию хозяйственной жизни самих обителей и делало их центрами не только духовной, но и хозяйственной жизни для близлежащих поселений. Монастыри активно участвовали в хозяйственной жизни переселенцев, обучая их особенностям аграрной и животноводческой деятельности.

Благодаря успехам собственного хозяйства монастыри могли оказывать благотворительную помощь в регионе. Так, монастыри принимали участие в ликвидации эпидемий, оказывая медицинскую помощь переселенцам, за свой счет содержа врачей

⁴⁹ Ариадна [Мичурина], игум. Светоч любви: Жизненный путь игумении Руфины. Шанхай, 1941. С. 7.

⁵⁰ Там же. С. 8.

⁵¹ Там же. С. 9.

и закупая медикаменты. Местные жители могли по прибытии в обители обратиться за помощью в монастырские лечебницы и бесплатно получить медицинскую помощь и медикаменты.

Также монастыри занимались образовательной деятельностью. При них были организованы церковно-приходские школы для детей из крестьянских семей и детей-сирот. Помимо основных наук преподавалось рукоделие для девочек, а мальчиков приобщали к ремеслу и обучали основам земледелия. Приезжая в монастыри, взрослые и дети имели возможность наблюдать внутреннюю их жизнь и обучаться различным видам ремесел, что положительно влияло на развитие хозяйственной жизни региона. Обители вели активную духовно-просветительскую деятельность, противодействуя распространению сектантства, стремительно распространявшегося в регионе. Монастыри активно издавали просветительскую литературу, тем самым ограждая население от деструктивного воздействия сектантских проповедников, многие из которых были зарубежными агентами, пропагандирующими раскольнические настроения в среде переселенцев. Таким образом, монастырская церковная деятельность была той объединяющей основой, которая сплачивала вокруг себя народ в новом регионе России.

Источники и литература

1. РГИА ДВ. Ф. 244, Оп. 1. Д. 4. Клировые ведомости церквей Владивостокской епархии за 1899 г.
2. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 22. Клировые ведомости церквей Владивостокской епархии за 1899 г.
3. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 105. Клировые ведомости III округа церквей Владивостокской епархии за 1905 г.
4. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 135. Отчетная документация за 1907 г. о состоянии дел в приходах Владивостокской епархии. Часть 2.
5. РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 164. Клировые ведомости Уссурийского Свято-Троицкого Николаевского монастыря за 1908 г.
6. РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1209. Канцелярия Синода.
7. РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 967. Статистические сведения о монастырях Владивостокской епархии за 1902–1914, 1916 г.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1883. Отчет о состоянии Владивостокской епархии за 1901 г.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2749. Отчет о состоянии Владивостокской епархии за 1916 г.
10. Антоинов В. Отчет Владивостокского Епархиального Наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Владивостокской епархии за 1909/10–1910/11 учебные года // Владивостокские епархиальные ведомости. 1912. № 7–8. С. 230–236.
11. Ариадна [Мичурина], игум. Светоч любви: Жизненный путь игумении Руфины. Шанхай. 1941.
12. Ваулин Г., свящ. Первая обитель на Дальнем Востоке. Владивосток: Паровая типо-лит. газ. «Дальний Восток», 1903.
13. Давыдов В., свящ. Рождество Богородицкая женская община // Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. № 22. С. 503–508.
14. Доклад комиссии VII Епархиального Съезда духовенства Владивостокской епархии по вопросу о мерах борьбы с сектантством // Благовещенские епархиальные ведомости. 1911. № 20. С. 157–165.
15. Известия и распоряжения епархиального начальства // Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. № 14–15. С. 354–362.
16. Мизь Н. Г. Духовно-просветительская деятельность монастыря «Новый Валаам» // Приморские образовательные чтения. Владивосток, 2001. С. 122–127.
17. Некролог // Владивостокские епархиальные ведомости. 1909. № 8. С. 253–257.

18. *Поповкина Г. С.* Традиции русских православных женских монастырей на Дальнем Востоке: Южно-Уссурийский Рождество-Богородицкий монастырь (нач. XX в.) // Вторые Приморские образовательные чтения, посвященные памяти святых Кирилла и Мефодия: сб. тезисов и докл. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002.
19. Приамурский Свято-Троицкий Николаевский общежительный монастырь // Церковные ведомости. 1899. № 25. С. 975–983.
20. *Разумовский А. Г.* Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899–1903 гг.). Симферополь, 1906.
21. Свято-Троицкий Николаевский Шмаковский монастырь // Журнал Московской Патриархии. 1995. № 11. С. 51–54.
22. *Смагин А. Н.* Роль православного духовенства в освоении юга Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006.
23. *Смагин А. Н.* Социально-хозяйственная деятельность Приамурского Св.-Троицкого Николаевского мужского монастыря в дореволюционный период // Девятая Дальневосточная конференция молодых историков. Сб. материалов. Владивосток, 2006. С.
24. Список лиц и учреждений по Владивостокской епархии, удостоенных наград за экспонаты на Хабаровской краевой выставке 1913 года // Владивостокские епархиальные ведомости. 1913. № 22. С. 624–626.
25. Справка (1908 г.) по переселенческому делу в Приамурском крае (краткие историко-статистические сведения) // НСБ РГИА. Печатная записка № 1030.
26. Хроника епархиальной жизни // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. № 2. С. 52–55.
27. Хроника епархиальной жизни // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. № 14–15. С. 377–388.
28. Школьные паломничества // Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. № 15. С. 538–545.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Н. Г. Зарембо, М. Д. Попова

**Научно-справочный аппарат к документам фонда
Канцелярии Синода Российского государственного
исторического архива**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_161

Аннотация: В РГИА на хранении находится фонд Канцелярии Синода, документы которого являются крупнейшим источником по истории Русской Православной Церкви синодального периода. В его составе более 300 тысяч единиц хранения. Необходимым инструментом для работы с ними является научно-справочный аппарат, куда входят изданные до революции печатные описи, рукописные сдаточные описи со сложной систематизацией внутри. Важную роль в поиске документов играют делопроизводственные алфавитные указатели (алфавиты). В ряде случаев они позволяют реконструировать состав и содержание утраченных дел. В РГИА также имеются каталог, перечни и прочие справочники, содержащие указания на документы из фонда Канцелярии Синода.

Ключевые слова: Российский государственный исторический архив, Св. Синод, фонд Канцелярии Синода, научно-справочный аппарат, синодальный период.

Об авторах: Наталья Геннадьевна Зарембо

Кандидат исторических наук, начальник отдела научно-аппарата Российского государственного исторического архива.

E-mail: natalzar@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0008-4817>

Марина Дмитриевна Попова

Аспирант Исторического факультета Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий специалист Российского государственного исторического архива.

E-mail: maropova@eu.spb.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7236-7141>

Ссылка на статью: Зарембо Н. Г., Попова М. Д. Научно-справочный аппарат к документам фонда Канцелярии Синода Российского государственного исторического архива // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 161–170.

* Фотографии предоставлены авторами.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

N. G. Zarembo, M. D. Popova

**Scientific Reference Apparatus for the Documents
of the Collection of the Chancellery of the Synod
of the Russian State Historical Archive**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_161

Abstract: The Russian State Historical Archive contains the collection of the Chancellery of the Synod, the documents of which are the largest source on the history of the Russian Orthodox Church of the Synodal period. It includes more than 300 thousand storage units. Scientific reference notes are an essential tool for working with these documents. They include printed inventories published before the revolution, handwritten delivery inventories, with their own complex systematization. An important role in the search for documents is played by reference alphabetic indexes (alphabets). In some instances, they make it possible to reconstruct the composition and content of lost files. The Russian State Historical Archive also has a catalog, inventories and other directories containing references to documents from the collection of the Chancellery of the Synod.

Keywords: Russian State Historical Archive, Most-Holy Governing Synod, collection of the Chancellery of the Synod, scientific reference notes, the Synodal period.

About the authors: **Natalia Gennadievna Zarembo**

Candidate of Historical Sciences, Head of the Scientific and Apparatus Department of the Russian State Historical Archives.

E-mail: natalzar@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0008-4817>

Marina Dmitrievna Popova

Post-graduate Student at the Faculty of History of the European University of St. Petersburg, leading specialist of the Russian State Historical Archives.

E-mail: mapopova@eu.spb.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7236-7141>

Article link: Zarembo N.G., Popova M.D. Scientific Reference Apparatus for the Documents of the Collection of the Chancellery of the Synod of the Russian State Historical Archive. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 161–170.

* Photos provided by the authors.

В Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА) на хранении находится фонд Канцелярии Синода (Ф. 796), документы которого являются крупнейшим источником по истории Русской Православной Церкви синодального периода. В его составе 366.004 единиц хранения, которые размещены в 220 описях. В них сосредоточены материалы по всем основным направлениям деятельности Синода: рассмотрение канонических и богословских вопросов, подготовка законопроектов по церковным вопросам, принятие внутрицерковных узаконений и распоряжений, управление православным духовенством, издательское дело, церковно-судебные дела и т. д. за период 1707–1918 гг. Общая характеристика состава и содержания фонда Канцелярии Синода дана в путеводителях и реестре описей архива¹. Сведения из Путеводителя и реестра, в т. ч. о фонде и аннотация описей, выложены на сайте РГИА.

Научно-справочный аппарат (далее — НСА) фонда Канцелярии Синода сложился на основе описей и указателей, созданных в процессе делопроизводства данного учреждения, а также изданных до революции 32-х печатных описей в качестве отдельных томов под названием «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода»². В советский период также продолжалось создание новых описей этого фонда³. При работе с этим фондом необходимо помнить о важной особенности его НСА, неоднородного по своим целям и времени создания, по специфике языка, что, в свою очередь, приводит к нелинейности и своеобразию архивного поиска.

Подробнее остановимся на специфике описей. Как уже указано выше, значительная часть описей на документы XVIII в. представляет собой печатные издания «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода»⁴. Они составлены Высочайше учрежденной комиссией для приведения в ясность и порядок дел, хранящихся в Архиве Святейшего Синода (потом — Комиссия по разбору и описанию архива Св. Синода), начавшей свою деятельность в 1865 г.⁵ Первоначально основной задачей деятельности Комиссии была подготовка к уничтожению значительного числа архивных дел. Однако оказалось, что дела архива не описаны, хранятся без какой-либо системы, а выявление дел для уничтожения или для любой другой цели является крайне затруднительным. Поэтому вскоре цель работы Комиссии изменилась: вместо подготовки дел к уничтожению она занялась их описанием и систематизацией. Комиссия не успела закончить всю намеченную работу⁶. В библиотеках в настоящее время хранятся изданные экземпляры «Описания документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода», но для заказа дел необходимо обращаться к экземплярам архива, т. к. в них внесены изменения.

В этих описях содержится заголовок дела и аннотация документов или краткий пересказ содержания. В последующие периоды некоторые из описей были дополнены

¹ Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде: путеводитель. Л., 1956; Российский государственный исторический архив: путеводитель. СПб., 2012. Т. 1: Фонды высших государственных учреждений.

² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб., 1868–1914.

³ Всего из 220 единиц хранения, кроме упомянутых томов «Описания документов и дел...» 123 описи составлены до революции (оп. 52, 81–204) и 63 в советский период (оп. 14, 25, 26, 31, 34, 36–39, 41–50).

⁴ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 1–13, 15–24, 27–30, 32–33, 35, 40, 51.

⁵ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода 1865–1915. Ист. записка. Пг.: Синод. тип., 1915. 454 с.

⁶ История архива Синода нашла отражение в различных исследованиях: Здравомыслов К. Я. Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. СПб., 1906. 61 с.; Крылов Н. С. Из истории Синодального архива в XVIII в. // Отечественные архивы. 2014. № 4. С. 3–11; Старостин Е. В. Архив Святейшего Синода XVIII–XX вв. // Делопроизводство. 2008. № 3. С. 102–104.

вновь обнаруженными делами. Для анализа материалов Синода недостаточно использовать только эти печатные описи, следует обращаться к документам из дел, только тогда картина будет полной.

Комиссия не успела завершить свою работу (публикацию «Описаний...» планировалось завершить к 200-летию юбилею Синода) и часть описей на дела XVIII в. составлены уже советскими архивистами в 30–40 гг. XX в. В них часто отсутствуют указатели и предисловия, но имеются переводные таблицы архивных шифров. Часть описей являются своеобразным гибридом из советского и дореволюционного архивного дела: к некоторым описям, составленным в 1930–1940-е гг. добавлены приложения, которые представляют собой подготовительные материалы, созданные ещё синодальной комиссией (например, Оп. 45).

Также в советское время появилась особая группа описей, отвечающая задачам архивного дела своего времени, а именно: отдельно выделены формулярные списки (Оп. 436–439, 441), регистрационно-справочный аппарат (Оп. 443, 444, 450). Особо следует отметить описи секретных дел (Оп. 205), описи с протоколами и журналами заседаний Синода (Оп. 209 и 443), а также с делами, освещающими состояние епархий во второй половину XIX — начале XX вв.

Отдельную группу научно-справочного аппарата формируют делопроизводственные описи по годам заведения дел. Часть из них представляет собой сдаточные описи, созданные для передачи дел Канцелярии Синода в архив. В них дела расположены в основном в хронологическом порядке, дана валовая нумерация. Это описи № 81–150 за 1800–1869 годы. Они снабжены алфавитными и предметными указателями.

Структура описей за последующие годы (1870–1917) повторяет структурное деление на отделения и столы Канцелярии Синода на момент заведения дела (Оп. 151–204). Соответственно, при работе с этими описями важно знать отделение и стол, где мог рассматриваться интересующий вопрос, что значительно ускорит поиск. Эти описи снабжены оглавлениями, которые содержат сведения не только о том, на каких листах расположены заголовки дел структурных частей канцелярии Синода, но и круг ответственности этих подразделений. Описи не имеют справочного аппарата, но специальные делопроизводственные указатели позволяют оптимизировать поиск.

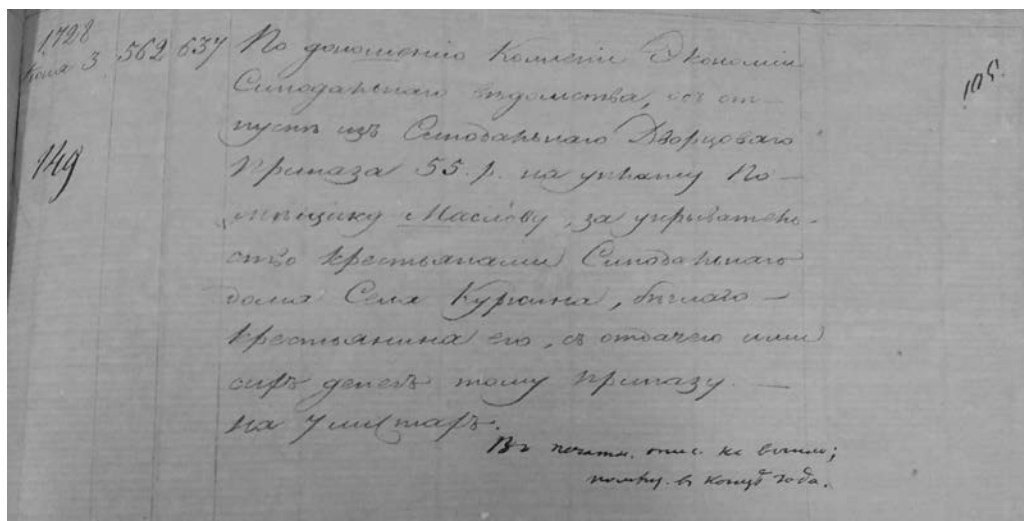
В отделе НСА имеются указатели к описям или к настольным реестрам — именные, предметно-тематические, смешанные, созданные в текущем делопроизводстве Синода. Эти указатели еще в дореволюционном делопроизводстве получили обобщающее название «Алфавиты»⁷. На данный момент они составляют 277 единиц хранения. Отметим, что в их число включены бывшие описи, относящиеся прежде всего к делам Синода XVIII в. и используемые архивистами XIX в. В них дела размещены по хронологии или сгруппированы по разделам, что отражено в оглавлении. Данные тематические описи на дела XVIII в. составили в начале XIX в.

Алфавитные указатели (далее — алфавиты) могут быть интересны как источник по работе архива Синода. Предполагаем, что их активно использовали при подготовке печатных описей. Алфавит № 2 «К делам об архиерейских, монастырских и патриарших вотчинах» содержит перечень дел за 1707–1786 гг. Там осталась помета о не включении дела в «Описание архива...». Но в советское время дело обнаружено и включено в конец описи за соответствующий год. (См.: Ф. 796. Оп. 9. Д. 759).

Другим примером тематических перечней является алфавит № 17, посвященный зарубежным миссиям. Он охватывает дела за 1721–1855 гг. (т.е., до начала работы упомянутой прежде Комиссии). В алфавите представлены дела о деятельности разных миссий и об их личном составе.

Важно отметить, что, так как эти тематические указатели создавались до появления описей, которыми сейчас пользуются для заказа дел, указанные в алфавитах номера требуют дополнительной перешифровки.

⁷ Павлова В. П., Вайнштейн А. Л. Делопроизводственный справочный аппарат центральных учреждений России XIX — начала XX века // Советские архивы. 1970. № 6. С. 86.

РГИА. Ф. 796. Алфавит № 2. Д. 105. Л. 149.

Особенно важными и информативно насыщенными мы считаем алфавиты к описям с 80-х годов XIX — начала XX в. Использование алфавитов или указателей смешанного характера к описям фонда Канцелярии Синода можно рекомендовать в различных случаях: как для выявления источников по конкретной теме, так и для поиска сведений о конкретных лицах, местах и постройках.

Обратимся к «Личному и предметному указателям к делам Канцелярии Синода» (Алфавит № 30) за 1881–1885 гг., т.е. по современной нумерации — это описи № 162–166. В этом алфавите можно, например, найти сведения о миссионерской деятельности за указанный период. Здесь под заголовком «Миссии» собраны шифры дел, которые, по мнению составителя алфавита, относились к этой теме. Раздел начинается с общих вопросов (о назначении и капиталах), а потом в алфавитном порядке перечисляются конкретные миссии (как зарубежные — Иерусалимская, Пекинская, Урмийская, Японская, так и внутренние — Алтайская, Камчатская и др.) с кратким указанием о содержании дел⁸. Затем отдельно указаны «Миссионеры, миссионерское дело»⁹.

Обратим внимание на другой пример. При поиске дел о Санкт-Петербургской духовной академии следует сначала найти «Учебные заведения», а потом «Академии /Духовные православные/». В этом подразделе академии расположены в алфавитном порядке, в том числе и «С.-Петербургская»¹⁰. Здесь перечислены дела о состоянии академии, о принятии японца и других иностранцев на казенный счет и т. д.

Мы приводим эти две иллюстрации, чтобы показать, что при работе с алфавитами важно помнить об особенностях их составления, отвечающего нуждам делопроизводства конкретного учреждения. Имеет смысл обращаться к самому широкому кругу «ключевых слов» при поиске документов по конкретной теме. Например, при отсутствии упоминаний о Японии в разделе на букву «Я», можно поискать сведения в «Миссиях». Важно также помнить о структуре управления Синодом, о ведомственной принадлежности дел. В частности, в отдельную и подробно распisanную рубрику выделялись дела, связанные с деятельностью обер-прокурора: сношения с ним по разным вопросам, его предложения и другие вопросы¹¹. Здесь необходимо отметить, что документы обер-прокурора Синода хранятся в отдельном фонде (Ф. 797), к нему можно обратиться для поиска дел по темам, обозначенным в этой рубрике.

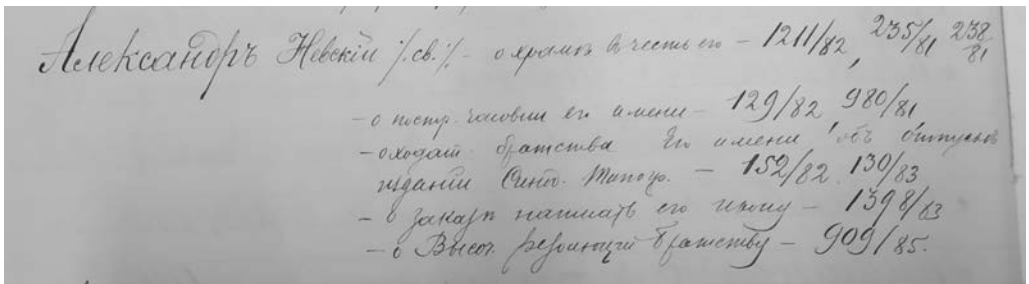
⁸ РГИА. Ф. 796. Алфавит № 30. Л. 314–314 об.

⁹ Там же. Л. 314 об.

¹⁰ Там же. Л. 394–395.

¹¹ Там же. Л. 358 об.–370 об.

- Миссии - о наррат. в к-либо ступ. Евфратского - 1272/82
 - о наемнов. солдаты на противоварсколоний. миссий Кашгария, Александровский - 180/82.
- Амтэй/ - опись разв. - 1297/82
 - о приходах Кини Мунго - 247/82
- Биско/ - о взыскан. Кини Мунго - 852/84
- Забайкальск/ - оу. нар. кн. адр. Уршима - 63/84.
- Уркутск/ - оу. нар. кн. адр. Мунго - 439/81
 - о пред. в вид мис. сз Уршт. Африк. мис. - 1889/82.
- Геруламск/ - о видан. мис. сз Мунго или нар. адр. - 10/86.
 - о наррат. до мис. в ступ. в. Мунго сз 81
 - изуч. Евфратского - 710/83
 - о наррат. мис. в ступ. в. Мунго - 2266/85.
 - о наррат. в ступ. в. Мунго - 205/81
 - о наррат. в ступ. в. Мунго - 1100/85.
 - наррат. в ступ. в. Мунго - 240/83.
 - см. 163/84
- Нарративск/ - оу. нарративск 1477/85
- Пекань/ - опись Кини - 60/83
 - о нарративск - 1306/82, 1323/82, 1100/83, 1216/84, 955/81.
 - но сформ. сз - 2259/85
 - о наррат. мис. и нарративск - 1056/81, 1008/85, 889/81.
 - 2258/85, 2346/83, 1197/83
 - о нарративск - 2270/85.
 - о нарративск - 103/84.
 - но опись сз - 2258/85
 - о нарративск - 1197/83, 2346/83.
 - но нарративск. Наррат. о нарративск мис. и нарративск
 - Ванит - 58/84.
- Сергунск/ - о нарративск - 1262/83.
- Уршт/ - о нарративск - 1663/84.

РГИА. Ф. 796. Алфавит № 30. Л. 3.

Многие исследователи используют фонд Канцелярии Синода для поиска сведений о конкретных храмах. В этом случае также могут помочь Алфавиты. Храмы можно искать по имени святого, в честь которого он освящен. В таком случае поиск целесообразно проводить в именном указателе. Другой вариант — поиск по месту расположения храма (губернии, городу, селу и т. д.) в тематическом указателе в рубрике «Церкви».

Удобны бывают Алфавиты и тем, что под конкретной позицией указателя собрано все, что может к ней относиться. Например, в этом году широко отмечается юбилей св. Александра Невского. Открыв Алфавит на позиции «Александр Невский (св.)» обнаруживаем дела с материалами о храмах, часовнях, обществах.

В ряде случаев алфавиты позволяют реконструировать состав и содержание утраченных дел. В описях с делами за 1915–1917 гг. встречаются пропуски заголовков, такие единицы хранения отмечены как выбывшие, но никакой другой информации, даже названия, нет. Однако существует возможность через обращение к алфавитам установить содержание некоторых выбывших дел. В описи № 201 за 1915 г. 6-го отделения, 3-го стола дело 81 выбыло, никакой информации в описи о нем не сохранилось. При обращении к Алфавиту Канцелярии Синода соответствующего отделения и стола (№ 281) за 1912–1915 гг., ориентируясь на дату — 11 марта 1915 г. — и номер 81, обнаруживаем, что там должны быть документы о назначении членов Миссионерского совета при Св. Синоде.

Сведения из алфавита в соединении с заголовком выбывшего дела могут дать более полную картину. Например, сведения из Алфавита¹² дополняют заголовок дела из описи № 197 о назначении И. Г. Айвазова противосектантским миссионером Санкт-Петербургской епархии и и. д. доцента в Санкт-Петербургскую духовную академию (Ф. 796. Оп. 197. Отд. VI. Ст. 3. Д. 206).

Отметим, что в Алфавитах поиск возможен по нескольким позициям или словам. В качестве примера можно указать на дело с материалами о чудесном явлении Божьей Матери русским войскам в 1914 г. Упоминание этого дела можно найти через название населенного пункта Августов и через слово «Чудо». Такой поиск помогает убедиться, что других единиц хранения по данной теме за конкретный год скорее всего не будет выявлено.

В завершении отметим, что в архиве следует вести комплексный поиск по всем возможным путям. В РГИА также имеются каталог, перечни и прочие справочки, содержащие указания на документы из фонда Канцелярии Синода. Составлены разнообразные тематические перечни по историко-церковной проблематике. Например, перечень «Русская по Православная церкви в первой четверти XX в.»¹³ в 2-х частях. В советский период созданы обзоры по фондам Синода и по теме «Материалы по истории революционного движения в фондах Синода»¹⁴. Опытным сотрудником

¹² Там же. Алфавит № 218. Л. 3.

¹³ РГИА. Русская православная церковь в первой четверти XX века: перечень / Сост. Полтавская И. В. Л.; СПб., 1990–1991.

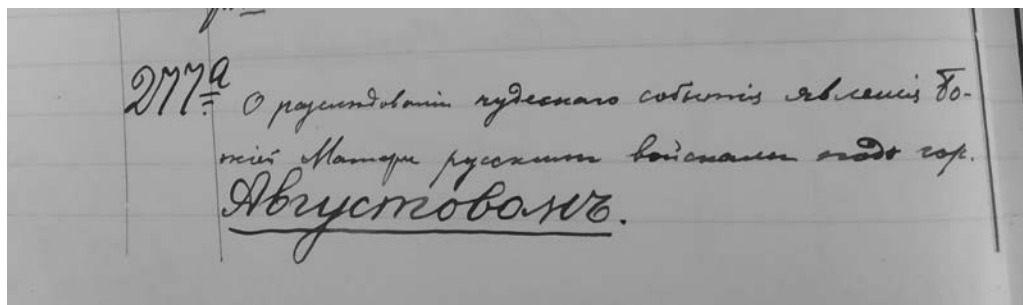
¹⁴ Кадсон И. З. Материалы по истории революционного движения в фондах синода // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 204–209.

545

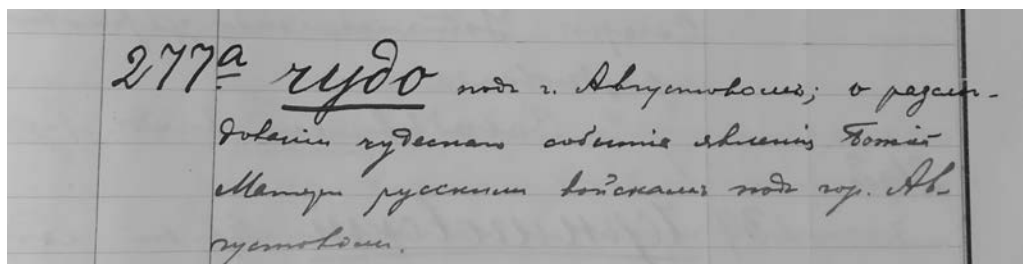
№ длаа.	Начато.	СОДЕРЖАНИЕ.	Окончено.	На спол-внз-лвсталъ.	Привзачише.
77		Мартъ Маркселии на сѣмъ горахъ въ горахъ Ледоучице.			Вышло 179
80	9	По предположенію Г. Овста Пракунго въ установа ннъ днъ Виландерн и Ковенской губ. коллестіи съвернаго днъ Маркъ днъ памяти сѣ Виландерн мудрецовъ Антонія, Уоанна и Осмарія, и сентября днъ Свѣтлой недѣли поста посиль лоси, днъ всеагудннъ ушановъ сѣ православно веркованъ. (Синьхъ днъканъ установаднъ жемтеднннъ).			3
81	11				Вышло
80	11	По отношенію Богданова на днъ днъ днъ, о поав- днъ нованъ сѣтнъ позр Кавсанкель. Новне Велесннъ. (Нованъ сѣ ннъ днъ д. ф. посуржа газеткнъ)			7

Мартъ	81	Зленковъ маѣионеркою Соборна
11		при Св. Синода маѣионеркою.

РГИА. Ф. 796. Алфавит № 218. Л. 561.

РГИА. Ф. 796. Алфавит № 218. Л. 5 об.

РГИА. Ф. 796. Алфавит № 218. Л. 561.

РГИА Н. С. Крыловым подготовлено методическое пособие «Поиски персональных данных о православном духовенстве в фондах РГИА».

Происходит перевод описей в формат электронных баз данных. В настоящий период около 80 тысяч заголовков (описательных статей) внесено в электронный каталог и поиск их возможен на сайте РГИА. Данная работа продолжается.

Многие из документов фонда Канцелярии Синода уже введены в научный оборот, но использование инструментария архивного поиска и знание особенностей НСА фонда Канцелярии Синода позволит расширить круг источников для изучения истории Русской Православной Церкви синодального периода и Российской империи.

Источники и литература

1. Здравомыслов К. Я. Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы. СПб.: Синод, тип., 1906. 61 с.
2. Кадсон И. З. Материалы по истории революционного движения в фондах синода // Археографический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977. С. 204–209.
3. Крылов Н. С. Из истории Синодального архива в XVIII в. // Отечественные архивы. 2014. № 4. С. 3–11.

4. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб., 1868–1914.
5. Павлова В. П., Вайнштейн А. Л. Делопроизводственный справочный аппарат центральных учреждений России XIX – начала XX века // Советские архивы. 1970. № 6. С. 86–92.
6. Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода 1865–1915. Ист. записка. Пг.: Синод. тип., 1915. 454 с.
7. РГИА. Ф. 796. Алфавит № 2.
8. РГИА. Ф. 796. Алфавит № 17.
9. РГИА. Ф. 796. Алфавит № 30.
10. РГИА. Ф. 796. Алфавит № 218.
11. РГИА. Русская православная церковь в первой четверти XX века: перечень / Сост. Полтавская И. В. Л.; СПб., 1990–1991.
12. Российский государственный исторический архив: путеводитель. СПб.: «Лики России», 2012. Т. 1: Фонды высших государственных учреждений. 240 с.
13. Старостин Е. В. Архив Святейшего Синода XVIII–XX вв. // Делопроизводство. 2008. № 3. С. 102–104.
14. Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде: путеводитель. Л., 1956. 607 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Священник Сергей Зяблицкий

**Старообрядчество Вологодской губернии
в XIX — начале XX вв.
(по материалам годовых епархиальных отчетов)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_171

Аннотация: В статье на основе годовых отчетов епархиальных архиереев в Св. Синод освещается положение старообрядчества в Вологодской губернии в XIX — начале XX вв. Представлен краткий статистический обзор численности и распределения старообрядцев по уездам Вологодской губернии. Обозначены основные старообрядческие толки, согласия и их процентное соотношение. Вместе с этим в статье рассмотрено изменение качества жизни и деятельность старообрядцев в Вологодской губернии после подписания императорского указа «Об укреплении начал веротерпимости», взаимоотношения с властями и духовенством Православной Церкви.

Ключевые слова: старообрядчество на Русском Севере, Вологодская губерния, указ о веротерпимости, пропаганда старообрядчества, врачевание раскола.

Об авторе: **Священник Сергей (Остап) Николаевич Зяблицкий**

Магистр богословия, аспирант Санкт-Петербургской Духовной Академии, старший преподаватель кафедры библейско-богословских дисциплин Вологодской духовной семинарии.

E-mail: priest.sergy@gmail.com.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3376-0087>

Ссылка на статью: Зяблицкий С., свящ. Старообрядчество Вологодской губернии в XIX — начале XX вв. (по материалам годовых епархиальных отчетов) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 171–177.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Priest Sergy Zyablitsky

**The Old-Believers of the Vologda Province
in the 19th and early 20th Centuries**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_171

Abstract: The article highlights the Old Believers' status in the Vologda Province in the 19th and early 20th centuries (on the basis of the annual reports from the diocesan bishops to the Holy Synod). A brief statistical overview of the number and distribution of Old Believers in the districts of the Vologda province is presented. The main views, concordances and percentage ratio of Old Believers are indicated in the article. At the same time, the change in the Old Believers' quality of life and their activity in the Vologda Province after the signing of the Imperial Decree "On Strengthening the Principles of Religious Tolerance", and Old Believers' relations with the authorities and the clergy of the Orthodox Church are studied.

Keywords: Old Believers in the Russian North, Vologda Province, decree on religious tolerance, propaganda of Old Believers, healing of schism.

About the author: **Priest Sergy (Ostap) Nikolayevich Zyablitsky**

Master of Theology, Postgraduate Student at St. Petersburg Theological Academy, Senior Lecturer at the Department of Biblical and Theological Disciplines at Vologda Theological Seminary.

E-mail: priest.sergy@gmail.com.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3376-0087>

Article link: Zyablitsky S., priest. The Old-Believers of the Vologda Province in the 19th and early 20th Centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 171–177.

Раскол в Вологодском крае появился вместе с возникновением его в Русской Церкви, что является одной из причин устойчивости и жизненности его в приделах епархии. Первым носителем раскола в Вологодском уезде был протопоп Иван Неронов, уроженец Спаса на Лому Пошехонского уезда. Неронов неоднократно находился в ссылках в вологодских монастырях. Сначала в Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере, близ которого в селе Новленском, он насадил первый раскол, затем он был определен под строгий надзор в Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь¹. Между своим первым и вторым заточением Иван Неронов отпросился у патриарха Никона на жительство в Спасо-Ломскую пустынь. В этот семилетний период он свободно посещал Вологду и близлежащие города. Своими письмами и устными беседами он приобрел многих последователей, в том числе, например, игумена Феоктиста из Златоустовского Московского монастыря, с которым неоднократно встречался.

Еще один центр распространения раскола появился на Северной Двине. Возник он благодаря личности протопопа Аввакума, которого spravляли по реке Сухоне в место ссылки в г. Мезень. Укрепился раскол в северных землях после продолжительного бунта братии Соловецкого монастыря, которые стали в оппозицию «никонианским новшествам»². В течение последующего времени, вплоть до начала XX в., раскол на территории Русского Севера получал широкое развитие и распространение.

Специфика Вологодской губернии такова, что в северных уездах приходы отдалены от деревень, что служило немаловажной причиной отчуждения народа от Церкви и того, что раскол трудно поддавался уврачеванию со стороны Церкви³. Таким образом, к началу XX в. старообрядчество различных толков проникло во все десять уездов Вологодской губернии, в некоторых уездах количество раскольников исчислялось единицами, в других — сотнями и тысячами: в каждом уезде была определенная центральная местность, где раскол имел свое главное средоточие. Так в начале XX в. наибольшее число старообрядцев находилось в Сольвычегодском и Устьсысольском, Грязовецком, Кадниковском, Вологодском уездах. Старообрядцы в Вологодской губернии по преимуществу принадлежали к беспоповскому согласию: филипповскому (55%), федосеевскому (11%), нетовскому (5%), новоспасовскому (5%), поморскому (1%), странеческому (2%). Еще одним направлением старообрядчества можно выделить брачные толки: аароновская (брачная) (5%) и даниловская (полубрачная) (16%). Поповцы появились достаточно поздно в конце XIX в. К ним принадлежал лишь один приход Кадниковского уезда — белокринницкого согласия⁴. Местами встречались последователи мелких толков кузьминовщины, крупкинщины, правяков и левяков (менее 1%).

Согласно статистическим данным из годовых отчетов епархиальных архиереев в Св. Синод с 1861 по 1900 гг., в рассматриваемые временные рамки общая тенденция указывает на увеличение числа старообрядцев, а в период с 1900 по 1915 гг. — на уменьшение «естественным путем от постигшей раскольников смерти, так как по большей части люди, находившиеся в расколе старых лет»⁵. Исключением является 1902 и 1910 гг., когда произошло значительное увеличение числа старообрядцев в Летском приходе Устьсысольского уезда, по причине переезда старообрядцев из Вятской губернии⁶. Ежегодно число старообрядцев увеличилось путем уклонения от Православия в среднем на 40 человек. В Православии из старообрядцев ежегодно переходило 14–15 человек.

В начале XX в. в отчетах епархиальных архиереев в Синод отмечался умеренный характер и скрытный образ жизни старообрядцев. К местным властям и духовенству

¹ Зеньковский С. А. Русское Старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. М. «Церковь», 1995. С. 214.

² Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII веке. Кострома, 1889. С. 255.

³ РГИА Ф. 796. Оп. 442. Д. 2323. Л. 43 об.

⁴ Там же. Л. 43.

⁵ РГИА Ф. 796. Оп. 442. Д. 461. Л. 42.

⁶ РГИА Ф. 796. Оп. 442. Д. 2379. Л. 41.

приверженцы старой веры сохраняли надлежащее отношение, но избегали общения с православными священниками.

Для ослабления и искоренения раскола на территории Вологодской епархии духовное начальство предпринимало различные меры. Во-первых, в 1861 г. были учреждены при церквях особые училища для обучения детей из старообрядческих семей. Данная мера не была эффективной, т.к. старообрядцы неохотно и мало отдавали своих детей для обучения православным священникам, но в отдельных случаях епархиальным миссионерам удавалось «завербовать» некоторых членов старообрядческих общин.

Во-вторых, в епархии были учреждены особые благочинные. Всего их было восемь, в уездах: по два в Вологодском, Грязовецком и Сольвычегодском, по одному в Кадниковском и Тотемском. Их деятельность заключалась в посещении тех приходов, в которых имелись единомышленники старообрядцев, в ведении именных списков раскольников и присоединившихся к Православию. Каждые полгода благочинные представляли епархиальному начальству сведения о состоянии раскола⁷.

В-третьих, в Вологодском уезде с 1863 г. действовала единоверческая церковь в Никольском храме в Домшинском погосте. Церковная власть лояльно относилась к старообрядцам, перешедшим в единоверие. Так, из Вологодского архиерейского дома были выделены старопечатные книги, а также по просьбе общины был рукоположен на священническое место Петр Степанов⁸.

В-четвертых, в 1885 г. было открыто Вологодское епархиальное православное братство во имя всемирнолюбивого Спаса, а в 1896 г. Великоустюжское Стефано-Прокопьевское братство. Главный аспект деятельности братств был направлен на обращение раскольников и «колеблющихся» к истинной Церкви. Миссия состояла из трех епархиальных, двадцати трех окружных миссионеров и трех миссионеров-сотрудников. В местах проживания раскольников братства содействовали учреждению школ, церквей, противораскольнических библиотек. Однако, как показывает статистика, успехи братств были незначительны. Количество людей, перешедших из раскола в православную Церковь, исчислялось единицами. В то же время особую ценность представляет собранный миссионерами материал по истории раскола в Вологодском крае, для чего в 1899 г. была учреждена особая комиссия⁹.

Положение старообрядцев изменилось 17 апреля 1905 г., после издания императором Николаем II указа «Об укреплении начал веротерпимости», в связи с чем многие тайные старообрядцы, которые формально числились в Православной Церкви, открыто заявили о своей принадлежности старой вере¹⁰. В глухих деревнях губернии предводители беспоповцев распространяли молву о том, что царь якобы перешел в старую веру, приняв ее за истинную, что вводило в соблазн доверчивое население. С этого времени в недрах раскола началась усиленная, оживленная организационная работа. Епархиальные миссионеры свидетельствовали от том, что предводители старообрядческих групп в своих действиях проявляли необычайную энергию и употребляли все возможные силы к тому, чтобы данную религиозную свободу использовать в наибольшей степени в интересах своих обществ. После Манифеста от 17 октября 1906 г. «О старообрядческих общинах», последние стали массово регистрироваться.

До принятия этих законов у старообрядцев в Вологодской епархии существовало около 70 моленных, построенных без разрешения правительства. После издания манифеста их количество стало заметно расти — как правило, одним помещением для молитвы не ограничивались, строили целые комплексы, включающие в себя колокольни, богадельни и школы¹¹. Храмы и часовни стали украшаться куполами, паникадилами, дорогой утварью. Новые храмы и моленные были построены г. Вологде,

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 461. Л. 42 об.–44.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 44. Л. 15 об.

⁹ К истории раскола в г. Вологде в первой половине XVIII века // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 4. С. 73.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2080. Л. 21 об.

¹¹ Там же. Л. 23.

Год	Количество старообрядцев			Обращено в православие		Умерло	Ушло в раскол	
	Всего	Муж	Жен	Муж	Жен		муж	жен
1914	▲7096	2580	4516	-	-	-	-	-
1913	▼7059	2560	4499	-	-	-	-	-
1912	▼7149	2573	4576	8	4	-	29	54
1911	▲7154	2571	4583	6	19	-	62	76
1910	▼7007	2470	4537	6	12	-	26	37
1909	▲7090	2479	4611	8	17	173	27	79
1908	▼6927	2398	4529	7	25	210	-	-
1907	▼7068	2478	4590	9	19	163	24	26
1906	▼7197	2505	4692	30		260	70	
1905	▲7417	2003	4814	30		260	70	
1904	▼7410	2545	4865	14	24	225	115	89
1903	▼7340	2543	4797	-		-	-	
1902	▼7465	2625	4840	-		250	45	
1901	▼7597	2665	4932	35		97	-	-
1900	▲7678	2728	4950	30		57	-	-
1873	▼4955	1592	3363	6	3	-	27	34
1872	▼5048	1634	3414	8	12	119	27	30
1871	▲5187	1656	3531	6	12	93	-	-
1869 ²⁰	▲5000	-	-	8	16	-	28	
1863 ²¹	▼4023	1309	2714	5	4	-	-	-
1861 ²²	▲4345	1381	2964	9	17	-	-	-

Численность старообрядцев в Вологодской губернии
(по материалам годовых епархиальных отчетов)

в Д. Черевкове, в с. Новленском Вологодского уезда, в Кивокурском приходе Сольвычегодского уезда, в Верховском приходе в Кокшеньеге, Д. Подъельной Кадниковского уезда, в Михайло-Архангельском Больше-Ельминском приходе Вологодского уезда и др. Освящение храмов проходило особо торжественно, на мероприятиях, как правило, присутствовали гости из Вологды, Ярославля и даже Москвы»¹².

В Вологодской епархии старообрядцы-иноки не имели своих монастырей. С появлением возможности наряду с моленными стали устраиваться и монастыри. Так в с. Черевкове на Северной Двине на месте, где в 1690 г.¹³ произошло самосожжение 300 приверженцев старой веры, старообрядцы открыли Филипповский монастырь¹⁴. Странники в д. Пронино также открыли «женскую обитель, в которой было очень много приезжих певчих, и народ ходил слушать пение»¹⁵.

Согласно отчету Кокшенгского окружного миссионера «успешность дел (старообрядцев. — С. 3.) объясняется тем, что главными их двигателями являются 100 рублёвые

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2323. Л. 45 об.

¹³ Щипин В. И. Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины. М.: Лабиринт, 2003. С. IV.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2080. Л. 24.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2323. Л. 47 об.

билеты, изобильно высылаемые московскими раскольниками»¹⁶. Материальный достаток нередко становился условием уклонения в раскол «бедных, стариков и бездомных». Для этого повсеместно открывались богадельни, причем средства на их содержание доставлялись местными раскольниками, а также из Москвы и других центров русского раскола. Благотворительность между раскольниками была очень развита. Были даже люди, специально заведующие раздачей милостыни. Так, в с. Новленском Вологодского уезда проживал Стефан Николаевич Колесов, как его описывает епархиальный миссионер, «человек, исколесивший всю Россию, знавший лично всех благодетелей раскола. Большею часть года ездил по благотворителям, собирая крупные жертвы на дела местного раскола. Его всегда можно увидеть не иначе, как с большим ручным саквояжем, наполненным сребрениками, около которого, как вороны около мешков зерном, вьются одетые свои традиционные костюмы всех возрастов старoverы и старoverки. Посему неудивительно, что были случаи уклонения в раскол с целью наживы, например и в настоящий голодный год»¹⁷.

Огромным авторитетом в среде старообрядцев пользовались наставники и начетчики. Это были люди весьма грамотные, начитанные, рьяно выступавшие с апологией своей веры. Местные старoverы относились к своим «духовным отцам» с большим почтением и всегда защищали их, намеренно скрывая от православных их недостатки. Каждый начетчик имел свой небольшой округ — одну-две деревни, в пределах которого им совершалось богослужение и исполнялись необходимые старообрядцам требы. Отметим, что при собеседованиях с приезжавшими миссионерами старообрядцы в присутствии своих начетчиков теряли всякую самостоятельность. Вызвать их в это время на рассуждения было очень трудно. Полностью полагаясь на знания и опыт своих духовных наставников, старoverы отдавали последним право вести спор с таким сильным соперником, как миссионер. Этот незначительный сам по себе факт является убедительным доказательством большого влияния начетчиков на своих единоверцев.

К началу XX в. «отцы» старообрядческих общин утратили свой авторитет среди паствы по причине «скудных знаний веры и авторитетных для раскольников книг». Зачастую старообрядческие общины практически прекращали свое существование после смерти наставника, не имея в своей среде грамотных и начитанных. В результате стали пользоваться популярностью странствующие начетчики из других губерний. Чаще всего их приглашали тогда, когда в деревню приезжал епархиальный миссионер или когда кто-либо из богатых членов общины склонялся к переходу в Православие¹⁸.

В частности, деятельная пропаганда велась в приходах Удорского края Яренского уезда наставником Прохором. «Бегуны довольно часто устраивают службы, охотно посещаемые многими и православными жителями деревень ... по окончании службы Прохор всегда выступает со своей антиправославной проповедью. <...> Так он предлагал своей племяннице Ксении Фёдоровой, нашей миссионерской сотруднице 120 руб. годового вознаграждения, если бы это пожелала перейти в странничество. Но не смутили обещание денег познавшей через Вятскую миссионерскую школу истинного Православия»¹⁹.

Епархиальное начальство реагировало на изменения во взаимоотношениях с предводителями старообрядчества: «Старообрядчество и ныне по отношению к православной церкви занимает воинствующее положение. Оно теперь далеко от мира и единения с ним, только изыскивать новые и уже более утончённые способы борьбы с православием»²⁰. Вместе с этим начетчики выступали с обличением иных старообрядческих толков с целью увеличения числа своих сторонников. В результате среди

¹⁶ Там же. Л. 45 об.

¹⁷ Там же. Л. 44 об.—45.

¹⁸ Отчет о состоянии раскола в Вологодской епархии в 1903 году // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 5. С. 120.

¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2323. Л. 47.

²⁰ Там же. Л. 46.

общин существовала многолетняя вражда и неприязнь друг к другу. Так, в 1903 г. в Верховском приходе на Кокшеньге представители филипповского и федосеевского согласия собрали собор с целью примириться и объединиться, но, не достигнув согласия, разошлись врагами²¹.

Либеральное отношение со стороны власти к старообрядцам благоприятно сказалось на развитии старообрядчества в Вологодской губернии. Старообрядцы вели активную хозяйственную деятельность, открывали собственные мануфактурные производства, строили храмы колоколни, часовни, духовные школы. У них появилась возможность открыто проповедовать свое учение. Конечно, не все толки старообрядцев с радостью приняли новый закон. Так, представители странничества считали, что закон подорвет основы их скрытного, угнетенного образа жизни, и они потеряют симпатии русского народа. «Та вера истинная, — говорили странники, — которая гонима»²². Вместе с тем никто из старообрядцев не смог в полной мере исполнить обязанностей по ведению метрических книг по регистрации рождений, смертей и браков²³.

Миссионерские братства, епархиальные и окружные миссионеры Вологодской епархии принимали достаточные усилия по противодействию распространению раскола, в связи с чем после дарования свободы старообрядцам их число уже не увеличилось, а наоборот, уменьшалось. В отчете о поездке Вологодский епархиальный миссионер отмечал: «Православные стали осмотрительнее и не так доверчиво относиться к расколоучителям. Молодое поколение не следует заветам старины, а старая идёт на убыль. Старая вера уже не пользуется этим покровительством, тем доверием среди местного населения, какое она имела лет пять тому назад. <...> как видно старообрядчество в жизни народной по местам начинает входить несколько на задний план»²⁴.

Источники и литература

1. *Зеньковский С. А.* Русское Старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. М.: «Церковь», 1995.
2. К истории раскола в г. Вологде в первой половине XVIII века. Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 4. С. 73–77.
3. Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1861 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 44.
4. Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1862 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 87.
5. Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1869 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 311.
6. Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1872 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 461.
7. Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1905 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2080.
8. Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1909 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2323.
9. Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1910 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2379.
10. Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1912 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2508.
11. Отчет о состоянии раскола в Вологодской епархии в 1903 году // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 5. С. 116–123.
12. *Сырцов И. Я.* Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII веке. Кострома, 1889.
13. *Щипин В. И.* Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины. М.: Лабиринт, 2003.

²¹ Отчет о состоянии раскола в Вологодской епархии в 1903 году // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 5. С. 123.

²² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2323. Л. 22.

²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2080. Л. 24.

²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2508. Л. 39.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Иеромонах Иоанн (Лудищев)

**Духовно-просветительская деятельность
Московского Сретенского монастыря
при архимандрите Серафиме (Богоявленском)
(1884–1890)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_178

Аннотация: В статье рассматривается духовно-просветительская деятельность настоятеля Московского Сретенского монастыря архимандрита Серафима (Богоявленского). Во второй половине 80-х гг. XIX в. по инициативе отца Серафима в монастыре по воскресным дням с народом проводились собеседования, кроме того, была введена практика всенародного церковного пения. Все это привлекало в обитель сотни прихожан. Архимандрит Серафим, будучи еще настоятелем Воскресенской церкви при Екатерининском богадельном доме, считался основателем практики всенародного пения, которая должна была оживить приходскую жизнь. На рубеже XIX–XX вв. общенародное пение считалось одним из самых эффективных средств борьбы с распространявшимся и набиравшим силу — особенно после принятия Манифеста о веротерпимости в 1905 г. — сектантством. Статья написана с привлечением как неопубликованных, так и опубликованных на страницах московской периодической печати источников.

Ключевые слова: архимандрит Серафим (Богоявленский), генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков, Московский Сретенский монастырь, Екатерининский богадельный дом, Балаклавский Георгиевский монастырь, «Московские епархиальные ведомости», общенародное церковное пение, собеседования с народом, духовно-просветительская деятельность.

Об авторе: **Иеромонах Иоанн (Лудищев Дмитрий Владимирович)**

Наместник Московского Сретенского монастыря, проректор по воспитательной работе Московской Сретенской духовной академии.

E-mail: seminary@pravoslavie.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7568-6236>

Ссылка на статью: Иоанн (Лудищев), иером. Духовно-просветительская деятельность Московского Сретенского монастыря при архимандрите Серафиме (Богоявленском) (1884–1890) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 178–185.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Hieromonk John (Ludishev)

**Spiritual and Educational Activities
of the Moscow Sretensky Monastery
under Archimandrite Seraphim (Bogoyavlensky)
(1884–1890)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_178

Abstract: The article examines the spiritual and educational activities of the rector of the Moscow's Sretensky Monastery, Archimandrite Seraphim (Bogoyavlensky). In the second half of the 1880s, on the initiative of Fr. Seraphim, spiritual discussions were held with the people in the monastery on Sundays, in addition, the practice of congregational church singing was introduced. All this attracted hundreds of parishioners to the monastery. Archimandrite Seraphim, while still rector of the Church of the Resurrection at the Catherine's Almshouse, was considered the founder of the practice of congregational singing, which was supposed to revive parish life. At the turn of the 19th / 20th centuries congregational singing was considered one of the most effective means of combating the spread and strengthening – especially after the adoption of the Manifesto on Religious Tolerance in 1905 – of sectarianism. The article was written with the involvement of both unpublished and published sources in the pages of the Moscow periodicals.

Keywords: Archimandrite Seraphim (Bogoyavlensky), Governor-General Prince V. A. Dolgorukov, Moscow Sretensky Monastery, Catherine's Almshouse, Balaklava St. George Monastery, *Moskovskie Eparkhialnye Vedomosti*, congregational church singing, spiritual and educational activities.

About the author: **Hieromonk John (Ludishev Dmitry Vladimirovich)**

Viceroy of the Moscow Sretensky Monastery, Vice-Rector for Educational Work of the Moscow Sretensky Theological Academy.

E-mail: seminary@pravoslavie.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7568-6236>

Article link: John (Ludishev), hieromonk. Spiritual and Educational Activities of the Moscow Sretensky Monastery under Archimandrite Seraphim (Bogoyavlensky) (1884–1890). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 178–185.

* Photos are taken from open sources.

Архимандрит
Серафим (Богоявленский)

Духовно-просветительская деятельность Русской Церкви в последней трети XIX в. проявлялась в том числе и через организацию и проведение различных внебогослужебных образовательных чтений для народа. Начало было положено, разумеется, в столицах, где инициаторами и организаторами в разное время выступали различные общества и братства. В Москве, например, эту деятельность довольно активно осуществляло Общество любителей духовного просвещения¹. В Петербурге своеобразным лидером в этом направлении стало Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви². В дальнейшем, безусловно, на этом поприще трудились всевозможные монастырские и приходские братства³. С одной стороны, общества и братства действительно были довольно серьезными учреждениями, однако и они не могли охватить своей деятельностью все столичные приходы. С другой стороны, благотворная деятельность указанных учреждений не могла не вдохновить тех

или иных священнослужителей, которые готовы были уделять свое время на подготовку и проведение различного рода просветительских мероприятий. Одним из таких священнослужителей и был архимандрит Серафим (Богоявленский).

Архимандрит Серафим, в миру Дмитрий Григорьевич Богоявленский, был выпускником Владимирской духовной семинарии 1846 г. В 1848 г. был рукоположен в иерейский сан и определен младшим священником в Суздальский пехотный полк, в 1852 г. утвержден старшим священником. В 1853 г. был назначен благочинным над духовенством резервных бригад 5-й и 6-й пехотных дивизий. С 1854 г. стал законоучителем во 2-м учебном Стрелковом полку. В 1859 г. последовало его назначение в Московское училище военного ведомства. В 1868 г. он был переведен из духовного военного в Московское епархиальное ведомство. С 1870 г. служил в Московском Вознесенском монастыре, а в следующем, 1871 г., был назначен священником Воскресенской церкви при Императорском Екатерининском богадельном доме (Матросская богадельня), где прослужил 13 лет. Монашеский постриг принял в 1884 г. в Московском Богоявленском монастыре. Настоятелем Московского Сретенского монастыря с возведением в сан архимандрита был назначен 21 февраля 1884 г.⁴

Таким образом, в Сретенский монастырь отец Серафим пришел, уже будучи опытным священнослужителем и церковно-общественным деятелем. Он знал и понимал, как именно лучше всего стоит проводить собеседования с простым народом. На своем личном опыте отец Серафим убедился в том, что русский народ, с одной стороны, зачастую несведущ в вопросах веры. С другой стороны, нельзя сказать,

¹ См.: Копылова Е. А. Духовное просвещение в России в период середины XIX – начала XX в. на примере Общества любителей духовного просвещения: тенденции и основные аспекты // Гуманитарное пространство. 2017. № 3. № С. 544–549.

² См.: Тарасов И. А., свящ. История учреждения в Петербурге Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 164–174.

³ См.: Введенский В. Православные церковные братства, 1864 г. 8 мая – 1914 г. // Прибавления к церковным ведомостям. 1914. № 20. С. 906–907.

⁴ ЦИАМ. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 272. Л. 1–20.

что русский человек не способен «ни к какому умственному и нравственному просвещению». Наоборот, он жаждет знаний и готов к просвещению в духе Православия. Так, отец Серафим на основании своего многолетнего опыта утверждал: «Ко мне на беседы в Матросскую богадельню народ собирался тысячами и, бывало ждет не дождется воскресного дня, в который происходили беседы»⁵.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в скором времени после назначения на должность настоятеля Сретенского монастыря архимандрит Серафим решил проводить беседы и на новом месте своего служения. Об этой деятельности сохранились некоторые сведения на страницах «Московских церковных ведомостей». Благодаря имеющимся материалам можно точно установить, что первое собеседование, организованное и проведенное по инициативе отца Серафима в Сретенском монастыре, состоялось 7 октября 1884 г. Примечательно, что предметом первой беседы стало учение Господа Иисуса Христа, изложенное Им в Нагорной проповеди: «Это учение было раскрыто не все в совокупности и не во всех подробностях, как изложено у евангелиста Матфея, а были взяты из него лишь некоторые части, на которые и было предложено объяснение. Так, было рассмотрено учение Христова о гневе на брата своего, учение о седьмой заповеди, о клятве, о любви ко врагам и благотворении ненавидящих нас, о милостыне, посте, молитве, о житейских попечениях и об осуждении ближних наших»⁶.

Первая беседа, которая прошла довольно оживленно, продолжалась более часа. Далее архимандрит Серафим планировал проводить беседы по воскресным дням, и надо полагать, что это и было исполнено, хотя никаких сведений об этих собеседованиях за 1884 г. на страницах «Московских епархиальных ведомостей» больше не публиковалось. Современниками эти чтения были восприняты с большим воодушевлением. Автор одной из публикаций, некий Д. Ромашков, писал: «С радостью и благодарностью встречаем мы открытие духовных собеседований с народом достопочтенного о. архимандрита Серафима и молитвенно желаем им полного успеха. Эти собеседования, по нашему мнению, нужны в настоящее время не для одного только простого народа, действительно еще во многом темного и невежественного, но они нужны и полезны и для многих из образованных, которые при всем богатстве и разнообразии умственного просвещения, едва ли могут похвалиться полным и отчетливым знанием из области духовно-нравственной жизни»⁷.

Беседы, проводимые отцом Серафимом, притягивали все больше и больше людей. В следующем, 1885 г. эти беседы как минимум дважды посещал московский генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруков, причем визиты пришлись на первые недели Великого поста — 10 и 17 февраля. Градоначальник оба раза приезжал к началу бесед в два часа дня и присутствовал вплоть до их окончания в четыре часа. Безусловно, данные визиты подчеркивали как важность бесед, так и авторитет, и особую значимость для города деятельности настоятеля Сретенского монастыря⁸.

Одновременно с беседами отец Серафим в 1885 г. стал вводить в Сретенском монастыре практику общенародного церковного пения. Примечательно, что именно он считался в Москве основоположником этой традиции⁹. Будучи еще протоиереем, отец Серафим ввел эту практику в Матросской богадельне. После этого практика всенародного пения получила распространение как в храмах Москвы, так и в других городах России. Введение всенародного пения показало, что эта практика привлекает

⁵ Р[омашков] Д. Открытие собеседований в Сретенском монастыре // Московские церковные ведомости. 1884. № 42. С. 550.

⁶ Там же. С. 549–550.

⁷ Там же. С. 550.

⁸ Беседа в Сретенском монастыре // Московские церковные ведомости. 1885. № 8. С. 142; Беседа в Сретенском монастыре // Московские церковные ведомости. 1885. № 9. С. 161.

⁹ Ромашков Д. 25-е марта в Сретенском монастыре и нечто о всенародном пении в церкви // Московские церковные ведомости. 1886. № 14. С. 219.

большее количество верующих, которым нравится участвовать в совместном совершении богослужения, и они начинают с еще большим вниманием относиться к содержанию молитв, а значит, и к вероучению в целом.

В начале XX в. практика всенародного церковного пения также воспринималась в качестве одной из самых эффективных мер в деле борьбы с распространявшимся сектантством. Так, московский священник Н. Смирнов в 1912 г. писал по этому поводу: «Общенародная молитва сектантов, их обычай молиться всякому верующему своими устами, своим сердцем — большой соблазн для православных и главная причина увлечения сектантскими бреднями. Поэтому в тех приходах, где появилось сектантство, общенародное пение за богослужением является прямо необходимым, и на развитие его должно обратить особенное внимание»¹⁰. Правда, у этой практики были и серьезные противники, особенно среди профессиональных музыкантов. Один из таких критиков выражался довольно откровенно и недоброжелательно: «Какое недоразумение, рядом с прекрасным материальным миром, допускается в храме дикий народный вопль, подобие сектантскому, растрavляющему нервы, до болезни, приводящему в иступления и грубый фанатизм. Современное музыкальное ухо ведь не может безболезненно выносить нестройного рева нескольких сот мужиков, кто в лес, кто по дрова. <...> Но почему уступка вкусу серого мужика должна произойти только в области одного искусства — музыки, а не других? <...> Начать бы с отрицания прекрасной церковной архитектуры и предложить всенародное зодчество, оставить храмы пустыми, а богослужение совершать в деревянных помещениях, построенных по планам мужиков. Коли усердствовать в направлении всенародного духа, то следует проводить его во всех отраслях церковного искусства, уничтожить дорогие парчовые ризы и заменить их тканьем деревенских баб, образа кисти Рафаэля и Васнецова заменить всенародной Суздальской живописью, или же мазком кузнеца Вакулы, а вслед затем изгнать композиции Бортнянского и Чайковского...»¹¹ Несмотря на чрезмерную эмоциональность и осуждение такой практики в последнем суждении, в данном случае можно лишь констатировать, что вопрос о всенародном пении действительно является непростым, как это может показаться на первый взгляд, и нуждается во внимательном рассмотрении и изучении.

Что же касается общенародного пения в Сретенском монастыре, то начало было положено, судя по всему, 3 февраля 1885 г., а дальше эта практика не только была продолжена, но и получила широкое распространение. Однако очень важно отметить и подчеркнуть, что на начальном этапе народное пение практиковалось во время бесед (можно сказать, что это были своего рода спевки). И только через некоторое время, после серьезной и обстоятельной подготовки, обычной народного пения Божественных литургий был введен в Сретенском монастыре. Так, в сентябре 1886 г., после возобновления собеседований, которые на летнее время прерывались, было принято решение чередовать беседы и народное пение литургий: «В настоящем году отец архимандрит Серафим распределяет свои занятия так: в первое воскресенье 21 сентября будет духовно-нравственное собеседование, а в следующее за сим воскресенье, под руководством и управлением о. архимандрита будет петь в соборном монастырском храме позднюю литургию весь народ собравшийся на богослужении, и в этот день собеседования уже не будет. Так в продолжение года и будет чередоваться в одно воскресенье собеседование, а в другое — всенародное пение Божественной литургии»¹².

Эта практика всенародного пения литургии, бывшая для столицы в определенной степени явлением новым и малораспространенным, привлекала в монастырь сотни,

¹⁰ Смирнов Н., *свящ.* Общецерковное пение, как средство для возрождения прихода // Московские церковные ведомости. 1912. № 45. С. 992.

¹¹ Компанейский Н. Увлечение пением сектантов // Русская музыкальная газета. 1908. № 10. Стлб. 233; № 12. Стлб. 297.

¹² Возобновление духовно-нравственных бесед и всенародного пения // Московские церковные ведомости. 1886. № 38. С. 564.

если не тысячи богомольцев. Так, согласно материалам «Московских церковных ведомостей», 25 марта 1886 г. «обширный храм Владимирской Божией Матери был буквально переполнен народом, стекшимся со всех краев столицы, чтобы участвовать в общем всенародном пении. Не только храм и паперть, но даже церковный двор сплошь были заняты многочисленным народом»¹³. Безусловно, всенародное пение с участием тысячи человек не могло не производить впечатления как на самих участников богослужения, так и на случайных свидетелей этого действия. Все тот же Д. Ромашков, не сдерживая эмоций по поводу увиденного, отмечал: «Что-то величественное и торжественное, глубоко трогающее и потрясающее душу заключается в этом пении... Стройно, плавно, отчетливо пропеты были присутствовавшими в церкви все литургийные песнопения, из которых особенно хорошо были исполнены стихиры 6-го гласа на Господи возвах, с участием канонарха и вечерняя песнь “Свете тихий”». Пение последней песни было поистине, торжественной минутой... Но особенно громадное впечатление производило пение Херувимской песни, которое представляло величественную, потрясающую до глубины души картину. Признаться, подобного мы никогда ничего не слышали. Это было не пение только, простое и задушевное, а в то же время и молитва, искренняя, горячая молитва, исходящая из глубины сердец тысячи верующих христиан»¹⁴.

К сожалению, ухудшившееся состояние здоровья не позволило отцу Серафиму развить свою активную просветительскую деятельность. В 1887 г. он даже был вынужден вовсе прекратить духовно-нравственные собеседования и пение, хотя по многочисленным и настойчивым просьбам прихожан время от времени возобновлял эту деятельность. Так, например, Великом постом в 1888 г. отец Серафим в течение трех воскресных дней совершал литургии со всенародным пением¹⁵.

В начале 1890 г. архимандрит Серафим был переведен на должность настоятеля Балаклавского Георгиевского монастыря в Крыму. Совершенно очевидно, что это назначение был связано с ухудшением самочувствия настоятеля Сретенской обители. Как известно, в синодальный период тех или иных иерархов и клириков иногда переводили для поправки здоровья на юг. К сожалению, в августе того же 1890 г. архимандрит Серафим скончался. Похороны проходили в Москве в Симоновом монастыре. Примечательно, что епископ Дмитровский Виссарион (Нечаев), совершавший заупокойную литургию, в своем слове обратил внимание именно на тот факт, что по инициативе почившего в Москве проводились собеседования с народом и было учреждено всенародное церковное пение¹⁶.

Важно отметить, что собеседования в Сретенском монастыре в 1880-х гг. были одним из ярких примеров просветительской деятельности Русской Церкви, которой именно в это время занимались многие московские обители и простые приходские храмы. Не везде собиралось одинаково большое количество народа, однако не это было важно. Значима была сама систематическая работа с населением, которое проживало рядом с тем или иным храмом. И эта работа велась. Так, «Московские церковные ведомости» сообщали, что, например, весной 1886 г. различного рода собеседования с народом проводились в Московском Богоявленском, Николо-Перервинском монастырях и на многочисленных приходах. Причем в Богоявленском монастыре на собеседования, которые проводил иеромонах Пантелеимон, слушателей собиралось до 300 человек¹⁷. В Перервинской обители собеседования в воскресные дни

¹³ Ромашков Д. 25-е марта в Сретенском монастыре и нечто о всенародном пении в церкви // Московские церковные ведомости. 1886. № 14. С. 218–219.

¹⁴ Там же. С. 219.

¹⁵ Иоанн (Лудицев), иером. Материалы к изучению истории Сретенского монастыря // Сретенский сборник. 2010. Вып. 2. С. 394.

¹⁶ Иоанн (Лудицев), иером. Архимандрит Серафим (Богоявленский) — настоятель Сретенского монастыря (1884–1890) // Традиции и современность. 2010. № 10. С. 178.

¹⁷ Собеседование с народом в Богоявленском монастыре // Московские церковные ведомости. 1886. № 14. С. 218.

по вечерам с шести до половины восьмого проводили местные иеромонахи Иаков и Сократ¹⁸. Репортеры главного московского церковного периодического издания, довольно подробно описывая внебогослужebные чтения в монастырях и приводя сведения о таких же чтениях в приходских храмах, ограничивались только фиксацией самого факта, что собеседования в них проходили, и проходили в разное время: «В каждый воскресный день в известных пунктах Москвы происходят очередные собеседования с народом в Московских приходских церквях. Время для собеседования назначено неодинаковое. Так в Петропавловской, на Якиманке, церкви беседа бывает от 11 часов утра; в Успенской на Остоженке, церкви — от 5 часов вечера; в Богоявленской, в Елохове, церкви — с 2 часов пополудни; в Успенской, в Кожевниках, церкви — от 3 до 5 часов вечера; в Николомокринской, на Варварке, церкви с 3 часов пополудни; в Воскресенской, в Таганке, церкви — с 11 часов утра; в Космодамианской, в Шубине, церкви — после вечерни; в Спасской, на Сретенке, церкви — после вечерни»¹⁹. Очевидно, что даже краткий рассказ о чтениях на приходах потребовал бы от редакции ведомостей посвятить этой теме если не весь номер, то довольно значительную его часть.

Все это свидетельствует об активной духовно-просветительской деятельности Русской Церкви в Москве в 1880-х годах, причем Сретенский монастырь в этом служении занимал, вне всякого сомнения, одно из центральных мест.

Источники и литература

1. Беседа в Сретенском монастыре // Московские церковные ведомости. 1885. № 8. С. 142.
2. Беседа в Сретенском монастыре // Московские церковные ведомости. 1885. № 9. С. 161.
3. *Введенский В.* Православные церковные братства, 1864 г. 8 мая — 1914 г. // Прибавления к церковным ведомостям. 1914. № 17. С. 794–798; № 18–19. С. 845–856; № 20. С. 903–913.
4. Возобновление духовно-нравственных бесед и всенародного пения // Московские церковные ведомости. 1886. № 38. С. 564.
5. *Иоанн (Лудищев), иером.* Архимандрит Серафим (Богоявленский) — настоятель Сретенского монастыря (1884–1890) // Традиции и современность. 2010. № 10. С. 172–189.
6. *Иоанн (Лудищев), иером.* Материалы к изучению истории Сретенского монастыря // Сретенский сборник. 2010. Вып. 2. С. 244–402.
7. *Компанейский Н.* Увлечение пением сектантов // Русская музыкальная газета. 1908. № 10. Стлб. 228–233; № 12. Стлб. 294–298.
8. *Копылова Е. А.* Духовное просвещение в России в период середины XIX — начала XX в. на примере Общества любителей духовного просвещения: тенденции и основные аспекты // Гуманитарное пространство. 2017. № 3. № 3. С. 544–549.
9. *Р[омашков] Д.* Открытие собеседований в Сретенском монастыре // Московские церковные ведомости. 1884. № 42. С. 549–550.
10. *Ромашков Д.* 25-е марта в Сретенском монастыре и нечто о всенародном пении в церкви // Московские церковные ведомости. 1886. № 14. С. 218–219.
11. *Смирнов Н., свящ.* Общецерковное пение, как средство для возрождения прихода // Московские церковные ведомости. 1912. № 45. С. 986–998.
12. Собеседование с народом в Богоявленском монастыре // Московские церковные ведомости. 1886. № 14. С. 218.
13. Собеседования с народом в Московских приходских церквях // Московские церковные ведомости. 1886. № 14. С. 218.

¹⁸ Собеседования с народом в Николо-Перервинском монастыре // Московские церковные ведомости. 1886. № 14. С. 218.

¹⁹ Собеседования с народом в Московских приходских церквях // Московские церковные ведомости. 1886. № 14. С. 218.

14. Собеседования с народом в Николо-Перервинском монастыре // Московские церковные ведомости. 1886. № 14. С. 218.
15. *Тарасов И. А., свящ.* История учреждения в Петербурге Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 164–174.
16. ЦИАМ. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 272. Ведомости Московского Сретенского монастыря о настоятеле. 1884–1889.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Священник Игорь Иванов

**Мария Эдинбургская (1875–1938),
внучка Александра II — королева Великой Румынии**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_186

Аннотация: Статья представляет собой расширенный текст доклада, прочитанного на II Научно-практической конференции «Империя и Церковь», проходившей 13–14 мая 2021 г. в Санкт-Петербургской духовной академии. В докладе дается краткий обзор жизни и деятельности Марии, королевы Румынской, а также рассматриваются особенности государственных и личных отношений между царской и королевской семьями. Особое внимание уделяется участию королевы Марии в политике и дипломатии начала XX в. При этом отмечается специфика формирования национальной румынской политики в контексте создания унитарного государства в условиях крушения Российской и Австро-Венгерской империй. Делаются выводы об уникальной исторической судьбе Румынии в межвоенный период.

Ключевые слова: Российская империя, император Николай II, королевство Румыния, Мария Эдинбургская, Великая Румыния, история XX века, история Румынии, Первая мировая война, протоиерей Думитру Станилое, монархизм.

Об авторе: **Священник Игорь Анатольевич Иванов**

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия, заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: igivan74@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>

Ссылка на статью: Иванов И., свящ. Мария Эдинбургская (1875–1938), внучка Александра II — королева Великой Румынии // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 186–195.

* Фотографии взяты из открытых источников и предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Priest Igor Ivanov

**Marie of Edinburgh (1875–1938),
Granddaughter of Alexander II – Queen of Greater Romania**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_186

Abstract: The article is the text of a report read at the II Scientific and Practical Conference “Empire and the Church”, held on May 12–13, 2021 at the St. Petersburg Theological Academy. The report provides a brief overview of the life and work of Marie, Queen of Romania, and also examines the features of state and personal relations between the imperial and royal families. Particular attention is paid to the participation of Queen Mary in politics and diplomacy at the beginning of the twentieth century. At the same time, noted is the specificity of the formation of the national Romanian policy in the context of the creation of a unitary state in the context of the collapse of the Russian and Austro-Hungarian empires. Made are conclusions about the unique historical destiny of Romania in the interwar period.

Keywords: Russian Empire, Emperor Nicholas II, Kingdom of Romania, Mary of Edinburgh, Greater Romania, history of the twentieth century, history of Romania, First World War, archpriest Dumitru Stăniloae, monarchism.

About the author: Priest Igor Anatolyevich Ivanov

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor Department of Theology, Head of the Department of Foreign Languages St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: igivan74@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>

Article link: Ivanov I., priest. Marie of Edinburgh (1875–1938), Granddaughter of Alexander II – Queen of Greater Romania. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 186–195.

* Photos are taken from open sources and provided by the author.

Мария Эдинбургская была яркой личностью в общественной и политической жизни Европы и Румынии в первой четверти XX в. Это было связано как с ее личными качествами и талантами¹, так и с той исторической эпохой, в которой она жила и действовала.

Родилась Мария Александра Виктория Эдинбургская 29 октября 1875 г. в семье Альфреда, герцога Эдинбургского и Саксен-Кобург-Готского (1844–1900), и великой княжны Марии Александровны (1853–1920). По отцу она была внучкой английской королевы Виктории, а по матери — российского императора Александра II. В детские и юношеские годы она часто посещала Россию, жила на Мальте и Кипре, получала образование в Кобурге.

Принцесса Мария Эдинбургская
и кронпринц Фердинанд Румынский,
1892 г.

В возрасте 18 лет Мария Эдинбургская вышла замуж за кронпринца Румынии Фердинанда Гогенцоллерн-Зигмарингена (1865–1927), племянника короля Румынии Кароля I (1839–1914). Свадьба состоялась 11 января 1893 г. в немецком замке Зигмаринген. Затем супруги проживали в Бухаресте, как и подбаивает наследникам румынской короны.

Сами эти факты уже говорят о том, что будущая королева Румынии соединила в себе влияние нескольких культур: английской, русской, немецкой, а впоследствии — и румынской. При этом последняя, наверное, повлияла на нее радикальным образом, о чем свидетельствуют такие слова Марии: «Эта страна стала моей — я пришла к этому через страдания и слезы; и любовь к ней сделалась моей религией»².

Чуткая религиозность³, вероятно, была свойственна Марии с детства при том, что она была крещена в англиканстве, прошла конфирмацию в лютеранстве, а в 1925 г. перешла в Православие.

В связи с этим можно привести пару фрагментов из ее детских воспоминаний о присутствии вместе с русскими родственниками на светской церемонии при исполнении «Боже, Царя храни!» и на церковной службе во время ее пребывания в России:

1) «Из всех национальных гимнов русский был самым торжественным, самым впечатляющим и убедительным; у меня перехватывало дыхание, когда я его слышала, казалось, что его звуки проникают в самую глубину сердца и охватывают всё твоё существо»⁴.

¹ Будучи сама одаренным художником и литератором, Мария вошла в историю также и как покровитель культуры и искусства.

² Эти строки из своей брошюры «От моего сердца к их сердцам» королева Мария приводит в своей книге «История моей жизни»: *Marie, Queen of Roumania. The Story of My Life*. New York, 1934. P. 589.

³ Есть сведения о том, что, начиная с 1923 г. королева Мария переписывалась с Шоги Эффенди, главой веры Бахаи, объясняя, в частности, поиск духовного умиротворения тем, что она была «опечалена постоянной борьбой между верующими многих конфессий и утомлена их нетерпимостью по отношению друг к другу». *Queen who embraced teachings is remembered in Romanian-language TV program / Bahá'ís of the United States // URL: <https://www.bahai.us/queen-who-embraced-teachings-is-remembered-in-romanian-language-tv-program/> (дата обращения: 30.06.2021).*

⁴ *Marie, Queen of Roumania. The Story of My Life...* P. 89.

Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская и Саксен-Кобург-Готская, с дочерьми и зятьями на коронационных торжествах в Москве, 1896 г.

2) «Как все они настроены, как преисполнены благочестия, как благоговейны! Бог для них — реальность; и чем бы ни были увенчаны их головы, они смиренно склоняются перед Его Величием.

Завеса алтаря отвергается, и священники спускаются по ступеням: темноволосые, русые или седые с блестящими бородами. Они великолепны! Их облачения из золота и серебра вытканы древними узорами, а украшенные драгоценными камнями кресты вспыхивают, как живые огни; их лица странным образом напоминают лики святых, которым они поклоняются — святителя Николая и апостолов Андрея и Иоанна...

Церковь полна благовоений, и у меня немного кружится голова; а от непривычки так долго стоять у меня начинают болеть ноги. Я ловлю взгляд мамы, она ободряюще улыбается мне, но прикладывает палец к губам: “Терпи!”. И я — будучи протестанткой — не должна опозорить ее; а она, снова повернувшись к священникам, восхищенная каким-то великим откровением, истово крестится»⁵.

В зрелом возрасте королева Мария сохранила живой молитвенный настрой, но с трудом выстаивала долгие церковные службы, говоря об этом так: «Я люблю православное богослужение, но считаю, что долгие стояния мало способствуют богопочитанию, поскольку нельзя же думать больше о ногах, нежели о Боге; и я никогда не могла сочувственно воспринимать бесконечно повторяемые молитвы; у меня было ощущение, что Всевышний испытывает от них нечто подобное. <...> Я люблю молиться своими молитвами и даже составила как-то „Молитву королевы“...»⁶

Что касается особых русско-румынских политических отношений с участием Марии Эдинбургской, то здесь стоит упомянуть несколько эпизодов: 1) участие в коронации в 1896 г.; 2) взаимные визиты в 1914 г. по поводу возможной помолвки венценосных наследников; 3) награждение от императора Николая II в 1916 г.

В 1896 г. принцесса Мария вместе со своим мужем присутствовала на коронации своих кузенов Николая Александровича и Александры Федоровны. С государем Николаем II у принцессы Марии установились теплые и доверительные отношения, сохранившиеся до конца жизни царя.

⁵ Ibid. P. 91.

⁶ Ibid. P. 498.

Встреча Российской Императорской Семьи с Румынским Королевским Семейством.
Павильон Королевы Марии в Констанце, 1 июня 1914 г.

Из воспоминаний принцессы Марии о визите в Москву видно, насколько внимательно отнесся Кароль I к подготовке румынской делегации: «Перед отъездом на эту важную церемонию дядя с особой тщательностью выбрал тех, кто должен был сопровождать нас; в основном это были офицеры, но король добавил в наш список некоего старого полковника, Георгия Росновану, который был известен своими русскими симпатиями. Он построил русскую церковь в своей молдавской деревне, любил царя и все, что имеет отношение к России, поэтому дядя любезно подумал о том, чтобы подарить этой восторженной старой душе радость от участия в коронации»⁷.

Интересно размышление Марии о молодом царе и его окружении во дни коронации: «Его глаза были добрыми, имели ласковое выражение, в нем было что-то нежное, а голос был низким и мягким. Несмотря на полное достоинство, он был все еще в тени гигантов поколения своих отца и деда. Но в те дни его семья была к нему абсолютно лояльна, они смотрели на него как на верховного главу, перед которым все кланялись без вопросов, несмотря на его молодость. Он был наделен мистической силой: он был Царем. Этого никто не забывал. Он был молод, женился на прекрасной принцессе, столь же молодой, и жизнь открывалась перед ним: много чистых страниц, на которых он мог писать историю»⁸.

Возможно, именно такие имперские впечатления о характере монархической власти повлияли на собственные решения и поступки королевы Марии в дальнейшем.

В марте 1914 г. король Кароль I с семьей посетил Санкт-Петербург, а в июне 1914 г. русская царская семья нанесла ответный визит в Констанцу, в частности, по поводу возможного брака между принцем Каролем и великой княжной Ольгой.

Вот что пишет о своем отношении по этому вопросу королева Мария в своих воспоминаниях: «Когда была предложена идея женитьбы нашего сына Кароля и Ольги, старшей дочери царя, я была скорее против, нежели за, потому что боялась, что гемофилия может передаться по женской линии мужскому потомству. Я знала, что бедная Аликс передала эту болезнь своему наследнику, и я не осмеливалась подвергнуть такому риску и свою семью. Я с радостью приняла бы одну из дочерей Ники, если

⁷ Ibid. P. 328.

⁸ Ibid. P. 329–330.

бы не это обстоятельство, поскольку, помимо уз привязанности, помолвка была очень лестным предложением, особенно с учетом того, что предложение было внесено с российской стороны. И когда нас попросили навестить Царское Село и привезти с собой сына, дядя и мы с мужем сочли неприличным отказать; к тому же мне всегда хотелось поехать в Россию»⁹.

Несмотря на теплые и дружественные отношения между обоими домами, таковой брак вряд ли мог состояться, поскольку в ходе этих визитов великая княжна Ольга не проявила особого внимания к наследнику румынской короны, однако крепко подружились младшие дети семей — принцесса Илеана и цесаревич Алексей¹⁰.

Впрочем, этим планам не суждено было сбыться и в силу того, что буквально через несколько недель после встречи в Констанце в Европе начнется война, а осенью 1914 г. чета румынских наследников престола возьмет на себя бразды правления Румынским королевством.

Итак, царствование Фердинанда I и Марии (с 10 октября 1914 г. по 20 июля 1927 г.) началось вскоре после того, как разгорелась Первая мировая война. В отличие от Кароля I, сторонника Германии, они придерживались нейтральных позиций, а в 1916 г. после долгих переговоров Румыния вступила в войну на стороне Антанты (что было воспринято Вильгельмом II как предательство дома Гогенцоллернов).

Характерно, что и в эпоху объединения румынских княжеств (1866), и при существовании Румынского королевства (1881–1947) в стране периодически активизировались тенденции к объединению территорий, традиционно населявшихся румынами. Так во время Второй Балканской войны (1913) в состав Румынии вошла Южная Добруджа.

А условием вступления Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты (1916) было не что иное, как стремление к воссоединению с такими исконно румынскими землями (отторгнутыми Габсбургами в XVIII в.) как Трансильвания, Банат, Кришана, Сатмар, Марамуреш и Буковина. О возможной автономии Бессарабии и дальнейшем присоединении ее к Румынии можно было говорить опять-таки только в случае победы Антанты.

20 ноября 1916 г. румынская армия после ожесточенных боев с наступающими германскими войсками оставила Бухарест. Королевский двор переместился в молдавский город Яссы, где и оставался до конца войны. Тем не менее, в этот период войны королева Мария служила медсестрой и, не щадя себя, ухаживала за ранеными, за что получила имя «солдатская королева». Кроме того, она участвовала в работе Красного Креста, встречала эшелоны с ранеными и большими тифом, а также написала книгу «Моя страна», отдав гонорар за нее на лечение раненых бойцов.

Следует сказать, что за то, что Высочайшие Особы открыли в Бухарестском дворце госпиталь для раненых румын, русских и сербов и работали в нем под обстрелом цеппелинов и аэропланов, император Николай II пожаловал георгиевские медали 4-й степени королеве румынской Марии (медаль № 247830) и ее дочерям — принцессам Елисавете (медаль № 247831) и Марии (медаль № 247832). Награждение состоялось 3 октября 1916 г. из рук военного агента в Румынии — полковника Александра Александровича Татарина (1880–1946)¹¹.

Теперь следует упомянуть роль королевы Марии в европейской политике, особенно в деле созидания Великой Румынии.

В тяжелый период румынского отступления, пользуясь добрыми отношениями с русским царем, королева Мария попросила его о помощи. И открытый им Румынский фронт предотвратил полный разгром союзной державы. Но в 1917 г. в Румынии сложилась крайне тяжелая ситуация — страна перестала получать помощь из России.

⁹ Ibid. P. 569.

¹⁰ Ibid. P. 582.

¹¹ Списки солдат, награжденных Георгиевскими крестами и медалями в период 1 Мировой войны 1914–1918 // РГВИА. Ф. Печатные издания. Д. 1913. Л. 424.

Мария, королева Румынская,
на триумфальном шествии в Бухаресте, 1 декабря 1918 г.

В таких условиях Германия стала оказывать давление на Фердинанда, чтобы тот подписал сепаратный договор, по которому от Румынии отторгались Добруджа, румынская Трансильвания, а также Румыния передавала право на разработку всех государственных месторождений и торговли румынской нефтью сроком на 90 лет немецким компаниям. И только благодаря настойчивости королевы Марии, которая называла готовившееся соглашение предательским, Фердинанд отказался подписать сепаратный договор.

Однако румынское правительство А. Маргиломана (1854–1925) 7 мая 1918 г. за спиной монархов подписало позорный мирный договор. Чтобы защитить интересы страны и румынского народа, королева Мария самоотверженно выезжала на фронт, где рассказывала о свободе, демократии, реформах страны и позорном мире, заключенном с Германией. Король Фердинанд I под влиянием королевы Марии всеми силами уклонялся от ратификации мирного договора. Аннулировав его 10 ноября 1918 г., он снова объявил войну центральным державам — за день до их капитуляции¹².

Когда 1 декабря 1918 г. румынские войска под командованием короля Фердинанда торжественно вступили в Бухарест, королева Мария, одетая в синий доломан, возглавила эскадрон гусар и прогарцевала торжественным маршем под Триумфальной аркой.

В тот же день на Национальном собрании в городе Алба-Юлия делегаты из всех избирательных округов страны с румынским населением (Трансильвания, Банат, Кришана, Сатмар, Марамуреш и Буковина) проголосовали за вхождение этих провинций в состав королевства. Незадолго до этого в Румынию вошли Бессарабия и Северная Буковина.

Одновременно с политическим шел процесс церковного объединения королевства. По замечанию М. В. Шкаровского, «значительный вклад в создание послевоенного государства внесла Румынская Православная Церковь. Она всегда была тесно связана с правительством страны и, как правило, активно поддерживала его, проявляя при этом очень сильную национальную ориентированность, и нередко являясь инструментом румынизации национальных меньшинств. В 1919 г. состоялся Церковный Собор, объединивший митрополии Румынии, Трансильвании и Буковины»¹³.

¹² Обухов П. А. Румыния. М., 2019. С. 26.

¹³ Шкаровский М. В. Православные Церкви Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами (1918–1939 гг.). М.: Познание, 2019. С. 243.

28 мая 1919 г. король и правительство Румынии отправились на могилу Михаила Храброго в Кымп-Турзие, а епископ Мирон (Кристя, 1868–1939) возглавил заупокойную службу и произнес националистическую речь, в которой он провёл параллель между королем Фердинандом I и Михаилом Храбрым, а также рекомендовал королю не останавливаться в Турде, а продолжать путь до реки Тиса, указывая тем самым на политические горизонты нового государства.

В этом процессе свою важную роль играла и королева Мария, в 1919 г. являясь полноправным представителем Румынии при подписании Версальского мирного договора, по которому Румынии возвращались оккупированные «Тройственным союзом» территории, в том числе и часть земель, относящиеся ранее к Российской империи. Таким образом, во многом благодаря королеве произошло международное признание расширенной Румынии.

1 декабря 1919 г. предстоятель Румынской Православной Церкви митрополит Конон (Арэмеску-Дониц, 1837–1922) был вынужден уйти в отставку из-за сотрудничества с немецкими оккупационными войсками, а 31 декабря 1919 г. епископ Мирон (Кристя) Большой коллегией выборщиков был избран первым митрополитом-примасом Великой Румынии.

15 октября 1922 г. в специально построенном соборе в древнем городе Алба-Юлия вместе с мужем Мария была коронована в ходе особо торжественной церемонии, которая отражала их статус королевы и короля объединенного государства — Великой Румынии¹⁴.

В 1923 г. была принята новая Конституция Румынии, в которой ставились акценты на национальной идее: Королевство Румыния — унитарное и неделимое национальное государство (статья 1); Румынская Православная Церковь, будучи религией подавляющего большинства румын, является господствующей Церковью в румынском государстве... Румынская Православная Церковь является и остается независимой от всякой иностранной церковной власти, сохраняя вместе с тем свое единство со Вселенской Восточной Церковью, поскольку то касается догматов (статья 22).

После того, как Румынская Православная Церковь стала признанной национальной Церковью страны, следующим логичным шагом в укреплении национального единства стало ее провозглашение Патриархатом, что и произошло на Церковном Соборе 4 февраля 1925 г.

Хотя это и было истолковано Фанаром как политическое деяние, но все же Константинопольский Патриархат согласился признать это решение в обмен на принятие Румынской Церковью новоюлианского календаря, подтвердив ее новый статус Томосом Константинопольского Патриарха от 30 июня 1925 г.

Осенью 1925 г. митрополит Мирон (Кристя) принял титул Патриарха всея Румынии, наместника Кесарии Каппадокийской, митрополита Унгро-Влахийского и архиепископа Бухарестского. 1 ноября 1925 г. состоялась его интронизация в качестве первого Румынского Патриарха, в которой приняли участие несколько Первосвятителей Поместных Православных Церквей.

Мария, королева Великой Румынии, после коронации 15 октября 1922 г.

¹⁴ История Румынии / Поп А.-И., Болован И. (координаторы). М.: Весь мир, 2005. С. 567.

Четыре с половиной года королевская чета правила Великой Румынией, создавая единое национальное государство в тесном союзе с Церковью.

20 июля 1927 г. скончался король Фердинанд I. На трон вступил его внук Михай I (1921–2017), который стал править под опекой регентов, в том числе и патриарха

Мирона (Кристя). Однако в июне 1930 г. сбежавший из страны принц Кароль (1893–1953) вернулся в Румынию по приглашению политиков, недовольных регентством, и в ходе переворота сместил своего 8-летнего сына, сам вступив на престол¹⁵. Упрочивая конкордат с Церковью, Кароль II назначил Патриарха премьер-министром (с 11 февраля 1938 г. по 6 марта 1939 г.).

Вдовствующая королева Мария с внуком-королем Михаем I и его матерью Еленой Греческой, между 1927 и 1930 гг.

Кароль II полностью устранил свою мать из политической жизни и всеми силами старался уничтожить ее популярность в народе. В результате его интриг бывшая королева Мария вынуждена была покинуть Бухарест и провела остаток жизни в двух своих резиденциях — дворце в Балчике и замке в Бране. Скончалась первая и единственная королева Великой Румынии 18 июля 1938 г. в замке Пелишор.

В стране тем временем назревал династический кризис.

Сближение с Германией ради будущего Великой Румынии и постепенного продвижения на Восток через Бессарабию откликнулось потерей румынских территорий — согласно решению Венского арбитража 30 августа 1940 г. Северная Трансильвания была отдана Венгрии как самому надежному союзнику Гитлера.

Это событие вызвало волнение в Румынии — народ требовал отречения Кароля II, что тот и сделал в пользу своего сына Михая I, при этом «кондукэтором» стал министр обороны маршал Ион Антонеску (1886–1946), втянувший Румынию в войну на стороне Германии.

Впрочем, 23 августа 1944 г. король Михай I сместил с должности и арестовал Антонеску, а Румыния выставила 38 дивизий против бывших союзников. Однако эти заслуги не дали ей оснований стать полноправным членом антигитлеровской коалиции, и на Парижской мирной конференции единственным, чего добилась Румыния, стало подтверждение отмены Второго Венского арбитража, благодаря чему захваченная Венгрией Северная Трансильвания вернулась в состав страны.

30 декабря 1947 г. под угрозой расправы со стороны руководителей социалистической партии Румынии король Михай I вынужден был отречься от престола и навсегда покинуть родину, которая была преобразована в республику.

Так закончился королевский период, связанный как с собиранием румынских земель, так и с мечтой о Великой Румынии¹⁶.

В заключение статьи как иллюстрацию монархических настроений в Румынии в связи с идеалом построения унитарного христианского государства можно привести слова известного румынского богослова — протоиерея Думитру Станилое (1903–1993), который в заметке «Герой христианского национализма» отмечает глубинную связь национальной, церковной и монархических идей в контексте православной народной солидарности: «Христианский национальный солидаризм, увенчанный монархией, не является попыткой пренебречь социальными потребностями нашего времени, но он является социальной доктриной, причем — самой справедливой социальной

¹⁵ Отметим, что 5 января 1926 г. принц Кароль отказался от своих прав на престол и уехал из страны с любовницей Еленой Вольф, известной в Румынии под именем Магды Лупеску.

¹⁶ См.: Обухов П. А. Румыния... С. 28–29.

доктриной. Мало того, что он предлагает лучшие решения для всех социальных проблем, но что более характерно — он прививает энтузиазм и пафос, которыми ни одна из иных политических доктрин не может вдохновить народ»¹⁷.

В некоторой мере можно сказать, что в краткую эпоху Великой Румынии именно королева Мария во многом была вдохновительницей румынского народа в деле упрочения независимой румынской государственности и национальной самобытности, основанной на православной вере.

Источники и литература

1. История Румынии / Поп А.-И., Болован И. (координаторы). М.: Весь мир, 2005.
2. Обухов П. А. Румыния. М., 2019.
3. Списки солдат, награжденных Георгиевскими крестами и медалями в период 1 Мировой войны 1914–1918 // РГВИА. Ф. Печатные издания. Д. 1913.
4. *Шкаровский М. В.* Православные Церкви Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами (1918–1939 гг.). М.: Познание, 2019.
5. *Marie, Queen of Roumania.* The Story of My Life. New York, 1934.
6. *Stăniloae D.* Un atlet al naționalismului creștin // *Telegraful român.* 1943. № 14. P. 1.
7. Queen who embraced teachings is remembered in Romanian-language TV program / Bahá'ís of the United States // URL: <https://www.bahai.us/queen-who-embraced-teachings-is-remembered-in-romanian-language-tv-program/> (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁷ *Stăniloae D.* Un atlet al naționalismului creștin // *Telegraful român.* 1943. № 14. P. 1.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Протоиерей Михаил Иванов

**Земельные владения и доходы
Святогорского монастыря Псковской епархии
накануне секуляризации 1764 г.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_196

Аннотация: В статье на основании архивных материалов рассматриваются земельные имения и доходы Святогорского Свято-Успенского монастыря Псковской епархии накануне секуляризации 1764 г., а также состав его братии и служителей. Оценка собственности осуществляется на основании изучения офицерских описей монастырского имущества, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, и материалов, содержащихся в «Ведомости о вотчинных владениях Святогорского монастыря Псковской епархии 1744 года», находящейся в Государственном архиве Псковской области. Показано, что земли, принадлежащие Святогорскому монастырю до 1764 г., обрабатывались лишь частично. Монастырь не стремился повышать эффективность хозяйствования, однако уровень доходов, получаемых с вотчин, позволял обители себя обеспечивать и развиваться. По итогам секуляризации монастырь потерял большую часть своих имений, которые были переданы государству, а затем иным владельцам.

Ключевые слова: Святогорский монастырь, игумен Иоанн (Мазь), игумен Вениамин, секуляризация, имущество обители, земли, крестьяне, хозяйство, состав братии, доходы.

Об авторе: **Протоиерей Михаил Владимирович Иванов**

Соискатель Санкт-Петербургской духовной академии, настоятель Казанской церкви п. Пушкинские Горы, Псковской обл.

E-mail: pushgory1@ya.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2725-4452>

Ссылка на статью: Иванов М., *прот.* Земельные владения и доходы Святогорского монастыря Псковской епархии накануне секуляризации 1764 г. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 196–204.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Archpriest Mikhail Ivanov

**Land Holdings and Incomes
of the Svyatogorsk Monastery of the Pskov Diocese
on the Eve of the Secularization of 1764**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_196

Abstract: On the basis of archival materials, the article examines the land estates and incomes of the Svyatogorsk Holy Dormition Monastery of the Pskov Diocese on the eve of the secularization of 1764, as well as the composition of its brethren and ministers. Property valuation is carried out on the basis of a study of the officers' inventories of the monastery property stored in the Russian State Archive of Ancient Acts, and materials contained in the "Bulletin of the Patrimonial Possessions of the Svyatogorsk Monastery of the Pskov Diocese in 1744", located in the State Archives of the Pskov Region. It is shown that the lands belonging to the Svyatogorsk Monastery before 1764 were only partially cultivated. The monastery did not strive to increase the efficiency of its management, however, the level of income received from the estates allowed the monastery to support and develop itself. As a result of secularization, the monastery lost most of its estates, which were transferred to the state, and then to other owners.

Keywords: Svyatogorsk Monastery, Abbot John (Maz'), Abbot Benjamin, secularization, properties of the monastery, land, peasants, household, brethren, income.

About the author: **Archpriest Mikhail Vladimirovich Ivanov**

Corresponding graduate student at St. Petersburg Theological Academy, Rector of the Kazan Church in the village of Pushkinskie Gory, Pskov region.

E-mail: pushgory1@ya.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2725-4452>

Article link: Ivanov M., archpriest. Land Holdings and Incomes of the Svyatogorsk Monastery of the Pskov Diocese on the Eve of the Secularization of 1764. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 196–204.

* Photos are taken from open sources.

Подготовка к секуляризации церковной собственности в России охватывает период с 1478 г., когда Иваном III отчуждаются церковные земли Новгородчины, до 1764 г., когда реформа была осуществлена, положив начало секуляризационным процессам уже не в материальной сфере, а в сфере общественного сознания.

Необходимо отметить, что сама возможность изъятия земель Церкви в пользу государства на российской почве воспринималась изначально более терпимо в сравнении с отношением к этому процессу в южнорусских землях. Так, например, до присоединения к Москве псковские церкви и монастыри могли полностью распоряжаться своим имуществом как полноправные собственники. Спорные вопросы рассматривало вече. С 1510 г., когда вече было упразднено, а все земли Псковской области стали вотчинами государя, возникает и ограничение права церковной собственности. При дарении имущества монастырю, например, указывали в документе нерушимую волю собственника передать имущество церковному учреждению на все времена, но с оговоркой: «... опрично царя и государя великого князя Ивана Васильевича и всеа Русии». Жертвователи ясно понимали, что теперь, кроме их воли, еще и от воли государя зависит «вечная» прочность их пожертвования¹.

Святогорский монастырь накануне секуляризации 1764 г. владел большим количеством земельных угодий. Сюда входили пашенные земли, покосы и леса. В «Описании Святогорского монастыря Псковской епархии» игумена Иоанна (Мазь) содержатся некоторые сведения о монастырских владениях до 1764 г.: «До издания духовных штатов 1764 г. св. обитель владела различными вотчинами, с 957 крестьянами и обширными участками земли, покосом и рыбными ловлями, но какими именно, за уничтожением дел пожаром, теперь неизвестно. С изданием духовных штатов, из 957 душ крестьян, принадлежавших монастырю, остались в нем одни дворовые люди, под названием “монастырских служителей”, коих при освобождении Высочайшим манифестом 19 февраля 1861 года, состояло только 17 человек»². К сожалению, игумен Иоанн не описывает количество монастырских имений и их состав.

Пролить свет на имущество монастыря перед секуляризацией 1764 г. позволяют два архивных дела. Одно из них — это «Описи Успенского Святогорского монастыря Воронежского уезда 1764 г.», составленные поручиком Ильёй Сонцовым и находящиеся в Российском государственном архиве древних актов (далее — описи Сонцова)³. Данные описи имеют особую ценность, т.к. содержат подробные описания всего монастырского имущества. В ходе подготовки к земельной церковной реформе правительством неоднократно запрашивались сведения о церковных землевладениях, предпринимались попытки сбора сведений о церковных имениях самостоятельно, однако эти действия встречали сопротивление со стороны Синода, архиерейских домов и монастырей. Данные либо не предоставлялись, либо предоставлялись неточные⁴. Для проведения реформы необходимо было знать точное количество земель и крестьян, принадлежащих Церкви. Для сбора таких сведений на места правительством были направлены офицеры.

В Святогорском монастыре Псковской епархии данные работы в 1764 г. проводил поручик Илья Сонцов. Недостатком описания вотчин поручиком стало то, что оно содержит существенно заниженные сведения о количестве монастырских земель, крестьян, деревень и, соответственно, доходов с них. Сонцов был вынужден опрашивать крестьян о количестве земли, приписанной к конкретной деревне, не имея документов на руках. Однако крестьяне не располагали нужной информацией. Поручик

¹ Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 404.

² Иоанн, иг. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899. С. 88.

³ РГАДА Ф. 280. Оп. 3. Д. 702.

⁴ Комиссаренко А. И. Разработка законодательных актов секуляризационной реформы 1764 г. / А. И. Комиссаренко // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург: Волот, 1998. С. 34–47, 35–36.

выяснил, что факты принадлежности участков известны издревле всем живущим «от древних крестьян», но уточнить, откуда эти сведения, никто из людей не смог, поэтому он вынужден был указывать площади земель и лесов «погубно», а не «подеревню», как требовалось указом⁵. Между тем, в обители имелись подробные описание имений со строгим учетом всех объемов работ, проводимых крестьянами, и доходов от монастырских вотчин. Данные учетные ведомости оформлялись ежегодно, но, очевидно, поручик не получил доступа к этим документам.

В Государственном архиве Псковской области (далее — ГАПО) сохранилась единственная подобная ведомость десекуляризационного периода — «Ведомость о вотчинных владениях монастыря за 1744 г.». В ней указано расстояние от деревень до обители и самих деревень, крестьян же описано значительно больше, чем в описи Сонцова. Несомненно, этот документ может служить источником наиболее точных данных о монастырских имениях перед земельной реформой 1764 г. Всего по «Ведомости о вотчинных владениях Святогорского монастыря в 1761 году...», составленной по ревизии 1744 г., за монастырем в 1761 г. числилось 812 душ, в то время как согласно ревизии 1744 г. — 957. Все 812 душ, земли, покосы и леса были расписаны по деревням Псковского, Вышегородского, Пусторжевского, Выборского, Красногородского, Воронежского и Велейского уездов Псковской провинции⁶.

Церковное землевладение Псковской земли на протяжении ряда столетий характеризовалось мелко вотчинностью и разрозненностью участков, распространением совладения⁷. Земли были не очень плодородными, давали нестабильные урожаи. В таких условиях монастыри считались эффективными собственниками⁸. Однако, как видно из «Ведомости о вотчинных владениях...», большая часть земли не распахивалась и не приносила дохода. Причина заключалась в нехватке рабочих рук.

«Состоят оные деревни в расстоянии от города Пскова в 100 и 50, а от пригорода Опочки в 40 и 30 немереных верстах»⁹, — пишет поручик Сонцов. Далее он отмечает, что некоторые монастырские деревни отстоят от обители на расстоянии до 60 верст (129,6 км). Управление такими удаленными имениями было затруднительно. «За дальностью расстояния на работы не ходили», — отмечается в ведомости 1761 г. в графе против деревень Селиваново Пусторжевского уезда, Пискулино, Панево и Есмелки Вышегородского уезда. При этом, в указанных деревнях было 195 работников (душ м.п.).

До конца XIX в. в России преимущественно использовалась трехпольная система агротехники. Этот факт отражался в земельных учетных записях писцов так, что площадь пашенной земли указывалась в записях, как треть всей площади, используемой полностью при данной системе возделывания. После значения площади поля обычно следует приписка, указывающая, что реально существуют еще два поля такой же площади: «а в дву, по тому ж»¹⁰. Однако некоторые документы содержат полное указание площади, указывая пашню и пар¹¹ отдельно. Исследователи, приводя площади участков, часто не отражают этот факт ни в расчетах, ни в комментариях. Кроме того, в XVIII в. в России использовались разные единицы для измерения площадей различных сельхозугодий. Например, для измерения площади покосов использовалась такая единица, как «копна». Для правильной оценки размера имений в настоящее время удобнее будет перевести все измеренные площади в современные единицы, и учесть

⁵ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 702. Л. 20.

⁶ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 2.

⁷ Зирбуева В. Г. Секуляризация церковного землевладения в Псковской провинции во второй половине XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 92.

⁸ Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 406–407.

⁹ РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 702. Л. 20.

¹⁰ Именно как треть от общей площади пашни указывает в своей ведомости земли Сонцов, однако ведомость ГАПО содержит полную итоговую информацию о площади пашенных земель

¹¹ Пар в земледелии — вспаханное поле, оставляемое на одно лето незасеянным.

при этом факт записи площадей пашенных земель в описи, как треть от реальной площади угодья. При перерасчете этих площадей, а также других величин, приведенных ниже в *Таблице 1*, использовались данные, приведенные в работе Н. А. Шостына «Очерки истории русской метрологии»¹². Приблизительный расчет стоимости собираемых монастырем натуральных сборов различных зерновых культур и продуктов сделан на основании данных, приводимых в работе Б. Н. Миронова «Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX в.)»¹³.

Таблица 1. Сведения из Ведомости ГАПО о структуре и величине доходов Святогорского мужского монастыря Псковской епархии в 1761 г.

№	Продукт или денежный взнос	Руб.	Коп.	Количество л. –кг. (шт.)	Примерная цена
1	Рожь			44148,01 л. –29973,89 кг.	292 руб. 36 коп.
2	Ячмень			19733,35 л. –11549,8 кг.	126 руб. 91,7 коп.
3	Овес			21872,364 л. –9729,34 кг.	85 руб. 44,7 коп.
4	Пшеница			1366,012 л. –1023,38 кг.	24 руб. 73 коп.
5	Греча			1366,012 л. –714,2 кг.	27 руб. 85,5 коп.
6	Горох			1366,012л. –1051,83кг	17 руб. 38 коп.
7	Семя конопляное			1366,012 л. –1051,83 кг.	9 руб. 31 коп.
8	За лень деньгами	157	62,5		
9	За конюшенные принадлежности	52	25,25		
10	За малину сухую	17	33,75		
11	За грибы белые и черные соленые и орехи	26	56,25		
12	За холст крестьянский и сукно сермяжное	63	78,75		
13	Редина		36		
14	Сукно сермяжное	1			
15	На покупку дров на псковское подворье	10			
16	Наем подвод до СПб. для гостя – игумена Асинкрита со служителями	106	63,75		
17	На проезд преосвященному в 1761 г., на расход дано с каждой четверти по 53.5 коп	28	62		
18	Приказчику денежное жалование (с овинов)	19	05		
19	Стряпчему от крестьян	8	81		
20	Рожь по четвертику с четверти			2256,46 л. — 1532 кг.	14 руб. 94,25 коп.
21	Ячмень по четвертику с четверти			2033,4 л. — 1190,14 кг.	13 руб. 8 коп.

¹² Шостын Н. А. Очерки истории русской метрологии. XI – начало XX века. М.: Издательство стандартов, 1975. С. 255–260.

¹³ Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX в.). Л.: Наука, 1985. С. 189–287.

22	Мед сырец с 25 семей старых по 2 ф., с 25 молодых — по 1 ф.			81,5 кг.	20 руб. 35 коп.
23	На валяние войлоков, подхомутников и епанчей шерсть овечья			23,14 кг.	
24	Хмель			69 кг.	5 руб. 23 коп.
25	Хрен			46 кг.	
26	Масло коровье			75,35 кг.	10 руб. 35 коп.
27	Яйцо куриное			2245 шт.	7 руб. 48 коп. ¹⁴
28	Кура русская			225	33 руб. 75 коп. ¹⁵
29	Гусь			112	33 руб. 60 коп. ¹⁶
30	Баран			56	95 руб. 20 коп. ¹⁷
31	Мешок холстинный			56	15 руб. 18 коп. ¹⁸
32	Уголь древесный для кузницы и церкви			1128,23 л.	
33	Дров поленами на церковь и покои братии			208,5 саж. куб. — 417 м. куб.	1251 руб.
34	Лучина			16 возов	
35	Лес	1	80		
36	Доска тесовая	1	35		
37	Сбор на постройку Пантелеймонова архиерейского монастыря в г. Пскове		72		
38	Д. Лисья псковского уезда — рыбы вяленой	щука	1	25	
		лещ	1	20	
		снеток	4	80	
39	Жалование истопникам псковской семинарии		18		
40	Дрова в семинарию	2			
41	Сбор со стрелецкой деревни Псковского уезда итого:	35	37		
43	Д. Лисья Псковского уезда итого:	29	25		
44	Камер-коллежский сбор лишь с д. Лисья	4			
45	Некоторые выплаты вместо натуральных от деревень Псковского уезда:	12	53		
	Итого деньгами:	428 руб.	86,75 коп.	2178 руб.	18,2 коп.
	Всего в денежном эквиваленте:	2607,05 руб.			

¹⁴ Цены для расчетов приняты по: Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века / [вступ. ст. и сост. В. А. Кошелева]. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 118.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 156.

¹⁸ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 47. Л. 5 об. (монастырь закупал мешки по 30 коп. / шт.).

В первых семи строках таблицы указаны окладные сборы с крестьян Святогорский монастырь не собирал с крестьян «пятинного хлеба» (каждый пятый сноп). Данный сбор был непопулярен у крестьян, и они часто просили помещиков заменить этот вид повинности денежным или окладным сбором, установив взнос в виде фиксированного количества хлеба. Вместо этого с малого количества крестьян производили сбор зерна «с четверти», т.е. с единицы площади засеянной земли. В строках 20 и 21 отмечены величины данного вида хлебной подати. Вес хлеба в таблице рассчитан с учетом данных удельного веса (вес четверти) хлеба в 1881–1900 гг. в Псковской губернии.

Согласно сведениям, приводимым М. Будыко, систематические сведения о температуре в Европе появляются лишь в XX в.¹⁹ Исторических сведений о необычных климатических изменениях на территории Псковской области в XVIII–XIX вв. не имеется. Эти сведения допускают предположение, что удельный вес зерна значительно не менялся в Псковской губернии в XVIII–XIX вв., что позволяет нам при расчете веса зерна экстраполировать данные удельного его веса конца XIX в. на 1761 г.

По данным таблицы можно приблизительно судить о структуре монастырских доходов, их величине до секуляризации 1764 г. В денежном выражении доходы обители с земель и крестьянства составили в 1761 г. ориентировочно 2.600 рублей.

За сухими цифрами статистики, описывающей экономическое положение обители до 1764 г., скрываются судьбы нескольких тысяч крепостных. Насколько были тяжелы повинности крестьян? Приблизительно оценить степень нагрузки на монастырского крестьянина в 1761 г. мы можем исходя из вышеприведенных данных. Так, каждый крепостной мужчина, учтенный в ведомости в 1761 г., нес трудовую и финансовую нагрузку в денежном эквиваленте приблизительно равную 3 руб. 21 коп. Насколько это было обременительно для крестьян, позволяя судить сведения, приведенные поручиком Сонцовым в его описях монастыря. Проводя описание имений обители, он также сделал опрос крестьянства на предмет согласия перехода в государственное ведение. 18 марта 1764 г. крестьяне вотчин Успенского Святогорского монастыря Псковской провинции, расположенных в Воронежском, Велейском, Красногородском уездах, с общего согласия и без принуждения дали подписку поручику Сонцову «в том, что естли с нас окладные и неокладные разные зборы монастырские работы сняты будут и ... нам оброчныя монастырския пустоши и сенныя покосы и казенная земля будутся во владение, то желаем... по последней 1744 году ревизии шестисот пятидесяти пяти душ оброк платить в год с каждой души по рублю по пятидесяти копеек бездоимочно два раза в году»²⁰. Необходимо отметить, что в ходе подготовки к реформе Комиссией о церковных имениях 13 января 1764 г. был подан императрице Екатерине II доклад, где было предложено крестьян после изъятия монастырских земель в казну обложить денежным оброком в 1,5 рубля с души м.п.²¹ Мы видим, что на местах эти условия были предложены крестьянам, в частности, в Святогорских вотчинах это сделал поручик Сонцов. Крестьяне согласились на эти условия, т.к. данная повинность была более чем в 2 раза меньше существующей.

Усиление эксплуатации крестьян духовными вотчинниками приводило к крестьянским волнениям. В период 1730–1760-х гг. происходили крестьянские волнения в вотчинах Новгородского Юрьева монастыря, Пафнутьево-Боровского, Троице-Сергиевой лавры, Каргопольского Крестного, Николаевского Песношского, Троицкого Калязина, Спасо-Ярославского, Суздальского Спасо-Ефимьева, Иосифо-Волоколамского, Архангелогородского, Архангельского, Московского кафедрального Чудова, Московского Вознесенского девичьего, Московского Высокопетровского, Николаевского Черниева, Рыльского Николаевского, Тихоновской пустыни Малоярославецкого уезда,

¹⁹ Будыко М. И. Избранные работы. СПб., 2020. С. 95.

²⁰ РГАДА Ф. 280. Оп. 3. Д. 702. Л. 43–44 об.

²¹ Комиссаренко А. И. Разработка законодательных актов секуляризационной реформы 1764 г. С. 44.

Свято-Успенский Святогорский мужской монастырь

Шаровкина и Тихоновой пустыни (приписных к Московскому Донскому монастырю)²². Сведений о волнениях крестьян в вотчинах Святогорского монастыря на сегодняшний день обнаружено не было.

Поручик Сонцов в своей описи монастыря приводит данные о количестве братии, монастырских служителей, их жаловании. В 1764 г. в монастыре был следующий состав насельников и служителей: игумен Вениамин, эконо́м иеромонах Гедеон, казначей иеромонах Иосиф. Кроме них в обители проживали еще 3 иеромонаха, иеродиакон и один монах. Эти лица получали денежное жалование: игумен 20 руб. в год, казначей и эконо́м по 8 руб., иеромонах 6 руб. в год, иеродиакон и монах по 5 руб. Полагалось братии также хлебное жалование, но они довольствовались «общественною трапезою»²³. При монастыре служил белый священник, который получал жалование 5 руб. в год, и от прихожан еще 5 руб. 64 коп. и 23 четверти ржи. Всего в обители было 8 монашествующих и 1 священник.

Содержать монастырские хозяйственные службы и совершать богослужения братии помогали 24 служителя: диакон, 6 канархистов (клиросные певцы), 2 пономаря, просфорня, стряпчий, житенный-погребной, игуменский истопник, повар, ученик повара, 2 сторожа-хлебопекаря, 2 конюха, шорник, плотник, столяр, печник, кузнец-часоводец, пастух. Эти служители получали в год 53 руб. денежного жалования, а кроме этого, ржи 58 четвертей (8.265,6 кг), ячменя 29 четвертей (3.562,8 кг) и овса 29 четвертей (2.707,8 кг)²⁴.

²² Комиссаренко А. И. Вотчинное хозяйство духовенства и секуляризационная реформа в России (20–60 гг. XVIII в.): диссертация на соискание учёной степени д. ист. н. / А. И. Комиссаренко. М., 1984. С. 231–253.

²³ РГАДА Ф. 280. Оп. 3. Д. 702. Л. 9 об.

²⁴ Там же. Л. 9 об.–12.

Также имелось монастырское подворье при Варваринской церкви в городе Пскове. Подворье не имело священника и службы там не совершались. Всего на подворье было 4 служителя: дьячок, пономарь, сторож и просфорня. Они, включая отсутствовавшего священника, получали денежное жалование в размере 28 руб. Их хлебное жалование составляло 2.832,4 кг ржи в год. Также монастырь отсылал ежегодно в консисторию взнос на содержание отставных солдат и офицеров 94 руб. 24 коп.²⁵

В год на содержание братии и служителей тратилось, включая взнос в консисторию и денежный эквивалент хлебного жалования, 403,97 руб. Эти данные позволяют приблизительно (ежегодно урожайность и цены на хлебном рынке России колебались) оценить величину свободных денежных средств обители, выручаемых с монастырских вотчин. Сумма составила около 1.200 руб. Кроме питания братии и жалования служителям существовали такие статьи расходов, как ремонт церквей, келий и других построек, поддержание в должном состоянии утвари, вещей ризниц, обеспечение одеждой братии, лечение, прием гостей, расходы на совершение богослужений. Однако здесь стоит заметить, что в рамках данной статьи не учтены такие доходы обители, как пожертвования, сборы от сдачи в аренду монастырских лавок во время двух больших ярмарок в девятую пятницу по Пасхе — день явления Святогорской иконы Богородицы Одигитрии и традиционной для обители Покровской ярмарки. С учетом этих обстоятельств можно отметить, что Святогорский монастырь имел неплохие возможности для развития и благоустройства церквей обители перед реформой 1764 г.

Накануне реформы Святогорский монастырь обладал 812 крестьянами и имел около 1.268 га сельхозземель, 284 га покосов, 1.651 га лесов. Не все земли эффективно возделывались, из-за нехватки рабочей силы часть земель пустовала. Свободные денежные средства, направляемые на развитие монастыря, составляли в этот период около 1.200 руб. ежегодно. Получаемых перед секуляризацией натуральных и денежных поступлений в монастырскую казну хватало для жизни и развития обители.

Источники и литература

1. Будыко М. И. Избранные работы. СПб., 2000.
2. Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века / [вступ. ст. и сост. В. А. Кошелева]. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
3. Зирбуева В. Г. Секуляризация церковного землевладения в Псковской провинции во второй половине XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
4. Иоанн, иг. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии, Псков, 1899.
5. Комиссаренко А. И. Вотчинное хозяйство духовенства и секуляризационная реформа в России (20–60 гг. XVIII в.): Дисс. ... д. ист. н. / А. И. Комиссаренко. М., 1984. 513 с.
6. Комиссаренко А. И. Разработка законодательных актов секуляризационной реформы 1764 г. // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург: Волот, 1998. С. 34–47.
7. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX в.). Л.: Наука, 1985.
8. Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М. 1908.
9. Чайнов А. В. Южная граница преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к началу XX века // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 2. С. 62–82.
10. Шостьин Н. А. Очерки истории русской метрологии. XI — начало XX века. М., Издательство стандартов, 1975.

²⁵ Там же. Л. 12–13.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

С. А. Исаев

**Устройство Евангелическо-Лютеранской церкви
в России по Уставу 1832 г.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_205

Аннотация: Указом императора Николая I в 1832 г. была учреждена «Евангелическо-Лютеранская церковь в России» и утверждён её Устав. Эта церковь сохраняла единство, а Устав оставался в силе до падения империи в 1917 г. В статье рассмотрено устройство этой церкви в связи с различиями между германской и скандинавской традициями лютеранства, разнообразием статусов отдельных приходов, взаимоотношениями лютеран с реформатами, крайней неравномерностью расселения лютеран по территории Российской империи. Устав 1832 г. охарактеризован как образец разумного авторитаризма. Введённое тогда церковное устройство было в основе своей консисториальное, апробированное в Остзейских провинциях, однако действовало и в Ингерманландии — зоне распространения скандинавской традиции. Как консисториальные округа, так и пробства обычно объединяли группы приходов с общей историей или сходными литургическими и бытовыми традициями. Устав был полицейским документом, исключавшим любую не санкционированную властями активность прихожан. Однако власти, несомненно, заботились о поддержании элементарной грамотности прихожан, о качестве проповедей и, в этой связи, об обеспечении должного уровня высшего образования будущих проповедников.

Ключевые слова: Германская традиция лютеранства, Ингерманландия, Курляндия, Лифляндия, лютеранство в России, немцы Поволжья, Николай I (1796–1855), российский император, остзейские немцы, религиозная политика Российской империи, Сигнеус Закариас лютеранский епископ (1763–1830), скандинавская традиция лютеранства, Эстляндия.

Об авторе: **Сергей Александрович Исаев**

Кандидат исторических наук, и.о. заведующего Отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского Института истории РАН, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9491-3510>

Ссылка на статью: Исаев С. А. Устройство Евангелическо-Лютеранской церкви в России по Уставу 1832 г. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 205–213.

* Изображения взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Sergei A. Isaev

**The Structure of the Evangelical-Lutheran Church
in Russia according to the Church Ordinance of 1832**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_205

Abstract: In the year 1832, Nicholas I, Emperor of Russia, established the “Evangelical-Lutheran Church in Russia”, and approved Church Ordinance for it. The structure of the Church is considered in connection with the difference between German and Scandinavian traditions in Lutheranism, with the difference between local parish statutes, with the relations between Lutherans and Reformed, and with highly unequal distribution of Lutherans in various parts of the Russian Empire. The Church Ordinance of 1832 is characterized as a pattern of authoritarian law combined with wisdom. The church structure established in 1832 was basically consistorial, as practiced in Baltic lands, but found to be suitable also for Ingermanland, with its Scandinavian traditions. Consistorial and Probst districts usually embraced the groups of parishes with common or similar history, with homogenous liturgy and customs. The Church Ordinance of 1832 embodied authoritarian order excluding any parish activity not sanctioned by authorities. But the authorities were highly concerned to uphold the elementary level of parishioners’ literacy, the high quality of sermons, and proper university education of future preachers.

Keywords: Baltic Germans; Courland; Cygnaeus, Zacharias (1763–1830), the Lutheran Bishop; Estonia; German tradition in Lutheranism; Germans of the Volga district; Ingermanland; Livonia; Lutheranism in Russia; Nicholas I (1796–1855), Emperor of Russia; religious policy of the Russian Empire; Scandinavian tradition in Lutheranism.

About the author: **Sergei Aleksandrovich Isaev**

Candidate of History, Acting Chairman of the Department of General History, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; Assistant Professor of Church History, St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9491-3510>

Article link: Isaev S. A. The Structure of the Evangelical-Lutheran Church in Russia according to the Church Ordinance of 1832. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 205–213.

* Images are taken from open sources.

Если из всех документов, имеющих значение для понимания правового статуса лютеранства в Российской империи, выбрать главный, то это, несомненно, будет «Высочайше утверждённый Устав Евангелическо-Лютеранской церкви в России», датированный 28 декабря 1832 г. С незначительными изменениями Устав этот действовал до падения империи в 1917 г.

Первые шаги, направленные на формирование общеимперской церковной структуры, которая объединяла бы лютеран России, были сделаны императором Александром I. 20 июля 1819 г. император своим указом учредил Евангелическую Генеральную консисторию в Санкт-Петербурге для управления всеми «евангелическими» (т.е. лютеранскими и реформатскими) приходами Российской империи. Закариас Сигнеус (Zacharias 1763–1830) — епископ Порво в Финляндии, был назначен по совместительству епископом Генеральной консистории¹; император предполагал наделить его такими же правами по управлению Церковью, какие имели тогда епископы Швеции, Пруссии и Дании. Однако введение должности епископа, к тому же единого для лютеран и реформатов, вызвало протесты прибалтийских консисторий. Курляндская консистория и Литовский Реформатский Синод обратились с жалобами к министру А. Н. Голицыну, а Лифляндская консистория прямо к императору. В 1820 г. Сигнеус переселился из Порво в Санкт-Петербург и вскоре, по распоряжению императора от 18 декабря 1821 г., приступил к переговорам с остзейскими «духовными особами», с тем чтобы «составить проект о лучшем церковном устройстве Евангелического исповедания». Переговоры прошли в Дерпте в январе 1822 г., но оказались безрезультатными. 15 мая 1824 г. было упразднено «двойное министерство», а лютеранские приходы переданы в ведение Департамента духовных дел иностранных исповеданий в составе Министерства народного просвещения. Епископ З. Сигнеус фактически оказался не у дел, и когда он 16 июня 1830 г. скончался в Санкт-Петербурге, не было и речи о назначении ему преемника. Процесс формирования нового устройства Церкви шёл уже полным ходом.

Ещё в марте 1826 г. адмирал А. С. Шишков — министр народного просвещения и главноуправляющий делами иностранных исповеданий, представил всеподданнейший доклад, где предложил созвать в Санкт-Петербурге «Духовный Совет» для рассмотрения нового устройства «Евангелического церковного управления». 21 мая 1826 г. император Николай I издал Высочайшее повеление предварительно составить в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий свод действующих документов, определяющих статус Протестантской Церкви². После того как такой свод был составлен, император 22 мая 1828 г. издал Высочайший указ о создании Комитета для начертания проектов Общего Устава Евангелическо-Лютеранской церкви в России. Все члены этого Комитета были из прибалтийских губерний. Для согласования с догмами и вероучением Евангелической Церкви Германии в комиссию был приглашён представитель Прусской Церкви. Такого представителя

Лютеранский епископ
Сигнеус Закариас

¹ Лиценбергер О. А. Евангелическо-Лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.) М., 2003. С. 80.

² О Евангелическо-Лютеранской церкви в Российской Империи // Журнал Министерства Внутренних Дел. Часть XIX. Отделение II. Книга 8. [СПб.], 1856. С. 17.

назначил король Пруссии Фридрих Вильгельм III. Это был Карл Ричль (Ritschl, Georg Carl Benjamin, 1783–1858) — генеральный суперинтендент Померании с титулом епископа в 1827–1854 гг., отец знаменитого впоследствии теолога и церковного историка Альбрехта Ричля (1822–1889). К. Ричль прибыл в Санкт-Петербург в августе 1829 г. Его появление в российской столице давало остзейцам повод для тревоги не менее серьёзной, чем в случае Сигнеуса. Ведь Фридрих Вильгельм III в 1817 г. своей властью объединил лютеран и реформатов Пруссии в Евангелическую Церковь таким образом, что «евангеликам» было навязано единое вероучение. В Пруссии лютеран обязали соглашаться с такими кальвинистскими догматами, как «исключительно духовное» присутствие Тела и Крови Христа в причастных элементах и двойное безусловное Предопределение. Были основания опасаться, что Ричль попытается навязать такую же вероучительную химеру и российскому лютеранству. Однако на самом деле Ричль с самого начала сосредоточил внимание на литургических проблемах. В течение 1830 г. при его активном участии была составлена Литургическая агенда: в основу её были положены Прусские агенды 1815 и 1828 гг., но использованы и элементы местных (остзейских) агенд³.

25 сентября 1829 г. Комитет для начертания проектов Общего Устава Евангелическо-Лютеранской Церкви в России приступил к работе под наблюдением А. С. Шишкова и при участии графа Карла Андреевича фон Ливена (1767–1844), бывшего в 1817–1828 гг. попечителем Дерптского учебного округа, а теперь министра народного просвещения. Комитет интенсивно работал в течение восьми месяцев; всего состоялось 112 заседаний. Были изучены лифляндский, курляндский и эстляндский церковные законы. Затем был объявлен перерыв, длившийся примерно год. «Особый, сведущий как в делах церковных, так и в юриспруденции чиновник» — профессор Дерптского университета Иоганн фон Нойман (Neumann, Johann Georg Josias, 1780–1855), за это время написал проект Устава⁴. В марте 1831 г. Комитет собрался вновь, чтобы рассмотреть составленный Нойманом проект, и завершил работу в декабре 1831 г. 2 января 1832 г. проект Устава был вручён Николаю I. Император передал Устав на рассмотрение Государственного Совета, которое длилось ещё почти год⁵.

28 декабря 1832 г. Николай I утвердил «Устав Евангелическо-Лютеранской Церкви в России»⁶. Одновременно вступил в силу «Высочайше утверждённый Наказ Духовенству и начальствам Евангелическо-Лютеранской церкви в России»⁷.

Значительная часть Устава 1832 г. посвящена вопросам брачного, семейного и наследственного права российских подданных евангелическо-лютеранского исповедания: порядку заключения и расторжения обручений и браков и разнообразным коллизиям, возникающим при этом. В данной статье речь пойдёт исключительно о нормах церковного устройства.

Действие Устава распространялось только на лютеранские структуры Российской империи. В качестве нормы веры для создаваемой имперской Церкви в Уставе названа вся Книга Согласия 1577 г., содержащая немало резко критичных по отношению к кальвинизму положений. Тем самым Николай I решительно отказался от мечты Александра I о достижении в России единения лютеран и реформатов в рамках одной Протестантской Церкви. Однако Устав распространялся не на все лютеранские структуры Российской империи. Во-первых, Церковь Финляндии продолжала

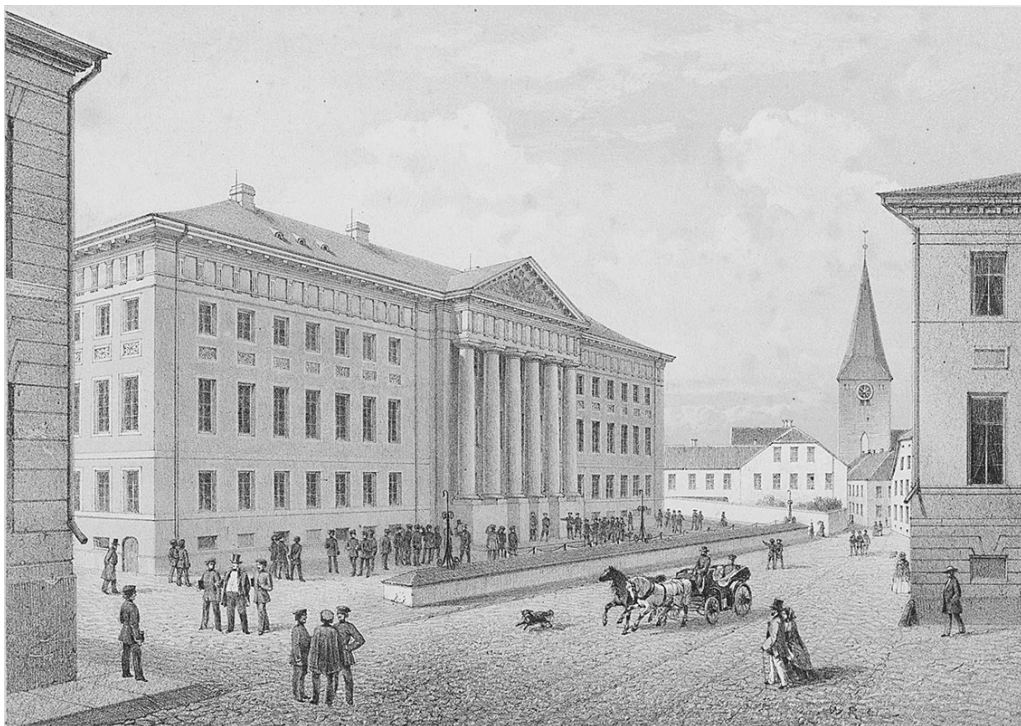
³ Лиценбергер О. А. Евангелическо-Лютеранская церковь... С. 84.

⁴ О Евангелическо-Лютеранской церкви в Российской Империи. // Журнал Министерства Внутренних Дел. Часть XIX. Отделение II. Книга 8. [СПб.], 1856. С. 21. По-русски Нойман обычно именовался Иван Егорович Нейман. В 1817 г. он издал «Исследование правил политической экономии. По системе Адама Смита» — официально утверждённый учебник для высших учебных заведений.

⁵ Duin E. C. Lutheranism under the Tsars and the Soviets. Ann Arbor, 1976. Vol. I. P. 287–303.

⁶ Полное собрание законов Российской Империи (далее — ПСЗ). Второе собрание. Т. 7. С. 956–1022.

⁷ Там же. С. 1022–1040.

Дерптский университет

существовать в системе власти автономного Великого Княжества Финляндского. Во-вторых, лютеранские приходы Царства Польского остались в исключительном ведении Евангелическо-Лютеранской консистории в Варшаве. В-третьих, лютеранские приходы немецких колоний в Грузии сохраняли отдельное управление, введённое для них Положением от 7 февраля 1829 г.⁸ Не распространялся Устав и на отдельные общины, чьё вероучение можно было считать лютеранским лишь с большой натяжкой: в частности, гернгутерская колония Сарепта, основанная в 1765 г. севернее Царицына и снабжавшая всю империю горчицей, подчинялась братству в Гернгуте до 1892 г.⁹ Лютеранские же приходы Остзейских провинций, Ингерманландии и внутренней России указом Николая I были объединены в Евангелическо-Лютеранскую Церковь в Российской империи.

Устав 1832 г. состоит из 11 глав. Главы делятся на параграфы; параграфы никак не делятся, и у них сквозная нумерация. Поэтому в дальнейшем, делая ссылки на Устав, я буду указывать только номер параграфа: этого достаточно, чтобы найти нужное место.

Тот, кто проповедует, совершает таинства и выполняет обязанности настоятеля прихода, в Уставе повсюду именуется проповедником. Фактически это не просто должность, а сан, сопряжённый с должностью: аналог пресвитера или пастора. Кандидату в проповедники предъявлялись жёсткие требования по части образования и пристойного поведения. Он должен был окончить полный курс одного из двух университетов: Дерптского или Александровского в Гельсингфорсе. Утверждённый кандидат проходил обряд посвящения в проповедники (§ 175). Тот, кто только что прошёл этот обряд, называется «новопоставленным». Устав подчёркивает, что посвящение совершается

⁸ ПСЗ. Второе собрание. Т. 4. С. 101. Речь идёт о вюртембергских сектантах и швабских сепаратистах: Курило О. В. Лютеране в России XVI–XX вв. Sterling Heights, Michigan, 2002. С. 54–55.

⁹ В 1893 г. приход Сарепта присоединился к Лютеранской Церкви.

над одним человеком только один раз: если проповедник уволился, а через какое-то время принял должность проповедника в другом приходе, то над ним посвящение заново не совершается (§ 177). Кандидат в проповедники до назначения должен был прочесть пробную проповедь перед своими будущими прихожанами. Если проповедь вызывала у прихожан резкое неприятие, прихожане могли заявить об этом письменно. В Уставе говорилось: «Никакой проповедник не может быть определён против желания прихожан, если они имеют к изъятию сего достойные уважения причины» (§ 164). Проповедники получали права личного дворянства.

Члены Церкви могли принадлежать к определённому приходу, но могли числиться и просто в Церкви. У члена прихода прав и обязанностей было, естественно, больше (§ 40).

Устав 1832 г. заменил все ранее принятые общеимперские нормативные документы, регламентировавшие существование лютеранства в России. Однако для приходов немецких колоний Поволжья осталось в силе Высочайше утверждённое Положение Кабинета министров «О порядке назначения священников к вакантным приходам в Саратовских колониях» от 31 декабря 1821 г.¹⁰ И вообще все более ранние документы, регламентировавшие существование отдельных лютеранских приходов, оставались в силе. Ничего похожего на «типовой устав прихода» нашего времени церковный Устав 1832 г. не предусматривал. Основная масса приходов делилась на три категории. В одни проповедников назначал император (§ 158). Другие имели право сами избирать проповедника, а император лишь утверждал его (§ 159). Третью категорию составляли те приходы, по уставам которых право назначения проповедника было закреплено за патроном или коллегией патронов (§ 161). Про два прихода в Уставе указано, что в них проповедниками являются лица, занимающие высокие должности: приход Домского собора в Ревеле возглавляет генерал-суперинтендент Эстляндии, а приход собора св. Иакова в Риге¹¹ — генерал-суперинтендент Лифляндии. Если тот, кто по уставу прихода имел право назначать проповедника, не назначил никого в течение полугода, то назначение осуществляла консистория соответствующего округа (§ 156).

Лютеранские приходы — не все, но подавляющее большинство — распределялись между 8 консисториальными округами. Пять округов были большими, так что приходы (не обязательно все приходы округа) объединялись в пробства, и возглавляли их генерал-суперинтенденты. Три округа были маленькими, в своём составе пробств не имели, а возглавляли их суперинтенденты. Все большие округа в Уставе именуются «провинциальными». Из трёх малых округов «провинциальным» был один (Эзель), а два других были «городскими», т.е. представляли собой города с ближайшими пригородами (Рига и Ревель), только без соборов: Св. Иакова и Домского. В 1890 г. три малых округа были упразднены, а их приходы присоединены к соседним большим.

Санкт-Петербургский провинциальный округ охватывал в общей сложности 20 губерний: весь Северо-Запад России и такие губернии центральной России и Украины, как Костромская, Ярославская, Смоленская, Киевская, Одесская, а также Бессарабская. В 1832 г. в этом округе было 87 приходов¹². Приходы Ингерманландии были сгруппированы в 3 пробства.

Лифляндский провинциальный округ охватывал только Лифляндию, но в Риге к нему относился только приход собора св. Иакова. Лифляндские приходы объединялись в 8 пробств. В 1832 г. в этом округе было 113 приходов.

¹⁰ ПСЗ. Собрание первое. Т. 37. С. 982–983. Саратовская консистория, объявив о вакансии священника, обязана была, через Контору Опекунства, обнародовать пригласительную грамоту на мирской сходке. Священника приглашали на служение только если колонисты соглашались содержать его.

¹¹ Ныне это католический собор.

¹² Сведения о количестве приходов в консисториальных округах на момент их учреждения приводятся по: Dalton H. Beiträge zur Geschichte der Evangelischen Kirche in Russland. Bd. I. Verfassungsgeschichte der evangelisch-lutherischen Kirche in Russland. Gotha, 1887. S. 325.

Эстляндский провинциальный округ, соответственно, охватывал Эстляндию, но без трёх островов (Эзель, Мона и Рюно) и без большей части Ревеля, в котором к этому округу принадлежал только приход Домского собора. Эстляндские приходы объединялись в 8 пробств. В 1832 г. в этом округе было 52 прихода.

Курляндский провинциальный округ охватывал Курляндскую губернию, но также губернии Витебскую, Могилёвскую, Виленскую, Гродненскую, Белостокскую. Приходы Курляндской губернии объединялись в 7 пробств; ещё одно пробство образовывали приходы Виленской губернии. В 1832 г. в этом округе было 120 приходов.

Московский провинциальный округ был самым крупным по охвату территории. К нему относились немногочисленные лютеранские приходы ряда губерний центральной России, Черноземья, Урала, Сибири и Закавказья: в частности, Симбирской, Казанской, Вятской, а также Харьковской. Компактные массивы приходов были только в немецких колониях Саратовской губ.: они объединялись в два пробства. В 1832 г. в этом округе было 65 приходов.

Провинциальный округ Эзель включал 14 приходов островов нынешней Эстонии: помимо крупнейшего (ныне Сааремаа), также Мона (чаще по-немецки назывался Моон, ныне Муху) и Рюно (ныне Рухну). Однако соседний крупный остров Даго (ныне Хийумаа) относился к Эстляндскому округу.

Городской округ Рига состоял в 1832 г. из 11 приходов, городской округ Ревель — из 5.

Императору предлагали на каждую должность генерал-суперинтендентов и «просто» суперинтендентов двух кандидатов и он назначал одного из них, по своему выбору. В округах Лифляндия, Курляндия, Эстляндия и Эзель двух кандидатов избирали дворяне через систему сословного самоуправления (§ 276). Кандидатов для Московского и Санкт-Петербургского округов предлагала Генеральная консистория. Для округов Рига и Ревель — магистраты этих городов.

Пробств назначали консистории из числа пасторов того округа, где образовалась вакансия (§ 267). Пробст обязан был совершать визитацию в каждый приход не реже чем раз в 3 года. Визитация не могла быть внезапной: о ней в приходе должны были объявить заранее, и начало её обозначалось торжественным богослужением. Однако «деловая» её часть предусматривала процедуру, которая исключала давление проповедника на прихожан с целью сокрытия злоупотреблений. «Пробст спрашивает проповедника: не имеет ли он чего-либо объявить о состоянии своего прихода вообще. За сим проповедник выходит из церкви, а пробст обращается с таким же вопросом к прихожанам, записывает ответ, и распускает их, сделав им приличное по сему случаю увещание. Он оставляет тех, которые скажут, что должны нечто особенное объявить ему» (§ 270). В 1832 г. в Евангелическо-Лютеранской церкви в России служил 31 пробст (§ 264).

Церковь же в целом управлялась Генеральной евангелическо-лютеранской консисторией. В Санкт-Петербурге обе консистории — Санкт-Петербургская и Генеральная — размещались при церкви св. Анны¹³. Церковь возглавляли президент (лицо светское) и вице-президент (проповедник). В неё входили 8 генеральных суперинтендентов и ещё 4 заседателя: 2 проповедника и 2 мирянина. В подавляющем большинстве это были немцы. Немецкий язык преобладал в обиходе российских лютеран и был основным языком официальной документации; русский язык признавался официальным для входящих документов (§ 306).

Членов консистории утверждал министр внутренних дел. Они приносили присягу на верность монарху и считались государственными служащими.

Генеральная консистория подчинялась структуре, которая до 1832 г. называлась Главное управление духовных дел иностранных исповеданий в составе Министерства народного просвещения, а в 1832 г. была переименована в Департамент духовных дел иностранных исповеданий и передана в ведение Министерства внутренних дел. Генеральная консистория была духовным судом для мирян и духовных лиц

¹³ Лиценбергер О. А. Евангелическо-Лютеранская церковь... С. 107.

и апелляционной инстанцией по всем делам, которыми ведали церковные суды. Заседания (сессии) Генеральной консистории проходили дважды в год, длились от месяца до двух месяцев и назывались юридиками.

Своя консистория была и в каждом из консисториальных округов. Президентом консистории был мирянин, но вице-президентом — клирик-суперинтендент.

Устав 1832 г. предусматривал участие в управлении Церковью Синодов, т. е. собраний всех проповедников соответствующего объединения приходов по территориальному принципу. Участие проповедников в Синодах было обязательным. Ежегодные Синоды проводились под председательством окружного суперинтендента, в 7 консисториальных округах (§ 438); не проводились в Московском — учитывая величину этого округа, проповедникам пришлось бы слишком много времени проводить в разъездах. Протоколы Синодов направлялись в МВД. Публикация их в печати была запрещена¹⁴.

Синоды проводились также в некоторых пробствах (§ 444). Пробства колоний Саратовских, Новороссийских и Бессарабских объединялись в специальный синодальный округ, и тамошние проповедники обязаны были посещать этот единый окружной Синод (§ 445). В перспективе предполагался созыв Генерального Синода, с тем чтобы его председателя назначал император (§ 447). По Уставу, в него входили генеральные суперинтенденты консисториальных округов, пробсты, депутаты от провинциальных синодов и лица, назначаемые царём или правительством. Однако в царское время ни один Генеральный Синод так и не был созван: только в 1924 г. лютеране осуществили эту демократическую процедуру, чтобы попытаться легализовать свою Церковь в СССР¹⁵.

Согласно Уставу 1832 г., в Евангелическо-Лютеранской Церкви в Российской империи были епископы. Однако это был не сан и не должность единоличного главы церкви, а почётное звание, не связанное жёстко с какой-либо должностью (§ 288) и, разумеется, не предполагавшее хиротонии с апостольской сукцессией. Званием епископа император мог наградить суперинтендента за многолетнее служение¹⁶.

Устав 1832 г. успешно справился с задачей осуществления гибкой и разумной унификации лютеранства в пределах Российской империи. Лютеранство с самого начала существовало в двух разновидностях: в Германии оно возникло как вероисповедное течение, выделившееся из Римско-Католической Церкви (1521–1522 гг.), но в Скандинавии было принято в модифицированном виде монархами, создававшими национальные Церкви: одну в Швеции и Финляндии (1527), другую в Дании и Норвегии (1534). В России лютеранство было представлено обеими традициями: как немецкой, так и скандинавской. Объединить их — каждую полностью — в рамках одной структуры было невозможно из-за несовместимости принципов церковного устройства: скандинавская традиция предполагает монархический епископат с претензиями на непрерывную апостольскую сукцессию, немецкая — прямой контроль светской власти над ходом дел в Церкви. Поэтому Церковь Финляндии — основной носитель скандинавской традиции в российском лютеранстве — осталась самостоятельной, вне действия Устава 1832 г. За основу же общецерковного устройства лютеранства в Российской империи была принята немецкая консисториальная модель, «обкатанная» в течение трёх веков в Остзейских провинциях. Финские приходы Ингерманландии — исконные носители скандинавской традиции — безболезненно вписались в эту модель, поскольку с 1721 г. не имели традиционного епископата, а на использование ими в литургии финского языка, практиковавшееся ещё со времён шведского господства, консистории не покушались.

Другой проблемой было крайне неравномерное распределение лютеранских приходов по территории империи: «плотное ядро» в Остзейских провинциях, небольшие

¹⁴ Лиценбергер О. А. Евангелическо-Лютеранская церковь... С. 84.

¹⁵ Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю. История Евангелическо-Лютеранской Церкви на Северо-Западе России (1917–1945). СПб., 2004. С. 33–34.

¹⁶ Курило О. В. Лютеране в России XVI–XX вв. С. 55.

компактные зоны в Ингерманландии, Поволжье и Новороссии, и множество небольших приходов, рассеянных по остальному пространству. Как мы видели, приходы, расположенные вдали от других, обычно подчинялись прямо консистории, тогда как расположенные кучно объединялись в пробства.

Устав идеально вписывался в самодержавную систему управления и чисто полицейских представлений о порядке: домашние молитвенные собрания, если в них участвовал кто-то кроме домочадцев, допускались для чтения только Библии (без толкований) или других официально одобренных книг. Однако осмысленное усвоение санкционированного свыше вероучения власти поощряли: катехизация молодёжи (по достижении 15 лет, но до того, как исполнится 18), с публичным экзаменом, должна была сохраняться во всех приходах, где она к тому времени практиковалась, и постепенно вводиться повсюду (§ 14).

Устав 1832 г. несомненно содержал элементы церковной демократии: за прихожанами закреплялось право не допускать к должности кандидата, проповедующего лжеучения или чуждого им по духу, а также возможность оспаривать действия проповедника перед пробстом. Долговечность Устава, даже в условиях роста численности лютеран в России и стремительных социальных перемен после 1861 г. — лучшее свидетельство высокого качества проделанной в 1828–1832 гг. лютеранскими канонистами работы.

Источники и литература

1. *Курило О. В.* Лютеране в России XVI–XX вв. Sterling Heights, Michigan, 2002. 400 с.
2. *Лиценбергер О. А.* Евангелическо-Лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.) М., 2003. 544 с.
3. О Евангелическо-Лютеранской церкви в Российской Империи. // Журнал Министерства Внутренних Дел. Часть XIX. Отделение II. Книга 8. [СПб.], 1856. С. 1–39.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том IV. 1829 г. СПб., 1830.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том VII. 1832 г. СПб., 1833.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXXVII. 1820–1821 гг. СПб., 1830.
7. *Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю.* История Евангелическо-Лютеранской Церкви на Северо-Западе России (1917–1945). СПб., 2004. 384 с.
8. *Dalton H.* Beiträge zur Geschichte der Evangelischen Kirche in Russland. Bd. I. Verfassungsgeschichte der evangelisch-lutherischen Kirche in Russland. Gotha, 1887. 344 S.
9. *Duin E. C.* Lutheranism under the Tsars and the Soviets. Vols I–II. Ann Arbor, 1976. XIV, 926 p.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Д. А. Карпук

**Издательский совет при Святейшем Синоде:
обстоятельства учреждения
и основные направления деятельности**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_214

Аннотация: В статье на основании опубликованных и архивных материалов рассматриваются обстоятельства учреждения в 1913 г. Издательского совета при Святейшем Правительствующем Синоде. Председателем нового синодального учреждения был назначен архиепископ Никон (Рождественский), известный к тому времени духовный писатель и церковно-общественный деятель. Впоследствии его на этом посту сменил епископ Василий (Богоявленский). В ведении новоучрежденного совета находились все дела, касающиеся издания книг Священного Писания, богослужебных и символических книг, церковных нот, духовных песнопений, священных изображений и т. д. Издательский Совет, согласно задумке инициаторов его учреждения, должен был объединять в себе церковно-образовательные, миссионерско-просветительные и духовно-цензорские функции.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Святейший Синод, Издательский совет, Училищный совет, духовная цензура, духовное просвещение, «Церковные ведомости», издательская деятельность, архиепископ Никон (Рождественский), сщмч. Василий (Богоявленский).

Об авторе: **Дмитрий Андреевич Карпук**

Кандидат богословия, заведующий аспирантурой, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии, заведующий кафедрой церковно-исторических и общегуманитарных дисциплин Псково-Печерской Духовной Семинарии.

E-mail: dimand3@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

Ссылка на статью: Карпук Д. А. Издательский совет при Святейшем Синоде: обстоятельства учреждения и основные направления деятельности // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 214–221.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

D. A. Karpuk

**Publishing Council at the Holy Synod:
Circumstances of Establishment
and Main Directions of Activity**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_214

Abstract: Based on published and archival materials, the article examines the circumstances of the establishment in 1913 of the Publishing Council under the Holy Governing Synod. Archbishop Nikon (Rozhdestvensky), a well-known spiritual writer and church-public figure by that time, was appointed chairman of the new synodal institution. Subsequently, he was replaced in this post by Bishop Vasily (Bogoyavlensky). The newly-established council was in charge of all matters related to the publication of the Holy Scripture, liturgical and symbolic books, church notes, spiritual chants, sacred images, etc. The Publishing Council, according to the idea of its initiators, was supposed to combine Church educational, missionary and censorship functions.

Keywords: Russian Orthodox Church, Holy Synod, Publishing Council, School Council, theological censorship, theological enlightenment, Church journal, publishing, Archbishop Nikon (Rozhdestvensky), St. Vasily (Bogoyavlensky).

About the author: **Dmitry Andreevich Karpuk**

Candidate of Theology, Head of Postgraduate Studies and Associate Professor of the Church History Department of the St. Petersburg Theological Academy, Head of the Department of Church-Historical and General Humanitarian Disciplines of the Pskov-Pechory Theological Seminary.

E-mail: dimand3@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

Article link: Karpuk D. A. Publishing Council at the Holy Synod: Circumstances of Establishment and Main Directions of Activity. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 214–221.

* Photos are taken from open sources.

Издательский совет при Св. Синоде в качестве одной из важнейших синодальных структур был образован довольно поздно. Точно так же, как поздно был образован и Миссионерский совет¹. Безусловно, на то были различные причины, раскрытие которых в максимально полном объеме является делом будущих тщательных и обстоятельных исследований. В данной статье кратко будут рассмотрены основные предпосылки и причины учреждения Издательского совета.

Первым, кто выступил с серьезным предложением создать центральное учреждение по изданию веро- и нравоучительной литературы, был протоиерей, впоследствии священномученик Иоанн Восторгов. На Миссионерском съезде в Киеве в 1908 г. он заявил, что «совершенно назрела потребность дать народу апологетическую литературу в общедоступном изложении»². Учитывая тот факт, что данное предложение было принято всем съездом и отправлено на рассмотрение Св. Синода, высший церковный орган вынужден был на это реагировать. В таких случаях обычно создавалась рабочая группа, члены которой не только прорабатывали возможные варианты работы будущей структуры, но и наводили справки по поводу того, что было сделано раньше в данной сфере.

В 1913 г., когда был открыт Издательский совет, на страницах официального синодального журнала «Церковные ведомости» был опубликован пространный, довольно откровенный и критический очерк (на основании дела из канцелярии Св. Синода) об издательской деятельности Синода в предшествующие десятилетия³. Несмотря на то, что традиционно принято критиковать жесткость — иногда даже жестокость — духовной цензуры в синодальный период, трудно представить, чтобы в настоящее время на страницах какого-нибудь официального органа того или иного учреждения была опубликована статья с резкой критикой этого самого учреждения! В синодальный период, как выясняется из содержания статьи, это было возможно.

Итак, первой и главной причиной учреждения Издательского совета была необходимость усилить издательскую церковную деятельность в контексте важности усиления миссионерской работы. В синодальной записке по поводу общедоступной для простого народа литературы отмечалось, что одна из первых и серьезных попыток создать что-то наподобие центрального органа была предпринята еще в 1840-х гг. Правда, инициатива исходила вовсе не от церковных деятелей, а от члена Московского комитета Высочайше учрежденного попечительного общества о тюрьмах А. Н. Львова. Впрочем, даже несмотря на то, что на данный проект был получен благоприятный отзыв митрополита Московского Филарета (Дроздова), к сожалению, данная инициатива так и не была воплощена в реальность. Следующая попытка централизованно издавать литературу для простых людей была предпринята в 1855 г., когда при Санкт-Петербургской духовной академии был учрежден Комитет для издания кратких и дешевых книг духовно-нравственного содержания⁴. Данный орган проработал только до 1863 г., когда был упразднен, а составленные, но ненапечатанные тексты по распоряжению высшей церковной власти было решено опубликовать не в виде брошюр, а на страницах журнала «Духовная беседа», где тогда публиковались в том числе и официальные документы Св. Синода. По словам составителя синодальной записки, это было серьезной ошибкой: «Святейший Синод сам выпустил из рук церковной власти дело церковного издательства»⁵.

Вторым аспектом, на который обратили внимание инициаторы учреждения Издательского совета, являлась работа по исправлению богослужебных книг и отчасти книг Священного Писания. Так, в очерке указывалось, что еще в 1869 г. в Москве

¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. С. 141.

² Об Издательском Совете при Святейшем Синоде // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 18–19. С. 812.

³ Там же. С. 796–821.

⁴ Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 428–429.

⁵ Об Издательском Совете при Святейшем Синоде... С. 807.

для пересмотра богослужебных книг был учрежден специальный комитет, работавший в течение 15 лет. Далее, в 1884 г., при Синоде была образована особая комиссия, которая с перерывами работала вплоть до начала XX в. Наконец, в 1907 г. под председательством архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского) была образована еще одна комиссия, в состав которой входили такие видные ученые и специалисты как профессор Е. И. Ловягин, протоиерей Димитрий Мегорский, профессор Н. Н. Глубоковский, начальник архива и библиотеки Св. Синода К. Я. Здравомыслов и многие другие⁶. Примечательно, что, когда шло обсуждение вопроса по поводу необходимости учреждения центрального органа, регулирующего издательскую деятельность Русской Церкви, управляющий Московской синодальной типографией С. Д. Войт попытался в 1909 г. перехватить инициативу в пользу своего учреждения и составил довольно подробную и аргументированную записку. Впрочем, Синод не пошел на это, учредив отдельный орган, что, безусловно, было правильнее. Примечательно, что, говоря о недостатках церковно-славянских богослужебных книг, авторы преподносили данный тезис в качестве аксиомы: «Недостатки текста наших церковно-богослужебных изданий стали общим местом и потому нет надобности говорить об этом пространно. Достаточно сказать, что вздохи о погрешностях и опечатках в богослужебных книгах несутся не только из глубины России, но и от наших зарубежных собратий по исповеданию»⁷.

Третьей причиной учреждения Совета являлась необходимость издания качественных учебников и учебных пособий, как для духовных, так и светских начальных и средних учебных заведений. Составитель записки довольно пафосно, но вполне справедливо утверждал: «Приспело время церковной власти взять в свои руки это дело уже по одному тому, что Церковь есть учительница по преимуществу и, конечно, ее внимание прежде всего должно быть обращено на подрастающие поколения, тем более, что школа подготавливает будущих деятелей на различных поприщах церковной и общественной и государственной жизни и отношение этих деятелей к Церкви определится в меру того, какие воспоминания, какую закваску оставила она в них в период школьной подготовки»⁸.

Четвертой предпосылкой для создания совета послужила ситуация, сложившаяся в области духовной цензуры после дарованных в 1905 г. свобод. В рамках заседаний нескольких специальных совещаний, образованных после 1905 г. и действовавших вплоть до начала Первой мировой войны, активно обсуждался вопрос о цензурной деятельности Русской Православной Церкви⁹. Из материалов заседаний видно, что значительная часть членов в том числе и цензурных комитетов выступали если не за полную отмену цензуры — хотя были и такие, — то за существенное ее смягчение. Так, в 1905 г. было признано нежелательным «придавать церковному наблюдению за литературой формально-юридический характер». Было высказано мнение, что Церковь должна ограждать чистоту литературы только «духовными мерами, т.е. произнесением своих суждений о произведениях печати и предложением предупредительных рецензий к руководству верующих»¹⁰. Тогда же предлагалось создать Церковно-печатный комитет.

Таким образом, с 1908 по 1913 гг., теперь уже по поручению Св. Синода, при непосредственном участии обер-прокуроров обсуждался вопрос о возможности, важности и структуре нового синодального учреждения, призванного отвечать за церковную литературу. Главной причиной, почему Св. Синод на этот раз не отказался от печатного дела, являлась неблагоприятная ситуация, сложившаяся в области книжного дела и периодической печати. В 1913 г. по этому поводу синодальные чиновники писали, что «новое учреждение должно быть осуществлено и введено в жизнь как можно

⁶ См.: РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 49.

⁷ Об Издательском Совете при Святейшем Синоде... С. 819.

⁸ Там же. С. 818.

⁹ См. подр.: РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5872.

¹⁰ Об Издательском Совете при Святейшем Синоде... С. 809.

скорее, ибо время не терпит; пропаганда политических лжеучений ныне ослабевает, вместо нее гигантскими волнами нарастает пропаганда сектантская, имеющая целью путем церковной революции способствовать и политической революции»¹¹.

После довольно продолжительного обсуждения проект положения об Издательском совете был разработан, рассмотрен и принят на заседании Синода 13 марта 1913 г. Разработанный проект положения¹² об Издательском совете при Св. Синода был представлен на рассмотрение императору Николаю II 21 марта 1913 г. в Царском Селе. Царь на представленном документе написал: «Быть по сему»¹³.

Итак, согласно первой статье положения, Издательский совет был создан с целью объединения и планомерного развития издательской деятельности Российской Православной Церкви. В состав Совета входили председатель, являвшийся одновременно с этим членом Св. Синода, и четыре постоянных члена из лиц духовного и светского звания. Председателю было дано право по мере необходимости приглашать в состав Совета лиц, которые были известны своими трудами в литературном и издательском деле (ст. 2–3).

Издательский совет в первую очередь должен был осуществлять руководство по изданию трудов, так или иначе «назначаемых для церковного употребления» (ст. 5). К этой группе были отнесены книги Священного Писания, богослужебные и символические книги, церковные ноты, священные изображения. Согласно шестой статье положения, Совет должен был осуществлять самую настоящую научно-исследовательскую работу, поскольку, согласно этому пункту, предполагалось, что члены Совета при издании библейских и богослужебных книг будут учитывать достижения современной богословской науки, в частности, исследования в области библейской истории, археологии и филологии (ст. 6).

Согласно седьмому пункту, предполагалось, что именно Издательский совет будет издавать и снабжать учебниками и учебными пособиями духовно-учебные заведения, т. е. духовные училища и семинарии. Что касается других учебных заведений, которые в положении не указаны, но под которыми, надо полагать, имелись в виду светские гимназии и отчасти университеты, то туда необходимо было направлять учебные руководства по догматическому и нравственному богословию, а также по истории и церковному праву. Также Совет должен был предпринять меры по снабжению и наполнению соответствующей литературой фундаментальных, ученических и школьных библиотек. При этом в примечании отдельно подчеркивалось, что снабжение церковных школ, т. е. церковно-приходских, оставалось за Издательской комиссией при Училищном совете¹⁴.

В восьмом пункте в общих чертах описывается тематика предполагаемых к изданию сочинений, «раскрывающих положительное веро- и нравоучение Православной Церкви, а также излагающих в общепонятной форме данные науки о природе и человеке в свете богооткровенной истины в противоположность современному вероотрицанию, материализму, социалистическим учениям, издает жития святых, святоотеческие творения, назидательные рассказы из истории и жизни и т. д.»¹⁵. Также в положении указывалось, что Совет должен издавать полемическую литературу, направленную на критику язычества, ислама, католичества, лютеранства, сектантского и старообрядческого учения (ст. 9).

¹¹ Там же. С. 816–817.

¹² См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том XXXIII. Отделение 1. 1913 г. СПб., 1914. № 39012. С. 307–308; От 26 марта — 4 апреля 1913 года за № 2660, об учреждении Издательского Совета при Святейшем Синоде и Положение о названном Совете // Церковные ведомости. 1913. № 18–19. С. 272–275.

¹³ Там же. С. 272–273.

¹⁴ О нем см.: Красницкая Т. А. Управленческая структура церковно-школьной образовательной системы в Российской империи: последняя треть XIX — начало XX века // Грамота. 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 87–98.

¹⁵ 3 ПСЗ. № 39012. С. 307.

Десятый пункт напрямую был связан с духовной цензурой, поскольку, согласно данному пункту, Совет должен был рассматривать по поручению Синода, а также по собственной инициативе книги и сочинения, и представлять свое мнение об их содержании и качестве в Св. Синод.

Одиннадцатый пункт представляет особый интерес, поскольку, согласно ему, Совет имел возможность для реализации своих основных задач объявлять и проводить разного рода конкурсы, контактировать с различными авторами, т.е., по сути, заказывать те или иные тексты, впоследствии даже выкупая их в свою собственность. Другими словами, данный пункт положения открывал возможность для творческой реализации стоящих перед Советом планов и проектов.

Пункты с 12-го по 20-й касались экономической стороны издательского дела. Так, предполагалось, что к началу каждого года Совет будет предоставлять в Синод: а) программу издательства на год вперед, изменения в которой возможно было сделать только с веденя и утверждения Св. Синода; б) смету доходов и расходов на календарный год; в) отчет о деятельности Совета за истекший год. При этом смета должна была сначала проверяться Хозяйственным контролем, после чего утверждалась Синодом.

Предполагалось, что доходы Совета будут состоять из двух источников: из доходов от продажи изданий, а также возможных пожертвований. Доходы вполне ожидаемо предполагалось направлять на расширение деятельности Совета и оплату труда его членов. Кроме того, предполагалось, что «чистый доход» будет обращаться в запасный капитал Совета и впоследствии будет использоваться исключительно с разрешения Синода. Что же касается пожертвований, то их предполагалось расходовать, естественно, в соответствии с волей жертвователей.

Последние три пункта положения касались распространения изданий Совета. С целью более эффективного распространения предполагалось в каждом епархиальном городе устроить склад. Издания же со складов должны были приобретать и распространять уже непосредственно по территории епархии разного рода епархиальные учреждения и лица: братства, училищные советы и их отделы, епархиальные и окружные наблюдатели и миссионеры, благочиннические библиотеки, духовенство, приходские советы, церковные старосты, учителя. Примечательно, что книгоноши в положении упомянуты не были. Совет в будущем должен был разработать специальные инструкции для организации складов и особенностей работы своей «агентуры», и представить их на рассмотрение Синода.

Указом Св. Синода от 4 апреля 1913 г. за № 3152 председателем Издательского Совета при Святейшем Синоде был назначен архиепископ Вологодский Никон (Рождественский)¹⁶. К тому времени владыка был хорошо известен именно своей издательской деятельностью. Так, например, еще в 1879 г. он основал периодическое издание «Троицкие листки», которое редактировал вплоть до 1904 г. За 30 лет было издано

Архиепископ
Никон (Рождественский)

¹⁶ См.: Церковные ведомости. № 1913. № 17. С. 176; РГИА. Ф. 797. Оп. 83. П отд. 3 ст. Д. 219.

Священномученик
Василий (Богоявленский)

более 130 млн листов. При этом надо учитывать тот факт, что, наряду с научно-популярными статьями, на страницах листов публиковались и серьезные тексты. Так, в 1900 г. владыка Никон был удостоен авторитетной Макарьевской премии за опубликованное на страницах «Троицких листов» толкование на Евангелие¹⁷.

Владыка Никон занимал эту должность вплоть до 1 июля 1916 г., когда ему на смену пришел в качестве исполняющего должность¹⁸ епископ Василий (Богоявленский)¹⁹, будущий священномученик. Примечательно, что еще до своего назначения, будучи епископом Черниговским, владыка Василий также большое внимание уделял издательской деятельности. Именно при нем с 1912 г. стал выходить ежемесячный журнал «Вера и жизнь», а с 1914 г. при братстве св. кн. Михаила Черниговского издавалась газета «Черниговский церковно-общественный вестник», сначала 3 раза в неделю, потом ежедневно.

В 1917 г., надо полагать, деятельность Издательского совета на главе с епископом Василием была прекращена. В апреле того же года Временным Правительством владыка был освобожден от присутствия в Св. Синоде, а в мае был отправлен на покой. В 1918 г. он был расстрелян²⁰.

К сожалению, Издательский совет при Св. Синоде, созданный практически за год до начала Первой мировой войны, по объективным причинам не смог развернуть свою деятельность в масштабах и объеме, каких хотели и предполагали инициаторы создания данной синодальной структуры. Остается только предположить, что, если бы обстановка была более благополучной, то Издательский совет стал бы крупнейшим церковным издательством, не только проверяющим и издающим авторские рукописи, но и заказывающим необходимые учебники, учебные пособия, брошюры, листки для общенародного чтения. Кроме того, он в итоге, скорее всего, заменил бы собой центральные духовно-цензурные комитеты в Санкт-Петербурге и Москве, став не единственным, но крупным центром по рецензированию, т.е. цензурированию большей части духовной литературы, выходящей на территории Российской империи.

Источники и литература

1. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998.
2. *Дамаскин (Орловский), иг., Калганов К. Г.* Василий (Богоявленский), сщмч. // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 37–38.

¹⁷ Никон (Рождественский), архиеп. // Православная энциклопедия. Т. LI. М., 2018. С. 19.

¹⁸ *Дамаскин (Орловский), иг., Калганов К. Г.* Василий (Богоявленский), сщмч. // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 38.

¹⁹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. С. 146.

²⁰ См. подр.: *Дамаскин (Орловский), иг., Калганов К. Г.* Василий (Богоявленский), сщмч. // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 38.

3. Красницкая Т. А. Управленческая структура церковно-школьной образовательной системы в Российской империи: последняя треть XIX — начало XX века // Грамота. 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 87–98.
4. Никон (Рождественский), архиеп. // Православная энциклопедия. Т. LI. М., 2018. С. 17–20.
5. Об Издательском Совете при Святейшем Синоде // Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 18–19. С. 796–821.
6. От 26 марта — 4 апреля 1913 года за № 2660, об учреждении Издательского Совета при Святейшем Синоде и Положение о названном Совете // Церковные ведомости. 1913. № 18–19. С. 272–275.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том XXXIII. Отделение 1. 1913 г. СПб., 1914.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5872 // О пересмотре постановлений о духовной цензуре.
9. РГИА. Ф. 797. Оп. 83. II отд. 3 ст. Д. 219 // Об учреждении Издательского Совета при Синоде.
10. РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 49 // Об исправлении текста «Триоди Постной» членами комиссии по исправлению текста богослужбных книг под председательством архиепископом Финляндского Сергия и о печатании новоисправленных богослужбных книг Московской синодальной типографии.
11. Церковные ведомости. № 1913. № 17. С. 176.
12. Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Священник Иоанн Кудласевич

**Архимандрит Леонид (Кавелин)
и вопросы церковной реформы:
опыт публичной полемики¹**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_222

Аннотация: Статья посвящена проблематике изучения отношений Церкви и государства в синодальный период ее истории. В центре внимания исследователя — обсуждение церковных преобразований в эпоху Великих реформ Александра II. На примере научной дискуссии между сторонниками либеральных реформ и видным представителем русского монашества архимандритом Леонидом (Кавелиным) рассматриваются коренные отличия в подходах к реформе высшего церковного управления. В качестве источников автор привлекает малоизвестные публикации отца Леонида, посвященные обсуждению вопроса о допустимости избрания на святительские кафедры белого духовенства. Для осмысления взглядов оптинского монаха на проблемы церковной и монашеской жизни автором привлечена частная переписка с видным государственным деятелем и ученым А. С. Норовым. Анализ воззрений отца Леонида, очевидным образом проявивших себя в пореформенную эпоху, позволяет сделать вывод о его приверженности традициям древнего монашества и канонического устройства Церкви.

Ключевые слова: Церковь и государство, церковные реформы, архимандрит Леонид (Кавелин), либералы и славянофилы, вопрос о монашестве епископов, каноническое право и традиция, И. А. Чистович, протоиерей Александр Горский, исторический подход и анализ источников.

Об авторе: **Священник Иоанн Николаевич Кудласевич**

Магистр богословия, аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

E-mail: 0-001@tut.by

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5103-1777>

Ссылка на статью: Кудласевич И., свящ. Архимандрит Леонид (Кавелин) и вопросы церковной реформы: опыт публичной полемики // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 222–229.

* Фотографии взяты из открытых источников.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта N 20-09-41016

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Priest Ioann Kudlasevich

**Archimandrite Leonid (Kavelin)
and the issues of the Church reform:
the experience of public debate**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_222

Abstract: The article discusses the problem of studying the relationships between Church and state in the Synodical period of her history. The focus of the research is a discussion of Church transformations in the period of the Great Reforms of Alexander II. On the example of a scientific discussion between the supporters of liberal reforms and a prominent representative of Russian monasticism, Archimandrite Leonid (Kavelin), fundamental differences in approaches to the reform of higher Church administration are examined. As sources the author uses Fr. Leonid's obscure publications devoted to the discussion of whether it was permissible to elect the representatives of white clergy to episcopal sees. To reflect on the views of the Optina monk on the problems of the Church and monastic life, the author uses private correspondence with a prominent statesman and scholar A. S. Norov. The analysis of Fr. Leonid's views, revealed after the period of the reforms, makes it possible for us to conclude that he was an adherent to the traditions of ancient monasticism and the canonical order of the Church.

Keywords: Church and state, Church reforms, Archimandrite Leonid (Kavelin), liberals and Slavophiles, the question of bishops' monasticism, Canon law and Tradition, I. A. Chistovich, A. V. Gorsky, historical approach and analysis of sources.

About the author: **Priest Ioann Nikolaevich Kudlasevich**

Master of Theology, postgraduate of Ss Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies.

E-mail: 0-001@tut.by

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5103-1777>

Article link: Kudlasevich I., priest. Archimandrite Leonid (Kavelin) and the issues of the Church reform: the experience of public debate. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 222–229.

* Photos are taken from open sources.

Архимандрит
Леонид (Кавелин)

К середине XIX в. потребность в проведении церковных преобразований в России сделалась очевидной. С началом эпохи Великих реформ в русском обществе пробудились надежды на изменение отношений, сложившихся между Церковью и государством в синодальный период. Поиск выхода из назревшего кризиса в системе церковно-государственных отношений получил свое выражение в ряде проектов и откликов на них. Их авторами были архиереи и миряне, монахи и православные общественные деятели, высшие сановники и инакомыслящие².

Широкая общественная дискуссия развернулась в том числе на страницах периодической печати в 1860-х гг. Одним из участников дискуссии о реформе высшего церковного управления стал известный церковный деятель архимандрит Леонид (Кавелин)³. Осмысление опыта его восприятия проводимых реформ представляет значительный интерес для исследователей. Между тем в исторической литературе этот аспект в изучении биографии отца Леонида никогда не рассматривался.

По мере ослабления цензурных ограничений одним из первых в сфере публичного обсуждения оказался вопрос о допустимости возведения в епископское достоинство представителей белого духовенства. В 1862 г. дискуссию по этому вопросу в печати открыл церковный историк, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии И. А. Чистович. В газете славянофилов «День» была опубликована его статья о митрополите Арсении (Мацеевиче; † 1772), принявшем мученическую кончину за Церковь в царствование Екатерины II⁴.

Изучение следственного дела владыки Арсения, лишённого духовного и монашеского сана за неприятие церковных реформ, позволило И. А. Чистовичу изложить свою позицию по вопросу о монашестве епископов. Непосредственным поводом для историка послужило высказывание митрополита Арсения по поводу указа об изъятии монастырских земельных владений (1764): «Без монашества неоткуда быть архиереям». Приведенный владыкой довод автор статьи посчитал заблуждением, так как «их [архиереев] судьба исторически и канонически не связана с монашеством»⁵.

В заочной полемике с митрополитом Арсением историк ссылался на отсутствие в церковных канонах правила о монашестве епископов. По мнению И. А. Чистовича, возведение на епископские кафедры представителей монашествующего духовенства искажало сущность самого монашества, поскольку «обеты монашествующих содержат в себе долг повиновения и ученичества, а не учительства и начальствования». Для усиления аргументации историк ссылался на практику некоторых Восточных Церквей, где «по настоящее время выбирают епископа не из монахов, а из белого духовенства»⁶.

² См. подробнее: *Бежанидзе Г. В.* Проекты устройства высшего управления Русской Церкви середины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Вып. 5 (48). 2012. С. 7–24.

³ См. подробнее: *Смирнова И. Ю.* Леонид (Кавелин), архим. // Православная энциклопедия. Т. XL. М., 2015. С. 467–473.

⁴ *Чистович И. А.* Еще об Арсении Мацеевиче // День. 1862. № 25.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Судя по всему, своей позицией по вопросу о монашестве епископов И. А. Чистович выразил определенные либеральные настроения в высших кругах петербургского общества, учитывая, что историк приходился зятем протопресвитеру Василию Жабанову — духовнику членов Императорского Дома.

Точку зрения И. А. Чистовича разделяли и славянофилы во главе с редактором газеты «День» И. С. Аксаковым. В одном из номеров этого издания была опубликована статья некоего господина *Сп-кова* «Были ли у нас в древней Руси епископы не монахи?»⁷. Ответ на поставленный вопрос представлялся автору статьи не только «странным», но и «окончательно решенным»: избрание епископов из белого духовенства было широко распространенной практикой, не предполагавшей предварительного посвящения в монашеский сан. Такая практика существовала не только в Великом Новгороде, но и по всей Древней Руси, причем «избрание епископов осуществлял народ вместе с белым духовенством и князьями»⁸.

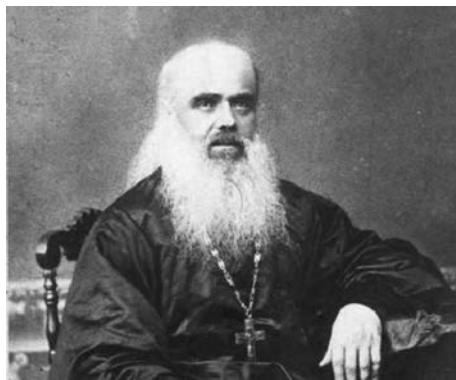
Анонимный автор аргументировал свою точку зрения примерами епископа Ростовского, Суздальского и Владимирского Иоанна († после 1214) и архиепископа Новгородского и Псковского Василия Калеки († 1352). Оба святителя, как утверждал *Сп-ков*, упоминаются в летописях с прежними именами. Согласно Лаврентьевской летописи, епископ Иоанн «пострижеса в черныце в монастыри Боголюбом» уже после оставления святительской кафедры.

Без предварительного пострижения в монашество, по мнению автора, были рукоположены в духовный сан митрополит Киевский Иларион († 1055), именуемый в летописных источниках «презвутером», и архиепископы Новгородской кафедры Иоанн († 1186) с братом Гавриилом († 1193). По убеждению *Сп-кова*, «избранием простого священника в епископа общество свидетельствовало о своем глубоком уважении к святой и благочестивой его жизни»⁹.

Истоки традиции поставления епископов исключительно из черного духовенства автор статьи относил к концу XV в. Именно тогда прп. Иосиф Волоцкий в полемике с прп. Нилом Сорским впервые определил монашеству «уже новую, прежде не известную миссию — приготовление епископов Церкви»¹⁰. Между тем, укоренившийся с тех пор порядок противоречил, по мнению *Сп-кова*, идеалам монашества с его приверженностью к аскетизму, строгим постам, «веригам и затворам». Отсюда автор делал вывод: требовать от епископа вступления в монашество «нравственно невозможно».

Публикация статьи и ее широкое обсуждение в церковных и общественных кругах крайне встревожили обер-прокурора Св. Синода А. П. Акматова, состоявшего в тесном общении с митрополитом Филаретом (Дроздовым). По рекомендации святителя обер-прокурор обратился к ректору Московской духовной академии архимандриту Савве (Тихомирову). Задача написать опровержение статьи была возложена на профессора протоиерея Александра Горского¹¹.

Между тем первым на резонансную публикацию откликнулся отец Леонид (Кавелин), в ту пору иеромонах Оптиной пустыни.

Протоиерей
Александр Горский

⁷ [*Сп-ков*]. Были ли у нас в древней Руси епископы не монахи? // День. 1862. № 30.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1997. Кн. VIII. Ч. 1. С. 315.

В сентябре 1862 г. его статья «Ответ г-ну Сп-кову...» была опубликована в той же газете «День» под псевдонимом *Ставро*¹².

Воспитанник оптинских старцев признал сочинение *Сп-кова* основанным на «голословных рассуждениях», не подкрепленных убедительными аргументами и фактами. Не оспаривая случаи поставления епископов из белого духовенства, автор статьи вместе с тем настаивал, что «избираемые непременно должны были прежде посвящения в Епископы принять пострижение в иноческий чин»¹³.

«Ради исторической истины» оптинский монах предложил еще раз обратиться к тем единичным фактам, на основании которых был сделан «общий и столь решительный вывод» *Сп-кова*. Первым из перечня «епископов не монахов» следовало исключить митрополита Илариона, родоначальника самой традиции рукоположения монахов во епископы. Убедительным доказательством его принадлежности к монашеству служила именная запись в сочинении святителя «Символ веры»: «Аз милостию человеколюбивого Бога мних и пресвитер Иларион». Не менее доказательным для исследователя было и свидетельство о пострижении «презвутера» Илариона прп. Антонием Печерским, упомянутое в «Послании еп. Владимирского и Суздальского Симона к черноризцу печерскому Поликарпу» (начало XIII в.)¹⁴.

Не соответствовали исторической достоверности и примеры с новгородскими святителями. Так, приведенные отцом Леонидом свидетельства из Новгородской третьей летописи прямо указывали на смену имен епископа Новгородского Иоанна — «в мире был Илия»¹⁵, и Григория Калеки — «наречен бысть именем Василий»¹⁶.

Неубедительным посчитал исследователь и пример епископа Суздальского Иоанна. По его утверждению, в древнерусских летописях «выражение “постричься в чернецы” употреблялось одинаково как для пострига в схиму, так и в мантию»¹⁷. В подтверждение сказанному отец Леонид приводит запись из жития святителя, составленного в XVI в. иноком суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Григорием и включенного в состав Боголюбского летописца (XVII в.)¹⁸. Из жития следует, что после оставления кафедры отец Иоанн «пострижеся в схиму» и, пребывая в Боголюбской обители, совершал там подвиги молитвы и поста безмолвником.

Таким образом, приведенные оппонентом доводы с целью обосновать реформу высшего церковного управления исследователь посчитал не только неубедительными, но и противоречащими «благочестивому обычаю, который от долговременного действия в церковной практике получил силу правила и перешел к нам в этом виде от Греков»¹⁹.

В том же номере газеты «День» за публикацией отца Леонида (Кавелина) следовала ответная полемическая статья некоего сотрудника редакции, подписавшегося литерой Б.²⁰ Для «беспристрастности суждений» анонимный автор рекомендовал оптинскому монаху заняться «внимательным изучением церковных правил, как Грече-

¹² *Ставро*. Ответ г-ну Сп-кову на его вопрос: «Были ли у нас в древней Руси епископы не монахи?» // День. 1862. № 35.

¹³ Там же.

¹⁴ Вопрос о пострижении митр. Илариона прп. Антонием Печерским относится к дискуссионным. См.: Турилов А. А., Э. П. Р. Иларион, митр. Киевский // Православная энциклопедия. Т. XXII. М., 2009. С. 122–126.

¹⁵ Новгородская третья летопись // ПСРЛ. СПб., 1847. Т. 3. С. 215.

¹⁶ Там же. С. 224.

¹⁷ *Ставро*. Ответ г-ну Сп-кову...

¹⁸ В распоряжении отца Леонида (Кавелина) находился список Боголюбского летописца второй половины XVII в., в состав которого было включено житие святителя.

¹⁹ Ответ г-ну Сп-кову...

²⁰ Ответ Ставро // День. 1862. № 35. Возможно, автором статьи был архимандрит Феодор (Бухарев; 1822–1871), богослов, религиозный и литературный критик, цензор. В 1861 г. отец Феодор был уволен из Комитета цензуры духовных книг за либеральные взгляды, после чего остался без средств к существованию. Подробнее о нем см.: Фатеев В. А. Бухарев А. М. // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 398–401.

ских, так и Русских, и прилежной ученой разработкой исторических и других древних памятников, относящихся к сему предмету»²¹.

Решительное возражение у автора статьи вызвал пример митрополита Илариона, основанный, по его мнению, на свидетельствах из печатного издания Печерского Патерика — известной «переделке печерских монахов второй половины XVII столетия»²².

По тем же основаниям был отведен и пример епископа Суздальского Иоанна. Архимандриту Леониду было указано на противоречия свидетельств в Боголюбском летописце («пострижеса в схиму») и Лаврентьевской летописи («пострижеса в черньце»). Не заслуживало доверия и житие святителя, составленное, как утверждалось в редакционной статье, «под влиянием современного образа мыслей»²³. Наконец, большие сомнения вызывала рукопись, на которую ссылался отец Леонид, поскольку она «есть лишь копия с древней, но о древности этой, не известной, нет никаких свидетельств»²⁴.

На критику анонимного автора отец Леонид ответил статьей в журнале «Домашняя беседа для народного чтения»²⁵, издававшемся в Петербурге известным духовным публицистом А. В. Аскоченским²⁶. Данный ему совет заняться внимательным изучением церковных правил и древних памятников отец Леонид назвал «учеными приемами... для прикрытия видимой скудости положительных доказательств к опровержению мнения противника...»²⁷.

В ответ на упрек о недостоверности свидетельств в печатном издании Печерского патерика о пострижении митрополита Илариона, отец Леонид обратил внимание оппонента на подстрочные примечания в своем исследовании. Там имелись прямые ссылки на другие, возможно, не замеченные оппонентом источники. «Хочу думать, — писал исследователь, — что это произошло именно от недосмотра, а не сделано с умыслом»²⁸.

Возмутило его в редакционной статье и голословное обвинение «русских иноков в порче древних памятников нашей старины». Возможную причину таких нападок отец Леонид усматривал в личном предубеждении своего оппонента к монашеству. «Для успокоения [его] ученого скептицизма» исследователь был готов предоставить в редакцию имевшийся у него список Боголюбского летописца (1770), принадлежавший ранее игумену этой обители, а также опись монастырской библиотеки, где, между прочим, значился и «летописец..., оный подлинный писан на 75 тетрадах»²⁹.

В продолжение своей полемики отец Леонид привел составленный им список епископов Суздальских и Владимирских, возведенных на святительскую кафедру из монахов, и предложил своим оппонентам составить такой же список «епископов не монахов».

Тем временем в официальном периодическом издании Московской духовной академии было опубликовано исследование протоиерея А. В. Горского «О сане епископском в отношении к Церкви Восточной»³⁰. Обратившись к изучению церковно-канонической истории данного вопроса, автор был вынужден признать,

²¹ Ответ Ставросу.

²² Там же.

²³ Здесь имеется в виду общее оживление в монастырях агиографической работы, возглавляемой в XVI в. митрополитом Макарием.

²⁴ Ответ Ставросу.

²⁵ [Леонид Кавелин]. Ответ на заметку г. Б. по вопросу «Были ли на Руси епископы не монахи?» // Домашняя беседа. 1862. № 49. С. 477–483.

²⁶ В 1862 г. из-за статей А. В. Аскоченского, обвинившего отца Феодора (Бухарева) в «еретичестве», Св. Синод запретил издавать его сочинение «Исследование Апокалипсиса». В знак протеста в 1862 г. отец Феодор подал прошение о снятии духовного и монашеского сана; в 1863 г. был расстрижен с лишением звания магистра.

²⁷ [Леонид Кавелин]. Ответ на заметку г. Б... С. 477.

²⁸ Там же. С. 479.

²⁹ Там же.

³⁰ Горский А., прот. О сане епископском в отношении к Церкви Восточной // Прибавления к изданию Творений Св. Отцов. 1862. Ч. 21. Кн. 3. С. 321–375.

Протоиерей
Александр Горский

что в Апостольских и Соборных правилах епископский сан не был узаконен в качестве особой привилегии для монашества. Вместе с тем протоиерей А. Горский отмечал, что с IX в. существовавшая в Восточной Церкви практика избрания епископов из белого духовенства постепенно менялась в пользу монашествующих, из «уважения к достоинству жизни иноческой»³¹.

В отличие от Византии, в Древней Руси порядок рукоположения монахов на святительскую кафедру утвердился сразу с принятием христианства. Однако вслед за либеральными авторами отец Александр признавал, что единичные случаи поставления простых священников во епископы безусловно были. Между тем опубликованное им исследование не оправдало ожидания обер-прокурора Св. Синода. Автору не удалось выразить принципиальную богословскую позицию по вопросу, получившему широкое обсуждение в церковно-либеральных кругах³².

На публикацию протоиерея Александра Горского оптинский монах откликнулся в частной переписке с видным государственным деятелем, археологом и археографом А. С. Норовым. Возмущенный результатами опубликованного исследования, отец Леонид в полемическом задоре писал своему адресату: «Автор, сам первый кандидат в епископы не монахи (можно ожидать беспристрастия?), доказывает, что будто бы в Древней Руси было несколько епископов не монахов, тогда как я могу с одними летописцами в руках доказать, что в Древней Руси не было ни одного епископа не монаха и указать неосновательность выводов г. Горского»³³.

Вместе с тем опыт публичной полемики обернулся для воспитанника оптинских старцев глубоким разочарованием. В том же письме к Норову он с горечью констатировал: «Но кто станет слушать слова какого-то пустынного монаха, когда огромному числу “необходимо” во что бы то ни стало уверить, что были на Руси епископы не монахи, для того чтобы они могли появиться вновь, в видах материального улучшения белого духовенства?»³⁴.

Забота о приоритетах материального в ущерб духовному составляла, по мнению оптинского монаха, суть задуманных церковных преобразований в условиях стремительно менявшейся жизни в пореформенной России. «Гораздо выгоднее идти за веком, чем за Христом, — пояснял отец Леонид мотивацию позитивистов-реформаторов. — Век, усмотрев такое усердие, не оставит позаботиться о материальном улучшении быта бегущих за ним по широкой дороге и сделает это в ущерб бредущим по узкому и тернистому пути за Христом»³⁵.

Вопрос о монашеском сане епископов окончательно размежевал воспитанника оптинских старцев со славянофилами, под влиянием которых в 1840–1850-х гг. формировалось его мировоззрение. Отныне в их деятельности и церковно-реформаторских

³¹ Там же. С. 364.

³² По поручению митрополита Филарета (Дроздова) публичное опровержение статьи *Сп-кова* было написано ректором Казанской духовной академии, профессором-канонистом архимандритом Иоанном (Соколовым). См.: *Иоанн (Соколов), архим.* О монашестве епископов. Казань: Унив. тип., 1863. 243 с.

³³ *Алексеев И. А., Вах К. А.* Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с Авраамом Сергеевичем Норовым. 1860–1865 гг. // Православный Палестинский сборник. 2019. Вып. 116. С. 280.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 281.

инициативах архимандрит Леонид усматривал прямую угрозу для монашества. «Славянофилы, — разъяснял отец Леонид суть происходящего Норову, — вместе с издателем газеты “Православного обозрения”, имея притом на своей стороне многих сильных лиц в Петербурге, затеяли во что бы то ни стало произвести реформу в Русской Церкви и, считая помехою в этом монашество, положили начать с его уничтожения путем уничтожения, для чего необходимо завести епископов не монахов...»³⁶.

Размышляя о роли и значении монашества в условиях пореформенной России, отец Леонид был вынужден с горечью констатировать: «В век нигилизма, который открыто проповедует по всей России сторонниками лондонских агитаторов³⁷, при ложном направлении идей века о неизменяемом и вечном, монашество не может быть любимо, ибо оно твердо стоит на стороне того учения, Апостол которого сказал вслух всех верующих: “Молю вас, братие, не сообразуйтесь веку сему, не преобразуйтесь обновлением ума вашего”...»³⁸.

Анализ воззрений архимандрита Леонида (Кавелина) на проводимые государством церковные преобразования позволяет соотнести их по ряду признаков с идеологией консервативного крыла русского духовенства. Будучи воспитанником оптинских старцев, отец Леонид оставался приверженцем древних монашеских традиций и канонического устройства Церкви. В реформе высшего церковного управления он усматривал предпосылки для разрушения монашества как важного института Православной Церкви.

Источники и литература

1. *Алексеев И. А., Вах К. А.* Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с Авраамом Сергеевичем Норовым. 1860–1865 гг. // Православный Палестинский сборник. 2019. Вып. 116. С. 261–316.
2. *Бижанидзе Г. В.* Проекты устройства высшего управления Русской Церкви середины XIX в. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 5 (48). 2012. С. 7–24.
3. *Горский А., прот.* О сане епископском в отношении к Церкви Восточной // Прибавления к изданию Творений Св. Отцов. 1862. Ч. 21. Кн. 3. С. 321–375.
4. *Иоанн (Соколов), архим.* О монашестве епископов. Казань: Унив. тип., 1863. 243 с.
5. [*Леонид Кавелин*]. Ответ на заметку г. Б. по вопросу «Были ли на Руси епископы не монахи?» // Домашняя беседа. 1862. № 49. С. 477–483.
6. Новгородская третья летопись // ПСРЛ. Т. 3. СПб.: тип. Э. Праца, 1847.
7. Ответ Ставросу // День. 1862. № 35.
8. Письмо о. Леонида (Кавелина) к А. С. Норову. Декабрь 1862 // ППС. Вып. 116. М., 2019. С. 280–281.
9. *Смирнова И. Ю.* Леонид (Кавелин), архим. // Православная энциклопедия. Т. XL. М., 2015. С. 467–473.
10. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917: в 2 ч. / Ред. пер. с нем. А. В. Назаренко. М.: изд-во Спасо-Преображенского Валаамского м-ря, 1997. Ч. 1. С. 315.
11. [*Сп-ков*]. Были ли у нас в древней Руси епископы не монахи? // День. 1862. № 30.
12. *Ставрос*. Ответ г-ну Сп-кову на его вопрос: «Были ли у нас в древней Руси епископы не монахи?» // День. 1862. № 35. 14 с.
13. *Турилов А. А., Э. П. Р.* Иларион, митр. Киевский // Православная энциклопедия. Т. XXII. М., 2009. С. 122–126.
14. *Фатеев В. А.* Бухарев А. М. // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 398–401.
15. *Чистович И.* Еще об Арсении Мацеевиче // День. 1862. № 25.

³⁶ Там же. С. 280–281.

³⁷ Имеются в виду А. И. Герцен и Н. П. Огарев.

³⁸ *Алексеев И. А., Вах К. А.* Переписка архимандрита Леонида (Кавелина)... С. 280–281.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Диакон Сергей Кульпинов

**К проблеме оценок синодального периода
в обновленческом расколе
(на сибирском материале)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_230

Аннотация: В рамках настоящего исследования анализируются оценки синодального периода в официальных декларациях, посланиях, публицистических статьях и богословских работах обновленческих «иерархов» и клириков в первой половине 1920-х гг. В первой части статьи рассматриваются оценки синодального периода в обновленческом расколе на общесоветском уровне и в отдельных регионах Европейской России. Рассматриваются декларации и публикации периода институционализации обновленческого раскола. Исследуется оценка синодального периода в работе обновленческого «митрополита» Александра Ивановича Введенского «Церковь и государства». Обозначаются оценки синодального периода в материалах работы II Поместного собора 1923 г. и в статьях в центральной обновленческой печати. Вторая часть статьи посвящена собственно оценкам синодального периода сибирскими обновленцами. Исследуются упоминания о дореволюционном положении Церкви в официальных декларациях сибирских обновленческих церковных структур. Также анализируются послания отдельных сибирских «иерархов» и Сибирского областного церковного совета. Отдельно рассматриваются работы иркутского протоиерея Н. С. Попова-Кокоулина, довольно активно поднимавшего тему дореволюционного состояния Церкви в своих сочинениях. Делается вывод о том, что во всех рассмотренных работах синодальный период оценивался негативно. Преимущественно критиковались подчиненное положение Церкви и религиозно-нравственный упадок в народе.

Ключевые слова: синодальный период, обновленческий раскол, «Живая церковь», Сибирский областной церковный совет, «митрополит» Александр Иванович Введенский, «архиепископ» Василий Дмитриевич Виноградов, протоиерей Н. С. Попов-Кокулин, религиозно-нравственное состояние общества, Г. Е. Распутин.

Об авторе: **Диакон Сергей Сергеевич Кульпинов**

Кандидат богословия, архивариус Иркутского епархиального управления.

E-mail: agnus.dei@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3266-8876>

Ссылка на статью: *Кульпинов С., диак.* К проблеме оценок синодального периода в обновленческом расколе (на сибирском материале) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. №3 (8). С. 230–240.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Deacon Sergey Kulpinov

**On the problem of assessments of the synodal period
in the renovationist schism
(on the Siberian material)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_230

Abstract: The present study analyzes the assessments of the synodal period in official declarations, epistles, journalistic articles and theological works of the renovationist “hierarchs” and clerics in the first half of the 1920s. The first part of the article analyzes the assessments of the synodal period in the renovationist schism at the all-soviet level and in certain regions of European Russia. The declarations and publications of the period of institutionalization of the renovationist split are considered. The article examines the assessment of the synodal period in the work of the renovationist “metropolitan” Alexander Ivanovich Vvedensky “Church and states”. The assessments of the synodal period are indicated in the materials of the work of the II Local council of 1923 and in articles in the central renovationist press. The second part of the article is devoted to the actual assessments of the synodal period by siberian renovationists. The article examines the references to the pre-revolutionary position of the Church in the official declarations of the siberian renovationist church structures. The messages of individual siberian “hierarchs” and the Siberian regional church council are also analyzed. The works of Irkutsk archpriest N. S. Popov-Kokoulin, who quite actively raised the topic of the pre-revolutionary state of the Church in his writings, are considered separately. It is concluded that in all the considered works the synodal period was evaluated negatively. The subordinate position of the Church and the religious and moral decline in the people were mainly criticized.

Keywords: synodal period, renovationist schism, “Living church”, Siberian regional church council, “metropolitan” Alexander Ivanovich Vvedensky, “archbishop” Vasily Dmitrievich Vinogradov, archpriest N. S. Popov-Kokoulin, religious and moral state of society, G. E. Rasputin.

About the author: **Deacon Sergey Sergeevich Kulpinov**

Candidate of theology, archivist of the Irkutsk diocesan administration.

E-mail: agnus.dei@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3266-8876>

Article link: Kulpinov S., deacon. On the problem of assessments of the synodal period in the renovationist schism (on the Siberian material). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 230–240.

* Photos are taken from open sources.

Введение

Исследование развития идеологии обновленческого движения и, в частности, отношения к наследию синодального периода в обновленческом расколе представляется актуальным, поскольку лежит на пересечении церковной истории, политической теологии и теологии истории. При этом данный вопрос слабо изучен. В ряде фундаментальных работ, посвященных истории обновленческого раскола в целом и его региональным особенностям, указанная проблематика практически не затрагивается¹.

Отметим, что ввиду тотального принятия обновленческим движением Октябрьской революции и признания ее справедливости² вопрос о богословской оценке истории — в частности, истории синодального периода — представителями обновленчества кажется самоочевидным. Вместе с тем нельзя исключать возможности наличия частных мнений в среде обновленческого клира и иерархов по данной проблематике, а также разной степени признания революции и советской власти и отрицания наследия монархии среди обновленческих авторов, затрагивавших эти вопросы.

В рамках данного исследования будут проанализированы оценки синодального периода в официальных церковных документах и богословских сочинениях представителей обновленческого раскола в Сибири в первой половине 1920-х гг. Для этого будут изучены общероссийский (общесоветский) контекст оценок синодального периода истории Русской Церкви сибирскими обновленцами и мнения сибирских обновленческих «иерархов» и богословов.

Хронологические рамки ограничиваются первой половиной 1920-х гг. в силу того, что именно в этот период формировались основные обновленческие идеи, которых сторонники обновленческого Священного Синода придерживались в дальнейшем.

Оценки синодального периода в обновленческом расколе на общесоветском уровне

Следует отметить, что негативное позиционирование синодального периода в обновленческом расколе имело место уже с первых месяцев его существования. Во многом именно на синодальную систему возлагалась ответственность за церковные нестроения в период Гражданской войны и кампании по изъятию церковных ценностей. В частности, можно привести несколько примеров, относящихся к деятельности обновленческих епархий Европейской России рассматриваемого периода. Вполне четко мысль об ответственности синодальной системы за дальнейшую контрреволюционную деятельность Церкви обозначается в листовке «Духовенству и мирянам Суздальского уезда» от 23 июня 1922 г.³

Предреволюционное положение Церкви и ее контрреволюционная деятельность критикуются и в вологодской обновленческой газете «Церковная заря». В частности, публиковавшийся в издании протоиерей Т. Н. Шаламов отмечает, что честные

¹ Соловьев И., *свящ.* Краткая история т.н. «обновленческого раскола» в Православной Российской Церкви в свете новых опубликованных исторических документов // Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической оценки). М., 2002. С. 3–64; Лобанов В. В. «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946 гг.). СПб., 2019. 268 с.; Лавринов В. В., *прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. 736 с.; Его же. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945). М., 2007. 312 с.; Шиленок Д. Ф., *иер.* Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939) («Обновленческий» раскол в Белоруссии). М., 2006. 225 с.; Пантюхин А. М., *диак.* Обновленческое движение Русской Православной Церкви 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополя и Терека). Ставрополь, 2014. 280 с.

² См.: Устав Гражданина Белого Духовенства «Живая Церковь». Нолинск, 1922. С. 2; ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 25. Л. 1.

³ Духовенству и мирянам Суздальского уезда. Листовка. Владимир, 1922. 1 с.

священники, сторонники церковных реформ, в синодальную эпоху преследовались⁴. Аналогично на собрании, организованном «Живой церковью» в вологодском кафедральном соборе 13 сентября 1922 г., протоиерей Т. Н. Шаламов указывает на то, что церковное обновление должно касаться того, что «наросло в церкви, во вред ей, от соприкосновения с прежней государственной властью»⁵.

В том же издании в пространной статье «Церковная заря» священник И. Смирнов указывает на языческое восприятие религии и непонимание ее простым народом и лицемерное отношение к вере интеллигенции, рассматривая это как следствие положения Церкви в синодальную эпоху⁶. При этом упоминаемые в статье власть обер-прокуроров, деспотизм иерархов и деятельность Г. Е. Распутина представляются автору настолько самоочевидными, что он не заостряет на этом внимание⁷.

Вместе с тем, в ряде официальных документов и деклараций периода институционализации обновленческого раскола подчеркивается только необходимость аполитичности Церкви и отказа от контрреволюционной деятельности, но не рассматриваются корни этой деятельности и не даются оценки союзу Церкви и государства в синодальный период. В частности, это видно в опубликованном варианте устава группы «Живая церковь»⁸.

В целом можно сказать, что в ряде статей и официальных обновленческих деклараций периода институционализации раскола синодальному периоду даются крайне скупые негативные оценки, по преимуществу касающиеся подчиненного положения Церкви по отношению к государству и неверия в среде российского народа.

Довольно отчетливая оценка синодального периода представлена в книге обновленческого «митрополита» (на момент издания — протоиерея) Александра Ивановича Введенского «Церковь и государство», хотя следует отметить, что по преимуществу автор стремится критически описать именно реалии церковной жизни предреволюционного периода. Тем не менее, в книге встречается и критика положения Церкви в XVIII и XIX вв. В первую очередь будущий «митрополит» подчеркивает, что учение Христа в монархический период было забыто Церковью⁹, далее кратко указывает на тот факт, что с принятием «Табели о рангах» архиереи и священники были уравнены в правах с гражданскими и военными чинами, превратившись тем самым в еще одну разновидность государственных чиновников¹⁰.

Определенное внимание автор книги «Церковь и государство» уделяет рассмотрению императорского руководства Российской Церковью и церковному статусу императора. В частности, резкой критике подвергается император Павел I, как за свою достаточно вольную политику в отношении Церкви, так и за своеение себе священнических прав; упоминается, например, намерение монарха совершить Божественную Литургию при посещении Пензы¹¹. Далее автор неоднократно подчеркивает, что в рамках синодальной системы императорам был усвоен практически божественный статус¹². Сама Церковь находилась, по мнению «митрополита» Александра Введенского, под тотальным контролем государства и не имела какой-либо возможности и желания действовать самостоятельно¹³.

⁴ Шаламов Т., *прот.* Голос новой церкви. (К открытию нового Епархиального Управления) // Церковная заря. 1922. № 1. С. 4–5.

⁵ Рычков К., *свящ.* Под свежим впечатлением // Церковная заря. 1922. № 1. С. 10.

⁶ Смирнов И., *свящ.* Церковная заря. (Посвящается «Живой Церкви») // Церковная заря. 1922. № 2. С. 2–3.

⁷ Там же. С. 2.

⁸ Устав Гражданина Белого Духовенства «Живая Церковь». Нолинск, 1922. С. 2–3.

⁹ Введенский А. И., *прот.* Церковь и государство. (Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 г.). М., 1923. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Там же. С. 9, 11.

¹³ Там же. С. 13, 14.

«Митрополит»
Александр Введенский

Обозначив данную позицию по отношению к синодальному периоду в целом, автор критикует отдельные стороны церковной жизни предреволюционного периода. В частности, с негативной стороны характеризуется пропагандистская деятельность духовенства в интересах государства¹⁴, поддержка Церковью черносотенных организаций¹⁵ и влияние Г. Е. Распутина на церковные дела¹⁶.

В целом можно сказать, что синодальный период позиционируется автором «Церкви и государства» как время тотального сращивания Церкви с государством, когда религиозные организации находились под государственным контролем и действовали в государственных интересах. Также резкой критике автор работы подвергает колоссальное возвышение Церковью фигуры монарха.

II Поместный собор, проходивший в Москве с 29 апреля по 9 мая 1923 г. и ставший апогеем первого периода развития обновленческого раскола, уделил большое внимание декларациям поддержки советской власти и критике Патриаршей Церкви и лично патриарха Тихона (Белла-

вина). Как известно, собор принял решение о лишении патриарха сана и монашества. При этом критика синодального периода в ходе собора, насколько это отражено в опубликованных соборных деяниях, звучала по преимуществу только в контексте критики постреволюционной церковной ситуации. В частности, на соборном заседании 3 мая 1923 г. протоиерей Александр Введенский представил доклад «Об отношении Церкви к социальной революции, Советской Власти и Патриарху Тихону», в котором подчеркивал, что «Тихоновская церковь продолжала царскую церковь»¹⁷. В соборном заключении, принятом по этому докладу, также отмечалось, что контрреволюционная позиция церковных иерархов, установившаяся еще в 1917 г., являлась отчасти следствием подчиненного положения Православной Церкви в имперский период¹⁸.

Вместе с тем, насколько можно судить по опубликованным соборным деяниям, в прочитанных 7 мая 1923 г. докладах возведенного к тому моменту в сан «архиепископа» Александра Введенского и протоиерея В. Д. Красницкого, посвященных Карловацкому собору и положению зарубежной Церкви, не указывалось на связь между контрреволюционной позицией зарубежного духовенства и положением Церкви в синодальный период¹⁹. Можно предположить, что в данном вопросе влияние синодальной системы было очевидно участникам собора, и специально эта тема в докладах не затрагивалась.

Проблема положения Церкви в синодальный период не поднималась и в докладах и постановлениях собора, посвященных церковному управлению, судя по опубликованным материалам²⁰. Хотя отдельно необходимо отметить, что, оставаясь на позициях осуждения синодальной эпохи, собор подверг критике и решение

¹⁴ Там же. С. 16–18.

¹⁵ Там же. С. 23.

¹⁶ Там же. С. 21–22.

¹⁷ Деяния II-го Всероссийского Поместного собора Православной церкви: Бюллетени. М., 1923. С. 5.

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Там же. С. 12–13.

²⁰ Там же. С. 14–15.

о восстановлении патриаршества, вернувшись к коллегиальной форме церковного управления²¹, которая впоследствии существовала в обновленчестве до начала 1935 г.²² В данном случае необходимо сказать, что этот шаг не являлся декларацией лояльности по отношению к ранее существовавшей синодальной системе, а проистекал из совершенно иных оснований, поскольку в расколе критиковалась сама идея восстановления патриаршества как перенос монархических принципов управления в Церковь, что впоследствии подробно разъяснялось в обновленческой периодической печати²³.

Следует отметить, что в центральной обновленческой печати первой половины 1920-х гг. в целом повторялась критическая позиция по отношению к синодальному периоду, хотя данный вопрос поднимался почти исключительно в контексте современного положения Церкви. В частности, в синодальном циркуляре епархиальным управлениям от 25 февраля 1925 г. указывается на то, что имевший место в российской истории союз Церкви и государства являлся «преступным», хотя далее эта мысль не развивалась²⁴. Аналогично профессор Б. В. Титлинов в статье «Современный церковный момент» констатирует, что причиной послереволюционных церковных настроений являлось соединение Церкви с государственным аппаратом в дореволюционный период²⁵.

Более развернутая критика синодального периода в журнале «Вестник Священного Синода» встречается в статье «митрополита» Александра Введенского. В частности, автор поднимает тему исторического обожествления монархии в христианстве и сращивания Церкви с государственным аппаратом в дореволюционной России, указывая на то, что эта связка стала причиной массового разочарования верующих в Православии²⁶. Как видно, данные рассуждения повторяют работу того же Введенского «Церковь и государство».

Таким образом, негативные оценки синодального периода имели место уже в обновленческих статьях и официальных декларациях периода институционализации раскола, хотя авторы преимущественно касались только положения Церкви непосредственно перед революцией и связывали негативные, с их точки зрения, шаги патриарха Тихона (Беллавина) с дореволюционным наследием.

Отметим, что оценки синодального периода в обновленческих работах первой половины 1920-х гг. носили исключительно критический характер, однако, по преимуществу, были нацелены на установление связи между негативным синодальным наследием и контрреволюционной деятельностью иерархии в послереволюционный период. Наиболее полно разбор положения Церкви в синодальную эпоху предпринимался только в работах «митрополита» Александра Введенского.

Оценки синодального периода в работах сибирских обновленческих «иерархов» и клириков

В официальных декларациях сибирских обновленцев, по преимуществу принадлежавших к «Живой церкви», в период институционализации раскола какие-либо оценки синодального периода отсутствуют. В большинстве подобных деклараций

²¹ Там же. С. 15.

²² Лобанов В. В. «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946 гг.). С. 184.

²³ Послание Св. Синода всем Восточным Патриархам // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1923. № 1. С. 1–2; Обращение Св. Синода к Православному народу // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1923. № 1. С. 4.

²⁴ Циркуляр епархиальным управлениям от 25 февраля 1925 г. за № 928 // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 6.

²⁵ Титлинов Б. В. Современный церковный момент // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 10.

²⁶ Александр (Введенский), митр. Апологетическое обоснование обновленчества // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 18–19.

можно встретить только указания на необходимость аполитичной позиции Церкви²⁷, что вполне повторяло упомянутый выше устав группы «Живая церковь». Никак не затрагивается предшествующий период церковной истории и в выступлениях делегатов I Всесибирского съезда «Живой церкви», проходившего в Томске с 3 по 8 октября 1922 г.²⁸

Вместе с тем, отдельные представители обновленчества в Сибири уже в период институционализации раскола рассматривают причины происходящих в Церкви событий и анализируют их предпосылки в синодальный период. В частности, заслуживает внимания статья иркутского протоиерея Н. С. Попова-Кокуюлина «Нужно ли и в чем должно выразиться русское церковно-религиозное обновление», подготовленная для газеты «Сибирская церковь» 10 декабря 1922 г.²⁹ Статья прямо не рассматривает положение Церкви в синодальную эпоху, а сосредотачивается на состоянии религиозности российского населения. Автор подчеркивает, что в прошедшие столетия религиозность значительно упала, в чем виновато и само духовенство, относившееся к своим обязанностям формально и проявлявшее меркантильность при получении доходов с верующих³⁰. Автор обильно цитирует ряд религиозных философов и светских мыслителей, подчеркивая, что религиозно-нравственное состояние формально верующего народа перед революцией было крайне плачевным³¹.

В целом можно сказать, что высказанные в данной статье мысли протоиерея Н. С. Попова-Кокуюлина перекликаются с изложенными в работе «митрополита» Александра Введенского «Церковь и государство», хотя, в отличие от последнего, сибирский обновленец не акцентирует внимания на политическом положении Церкви, указывая только на вину рядового духовенства в слабой религиозности российского населения.

После окончания II Поместного собора, 13 июня 1923 г., была выпущена декларация Сибирской церкви, в которой провозглашалось слияние в Сибири группировок «Живая церковь» и «Союз общин древлеапостольской церкви» и отмечалось внедрение соборных постановлений в сибирскую церковную жизнь. Примечательно, что в декларации не только обозначалась аполитичность Сибирской церкви, но и порицалось всякое слияние Церкви с государством как «противоречащее правде Христовой»³², иными словами, косвенно критиковалась синодальная церковная система. Аналогичная критика союза Церкви и государства содержалась и в декларациях некоторых сибирских обновленческих общин того периода³³.

При этом нельзя утверждать, что любое выражение лояльности советской власти или декларация аполитичности (которая, определенно, тоже трактовалась, как политическая лояльность властям СССР) подразумевали какую-либо критику синодального периода. Ярким примером отсутствия таковой можно считать прошедший 12 июня 1923 г. в Кабанске съезд духовенства и мирян Селенгинского уезда. На съезде, ставшем одним из самых политизированных церковных мероприятий в Сибири первой половины 1920-х гг., декларировалась не только лояльность советской власти, но и подчеркивалась готовность духовенства и верующих защищать ее в случае внешней угрозы. Вместе с тем, каких-либо оценок прошлому Российской Церкви на данном мероприятии не прозвучало³⁴.

Во второй половине 1923 г. в рамках полемики с нарастающей оппозицией обновленческому расколу сибирскими обновленцами был выпущен ряд довольно содержательных статей и посланий, содержащих, в том числе, критику синодальной эпохи истории Российской Церкви.

²⁷ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 25. Л. 1–1 об.

²⁸ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 29.

²⁹ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 34. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 6 об.–7.

³¹ Там же. Л. 7 об., 8 об., 9.

³² ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 27. Л. 111.

³³ ГАНУ. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 1 В. Л. 32–32 об.

³⁴ ГАИО. Ф. 485. Оп. 3. Д. 6. Л. 3–3 об.

Весьма интересным в этом отношении представляется послание от 10 октября 1923 г. «архиепископа» Иркутского Василия Дмитриевича Виноградова. Послание начинается с резкой критики царской власти и состояния Церкви в предреволюционную эпоху. При этом автор употребляет строго религиозную оценку произошедших событий, подчеркивая, что революционные события стали «наказанием Божиим» для дома Романовых. Резкой критике «архиепископ» Василий подвергает гонения на старообрядцев, а также репрессии после революции 1905 г. В послании упоминаются тяжелые условия содержания ссыльных в Сибири, а также затрагивается Ленский расстрел³⁵. Говоря о положении Церкви в предреволюционный период, «архиепископ» подчеркивает, что негативную роль сыграло влияние Г. Е. Распутина. Собственно, Распутин и «распутинство» автор рассматривает как одну из причин Божьего наказания, постигшего дом Романовых: «Наказание Божие пало на царя ... за позорное “Распутинство” в государственной и церковной жизни, когда Распутин командовал всей Русью»³⁶.

Примечательно, что несмотря на критику предреволюционного состояния Церкви, в послании резко осуждается Поместный собор 1917–1918 гг., вероятно, по причине избрания патриарха Тихона (Беллавина), который «архиепископом» Василием обвиняется не только в контрреволюционной деятельности — как в большинстве упомянутых нами обновленческих работ, — но и в «развязывании Гражданской войны»³⁷.

Особо следует отметить, что «архиепископ» Василий Виноградов, несмотря на критику подчиненного положения Церкви в синодальный период, призывает духовенство и мирян к подчинению советской власти. Автор послания указывает, что верующие должны молиться за власть и подчиняться ей, согласно учению апостола Павла: «Мы зовем подчиниться власти не за страх, а за совесть по учению апостола Павла (13 гл. посл. к Римлянам) и молиться за нее, да поможет ей Господь служить мудро и для блага народа и верующего и не верующего и православного и не православного, ей объединяемого. Так, церковь молилась испокон веков, так поступает она и теперь. Не молилась церковь Тихона за власть, потому что шла против нее, но не такова церковь Христова»³⁸. Иными словами, союз Церкви и государства не позиционировался в послании как однозначно отрицательный, хотя по данному документу трудно судить, что именно осуждал «архиепископ» Василий, говоря о синодальном периоде: подчинение Церкви «антинародному» государству или же слияние церковных структур с государственным аппаратом.

Аналогичный критический взгляд на деятельность патриарха Тихона содержится и в послании Сибирского областного церковного совета (далее — СОЦС) от 19 ноября 1923 г. Послание также возлагает на патриарха ответственность за развязывание Гражданской войны и связывает его деятельность с наследием синодального периода. Примечательно, что в послании указывается на поддержку обновленчеством классовой борьбы, ведущейся советской властью³⁹. В целом можно сказать, что по смыслу данное послание почти идентично посланию «архиепископа» Василия Виноградова, хотя синодальный период затрагивается в нем весьма кратко.

Отметим, что в ходе проведения недели духовного просвещения в иркутских кафедральных соборах (Казанском и Богоявленском) с 20 по 27 октября 1923 г. «архиепископом» Василием Виноградовым в соответствии с присланными из Учебного комитета обновленческого Священного Синода планами⁴⁰ был прочитан доклад «Социальная революция — наше искупление»⁴¹. Можно предположить, что в нем

³⁵ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 1.

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 1 об.

³⁹ Там же. Л. 37–39.

⁴⁰ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 31. Л. 53 об.

⁴¹ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 11. Л. 36.

затрагивалась тема положения Церкви в синодальный период, но утверждать это невозможно, ибо текст доклада не сохранился.

В первой половине 1924 г. проблема отношения к синодальному периоду вновь поднимается в работах протоиерея Н. С. Попова-Косоулина. В частности, в докладе «Церковное обновление», прочитанном 20 марта 1924 г., он подробно разбирает недостатки в положении Церкви и религиозно-нравственное состояние российского населения в синодальный период. Автор подчеркивает, что пастыри формально относились к своим обязанностям, что вызывало индифферентное отношение к религии у верующих⁴². Также протоиерей Н. С. Попов-Косоулин указывает на ненормальные отношения духовенства и прихожан, неправильные модели преподавания клириков в школе и участия в воспитании детей⁴³. В заключение доклада автор подчеркивает, что изживание пережитков синодального периода возможно только посредством церковного обновления и возвращения к первохристианским примерам⁴⁴.

Интересен также реферат протоиерея Н. С. Попова-Косоулина «Исторические и местные причины упадка церковно-религиозной жизни на Руси, в первую очередь вызывающие необходимость церковной реформы», датированный 24 апреля 1924 г.⁴⁵ Можно предположить, что реферат готовился либо для II Всесибирского церковного съезда в Ново-Николаевске, либо для публикации в газете «Церковный вестник», хотя дальнейшая судьба этого текста неизвестна. Автор подробно рассматривает историю Церкви в плоскости ее взаимоотношений с капитализмом и государством⁴⁶. Примечательно, что в отличие от большинства упоминаемых нами авторов, протоиерей Н. С. Попов-Косоулин анализирует изменения в положении Церкви со времен Константина Великого. В частности, он отмечает, что после Миланского эдикта Церковь стала разрастаться «количественно, но не качественно»⁴⁷. Именно в этом историческом периоде автор видит начало сращивания Церкви с государством. При этом протоиерей Н. С. Попов-Косоулин подчеркивает, что монашеский епископат явился следствием подчиненного положения Церкви, поскольку византийские императоры видели в монахах более покорных исполнителей своей воли⁴⁸.

В реферате подробно рассматривается положение Российской Церкви в синодальный период. В частности, автор указывает на приниженное положение клириков в сравнении с другими сословиями: «Пастыри в России угнетались помещиками, терроризировались последним урядником и презирались интеллигенцией»⁴⁹. Приниженное положение духовенства, по мнению автора, привело к его превращению в требоисполнителей, и деградации религии⁵⁰.

В целом можно сказать, что в данном реферате протоиерей Н. С. Попов-Косоулин подвергает синодальный период довольно жесткой и пространной критике, но подчеркивает, что первопричиной такого положения стала идея о подчинении Церкви государству, родившаяся еще в поздней Римской империи.

В официальных материалах СОЦС указанного периода оценки синодального периода практически полностью отсутствуют. Только в отдельных циркулярах встречаются упоминания о подчиненном положении Церкви в императорскую эпоху и ее освобождении советской властью⁵¹.

⁴² Там же. Л. 18.

⁴³ Там же. Л. 18 об.

⁴⁴ Там же. Л. 18 об.–19.

⁴⁵ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 60. Л. 3 об.

⁴⁶ Там же. Л. 3 об.–4.

⁴⁷ Там же. Л. 4 об.

⁴⁸ Там же. Л. 5 об.

⁴⁹ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 60. Л. 7.

⁵⁰ Там же. Л. 7 об.

⁵¹ ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20. Л. 20; ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

Заключение

Подводя итоги, следует обозначить, что уже в период институционализации обновленческого раскола в ряде публикаций и официальных заявлений его сторонников синодальный период оценивается резко негативно, однако, по преимуществу, эти оценки касаются предреволюционного положения Церкви и связываются с антисоветской позицией церковных иерархов в период Гражданской войны и кампании по изъятию церковных ценностей. В аналогичном ключе синодальный период критически упоминается и на II Поместном соборе в 1923 г.

В работе «митрополита» Александра Введенского «Церковь и государство» синодальный период рассматривается более подробно, причем автор критикует как соединение Церкви с государством, так и усвоение императору религиозных функций. Также отметим, что в центральной обновленческой печати первой половины 1920-х гг. только «митрополит» Александр Введенский уделяет синодальному периоду сколько-нибудь значительное внимание, критикуя положение Церкви при императорской власти.

В Сибири периода институционализации обновленческого раскола в официальных документах церковных структур оценки синодального периода присутствуют довольно редко и являются весьма поверхностными. Вместе с тем, еще до II Поместного собора иркутский протоиерей Н. С. Попов-Косоулин в своих работах подвергает критике синодальный период. В его трудах затрагиваются проблемы упадка религиозной жизни в российском народе в предреволюционный период, что связывается с пассивностью и неадаптивностью духовенства. Помимо этого, критикуется подчиненное положение Церкви по отношению к государству и обозначается, что причины такого состояния уходят корнями в эпоху Константина Великого и византийскую религиозную политику.

Резкой критике синодальный период подвергается в послании от 10 октября 1923 г. иркутского «архиепископа» Василия Дмитриевича Виноградова. Автор указывает на негативные стороны в положении государства и Церкви в предреволюционную эпоху и дает богословскую оценку произошедшим впоследствии событиям, подчеркивая, что Бог наказал дом Романовых за допущение такого положения.

Таким образом, все упомянутые обновленческие авторы критически отзываются о синодальном периоде. Работы, в которых присутствует подробный анализ данного периода, сосредотачивают свою критику главным образом на подчиненном положении Церкви, а также упадке религиозности и нравственности в российском народе в предреволюционную эпоху.

Источники и литература

1. Александр (Введенский), митр. Апологетическое обоснование обновленчества // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 18–28.
2. Введенский А. И., прот. Церковь и государство. (Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 г.). М.: Мосполиграф, 1923. 252 с.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 485. Оп. 2. Д. 11.
4. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 25.
5. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 27.
6. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 29.
7. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 31.
8. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 34.
9. ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 60.
10. ГАИО. Ф. 485. Оп. 3. Д. 6.

11. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 1 В.
12. ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 8.
13. ГАНО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 20.
14. Деяния II-го Всероссийского Поместного собора Православной церкви: Бюллетени. М.: Высш. совет Рос. Православной церкви, 1923. 20 с.
15. Духовенству и мирянам Суздальского уезда. Листовка. Владимир: типография № 1, 1922 г. 1 с.
16. *Лавринов В. В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М.: Общество любителей церковной истории, 2016. 736 с.
17. *Лавринов В. В., прот.* Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945). М.: Общество любителей церковной истории, изд-во Крутицкого подворья, 2007. 312 с.
18. *Лобанов В. В.* «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946 гг.). СПб.: Петроглиф, 2019. 268 с.
19. Обращение Св. Синода к Православному народу // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1923. № 1. С. 4–5.
20. *Пантюхин А. М., диак.* Обновленческое движение Русской Православной Церкви 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополя и Терека). Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2014. 280 с.
21. Послание Св. Синода всем Восточным Патриархам // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1923. № 1. С. 1–3.
22. *Рычков К., свящ.* Под свежим впечатлением // Церковная заря. 1922. № 1. С. 10–11.
23. *Смирнов И., свящ.* Церковная заря. (Посвящается «Живой Церкви») // Церковная заря. 1922. № 2. С. 1–4.
24. *Соловьев И. В., свящ.* Краткая история т.н. «обновленческого раскола» в Православной Российской Церкви в свете новых опубликованных исторических документов // Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической оценки). М.: Общество любителей церковной истории, изд-во Крутицкого подворья, 2002. С. 3–64.
25. *Титлинов Б. В.* Современный церковный момент // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 10–12.
26. Устав Гражданина Белого Духовенства «Живая Церковь». Нолинск: 14-я Государственная типография, 1922. 8 с.
27. Циркуляр епархиальным управлениям от 25 февраля 1925 г. за № 928 // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 6–7.
28. *Шаламов Т., прот.* Голос новой церкви. (К открытию нового Епархиального Управления) // Церковная заря. 1922. № 1. С. 4–9.
29. *Шиленок Д. Ф., иер.* Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939) («Обновленческий» раскол в Белоруссии). М.: Общество любителей церковной истории, изд-во Крутицкого подворья, 2006. 225 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

И. В. Лобанова

**«Едва ли был бы он полезнее Синода...»:
положение епископата
в структуре управления Церковью
в синодальный период**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_241

Аннотация: Обер-прокурор К. П. Победоносцев жаловался в своё время на «равнодушие и бездеятельность» архиереев, активные миряне упрекали епископов в излишней осторожности в деле отстаивания интересов Церкви, иерархи, не входившие в состав Святейшего Синода, пеняли своим собратьям-синодалам на отсутствие дерзновения в вопросах церковного управления. Насколько справедливы были эти упреки? Какими возможностями обладали члены Синода для решения актуальных проблем церковной жизни в синодальный период? В статье приводятся многочисленные свидетельства из опубликованных и архивных источников, которые позволяют судить о степени самостоятельности присутствующих в Синоде архиереев в вопросах управления Церковью. Также в статье рассматривается круг обязанностей епархиального архиерея в пореформенную эпоху, подчёркивается их бюрократический характер. Исследуется и политика государства в отношении епископата, которая приводила к разрушению связей между епархиальным архиереем и паствой, порой не знавшей своего епископа в лицо.

Ключевые слова: синодальный период, иерархия Русской Православной Церкви, епархиальное управление синодального периода, Святейший Синод, государственная церковность.

Об авторе: **Ирина Владимировна Лобанова**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

E-mail: lobanova_irina@ro.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9079-5606>

Ссылка на статью: Лобанова И. В. «Едва ли был бы он полезнее Синода...»: положение епископата в структуре управления Церковью в синодальный период // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 241–248.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

I. V. Lobanova

**“He would hardly have been more useful than the Synod ...”:
the Position of the Episcopate
in the Structure of the Administration of the Church
during the Synodal Period**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_241

Abstract: Ober-Procurator K. P. Pobedonostsev complained at one time about the “indifference and inactivity” of the bishops, active laity reproached the bishops for being too careful in defending the interests of the Church, the hierarchs who were not part of the Holy Synod blamed their fellow synodal hierarchs for the lack of daring in matters of church government. How fair were these accusations? What opportunities did the members of the Synod have for solving urgent problems of church life during the Synodal period? The article cites numerous testimonies from published and archival sources, which make it possible to judge the degree of independence of the bishops present in the Synod in matters of Church administration. The article also examines the range of duties of the diocesan bishop in the post-reform era, emphasizes their bureaucratic nature. The policy of the state in relation to the episcopate is also being investigated, which led to the destruction of ties between the diocesan bishop and the flock, who sometimes did not know their bishop by sight..

Keywords: Synodal Period, hierarchy of the Russian Orthodox Church, diocesan administration of the Synodal Period, Holy Synod, state churchliness.

About the author: **Irina Vladimirovna Lobanova**

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: lobanova_irina@ro.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9079-5606>

Article link: Lobanova I.V. “He would hardly have been more useful than the Synod ...”: the Position of the Episcopate in the Structure of the Administration of the Church during the Synodal Period. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 241–248.

* Photos are taken from open sources.

В название статьи вынесены слова митрополита Филарета (Дроздова), которыми он ответил на предложение восстановить патриаршество в Русской Церкви. В сложившихся условиях едва ли патриарх был бы полезнее Синода, заметил митрополит Филарет, а всё потому, что раньше светская власть чтила духовную, а теперь перестала¹.

Св. Синод и во времена митрополита Филарета, и после был государственным учреждением, созданным светской властью и этой власти подотчетным, поэтому возможность его членов влиять на ход церковных дел была ограничена. Заведующий синодальным архивом А. Н. Львов в своем дневнике писал, что «церковью управляет не иерархия, а синодские чиновники, и не на основании канонов, и даже законов, а по своему хотению-произволу»². Несмотря на то, что здесь имеет место определенное преувеличение, многочисленные свидетельства современников во многом подтверждают подобный вывод. Тот же А. Н. Львов свидетельствовал: «Кого не вызови в Синод результат всегда будет один. Весь центр тяжести не в Синоде, а в канцелярии его. Что захочет сделать управляющий, то и будет. Он хочет дело доложить — докладывают; не хочет — по его приказанию составляется от имени Синода определение, подписывается членами и приводится в исполнение»³. По словам архиепископа Никанора (Бровковича), «главное ... назначение присутствующих в Св. Синоде — это подписывать. Синодальные протоколы и журналы приносят по домам множество, и все их приходится подписывать; согласен ли ты с их содержанием или не согласен, об этом никому не нужно знать, а все-таки требуется: “подписать”»⁴. Епископ Владимир (Синьковский) свидетельствовал: «Когда я слышу или читаю: “предрешено”, вспоминаю сказанное мне некогда одним теперь покойным архиереем, присутствовавшим в Синоде: “Здесь почти все дела, прежде доклада, предрешены. И зачем нас вызывают? Потребовали бы от нас штампы наши и прикладывали бы их к журналам...”»⁵.

Таким образом, сами епископы ощущали себя в Синоде силой исключительно пассивной. Если отдельные иерархи выражали недовольство подобным порядком вещей, то существовали способы провести нужное решение помимо несогласных. «Случается и так, что общее мнение всех членов Синода остается втуне», — замечает архиепископ Никанор⁶.

Синодальные чиновники были *de facto* сильнее, чем епископат, который обладал лишь номинальной административной властью в Церкви. В 80-е гг. XIX столетия известный церковный публицист протоиерей Александр Михайлович Иванцов-Платонов открыто указывал на то, что обер-прокурор Синода является фактическим главой и «правителем» Русской Церкви⁷. «Обер-прокурор, — писал он, — несомненно

Епископ
Владимир (Синьковский)

¹ Филарет (Дроздов), митр. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Т. 4. СПб., 1886. С. 145

² Львов А. Н. Князя церкви // Красный архив. 1930, № 2. С. 112.

³ Там же. С. 114.

⁴ Никанор (Бровкович), архиеп. Записки присутствующего в Святейшем Правительствующем Всероссийском Синоде // Русский Архив. 1906. № 8. С. 505.

⁵ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 259. Л. 22 об.

⁶ Никанор (Бровкович), архиеп. Записки присутствующего в Святейшем Правительствующем Всероссийском Синоде. С. 6.

⁷ Иванцов-Платонов А. М., прот. О русском церковном управлении. М., 1898. С. 29.

имеет в русской Церкви такую власть, какой не может иметь никакой патриарх»⁸. Эта власть, справедливо замечал отец Александр, ничем не ограничивается со стороны Церкви и никак не зависит от Синода, между тем от представителей главы духовного ведомства о Церкви зависит направление церковной политики в государстве. «Один обер-прокурор более любит и выдвигает на первый план епископов светских, близких к обществу; другой — аскетов и простецов. Один преимущественно уважает ученость, а другой безкнижную простоту. Один желал бы, чтобы в епископах больше было консерватизма, а другой — либерализма. Один требует, чтобы епископы были лишь покорными исполнителями его предначертаний; а другой желал бы начальственным же внушением более пробудить в них самостоятельность и энергию»⁹, — утверждал он, констатируя прямое влияние личности обер-прокурора на общее положение иерархии.

«Торжественные кареты, величавые архиереи, вековые традиции... — особый стиль, особый мир»¹⁰, — вспоминает дореволюционный Синод митрополит Евлогий (Георгиевский). Вместе с тем за внешней пышностью скрывалось, по сути,

Митрополит
Евлогий (Георгиевский)

бесправие, которое епископат ощущал самым непосредственным образом, поскольку архиереи назначались и отправлялись на покой светской властью. Более того, в нарушение церковных канонов и не спрашивая согласия самих иерархов, их в продолжение епископского служения многократно переводили с одной кафедры на другую. Наибольший размах практика перемещений приобрела в правление К. П. Победоносцева. Вышеупомянутый А. Н. Львов, подводя итог 1892 г., записал в своем дневнике 31 декабря: «Самое выдающееся было: тридцать переводов архиереев с одной кафедры на другую. Дело дошло до того, что Павла астраханского перевели в Могилев, а чрез две недели опять в Астрахань»¹¹. По подсчетам А. Ю. Полунова, с 1881 г., когда в российской империи насчитывалось 59 епархий и 29 викариатств, до 1894 г., когда число епархий достигло 64, а викариатств — 37, состоялось 63 перемещения епархиальных архиереев, 40 переводов викариев и 59 назначений викариев на самостоятельные кафедры; 15 епархиальных и 3 викарных епископа были отправлены на покой. «В среднем, — подводит итог исследование,

— за год перемещались по 3 епархиальных архиерея и по 3 викария, 4 викария получали назначения на самостоятельную кафедру»¹².

Одновременно следует обратить внимание на особенности епархиального управления указанного периода. Все административные и судебные дела, находящиеся в ведении правящего архиерея, сосредотачивались в *консистории*, которая состояла из *присутствия* и *канцелярии*. При этом членами присутствия были представители белого и черного духовенства, назначаемые епископом и утверждаемые Синодом,

⁸ Там же. С. 69.

⁹ Там же. С. 74.

¹⁰ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 180.

¹¹ *Львов А. Н.* Князя церкви... С. 125.

¹² *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев, Святейший Синод и архиереи в 1881–1894 гг. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1994. № 4. С. 31.

а членами канцелярии — светские чиновники, которые подчинялись не епископу непосредственно, а *секретарю*, назначавшемуся Синодом по представлению обер-прокурора. Секретарь канцелярии подчинялся епископу лишь формально, на деле же являясь представителем обер-прокурора в епархии. Через консисторию проходили все дела, связанные с назначением на церковные должности, с пострижением в монашество, через нее осуществлялся надзор за ведением церковных книг и управление архиерейским домом, монастырями и храмами. Насколько велик был объем документации в консисториях можно судить по свидетельству самого обер-прокурора К. П. Победоносцева, который писал, что количество исходящих бумаг в иных консисториях доходит до 20.000 в год¹³.

Протоиерей Александр Иванцов-Платонов в своих публикациях также отмечал, что в силу излишней централизации, явившейся следствием влияния на церковное управление государственного начала, в ведении епископа находились такие дела, которые при нормальном церковном строе могли быть решены на уровне приходских общин. «Не только определение дьячков и просвирен и наблюдение за их поведением, но всякий личный и имущественный спор между дьячками и просвирнями, незначительная поправка в церкви, всякое пожертвование в церковь, всякий церковный расход свыше ста рублей, — все это должно быть представляемо на рассмотрение и решение архиерея»¹⁴. Вследствие того, что епархиальное управление было организовано подобным образом, выполнение бюрократических обязанностей поглощало большую часть времени архипастыря. Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминает, что «в первое же утро по приезде... (в новую епархию. — *И. Л.*) был прислан из консистории громаднейший портфель, туго-туго набитый бумагами (отныне такое количество бумаг я получал ежедневно). Поначалу я утопал в «делах», просиживал за письменным столом часами, ложился спать поздней ночью, чуть ли не под утро. Мой личный секретарь, записывавший мои резолюции для передачи их в консисторию, и два писца едва справлялись с работой. <...> Сколько кляуз, наговоров, бракоразводных дел и всякого житейского мусора заключалось в этих консисторских бумагах!»¹⁵ Епископ Никон (Рождественский) жаловался, что абсолютно не имеет свободного времени, поскольку по управлению епархией ему приходится одних только резолюций поставить больше шести тысяч в год¹⁶. Митрополит Арсений (Стадницкий), описывая характер своей деятельности, также отмечал, что «погружен в консисторские бумаги, им же несть числа». Его смущало также и то, что приходится заниматься делами «крайне неприличными», «блудодейственного характера»¹⁷. «О своих епархиальных делах, — замечает епископ Димитрий (Ковальницкий), — ничего приятного не скажу. Каким страшным множеством самой мелкой, низменной и пустой работы завален Епархиальный Архиерей! Некогда подумать о чем-либо более возвышенном и в области архипастырской, и в сфере богословской. Можно отупеть»¹⁸.

Диссонансом звучит суждение епископа Паисия (Виноградова): «А что касается мнения, будто консистории и епископы обременены делами, то, что сказать, например, о губернаторах и губернских правлениях, в которых дел вчетверо более?»¹⁹ Эта позиция свидетельствует о том, что представление о епископе как чиновнике укоренилось как в общественном сознании, так и в сознании некоторых архипастырей. С этой точки зрения духовной составляющей епископского служения как бы не существует, есть лишь *объем работы*. Подобная формализация отношений епископа со своей паствой входила в обычай, и уже никого нельзя было удивить сообщением,

¹³ А. Р. Историческая переписка о судьбах Православной Церкви. М., 1912. С. 39.

¹⁴ Иванцов-Платонов А. М., прот. О русском церковном управлении... С. 23–24.

¹⁵ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни... С. 60.

¹⁶ Серафим, иером. Первый Всероссийский съезд монашествующих 1909 года: Воспоминания участника. М., 1999. С. 275.

¹⁷ РО РГБ. Ф. 765. К. 7. Ед. хр. 21. Л. 5–5 об.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 285. Л. 19 об.

¹⁹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Т. 1. С. 92.

что епископ в ответ на личную просьбу требовал «изложить все письменно и подать прошение установленным порядком»²⁰. Результатом такого разобщения в Церкви явилось недоверие к иерархии либеральной части мирян, которое, в частности, ярко проявилось во время Первой русской революции.

Возвращаясь к проблеме частых перемещений епископов, нужно отметить, что не только громоздкость и сложность епархиального управления отделяла архиерея от паствы, но, поскольку епархии были очень обширны, архиереи чисто физически не успевали узнать свою паству в слишком короткий срок пребывания на кафедре. «Да, недолго живут у нас владыки, — передает епископ Владимир (Соколовский) слова некоего иеромонаха, — они сами архиерейский дом Екатеринбургский называют постоялым двором; некоторых архиереев мы — монахи — и лица не видели»²¹.

Таким образом, еще раз следует подчеркнуть, что, с одной стороны, светская власть во многом узурпировала властные полномочия епископов, оставив им лишь внешнюю видимость положения «князей Церкви», и, с другой, формализовала их служение, превратила преосвященных в чиновников, заваленных бюрократической работой. Преобразованная государственной властью система церковного управления во многом стала причиной разделения архиерея с его паствой. Постоянные перемещения епископов лишь усугубляли этот разрыв. Немаловажно и то, что подобная практика смущала мирян, которые вовлекались в интриги, связанные с переводами иерархов, что не способствовало духовному оздоровлению Церкви.

«Еще упорнее стали слухи о том, что нашего пр-«освященного» Сергия думают скоро взять от нас, а потому малейший слух о смерти или серьезной болезни кого-нибудь из архиереев тревожит студентов, а тут как раз стал носиться слух, что какой-то архиерей умер»²², — пишет епископу Арсению (Стадническому) его племянник, учившийся в Санкт-Петербургской духовной академии. Другой его племянник, живший в Кишиневе и неприязненно настроенный к Кишиневскому епископу Серафиму (Чичагову), спрашивает в письме: «Кого имеют ввиду назначить в Вильну? Может быть нашего Серафима? Бессарабцы были бы очень довольны, лишь бы избавиться от него»²³.

Епископы порой и сами стремились привлечь на свою сторону общественное мнение. Так, епископ Августин (Гуляницкий), переведенный в 1891 г. из Костромы на Екатеринославскую кафедру, в своей прощальной речи в кафедральном соборе говорил о происках и интригах, жертвой которых он стал. Архиерей жаловался, что наказанные по заслугам «льстецы и хитрецы» стали клеветать на него «и в устных беседах между собою, и в письмах к разным своим друзьям и приятелям, даже в безымянных письмах к лицам, стоящим у кормила высшего церковного управления»²⁴. В конце своей речи

Епископ
Августин (Гуляницкий)

²⁰ Кузнецов Н. Д. Преобразования в Русской Церкви (Рассмотрение вопроса по официальным документам и в связи с потребностями жизни). М., 1906. С. 113.

²¹ Отзывы... Т. 2. С. 161.

²² ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 497. Л. 46 об.

²³ Там же. Д. 499. Л. 83.

²⁴ Там же. Д. 158. Л. 2–3.

епископ Августин, однако, попытался уйти от прямого обвинения, оставляя прихожанам самим решать «по наветам» ли этих «зломыслящих людей» или «по другим каким причинам и побуждениям» состоялось его перемещение в иную епархию. А скандално известный епископ Владимир (Путята) сумел снискать себе такую привязанность прихожанок, что после того, как, восстановив против себя влиятельных мирян, был перемещен на другую кафедру, женщины «мелькали между богомольцами и в возбужденном тоне вели разговор: кто причиной перемещения Владыки, по чьим проискам его ссылают в Пензу и кто хочет постоять за нашего любимого Архипастыря-труженника?»²⁵

Кроме всего прочего, сама возможность быть переведенным на другую, более «престижную» кафедру стимулировала развитие в среде епископата карьеризма. Не способствовало это и укреплению авторитета иерархии в глазах мирян. «Пять архиепископов целых две недели не спят, не едят и не пьют. — записал после смерти Киевского митрополита Платона А. Н. Львов. — Не то им страшно, что сам он не попадет на митрополию, а то, что туда могут назначить его врага, младшего по службе»²⁶. Епископ Никанор (Бровкович) передает в своих записках отзывы вице-директора синодальной канцелярии С. В. Керского о различных архиереях, сказанные им в частной беседе. «А Леонтий?» — спрашивает епископ Никанор. «Тоскует себе там в Варшаве. Вот не зовут в Синод, не делают митрополитом», — отвечает Керский²⁷. Такое пренебрежительное отношение к епископату было весьма характерно для высоких синодальных чиновников.

Сложность ситуации заключалась еще и в том, что архиерей практически был лишен возможности протестовать против своего перемещения. «Николай Таврич[еский] отказался перейти в Тверь, т.к. перевод не каноничен и уволен на покой»²⁸, — записал в 1905 г. в своем дневнике профессор А. Д. Беляев. «Пресвященный Никанор послан из Орла в Екатеринбург невольнио, и, как слышно было, он плакал, прибыв на нежеланную кафедру, в присутствии всего Екатеринбургского духовенства, и откровенно не изъявлял желанья служить у них долго»²⁹, — вспоминал епископ Владимир (Соколовский).

Яркой иллюстрацией архиерейского быта той эпохи служит письмо епископа Алексия (Молчанова): «Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь. Слышно, что освобождается кафедра на Дону — Новочеркасск. Приходится мне, убогому, спасать свой живот и бежать на юг. Здесь обострился мой ревматизм, душит бронхит и почки то и дело заболывают. Ради Бога, помогите мне получить Новочеркасск. Вы знаете, кого и как просить обо мне. Или дайте мне совет, как поступить. Я этим делом, т.е. Петербургом и сильными мира сего, никогда не занимался и по неумению, пожалуй, дам маху. Простите и помолитесь. Слуга покорный Алексий Епископ Псковский и Порховский»³⁰. Как видим, в этом письме нет и следа возмущения неканоничностью практики перемещения епископов. Небезынтересно, что через год автор этого письма, стремившийся на юг, был назначен епископом Тобольским и Сибирским, а Тобольский епископ переведен на Псковскую кафедру.

По мнению И. К. Смолича, постоянные перемещения епископов должны были воспрепятствовать не только сближению низшего духовенства и паствы с архиереями, но и «появлению в среде иерархии людей популярных или опытных церковных политиков»³¹. Действительно, это была сознательная политика государства по отношению к епископату, направленная на его «нивелирование». Можно отметить

²⁵ Там же. Д. 259. Л. 24.

²⁶ Львов А. Н. Князья церкви... С. 113.

²⁷ Никанор (Бровкович), архиеп. Записки присутствующего в Святейшем Правительствующем Всероссийском Синоде... С. 359–360.

²⁸ ОР РГБ. Ф. 26. К. 3. Д. 4. Л. 48.

²⁹ Отзывы ... Ч. II. С. 9.

³⁰ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 220. Л. 17–17 об.

³¹ Смолич И. К. История Русской Церкви (1700–1917). Кн. VIII. Ч. 1. М., 1996. С. 233.

несоответствие той полной лояльности к власти, которую архиереи высказывали даже в частной переписке, и жесткой политики государства, которая была продиктована в первую очередь боязнью *клерикализма*, боязнью усиления иерархии. В первой половине XIX в. существовал даже запрет на взаимные встречи архиереев без особого на то дозволения, очевидно для предотвращения опасности заговора в их среде. Возникает мысль, что власть намеренно преувеличивала для себя исходящую от иерархии угрозу, чтобы не выпускать из своих рук узурпированное еще Петром I право на управление Церковью. Даже такой глубоко религиозный император как Николай II не смог преодолеть эту *логику власти*, которая заключалась в стремлении к установлению возможно более полного контроля надо всеми сторонами человеческой жизни. Разумеется, в такой ситуации религиозная сфера оказывалась одной из наиболее приоритетных, поскольку содержала в себе огромный потенциал для воздействия на человеческую личность.

Источники и литература

1. А. Р. Историческая переписка о судьбах Православной Церкви. М., 1912.
2. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994.
3. *Иванцов-Платонов А. М., прот.* О русском церковном управлении. М., 1898.
4. *Кузнецов Н. Д.* Преобразования в Русской Церкви (Рассмотрение вопроса по официальным документам и в связи с потребностями жизни). М., 1906.
5. *Львов А. Н.* Князя церкви // Красный архив. 1930. № 2. С. 108–148.
6. *Никанор (Бровкович), архиеп.* Записки присутствующего в Святейшем Правительствующем Всероссийском Синоде // Русский Архив. 1906. № 7–12.
7. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Т. 1–2.
8. *Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев, Святейший Синод и архиереи в 1881–1894 гг.* // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1994. № 4. С. 22–33.
9. *Серафим, иером.* Первый Всероссийский съезд монашествующих 1909 года: Воспоминания участника. М., 1999.
10. *Смолич И. К.* История Русской Церкви (1700–1917). Кн. VIII. Ч. 1. М., 1996.
11. *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Т. 4. СПб., 1886.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

А. Ю. Макаров

**Церковно-просветительская деятельность
священника Григория Петрова
в 1891–1908 гг.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_249

Аннотация: Статья посвящена анализу церковно-просветительской деятельности одного из самых талантливых петербургских проповедников и публицистов начала XX в. священника Григория Спиридоновича Петрова. Его имя и труды были незаслуженно забыты после снятия с него сана в 1908 г., однако его пример горячего церковного служения в период с 1891 по 1908 гг. представляет собой яркое свидетельство существовавших возможностей церковно-просветительской деятельности в синодальный период. Непредвзятый взгляд на служение священника Григория Петрова позволяет увидеть весь спектр его деятельности, включающий в себя помимо богослужения активное проповедничество, законоучительство, церковную публицистику, личную постоянную благотворительность и участие в собирании церковной общественности, выступающей за духовное возрождение народа и Церкви.

Ключевые слова: священник Григорий Петров, церковно-просветительская деятельность, Братство ревнителей церковного обновления, Союз церковного обновления, православная проповедь начала XX в.

Об авторе: **Алексей Юрьевич Макаров**

Бакалавр богословия, заведующий административно-хозяйственной частью МОО «Культурно-просветительский центр «Преображение».

E-mail: maleks74@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2088-6158>

Ссылка на статью: Макаров А. Ю. Церковно-просветительская деятельность священника Григория Петрова в 1891–1908 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 249–256.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

A. Yu. Makarov

**Church and Educational Activities
of Grigory Spiridonovich Petrov
in 1891–1908**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_249

Abstract: The article is devoted to the analysis of the church educational activities of one of the most talented St. Petersburg preachers and publicists of the early 20th century, Priest Gregory Spiridonovich Petrov. His name and writings were undeservedly forgotten after his deposition in 1908, but his example of ardent church service in the period from 1891 to 1908 is vivid evidence of the existing possibilities of church educational activities in the Synodal Period. An unbiased look at the ministry of the Priest Gregory Petrov allows one to see the entire spectrum of his activities, including, in addition to worship, active preaching, teaching the law, church journalism, personal constant charity and participation in the gathering of the church community, advocating the spiritual revival of the people and the Church.

Keywords: Priest Gregory Petrov, church and educational activities, Brotherhood of Adherents of Church Renewal, Union for Church Renewal, Christian Orthodox preaching in the beginning of the 20th century.

About the author: **Alexey Yurievich Makarov**

Bachelor of Theology, head of the administrative department of the interregional NGO “Cultural and Educational Center Preobrazhenie”.

E-mail: maleks74@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2088-6158>

Article link: Makarov A. Yu. Church and Educational Activities of Grigory Spiridonovich Petrov in 1891–1908. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 249–256.

* Photos are taken from open sources.

Одной из наиболее ярких и характерных фигур церковной жизни России начала XX в. был петербургский священник Григорий Спиридонович Петров. Его служение в сане и просветительская деятельность с 1891 по 1908 гг. являлись для многих источником евангельского осмысления и обновления церковной и общественной жизни. Запрещение его в 1908 г., обусловленное в большей мере не церковными, а государственными политическими мотивами, привело на долгие годы к забвению его имени. Вклад отца Григория Петрова в дело духовного просвещения народа, его пастырское служение, талант проповедника и законоучителя были необоснованно забыты, однако они представляют собой важный церковно-общественный опыт, свидетельствующий о плодотворности и определенной свободе служения священства в синодальный период, о чем важно помнить, составляя целостный исторический образ Церкви в последние десятилетия существования Российской империи.

Священник
Григорий Петров

Для священника Григория Петрова благодатное и неотъемлемое присутствие в служении пастыря проповеди было воспринято как норма со студенческой поры. Его наставниками в духовной академии были ставшие впоследствии митрополитами Антоний (Вадковский) и Антоний (Храповицкий). Последний непосредственно руководил и наставлял студентов¹. В отчетах «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» за 1888–1889 проповеднический год присутствует фамилия Петрова, как одного из студентов духовной академии, чьи проповеди-беседы в Сергиевском всей артиллерии соборе «порадовали и утешили... своею содержательностью и отчетливым произношением»². Главным в проповедническом служении отец Григорий считал обращение внимания пастырей на евангельское основание и идеал проповеди³. В 1902–1903 гг. в рамках деятельности Общества отец Григорий вел беседы как наблюдатель в Манеже при Мраморном дворце. В 1902 г. он провел 18 бесед, а в 1903 г. — 10. По отчетам Общества только в 1902 г. общее число слушателей на 23 беседах в Манеже Мраморного дворца составило 30.000 человек⁴. Просветительские беседы Петрова в рамках деятельности Общества проходили и в храмах св. Николая Чудотворца при городских скотобойнях (на Обводном канале около Московского проспекта)⁵, и в Сергиевском всей артиллерии соборе⁶.

¹ Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. [Очерк деятельности за] 1881 4/IV 1891 г. СПб., 1891.

² Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви : Отчет о деятельности общества за 1888/1889 год. СПб., 1889. С. 36.

³ Там же. С. 60.

⁴ Отчет «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» за 1901–02 проповеднический год. СПб., 1902. С. 108–109.

⁵ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга: Энциклопедия христианских храмов. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Лики России; Фонд «Спас», 2010. С. 334.

⁶ Костромин К., прот. Слово — оружие литератора: священник Григорий Петров // Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви. URL: <http://spbda.ru/publications/kostromin-k-a-slovo-orujie-literatora-svyaschennik-grigoriy-petrov> (дата обращения: 10.06.2018).

С лекциями о вреде пьянства и духовными наставлениями отец Григорий также принимал участие в деятельности Александро-Невского общества трезвости⁷. В книге А. В. Руманова есть свидетельство отца Григория о его еженедельной загруженности в 1902–1903 гг.: «Только в воскресенье и праздничные дни говорил обычно три раза, да на неделе еще 2, 3, 4 раза, всего 5, 6, 7 раз еженедельно»⁸. Свой долг пастыря он понимал так: «Пастырь должен быть готов дать ответ мятущимся людям не только в храме, но и в школе, и в доме, и в поле, и на улице — словом всюду, где только захватит его жизнь»⁹.

В преподавании Закона Божия отец Григорий также видел возможность своего церковно-просветительского служения. Зная на собственном опыте, насколько формально и безлично преподается Закон Божий в духовных учебных заведениях и о том, что он «по своему влиянию на учащихся занимает самые дальние задворки»¹⁰, он ставит своей задачей в законоучительстве не требование заучивания текстов и имен из Библии, а стремление «оправдать жизнь религией, оправдать саму религию»¹¹. В основание законоучительства должен быть положен «внутренний, великий и вечный смысл Библии», «величие каждого евангельского слова»¹².

В работе протоиерея Константина Костромина об отце Григории Петрове есть сведения о том, что с момента окончания академии до 1895 г. он был законоучителем в районе Коломны, в Пятой Петербургской («Аларчинской») гимназии¹³. Через два года настоятельства, т. е. в 1893 г., молодого священника Григория Петрова переводят настоятелем храма святого Александра Невского при Михайловском артиллерийском училище и дают в этом элитарном военном учебном заведении место законоучителя¹⁴.

Лекционная деятельность отца Григория распространяется на множество учебных заведений, в основном военного характера. Одновременно с преподаванием в Михайловском училище он начинает читать лекции в Пажеском корпусе¹⁵. Затем в течение нескольких лет он получает приглашение выступить со своими лекциями в престижном Александровском лицее и Политехническом институте¹⁶. Известно, что кроме преподавания в аудиториях престижных учебных заведений, отец Григорий Петров находил возможности выходить с проповедью и лекциями в столичные гимназии¹⁷.

Интерес к личности молодого талантливого священника возрос настолько, что приблизительно в конце 1902 — начале 1903 гг. ему поступило предложение быть воспитателем и законоучителем детей великих князей Павла Александровича и Константина Константиновича¹⁸.

По мнению священника Григория Петрова, законоучительство должно вестись в «духе живой религиозности по Евангелию»¹⁹, а для этого необходимо: 1) преодолеть оторванность академического богословия и печатающихся богословских трудов от веры простого народа, поскольку «духовно общество живет и развивается вне влияния духовных законоучителей»²⁰; 2) больше уделять внимания разъяснению смысла молитвы как внутреннего, творческого и жертвенного акта, который может и должен

⁷ Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга... С. 334.

⁸ Руманов А. В. Священник Г. С. Петров, член Государственной думы: Биограф. и история ссылки в монастырь. М.: И. Д. Сытин, 1907. С. 65–66.

⁹ Петров Г., свящ. О живом слове // Церковный вестник. 1905. № 4. Стлб. 98.

¹⁰ Петров Г. С. Школьный «закон Божий». М.: И. Д. Сытин, 1910. С. 14.

¹¹ Там же. С. 16.

¹² Там же. С. 21.

¹³ Костромин К., прот. Слово — оружие литератора...

¹⁴ Там же.

¹⁵ Щелкунов А. В. Формула добра и красоты. М.: Новый ключ, 2013. С. 6.

¹⁶ Костромин К., прот. Слово — оружие литератора...

¹⁷ Щелкунов А. В. Формула добра и красоты. С. 6.

¹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹ Там же. С. 25.

²⁰ Петров Г. С. Школьный «закон Божий». С. 36.

расшириться на всю жизнь человека как «служение правде, борьба и страдание за истину»²¹.

Еще одна сфера приложения сил священника Григория Петрова в деле церковного просвещения и пастырского обращения к народу — церковная публицистика. Необходимо заметить, что форма общения с паствой посредством печатных изданий не была уникальным явлением. Однако отец Григорий заслужил особое внимание и уважение в Российской империи как священник-писатель, потому что говорил с паствой на ее простом народном языке на самые болезненные и важные жизненные темы, в первую очередь о необходимости жить по Евангелию. Особую роль в его творчестве играет книга «Евангелие как основа жизни», изданная в 1898 г. За пять последующих лет она была переиздана 18 раз, в том числе и за рубежом²², — таков был интерес народа к вдумчивому и реалистичному призыву жить по Евангелию, высказанному от лица Церкви на современном языке. Протоиерей Константин Костромин считает, что эта книга вызвала широкий интерес из-за того, что она была «обращена к интеллигентному читателю и основана на философии, психологии, социологии ради главной цели — возведения Евангелия как нравственной практической идеи»²³.

Благодаря знакомству с И. Д. Сытиным священник Григорий Петров приобрел не только издателя своих статей и брошюр, но и настоящего единомышленника. Статьи отца Григория, посвященные церковно-общественным отношениям, вопросам пастырства и неформальному устройению жизни на евангельских основаниях веры постоянно выходили в периодических изданиях, финансируемых И. Д. Сытиным. Последний в 1901 г. пригласил отца Григория в газету «Русское слово»²⁴, в которой тот печатался вплоть до ее закрытия большевиками в 1917 г. Исследователь истории газеты «Русское слово» А. Д. Менделеев, оценивая отца Григория как автора, пишет, что он «вместо факта печатал проповеди, свои мысли и наставления»²⁵. Дважды И. Д. Сытин оказывал отцу Григорию помощь в создании отдельных периодических изданий, в которых священник был и главным редактором, и основным автором статей. Таковы журнал «Друг Трезвости», вышедший с 1900 по 1901 гг., и газета «Правда Божия», издававшаяся совсем недолго, с января по июнь 1906 г. Нравственный и евангельский акцент всегда были на первом месте для отца Григория в его публикациях. Так, в журнале «Друг трезвости» только 4 из 92 вышедших за его подписью статей касались социально-экономических проблем²⁶.

Отдельные книги отца Григория в этот период были востребованы по всей стране, и продавались в магазинах Сытина в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Екатеринбурге, Воронеже, Варшаве²⁷. О высокой популярности книг отца Петрова в провинции сохранились воспоминания В. В. Розанова: «Один мой родственник, приехавший из провинции, сказал мне: «Я устал возить на родину тюки его книг: так велико и непрерывно требование»»²⁸.

Церковной тематике посвящены такие книги отца Григория, как «Беседы о Боге и Божьей правде» (2-е изд. М., 1904.), «Не с того конца» (СПб., 1905), «Великий пастырь» (СПб., 1905), «Преподобный Серафим Саровский» (2-е изд. М., 1904). Сборники

²¹ Там же. С. 23.

²² Щелкунов А. В. Формула добра и красоты. С. 13.

²³ Костромин К., прот. Слово — оружие литератора...

²⁴ Менделеев А. Г. Жизнь газеты «Русское слово»: Издатель: Сотрудники. М.: РОСПЭН, 2001. С. 8.

²⁵ Там же. С. 79.

²⁶ Петров Г., свящ. Клич друзьям трезвости // Друг трезвости. 1900. № 2; Его же. Наши мечты, надежды и желания // Друг трезвости. 1900. № 5; Его же. Парижская выставка // Друг трезвости. 1900. № 34; Его же. Светлые часы // Друг трезвости. 1900. № 49.

²⁷ Рекламное объявление о новой книге свящ. Г. Петрова // Друг Трезвости. 1901. № 13–14. С. 38.

²⁸ Розанов В. В. Народные чтения в Петербурге // Его же. Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 304.

статей отца Григория, как правило, включали в себя разножанровые произведения и затрагивали, кроме церковной, почти всегда социально-экономическую и просветительскую темы. Протоиерей Константин Костромин к таковым относил сборники «Долой пьянство!» (М., 1901), «Школа и жизнь» (СПб., 1902), «Война и мир» (СПб., 1904), «Божьи свечи» (СПб., 1904), «Братья писатели» (6-е изд. СПб., 1904), «Города и люди. Думы и впечатления» (СПб., 1906), «Живые цветы» (4-е изд. СПб., 1907)²⁹.

Отличительными качествами церковной публицистики священника Григория Петрова можно назвать: 1) реакцию на отклонение жизни от Евангельского духа, на отчуждение от Правды Божией; 2) уверенность в необходимости глубокой взаимосвязи церковной и общественной жизни; 3) обращенность ко всем слоям общества; 4) использование всех доступных средств массовой печати — периодические издания, книги, брошюры, листовки; 5) принципиально низкая стоимость издаваемых книг, доступных для самых бедных людей; 6) поиск новых форм распространения печатных проповедей и лекций, например, замещение входного билета на лекцию своей брошюрой³⁰.

Благотворительность как участие в жизни Церкви была одной из самых распространенных форм церковной деятельности в России в начале XX в. Можно уверенно утверждать, что священник Григорий Петров придавал огромное значение делам милосердия и стремился помочь тем, кто к нему обращался за помощью. Священник Константин Аггеев, близко знавший отца Григория, говорил о нем так: «Его незлобие просто не знает пределов... дверь его квартиры не закрывается — и все за советами, за утешениями... А кто не знает, насколько трудна этого рода благотворительность, доступная только для людей высокого христианского настроения!»³¹ Так, в апреле 1907 г., в самый разгар гонений на отца Григория со стороны Святейшего Синода, в одном из своих писем к литературному критику и общественному деятелю Александру Алексеевичу Измайлову он ходатайствует о получении финансовой помощи для оставшегося без работы по болезни газетного работника из Ялты: «Узнал я его по письму ко мне с просьбою озлобленного чахоточного человека. Чем мог помог... Положение мрачное... он прошения прислал мне, а я не знаю, что с ними делать... Не поможете ли Вы, направить, куда следует, должным образом... Мое имя испортит дело. Простите, что утруждаю, но помочь человеку надо, а я не могу...»³² Из писем священника Константина Аггеева известно, что отец Григорий Петров выступал ходатаем перед митрополитом Антонием (Вадковским) о назначении молодого священника Иоанна Егорова законоучителем в Императорское воспитательное общество благородных девиц³³.

Священник Григорий Петров внес весомый вклад в деятельность практически всех наиболее значимых столичных церковных и церковно-общественных объединений того времени, ставящих своей целью «обновить церковь и сделать ее понятной и привлекательной для людей»³⁴. Среди них Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, Александро-Невское общество трезвости, Русское собрание³⁵, Религиозно-философские собрания, Кружок 32-х петербургских священников и оформившееся на его основании потом Братство ревнителей церковного обновления.

²⁹ Костромин К., *прот.* Слово — оружие литератора...

³⁰ Менделеев А. Г. Жизнь газеты «Русское слово»... С. 81.

³¹ Балакшина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. С. 221.

³² РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Д. 243. Л. 12 об.–13.

³³ Балакшина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления... С. 154.

³⁴ Костромин К., *прот.* Слово — оружие литератора...

³⁵ «Русское собрание» — общественная организация культурно-просветительного (1901–1904, 1914–1917) и политического (1905–1914) характера, основана в 1901 г. (См.: «Русское собрание» // URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3522447 (дата обращения: 10.06.2021).

Священник Григорий Петров сыграл серьезную роль в деятельности кружка «32-х» петербургских священников, выступивших в 1905 г. «с рядом письменных документов и обращений, в которых говорилось о неотложной необходимости реформ в Русской церкви»³⁶. Из работы Ю. В. Балакишиной, посвященной этому внутрицерковному движению, можно в общих чертах составить представление об отношениях отца Григория с основателями кружка Н. П. Аксаковым, священником Константином Аггеевым, священником И. Ф. Егоровым, архимандритом Михаилом (Семеновым), священником А. П. Рождественским, а также причастности отца Григория Петрова к ключевым событиям в жизни кружка «32-х». На ведущую роль священника Григория Петрова в деятельности кружка указывает и С. Л. Фирсов в своей работе «Русская Церковь накануне перемен»³⁷. Действительно, отец Григорий, разделявший мнение о необходимости церковных реформ и духовном просвещении народа, старался, обладая связями и авторитетом, всемерно поддерживать единомышленников.

Священник Григорий Петров принимал деятельное участие в поисках благотворителей с целью учреждения в 1905 г. журнала для кружковцев, оформивших свое движение уже как Союз церковного обновления. В середине 1905 г., когда планируемый журнал Союза обрел рабочее название «Вестник жизни» и получил право бесцензурной печати, отец Григорий пытался привлечь к его изданию крупных издателей³⁸, да и сам готов был предоставить финансовые средства³⁹. Однако декабрьские революционные события 1905 г. не позволили проекту осуществиться. Только в журнале «Век», выходящем в 1906–1907 гг., эта идея Союза церковного обновления, диалога духовенства и интеллигенции смогла частично реализоваться⁴⁰.

Проведя краткий анализ церковно-просветительской деятельности священника Григория Петрова в период его служения в сане с 1891 по 1908 гг., можно сделать вывод, что ее содержание было весьма многогранным и помимо богослужения охватывало активное проповедничество, законоучительство во многих петербургских высших и средних учебных заведениях, церковную публицистику, личную постоянную благотворительность и участие в собирании церковной общественности. Все это представляет собой важное свидетельство о широте существовавших возможностей церковно-просветительской деятельности в синодальный период.

Источники и литература

Источники

1. Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви. [Очерк деятельности за] 1881 4/IV 1891 гг. СПб., 1891.
2. Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви: Отчет о деятельности общества за 1888/1889 год. СПб., 1889.
3. Отчет «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» за 1898–89 проповеднический год.
4. Отчет «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» за 1901–02 проповеднический год.
5. *Петров Г. свящ.* О живом слове // Церковный вестник. 1905. № 4. Стлб. 97–99.
6. *Петров Г. С.* Школьный закон Божий: сборник рассказов. М.: И. Д. Сыгин, 1910. 54 с.
7. *Петров Г., свящ.* Клич друзьям трезвости // Друг трезвости. 1900. № 2.

³⁶ Балакишина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления... С. 59.

³⁷ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен: (Конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. С. 324.

³⁸ Балакишина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления... С. 111.

³⁹ Там же. С. 311.

⁴⁰ Там же. С. 57.

8. *Петров Г., свящ.* Наши мечты, надежды и желания // Друг трезвости. 1900. № 5.
9. *Петров Г., свящ.* Парижская выставка // Друг трезвости. 1900. № 34.
10. *Петров Г., свящ.* Светлые часы // Друг трезвости. 1900. № 49.
11. Рекламное объявление о новой книге свящ. Г. Петрова // Друг Трезвости. 1901. № 13–14.
12. РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Д. 243.

Литература

13. *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга: Энциклопедия христианских храмов. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Лики России; Фонд «Спас», 2010. 511 с.
14. *Балакишина Ю. В.* Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. 421 с.
15. *Костромин К., прот.* Слово — оружие литератора: священник Григорий Петров // Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви. URL: <https://spbda.ru/publications/kostromin-k-a-slovo-orujie-literatora-svyaschennik-grigoriy-petrov> (дата обращения 10.06.2021).
16. *Менделеев А. Г.* Жизнь газеты «Русское слово»: Издатель. Сотрудники. М.: РОСПЭН, 2001. 208 с.
17. *Розанов В. В.* Около стен церковных. М.: Республика, 1995. 557 с.
18. *Руманов А. В.* Священник Г. С. Петров, член Государственной думы: Биогр. и история ссылки в монастырь: С портретом и видами Черемнецкого монастыря. М.: И. Д. Сытин, 1907. 143 с.
19. «Русское собрание» // URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3522447 (дата обращения: 10.06.2021).
20. *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен: (Конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002.
21. *Щелкунов А. В.* Формула добра и красоты. М.: Новый ключ, 2013. 288 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Священник Владислав Малышев

**Церковно-общественная публицистика середины XIX в.:
использование в современных исторических исследованиях**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_257

Аннотация: В статье церковно-общественная публицистика середины XIX в. рассматривается как востребованный в современных исследованиях исторический источник. Обозначена тенденция использования церковно-общественной публицистики без необходимого изучения особенностей данного жанра, что зачастую приводит к ошибкам и заблуждениям. На примере исторических монографий С. В. Римского и М. В. Никулина продемонстрированы наиболее часто встречающиеся действия исследователей, которые провоцируют читателя излишне доверять публицистам, как критикам, так и апологетам современной им церковной жизни. В статье также кратко охарактеризованы наиболее выдающиеся представители церковно-общественной публицистики середины XIX в., такие как священник И. С. Белюстин, Д. И. Ростиславов, А. Н. Муравьев и Н. В. Елагин.

Ключевые слова: публицистика, церковно-общественная публицистика, церковно-публицистическая полемика, исторический источник, священник И. С. Белюстин, Д. И. Ростиславов, А. Н. Муравьев, Н. В. Елагин.

Об авторе: **Священник Владислав Сергеевич Малышев**

Кандидат богословия, помощник проректора по научно-богословской работе Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: mvsandmjk@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1984-349X>

Ссылка на статью: Малышев В., священник. Церковно-общественная публицистика середины XIX в.: использование в современных исторических исследованиях // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 257–266.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Priest Vladislav Malyshev

**Church-Social Journalism of the Mid-19th Century:
Use in Modern Historical Research**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_257

Abstract: In the article, church-social journalism of the middle of the 19th century is considered as a historical source in demand in modern research. The tendency of using church-public journalism without the necessary study of the peculiarities of this genre is indicated, which often leads to errors and delusions. On the example of the historical monographs of S.V. Rimsky and M.V. Nikulin, the most frequent actions of researchers are demonstrated, which provoke the reader to overly trust publicists, both critics and apologists of contemporary church life. The article also briefly describes the most prominent representatives of church and public journalism of the middle of the 19th century, such as the priest I. S. Belyustin, D. I. Rostislavov, A. N. Muravyov and N. V. Elagin.

Keywords: journalism, church-social journalism, church-publicistic polemics, historical source, Priest I. S. Belyustin, D. I. Rostislavov, A. N. Muravyov, N. V. Elagin.

About the author: **Priest Vladislav Sergeevich Malyshev**

Candidate of Theology, Assistant to the Vice-Rector for Scientific and Theological Work at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: mvsandmjk@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1984-349X>

Article link: Malyshev V., priest. Church-Social Journalism of the Mid-19th Century: Use in Modern Historical Research. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 257–266.

* Photos are taken from open sources.

Под церковно-общественной публицистикой середины XIX в. мы понимаем явление, когда представители духовного сословия¹, несмотря на существование строгих цензурных правил, позволяли себе высказываться по острым проблемам своего сословия. Наиболее яркими представителями этого явления, несомненно, являются калязинский священник И. С. Белюстин и профессор Санкт-Петербургской духовной академии Д. И. Ростиславов, а также их оппоненты Н. В. Елагин и А. Н. Муравьев.

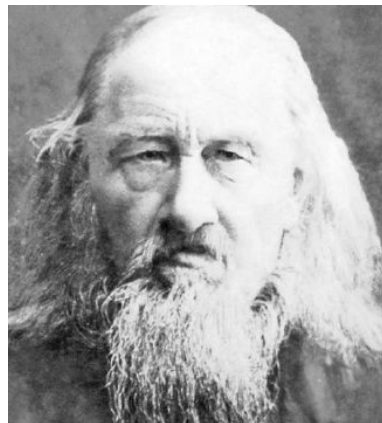
В данной статье невозможно описать абсолютно все случаи использования публицистических произведений в современных исторических исследованиях, но важно обозначить тенденцию, для чего приведем примеры публикаций, где исследователи, по нашему мнению, излишне доверяют мнениям публицистов, а также укажем на некоторые нюансы, которые нельзя обойти стороной, ссылаясь, в первую очередь, на труды священника Иоанна Белюстина и А. Н. Муравьева.

Вначале следует напомнить, что любое публицистическое произведение выражает личное мнение автора, редактора или заказчика этого произведения. Личное мнение, в свою очередь, зависит от обстоятельств жизни заказчика, редактора или автора, проблем сословия, в котором они состоят, или от позиции ведомства, в котором они служат. Исследователь не имеет права игнорировать и то, что задачами церковно-общественной публицистики являются доведение до общественности той или иной точки зрения относительно какого-либо конкретного явления в жизни Церкви, убеждение читателя в необходимости принять эту точку зрения целиком или хотя бы отдельные отстаиваемые автором тезисы.

Особенностями рассматриваемого нами жанра является субъективность, что зачастую приводит к преувеличению значимости и масштаба описываемых проблем. Такие преувеличения допускаются публицистами как сознательно, с целью утрировать описываемую проблему, так и неосознанно, под влиянием эмоций, самоубеждения или особенностей характера автора.

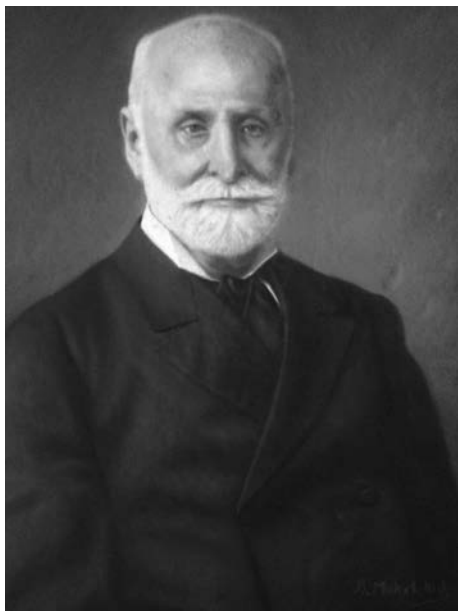
Например, при изображении т.н. «архиерейского деспотизма» публицисты-критики, что очевидно, создавали некий собирательный образ епископа, в котором были соединены пороки всех встречавшихся им представителей высшей церковной власти, при этом сознательно минимизируя наличие в этом образе положительных сторон. Защитники же, наоборот, считая отрицательные стороны представителей епископата не более чем исключением, создавали преувеличенно положительный образ архипастыря. В итоге мы чаще всего встречаемся с крайностями во мнениях. Чтобы исследователю не оказаться под влиянием исследуемого им материала либо не поддаться желанию «подтвердить» чьим-то мнением уже сложившееся свое мнение относительно того или иного явления, публицистика несомненно требует правильного использования полученных данных.

Начиная с 90-х гг. XX в., отечественные историки получили возможность беспрепятственно изучать историю Русской Церкви, с последующей защитой диссертаций и публикацией монографий, чего были лишены исследователи в советскую эпоху. К сожалению, отсутствие знаний в области богословия, канонического права, нюансов церковной жизни, а также особенностей религиозного сознания как клириков, так

Священник
Иоанн Белюстин

¹ Незначительное допущение представителей других сословий возможно лишь в случае, если их труды стали частью церковно-публицистической полемики, т.е. содержат прямое одобрение или критику кого-либо из публицистов духовного сословия.

Профессор
А. И. Поповицкий

и мирян приводили и приводят к ошибкам и неточностям со стороны даже весьма уважаемых исследователей².

Вместе с возрастающей активностью в области изучения истории Русского Православия закономерно возросла и активность использования церковно-общественной публицистики, поскольку данный источник изобилует информацией, сильно отличающейся от того, что можно обнаружить в формулярных списках, официальных отчетах и прочих официозных и формальных по своей форме документах. Однако приходится констатировать, что публицистические произведения нередко используют без необходимого анализа, некорректно. С целью проиллюстрировать данную тенденцию приведем ряд примеров.

Сергей Викторович Римский в своей монографии «Российская Церковь в эпоху Великих реформ»³ достаточно активно использует церковно-общественную публицистику в качестве исторического источника. Исключая ссылки на журналы «Русский архив» и «Русская старина», а также случаи,

в которых С. В. Римский ссылается на публицистику, оговариваясь, что данный тезис является частным мнением автора, мы насчитали более тридцати случаев ссылок на труды священника И. С. Бельюстина, Д. И. Ростислава, священника А. И. Розанова, А. Н. Муравьева, Н. П. Гилярова-Платонова и Н. В. Елагина как на непреложную или относительную истину. С. В. Римский пишет о методах работы духовной цензуры и ее отношении к готовящимся публикациям по религиозной тематике, основываясь на мнении предубежденного против цензуры, монашества и любого церковного чиновничества Д. И. Ростислава⁴. Повествование о взяточничестве благочинных,

² Например, Т. Г. Леонтьева в монографии «Вера и прогресс» со ссылкой на «Полный православный богословский энциклопедический словарь» (ШПБЭС... Т. 2. ст. 1926) говорит, что при изготовлении просфор необходимо было использовать исключительно пресный хлеб (Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. Российское общество. М., 2002. С. 19.), в то время как в Православной Церкви, в отличие от Католической, использование пресного хлеба для совершения таинства Евхаристии категорически запрещено, что и подтверждает источник (ШПБЭС), в данном случае использованный историком некорректно. Сомнительно звучит и другая фраза из данной монографии: «Платили, как известно, не только православному батюшке, но и ксендзу, и пресвитеру» (Указ. соч. С. 27). В данном случае очевидно, что автор некорректно использует или не владеет необходимой терминологией, т. к. «православный батюшка» и пресвитер — это разные названия одного и того же сана в Православной Церкви (ШПБЭС... Т. 2. ст. 1901). Похожую ошибку допускает исследователь положения духовенства в XIX в. В. Слепнев. Перечисляя наименования санов как белого, так и черного духовенства, исследователь допускает не только повтора, например: «священники и иереи», но также путает понятия сана и должности (Слепнев В. Сельское духовенство в эпоху «Великих реформ» XIX века в России // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского Православно-христианского института. 2010. № 2. С. 97–109).

³ Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов. М., 1999.

⁴ Ссылаясь на Д. И. Ростислава (Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве в России. Т. 1. Лейпциг. 1866. С. 10, 18–19), С. В. Римский пишет: «Все сочинения, заявленные к публикации, содержание которых касалось не только Православия, но вообще религии,

архиерейских письмоводителей⁵, наставников духовных училищ⁶, а также иных злоупотреблениях⁷ в ряде случаев подтверждается, а иногда и полностью основывается на книге священника И. С. Белюстина «Описание сельского духовенства», что, учитывая современные исследования данного труда и личности его автора, недопустимо⁸. Кроме того, отец Иоанн стал основным источником для описания жизненных обстоятельств⁹ и уровня дохода приходского духовенства¹⁰. Психологический портрет выпускников семинарий¹¹ заимствован из записок Д. И. Ростиславова, чьи статьи часто больше похожи на пасквили, нежели на серьезные исследования. На священника Иоанна Белюстина Римский ссылается, рассуждая о качестве содержания учеников в училищах¹² и оценивая эффективность проведенных церковных реформ¹³.

Несомненно, исследователь имеет право ссылаться на мнения современников относительно любых проблем и вопросов ровно так же, как и использовать опубликованные ими статьи в качестве источника. Однако в случае применения в научных монографиях данных церковно-общественной публицистики исследователь, в связи с опасностью подвергнуться предвзятому мнению автора-публициста, обязан изучить используемый им источник более подробно. В противном случае он рискует поддаться искушению не искать историческую правду, а подтверждать свою субъективную позицию субъективным мнением современников.

подвергались буквально микроскопическому анализу» (*Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов. М., 1999. С. 40–41)*. О цензуре см.: *Карлук Д. А. Деятельность Святейшего Синода как высшего органа духовной цензуры в Российской империи // Святейший Синод в истории российской государственности. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. Сер. «Сборники Президентской библиотеки. Электронный архив». Научные редакторы С. Л. Фирсов, П. В. Фёдоров. СПб., 2017. С. 351–358.*

⁵ *Римский С. В. Российская церковь в эпоху... С. 87–88.*

⁶ Исследователь использует обширную цитату И. С. Белюстина (*Белюстин И. С. Описание... С. 11–12*), предваряя ее замечанием: «Поистине бедствием для родителей и детей стало взяточничество училищных и семинарских служащих. Иван Белюстин, специально собиравший материалы подобного рода, подробно описал механизм взяток» (*Римский С. В. Российская церковь в эпоху... С. 158*). В данном случае исследователь признает описание Белюстина за непреложную истину, каковым оно явно быть не может.

⁷ «Благодаря семейным связям попадали на лучшие места в приходах, правлениях, консисториях...» (*Римский С. В. Российская церковь в эпоху... С. 88–89*). Основанием данного тезиса стала ссылка на «Описание...» Белюстина (*Белюстин И. С. Описание... С. 54*).

⁸ *Мальцев В. С., свящ. Положение духовного сословия в церковной публицистике середины XIX века. СПб., 2019. С. 45–86.*

⁹ Указывая обстоятельства назначения священника на приход, С. В. Римский основывается на их описании А. И. Розановым (*Римский С. В. Российская церковь в эпоху... С. 117*).

¹⁰ Уровень годового дохода и его несоответствие реально необходимой сумме основано на мнении И. С. Белюстина (*Римский С. В. Российская церковь в эпоху... С. 116*).

¹¹ Описывая психологические особенности окончивших курс обучения семинаристов (*Римский С. В. Российская церковь в эпоху... С. 150*), Римский основывается на записках Д. И. Ростиславова (*Ростиславова Д. И. Записки Д. И. Ростиславова // Русская старина. 1880. январь. С. 23*)

¹² С. В. Римский, описывая неприглядную сторону содержания учеников на квартирах, а также их материальное обеспечение (*Римский С. В. Российская церковь в эпоху... С. 148–149*), берет за основу данные «Описания...» И. С. Белюстина (*Белюстин И. С. Описание... С. 3–52*) и воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова (*Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого. Ч. 1, 2*) несмотря на то, что по этому вопросу далеко не все публицисты-современники были согласны с указанными авторами.

¹³ Результаты реформ С. В. Римский оценивает (*Римский С. В. Российская церковь в эпоху... С. 549–550*), ссылаясь в том числе на журнальные статьи И. С. Белюстина (*Белюстин И. С. Что сделано по вопросу о духовенстве // Беседа. 1871. Кн. 3. Март. С. 155; Его же. Что делается по вопросу о духовенстве // Беседа. 1872. Кн. 2. Февраль. С. 181*), которого сам же считает «помешавшимся на критике всего и вся в Православной Церкви» (*Римский С. В. Российская церковь в эпоху... С. 190*). Однако мы не считаем это ошибкой потому, что, кроме статей Белюстина, в качестве источника указываются и другие публикации, и письма.

В случае с монографией С. В. Римского к подобному использованию сведений из «Описания...» священника И. Белюстина исследователя скорее всего привело чрезмерное доверие к недостаточному критичному исследованию А. Папкова «Церковь и общество в эпоху царя освободителя»¹⁴, а также убеждение, что обстоятельства написания и содержание книги священника И. Белюстина достаточно исследованы еще до 1917 г.,¹⁵ что неверно.

Далее обратим внимание на монографию Максима Владленовича Никулина «Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х — конец 1870-х гг.)»¹⁶. В данном случае к неверным выводам исследователя привело недостаточное осмысление жизненного пути, мировоззренческих позиций и других обстоятельств, связанных с личностью автора, мнение которого используется в качестве исторического источника.

Как в монографии в целом, так и при написании раздела «Крамола» И. С. Белюстина и отодвинутая духовно-учебная реформа»¹⁷ исследователь анализирует не только книгу «Описание сельского духовенства», но и личность ее автора, который предстает перед читателем несколько идеализированным. М. В. Никулин описывает Белюстина как образованного, эрудированного, открытого в своих суждениях профессионала, как владеющего несколькими языками борца за правду, чья манера повествования и стремление к гласности были осуждены священноначалием¹⁸. Кроме того, исследователь ошибочно заявляет, что отец Иоанн был запрещен в священнослужении «как сторонник свободы совести и прекращения преследования старообрядцев»¹⁹. Таким образом, в данной монографии как личность, так и мотивы литературной деятельности священника И. Белюстина представлены односторонне, что ведет к неверному восприятию трудов публициста и чрезмерному доверию к его мнению. По нашему убеждению, исследователю необходимо было принять во внимание и ознакомить читателя хотя бы с отношением священника И. Белюстина к русскому Православию, которое он не считал христианством, его мнением о сектантах и раскольниках, существование которых отец Иоанн признавал за благо для русского народа²⁰, и, несомненно, указать на истинную причину его запрета в священнослужении, каковой стало оскорбление св. имп. Константина Великого, отрицание догм и роли Вселенских Соборов²¹, искажение событий истории и непочтительное отношение к авторитету Церкви²².

Недостаточно критический подход или полное отсутствие необходимых действий при использовании церковно-общественной публицистики чаще всего наблюдается в кратких научных статьях и сообщениях. Это происходит не только по причине незначительного объема публикуемых статей, но и в связи с невозможностью или нежеланием предпринимать ряд достаточно трудоемких действий для выявления степени актуальности и непредвзятости публицистики как исторического источника.

Так, например, в статье «Сельское духовенство в эпоху “Великих реформ” XIX века в России» В. Слепнев в одном случае характеризует отношение белого духовенства к монашествующим и архиерейский деспотизм по отношению к священникам, основываясь исключительно на мнении Белюстина²³, а в другом, принимая мнение

¹⁴ Папков А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя. (1855–1870). СПб., 1902. С. 32.

¹⁵ Римский С. В. Российская церковь в эпоху... С. 190–191.

¹⁶ Никулин М. В. Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х — конец 1870-х гг.). М., 2006. 288 с.

¹⁷ Там же. С. 92–104.

¹⁸ Там же. С. 93–95.

¹⁹ Там же. С. 97.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 307. Л. 7–8 об., 14–15 об.

²¹ ИРЛИ ОР. Ф. 293. Оп. 1. Д. 204. Л. 27–29 об.

²² «О статье священника Белюстина «К вопросу о раскольниках», напечатанных в “Церковно-общественном Вестнике”» (РГИА. Ф. 796. Оп. 160. Д. 831. Л. 103–108).

²³ Слепнев В. Сельское духовенство в эпоху «Великих реформ» ... С. 99.

того же автора за истину, делает неутешительные выводы о силе действия церковной проповеди и миссионерства²⁴.

И. В. Кравцов, автор статьи «Складка» антиклерикализма...», анализируя книгу «Опыт исследования о доходах и имуществе наших монастырей», явно сочувствуя взгляду Д. И. Ростиславова, излагает материал таким образом, что у читателя не возникает сомнений в истинности представленных исследователем монашеских богатств сведений и сюжетов. Кроме того, И. В. Кравцов характеризует Д. И. Ростиславова как глубоко и искренне верующего человека, критикующего церковные порядки не по причине личной обиды, а преследуя исключительно благие цели²⁵, что в контексте изучения церковно-общественной публицистики является предметом спора.

В заключение хотелось бы указать на некоторые особенности рассматриваемых нами публицистов, которые важно принимать во внимание при использовании их мнений.

Священник И. Белюстин действительно стремился к самообразованию, изучал языки, историю и другие науки. Он был деятельным священником — старался регулярно проповедовать, вел на приходе беседы о вере, на которые приглашались крестьяне. Он не был замечен в злоупотреблении алкоголем, не курил и даже не играл в карты. Однако эти положительные явления в его жизни нельзя переоценивать и создавать чрезмерно положительный образ. Отец Иоанн не поступил в духовную академию, чем был крайне недоволен. Он изучал языки, но знал их на весьма среднем уровне, что подтверждается его собственными дневниковыми записями. Самостоятельное изучение истории Церкви и государства привело его к мнению, что официальная история не более чем вымысел и даже сознательная ложь. Относительно истории Церкви отец Иоанн замечал, что русское православие ничего общего не имеет с христианством, что истинное христианство прекратило свое существование в 312 г.²⁶ Помимо этого, отец Иоанн всю свою жизнь был глубоко обижен на священноначалие за то, что отсутствие академического образования тормозило его карьеру. Он был обижен на свою долю, недоволен своим положением и всегда стремился покинуть место служения и перебраться в Москву. Все это надо иметь в виду при чтении статей калезинского публициста²⁷.

Часто исследователи ссылаются на мнения А. Н. Муравьева — публициста, оппонента И. С. Белюстина, который одним из первых выступил против резких суждений о быте духовенства и недостатках церковной жизни в империи. Некоторые авторы воспринимают Муравьева как обличителя лживых суждений опального священника, основываясь исключительно на данных, полученных из брошюры «Мысли светского

А. Н. Муравьев

²⁴ Там же. С. 103.

²⁵ Кравцов И. В. «Складка» антиклерикализма (Д. И. Ростиславов и его «Опыты исследования об имуществе и доходах наших монастырей») // Вестник РХГА. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 294–299.

²⁶ Малышев В. С., священник. Свящ. И. С. Белюстин: эволюция критических воззрений на Церковь и Православие // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки. Материалы IX международной научно-богословской конференции, посвященной 100-летию начала мученического и исповеднического подвига Русской Православной Церкви. 2018. С. 160–165.

²⁷ Малышев В. С., священник. Личность священника Иоанна Белюстина по материалам его эпистолярного наследия // Христианское чтение. 2018. № 2. С. 45–54.

человека на книгу «Описание сельского духовенства». Неудивительно, что и этот подход вводит историка в заблуждение. Основывать свою точку зрения исключительно на мнениях защитников официальной Церкви так же опасно, как и на мнениях критиков. Муравьев, называя Белюстину лжецом и отрицая критику оппонента, сознательно лукавит, что подтверждается при обращении к архивным источникам. На самом деле А. Н. Муравьев во многом был согласен с Белюстиным²⁸, но выступал против его книги, поскольку был убежден, что публичное обсуждение церковных проблем крайне вредно и губительно для Церкви.

Что касается Д. И. Ростиславова и Н. В. Елагина, то обстоятельства их жизни и творчества менее изучены, однако есть то, что известно и крайне важно.

Мнения о Ростиславове встречаются как крайне положительные, со стороны братьев критиков, так и крайне отрицательные, со стороны апологетов Церкви. Разумеется, Дмитрий Иванович далеко не посторонний человек для Церкви — он из собственного опыта знал особенности быта духовенства и был хорошо знаком с проблемами духовного образования. Однако стоит обратить внимание на то, что Ростиславов часто крайне увлекается критикой, в том числе приводя в пример частные случаи, которые не могут быть проверены. Более того, его рассказы о жизни студентов Московской духовной академии подвергались опровержению. Так, например, протоиерей Александр Горский указывал на целый ряд лживых утверждений Ростиславова²⁹.

В отличие от упомянутых нами публицистов, Н. В. Елагин³⁰ происходил из дворян и не мог знать о положении духовенства из своего личного опыта. Духовный писатель, цензор, историк и издатель, он был противником распространения печати, науки и образования в обществе, поскольку они, по его убеждению, способны повредить духовности и церковному сознанию русского народа. Елагин без преувеличения можно назвать сторонником Св. Синода, монашества и церковной иерархии, которую, как он сам считал, несправедливо притесняла государственная власть, стремящаяся управлять Церковью «по-мирски»³¹. Кроме того, целому ряду современников Елагин запомнился как придирчивый и чрезмерно строгий критик³², чья деятельность вызывала негодование даже со стороны коллег³³.

Таким образом, церковно-общественная публицистика середины XIX в. является интересным, но в то же время опасным для исследователя историческим источником. Она требует тщательного изучения в контексте сложившейся полемики, которая продолжалась на протяжении всего периода правления Александра II. Без подробного исследования обстоятельств написания публицистических брошюр и статей, а также особенностей жизни публицистов из духовного сословия историк рискует поддаться влиянию изучаемого им материала, что зачастую приводит к заблуждениям и ошибочным выводам.

²⁸ См.: *Малышев В. С., свящ.* «Слова ваши только повредят в общественном мнении...» Письмо А. Н. Муравьева к М. П. Погодину на тему гласности в церковном вопросе // *Христианское чтение*. 2015. № 6. С. 150–172; РГИА Ф. 832. Оп. 1. Д. 83 Л. 132–145 об.

²⁹ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 83. Л. 159–164 об.

³⁰ Елагин Николай Васильевич (1817–1891) — духовный писатель, цензор, историк, издатель. Дворянин, уроженец Костромской губернии. Дело о службе цензора Н. В. Елагина: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 2012.

³¹ *Берташ А., свящ.* Елагин Николай Васильевич // *Православная энциклопедия*. Т. XVIII. М., 2008. С. 253–257.

³² Елагин Николай Васильевич // *Энциклопедический словарь Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А.* СПб., 1894. Т. XI-а Евреиновы — Жилон. С. 595.

³³ Так, например, в деле о назначении цензора Санкт-Петербургского цензурного комитета Н. В. Елагина встречается резко негативная характеристика в его адрес. В должностной записке Е. Щербанова министру Министерства народного просвещения А. С. Норову от 12 марта 1857 г. в адрес Елагина содержится целый ряд упреков в неспособности к данному служению, в отсутствии должностных качеств и минимального литературного образования и даже нравственности. Автор записки утверждает, что Елагин находит крамольные мысли там, где их не видит ни один из цензоров (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4061. Л. 22–25 об.).

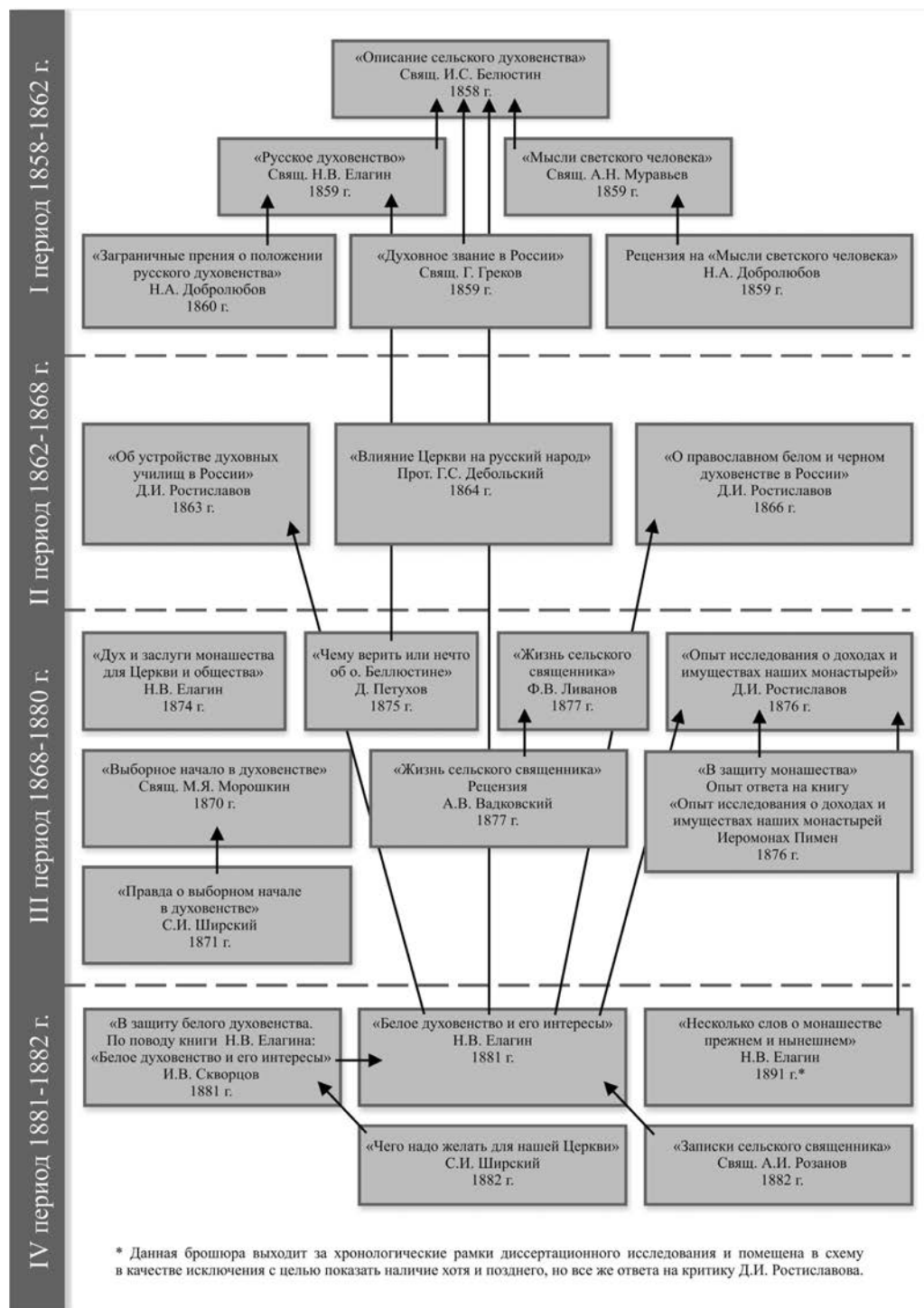

Схема. Церковная публицистика во второй половине XIX в.

Источники и литература

1. *Белюстин И. С., [свящ.]* Что делается по вопросу о духовенстве // Беседа. 1872. Кн. 2. Февраль.
2. *Белюстин И. С., [свящ.]* Что сделано по вопросу о духовенстве // Беседа. 1871. Кн. 3. Март.
3. *Белюстин И. С., свящ.* Описание сельского духовенства. Берлин, Париж, Лондон, 1858. 166 с.
4. *Берташ А., свящ.* Елагин Николай Васильевич // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVIII. С. 253–257.
5. ИРЛИ ОР. Ф. 293. Оп. 1. Д. 204.
6. *Карпук Д. А.* Деятельность Святейшего Синода как высшего органа духовной цензуры в Российской империи // Святейший Синод в истории российской государственности. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. Сер. «Сборники Президентской библиотеки. Электронный архив». Научные редакторы С. Л. Фирсов, П. В. Фёдоров. СПб., 2017. С. 351–358.
7. *Кравцов И. В.* «Складка» антиклерикализма (Д. И. Ростиславов и его «Опыты исследования об имуществах и доходах наших монастырей») // Вестник РХГА. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 294–299.
8. *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. Российское общество. М., 2002. 272 с.
9. *Малышев В. С., свящ.* «Слова ваши только повредят в общественном мнении...» Письмо А. Н. Муравьева к М. П. Погодину на тему гласности в церковном вопросе // Христианское чтение. 2015. № 6. С. 150–172.
10. *Малышев В. С., свящ.* Личность священника Иоанна Белюстина по материалам его эпистолярного наследия // Христианское чтение. 2018. № 2. С. 45–54.
11. *Малышев В. С., свящ.* Положение духовного сословия в церковной публицистике середины XIX века. СПб., 2019. — 296 с.
12. *Малышев В. С., свящ.* Свящ. И. С. Белюстин: эволюция критических воззрений на Церковь и Православие // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки. Материалы IX международной научно-богословской конференции, посвященной 100-летию начала мученического и исповеднического подвига Русской Православной Церкви. 2018. С. 160–165.
13. *Никулин М. В.* Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х — конец 1870-х гг.). М., 2006. 288 с.
14. *Папков А.* Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя. (1855–1870). СПб., 1902. 184 с.
15. Полный Православный Богословский Энциклопедический Словарь. Т. 2. СПб., 1912. 697 с.
16. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 307.
17. РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 83.
18. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4061.
19. РГИА. Ф. 796. Оп. 160. Д. 831.
20. *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов. М., 1999. 567 с.
21. *Ростиславов Д. И.* Записки Д. И. Ростиславова // Русская старина. 1880. Январь. С. 1–38.
22. *Ростиславов Д. И.* О православном белом и черном духовенстве в России. В 2-х т. Т. 1. Лейпциг, 1866. 602 с.
23. *Слепнев В.* Сельское духовенство в эпоху «Великих реформ» XIX века в России // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского Православно-христианского института. 2010. № 2. С. 97–109.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Священник Сергей Мансуров

Воронежская епархия в начале XX в.

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_267

Аннотация: В статье предлагается краткий обзор состояния Воронежской епархии в начале XX столетия (1901–1917 гг.). Рассматриваются основные направления епархиальной жизни: архиерейское служение, состав и основные характеристики клира епархии, духовное образование и народное просвещение, миссионерская деятельность, церковная благотворительность. Проводится краткий анализ основных тенденций развития епархии в указанный период. Особенное внимание уделено жизни духовной семинарии и наиболее значимым персоналиям данного периода среди педагогического состава духовной школы.

Ключевые слова: Воронежская епархия, история Русской Церкви в начале XX в., тенденции епархиальной жизни, храмостроительство, духовное просвещение, миссионерская деятельность, церковные школы, Воронежская духовная семинария, архиепископ Анастасий (Добрадин), П. В. Никольский.

Об авторе: **Священник Сергей Михайлович Мансуров**

Соискатель кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, председатель отдела по работе с казачеством Воронежской епархии.

E-mail: sergii05@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6929-0187>

Ссылка на статью: Мансуров С., *свящ.* Воронежская епархия в начале XX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 267–274.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Priest Sergey Mansurov

The Voronezh Diocese at the Beginning of the 20th Century

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_267

Abstract: This article provides a brief overview of the state of the Voronezh Diocese at the beginning of the 20th century (1901–1917). The main directions of diocesan life are considered: episcopal ministry, the composition and main characteristics of the clergy of the diocese, theological education and public enlightenment, missionary activity, church charity. A brief analysis of the main trends in the development of the diocese during this period is carried out. Special attention is paid to the life of the theological seminary and the most significant personalities of this period among the teaching staff of the theological school.

Keywords: Voronezh Diocese, history of the Russian Orthodox Church at the beginning of the 20th century, trends in diocesan life, church building, theological education, missionary activity, church schools, Voronezh theological seminary, Archbishop Anastasy (Dobradin), P. V. Nikolsky.

About the author: Priest Sergey Mikhailovich Mansurov

Graduate Student at the Department of Church History of the St. Petersburg Theological Academy, Chairman of the Department for Work with the Cossacks of the Voronezh Diocese.

E-mail: sergii05@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6929-0187>

Article link: Mansurov S., priest. The Voronezh Diocese at the Beginning of the 20th Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 267–274.

* Photos are taken from open sources.

История Воронежской епархии в начале XX столетия на протяжении нескольких десятилетий не изучалась в отечественной историографии в силу объективных причин, поскольку в советский период проблематика, содержащая такие острые аспекты, как Церковь и революция 1905–1907 гг., политические настроения преподавателей и учащихся духовных школ в исследуемый период, находилась под идеологическим запретом. Тем же запретом были продиктованы и исследования по развитию духовного просвещения в начале XX в., поскольку имеющиеся факты свидетельствуют о степени достаточно интенсивного развития миссионерского и катехизаторского направлений, а также о пристальном внимании Воронежских архипастырей того периода — архиепископов Анастасия (Добрадина) и Тихона (Никанорова) — к делу духовного просвещения. Очевидно, что эти факты явно не вписывались в тот портрет Русской Церкви накануне Октябрьской революции 1917 г., который создавался атеистической пропагандой. Тем не менее, в советский период был издан исторический труд архиепископа Сергия (Петрова) «История Воронежской епархии»¹, в котором фигурировал и период епархиальной жизни начала XX в., однако следует заметить, что в своей работе автор в условиях идеологического давления высказывал достаточно спорные тезисы, которые не подтверждаются в работах новейших исследователей.

Архиепископ
Анастасий (Добрадин)

Состоянию Воронежской епархии в начале XX в. посвящен ряд абзацев статьи «Воронежская и Лискинская епархия», опубликованной в «Православной энциклопедии»², но эти абзацы составляют лишь часть от тематического подраздела статьи «Воронежская епархия в 1683–1917 годах» и исчерпываются краткой статистической информацией.

Значительный вклад в историографию изучаемой темы внесли исследования выпускника Воронежской духовной семинарии, доктора исторических наук Сергея Анатольевича Иконникова, посвященные типологии приходского духовенства Воронежской епархии в указанный период. С. А. Иконников предлагает обстоятельную и подробную социокультурную характеристику епархиального клира, уделяет внимание и состоянию духовной школы, взаимоотношениям между учащимися и преподавательской корпорацией в контексте революционных событий 1905–1907 гг.³

В то же время следует признать, что сохраняется потребность в добросовестном фундаментальном исследовании, посвященном комплексному анализу всех приоритетных направлений епархиальной жизни в 1901–1917 гг. — духовного образования, народного просвещения, социальной и благотворительной деятельности, миссионерского и катехизаторского служения, борьбы с сектантством.

¹ См.: *Сергий (Петров), архиеп.* История Воронежской епархии от ее учреждения до наших дней (в четырех частях). Воронеж — Минск — Одесса, 1961–1969.

² *Митрофан (Шкурин), иером.* Воронежская и Лискинская епархия // Православная энциклопедия. Т. IX. М., 2005. С. 368.

³ *Иконников С. А.* Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX — начала XX века. Социокультурная характеристика. Воронеж, [2015].

Вид на Воронежскую духовную консисторию. 1930 г.

В данной статье предпринимается попытка краткого анализа состояния Воронежской епархии в начале XX в., что стало возможным благодаря обращению к периодическому изданию «Воронежские епархиальные ведомости» и указанным выше пособиям.

Воронежская епархия в начале XX в. представляла собой крупную церковно-административную единицу, канонические границы которой совпадали с пределами Воронежской губернии. В 1909 г. на территории епархии действовали 1.096 храмов, в том числе 14 соборов, 46 монастырских, 965 приходских, 28 при казенных и богоугодных заведениях, 29 приписных, 14 кладбищенских. Кроме того, имелись 22 часовни и 5 молитвенных домов. В клире епархии по состоянию на тот же 1909 год находились 1.500 священнослужителей, из которых 38 были в сане протоиерея, 1.200 — в пресвитерском сане, и 262 — в сане диакона. Низший клир был представлен 1096 псаломщиками⁴. В 17 монастырях епархии — 9 женских и 8 мужских — подвизалось свыше 1.350 монашествующих.

Обращает на себя внимание полное совпадение числа приходов и псаломщиков, а также незначительное превышение общего количество клириков в священном сане относительно числа приходов. Эти две тенденции объясняются тем, что распределение клира в Воронежской епархии происходило по принципу назначения 1 иерея и 1 псаломщика на приход⁵. Малочисленность диаконов была обусловлена тем, что в 1860–1880 гг. в масштабе всей Русской Церкви доминировала идея о ненужности диакона по той причине, что он не является необходимым для совершения богослужений суточного круга, отправления Таинств и частных треб, вследствие чего диакон как штатная единица был практически исключен из приходской практики.

Возвращение диаконов на приходы произошло в результате реформ, предпринятых К. П. Победоносцевым по инициативе М. Н. Каткова⁶ при Александре III: открытие церковных школ, призванных дать крестьянским детям азы образования, обозначило острый дефицит учительских кадров, который и были призваны восполнить

⁴ Митрофан (Шкурин), иером. Воронежская и Лискинская епархия... С. 371.

⁵ См.: Иконников С. А. Приходское духовенство Воронежской епархии...

⁶ Катков М. Н. Церковно-приходские школы // URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_cerk_prih_shkol.html (дата обращения: 24.06.2021).

диаконы⁷. В этом аспекте Воронежская епархия находилась в канве общероссийской тенденции.

Храмостроительство в Воронежской епархии в исследуемый период производилось исключительно в тех случаях, когда жители населенных пунктов, не имевшие храмов, подавали соответствующие прошения, которые получали одобрения сначала на уровне Епархиальной консистории, а затем Св. Синода. Так, в 1908 г. началось строительство Казанского храма по прошению железнодорожных рабочих, проживавших в слободе Отрожка (ныне — в городской черте г. Воронежа). В самом же Воронеже в указанный период появлялись только домовые храмы в новопостроенных корпусах светских учебных заведений.

Начало XX в. для Воронежской епархии прошло под знаменем интенсивного развития народного просвещения, что явилось прямой заслугой правящего архиерея — архиепископа Воронежского и Задонского Анастасия (Добрадина), возглавлявшего кафедру до 1913 г.⁸ По инициативе архипастыря в 1901 г. был учрежден Церковный историко-археологический комитет. При комитете в 1902–1916 гг. издавался ежегодник «Воронежская старина», который популяризировал исследовательские изыскания этнографов и тем самым способствовал интенсивному росту интереса к духовному краеведению⁹.

Учреждение Церковного историко-археологического комитета позволило организовать торжества по случаю значимых юбилейных памятных дат епархии — 200-летия со дня преставления святителя Митрофана, первого епископа Воронежского, 50-летия прославления святителя Тихона, епископа Воронежского и Задонского. Кроме того, в 1914 г. на базе комитета была создана специальная комиссия, которая трудилась над сбором свидетельств и документов для прославления в лике святых архиепископа Воронежского и Задонского Антония (Смирницкого), широко почитаемого в народе. Комиссия обрела нетленные мощи святителя и сохранившееся облачение, а также члены комитета начали сбор документов для канонизации святителя. К сожалению, революционные события 1917 г. прервали работу комиссии, и святитель Антоний (Смирницкий) был прославлен в лике местночтимых святых в 2003 г., а для Всероссийского почитания — в 2008 г.

Важнейшее значение в деле народного просвещения играли церковные школы, которые развивались преимущественно в сельской местности как наиболее доступная альтернатива государственной школе. Подробный анализ состояния церковных школ был предпринят историком и педагогом П. В. Никольским (1870–1942), автором классической монографии «Воронежская духовная семинария». В серии статей под общим заголовком «Церковная школа» П. В. Никольский обозначил наиболее проблемные аспекты деятельности церковных школ, среди которых — материальные трудности, нехватка учителей, нежелание некоторых представителей духовенства заниматься развитием вверенных им школ¹⁰. Кроме того, после издания закона о веротерпимости в 1905 г. прошли учительские съезды, где представители светских учебных заведений, нередко разделявшие леворадикальные идеи, обрушились с критикой на сам факт существования церковных школ, и призвали к их скорейшему закрытию. В периодических изданиях за 1904–1905 гг. развернулась масштабная травля духовенства и церковных школ, которые будто бы препятствуют народному просвещению¹¹.

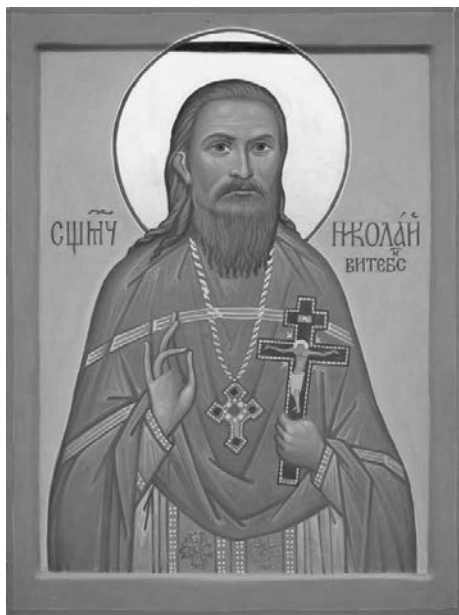
⁷ Катков М. Н. Церковь и народная школа // URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_cerkov_i_narodnaya_shkola.html (дата обращения: 25.06.2021).

⁸ Митрофан (Шкурин), иером. Анастасий (Добрадин), архиеп. Воронежский и Задонский // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2002. С. 239.

⁹ Там же. С. 240.

¹⁰ Никольский П. В. Церковная школа // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 19. С. 721.

¹¹ Никольский П. В. Церковная школа // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 21. С. 796.

Икона сщмч. Николая Околовича

ных достоинствах Воронежское епархиальное училище имело и ряд недостатков. Прежде всего, оно уступало светским учебным заведениям по качеству учебной программы и продолжительности обучения (6 лет против 8 в светских гимназиях), ввиду чего выпускницы училища часто проигрывали конкуренцию при попытке трудоустройства на должность учителя в земские школы¹⁴. Еще одной существенной проблемой было отсутствие стабильного преподавательского состава, поскольку труд педагогов в епархиальном училище оплачивался крайне скудно, в результате чего штат педагогов составляли совместители и пенсионеры, не имевшие достаточной мотивации к энергичной деятельности¹⁵. К сожалению, предложения о переводе Воронежского епархиального училища на 7-летнюю программу обучения были отвергнуты в пользу расширения набора в первые классы.

Наиболее интересной и в то же время неоднозначной страницей жизни Воронежской епархии в обозреваемый период является история Воронежской духовной семинарии. С одной стороны, в этот период из стен духовной школы вышел ряд замечательных выпускников — в 1901 г. полный курс Воронежской духовной семинарии окончили священномученики Исмаил Базилевский и Александр Лебедев, выдающийся ученый-этнограф А. М. Путинцев. Среди преподавателей духовной школы начала XX в. — известный библеист и экзегет, будущий епископ Кинешемский Василий (Преображенский), один из авторитетнейших библеистов своего времени Н. Н. Глубоковский, уже неоднократно упомянутый в настоящей статье П. В. Никольский.

Существенный вклад в развитие миссионерского дела в Воронеже внес священномученик Николай Околович, ректор духовной школы в 1907–1913 гг.¹⁶, по инициа-

В то же время, как отмечал П. В. Никольский, церковную школу необходимо во что бы то ни стало отстоять от нападков критиков, поскольку она не только являлась зачастую единственной возможностью получения азов образования для сельских детей, но и служила «катехизаторским училищем» при местном храме, наставляя местное население в вере¹².

Конец XIX — начало XX вв. стали временем интенсивного развития женского образования в России. В жизни Церкви этот процесс отразился в открытии женских епархиальных училищ, благодаря которым образование стало доступным для дочерей клириков, не имевших возможности оплачивать обучение в городских гимназиях. В Воронежской епархии женское епархиальное училище было открыто в 1896 г. и пользовалось большой популярностью, особенно в семьях диаконов и псаломщиков. Так, в 1905 г. число прошений на зачисление в первый класс (172) почти вдвое превысило число вакансий (90)¹³. Однако при несомнен-

¹² Там же. С. 803.

¹³ Никольский П. В. Нужен ли седьмой класс в епархиальном училище? // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 22. С. 916.

¹⁴ Там же. С. 918.

¹⁵ Никольский П. В. О положении Епархиального женского училища // Воронежские епархиальные ведомости. 1908. № 3. С. 148.

¹⁶ Распоряжения епархиального начальства. Перемены по службе // Воронежские епархиальные ведомости. 1907. № 16. С. 481.

тиве которого открылись педагогические и миссионерские курсы для преподавателей церковно-приходских школ и приходского духовенства. Стоит отметить и то, что отцу Николаю удалось значительно улучшить быт духовной школы, организовав на базе семинарии обсерваторию, биологическую и электрическую станции¹⁷.

Несмотря на усилия священноначалия и преподавательской корпорации, среди студентов распространялись леворадикальные идеи, осуществлялось знакомство с запрещенной литературой и прокламациями социал-демократических партий. В сентябре 1905 г. в семинарии прошла однодневная забастовка, в 1906 г. на 1 мая на здании духовной школы был вывешен красный флаг, в 1907 г. состоялось покушение на инспектора семинарии¹⁸. Стоит отметить, что действия революционно настроенных семинаристов координировала подпольная организация из самих же учащихся духовной школы, которая активно взаимодействовала с бунтовщиками иных семинарий, используя конспиративные методы для согласованных действий и проведения нелегальных съездов. Масштабные забастовки прошли в ноябре 1912 г. и послужили поводом для снятия с должности ректора протоиерея Николая Околовича¹⁹, на смену которому пришел архимандрит Серафим (Соболев), 5 февраля 2016 г. прославленный в лике святителей. Новому ректору удалось справиться с протестными настроениями в духовной школе и нормализовать процесс обучения, который сильно страдал от срыва занятий по причине забастовок.

Суммируя все вышесказанное, мы можем отметить, что состояние Воронежской епархии в начале XX в. характеризовалось наличием двух противоположных тенденций — позитивной и негативной. С одной стороны, в епархии интенсивно развивалось народное просвещение, открывались новые церковные школы, расширялось епархиальное женское училище, преподаватели и миссионеры получили возможность пройти качественную подготовку на специально учрежденных епархиальных курсах, шла активная антисектантская деятельность. С другой, — глубокие социальные противоречия, приведшие к революционным событиям 1905–1907 гг., оказали негативное влияние на жизнь епархии, усилили радикальные настроения в среде учащихся духовной школы и спровоцировали многолетнее противостояние между администрацией и семинаристами.

Насыщенная и противоречивая жизнь Воронежской епархии в начале XX в. дает нам трудные, но необходимые уроки исторической памяти, призывая к скорейшему научному освоению данной темы и ее осмыслению в более развернутом и подробном формате, который позволит в полной мере отразить то драматическое состояние, в котором Церковь подошла к революционным событиям 1917 г.

Источники и литература

1. Житие святого священномученика Николая, пресвитера Витебского / сост. иерей В. Горидовец. Витебск, [2007].
2. Иконников С. А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX — начала XX века. Социокультурная характеристика. Воронеж, [2015].
3. Катков М. Н. Церковно-приходские школы // URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_cerk_prih_shkol.html (дата обращения: 24.06.2021).
4. Катков М. Н. Церковь и народная школа // URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_cerkov_i_narodnaya_shkola.html (дата обращения: 25.06.2021).

¹⁷ Житие святого священномученика Николая, пресвитера Витебского / сост. иерей В. Горидовец. Витебск, [2007]. С. 5.

¹⁸ Иконников С. А. Приходское духовенство Воронежской епархии... С. 288.

¹⁹ Там же. С. 296–297.

5. *Митрофан (Шкурин), иером.* Воронежская и Лискинская епархия // Православная энциклопедия. Т. IX. М., 2005. С. 368–393.
6. *Митрофан (Шкурин), иером.* Анастасий (Добрадин), архиеп. Воронежский и Задонский // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2002. С. 23–9240.
7. *Никольский П. В.* Нужен ли седьмой класс в епархиальном училище? // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 22. С. 915–923
8. *Никольский П. В.* О положении Епархиального женского училища // Воронежские епархиальные ведомости. 1908. № 3. С. 143–149.
9. *Никольский П. В.* Церковная школа // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 19. С. 719–735.
10. *Никольский П. В.* Церковная школа // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 21. С. 796–804.
11. Распоряжения епархиального начальства. Перемены по службе // Воронежские епархиальные ведомости. 1907. № 16. С. 481.
12. *Сергий (Петров), архиеп.* История Воронежской епархии от ее учреждения до наших дней (в четырех частях). Воронеж — Минск — Одесса, 1961–1969.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

А. И. Мраморнов

**Труды В. П. Шеина (1870/71–1922)
в предсоборных органах 1906–1917 гг.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_275

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Василия Павловича Шеина (впоследствии — архимандрита Сергия) в синодальных органах, готовивших Всероссийский Поместный Собор в 1906–1917 гг. Шеин стал участником всех трех предсоборных комиссий — присутствия, совещания и совета. Во многом этими своими трудами он объективно заслужил чести (но и тяжелой ноши) возглавить впоследствии секретариат Всероссийского Собора. В докладе охарактеризованы выступления В. П. Шеина в заседаниях Предсоборного присутствия, Комиссии по реформе церковного суда при Предсоборном присутствии, а также в Предсоборном совете.

Ключевые слова: Синод, Предсоборное присутствие, Предсоборное совещание, Пресоборный совет, Поместный Собор, В. П. Шеин, бракоразводный процесс, обеспечение духовенства, Государственная дума, церковные реформы.

Об авторе: **Александр Игоревич Мраморнов**

Кандидат исторических наук, доцент, руководитель Некоммерческого партнерства «Спасское дело», главный редактор издательства «Спасское дело».

E-mail: mramornov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4280-3752>

Ссылка на статью: Мраморнов А. И. Труды В. П. Шеина (1870/71–1922) в предсоборных органах 1906–1917 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 275–285.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

A. I. Mramornov

**The Works of Vasily Pavlovich Sheyin (1871–1922)
in the Preconciliar Bodies of the Russian Church 1906–1917**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_275

Abstract: The author of this article examines the activity of Vasily Pavlovich Sheyin (later Archimandrite Sergius) in the Synodal bodies preparing in 1906–1917 the All-Russian Local Council. Sheyin became a member of all three pre-councilial commissions. By this he objectively deserved the honor (but also a heavy burden) to become the secretary of the All-Russian Council. Within the framework of the preconciliar bodies the speeches of the Pre-Council Council are characterized.

Keywords: Holy Synod, Preconciliar Commission 1906, Preconciliar Committee 1912–1917, Preconciliar Council 1917, Holy Local Council 1917, Vasily Pavlovich Sheyin, divorces, supply of the clergy, State Duma, church reforms.

About the author: **Alexander Igorevich Mramornov**

PhD in history, Associate Professor, Head of the Non-Profit Partnership for Protection and Preservation of Objects of Cultural Heritage “Spasskoe Delo”.

E-mail: mramornov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4280-3752>

Article link: Mramornov A. I. The Works of Vasily Pavlovich Sheyin (1871–1922) in the Preconciliar Bodies of the Russian Church 1906–1917. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 275–285.

* Photos are taken from open sources.

Важнейшей составляющей позднего синодального периода стал процесс подготовки созыва Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. Институционализированная история этого процесса укладывается в хронологические рамки марта 1906 – июля 1917 гг. и представлена деятельностью трех предсоборных органов – Предсоборного присутствия 1906 г., Предсоборного совещания 1912–1917 гг. и Предсоборного совета 1917 г. Естественно, за период более десяти лет менялись исторические условия, в первом ряду церковно-исторического процесса некоторые ключевые деятели сменялись новыми лицами, но все-таки в предсоборном процессе были такие участники, которые охватили все его аспекты, успев поработать во всех трех предсоборных органах. К таким церковно-общественным деятелям относился Василий Павлович Шеин – в изучаемые годы видный российский правовед, канонист, законодатель, земский деятель, а позднее – секретарь Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., затем архимандрит, фигурант петроградского антицерковного процесса 1922 г. и священномученик.

В. П. Шеин,
впоследствии архимандрит Сергей

В историографии имя В. П. Шеина чаще всего связывается именно с петроградским процессом и его мученическим подвигом за Христа¹. В то же время в современной литературе начато изучение его биографии как депутата Государственной думы и законодателя². Однако его участие в предсоборном движении Русской Церкви начала XX в. до сих пор не нашло отражения в научных исследованиях. В рамках ведущегося сейчас изучения биографии В. П. Шеина невозможно обойти этот вопрос, хотя, конечно, в историю он вошел прежде всего как секретарь Собора – это была высшая точка в развитии его личного служения Русской Церкви и российскому обществу.

Василий Павлович происходил из старинного, но довольно небогатого дворянского рода. В детстве воспитывался своей многолетней матерью – набожной и заботлившейся о своей приходской церкви Натальей Акимовной. Крещение принял через пару дней после рождения в Спасском храме села Ломиполозова – в нескольких верстах от поместья Шеиных в деревеньке Колпна (рядом с Якшино Новосильского уезда). Сейчас от этого Спасского храма осталась лишь разрушающаяся руина, село вымерло.

На стипендию друга и благотворителя семьи матери удалось устроить Василия Павловича на обучение в Императорское училище правоведения, которое он блестяще окончил, позже став и его преподавателем. На рубеже веков Василий Павлович

¹ Польский М., *протопресв.* Новые мученики Российские. Первое собрание материалов. Jordanville, 1949. С. 38; *Доримедонт (Сухинин), монах.* Священномученик Сергей // Православная беседа. 1995. № 3. С. 21–24; *Вострышев М.* Патриарх Тихон. 2-е изд. М., 1997. С. 222–229; *Дамаскин (Орловский), архим.* Житие священномученика Вениамина (Казанского), митрополита Петроградского и Гдовского, и иже с ним пострадавших преподобномученика Сергия (Шеина), мучеников Юрия Новицкого и Иоанна Ковшарова. Козельск, 2019.

² *Николаев А. Б.* Шеин Василий Павлович // Государственная Дума Российской империи, 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 693–694; *Бокарева Л. С.* Участие В. П. Шеина в работе комиссии по делам Православной Церкви IV Государственной Думы // Таврические чтения. 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб., 2019. С. 130–136.

занимался научной деятельностью (в том числе в заграничных командировках), преподавал, состоял на государственной службе. К эпохе революции он был состоявшимся правоведом. Одним из первых его серьезных соприкосновений со сферой церковно-государственных отношений было участие в конце 1905 г. в особом вневедомственном совещании «для согласования действующих узаконений с именным высочайшим указом по делам веры»³, т. е. указом 17 апреля 1905 г. Во многом благодаря деятельности в этом совещании Шеин стал известен «в сферах» как толковый специалист по законам, связанным с жизнью Православной Церкви и ее положением в государстве. Поэтому ни для кого в то время не стало удивительным, что во время уже начавшейся работы Предсоборного присутствия (далее — ПП)⁴, между весенней и осенней его сессиями, Шеин оказался включенным в его состав⁵.

В ходе заседаний ПП В. П. Шеин принял активное участие в обсуждении вопроса о митрополичьих округах — одном из ключевых, который занимал умы проектировщиков реформ церковного управления. Он считал, что, прежде всего, нужно выяснить «тип округов», т. е. округ — это 3–4 губернии / епархии или 10–15. При обширных округах нужен будет постоянный Синод при митрополите с широким кругом дел. «Установление же необширных митрополитанских округов, не дающих возможности учреждения постоянного Синода из епископов, по необходимости значительно сузит круг дел митрополичьего управления, ограничив его делами преимущественно, так сказать, пресвитерскими»⁶. Рассуждая далее, член ПП считал, что «необходимо предпринять вопрос, будет ли в составе митрополичьего управления какая-либо постоянно действующая организация (Синод, консистория и т. п.), или нет. В этом последнем случае митрополичьему собору, лишь временами (периодически) собирающемуся, могут быть предоставлены функции исключительно нравственные (пастырские) и некоторые хозяйственные по вопросам, имеющим отношение ко всему округу»⁷. Постоянно действующей же организации можно усваивать, по мнению Шеина, и судебные права.

Василий Павлович участвовал также в дискуссиях общего собрания ПП о реформе консисторий (считал допустимым выборность их членов, указывая на опыт действовавших в России евангелическо-лютеранских консисторий⁸), о вопросах церковной собственности и материального обеспечения духовенства, о составе и принципах работы церковного суда, выступая за допущение диаконов и мирян в состав епархиального суда «со всей полнотой прав»⁹.

Именно в заседаниях ПП Шеин впервые высказался публично в пользу принятия «церковно-карательного устава», с четким обозначением подсудности и степени наказания за все церковные проступки. На заседании общего собрания ПП 4 декабря 1906 г. он раскритиковал ход обсуждения судебной реформы в Церкви в лице самого присутствия: «Ход всех работ Присутствия по преобразованию духовного суда сильно затрудняется тем, что речь идет все время об улучшениях формы судопроизводства, но совершенно оставлено без внимания то, чему и следовало бы, однако, лежать во главе угла, а именно — церковно-карательный устав. Без этого самый совершенный судный порядок останется формой без содержания, и таким образом все здание построено будет на песке. Суд, коему не дан в руководство определенный

³ РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 1260. Л. 19.

⁴ См. о нем подр.: Мраморнов А. И. Предсоборное присутствие 1906 г. // Православная энциклопедия. Т. 58. М., 2020. С. 66–70.

⁵ РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 1260. Л. 25–35 об.

⁶ Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 2. Журналы заседаний Пятого и Шестого отделов и общего собрания Присутствия. С. 669.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 738.

⁹ Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 3. Продолжение журналов заседаний Второго, Третьего, Четвертого и Пятого отделов. С. 454.

материальный закон, обречен самой силой вещей, самой сущностью судебной власти, обязанной именно применять закон, на весьма жалкое существование. Какой же это суд, хотя бы и духовный, который не знает, за что и к чему может он приговорить?! А пока можно будет приговаривать за что угодно и к чему угодно, до тех пор это будет не улучшение суда, а узаконение произвола»¹⁰.

Будущий секретарь Собора и священник, уже в 1906 г. Шеин призывал видеть нравственную составляющую церковного суда, а не только правовую. Он указывал, что и в светском законодательстве (того времени) имелись нравственные требования. Тем более им надлежит присутствовать в церковном законодательстве. «Епископский суд есть паче всего суд со стороны духа, а не со стороны формы, а будущий синодский суд есть именно епископский»¹¹, — высказывался правовед в контексте обсуждения создания кассационной инстанции — судебного присутствия Синода. Он также считал, что решения епархиального суда по имущественным вопросам не должны подлежать утверждению епископом, поскольку, по его мнению, это означало бы «низведение архиерея на степень какого-то прокурора»¹². Шеин полагал, что церковно-карательный устав следовало ввести в действие одновременно с церковно-судебным уставом. Епископ, по его мысли, может председательствовать в церковном суде, но вменять ему такую обязанность совершенно необязательно¹³, при этом важно, чтобы за архиереем сохранялось бы право смягчения или даже замены церковного наказания¹⁴. В заседаниях церковного суда следовало, по его мнению, обязательно вести судебный протокол¹⁵. К участию в защите присяжный поверенный должен был допускаться судом, причем суд мог бы не допустить защитника по мотивам нравственного характера, без оглашения своих соображений¹⁶.

Кроме того, Василий Павлович размышлял и высказывался о гласности церковного суда и судебных заседаний: «В суде светском Министр Юстиции имеет право потребовать, чтобы суд производился при закрытых дверях. Нечто подобное могло бы быть предоставлено и архиерею в отношении епархиального суда»¹⁷.

В целом он показал себя в заседаниях присутствия как блестящий юрист-теоретик, знаток гражданского права, практики работы светского суда, сторонник заимствования наиболее действенных принципов светского суда в церковном судопроизводстве и поборником права обвиняемых в церковном суде на защиту. В это время Шеин считал, что приходский клир должен быть выборным, что «без выбора священников прихожанами нельзя достигнуть улучшения приходской жизни»¹⁸ (заметим, что позднее Собор отвергнет идею прямой выборности членов причта¹⁹).

Участник III выступил с обстоятельным историко-юридическим докладом о смешанных браках в соединенных заседаниях III, VI и VII отделов. Шеин считал неизбежной самостоятельностью государственного законодательства в этой сфере от церковного, поэтому, по мнению Василия Павловича, Церковь «должна также решиться выступить на дорогу самостоятельного и независимого от государства творчества»²⁰.

¹⁰ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 881.

¹¹ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 483.

¹² Журналы и протоколы... Т. 2. С. 880.

¹³ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 438.

¹⁴ Там же. С. 440.

¹⁵ Там же. С. 455.

¹⁶ Там же. С. 472.

¹⁷ Там же. С. 501.

¹⁸ Там же. С. 573–574, 576.

¹⁹ «Избрание и назначение на священно- и церковно-служительские должности принадлежит епархиальному Архиерею, который при этом принимает во внимание и кандидатов, о коих ходатайствует Приходское Собрание» (Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып. 3. С. 15).

²⁰ Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 4. Продолжение журналов Шестого отдела. Журналы соединенных заседаний отделов. С. 101.

Для церковного законодательства он полагал в качестве общего правила недопустимыми смешанные браки, а исключения возможными лишь «во внимание к особо уважительным обстоятельствам»²¹. «Охранение чистоты веры не может быть поставляемо на одну доску и даже приносимо в жертву любовным вожелениям, а иногда и просто имущественным расчетам брачующихся», — подчеркивал Шеин. Протестуя против принятия (большинством с перевесом в 1 голос) соединенными заседаниями трех отделов Предсоборного присутствия положения о допустимости смешанных браков, подал особое мнение, в котором показывал вред Церкви от допущения смешанных браков²².

Как известно, результаты работы III не привели к созыву Собора, светская власть во главе с Николаем II не дали соответствующей санкции. Скорее всего, соответствующее решение было принято в феврале 1907 г.: 6 февраля царь принял председателя III митрополита Антония (Вадковского)²³, а 26 февраля А. А. Киреев записывал в своем дневнике по итогам встречи с тем же митрополитом: «Собор ввиду смутного времени отлагается»²⁴. Дискуссия о будущем Соборе перешла в русло общественных дискуссий, но периодически возникала и звучала с трибуны появившегося почти синхронно с соборно-подготовительным движением российского парламента.

По стечению обстоятельств 27 июня 1908 г. состоялось назначение В. П. Шеина исполняющим обязанности заведующего Законодательным отделом канцелярии Государственной Думы с освобождением от должности сверхштатного помощника статс-секретаря Государственного Совета²⁵. В период работы царского парламента III созыва ему пришлось принимать участие, среди прочего, в фиксации обсуждений и процесса выработки законопроектов по церковным вопросам²⁶.

В 1912 г. Василий Павлович Шеин был избран членом Государственной Думы IV созыва от Тульской губернии. В Думе он входил во фракции русских националистов и умеренно-правых, с 1915 г. прогрессивных националистов и состоял членом нескольких думских комиссий: бюджетной, по делам Православной Церкви, по старообрядческим делам, о печати, о путях сообщения и по местному самоуправлению. Неоднократно он становился докладчиком от комиссий на пленарных заседаниях. В весеннюю сессию 1914 г. выступал за введение пенсий православному духовенству, при рассмотрении синодальных смет отстаивал интересы духовного ведомства, выступал за реформу духовных консисторий, «не выжидая созыва церковного собора»²⁷, поддерживал миссионерскую деятельность Церкви, защищал на пленарных заседаниях депутатов от духовенства от нападок «левых» депутатов. По наблюдению историка Л. С. Бокаревой, за время работы в Думе только одно предложение Шеина было отклонено (остальные — приняты). Ко времени работы в парламенте взгляд Василия Павловича на приходской вопрос эволюционировал: он склонялся к вредности принципа выборности священников²⁸.

Немаловажно отметить, что в период работы в Государственной Думе и последующего депутатства он занимался также активно земской деятельностью в родной губернии. В Новосильском уезде Шеин создает школу-училище памяти своего брата, капитана первого ранга С. П. Шеина, и к 1913 г. церковь во имя преподобного Сергия

²¹ Там же. С. 107.

²² Там же. С. 157.

²³ Дневники императора Николая II (1894–1918). М., 2013. Т. II. Ч. 1. С. 189.

²⁴ Цит. по: Дневник А. А. Киреева. 1905–1910. М., 2010. С. 193.

²⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1263. Л. 6–7.

²⁶ См. подробнее: Рожков В., *прот.* Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004. Как отмечает исследователь, еще в Думе II созыва была создана организованная фракцией «Союза 17 октября» комиссия по вероисповедным вопросам, среди членов которой оказался и В. П. Шеин (там же. С. 56).

²⁷ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, сессия II, заседание 68. 28. IV. 1914. С. 1249.

²⁸ Бокарева Л. С. Участие В. П. Шеина в работе комиссии... С. 135.

Радонежского при ней, становится попечителем училища и церкви²⁹. Представляется, что и его законодательная, и его практическая земская деятельности развивали его как церковного реформатора, поэтому совершенно естественным стало его участие во втором предсоборном органе — Предсоборном совещании (ПС)³⁰. Собственно в ПС, активные заседания которого происходили в 1912 и 1913 гг., Василий Павлович не участвовал. Однако при создании Совещанием (и Синодом) Особой комиссии по рассмотрению законопроекта о церковном суде при ПС Шеин вошел в ее состав³¹.

В. П. Шеин принял деятельное участие в заседаниях комиссии ПС. Он указывал на различную природу церковного и светского судов³². В заседании комиссии 15 февраля 1916 года Василий Павлович говорил: «Указание на порядки, действующие в светском суде, где следствие представляется прокурору, неубедительно уже потому, что член обвинитель — не прокурор, он только докладчик дела, на обязанности которого лежит оттенить стороны, клонящиеся к обвинению. Кроме того, не все, принятое в светском суде, полезно переносить и на церковную почву, природа церковного и светского судов не одна и та же, почему и устройство этих судов может быть разным»³³.

Как и в ПП, Шеин отстаивал в Комиссии ПС необходимость введения института защитников в церковном суде. «При разрешении вопроса о защите необходимо принять во внимание и то душевное состояние, в каком обычно находится всякий подсудимый. — полагал член комиссии ПС. — Являясь пред лицом судебной Комиссии и чувствуя над собою всю тяготу обвинения, подсудимый естественно может потерять душевное равновесие, может растеряться и не сказать в свою защиту всего того, что он сказал бы в более спокойном состоянии. Защитник и может в этом случае оказать моральную помощь или поддержку подсудимому»³⁴.

Кроме того, Шеин выступал за назначение (а не избрание) судей низовых, пресвитерских судов³⁵, а также за избрание почетных судей на епархиальных собраниях³⁶, высказывался против устранения монашествующих от участия в епархиальных судах³⁷.

На заседании 15 марта 1916 г. В. П. Шеин «обратил внимание, что установление высокого образовательного ценза и притом специального по своему характеру может лишить многих достойных и почетных лиц права занимать должности членов епархиального суда. Не нужно забывать, что к прохождению судебной должности может готовить не только образование, но самая служба в должности пастыря»³⁸.

При обсуждении вопроса о поводах к разводу Шеин ратовал за включение в качестве повода к таковому жестокое обращение к супругу. «Включение жестокого обращения, в широком смысле слова, в число поводов к разводу, побуждая супругов к большей сдержанности в их отношениях друг к другу, будет косвенным образом содействовать укреплению семейных начал»³⁹, — объяснял он свою позицию.

При начавшейся в Комиссии дискуссии об особенностях архиерейского суда Василий Павлович высказывался в пользу допущения (и полезности) прямого суда епископа над мирянами.

На заседании Комиссии ПС 1 апреля 1916 г. Шеин выступил за открытое оглашение судебных решений и свободное представление их в печати. Он, «ставя вопрос

²⁹ Государственный архив Тульской области. Ф. 3 Оп. 10 Д. 419.

³⁰ См. о нём подробнее: *Мраморнов А. И.* Предсоборное совещание 1912–1917 гг. // Православная энциклопедия. Т. 58. М., 2020. С. 70–72.

³¹ Журнал Предсоборного совещания от 16 января 1916 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 222. Л. 1–9.

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 224. Л. 27–27 об.

³³ Там же. Л. 27 об.

³⁴ Там же. Л. 37.

³⁵ Там же. Л. 40.

³⁶ Там же. Л. 55 об.–56.

³⁷ Там же. Л. 60–60 об.

³⁸ Там же. Л. 58.

³⁹ Там же. Л. 145 об.

о возможности опубликования в печати судебной резолюции, обращает внимание на то, что в печать проникают невероятные слухи по церковным делам и сведения извращаются. При печатании судебного приговора, представят осужденного невинным страдальцем. Но неужели церковная власть вследствие того должна быть лишена права обнародовать свои решения?»⁴⁰ И далее Шеин настаивал, говоря, что нет «никакой опасности в объявлении резолюции при открытых дверях и даже провозглашения всего приговора полностью. Дела, не имеющие общественного интереса, не представляют интереса и для печати. Дела же с интересующим общество содержанием представляется невозможным укрыть от печати и газеты, не имея для своих сообщений надлежащего официального источника, лишь извратят действительные обстоятельства дела. Поэтому, чем большая публичность будет допущена в объявлении приговора, тем будет лучше. Правильное изложение обстоятельств дела в печати послужит лишь к ограждению церковных интересов и покажет стремление церковной власти к выполнению правила об извержении зла из церковной среды. Если же то будет неприятно подсудимому, то в том вина его самого, как допустившего преступное деяние»⁴¹.

Василий Павлович ратовал также за разумное ограничение власти обер-прокурора. «Необходимо оградить церковный суд от всякого вмешательства в его жизнь посторонних влияний, что является существенным условием независимости суда»⁴². Юрист предлагал включить «в состав Судебного Присутствия Святейшего Синода протоиереев»⁴³, против чего возражали другие члены Комиссии. В целом в ПС Шеин вновь показал себя знатоком, и уже весьма опытным, канонов, призывая на них базироваться (в дискуссиях ПС высказывались предложения, не всегда с ними увязанные). А состоявшийся в заседании 30 января 1917 г. диалог членов Комиссии заслуживает, на наш взгляд, того, чтобы привести из него обстоятельную выдержку:

«*В. П. Шеин:* Всякий человек несет ответственность в меру содеянного и соответственно своему положению, и в этом случае совещательные члены будут нести ответственность, если при совещании с ними будет принято какое-либо незаконное решение. Если незаконно что-либо может быть постановлено, и совещательный член, в случае, например, подкупа, несет ответственность. Вводить в состав суда лиц, свободных от ответственности, не представляется возможным.

Архиепископ Сергей также допускает возможность сего, в случае, если член соглашается с незаконным решением архиерея *bone fide*.

С. Я. Утин: В. П. Шеин привел единственно случай подкупа; но преступление будет в том лишь случае, если подкупленный повлияет и на архиерея.

В. П. Шеин: Член взял пакет с деньгами, сумел повлиять на архиерея, неужели не должен отвечать?

С. Я. Утин: Во всяком случае за приговор не ответственен.

А. П. Пилкин: Здесь должностного преступления не было бы, но было бы типичное мошенничество: взял взятку за участие в деле, которое от него не зависит.

В. П. Шеин: В нашем Суде, с плохо развитым правосознанием, невозможно допустить, чтобы такой член не нес ответственности»⁴⁴.

Заседания Комиссии ПС прекратились в дни Февральской революции, а в это же время Василий Павлович сильно заболел, так что еще в мае просил продления отпуска вплоть до выздоровления⁴⁵. Изменение в государственном управлении привели к прекращению работ второго предсоборного органа и к скорому формированию третьего — Предсоборного совета (далее — ПС-1917), который работал в июне-июле 1917 г. В нем Шеин, выздоровев, смог принять участие.

⁴⁰ Там же. Л. 83.

⁴¹ Там же.

⁴² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 225. Л. 11 об.

⁴³ Там же. Л. 190.

⁴⁴ Там же. Л. 209–209 об.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1278: Оп. 10. Д. 6. Л. 209.

Василий Павлович работал в I, II, VIII и IX отделах ПС-1917 как его член по приглашению Св. Синода (это означает, что ни в ПС-1917, ни потом в состав Собора он не избирался, что, как думается, свидетельствует о его высочайшем авторитете в системе высшего управления Русской Церковью этого периода).

19 июня 1917 г. Шеин вошел в состав особых комиссий ПС-1917 по выработке правил для избрания членов Собора и для составления наказа (устава) Собора⁴⁶. По его предложениям ПС-1917 высказался за включение в состав Собора представителей от четырех лавр и наиболее выдающихся обителей, а также от Государственной Думы и Государственного Совета и персонально В. Н. Львова и А. В. Карташева⁴⁷. Численность будущей канцелярии Собора Шеин оценивал примерно в сто человек, «не считая стенографистов и переписчиков»⁴⁸.

В заседаниях ПС-1917 В. П. Шеин также поддерживал введение единоверческих епископов⁴⁹, высказывался за недопустимость исключения Закона Божия из числа общеобязательных для преподавания школьных предметов, подчеркивая, что «христианство занимает исключительно важное место в истории человечества»⁵⁰, также считал излишним учреждение особых органов монастырского управления на епархиальном и общецерковном уровнях, указывая, что монастыри следует выделять в «самоуправляющиеся единицы, с подчинением непосредственно епископу»⁵¹, выступал за обязательность посещения богослужений всеми монастырскими насельниками⁵².

Приведенные данные вполне показывают: Василий Павлович Шеин стал в начале XX в. одним из немногих деятелей Русской Церкви, государства и общества, принявших активное участие во всех трех предсоборных комиссиях начала XX в. Позднее на большевистском «суде» 1922 г. он будет свидетельствовать, что всегда интересовался церковными вопросами⁵³, и это его свидетельство вполне подтверждается при анализе его работы в предсоборных органах.

В августе 1917 — октябре 1918 гг. Шеин был членом Поместного Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного совета. 19 августа 1917 г. избран его секретарем (получил 326 избирательных и 93 неизбирательных голосов членов Собора⁵⁴). Опираясь на предшествующий опыт работы в законодательных, земских и предсоборных учреждениях, он возглавил и наладил работу канцелярии Собора, во время пленарных заседаний

Священномученик Сергей
(Шеин)

⁴⁶ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2012. Т. 1. Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. С. 221, 253.

⁴⁷ Там же. С. 241, 244.

⁴⁸ Там же. С. 257.

⁴⁹ Там же. С. 558.

⁵⁰ Там же. С. 822.

⁵¹ Там же. С. 859.

⁵² Там же.

⁵³ «Дело» митрополита Вениамина. М., 1991. С. 38.

⁵⁴ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2014. Т. 3. Протоколы Священного Собора. С. 326.

следил за нарушениями устава, был одним из разработчиков системы отделов и подотделов и их взаимодействия между собой и с другими соборными органами.

Рассмотрение материалов биографии В. П. Шеина рисует образ высокопрофессионального, преданного Церкви блестящего юриста, знатока истории, канонов, сторонника гражданского общества, разумных принципов отделения Церкви от государства. Его имя, безусловно, заслуживает увековечения на улицах Санкт-Петербурга, с которым были связаны важнейшие этапы его биографии, в том числе служения в трех предсоборных органах. В честь 150-летия со дня рождения Шеина памятные таблички должны быть, на наш взгляд, установлены на здании Фонтанного подворья, в котором находится Библиотека им. Маяковского, на Таврическом дворце, где он работал депутатом Государственной думы, а в 2022 г. — на здании Большого зала Санкт-Петербургской филармонии, где в 1922 г. проходил т. н. «суд» революционного трибунала, которым В. П. Шеин был в нарушение всех правовых норм и здравого смысла приговорен к смертной казни.

Источники и литература

Источники

1. Государственный архив Тульской области. Ф. 3. Оп. 10. Д. 419.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 445. Д. 222, 224, 225; Ф. 1162. Оп. 7. Д. 1260; Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1263, Оп. 10. Д. 6.
3. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв, сессия II. СПб., 1914.
4. «Дело» митрополита Вениамина. М., 1991.
5. Дневник А. А. Киреева. 1905–1910. М., 2010.
6. Дневники императора Николая II (1894–1918). М., 2013. Т. II. Ч. 1.
7. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2012. Т. 1. Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора.
8. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2014. Т. 3. Протоколы Священного Собора.
9. Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 2. Журналы заседаний Пятого и Шестого отделов и общего собрания Присутствия; Т. 3. Продолжение журналов заседаний Второго, Третьего, Четвертого и Пятого отделов; Т. 4. Продолжение журналов Шестого отдела. Журналы соединенных заседаний отделов.
10. Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып. 3.

Литература

11. *Бокарева Л. С.* Участие В. П. Шеина в работе комиссии по делам Православной Церкви IV Государственной Думы // Таврические чтения. 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб., 2019. С. 130–136.
12. *Дамаскин (Орловский), архим.* Житие священномученика Вениамина (Казанского), митрополита Петроградского и Гдовского, и иже с ним пострадавших преподобномученика Сергия (Шеина), мучеников Юрия Новицкого и Иоанна Ковшарова. Козельск, 2019.
13. *Доримедонт (Сухинин), монах.* Священномученик Сергей // Православная беседа. 1995. № 3. С. 21–24.
14. *Вострышев М.* Патриарх Тихон. 2-е изд. М., 1997.

15. *Мраморнов А. И.* Предсоборное присутствие 1906 г. // Православная энциклопедия. Т. 58. М., 2020. С. 66–70.
16. *Мраморнов А. И.* Предсоборное совещание 1912–1917 гг. // Православная энциклопедия. Т. 58. М., 2020. С. 70–72.
17. *Николаев А. Б.* Шеин Василий Павлович // Государственная Дума Российской империи, 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008.
18. *Польский М., протопресс.* Новые мученики Российские. Первое собрание материалов. Jordanville, 1949.
19. *Рожков В., прот.* Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Диакон Вадим Навныко

**Полемика против учения беспоповцев
о Церкви и церковной иерархии в сочинении
Н. И. Ивановского «Критический разбор учения
не приемлющих священства старообрядцев
о церкви и таинствах»**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_286

Аннотация: В статье производится обзор полемики с беспоповцами по каноническим вопросам о Церкви и церковной иерархии, содержащейся в докторской диссертации одного из ведущих расколоведов синодальной эпохи Н. И. Ивановского († 1913). В диссертации подробно разбираются канонические аспекты учения о Церкви и церковной иерархии старообрядцев, не приемлющих священства, показываются их догматические и канонические заблуждения. Можно сказать, что учение беспоповцев по этим вопросам стоит у самых истоков старообрядческого раскола и является более логически выверенным, чем учение старообрядцев, приемлющих священство. Поэтому указанная полемика представляет особый интерес для расколоведов и историков раскола. В статье описывается анализ Н. И. Ивановского догматико-канонического учения беспоповцев о Церкви и церковной иерархии и критика этого учения с точки зрения православной экклесиологии. Также описываются основные практические рекомендации Ивановского по ведению дискуссии с приверженцами раскола. Делается вывод, что наследие выдающегося русского ученого-расколоведа актуально для всех, кто хочет понять основание и развитие старообрядческого раскола.

Ключевые слова: Н. И. Ивановский, старообрядческий раскол, церковное право, полемика, беспоповцы, церковная иерархия, экклесиология, история Русской Православной Церкви, историография противораскольнической полемики.

Об авторе: **Диакон Вадим Павлович Навныко**

Бакалавр богословия, магистрант Минской духовной академии.

E-mail: vadim.navnyko@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3047-9553>

Ссылка на статью: Навныко В., диак. Полемика против учения беспоповцев о Церкви и церковной иерархии в сочинении Н. И. Ивановского «Критический разбор учения не приемлющих священства старообрядцев о церкви и таинствах» // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 286–293.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Deacon Vadim Navnyko

**Polemics against the Doctrine of Bespopovtsy
about the Church and the Church Hierarchy in the Work
of N. I. Ivanovsky “Critical Analysis of the Doctrine
of the Old Believers who do not Accept the Priesthood
about the Church and the Sacraments”**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_286

Abstract: The article provides an overview of the polemics with Bespopovtsy on canonical issues about the Church and church hierarchy, contained in the doctoral dissertation of one of the leading scholars of the Synodal Era, N. I. Ivanovsky († 1913). The dissertation examines in detail the canonical aspects of the doctrine of the Church and the church hierarchy of the Old Believers who do not accept the priesthood, reveals their dogmatic and canonical errors. It can be said that the teaching of Bespopovtsy on these issues stands at the very origins of the Old Believer schism and is more logically verified than the teaching of the Old Believers who accept the priesthood. Therefore this polemic is of particular interest to schism scholars and schism historians. The article describes the analysis of N. I. Ivanovsky’s dogmatic-canonical teaching of the Bespopovtsy about the Church and the church hierarchy and a criticism of this teaching from the point of view of Orthodox ecclesiology. It also describes Ivanovsky’s main practical recommendations for conducting a discussion with adherents of a split. It is concluded that the legacy of the outstanding Russian scholar of the schism is relevant for everyone who wants to understand the foundation and development of the Old Believer schism.

Keywords: N. I. Ivanovsky, Old Believer schism, church law, polemics, Bespopovtsy, church hierarchy, ecclesiology, history of the Russian Orthodox Church, historiography of anti-schismatic polemics.

About the author: **Deacon Vadim Pavlovich Navnyko**

Bachelor of Theology, Master’s Student at Minsk Theological Academy.

E-mail: vadim.navnyko@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3047-9553>

Article link: Navnyko V., deacon. Polemics against the Doctrine of Bespopovtsy about the Church and the Church Hierarchy in the Work of N. I. Ivanovsky “Critical Analysis of the Doctrine of the Old Believers who do not Accept the Priesthood about the Church and the Sacraments”. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 286–293.

* Photos are taken from open sources.

Беспоповство, состоящее из различных согласий, в дореволюционной России было довольно многочисленным и влиятельным течением старообрядческого раскола. Ставшее в настоящее время по разным причинам маргинальным, если не сказать экзотическим, оно имеет значительно меньше последователей по сравнению с поповцами (РПСЦ, РДЦ). Однако вероучение беспоповцев можно назвать более логичным и последовательным, чем у старообрядцев, приемлющих церковную иерархию. Поэтому разбор канонического учения беспоповщины представляет историко-богословский интерес и сегодня.

Профессор
Н. И. Ивановский

Одним из основных православных исследователей беспоповщины был выдающийся расколовед Н. И. Ивановский¹. Его диссертация² (1883), которая вышла в 1892 г. вторым изданием под названием «Критический разбор учения беспоповцев о церкви и таинствах»³, включает в себя описание исторического развития беспоповщины с критическим разбором её учения по догматическим и каноническим вопросам.

Говоря об истоках и причинах возникновения старообрядчества вообще и беспоповщины в частности, Николай Иванович критикует т. н. «светский» взгляд⁴, своеобразно оправдывающий раскол, выражаемый такими исследователями как А. Ф. Щапов и А. С. Пругавин⁵, и подчеркивает сугубо религиозно-церковный характер этого явления⁶.

Метод, которым пользовался Ивановский, состоял в исследовании исторического развития беспоповской вероучительной доктрины и последующем критическом разборе их учения. Также Ивановский предлагает практические методологические рекомендации по ведению полемики со старообрядцами⁷.

Прежде всего в сочинении акцентируется внимание на важности православного учения о Церкви⁸. А именно на важности, наряду с исповеданием православного догматического вероучения, практического вхождения в Церковь⁹, т. к. только в Церкви совершается дело («дела») ¹⁰ искупления. Ивановский подчеркивает, что это святоотеческое учение. Святые Отцы придавали особое значение не только православному исповеданию догмата о Церкви, но не менее и практическому нахождению в Церкви

¹ О нем см.: Агеева Е. А. Ивановский Николай Иванович // Православная энциклопедия. Т. XX. М., 2009. С. 669–671.

² *Ивановский Н. И. Критический разбор учения не приемлющих священства старообрядцев о церкви и таинствах.* Казань: Типография Императорского Университета, 1883. 420 [1] с.

³ *Ивановский Н. И. Критический разбор учения беспоповцев о церкви и таинствах.* Казань. Типография Императорского Университета, 1892. С. 379 [11]. Изд. 2-е. В статье все ссылки будут на это издание.

⁴ Этот взгляд в дальнейшем будет широко распространен в советской исторической науке, а также сегодня. Он заключается в утверждении о первостепенной важности социально-политических процессов в обществе, т. е. появление раскола в первую очередь обусловлено ими.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же. С. 14–15, 17, 19, 24–25, 45–46.

⁷ Сам Ивановский неоднократно лично участвовал в прениях с раскольниками.

⁸ *Ивановский Н. И. Критический разбор учения беспоповцев...* С. 3.

⁹ Там же. С. 3–4.

¹⁰ Там же. С. 4.

(«единению с Церковью»)¹¹. Из этого следует, что за одно только отделение от Церкви, при наличии всего остального (высоко нравственная жизнь, точное хранение догматов) человек лишается вечной жизни¹².

Н. И. Ивановский, однако, полагает, что, хотя беспоповцы формально являются раскольниками, при этом они выдумали свои «своеобразные доктрины»¹³, т. е. их можно назвать и еретическим сообществом касательно искажения православного учения о Церкви (церковной иерархии) и Таинствах. Ивановский показывает, что вопрос о Церкви — главный полемический вопрос¹⁴, разрешение которого может привести беспоповцев (и поповцев) в Церковь¹⁵. Николай Иванович отмечал, что при внешнем кажущемся сходстве с протестантизмом беспоповщина ничего общего с ним не имеет, т. к. она образовалась ситуативно, по необходимости, а не вследствие новых богословских идей¹⁶.

Образование «своеобразных» учений Ивановский видит в общем невысоком богословском уровне церковного общества того времени¹⁷. Например, даже расколоучители не всегда верно и ясно понимали некоторые церковные догматы (Никита — непорочное зачатие Девы Марии; Аввакум — сошествие Христа во ад вместе с телом)¹⁸. Также было большое влияние обрядовых, народных представлений о «церковной чистоте»¹⁹. Из-за этого появлялись вероучения, вытекающие из полемики с «никонианами»²⁰. Все это, по Н. И. Ивановскому, происходило вынужденно, для защиты подыскивались цитаты, исторические примеры, однако при этом сохранялся обрядовый характер раскола²¹.

Остроту вопроса о Церкви и церковной иерархии Николай Иванович относит к самому началу раскола; уже в первом поколении раскольников этот вопрос стоял перед ними²². Несомненно, говорит Ивановский²³, что после собора 1666–1667 гг. у старообрядцев не было своего епископа, вследствие чего все их действия подпадали под 39 правило святых апостолов²⁴. По мнению Ивановского, этот важнейший вопрос (об иерархии) поставил расколоучителей и их последователей в замешательство. На него давались разные ответы противоположного характера, которые чуть позже, когда ушли из жизни священники старого (до-никоновского) поставления, обрели два четких направления: полное неприятие священства и приятие²⁵.

Далее Н. И. Ивановский излагает процесс возникновения и окончательного установления беспоповщического учения о Церкви и о церковной иерархии. Впервые основательно это было сформулировано в знаменитых «Поморских ответах» Андрея Денисова на 106 вопросов к выговцам православного миссионера иеромонаха Неофила²⁶. В них значение церковной иерархии не умаляется,

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 7.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 65, 79.

¹⁷ Там же. С. 17.

¹⁸ Там же. С. 53–54.

¹⁹ Там же. С. 46.

²⁰ Там же. С. 54–55.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 57.

²³ Там же. С. 55.

²⁴ «Пресвитеры и диаконы без воли епископа да не совершают ничего. Ибо ему вверен народ Господень и с него потребуется ответ об их душах» // *Преп. Никодим Святогорец*. Пидалион: Правила Православной Церкви с толкованиями: в 4 т.: пер. с греч. Т. 1: Правила Святых Апостолов. Екатеринбург: Изд. Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря, 2019. С. 257. Далее все тексты канонов будут приведены по этому изданию.

²⁵ *Ивановский Н. И.* Критический разбор учения беспоповцев... С. 59–63.

²⁶ Там же. С. 69–70.

Андрей Денисов.
Настенный лист

в отличии от протестантов²⁷, но разъясняется, что удаление от иерархии произошло вследствие «новин» и «по нужде», причем, как замечает Николай Иванович, фундаментальное основание (догмат) своего безиерархического состояния — учение о совершенном истреблении священства антихристом — еще не было точно сформулировано²⁸. По мнению Ивановского, это учение было более детально разработано позднее, в XVIII столетии, такими расколотыми учителями как Иван Стародубский († 1776) и Алексей Самойлов († 1771). Во всей же ясности выражено оно было в XIX в. фессеивцем Яковом Хоминим в сочинении «О сокрытии Христовой хиротонии в церквах всего мира» (1820)²⁹. Одновременно с развитием беспоповской доктрины существовали легенды мифологического характера. Ивановский указывает, например, на широко распространенное среди старообрядцев вплоть до середины XIX в. учение о якобы существующем где-то священстве («Путешествие в Опоньское (Японское) царство», легенда о граде Китеж), но, тем не менее, всеобщим учением примерно к концу XVIII столетия становится утверждение о всеобщем «истреблении антихристом священства и жертвы (евхаристии)»³⁰ и заменой сугубого всеобщим священством, а евхаристии — «огнеопальным желанием»³¹.

Н. И. Ивановский отмечает парадоксальность учения беспоповцев. С одной стороны, оно выражается в мелочном «обличении» Православной Греко-Российской Церкви, утверждении, что она впала в ересь. С другой стороны, беспоповцы имеют невиданное свободомыслие, полностью искажая, по причине апологии своего безиерархического состояния, православное учение о Церкви и церковной иерархии³².

В своей диссертации Ивановский дает методологические рекомендации по полемике с беспоповцами, а именно подчеркивает важность Предания, которое выражается в следованиях святоотеческим толкованиям Священного Писания согласно 19 правилу VI Вселенского Собора³³, и напоминает, что непогрешительное вероучение Церкви («голос Церкви») определяется на Соборах или мнением большинства Отцов (*consensus patrum*)³⁴.

Переходя непосредственно к критике учения беспоповцев, Николай Иванович останавливается на понятии о Церкви, данном в Символе веры I–II Вселенских

²⁷ Здесь критика Ивановским теории Шапова о западном влиянии.

²⁸ Ивановский Н. И. Критический разбор учения беспоповцев... С. 72–73.

²⁹ Там же. С. 73–74.

³⁰ Там же. С. 77.

³¹ Там же. С. 77–78, 82.

³² Там же. С. 90.

³³ «Предстоятели Церквей должны во всякий день, а особенно в дни воскресные, научать весь клир и народ словесам благочестия, избирая из Божественного Писания мысли и суждения истины и притом не преступая уже установленных пределов или преданий богоносных отцов. Если же будет исследоваться слово Писания, пусть изъясняют его согласно с тем, что предложили светила и учителя Церкви в своих писаниях, и никак иначе, и пусть лучше прославляются их писаниями, чем сочинениями собственных произведений, чтобы при недостатке умения в этом иногда не уклониться от должного...» Преп. Никодим Святогорец. Пидалион... Т. 2. С. 225.

³⁴ Ивановский Н. И. Критический обзор учения беспоповцев... С. 91–96.

Казанская духовная академия

Соборов (т.н. «символьной» Церкви, которая «Единая, Святая, Соборная, Апостольская»)³⁵. Это делается во избежание манипуляций с понятием о Церкви, к которым прибегают беспоповцы, т.к. их (понятий) несколько в Писании. На основании авторитетного для старообрядцев Большого Катехизиса (1627 г.) Ивановский определяет существенные признаки «символьной» Церкви: православное вероучение, наличие всех таинств, иерархия³⁶. Из этого следует, что «символьная» Церковь есть Церковь «земная», в отличии от «небесной», где нет таинств и иерархии³⁷. Поэтому в эту «земную» Церковь нужно не только верить, исповедовать эту веру (т.к. «исповедание» не есть сама Церковь, а лишь одно из её свойств), но и принадлежать к ней, при этом ясно понимая это³⁸.

Ивановский определяет сохранение Таинств и церковной иерархии до кончины мира (Второго Пришествия), несмотря на гонения, еретические учения, грехи членов, как основной, существенный признак Церкви, и относит этот признак к Церкви Вселенской³⁹.

Последовательно Ивановский отвечает на все основные пункты беспоповского учения о Церкви. Так, раскольники, оправдывая себя (свое безиерархичное) состояние, не отрицали необходимости священства, но утверждали, что «по нужде», в особых обстоятельствах, Церковь может существовать без сугубого священства и заменить его «духовным»⁴⁰, ссылаясь при этом на ветхозаветный прообразы и на жизнь отшельников, а также на то, что при гонениях священство может существовать тайно, в некоем укромном месте⁴¹.

³⁵ Там же. С. 100.

³⁶ Там же. С. 101.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 102–103, 105.

³⁹ Там же. С. 103–104.

⁴⁰ Там же. С. 105, 111, 113.

⁴¹ Там же. С. 113.

По православному вероучению, которое излагает Н. И. Ивановский, Церковь не может существовать без сугубого (по хиротонии) священства⁴², потому что без него не будет освящения благодатью Святого Духа, которое происходит в Таинствах (миропомазание и др.), и, следовательно, без него невозможно всеобщее «духовное» священство⁴³. Хотя по сути мысль о всеобщем священстве верна, однако существует неравнозначность (неравноправность) между всеобщим и сугубым⁴⁴. Так, например, миряне не имеют права разбирать дисциплинарные вопросы по клиру, согласно 12 правилу Карфагенского собора⁴⁵.

Касаемо ветхозаветных образов, таких как «изчезновение Ааронова священства, неимение Мелхиседеком хиротонии», Ивановский приводит толкование св. Кирилла Иерусалимского о Первосвященстве Христа по «чину Мелхиседеков»⁴⁶. При этом священство Христово имеет свою хиротонию, об этом свидетельствует Сошествие Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы⁴⁷. Ивановский делает важное замечание по поводу ветхозаветных пророчеств. Не все прообразуемое исполняется в себе самом⁴⁸, например, «вечность» обрезания, ветхозаветных жертв. В этих обетованиях есть элемент условности и относительности по отношению ко времени. Поэтому некоторые из них исполнились буквально, некоторые исполнились (исполняются) в Новом Завете. Так же и вечное «Христово священство» в хиротонии относится к Церкви земной, воинствующей, а не к Церкви «торжествующей»⁴⁹.

Как говорилось выше, долгое время (вплоть до середины XIX в.) у раскольников вообще и особенно у беспоповцев была надежда на сохранение где-то «истинной» церковной иерархии, живущей тайно. На это Н. И. Ивановский отвечает, что по учению Святых Отцов Церковь должна быть «открытой», а не «безвестной», потому что церковные чины и Таинства нужны народу Божьему и по сути для народа и существуют⁵⁰.

Неправильна отсылка беспоповцев и на живущих одиноко отшельников, якобы те живут (спасаются) без священства. Любой православный отшельник не отлучает себя от Церкви, а живет в единении с ней⁵¹, следовательно, обязательно признает церковную иерархию.

Ивановский полемизирует еще с одним мнением, общим как беспоповцам, так и поповцам. Оно заключается в признании безусловности обетования Христа о Церкви, а именно того, что священство из-за грехов может исчезнуть по попущению Божию. Старобрядцы забывают, что Церковь создана для спасения грешников и не зависит от человеческих грехов. Она свята и непорочна и остается такой всегда⁵². Ивановский подчеркивает, что обетование о вечности Церкви относится ко Вселенской Церкви, потому что часть Церкви может отпасть от единства, как это, например, произошло с римо-католиками⁵³.

⁴² Там же. С. 105.

⁴³ Там же. С. 145.

⁴⁴ Там же. С. 146.

⁴⁵ «Если епископ ... подпадет под какое-нибудь обвинение ... пусть будет выслушан двенадцатью епископами, пресвитер — шестью епископами, диакон — тремя». *Преп. Никодим Святогорец*. Пидалион... Т. 3. С. 241.

⁴⁶ «Аарон в своем иерействе поставлен на время, и не возмогоша иереи его во веки пребывать, смерть Ааронова им прекратила. Того ради Христос не по Ааронову временного, но по чину Мелхиседекову вечного чина прииде архиерей вечных благ и якоже сам никогда не умирает, также иерейство его по чину Мелхиседекову не престаает...» Цит. по: *Ивановский Н. И.* Критический разбор... С. 109.

⁴⁷ Там же С. 110.

⁴⁸ Там же. С. 118–119.

⁴⁹ Там же. С. 118–120.

⁵⁰ Там же. С. 114.

⁵¹ Там же. С. 115.

⁵² Там же. С. 115–116.

⁵³ Там же. С. 123.

Таким образом, Н. И. Ивановский показывает основные догматико-канонические заблуждения старообрядцев-беспоповцев, относящиеся к экклезиологическим вопросам. Свою критику он основывает на учении о Церкви, данном в Символе Веры и церковных канонах (39 Св. ап.; 19 VI Вс. Соб.; 12 Карф.) К этой Церкви («символьной»), как доказывает Николай Иванович, беспоповцы не имеют ни догматического, ни канонического отношения.

Источники и литература

1. *Агеева Е. А.* Ивановский Николай Иванович // Православная энциклопедия. Т. XX. М., 2009. С. 669–671.
2. *Ивановский Н. И.* Критический разбор учения беспоповцев о церкви и таинствах. Казань. Типография Императорского Университета, 1892. С. 379 [11].
3. *Ивановский Н. И.* Критический разбор учения не приемлющих священства старообрядцев о церкви и таинствах. Казань: Типография Императорского Университета, 1883. 420 [1] с.
4. *Преп. Никодим Святогорец.* Пидалион: Правила Православной Церкви с толкованиями: в 4 т.: пер. с греч. Т. 1–3. Екатеринбург: Изд. Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря, 2019.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

А. А. Назаров

**Формирование системы финансового контроля
и хозяйственного управления церковной экономикой
в XVIII в.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_294

Аннотация: В статье рассматриваются мероприятия российского правительства, Монастырского приказа и Св. Синода по формированию системы финансового контроля над доходами и расходами церковных учреждений и хозяйственного управления церковной экономикой в XVIII в. Рассматриваются факторы формирования системы государственного и церковного финансового контроля. К числу таких факторов относилось стремление государства направить часть церковных доходов на военные и другие государственные нужды, а также освободить монастырских и архиерейских крестьян от архаичных форм феодальной зависимости. В статье доказано, что секуляризация церковных имений 1764 г. стала лишь завершающим этапом в череде мероприятий российского правительства по установлению контроля над церковными имениями.

Ключевые слова: церковная экономика, финансовый контроль, монастырские и архиерейские вотчины, монастырские и архиерейские крестьяне, секуляризация церковных имений, конфессиональная политика, Монастырский приказ, Святейший Синод, Коллегия экономики.

Об авторе: **Андрей Александрович Назаров**

Кандидат экономических наук, доцент кафедры документоведения, истории государства и права Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета.

E-mail: 2360562@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1499-0784>

Ссылка на статью: Назаров А. А. Формирование системы финансового контроля и хозяйственного управления церковной экономикой в XVIII в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 294–301.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

A. A. Nazarov

**Formation of the System of Financial Control
and Economic Management of the Church Economy
in the 18th Century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_294

Abstract: The article examines the measures taken by the Russian government, the monastic order, and the Holy Synod to form a system of financial control over the income and expenses of church institutions and the economic management of the church economy in the 18th century. The factors of formation of the system of state and church financial control are considered. These factors included the desire of the state to direct part of the church's income to military and other state needs, as well as to free the monastic and bishops' peasants from archaic forms of feudal dependence. The article demonstrates that the secularization of church estates in 1764 was only the final stage in a series of measures taken by the Russian government to establish control over church estates.

Keywords: ecclesiastical economy, financial control, monastic and bishops' estates, monastic and bishops' peasants, secularization, confessional policy, monastic order, the Holy Synod, the College of Economics.

About the author: **Andrey Aleksandrovich Nazarov**

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Documentation, History and Law at the Institute of Innovative Technologies and Public Administration of Moscow Technological University.

E-mail: 2360562@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1499-0784>

Article link: Nazarov A. A. Formation of the System of Financial Control and Economic Management of the Church Economy in the 18th Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 294–301.

* Photos are taken from open sources.

До XVIII в. церковная экономика была важной, но обособленной частью российской экономики. Церковь была крупнейшим землевладельцем. В церковных вотчинах проживали сотни тысяч крестьян. Правительство пыталось установить контроль над церковным хозяйством с середины XVII в. С этой целью в 1649 г. был определено учредить Монастырский приказ, который был открыт в следующем 1650 г. Но первая попытка установления контроля над церковной экономикой вследствие противодействия духовенства оказалась неудачной. В 1677 г., в период правления Фёдора Алексеевича, Монастырский приказ был закрыт.

При проведении этой политики российское правительство добивалось повышения эффективности использования церковного имущества, упразднения архаичных форм зависимости крестьян от монастырей и архиерейских домов и перераспределения церковных доходов в пользу государства. Доходы архиерейских домов складывались из доходов от аренды имущества (доходных статей), использования архиерейских вотчин, платежей архиерейских крестьян, архиерейской дани и других сборов с белого и черного духовенства. Основным источником доходов монастырей были доходы от использования доходных статей, монастырских вотчин и платежей монастырских крестьян. Доходы монастырей, в зависимости от размеров вотчин и количества крестьян, существенно различались.

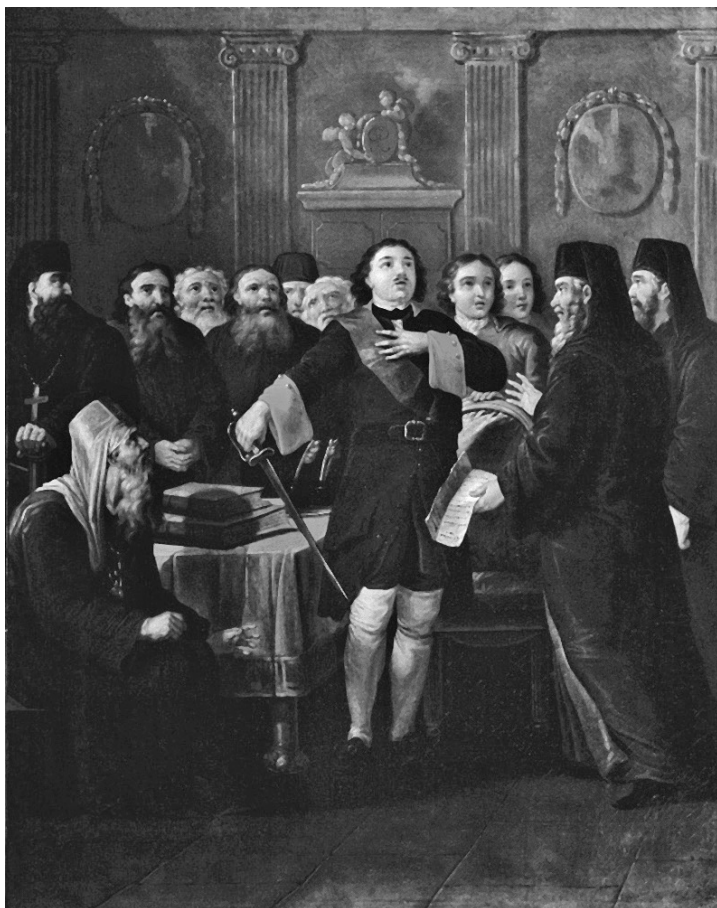
Крестьянские повинности делились на окладные сборы (оброк) и неокладные повинности (барщина). Оброк взимался ремесленными изделиями и продуктами — мясом, яйцами, рыбой, грибами, ягодами. Помимо этого крестьяне выполняли в пользу монастырей и архиерейских домов все виды сельскохозяйственных работ (пахота, посев, уборка и обмолот хлеба); также они работали на рыбных ловлях и мельницах. Объем работ зависел как от количества земель, находившихся в пользовании крестьян, так и от числа крестьян, проживавших в монастырских и архиерейских вотчинах. В богатых церковных вотчинах крестьяне имели больше земли при меньшем оброке и барщине, а в бедных вотчинах размер барщины и оброка, как правило, был выше.

С 1696 г. Петр I стал вновь восстанавливать контроль над церковной экономикой. На монастыри и архиерейские дома была возложена обязанность вести приходно-расходные книги. После смерти патриарха Адриана осенью 1700 г. был возрожден Монастырский приказ. В ведение Монастырского приказа перешло имущество Патриаршего дома, архиерейских домов и монастырей. Контроль над имуществом приходских церквей остался за епархиальными властями. Через неделю после создания Монастырского приказа, 31 января 1701 г., было принято решение о проведении описи имущества Патриаршего дома, архиерейских домов, монастырей и принадлежащих им вотчин¹. Следующим шагом стало установление в марте 1701 г. ограничений на оборот церковной недвижимости. Патриаршему дому было запрещено приобретать поместные и вотчинные земли. В свою очередь, архиерейским домам и монастырям был запрещен обмен землями с помещиками и вотчинниками. Помимо этого был так же реорганизован порядок использования церковного имущества. Для обеспечения роста доходов от церковного имущества доходные статьи церкви стали передавать по результатам публичных торгов на откуп. Те статьи, которые не обеспечивали высоких доходов, предполагалось передать новым откупщикам. «Мельницы, перевозки, пустоши, рыбные ловли и всякие оброчные статьи, которые отданы на оброк до урочных лет; и ныне дать торг, и кто с торгу за те оброчные статьи станет давать больше прежних оброков; и ныне оброчные статьи отдавать из наддачи новым откупщикам, не дожидаясь по прежним отдачам урочных лет»².

В связи с многолетней Северной войной расходы на содержание церковных учреждений были существенно урезаны. После передачи монастырских вотчин

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1830. С. 139–140. № 1834.

² Там же. С. 159. № 1839.

Петр I учреждает Святейший Синод.
Картина Ивана Тупылева. 1801 г.

в ведение Монастырского приказа большая часть вотчинных доходов стала передаваться на государственные нужды. В связи с этим монахи были переведены на штатное содержание: «В монастыри монахам и монахиням давать определённое число денег и хлеба в общежительство их, а вотчинами им и никакими угодьями им не владеть»³. Причём распределение этих средств предполагалось общежительное, в независимости от устава монастыря (общежительного или особножительного). Для создания системы контроля над расходами от использования церковного имущества, а так же для контроля за расходами на содержание архиерейских и монастырских учреждений в архиерейские дома и монастыри были направлены царские стольники. Первым делом стольники произвели опись имущества архиерейских и монастырских хозяйств. Была проведена проверка приходно-расходных книг. Пётр I возложил на царских стольников обязанность предоставления отчётов государю: «О сборе своих Великого Государя денежных и всяких доходов с Архиерейских и монастырских крестьян и о всяких делах, изо всех приказов, посылать свои Великому Государю грамоты. Стольникам, в которых городах кому, по Его Великого Государя указу, для управления монастырей и Архиерейских и монастырских вотчин быть велено»⁴.

³ Там же. С. 181. № 1886.

⁴ Там же. С. 197. № 1914.

При Петре I Церковь лишилась не только источников доходов, но и финансовой самостоятельности. Архиереям и настоятелям монастырей было запрещено расходовать деньги без разрешения Монастырского приказа. В годы Северной войны Монастырский приказ так же произвёл реквизицию значительного количества церковного имущества на военные нужды. Колокола шли на производство артиллерийских орудий. Из архиерейских домов была изъята значительная часть церковных ценностей, которые имели материальное, но не духовное значение. Изъятая золотая и серебряная посуда впоследствии была переплавлена на Монетном дворе и поступила в государственную казну. Только серебряной посуды из архиерейских домов за 1701–1707 гг. было изъято 56 пудов. Из патриаршей ризницы на Монетный двор поступило 17 пудов серебра. Была произведена опись лошадей в архиерейских домах и монастырях. Часть лошадей передали в драгунские полки⁵.

В 1721 г. контроль Церкви над церковной экономикой был восстановлен. На это повлияло как создание Св. Синода, так и завершение Северной войны. Монастырский приказ был передан в ведение Св. Синода. В свою очередь, на Св. Синод была возложена обязанность финансового контроля над церковной экономикой. Церковные вотчины были возвращены монастырям и архиерейским домам. В результате этих мероприятий государственный контроль над хозяйственной и финансовой деятельностью монастырей и архиерейских домов был утрачен. Об этом свидетельствует «Ведение из Сената в Синод» от 28 марта 1724 г. Несмотря на неоднократные требования, направленные из Правительствующего Сената и Ревизион-коллегии в Св. Синод о представлении сведений о том, «сколько бывает в году с вотчин Синодального дому, (что прежде сего были за Святейшими Патриархами) также во всех Епархиях и монастырях всяких денежных и хлебных доходов и расходов, и что из год в остатках по Епархиям и по монастырям порознь, как о том подлинно изображено в сообщенных из Сената в Святейший Синод ведениях; а из Ревизион-конторы доношениях; но как по вышеозначенному Его Императорского Величества указу 1721 г., так и по требованию из Сената такого известия не прислано»⁶.

Сенат потребовал от Св. Синода предоставлять следующие сведения: о количестве денежных и хлебных доходов; о размерах пашни, засеянной рожью и яровой пшеницей, о размерах покосов и собранного сена; об аренде земельных угодий; о размере сборов с приходских церквей, и населения в виде вечных пошлин, о накладных доходах; о количестве служащих архиерейских домов и размере их жалованья, о расходах архиерейских домов и др.⁷ Организация статистического учёта была возложена на созданную в 1724 г. Камер-контору Синодального правления. В камер-контору были включены структуры упразднённого Монастырского приказа. Камер-контора ежегодно представляла финансовую и хозяйственную отчётность государственным структурам — камер-коллегии и штатс-конторе⁸.

Для повышения эффективности религиозного и хозяйственного управления в июле 1726 г. Синод был реформирован — разделен на 2 апартамента. В первом апартamente заседали 6 архиереев. Он ведал только духовными делами. Во втором апартamente заседали 6 светских чиновников. На второй апартament было возложено решение экономических, финансовых и судебных вопросов. Епархиальные ведомства должны были отчитываться по духовным делам перед первым апартamentом, а все остальные дела были переданы второму апартamentу. «В другом апартamente быть суду и расправе, тако ж смотрению сборов, экономии и прочее тому подобное»⁹.

Второй апартament находился в двойном подчинении церковной и светской власти. По судебным вопросам о проступках духовных лиц второй апартament

⁵ Покровский И. М. Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времён Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 году. Казань, 1907. С. 44–45.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 7. СПб., 1830. С. 274. № 4488.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 348–349. № 4567.

⁹ Там же. С. 673. № 4919.

отчитывался перед первым апартаментом. По светским делам второй апартамент отчитывался перед Сенатом: «Другому апартаменту о тех делах, которые подлежат духовному рассуждению доносить в Синод, а о светских делах — Высокому Сенату»¹⁰. 26 сентября 1726 г. второй апартамент получил название Коллегии экономии синодального правления. Хотя Коллегия экономии и считалась частью Синода, но она состояла из светских чиновников и находилась под административным надзором Сената.

В период правления Анны Иоанновны государственный контроль над церковным хозяйством был расширен. В марте 1733 г. обязанность финансовой отчётности Коллегии экономии перед Сенатом была подтверждена новым указом. А уже в апреле 1738 г. Коллегия экономии была передана из ведения Св. Синода в ведение Правительствующего Сената: «Синоду от сего времени той коллегии не ведать, понеже в оной коллегии состоят сборы и другие экономические дела, которые подлежат к ведению Сената, а духовных дел, какие бы могли касаться до Синода, не бывает»¹¹.

После прихода к власти Елизаветы Петровны Св. Синод обратился к императрице с ходатайством об упразднении Коллегии экономии и возвращении полномочий в области хозяйственного управления и финансового контроля над церковными вотчинами Св. Синоду. В связи с этим 15 июля 1744 г. Коллегия экономии была упразднена. Финансовые и хозяйственные полномочия Св. Синода в сфере контроля над деятельностью церковных имений были восстановлены. В июле 1745 г. для управления церковным хозяйством в составе Св. Синода была создана Канцелярия синодального экономического правления. Членами канцелярии были назначены духовные лица. Но по вопросу о сотрудниках канцелярии между обер-прокурором Св. Синода Я. П. Шаховским и членами Св. Синода разгорелся конфликт. Обер-прокурор требовал назначить в канцелярию светских чиновников, а архиереи настаивали на служащих из числа духовенства. В конечном счете, победила точка зрения Я. П. Шаховского. Обер-прокурор также настоял на восстановлении статистической отчётности церковных учреждений. 1 октября 1748 г. по инициативе обер-прокурора был издан указ, потребовавший от Св. Синода представления точных данных о доходах и расходах церковных хозяйств, о денежных и зерновых запасах, о числе мужского населения вотчин и о формах натуральных повинностей крестьян¹².

В годы Семилетней войны в условиях обострения бюджетного дефицита вновь был поднят вопрос об усилении государственного контроля над церковным хозяйством. 30 сентября 1757 г. вышел указ, согласно которому предполагалось во главе церковных вотчин поставить отставных офицеров. Но духовенству, благодаря поддержке Елизаветы Петровны, удалось воспрепятствовать реализации этого указа. Вновь этот же проект был реанимирован в период короткого правления Петра III весной 1762 г. Управление церковным хозяйством было изъято из рук Св. Синода и передано вновь учрежденной Коллегии экономии. В церковные имения были направлены офицеры, которым были переданы полномочия по управлению церковными вотчинами. Однако после свержения Петра III эти мероприятия были приостановлены. Желая получить поддержку со стороны духовенства, Екатерина II в августе 1762 г. упразднила Коллегию экономии. Офицеры были отстранены от управления церковными вотчинами, а сами вотчины были возвращены духовенству. Но уже 29 ноября 1762 г. была образована Комиссия о духовных имениях. Эта комиссия провела инвентаризацию церковного имущества, земельных владений и начала подготовку реформы церковного землевладения. Из числа светских чиновников в комиссию вошли обер-прокурор Св. Синода князь А. Козловский, князь А. Куракин, князь С. Гагарин, граф И. Воронцов и секретарь императрицы Г. Теплов. Из числа

¹⁰ Там же. С. 674. № 4919.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 10. СПб., 1830. С. 458. № 7558.

¹² Смолич И. К. История Русской Церкви. Кн. VIII. Ч. 1. М., 1996. С. 250.

Митрополит
Димитрий (Сеченов)

духовенства вошли сторонники правительственной линии митрополит Новгородский Дмитрий (Сеченов) и архиепископ Санкт-Петербургский Гавриил (Петров). Из числа противников реформы в комиссию входил только епископ Переяславль-Залесский Сильвестр (Страгородский). Но, ввиду собственной нерешительности, в комиссии он не стал отстаивать точку зрения церковной оппозиции. По решению комиссии в мае 1763 г. была учреждена Коллегия экономии духовных имений, подчинённая Сенату. В ведении Коллегии экономии после проведения секуляризации 1764 г. были переданы все населённые церковные вотчины вместе с крестьянскими наделами. Крестьяне получили название экономические крестьяне. «Барщина» — обработка монастырских и архиерейских земель — была отменена. Земли, которые раньше обрабатывались в пользу церковных учреждений, были переданы крестьянским общинам. В результате крестьянские наделы существенно возросли. Основной повинностью

экономических крестьян стал оброк в размере 1,5 рублей в год. После проведения секуляризации монастырские и архиерейские крестьяне были освобождены от феодальной зависимости от монастырей и архиерейских домов и от всех выполняемых ранее видов повинностей. В ведении монастырей и архиерейских домов правительство оставило небольшую часть земельных наделов, сады, пастбища и рыбные тони. Монастырям оставили земельные наделы от 6 до 9 десятин, а архиерейским домам сохранили наделы до 30 десятин.

Секуляризация стала составной частью конфессиональной политики российского правительства. В XIX в. после завершения секуляризации церковных имений Православной Церкви была проведена секуляризация церковных имений Римско-Католической Церкви в западных губерниях. Католическое духовенство было переведено на штатное содержание из государственной казны. В рамках конфессиональной политики российское правительство регламентировало оборот вакуфов (земельных владений мусульманского духовенства) в Таврической губернии. Однако секуляризация вакуфов не проводилась в связи с тем, что мусульманское духовенство владело ненаселёнными землями.

После проведения секуляризации духовных имений структура доходов Православной Церкви существенно изменилась. Доходы от крестьян и от церковных имений были утрачены. Финансирование Церкви стало базироваться на двух основных источниках — средствах государственного казначейства и собственных доходах. Из государственного казначейства производилось содержание штатного духовенства архиерейских домов, военного, придворного духовенства и штатных монастырей. Архиерейские дома и монастыри были разделены на три класса. В соответствии с классом всем штатным монастырям было установлено денежное содержание. Заштатные монастыри были переведены на самофинансирование. Те монастыри, которые не были отнесены ни к штатным, ни к заштатным, были закрыты. Закрытие подлежали многие небольшие монастыри. В результате число монастырей сократилось с 881 до 386. Численность монашествующих сократилась вдвое — до 5.450 человек. После проведения секуляризации экономика и хозяйственная деятельность монастырей претерпела кардинальные изменения. Монастыри перешли на самообеспечение.

Обработка оставшихся у монастырей земельных наделов, производство и переработка сельскохозяйственной продукции были возложены на монахов и послушников. Изменилось и хозяйство архиерейских домов. Основными источниками епархиальных доходов стали свечной сбор, святительская дань, поступления от аренды недвижимости и от других видов хозяйственной деятельности.

Собственными доходами монастыри и архиерейские дома распоряжались самостоятельно. Система контроля со стороны Св. Синода сохранилась за расходованием денежных средств, выделяемых на содержание штатного духовенства из государственной казны.

Источники и литература

1. *Покровский И. М.* Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времён Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 году. Казань, 1907.
2. Полное собрание законов Российской империи. Т. 10. СПб., 1830.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т. 7. СПб., 1830.
4. Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1830.
5. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. Кн. VIII. Ч. 1. М., 1996.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

М. А. Приходько

**Специальный орган управления инославными
исповеданиями в государственной системе
Российской империи в начале XIX в.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_302

Аннотация: С конца 10-х гг. XVIII в. и до 1832 г. Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел (с 1812 г. Юстиц-коллегия Лифляндских и Эстляндских дел (ЮК ЛЭФ)) представляла собой центральное вневедомственное государственное учреждение с административно-судебными функциями. Коллегия не имела единого учредительного документа, вследствие чего компетенция ее не была точно определенной. Следует отметить, что юрисдикция ЮК ЛЭФ распространялась главным образом на учреждения и лиц протестантского (лютеранского, реформатского и аугсбургского) вероисповедания. Специфической особенностью ЮК ЛЭФ к началу XIX в. было то, что в своей деятельности она руководствовалась прежде всего местным (преимущественно шведским) законодательством XV – начала XVIII вв. и церковным правом, а не российским (общеевропейским) законодательством. Высшей апелляционной инстанцией для ЮК ЛЭФ был Правительствующий Сенат. Деятельность Министерства духовных дел иностранных исповеданий в 1817–1824 гг. объединила в организационном плане Синод и Юстиц-коллегию Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел под властью министра духовных дел и народного просвещения. Несмотря на подчинение Правительствующему Сенату, ЮК ЛЭФ сумела фактически сохранить автономное, промежуточное положение в системе центральных и местных государственных учреждений, не подчиняясь Синоду. Краткий временной отрезок 1817–1824 гг. стал временем организационного объединения предметов ведения Св. Синода и ЮК ЛЭФ под властью министра духовных дел и народного просвещения. Статья основана на научном докладе, сделанном на Международной научной конференции «Россия и Финляндия: взаимодействие культур в прошлом и настоящем» в г. Санкт-Петербурге 13–15 октября 2009 г.

Ключевые слова: Российская империя, Сенат, Синод, коллегии, министерства, Эстляндия, Лифляндия, Финляндия, инославные исповедания.

Об авторе: **Михаил Анатольевич Приходько**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина.

E-mail: mприход@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5746-7144>

Ссылка на статью: Приходько М. А. Специальный орган управления инославными исповеданиями в государственной системе Российской империи в начале XIX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 302–310.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

M. A. Prikhodko

**A Special Body for Managing Heterodox
Confessions in the Sate System
of the Russian Empire at the Beginning of the 19th Century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_302

Abstract: Since the end of the 1710s and until 1832 the Justitz Collegium of Livland, Estland and Finland Affairs (from 1812 the Justitz Collegium of Livland and Estland Affairs, LEF) was a central non-departmental state institution with administrative and judicial functions. The collegium did not have a single constituent document, as a result of which its competence was not precisely defined. It should be noted that the jurisdiction of the LEF extended mainly to institutions and persons of the Protestant (Lutheran, Reformed and Augsburg) religion. A specific feature of the LEF by the beginning of the 19th century was that in its activities it was guided primarily by local (mainly Swedish) legislation of the 15th–early 18th centuries and ecclesiastical law, and not Russian (general imperial) legislation. The highest court of appeal for LEF was the Governing Senate. The activities of the Ministry of Spiritual Affairs of Foreign Confessions in 1817–1824 organizationally united the Synod and the Justitz Collegium of the Livonian, Estonian and Finnish Affairs under the authority of the Minister of Spiritual Affairs and Public Education. Despite submission to the Governing Senate, LEF managed to actually maintain an autonomous, intermediate position in the system of central and local state institutions, not obeying the Synod. A short period of time 1817–1824 became a time of the organizational unification of the subjects of jurisdiction of the Holy Synod and the LEF League under the authority of the Minister of Spiritual Affairs and Public Education. The article is based on a scientific report made at the International Scientific Conference “Russia and Finland: Interaction of Cultures in the Past and Present” in St. Petersburg on October 13–15, 2009.

Keywords: Russian Empire, Senate, Synod, collegia, ministries, Estonia, Livonia, Finland, heterodox confessions.

About the author: **Mikhail Anatolevich Prikhodko**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of History of State and Law, O. E. Kutafin Moscow State Law University.

E-mail: mprihod@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5746-7144>

Article link: Prikhodko M. A. A Special Body for Managing Heterodox Confessions in the Sate System of the Russian Empire at the Beginning of the 19th Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 302–310.

* Photos are taken from open sources.

С конца 10-х гг. XVIII в. и до 1832 г. Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел (далее: ЮК ЛЭФ) (учрежденная предположительно в 1719 г.) представляла собой центральное вневедомственное государственное учреждение с административно-судебными функциями, действие которого распространялось на территорию Лифляндской губернии (Северная Латвия и Южная Эстония), Эстляндской губернии (Северная Эстония) и Выборгского наместничества (т.н. Старая Финляндия), а также на все протестантские церкви в Российской империи, включая реформатские церкви в Санкт-Петербурге¹.

ЮК ЛЭФ не имела единого учредительного документа², вследствие чего компетенция ее не была точно определенной.

В систематизированном виде предметы ведения данной коллегии выглядят следующим образом:

- руководство церковными и рядом административных установлений в указанных местностях и их личный составом³;
- рассмотрение жалоб на неправильные действия местной администрации и апелляционных жалоб на решения и приговоры сословных судов⁴;
- определение и увольнение лютеранских священников при колонистах и охранение церковных обрядов, установление праздничных дней и молебствий⁵;
- управление протестантскими консисториальными делами⁶;
- дела о браках и разводах лиц протестантского вероисповедания⁷.

Причем нужно отметить, что юрисдикция ЮК ЛЭФ распространялась главным образом⁸ на учреждения и лиц протестантского (лютеранского, реформатского и аугсбургского) вероисповедания⁹.

Структура и порядок делопроизводства ЮК ЛЭФ определялись «Генеральным регламентом» об управлении коллегий от 28 февраля 1720 г.¹⁰

Штатный состав ЮК ЛЭФ: президент, вице-президент, коллежский советник, надворный советник, ассессор, прокурор, экзекутор, 3 секретаря, протоколист, 2 переводчика, регистратор, архивариус; был установлен Штатом от 31 декабря 1801 г.¹¹ Кроме того, при коллегии состояло определенное число (в разное время разное) канцелярских служащих и нижних чинов. Также к участию в заседаниях ЮК ЛЭФ приглашались представители столичного протестантского духовенства¹².

¹ Dalton H. Beiträge zur Geschichte der evangelischen Kirche in Russland. Bd. 2. Gotha, 1889. S. 28–31; Kahle W. Aufsätze zur Entwicklung der evangelischen Gemeinden in Russland. Leiden-Keln, 1962. S. 93.

² Само время учреждения ЮК ЛЭФ до сих пор точно не установлено и определяется приблизительно (Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель. М., 1992. Т. 2. С. 139).

³ ПСЗ-1. Т. 24. № 17830. С. 350–351.

⁴ Там же. Т. 9. № 6754. С. 534–535; Т. 12. № 8964. С. 140–141; Т. 13. № 9905. С. 536–538. К административным делам ЮК ЛЭФ относились также рассмотрение предположений по вопросам государственного управления и законодательства на указанных территориях и разрешение вопросов о границах местных судебных и административных учреждений. (На основании актов, не вошедших в состав ПСЗ.)

⁵ Там же. Т. 9. № 6548. С. 279.

⁶ Там же. Т. 13. № 9905. С. 536–538; Т. 20. № 14748. С. 674–676.

⁷ Там же. Т. 9. № 6485. С. 206–207; Т. 23. № 16955. С. 220–222; Т. 30. № 23319. С. 636.

⁸ Основная масса дел, касающихся учреждений и лиц католического вероисповедания, с 1797 г. были исключены из ведения ЮК ЛЭФ и переданы в ведение отдельного от ЮК ЛЭФ Департамента римско-католических юстицких дел (с 1801 г. преобразованного в Римско-католическую духовную коллегия) (РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1335. Л. 1–17).

⁹ Вероисповедания, к которому принадлежала основная масса населения Лифляндии, Эстляндии и Финляндии (Смолич И. К. История русской церкви. Кн. VIII. Ч. 2. М., 1997. С. 359).

¹⁰ ПСЗ-1. Т. 6. № 3534. С. 141–160.

¹¹ Там же. Т. 44. Ч. 2 к № 20097. С. 4.

¹² Бабич М. В. Юстиц-коллегия Лифляндских и Эстляндских дел // Государственность России. Словарь-справочник. М., 2001. Кн. 4. С. 466; Холтрон П. Н. Изменение политического положения

Специфической особенностью ЮК ЛЭФ к началу XIX в. было то, что в своей деятельности она руководствовалась прежде всего местным (преимущественно шведским) законодательством XV — начала XVIII вв. и церковным правом, а не российским (общеимперским) законодательством. Делопроизводство в ЮК ЛЭФ велось на немецком языке¹³. Местом пребывания ЮК ЛЭФ был Санкт-Петербург. Структурными подразделениями ЮК ЛЭФ к 1802 г. были Присутствие и Канцелярия¹⁴. Высшей апелляционной инстанцией для ЮК ЛЭФ был Правительствующий Сенат. ЮК ЛЭФ не подчинялась Св. Синоду.

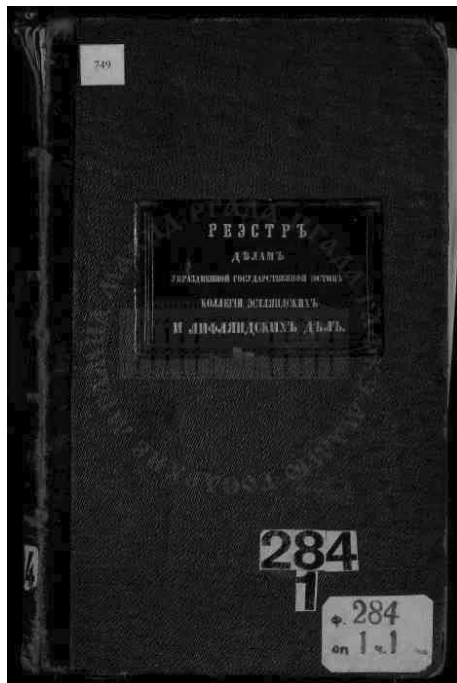
Учреждение в 1802 г. министерств отразилось на ЮК ЛЭФ в минимальной степени — ЮК ЛЭФ была подчинена в порядке надзора министру юстиции, вследствие совмещения по Манифесту «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. должностей министра юстиции и генерал-прокурора¹⁵.

Специфика предметов ведения и порядка делопроизводства ЮК ЛЭФ способствовали консервации в значительной степени автономного положения данной коллегии, в стороне от административных преобразований, проводимых в Российской империи и системы центральных государственных учреждений¹⁶.

Оставаясь пережитком коллежской системы государственного управления, ЮК ЛЭФ после 1802 г. занимала промежуточное положение между центральными и местными государственными учреждениями.

Административные преобразования затронули ЮК ЛЭФ лишь в 1810 г. и были вызваны началом завершающего периода министерской реформы 1810–1811 гг. В соответствии с Манифестом от 25 июля 1810 г. «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов каждому управлению принадлежащих», учреждалось новое центральное государственное учреждение по управлению делами иностранных исповеданий — Главное управление духовных дел иностранных исповеданий (далее: ГУДДИИ)¹⁷.

«Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г. определило круг предметов отделяемых из ведения ЮК ЛЭФ в ведение ГУДДИИ: по протестантским исповеданиям все дела, относящиеся к державному праву (*Jura sacra*), как-то — разрешение браков в известных степенях; охранение церковных обрядов и установление праздничных дней и молебствий;

Обложка описи фонда 284 (опись 1, часть 1). Из фондов РГАДА

голландской реформатской церкви в Санкт-Петербурге в 1842 г. // Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1711–1927). СПб., 2001. С. 96.

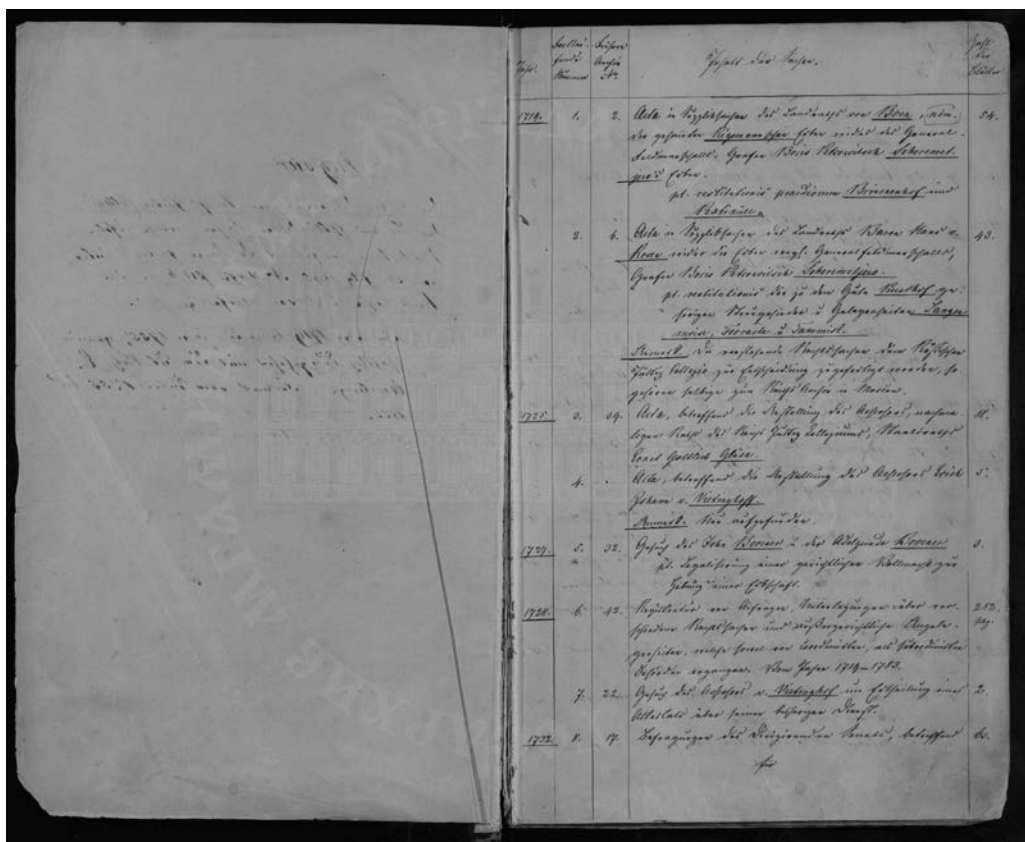
¹³ РГАДА. Ф. 284. Оп. 1. Ч. 1. Л. 2–195.

¹⁴ Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 4. С. 465.

¹⁵ ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. С. 243.

¹⁶ В этой связи мы не согласны с мнением современного юриста С. В. Кодана о передаче в 1802 г. в Министерство юстиции дел ЮК ЛЭФ (Кодан С. В. Министерство юстиции в системе управления Российской империи (XIX — начало XX века) // Российский юридический журнал. 2002. № 4 (36). С. 13).

¹⁷ ПСЗ-1. Т. 31. № 24307. С. 279–280.

Начальная страница (стр. 3) описи фонда 284 (опись 1, часть 1).
Из фондов РГАДА

определение духовных чинов и наполнение консисториальных мест; представление достойных лиц на места светских директоров консисторий и генерал-суперинтендантов; собрание послужных списков о духовных лицах и членах Консисторий, с отчетами о прохождении их званий; надзор за церковной собственностью и капиталами; построение и упразднение церквей; жалобы на консистории, за исключением судебных дел¹⁸.

«Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. подтвердило компетенцию ГУДДИИ в сфере управления иностранными исповеданиями, повторив положения Манифеста от 25 июля 1810 г.¹⁹

Таким образом, с 1810 г. часть полномочий ЮК ЛЭФ перешла к ГУДДИИ²⁰ и компетенция ЮК ЛЭФ была сужена до управления консисториальными делами и рядом судебных и административных²¹ дел в Лифляндии, Эстляндии и Финляндии.

При этом, помимо подчинения Сенату (2-е отделение 3-го (апелляционного) департамента) и Министерству юстиции по административным и судебным делам, с 1810 г. появилась еще одна контролирующая инстанция — Главное управление

¹⁸ Там же. № 24326. С. 327.

¹⁹ Там же. № 24686. С. 687–688.

²⁰ *Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966. S. 175, 178.*

²¹ В том числе дела Рижского, Ревельского и Нарвского магистратов, находившихся в ведении ЮК ЛЭФ.

духовных дел иностранных исповеданий, которому ЮК ЛЭФ подчинялась по консисторияльным делам²².

Из других новаций в сфере управления ЮК ЛЭФ в 1802–1811 гг. следует отметить указ Сенату «О поступании Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел в решении дел, по общим российским законам и провинциальным правам» от 23 декабря 1804 г.²³, которым ЮК ЛЭФ предписывалось при решении дел руководствоваться сначала российскими постановлениями, а потом уже провинциальными правилами, если они не противоречат российским законам, и которым подрывалась многолетняя монополия ЮК ЛЭФ на преимущественное использование местного законодательства по отношению к российскому законодательству на территории Лифляндии, Эстляндии и Финляндии²⁴; а также разработку по повелению Александра I²⁵ Юстиц-коллегией ЛЭФ²⁶ проекта²⁷ нового церковного евангелическо-лютеранского устава под названием «Литургическое учреждение» в 1805 г.²⁸ Тем самым к 1811 г. Юстиц-коллегия ЛЭФ продолжала оставаться вневедомственным государственным учреждением с административно-судебными функциями, действие которого распространялось на территорию Лифляндии, Эстляндии и Финляндии, а также на все протестантские церкви в Российской империи (включая реформатские церкви в Санкт-Петербурге)²⁹.

Существенные изменения коснулись ЮК ЛЭФ в 1812 г. В этом году особым указом от 20 февраля³⁰ ЮК ЛЭФ было предписано передать все неоконченные дела по Финляндии в Комиссию финляндских дел. Этим же указом ЮК ЛЭФ была переименована в Юстиц-коллегию Лифляндских и Эстляндских дел (далее: ЮК ЛЭ). Тем самым круг дел ЮК ЛЭ был существенно ограничен по территориальному признаку.

Дальнейшие изменения в деятельности ЮК ЛЭ были связаны с образованием в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения (далее: МДДиНП)³¹.

В соответствии с «Учреждением Министерства духовных дел и народного просвещения» от 24 октября 1817 г. ГУДДИИ и Министерство народного просвещения (далее: МНП) объединялись в новое центральное государственное учреждение — Министерство духовных дел и народного просвещения, которое подразделялось на департамент духовных дел (далее: ДДД), департамент народного просвещения (далее: ДНП) и Главное правление училищ (далее: ГПУ)³².

²² Но вместе с тем ЮК ЛЭФ сохранила свою организационную автономность, не став структурным подразделением перечисленных государственных учреждений.

²³ ПСЗ-1. Т. 28. № 21571. С. 759.

²⁴ Хотя ссылки на иностранное законодательство в документах ЮК ЛЭФ и ЮК ЛЭ встречаются вплоть до последних дней ее существования (РГАДА. Ф. 284. Оп. 1. Ч. 1. Д. 5334. Л. 14 об-15, 35 об-36).

²⁵ Кузнецов Н. Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея. 1902. Кн. 85. С. 428.

²⁶ Разработка проекта осуществлялась Особой комиссией при ЮК ЛЭФ под руководством К. Г. Зонгага (Там же. С. 428).

²⁷ В основу его лег «Проект церковного устава для протестантских церквей в Российской империи» Г. Ф. Зальфелта (*Dalton H. Beiträge zur Geschichte der evangelischen Kirche...* Bd. 1. S. 218–334; *Kahle W. Aufsätze zur Entwicklung der evangelischen Gemeinden...* S. 95–101).

²⁸ Кузнецов Н. Д. Управление делами иностранных исповеданий... 1902. Кн. 85. С. 428; Красножен М. Е. Собр. соч. Юрьев, 1909. Т. 2. С. 185; Бердников И. С. Краткий курс церковного права православной церкви. Вып. 2. Казань, 1913. С. 1258; Холтрон П. Н. Изменение политического положения голландской реформатской церкви... С. 97.

²⁹ *Dalton H. Beiträge zur Geschichte der evangelischen Kirche in Russland.* Bd. 2. Gotha, 1889. S. 28–31; *Kahle W. Aufsätze zur Entwicklung der evangelischen Gemeinden in Russland.* Leiden-Keln, 1962. S. 93.

³⁰ ПСЗ-1. Т. 32. № 25000. С. 196.

³¹ Там же. С. 34; № 27106. С. 814–834.

³² Там же. № 27106. С. 815. § 3.

Духовные дела Св. Синода вошли в компетенцию ДДД, ведавшего духовными делами всех вероисповеданий. Данный департамент разделялся на четыре отделения: 1) по делам греко-российского вероисповедания³³; 2) по делам римско-католического, греко-униатского и армянского вероисповеданий; 3) по делам всех протестантских вероисповеданий; 4) по делам еврейских, магометанских и других нехристианских вероисповеданий³⁴.

Тем самым реализовывалась попытка подчинения Св. Синода МДДиНП по ряду категорий дел, что, в свою очередь, поставило в организационном плане в один ряд и Св. Синод и ЮК ЛЭ под властью министра духовных дел и народного просвещения. Таким образом, теперь ЮК ЛЭ подчинялась по консисториальным делам МДДиНП. При этом подчинение ЮК ЛЭ по судебным делам Сенату и Министерству юстиции продолжало оставаться в силе.

Последующие изменения в деятельности ЮК ЛЭ были обусловлены провозглашением в 1819 г. учреждения Государственной евангелической генеральной консистории — высшего органа церковного управления Евангелическо-лютеранской церкви³⁵, в составе президента, вице-президента, 2-х светских членов, епископа евангелическо-лютеранской церкви и 2-х членов духовного звания³⁶. Столь резкие изменения в сфере управления протестантскими вероисповеданиями, намеченные в 1819 г., были сглажены постепенностью процесса их практического осуществления, растянувшегося на 13 лет и вышедшего за рамки времени существования МДДиНП.

Кроме того, в 1820 г. ЮК ЛЭ было возвращено право разрешения браков в запрещенных степенях родства³⁷.

Краткая история МДДиНП закончилась в 1824 г. ликвидацией этого Министерства и восстановлением прежних центральных государственных учреждений — МНП и ГУДДИИ. Соответственно, была восстановлена прежняя схема подчиненности ЮК ЛЭ, существовавшая до 1817 г. — Правительствующему Сенату и МЮ по судебным делам и ГУДДИИ по духовным (консисториальным) делам³⁸.

Только в 1828 г. был утвержден указ «Об отделении протестантского Консисториального заседания от Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел»³⁹, но и он не стал окончательным в этом вопросе. Изданное 5 января 1829 г. высочайше утвержденное мнение Государственного Совета⁴⁰ констатировало, что учреждение Евангелической генеральной консистории «не произведено еще в исполнение» и им устанавливалось, что судебные дела Консисториального заседания остаются «под ревизией» ЮК ЛЭ, а в случае переноса в установленном порядке данных дел из ЮК ЛЭ они окончательно решаются в Сенате⁴¹.

Кроме того, нужно отметить факт учреждения в 1828 г. особого Комитета для разработки общего устава Евангелическо-лютеранской церкви в России (1828–1832)⁴².

Этот Комитет должен был разработать единый правовой акт, определявший церковное устройство Евангелическо-лютеранской церкви в Российской империи. При этом положения проектируемого Устава должны были быть согласованы с основными законами Евангелическо-лютеранской церкви не только в отношении догматов веры, но и в главнейших основаниях церковного управления и в правилах обрядов

³³ Т. е. духовными делами Св. Синода.

³⁴ ПСЗ-1. Т. 34. № 27106. С. 815. § 7.

³⁵ Там же. Т. 36. № 27896. С. 314–315.

³⁶ Там же. С. 315.

³⁷ ГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 696. Л. 1–8 об.

³⁸ С продолжением функционирования протестантского Консисториального заседания при ЮК ЛЭ.

³⁹ ПСЗ-2. Т. 3. № 1978. С. 459.

⁴⁰ Там же. Т. 4. № 2581. С. 10.

⁴¹ Там же. С. 10.

⁴² *Неустров А. Н.* О евангелическо-лютеранской церкви в Российской империи. СПб., 1856. С. 18; *Курило О. В.* Лютеране в России. (XVI–XX вв.). М., 2002. С. 56.

богослужения, а также в соответствии с состоянием и потребностями Евангелическо-лютеранской церкви и государственными законами Российской империи⁴³.

Как таковое, рассмотрение и согласование положений об учении и управлении Евангелическо-лютеранской церкви в России продолжалось до середины 1830 гг. При этом ЮК ЛЭ функционировала в обычном режиме. Работа над предварительной редакцией проекта была завершена к марту 1831 г.⁴⁴ Наконец, 28 декабря 1832 г. «Устав Евангелическо-лютеранской церкви» был утвержден императором⁴⁵ и Генеральная евангелическо-лютеранская консистория вступила в свои права. В этот же день был утвержден указ «Об упразднении Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел»⁴⁶. Тем самым вступление в законную силу «Устава Евангелическо-лютеранской церкви» — основного правового акта для Евангелическо-лютеранской церкви — совпало с началом ликвидации ЮК ЛЭ.

Таким образом, в 1802–1833 гг. ЮК ЛЭФ (с 1812 г. — ЮК ЛЭ) продолжала свою деятельность в качестве особого вневедомственного государственного учреждения с административно-судебными функциями, действие которого распространялось на территории Лифляндии, Эстляндии и Финляндии (до 1812 г.), а также на протестантские церкви, учреждения и лиц протестантского вероисповедания в Российской империи. Несмотря на подчинение Сенату, ЮК ЛЭ сумела фактически сохранить автономное, промежуточное положение в системе центральных и местных государственных учреждений, не подчиняясь Св. Синоду. Краткий временной отрезок 1817–1824 гг. стал временем организационного объединения предметов ведения Св. Синода и ЮК ЛЭ под властью министра духовных дел и народного просвещения.

Источники и литература

1. *Бабич М. В.* Юстиц-коллегия Лифляндских и Эстляндских дел // Государственность России. Словарь-справочник. М., 2001. Кн. 4. С. 465–466.
2. *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права православной церкви. Вып. 2. Казань, 1913. 1445 с.
3. *Кодан С. В.* Министерство юстиции в системе управления Российской империи (XIX — начало XX века) // Российский юридический журнал. 2002. № 4 (36). С. 9–15.
4. *Красножен М. Е.* Собрание сочинений. Юрьев, 1909. Т. 2. 675 с.
5. *Кузнецов Н. Д.* Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея. 1898. Кн. 74. С. 1–64, Кн. 75. С. 65–104; 1899. Кн. 76. С. 105–160, Кн. 77. С. 161–240; 1900. Кн. 78. С. 241–360; 1902. Кн. 85. С. 361–472.
6. *Курило О. В.* Лютеране в России. (XVI–XX вв.). М., 2002. 400 с.
7. *Неустроев А. Н.* О евангелическо-лютеранской церкви в Российской империи. СПб., 1856. 39 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830 (далее: ПСЗ-1). Т. 6. СПб., 1830. 815 с.
9. ПСЗ-1. Т. 9. СПб., 1830. 1022 с.
10. ПСЗ-1. Т. 12. СПб., 1830. 960 с.
11. ПСЗ-1. Т. 13. СПб., 1830. 957 с.
12. ПСЗ-1. Т. 23. СПб., 1830. 969 с.
13. ПСЗ-1. Т. 24. СПб., 1830. 869 с.

⁴³ *Неустроев А. Н.* О евангелическо-лютеранской церкви... С. 18–19; *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права православной церкви. Вып. 2. Казань, 1913. С. 1258.

⁴⁴ *Неустроев А. Н.* О евангелическо-лютеранской церкви... С. 21.

⁴⁵ ПСЗ-2. Т. 7. № 5870. С. 956–1022.

⁴⁶ Там же. № 5866. С. 941–942.

14. ПСЗ-1. Т. 27. СПб., 1830. 1122 с.
15. ПСЗ-1. Т. 28. СПб., 1830. 1328 с.
16. ПСЗ-1. Т. 31. СПб., 1830. 944 с.
17. ПСЗ-1. Т. 44. Ч. II. СПб., 1830. 1171 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1830 (далее: ПСЗ-2). Т. 3. СПб., 1830. 1246 с.
19. ПСЗ-2. Т. 4. СПб., 1830. 824 с.
20. ПСЗ-2. Т. 7. СПб., 1832. 1044 с.
21. Российский государственный архив древних актов. Ф. 284. Оп. 1. Ч. 1.
22. Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 696.
23. РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1335.
24. Смолич И. К. История русской церкви. Кн. VIII. Ч. 2. М., 1997. 798 с.
25. Холтрон П. Н. Изменение политического положения голландской реформатской церкви в Санкт-Петербурге в 1842 г. // Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1711–1927). СПб., 2001. С. 90–102.
26. Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель. М., 1992. Т. 2. 520 с.
27. *Amburger E.* Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966. 622 s.
28. *Dalton H.* Beiträge zur Geschichte der evangelischen Kirche in Russland. Bd. 1. Gotha, 1887. 344 s.
29. *Dalton H.* Beiträge zur Geschichte der evangelischen Kirche in Russland. Bd. 2. Gotha, 1889. 432 s.
30. *Kahle W.* Aufsätze zur Entwicklung der evangelischen Gemeinden in Russland. Leiden-Keln, 1962. 267 s.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Иеромонах Прохор (Андрейчук)

**Псково-Печерский монастырь в синодальный период:
события и лица**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_311

Аннотация: В статье раскрывается история Псково-Печерского монастыря в синодальный период. Речь идет не только о событиях, но и об исторических личностях, как общероссийского, так и местного значения. Рассматривается положение монастыря в период секуляризации. Особое внимание уделяется расширению и изменению архитектурного ансамбля монастыря. Делается акцент на строительной и просветительской деятельности игуменов обители.

Ключевые слова: синодальный период, Псково-Печерский монастырь, архитектурный ансамбль, Петр I, игумены Псково-Печерского монастыря, секуляризация, возрождение монашества, миссионерская деятельность.

Об авторе: **Иеромонах Прохор (Андрейчук Игорь Николаевич)**

Магистр богословия, благочинный Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря.

E-mail: id.prohor@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5477-5782>

Ссылка на статью: Прохор (Андрейчук), иером. Псково-Печерский монастырь в синодальный период: события и лица // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 311–320.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Hieromonk Prokhor (Andreychuk)

**The Pskov Caves Monastery during the Synodal Period:
Events and Faces**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_311

Abstract: The article reveals the history of the Pskov Caves Monastery during the Synodal Period. We are talking not only about events, but also about historical figures of both national and local significance. The position of the monastery in the period of secularization is considered. Particular attention is paid to the expansion and change of the architectural ensemble of the monastery. Emphasis is placed on the construction and educational activities of the abbots of the monastery.

Keywords: Synodal Period, Pskov Caves Monastery, architectural ensemble, Peter I, abbots of the Pskov Caves Monastery, secularization, revival of monasticism, missionary activity.

About the author: **Hieromonk Prokhor (Andreychuk Igor Nikolaevich)**

Master of Theology, Dean of the Holy Dormition Pskov Caves Monastery.

E-mail: id.prohor@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5477-5782>

Article link: Prokhor (Andreychuk), hieromonk. The Pskov Caves Monastery during the Synodal Period: Events and Faces. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 311–320.

* Photos are taken from open sources.

В синодальный период Псково-Печерский монастырь входит достаточно укрепшим и восстановавшимся после Смуты и военных невзгод XVII в. Петр I, положив конец владычеству шведов на Балтике, обезопасил северо-западную границу русского государства. Еще в 1701 г., в период местоблюстительства, Петр приказал обнести монастырские крепостные стены земляным валом и глубоким рвом, а возле башен устроить бастионы. Эта мера оказалась весьма своевременной и действенной, позволив в феврале 1703 г. небольшому отряду под командованием воеводы И. Назимова отразить нападение шведского войска численностью в 2.000 человек. В знак военных заслуг монастыря Петр I в 1709 г. повелел установить над Святыми воротами фигуру золоченого двуглавого орла.

После заключения Ништадтского мира Псково-Печерский монастырь теряет свое стратегическое значение. Его важная и ответственная роль как приграничного монастыря-крепости, решавшая когда-то судьбы не только Псковской земли, но и всей России, завершается. Почетная задача, стоявшая перед монастырем почти два столетия, была им достойно выполнена. Монастырь оказался вдали от границы и от военных угроз. Жизнь в нем стала протекать размеренно и спокойно. Возможно, поэтому о новом периоде в истории монастыря мы имеем краткие сведения, сводящиеся лишь к упоминаниям о настоятелях и их деятельности.

В 20-е гг. XVIII столетия настоятелем монастыря был архимандрит Феодосий. С 1722 г. Св. Синодом воспрещается совершать крестные ходы с иконами из монастыря. Данное распоряжение было сделано не без участия Псковского епископа Феофана (Прокоповича). Действовало оно до 1812 г.

С 1724 по 1726 гг. настоятелем монастыря, одновременно являясь и судьей при архиерейском доме, был архимандрит Маркелл (Радышевский). Продвижение на эту должность отца Маркелла произошло по ходатайству его школьного друга епископа Феофана. Архимандрит Маркелл упоминается на допросе в Преображенской канцелярии, где его обвиняли в похищении драгоценностей Псково-Печерского монастыря. В 1725 г. в Св. Синод поступил составленный по прямому указанию архиепископа Новгородского Феодосия (Яновского) донос о том, что в Псково-Печерском монастыре, где настоятельствовал отец Маркелл, «на полу лежат около 70-ти образов со снятыми и ободранными окладами и драгоценными украшениями»¹. Разбирательство по этому делу приостановилось из-за опалы архиепископа Феодосия, но было возобновлено в феврале 1726 г. Архимандрита Маркелла вызвали опять в Синод, где он неожиданно для своего благодетеля обвинил его в недоброжелательстве по отношению к государыне Екатерине Алексеевне и подал обширный донос под названием «О непристойных словах и противностях Феофана Прокоповича», содержащий 48 пунктов обвинений, в большинстве своем явно клеветнических (например, «на мощи святые плевал...» и т.п.). В том же 1726 г. отец Маркелл был переведен в Новгородскую епархию.

С 1726 по 1729 гг. настоятелем монастыря значится архимандрит Филарет, деятельность которого осталась неизвестной.

В 1730 г. в Псково-Печерский монастырь был переведен архимандрит Снетогорского Псковского монастыря Вениамин (Сохновский), родом из Молдавии. Правил монастырем только один год. В 1731 г. он был вызван в Москву и возведен на Коломенскую кафедру.

Сразу же после его хиротонии в монастырь был назначен иеромонах Кирилл (Иерусалимита) из Киево-Печерского монастыря², который через полгода был переведен в Московский Донской монастырь.

11 июня 1732 г. по указу Анны Иоанновны в Псково-Печерский монастырь назначили архимандрита Игнатия (Расновского). Управлял он монастырем до 1745 г. Известно, что родился он в Польше, а учился в латинской школе во Львове.

¹ Титлинов Б. В. Феофан (Прокопович), архиеп. // Русский биографический словарь. Том XXV. Яблоновский — Фомин. СПб., 1913. С. 409.

² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XI. Д. 294. СПб., 1903. С. 458.

Монашество принял в Почаевском монастыре. Будучи архимандритом Печерского монастыря, он «при поездке в Петербург самовольно взял золотой крест, серебряный бокал, разобрал без указа две старинные архимандричьи шапки и жемчужный набедренник, а также снял с местного чудотворного образа Успения Пресвятыя Богородицы крест серебряный золоченый с мощами и камнями и отдал в подарок предыдущему печерскому настоятелю архимандриту Донского монастыря Кириллу (Иерусалимите)»³. За такое самоуправство он был под запрещением около года, но 12 ноября 1736 г. его восстановили «по вниманию к тому, что по допросе подзрений за ним не явилось»⁴.

При архимандрите Игнатии императрица Анна Иоанновна пожертвовала в монастырь ризы, украшенные жемчугом, и подарила двухместную придворную коляску, которая и сейчас хранится в монастыре как музейная редкость. В 1740 г. отец Игнатий принимал участие в погребении императрицы⁵. Его заслугой является то, что он боролся против распущенности нравов среди местного населения⁶.

С 1746 г. монастырем управляет архимандрит Геннадий (Андреевский), переведенный сюда из Великоустыинского монастыря. Он состоял членом Псковской духовной консистории и являлся ректором славяно-латинской школы в Пскове. В 1750 г. Псково-Печерский монастырь неоднократно притесняла «Лифляндская комиссия»⁷, поэтому архимандриту Геннадию приходилось защищать обитель. 2 апреля 1752 г. архиепископ Псковский Симон (Тодорский) (1745–1753 гг.) получил из Синода рапорт о том, что архимандрит Геннадий назначается на Костромскую кафедру. 16 апреля того же года в большом Успенском соборе в Москве была совершена его хиротония.

После архимандрита Геннадия, в 1753 г., в Псково-Печерский монастырь получил назначение архимандрит Иосиф из Снетогорского монастыря. Он состоял членом Псковской духовной консистории и с 1761 г. был ректором семинарии. Известно, что архимандрит Иосиф ходатайствовал перед консисторией о разрешении производства ремонта Успенской церкви, каковой ремонт ему разрешили 11 сентября 1758 г. В итоге проведенных масштабных строительных работ было создано одно из наиболее узнаваемых сооружений Псково-Печерского монастыря — фасадная лицевая стена Успенского собора. В 1759 г. в помещении над Успенским собором — бывшей судебной палатой — была освящена церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы⁸, а верх собора увенчался тремя куполами луковичной формы.

Секуляризационная реформа, проведенная Екатериной II в 1764 г., изъяв у церковных учреждений их владения, ввела «монастырские штаты», по которым Печерский монастырь был причислен к числу штатных монастырей второго класса. Жизнь монастыря была омрачена сильным пожаром 1774 г. Однако уже в 1775 г. были вновь отстроены братский корпус с церковью во имя свт. Димитрия Ростовского и одноэтажное, на высоком каменном подклете здание кухни, по всей видимости, объединенное с трапезной. Эти здания не сохранились. До настоящего времени практически в первоначальном виде сохранилась церковь мученицы Варвары на «приезжем» дворе, возведенная отцом Иосифом в 1779 г. Управлял монастырем архимандрит Иосиф до февраля 1785 г., когда мирно скончался и был погребен в пещерах.

С 1785 по 1792 гг. настоятелем был архимандрит Варлаам (Головин) из Снетогорского монастыря, затем переведенный в Московский Воскресенский монастырь.

В 1792 г. настоятелем был назначен архимандрит Петр (Можайский). При нем появилось каменное здание монастырского лазарета с домовым храмом во имя свт. Лазаря Четверодневного, возведенное на подвалах старинного ледника. Он управлял

³ Там же. С. 326.

⁴ Там же. С. 331.

⁵ Там же. Т. XX. Д. 467. СПб., 1908. С. 999.

⁶ Там же. Т. XXIII. Д. 315. СПб., 1911. С. 406.

⁷ Там же. Т. XXIX. Д. 618. СПб., 1913. С. 646–647.

⁸ Первоклассный Псково-Печерский монастырь / Аполлос (Беляев Иван Георгиевич). 2-е изд., доп. Остров, 1893. С. 78.

Псково-Печерский монастырь в XIX в.

монастырем до 1800 г., после чего был переведен в Смоленский Бизюков монастырь, где и скончался.

Отметим, что архимандриты Варлаам и Петр состояли также одновременно членами консистории и ректорами Псковской семинарии⁹.

В первой трети XIX столетия строительная история обители была связана с именем архимандрита Венедикта (Постникова). В годы его управления монастырем — без малого 35 лет — в обители появились два значительных сооружения. Первым на средства участников Отечественной войны 1812 г. был возведен Михайловский собор — своеобразный храм-памятник. Построенный столичным архитектором Л. Руска в модном тогда «классическом» стиле, он хорошо вписался в монастырский ансамбль, органично дополнив «калейдоскоп» архитектурных стилей и эпох в сооружениях Печерской обители. Вторым, сразу после завершения строительства собора, в 1833–1835 гг. на месте деревянной трапезной и кухни был построен новый кирпичный братский корпус в стиле классицизма. В дни Отечественной войны 1812 г. настоятель проявил инициативность, совершив крестный ход со святынями монастыря в г. Псков. Милостью Божией город был избавлен от разорения, т. к. граф Витгенштейн остановил дальнейшее продвижение французов. В знак благодарности, согласно прошению псковичей, в 1813 г. монастырь был повышен в ранге до первоклассного. В период настоятельства отца Венедикта особое попечение о монастыре имел архиепископ Псковский Евгений (Болховитинов). Он сохранил древний Никольский храм, перенеся место постройки нового Михайловского собора в прясла северо-восточной стены крепостной ограды. Также на основании хранящихся в обители рукописей было составлено описание монастыря с изложением его истории, изданное в Дерпте в 1821 г.

В 1835 г. в Псково-Печерский монастырь был переведен настоятель грузинской Давидо-Гареджийской пустыни архимандрит Антоний II (Благовещенский). После 9-летнего управления монастырем 18 декабря 1844 г. он скончался.

⁹ Там же. С. 79.

С 24 января 1845 г. по 1850 г. монастырем управлял архимандрит Антоний III (Шокотов), переведенный из Спасо-Елеазаровского монастыря. Он окончил Киевскую духовную академию и долгое время занимался педагогической деятельностью, будучи в течение нескольких лет ректором Псковской духовной семинарии. Подробных сведений о его деятельности в Псково-Печерском монастыре не сохранилось. Время его настоятельства было омрачено пожаром 1848 г., уничтожившим настоятельские покои, казначейский дом и некоторые братские кельи. В 1850 г. отец Антоний был назначен епископом в Саратов.

19 мая 1850 г. настоятельство в монастыре принимает архимандрит Никон II (Шеглов), одновременно бывший ректором Псковской духовной семинарии. Он получил образование в Тульской семинарии и Московской духовной академии. Монастырем правил до 1856 г.¹⁰

С 1856 г. монастырем управляет архимандрит Аполлос (Беляев). Он в 1839 г. закончил Киевскую духовную академию со степенью старшего кандидата, с правом на получение магистерской степени без предварительного испытания. В 1842 г. получил степень магистра и был назначен инспектором, а затем и ректором Астраханской духовной семинарии. С 1849 г. является настоятелем Архангельского Иоанно-Предтеченского монастыря. В 1856 г. назначен ректором Псковской духовной семинарии и одновременно настоятелем Псково-Печерского монастыря. Архимандрит Аполлос управлял монастырем 8 лет и за это время проявил себя незаурядным проповедником. В 1857 г. им были изданы «Слова на церковные праздники» (Псков, 1857 г.)¹¹. Интересуясь историей монастыря и имея под руками ценные исторические материалы, как в самом монастыре, так и в Пскове, архимандрит Аполлос предпринимает описание Псково-Печерского монастыря, изданное в 1860 г. Во время его настоятельства в монастыре были выложены при входе в пещеры кирпичные стены, украшен ряд икон, отреставрирован древний запустевший крест. В 1864 г. он был рукоположен во епископа Старорусского. С 1866 г. — епископ Ладожский, викарий Петербургский, в том же году назначен епископом Вятским и Слободским, где и умер в 1885 г.¹² В Петербурге он издал «Пастырские наставления» (СПб., 1864), а в Вятке — «Слова и речи к пастве» (1869).

После архимандрита Аполлоса настоятелями Псково-Печерского монастыря были непосредственно псковские архиереи. Первым стал епископ Феогност (Лебедев), правивший монастырем четыре года. Он окончил Петербургскую духовную академию. Управляя монастырем, епископ Феогност озаботился перестроить здания и храмы на подворье в Пскове, а также обновить имеющиеся там иконы¹³.

С 1868 по 1882 гг. монастырем управляет епископ Павел (Доброхотов). Он, так же как епископ Феогност, учился в Петербургской духовной академии, по окончании которой был поочередно ректором нескольких семинарий. В бытность его настоятелем монастыря в ризнице совершена была кража со взломом дверей. Взяты были разные дорогие вещи и драгоценные камни¹⁴. В семидесятые годы в монастыре проходили масштабные реставрационные работы. В 1870 г. преосвященным Павлом был освящен Сретенский храм, устроенный заместителем монастыря игуменом Нифонтом на месте бывших в трапезной палате Благовещенской церкви двух приделов. 15 августа 1873 г. монастырь праздновал 400-летний юбилей со времени освящения первого в обители храма, заложенного в честь Успения Божией Матери. На это торжество епископ Павел пригласил епископа Рижского Вениамина, псковского губернатора, а также ряд других высокопоставленных лиц¹⁵. В 1876 г.

¹⁰ Там же. С. 79.

¹¹ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1. СПб., 1889. С. 703.

¹² Там же.

¹³ Первоклассный Псково-Печерский монастырь... С. 136.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

епископ Павел постановил, чтобы в Успенском храме на воскресном богослужении после акафиста, а также после ранней литургии, вместо запричастного пели пред чудотворной иконой Успения следующую молитву: «К кому возопию, Владычице, к кому прибегну в горести моей...» Заботой епископа Павла была украшена чудотворная икона Одигитрии Пресвятой Богородицы, а также освящена и впервые им возложена неугасимая серебряная лампада пред иконою Божией Матери Успения. 8 ноября 1881 г. в Псково-Печерском монастыре отмечался 300-летний юбилей чудесной защиты монастыря при осаде его в 1581 г. войском Стефана Батория¹⁶. Торжества возглавил епископ Павел. После окончания Божественной литургии, совершенной в Михайловском храме, он обратился к верующим с пространной речью по поводу празднования юбилея. В своей речи владыка ярко живописал картину героической и славной защиты Пскова и Печор в тяжелые дни сражений. Вслед за тем совершена была панихида о всех воинах, «на поле брани убиенных». Сказанная владыкой речь была издана Псковской типографией в 1882 г., а еще раньше, в 1872 г., было издано исследование о латышах и эстах в прибалтийских губерниях под названием: «Кое-что из прежних занятий, Павла епископа Псковского». В 1882 г. епископ Павел был переведен на Олонецкую кафедру.

Во Псков был назначен епископ Нафанаил (Соборов). Правил он монастырем с 1882 по 1885 гг. Образование получил в Киевской духовной академии, после ее окончания был ректором Тверской семинарии, впоследствии — епископом Архангельским и Холмогорским. Управляя Печерским монастырем, он в 1883 г. дал распоряжение списать в пещерах сохранившиеся там надгробные надписи. В том же году был выстроен двухэтажный деревянный настоятельский дом и небольшой свечной завод¹⁷.

С конца 1884 г., согласно распоряжению Св. Синода, управление монастырем было изъято из ведения Псковских архиереев. Им, как и раньше, стали управлять архимандриты. Поэтому после настоятельства епископа Нафанаила монастырем управляет архимандрит Павел (Шкарин). Являясь постриженником Печерского монастыря, он еще при настоятельстве епископа Павла (Доброхотова) в 1876 г. был назначен наместником. С января 1885 г. он управляет монастырем на правах настоятеля. При нем была устроена в монастыре церковно-приходская школа, украшены иконы Троицы и Архистратига Михаила. В 1888 г. в Михайло-Архангельском соборе был устелен мозаичный пол, а в западной стене собора устроена вторая железная распашная дверь. 22 декабря 1890 г. архимандрит Павел скончался и погребен в пещерах¹⁸.

28 декабря 1890 г. в Печерский монастырь был переведен наместник Александро-Невской лавры архимандрит Иннокентий (Данилов), временно управлявший Русской Алеутской епархией в Сан-Франциско. Он исходатайствовал перед Псковской консисторией разрешение на строительство жилого здания для братии. Из его рапорта видно, что в одной келье помещались по три-четыре монаха¹⁹. Согласно решениям консистории, в монастыре был выстроен двухэтажный жилой дом, сделан новый постамент для чудотворной иконы Успение, обновлена металлическая риза на престоле Успенского собора, устроена новая рака для мощей преподобного Корнилия, украшены ризы ряда икон, а также значительно умножена церковная ризница. Управляет отец Иннокентий монастырем до ноября 1893 г.²⁰

18 февраля 1894 г. в Псково-Печерский монастырь был переведен из Никандровой пустыни архимандрит Мефодий (Холмский). При нем монастырь широко развернул благотворительную деятельность. Из отчетов за 1904 г. видно, что деньги посылались в пользу больных и раненых на Дальнем Востоке и в пользу Красного Креста. В бытность его настоятелем построено было двухэтажное каменное здание братской трапезы с кельями в нижнем этаже, выстроены скотный двор и баня,

¹⁶ Там же. С. 80.

¹⁷ Там же. С. 138.

¹⁸ Там же. С. 81.

¹⁹ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 499. Оп. 1. Д. 41. Л. 2.

²⁰ Там же.

Епископ
Арсений (Стадницкий)

вызолочены иконостасы Успенского и Михайловского соборов. С лета 1904 г. епископ Арсений (Стадницкий) начал совершать ревизионные поездки по епархии, посещая и монастыри. В 1905 г., после посещения Псково-Печерского монастыря на храмовый праздник Успения Пресвятой Богородицы 14–15 августа, он отметил в своем дневнике: «Оба дня служил... Народу масса — тысяч десять... Раньше монастырь процветал как качеством, так и количеством иночествующих. Ни того, ни другого нельзя сказать теперь. Иночествующих человек двенадцать, а всей братии — около 20. Теперь еще кое-как поддерживается настоятелем его, благочестивым старцем о. архимандритом Мефодием, который имеет значительное нравственное влияние на братию. Но старец, которому семьдесят пять лет, уже немощный и не может следить за братиею, состоящею из простых, необразованных иноков и послушников, и потому нравственное состояние братии далеко не безупречно. И это монастырь, который считается одним из лучших монастырей Псковской епархии.

А что сказать о других?!»²¹ 5 апреля 1906 г. архимандрит Мефодий скончался²².

Через две недели указом Синода за № 4336²³ на должность настоятеля Печерского монастыря назначен из Никандровой пустыни — в которой, по мнению епископа Арсения, сохранялся иноческий дух — архимандрит Никодим. Постриженник Московского Сретенского монастыря отличался деятельным характером: при нем была восстановлена живопись на чудотворной иконе Божией Матери Успения, проведено отопление в пещерный Успенский собор, построена часовня над артезианской скважиной, в монастыре проложен водопровод. Однако после посещения в 1907 г. монастыря архиепископ Арсений с сожалением написал в дневнике: «... архимандрит Никодим... вежливый, старательный, но несколько не выдержанный в отношении к братии. Заботится о внешнем благолепии монастыря. Служба успенская прошла очень хорошо, но благодаря моим певчим, а не собственным силам монастыря. Какая разница между Спасо-Елеазаровскою обителью (в ней год назад тоже был поставлен новый настоятель), и не в пользу Печерской. Там веет духом монастырским, здесь его нет»²⁴. 24 января 1908 г. отец Никодим был принят Николаем II, которому подарил икону святителя Николая. 5–13 июля 1909 г. отец Никодим участвовал в заседаниях первого Всероссийского иноческого съезда в Троице-Сергиевой лавре. 8 июля 1911 г. встречал в Псково-Печерском монастыре великую княгиню Елизавету Фёдоровну. В 1912 г. архимандрит Никодим подал рапорт в Псковскую консисторию о переводе монастыря в число общежительных, и благодаря его стараниям монастырь становится общежительным. 9 сентября 1914 г. архимандрита Никодима перевели в Юрьевский монастырь Новгородской епархии²⁵.

²¹ Цит. по: *Ефремова О. Н.* Проблемы монашествующих в Псковской епархии в 1903–1910 гг. и попытки их разрешения преосвященным Арсением (Стадницким) // *Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История русской православной Церкви.* 2017. № 76. С. 37–53.

²² ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.

²³ Там же. Л. 4.

²⁴ Цит. по: *Ефремова О. Н.* Проблемы монашествующих в Псковской епархии... С. 48.

²⁵ ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

26 августа 1914 г. указом Синода за № 14189 в Псково-Печерский монастырь переводится из Кашинского Дмитриевского монастыря Тверской епархии архимандрит Августин (Синайский). Он окончил Петербургскую духовную академию, после которого был время ректором духовной семинарии в Ставрополе. Известен как автор некоторых трудов по расколу. В бытность его настоятелем в обители особых ремонтных и реставрационных работ не проводилось. 2 марта 1917 г. он был переведен в Александро-Невскую лавру, где 1-го января 1918 г. скончался.

Подвести итог и сделать выводы о том, как синодальный период отразился на жизни не только Печерского, но и других монастырей Псковщины, помогут горькие заметки архиепископа Арсения (Стадницкого), в которых он писал о том, что «монашество совершенно пало... монастыри не удовлетворяют своему назначению, производя соблазн... нужно сократить их число и оставить, например, в Псковской епархии несколько, но с тем, чтобы они были настоящими местами благочестивой жизни. Нужно бы это сделать церковной власти, а то дождемся, когда возьмется за это государство... как было при [императрице] Екатерине»²⁶.

Синодальный период явился для Псково-Печерского монастыря еще и тем временем, когда происходило расширение его архитектурного ансамбля. Также в ту эпоху прекращается традиция захоронений в монастырских пещерах благотворителей обители.

С конца XVIII в. в Российском государстве началось возрождение монашества, в монастыри потянулись богомольцы в поисках духовных наставников. И такие наставники появлялись. Не исключением была и Псково-Печерская обитель. Так, в это время в монастыре подвизался преподобный Лазарь Прозорливый, который прозревал мысли посетителей, а в беседе иногда явно открывал прошедшее и будущее из жизни некоторых и давал соответствующие наставления.

В XIX в. у правительства Российской империи изменяется отношение к Церкви, монастырям. Приходит понимание необходимости твердых духовных опор государства, и именно эту опору Александр I видит в монашестве. Его благосклонное отношение к монастырям продолжают и Николай I, и Александр III, но венчает вереницу благочестивых императоров Николай II, прославленный в лике святых. XIX век отмечен в истории обители визитами представителей царствующего рода. Так, в 1819 и 1822 гг. в монастыре гостил Александр I. Посетившие обитель в 1878 г. великие князья Сергей и Павел Александровичи, Дмитрий и Константин Константиновичи пожертвовали к чудотворной иконе Успения Пресвятой Богородицы роскошную серебряную лампаду, висящую там и поныне. В 1903 г. в монастыре побывал Николай II с императрицей Александрой Федоровной.

Отметим, что для конца синодального периода характерно довольно активное участие многих государственных деятелей (включая членов царской семьи) и аристократов в поддержке миссионерской деятельности и благотворительности.

Таким образом, Псково-Печерский монастырь в синодальный период не только претерпевал беды и различные трудности, но и расцветал как в архитектурном плане, так и в плане монашеской традиции, старчества, дабы предстать в настоящее время настоящей жемчужиной Русской Православной Церкви.

Источники и литература

1. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1. СПб., 1889.
2. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 499. Оп. 1. Д. 41.
3. ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. 65.

²⁶ Цит. по: Ефремова О. Н. Проблемы монашествующих в Псковской епархии... С. 37–53.

4. *Ефремова О. Н.* Проблемы монашествующих в Псковской епархии в 1903–1910 гг. и попытки их разрешения преосвященным Арсением (Стадницким) // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История русской православной Церкви. 2017. № 76. С. 37–53.
5. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XI. СПб., 1903.
6. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XIV. СПб., 1910.
7. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XX. СПб., 1908.
8. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XXIII. СПб., 1911.
9. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XXIX. СПб., 1913.
10. *Титлинов Б. В.* Феофан (Прокопович), архиеп. // Русский биографический словарь. Том XXV. Яблоновский — Фомин. СПб., 1913. С. 399–409.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

П. С. Резухин

**Проблема обеспечения
церковной дисциплины внутри духовного сословия
в конце XIX — начале XX вв.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_321

Аннотация: В статье предпринимается попытка осмысления проблемы церковной дисциплины представителями приходского духовенства в конце XIX — начале XX вв. Автор на основе архивных данных рассматривает разные формы проявления и последствия нарушения норм канонического права священно- и церковнослужителями Тульской епархии, большинство из которых были обусловлены комплексом причин, среди которых выделяются напряженные отношения с паствой и сложное материальное положение самого духовенства. Существенное влияние на развитие исследуемого явления оказало разрушение социальной структуры российского общества и политизация населения в позднеимперскую эпоху. Особенно остро проблема обеспечения церковной дисциплины внутри клира встала в начале XX в., когда духовенство начало активно высказываться с амвона о событиях, происходящих в стране с разных идеологических позиций. В статье делается вывод, что неисполнение предписаний церковного устава не было массовым явлением, но при этом имело существенные негативные последствия для имиджа клириков в обществе, отражая процесс трансформации ценностей внутри духовного сословия.

Ключевые слова: церковь, империя, синодальная система, духовенство, духовная консистория, церковное право, правосудие, церковная дисциплина, попечительства, приход, миряне, сословный строй.

Об авторе: **Петр Сергеевич Резухин**

Преподаватель Тульской духовной семинарии, аспирант Московской духовной академии.

E-mail: mitra2003@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0717-5853>

Ссылка на статью: Резухин П. С. Проблема обеспечения церковной дисциплины внутри духовного сословия в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 321–328.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

P. S. Rezukhin

**The Problem of Ensuring
Church Discipline within the Clergy
in the late 19th–Early 20th Centuries**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_321

Abstract: The article attempts to comprehend the problem of church discipline by representatives of the parish clergy in the late 19th–early 20th centuries. On the basis of archival data, the author examines various forms of manifestation and the consequences of violation of the norms of canon law by clergy and clergymen of the Tula Diocese, most of which were caused by a number of reasons, among which are the tense relations with the flock and the difficult financial situation of the clergy themselves. The destruction of the social structure of Russian society and the politicization of the population in the late imperial era had a significant impact on the development of the phenomenon under study. The problem of ensuring church discipline within the clergy became especially acute at the beginning of the 20th century, when the clergy began to actively speak out from the pulpit about the events taking place in the country from different ideological positions. The article concludes that failure to comply with the prescriptions of the church charter was not a mass phenomenon, but at the same time had significant negative consequences for the image of clergy in society, reflecting the process of the transformation of values within the spiritual class.

Keywords: church, empire, Synodal system, clergy, spiritual consistory, church law, justice, church discipline, guardianship, parish, laity, class system.

About the author: **Petr Sergeevich Rezukhin**

Lecturer at Tula Theological Seminary, post-graduate student at Moscow Theological Academy.

E-mail: mitra2003@mail.ru

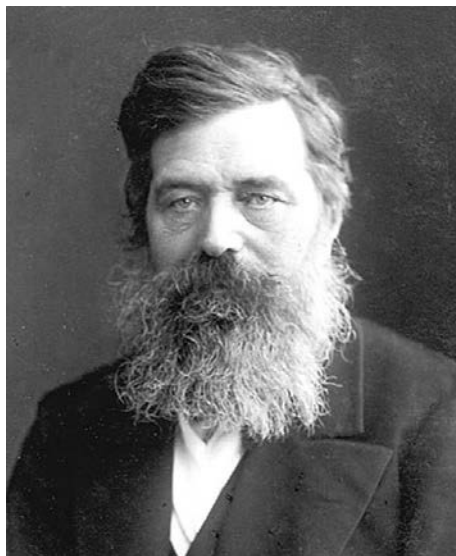
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0717-5853>

Article link: Rezukhin P. S. The Problem of Ensuring Church Discipline within the Clergy in the late 19th–Early 20th Centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 321–328.

* Photos are taken from the open sources.

Проблема соблюдения церковной дисциплины священно- и церковнослужителями была актуальна во все периоды существования этого сословия. В то же время в конце XIX — начале XX вв. следование правилам церковного устава приобретает особое значение: в условиях развития секулярных идей использование возможностей канонического права и административного потенциала синодальной системы обеспечивало жизнестойчивость духовного сословия и его целостность. Об актуальности поддержания дисциплины внутри духовного сословия заявляли многие современники. Являясь выходцами из духовного сословия, они критически оценивали морально-нравственное состояние православных пастырей на рубеже XIX–XX вв. Так, историк и преподаватель Казанской духовной академии П. В. Знаменский с грустью отмечал утрату представителями Церкви последнего авторитета, превращение их в людей отсталых и даже враждебных прогрессу, достигнутых «новым прогрессивным движением совершенно врасплох» и не способных к нему приспособиться¹.

Близкой точки зрения придерживался видный публицист и богослов второй половины XIX в. Н. П. Гиляров-Платонов, писавший, что в момент, когда Церкви необходимы лучшие люди, в ее рядах появляются «худшие люди», не имеющие призвания и думающие о материальной наживе, не способные переносить трудности вместе с паствой «и положить за нее душу»². Вероятно, появление критических отзывов в отношении православных пастырей было обусловлено как реалиями пореформенной России, так и мыслями о совершенствовании церковно-приходской жизни,

Н. П. Гиляров-Платонов

тон которой задавало именно приходское духовенство. Справедливости ради следует отметить, что российская действительность давала и немало примеров истинного подвижничества и героизма священно- и церковнослужителей, переносивших все тяготы существования вместе со своими прихожанами в условиях регулярных продовольственных кризисов и голода, например 1891–1892 гг.³

В современной историографии существуют разные подходы к осмыслению проблемы церковной дисциплины православным духовенством в означенный период. Широко распространённым является мнение, согласно которому духовенство к началу XX в. начало активно трансформироваться, при этом оставаясь наиболее образованной социальной группой, отличавшейся высокими нравственными качествами и, соответственно, правосознанием⁴.

¹ Знаменский П. В. Православие и современная жизнь (к полемике 60-х гг.). М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1906. С. 5.

² Гиляров-Платонов Н. П. Нечто о русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева: (Открытое письмо ему). Лейпциг, 1888. С. 4.

³ См.: Понарин П. В. Православное духовенство в условиях голода 1891–1892 гг. в губерниях Центрально-Черноземного региона // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 53–58.

⁴ Мангилева А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в.: дисс... докт. истор. наук. Екатеринбург, 2015. С. 318; Васильева А. В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: дисс... канд. истор. наук. Омск, 2015. С. 139.

Интерес представляет тезис об относительно низкой криминогенности духовного сословия, который бы впервые выдвинут и обоснован Б. Н. Мироновым⁵. Он оказался поддержан другими исследователями (А. И. Конюченко, А. В. Штепа), которые фиксируя многочисленные случаи распущенности клириков на материалах центральных и региональных архивов, пришли к выводу, что количество правонарушений и проступков, совершенных священством, значительно уменьшилось — с 499 в 1893 г. до 340 в 1902 г.⁶ Среди пороков духовных лиц ведущее место отводилось пьянству, — в среднем за год наказывался 191 клирик. За «неблагоповедение» наказывалось 47 человек, за небрежность выполнения обязанностей — 33 человека и за повенчание незаконного брака — 25 человек. Нарушением церковной дисциплины считалось и вымогательство платы за требы. За этот проступок к ответственности привлекалось в среднем 18 пастырей за год.

Следует признать, что неисполнение норм церковного и светского права не было широко распространенным явлением в духовной среде. Во многом это объяснялось строгостью церковного устава. Ответственность за неисполнение предписаний канонического права не претерпела изменений на протяжении веков и означала «извержение» по правилам святых Отцов, предусматривавшее лишение «всех прав священной степени и церковного служения и низведение в состояние мирянина, без надежды на возвращение потерянных прав и звания»⁷. Кроме этого, существовали и иные менее тяжкие наказания, такие как запрещение священнослужения с оставлением права пользоваться материальными доходами с местами, а также лишения какого-либо права, например права проповедовать или совершать поставление клириков. Многие церковноправовые предписания, особенно касавшиеся положения вдовствующего духовенства, на рубеже XIX–XX вв. выглядели архаично и вызывали недовольство пастырей⁸.

Как представляется, нарушение церковной дисциплины иереями следует характеризовать не массовым явлением, но имеющим существенные негативные последствия для имиджа клириков в обществе. Кроме того, оно проявлялось как в профессиональной, так и личной жизни пастырей. Подтверждением сказанному служат материалы делопроизводства духовных консисторий. Определенный интерес для исследователя представляли неопубликованные источники, собранные в фонде 3 «Тульская духовная консистория» Государственного архива Тульской области. Духовные консистории, созданные в каждой епархии по указу Св. Синода 15 июня 1742 г.⁹, являлись воплощением церковного правосудия. Задачей этого органа, порожденного синодальной системой, стало искоренение пороков среди духовенства и мирян.

Духовные консистории рассматривали разные дела приходских священников, среди которых имели место не только случаи пьянства, отказов от исполнения треб, непочтительного отношения к вышестоящему епархиальному начальству, но и скрытые и прямые конфликты с паствой¹⁰.

Причины таких ситуаций были разные. К ним можно отнести создание попечительств, усиление влияния церковных старост (ктиторов), избравшихся из среды помещиков или зажиточного крестьянства, и диктовавших свою волю причту. Это

⁵ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. 2-е изд., испр. СПб., 2000. Т. 2. С. 95.

⁶ *Конюченко А. И.* Православное духовенство России во второй половине XIX — начале XX века: Дисс. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2006. С. 237.

⁷ *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права. Казань, 1888. С. 182.

⁸ *Иконников С. А.* Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX — начала XX века. Социокультурная характеристика: дисс... канд. истор. наук. Воронеж, 2015. С. 74.

⁹ См.: *Палибин Н. И.* Устав духовных консисторий: с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената. СПб., 1900. 232 с.

¹⁰ См.: ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 2051. Дело об отказе священником Предтеченской церкви села Частые Колодези Крапивинского уезда Василием Сергиевским венчать браки крестьян из деревни Акулово (1886).

Тульская духовная консистория

могло приводить как скрытым, так и открытым конфликтам. Стороны обращались в консисторию¹¹. В таких ситуациях священно- и церковнослужители выступали в роли ответчиков, но чаще подозреваемых и обвиняемых.

В качестве решения консистория обращала внимание не только на неприемлемое поведение старосты, который не являлся единоличным хозяином в приходе, но и требовала от благочинного следить за неблагополучным приходом: «Поставить на вид священнику, что во всех его объяснениях и выписках из бумаг, приложенных к следственному делу, усматривается только начальственное отношение к старосте (на сие указывает и благочинный), но незаметно того пастырски кроткого и снисходительного отношения к избраннику прихода, какого отношения он, староста, заслуживает по своему положению, как соратник священника в деле благоустройства Храма Божия»¹². Подобные случаи были не единичны и, к сожалению, составляли тенденцию в конце XIX в. При этом не всегда церковное правосудие оказывалось на стороне священников.

Нарушением священнического долга, а соответственно, и нарушением церковной дисциплины считалось неказание пастырской помощи прихожанам во время голода и эпидемий. Приведем пример. В августе 1893 г. священник села Хрущево Тульского уезда Сергей Соколов обвинялся в отказе от напутствия больных холерой¹³. Основанием для возбуждения дела консисторией стал телеграмма врача Мясоедова на имя тульского архиерея о том, что священник села Хрущево Тульского уезда Сергей Соколов отказывается от напутствия Св. Таинствами Исповеди и Причастия больных холерой¹⁴. В ходе проведенного расследования была установлена виновность клирика, отказавшего исполнять свои прямые обязанности, и на иерея была наложена

¹¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 3472. Дело о соре священника Вокресенской церкви села Дарищи Ефремовского уезда Иоанна Глаголева с церковным старостой Романом Домрачевым (1893).

¹² Там же. Л. 163 об. –164.

¹³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 3401. Отказ священника села Хрущево Тульского уезда от напутствия больных холерой (1893).

¹⁴ Там же. Л. 3.

епитимия (удален на 2 месяца в Свято-Духов монастырь с записью судимости в послужном списке). В решении консистории отмечалось, что священник Соколов отличался таким же поведением и в холерное время 1872 г., когда вследствие бестактных его действий крестьяне села Хрущева были близки к настоящему бунту¹⁵. Священник Сергей Соколов был изобличен в том, что он во время холерной эпидемии не всегда исполнял пастырские обязанности в отношении больных холерою.

Особенно остро проблема обеспечения церковной дисциплины внутри клира встала в начале XX в., когда духовенство начало активно высказываться с амвона с разных идеологических позиций о событиях, происходящих в стране. Причиной было решение Св. Синода перейти к политике обновления приходской жизни и расширения круга пастырской деятельности¹⁶. В то же время духовенство оставалось сословием, которое не могло пока высказывать свое мнение без одобрения благочинных и епархии, поэтому всякие дискуссии внутри причтов, а также беседы с паствой пресекались посредством применения норм канонического права.

В большинстве случаев на священников налагалась епитимия, а в случае недоказанности обвинений клириков перемещали в другой приход под надзор старшего священника, с рекомендацией вести себя осторожнее. В частности, такие санкции последовали в отношении священников Богородицкого уезда, собравшихся в частном порядке обсудить предстоящие церковные преобразования, потому что собрание было не разрешено, а обсуждаемые вопросы не относились к предметам, подлежащих ведению приходского духовенства¹⁷.

Более жесткие санкции следовали в случае, если священно- и церковнослужители начинали распространять революционные идеи в приходе. В таких ситуациях священники низводились в причетники (псаломщики), а псаломщики исключались из духовного звания и передавались светским властям. Лицам, которые становились косвенными участниками подобных событий, выписывались штрафы от 10 до 25 руб.¹⁸

Действия синодальных и епархиальных церковных властей были также направлены на предотвращение влияния со стороны клириков, запрещенных в служении. Приведем пример. В 1896 г. в имении сельца Волохова Каширского уезда поселился с семьей П. П. Райский, бывший священник Нижегородской епархии, лишенный сана¹⁹. Приходской священник А. Соколов так описывал его взгляды: «Действительно, бывший священник Райский предстал передо мной в пиджаке и брюках на выпуск с коротко остриженными волосами и отрекомендовался просто Павлом Петровичем Райским. Сидя с ним за одним столом и слушая его разговоры, я лично убедился в его вольномысленном, холодном взгляде на устройство православных храмов и на обряды православной церкви, в его симпатии к католическому и лютеранскому богослужению... в его симпатиях к идеям и сочинениям графа Льва Толстого, которым он втайне сочувствует и отстаивает при всяком удобном случае. Русских людей в общем и мужика в частности, судя по его взглядам на религию, он считает людьми крайне неразвитыми, исповедающими свою веру лишь из страха наказания, а не по убеждению, что особенно рельефно выдавалось на вид в крепостные времена»²⁰. При выяснении личности оказалось, что П. П. Райский был в 1894 г. лишен сана за двукратный побег к раскольникам

¹⁵ Там же. Л. 108.

¹⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 723. Дело об обновлении приходской жизни и расширения круга пастырской деятельности (1905–1906 гг.).

¹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 3511. Л. 2.

¹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 3649. Л. 48. Дело о священнике церкви села Остропять, Ефремовского уезда, Николае Зерцалове, обвиняемым в том, что в доме его на поминальном обеде по умершем сыне Сергее, вместо стихаря «зряще мя безгласно...» молодыми людьми пропелся похоронный марш и одним из первых выделялся голос местного псаломщика Павла Сорокина (1908–1909).

¹⁹ ГАТО Ф. 3. Оп. 7. Д. 4413. Дело о распространении запрещенным священником вредного в религиозно-нравственном отношении влияния (1896).

²⁰ Там же. Л. 3.

и находился в заключении в арестантском отделении Суздальского Спасо-Ефимиева монастыря Владимирской епархии, но вследствие его прощения был освобожден от заключения²¹. Священник жаловался благочинному, что «о появлении в своем приходе такой загадочной личности, как Райский, я был вынужден самой необходимостью, так как мне одному, без содействия полиции, нет возможности уследить за образом жизни и действиями Райского в области религиозной»²².

Проявлением неповиновения церковной дисциплине можно также считать уклонение в раскол православных пастырей. Это явление не было столь широко распространено, но периодически Св. Синод сообщал о священниках, отпадающих от Православия²³.

Таким образом, нарушение церковной дисциплины внутри духовного сословия на рубеже XIX–XX вв. выражается в новых формах, что явно отражало ситуацию, сложившуюся в обществе. Духовенство стало чаще высказываться на злобу дня, выходить в своей деятельности за рамки прихода. Подобная радикализация представителей духовного сословия неизбежно вела к неисполнению положений канонического права. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что нарушение церковной дисциплины не было массовым явлением, но, в то же время, имело существенные негативные последствия для имиджа клириков в обществе, отражая процесс трансформации ценностей внутри духовного сословия.

Источники и литература

1. Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888.
2. Васильева А. В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: дисс... канд. истор. наук. Омск, 2015.
3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 3649 «Дело о священнике церкви села Остропать, Ефремовского уезда, Николае Зерцалове, обвиняемом в том, что в доме его на поминальном обеде по умершем сыне Сергее, вместо стихаря “зряще мя безгласно...” молодыми людьми пропелся похоронный марш и одним из первых выделялся голос местного псаломщика Павла Сорокина» (1908–1909).
4. ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 2051. Дело об отказе священником Предтеченской церкви села Частые Колодези Крапивенского уезда Василием Сергиевским венчать браки крестьян из деревни Акулово (1886).
5. ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 3472. Дело о ссоре священника Вокресенской церкви села Дарищи Ефремовского уезда Иоанна Глаголева с церковным старостой Романом Домрачевым (1893).
6. ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 723. Дело об обновлении приходской жизни и расширения круга пастырской деятельности (1905–1906).
7. Гиляров-Платонов Н. П. Нечто о русской церкви в обер-прокурорство К. П. Победоносцева: (Открытое письмо ему). Лейпциг, 1888.
8. Знаменский П. В. Православие и современная жизнь (к полемике 60-х гг.). М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1906.
9. Иконников С. А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX — начала XX века. Социокультурная характеристика: дисс... канд. истор. наук. Воронеж, 2015. 416 с.
10. Конюченко А. И. Православное духовенство России во второй половине XIX — начале XX века: дисс... докт. ист. наук. Челябинск, 2006. 596 с.

²¹ Там же. Л. 6–6 об.

²² Там же. Л. 12–12 об.

²³ Распоряжения начальства. Определение Св. Синода // Тульские епархиальные ведомости. 1886. № 12. 15 июня. С. 205–209.

11. *Мангилева А. В.* Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в.: дисс... докт. истор. наук. Екатеринбург, 2015.
12. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. 2-е изд., испр. Т. 2. СПб., 2000.
13. *Палибин Н. И.* Устав духовных консисторий: с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената. СПб., 1900. 232 с.
14. *Понарин П. В.* Православное духовенство в условиях голода 1891–1892 гг. в губерниях Центрально-Черноземного региона // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 53–58.
15. Распоряжения начальства. Определение Св. Синода // Тульские епархиальные ведомости. 1886. № 12. 15 июня. С. 205–209.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Священник Вячеслав Савинцев

**Уголовные дела в отношении старообрядцев
в Рязанской епархии во второй половине XIX в.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_329

Аннотация: В статье анализируются уголовные дела Рязанского окружного суда в отношении старообрядцев Рязанской губернии во второй половине XIX в. Дела заводились в отношении рязанских старообрядцев разных согласий (поповцы и беспоповцы), которые нарушали действующее законодательство, устраивая нелегальные моленные у себя на земельных участках, либо препятствовали своим родственникам переходить в Православие. Анализ дел показывает, что реальное нарушение законодательства не всегда было налицо. Нередко служители закона проявляли чрезмерную ревность в обвинении староверов. Были даже случаи, когда Рязанский суд выносил оправдательный приговор. Однако, если старообрядцы не находили справедливости в местном суде, то они подавали апелляцию в Московский суд, и довольно часто выигрывали дела. Необходимо продолжать выявление уголовных дел, поскольку полученная информация позволяет полнее взглянуть на государственно-конфессиональные отношения в Российской империи в отношении старообрядцев в XIX — начале XX вв. Материалы для данной статьи были выявлены в Российском государственном архиве древних актов и Государственном архиве Рязанской области. Приводимая информация впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: старообрядчество, беспоповцы, раскол, церковная реформа, Рязанская епархия, уголовные дела, Русская Православная Церковь, моленная, гонения, священник Александр Америков.

Об авторе: **Священник Вячеслав Александрович Савинцев**

Кандидат богословия, и. о. заведующего кафедрой Исторических и церковно-практических дисциплин Рязанской православной духовной семинарии.

E-mail: adaniram@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3881-9225>

Ссылка на статью: Савинцев В., свящ. Уголовные дела в отношении старообрядцев в Рязанской епархии во второй половине XIX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 329–335.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Priest Vyacheslav Savintsev

**Criminal Cases against Old Believers in the Ryazan Diocese
in the Second Half of the 19th Century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_329

Abstract: The article analyzes the criminal cases of the Ryazan District Court against the Old Believers of the Ryazan province in the second half of the 19th century. Cases were started in relation to the Ryazan Old Believers of different accords (Priested and Priestless), who violated the current legislation, arranging illegal prayer services on their land plots, or prevented their relatives from converting to Orthodoxy. An analysis of the cases shows that a real violation of the law was not always evident. Often the ministers of the law showed excessive zeal in accusing the Old Believers. There were even cases when the Ryazan court passed an acquittal. However, if the Old Believers did not find justice in the local court, then they appealed to the Moscow court, and quite often won cases. It is necessary to continue identifying criminal cases, since the information received allows a fuller look at the state-confessional relations in the Russian Empire in relation to the Old Believers in the 19th–early 20th centuries. Materials for this article were identified in the Russian State Archives of Ancient Documents and the State Archives of the Ryazan Region. This information is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Old Believers, Bespopovtsy, schism, church reform, Ryazan Diocese, criminal cases, Russian Orthodox Church, prayer, persecution, Priest Alexander Amerikov.

About the author: **Priest Vyacheslav Alexandrovich Savintsev**

Candidate of Theology, Acting Head of the Department of Historical and Church-Practical Disciplines of the Ryazan Orthodox Theological Seminary.

E-mail: adaniram@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3881-9225>

Article link: Savintsev V., priest. Criminal Cases against Old Believers in the Ryazan Diocese in the Second Half of the 19th Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 329–335.

* Photos are taken from open sources.

Буквально с момента своего появления в середине XVII в. и вплоть до 1905 г. старообрядчество уголовно и административно преследовалось государственной властью. Справедливости ради стоит отметить, что были периоды, когда староверы в Российской империи чувствовали себя менее гонимыми от властей, например, в период правления Екатерины II или Александра I. Однако в целом представители старого обряда до издания в начале XX в. «Высочайшего Указа об укреплении принципов веротерпимости» не имели возможности в Российской империи свободно молиться, строить моленные и храмы и проповедовать свою веру.

К сожалению, не по всему обозначенному временному промежутку сохранились обширные материалы, описывающие репрессивную политику государства в отношении старообрядцев в Рязанской епархии. Довольно часто архивные документы по истории государственно-политических взаимоотношений со староверами представлены в виде отчетов полицейских или благочинных. Однако среди архивных документов встречаются и материалы уголовных дел, относящихся ко второй половине XIX в. Так, в Российском государственном архиве древних актов в 1431 фонде («Дела окружных и уездных судов и других местных учреждений о раскольниках и сектантах») выявлены дела Московского окружного суда, касающихся рязанских староверов. Материалы по староверам были переданы туда из Рязанского окружного суда. Судебные разбирательства инициировались не всегда по желанию православных священнослужителей, нередко сами гражданские представители на местах не прочь были «бороться» с ревнителями старой веры, добиваясь, в частности, закрытия и даже разрушения их моленных.

В 1870 г. Рязанский окружной суд рассматривал дело Андрея Ивановича Бармашева, старообрядца-беспоповца, жителя Пронского уезда с. Семенска. История началась

Сафронов М. Н. (праправнук старообрядческого еп. Павла)
показывает место, где располагалась староверческая моленная в с. Исады

в 1864 г., когда Бармашев был обвинен местным священником (имя не установлено) в устройстве на своем участке незаконной моленной. Было проведено следствие, из материалов которого выяснилось, что староверы указанного села со времени раскола Русской Церкви имели собственную моленную. В 1859 г. она была закрыта, а через несколько лет сгорела. «В 1861 г. раскольники поставили на усадьбе крестьянина Бармашева избу, в которой живут старухи, и в эту избу они собираются и отправляют публично богослужение, чего очевидцами, как например, 9 мая 1864 г. они (православный священник и свидетель. — *свящ. В. С.*) были сами. В это время в избе стояли иконы с зажженными перед ними свечами, а на аналое лежали богослужebные книги. В избе было много крестьян, из принадлежащих к расколу»¹.

Вина старообрядца-беспоповца, заключающаяся в создании незаконной моленной и проведении несанкционированных богослужений, была полностью подтверждена. 4 ноября 1870 г. Окружной суд приговорил Андрея Бармашева к пяти месяцам тюрьмы, а незаконную моленную — к слову². Однако Бармашев подал апелляцию в Московскую судебную палату, которая на слушании 14 января 1871 г. в результате повторного расследования не нашла достаточных оснований для подтверждения обвинения, установленного Рязанским окружным судом.

В ходе расследования было установлено, что названная моленная была построена покойным отцом Андрея Бармашева, и моления начали совершаться в ней с согласия Ивана Бармашева, т.е. с 1861 г., когда еще сам Андрей не являлся владельцем здания, а вступил в наследство только после смерти отца. Важно, что по договору дарения (от 5 января 1865 г.) изба обозначалась как дом для содержания престарелых старообрядцев с. Семенска, а не как моленная. Вывод гласил: «Следовательно, задействующим лицом при постройке избы, отдаче ее в аренду и в обращении оной в публичную раскольническую моленную был не доверитель его (Андрей Бармашев. — *свящ. В. С.*), а его отец (Иван Бармашев. — *свящ. В. С.*) или наниматель избы. В таком случае доверитель его мог быть привлечен к делу не как действующее лицо, а как только лицо попускавшее при неведении закона, продолжение исполнения договора, составленного отцом его»³. В результате Московская судебная палата полностью оправдала Андрея Бармашева.

В 1877 г. Рязанский окружной суд рассматривал еще одно дело, касающееся старовера-беспоповца. В незаконном устройстве моленной обвинялся крестьянин с. Кутуково Пронского уезда Матвей Васильевич Гаврюков. Обвинителем выступал местный уездный исправник (имя неизвестно).

Дело началось в 1870 г., когда уездный исправник ранним утром застал старообрядцев в числе 29 человек за молитвой в собственном доме. По заявлению исправника, вся обстановка (горящие восковые свечи, возожжённое паникадило, церковные старопечатные книги, иконы) свидетельствовала о совершаемом богослужении.

В возводимом обвинении Матвей Гаврюков виновным себя не признал. Дело объяснялось тем, что никакой моленной он не устраивал, а осмотренная изба была построена для его сына, на тот момент не жившего в с. Кутуково⁴.

В ходе проведенного расследования выяснилось, что т.н. моленная не представляла отдельного здания и находилась под одной крышей с прочими хозяйственными постройками, тем более что комната не имела отдельного престола и специальной для богослужения утвари. Было установлено, что моления, проводимые М. В. Гаврюковым, не являлись публичным богослужением, а были всего лишь семейной молитвой (никто из соседей не посещал это здание). Одним из доказательств невиновности обвиняемого было то, что собрание проходило глубокой ночью, до рассвета, когда односельчане спали, и никакого соблазна и тем более агитации не было. К тому же «исправник, чтобы застать молящихся, прибегнул к хитрости, производил осмотр в час

¹ РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3341. Л. 3.

² Там же. Л. 23 об.

³ Там же. Л. 28 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3361. Л. 72 об.

Моленная беспоповцев

ночи, переодевшись в крестьянское платье»⁵. На основании представленных суду фактов Рязанский окружной суд вынес Матвею Гаврюкову оправдательный приговор⁶.

В феврале 1874 г. Рязанская духовная консистория передала Рязанскому окружному суду дело, в котором крестьянин Спасского уезда с. Пустотенские Выселки Игнатий Гаврилович Нагаев обвинялся в незаконном устройстве в собственном доме публичной моленной. Главным обвинителем выступал приходской священник Любомиров (имя неизвестно).

И. Г. Нагаеву вменялось в вину незаконное отправление богослужений и различных треб, а также активная проповедь раскольнического вероучения среди своих селян. Иерей Любомиров неоднократно видел в пользовании Нагаевым старопечатных книг, а также наличие у обвиняемого разной богослужебной утвари⁷. Заметим, что привлеченные к делу свидетели (Мариков, Ногаев, Хованов — имена неизвестны) показали, что не знали или не были уверены в наличии у И. Г. Нагаева публичной моленной и его прозелитической деятельности⁸.

Сам обвиняемый вину свою не признал, а найденные богослужебные принадлежности объяснял тем, что взял их на сохранение из сгоревшей старой моленной поповцев. Конфискованные же книги большей частью перешли ему от покойного отца по наследству, некоторые же он приобрел на местном базаре⁹.

20 января 1876 г. Рязанский окружной суд признал И. Г. Нагаева виновным и приговорил к шести месяцам тюремного заключения. Конфискованное имущество переходило в распоряжение духовной консистории, моленная подвергалась слому и передаче строительного материала земскому комитету¹⁰.

⁵ Там же. Л. 73.

⁶ Там же. Л. 74.

⁷ РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3359. Л. 16–17.

⁸ Там же. Л. 18.

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ Там же. Л. 26–26 об.

Однако И. Г. Нагаев подал апелляцию в Московскую судебную палату, которая, проведя свое расследование, 18 марта 1876 г. вынесла оправдательное решение, отменив решение Рязанского окружного суда. Правда, признав Нагаева невиновным, Московский суд не стал заниматься возвращением отобранного имущества староверопоповца. В оправдательном приговоре была приписка, согласно которой все, что касается «до вещей отобранных у Нагаева, уже отправленных в Рязанскую духовную консисторию, а также и книг, от которой и зависит возвращение или невозвращение их Нагаеву, то в суждение по этому поводу не входить»¹¹.

Староверы преследовались не только за устройство незаконных моленных. Так, известно о крестьянке с. Исады Спасского уезда Ксении Ефимовне Ерховой, которая обвинялась в склонении своего сына к переходу из Православия в раскол.

История началась в 1874 г., когда иерей Александр Америков передал благочинному иерею Гавриилу Озерову (тот, в свою очередь, передал ее в Рязанскую духовную консисторию) докладную-обвинительную записку следующего названия: «1) О совращении в раскол крестьянкою села Исад Ксениею Ефимиевою Ерховою

сына своего Антония, 2) о совращении же в раскол села Исад крестьянки Вассы Ивановой Лосевой, 3) о погребении раскольниками православной дочери сей последней младенца Параскевы и 4) об окрещении по раскольническому обряду раскольницею сельца Муратова Евдокиею Никитиною, в отсутствие православного мужа ее, новорожденного сына их Алексия»¹². Относительно К. Е. Ерховой дело усугублялось тем, что она, будучи рожденной в православной семье, перешла к старообрядцам-поповцам и запрещала своему тринадцатилетнему сыну посещать православный храм и училище¹³.

В ходе проведенного расследования второе, третье и четвертое обвинения оказались ложными. В отношении Ерховой ситуация была следующей: во-первых, выяснилась неточность имени в указании сына Ксении Ефимовны, его звали не Антоний, а Степан; во-вторых, Степан добровольно отказался ходить в храм и училище, по собственной воле признав старообрядческую веру; в-третьих, мать не проводила никакой агитации и не оказывала никакого давления на сына¹⁴.

Несмотря на факты, свидетельствующие о невиновности Ерховой, Рязанская духовная консистория 10 февраля 1875 г. передала материалы дела в прокуратуру Рязанского окружного суда. 7 октября 1876 г. дело рассматривалось в окружном суде¹⁵. Главным свидетелем обвинения был иерей Александр Америков, который, доказывая виновность Ерховой в склонении своего сына Степана в раскол, приводил слова местного учителя Деревянина (имя неизвестно), сетовавшего на редкое посещение мальчиком училища и говорящего в свое оправдание, что его не пускает мать, не давая

Священник
Александр Гаврилович Америков
(1844–1904)

¹¹ РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3359. Л. 28–28 об.

¹² ГАРО. Ф. 627. Оп. 239. Д. 87. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 2 об.

¹⁴ Там же. Л. 18.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3360. Л. 2.

обуви и одежды¹⁶. Рязанский окружной суд признал Ерхову виновной и определил «заключить в тюрьму на шесть месяцев, а сына ее Степана отдать на воспитание родственников православного исповедания или за неимением их опекунам, назначив для сего от правительства и тоже православной веры»¹⁷.

Уголовное преследование на государственном и церковном уровне лишь укрепляло и сплачивало общины старообрядцев. Несмотря на ущемления гражданских прав, староверы продолжали сооружать моленные, вести полноценную религиозную жизнь. Опыт переживания преследования от гражданской власти пригодился старообрядческим общинам в XX в., когда советское государство начало уничтожать все религиозные организации в России. Староверы сумели приспособиться и к условиям жизни при безбожной власти, дожив до настоящего времени.

Источники и литература

1. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 627. Оп. 239. Д. 87. Дело о совращении в раскол крестьянкой с. Исады, Спасского уезда Ерховой своего сына. 1871–1875.
2. Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3359. Дело по обвинению крестьянина д. Пустотенские Выселки Спасского уезда в устройстве молитвенного дома. 1874–1876 гг.
3. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3360. Дело по обвинению крестьянки с. Исады Спасского уезда К. Ерховой в позволении сыну отступить от православия. 1875–1877 гг.
4. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3361. Дело по обвинению крестьянина д. Кутуково Пронского уезда М. В. Гаврюкова в устройстве молитвенного дома. 1877 г.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1431. Оп. 1. Д. 3341. Дело по обвинению крестьянина с. Семенск Пронского уезда И. А. Бармашева в устройстве молитвенного дома. 1864–1875 гг.

¹⁶ Там же. Л. 14 об.

¹⁷ Там же. Л. 14–18 об.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

А. В. Сартаков

**Русская богословская наука в синодальный период
в контексте становления «практического» направления**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_336

Аннотация: Статья посвящена анализу становления «практического» направления отечественной богословской науки. Русская богословская наука прошла серьезный путь своего исторического развития. Современный итог развитой духовно-образовательной системы своими корнями уходит в далекое прошлое, благодаря анализу которого современный исследователь может прийти к ряду серьезных выводов, а также ряду важных исторических реконструкций. Цель данной статьи состоит в анализе исторического развития и становления практического профиля в высшей духовной дореволюционной школе. В качестве методологической базы исследования был использован комплект исторических методов: историко-генетический и ретроспективный. Автор приходит к выводу о постепенном развитии практического направления, начиная с реформ высшей духовной школы 1869 г.

Ключевые слова: русская богословская наука, синодальный период, практическое отделение, реформы высшей духовной школы XIX столетия, литургика, Н. Ф. Красносельцев.

Об авторе: **Алексей Владимирович Сартаков**

Соискатель Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: sartakov-94@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0547-3053>

Ссылка на статью: Сартаков А. В. Русская богословская наука в синодальный период в контексте становления «практического» направления // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 336–343.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Alexey Sartakov

**Russian Theological Scholarship during the Synodal Period
in the Context of the Formation of the “Practical” Direction**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_336

Abstract: This article is devoted to the analysis of the formation of the “practical” direction of Russian theological scholarship. Russian theological scholarship has passed a serious path in its historical development. The modern result of a developed theological educational system has its roots in the distant past, thanks to the analysis of which a modern researcher can come to a number of serious conclusions, as well as a number of important historical reconstructions. The purpose of this article is to analyze the historical development and formation of the practical profile in the higher theological pre-revolutionary school. A set of historical methods was used as the methodological basis of the study: historical-genetic and retrospective. In the course of the article, the author comes to a conclusion of the gradual development of the practical direction, starting with the reforms of the higher theological school in 1869.

Keywords: Russian theological scholarship, Synodal period, practical department, reforms of the higher theological school of the 19th century, liturgics, N. F. Krasnoseltsev.

About the author: **Alexey Vladimirovich Sartakov**

Corresponding Graduate Student at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: sartakov-94@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0547-3053>

Article link: Sartakov A. V. Russian Theological Scholarship during the Synodal Period in the Context of the Formation of the “Practical” Direction. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 336–343.

* Photos are taken from open sources.

Синодальный период в истории становления целого ряда богословских дисциплин является уникальным временем: именно в эту эпоху высшее богословское образование вызывает особый интерес со стороны светской, университетской науки, а под влиянием реформ принимает свой законченный, сформированный вид. Как и любое историческое явление, духовное образование имеет в своем развитии определенный ряд периодов, в которые происходило как формирование, так и оттачивание целых историко-богословских направлений, проектов и областей.

Так, известно, что духовная школа XVIII в. была подвержена ряду проблем: в первую очередь, исследователи отмечают определенную сословную «замкнутость» духовной школы, а также зависимость от «западных школьных традиций», выражающуюся в практической неготовности богословской подготовки пастырей к их дальнейшему служению¹. Изменение ситуации становится заметным к началу XIX в.: вместе с модернизацией светской модели образования реорганизуется и ее церковная «коллегия»². Так, уже в 1802–1804 гг. формируется централизация, выделяются учебные округа и определенные образовательные ступени. Позже, в 1808 г., плодом таких преобразований послужит появление документа «Начертание правил об образовании духовных училищ и о содержании духовенства при церквях», в котором прослеживаются два основных направления проблем духовной школы своего периода: отсутствие единого подхода в образовательных программах и влияние латинизации образования. В связи с обнаружившимися проблемами предпринимаются попытки их преодоления. Именно в это время духовная школа выходит из общего потока высшей школы, что позволяет ей выстроить свою духовно-образовательную парадигму.

1808–1869 гг.: многопредметность, вызвавшая кризис

В истории становления духовной школы также прослеживаются некоторые изменения: выделение самостоятельного подхода в образовании, формирование учебных округов, наличие трехчастности ступеней духовной школы, постепенный переход от латинского языка в пользу преподавания на русском, — все это положило начало большому процессу по формированию духовной школы как самостоятельного проекта. Но неотточенный учебный план изобиловал массой предметов, что привело к их поверхностному подходу в изложении со стороны преподавателей, а также к поверхностному восприятию со стороны аудитории³.

Устав Духовных академий 1814 г. предполагал разделение четырехгодичного плана на два двухгодичных курса — философского и богословского, что вызвало некоторые проблемы по подготовке кадров по «небогословским» предметам.

Специализация как путь преодоления кризиса

Дальнейшее развитие духовно-академического образования связано с реформами 1869 г. Что касается «предреформенного» периода необходимо отметить, что именно в 1855–1865 гг. проявилась главная проблема высшей духовной школы — многопредметность ее учебных планов. Для решения данной проблемы существовал ряд мероприятий, выражавшийся в локальном изменении программ. Однако в силу масштабов проблемы, локальные средства не могли изменить всей ситуации. Помимо этого, имел место отток кадров на вакантные университетские места⁴, а также напряженная

¹ Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы. М., 2012. С. 52.

² Посохова Л. Реформы духовных учебных заведений в Российской империи в конце XVIII — в начале XIX века и историческая судьба православных коллегиумов Украины // RES HISTORICA 36, 2013. С. 216.

³ Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы. М., 2012. С. 130.

⁴ Андреев А. Ю. Мобильность профессоров в университетской системе Российской Империи XIX — начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 97. С. 68–93.

нравственная внутрикорпоративная среда, — все это, так или иначе, способствовало формированию кризиса в духовно-образовательной среде, который необходимо было преодолеть.

В качестве первой попытки новых преобразований выступили реформы 1866–1867 гг., смысл которых сводился к ограничению влияния духовных академий на семинарии, их преобразование, а также создание непосредственно посвященного в проблемы богословского образования Учебного комитета. Анализ разнообразных мнений по преодолению кризиса можно свести к решению двух проблем: усовершенствованию специализации научно-богословских подходов, а также к вопросу о внутреннем замещении вакантных педагогических мест.

Назревшая реформа 1869 г. должна была решить целый ряд насущных для всего духовного образования вопросов — как и внешне-организационных (административных, организаторских, бытовых), так и внутренне-содержательных (учебных, научных, внутрикорпоративных).

Относительно второй группы вопросов, для решения назревших внутренних проблем, по проекту митрополита Макария (Булгакова) было предпринято разделение образования по богословским специальностям. Вышедшие из перечня предметов физико-математические и распространившиеся на все отделения философские предметы создали почву для введения нового практического отделения⁵. Таким образом, первым шагом к преобразованию духовных академий явилась систематизация учебного плана согласно научной специализации, что вылилось в следующий перечень профилей: богословско-теоретическое, церковно-историческое и церковно-практическое направления (подробное распределение предметов см. в таб. 1.).

Таб. 1.

Распределение духовно-академических предметов по отделениям в свете реформ духовного образования 1869 г.

№	Профиль	Общеобязательный перечень предметов	Специальный перечень предметов
1.	Богословско-теоретическое направление	1. Священное Писание 2. Основное богословие 3. Метафизика, психология и логика 4. История философии 5. Педагогика 6. Древний язык 7. Новый язык	1. Догматическое богословие 2. Нравственное богословие 3. Сравнительное богословие 4. Патристика 5. Еврейский язык 6. Библийская археология
2.	Церковно-историческое направление		1. Библийская история Ветхого и Нового Заветов 2. Общая Церковная история 3. История Русской Церкви 4. История и обличение русского раскола 5. Общая гражданская история
3.	Церковно-практическое направление		1. Пастырское богословие 2. Литургика 3. История и теория проповедничества 4. Церковное право 5. Теория словесности

Из приведенной таблицы очевиден некоторый успех предпринятой модернизации учебного плана. Новый устав, разработанный согласно внутренним потребностям академий, по сравнению с предыдущим периодом многопредметности получил более высокую конструктивность и, как следствие, больший профессионализм выпускаемых кадров. Академия, благодаря новому подходу, становилась не просто школой, но научным центром со своей разветвленной системой в том числе и внутренней кадровой подготовки.

⁵ Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы. М., 2021. С. 233.

Реформа 1884 г. как попытка новых преобразований

На протяжении 15-летнего периода действия устава 1869 г. его новаторство в духовно-академическом процессе — педагогическом и воспитательном — подвергалось критике. Основная критика заключалась в том, что устав, разрушив старые устойчивые духовно-академические традиции, новых традиций так и не создал, что, собственно, и вылилось в очередной кризис богословского образования. Согласно аккумулированным мнениям, основные проблемы несовершенства устава представлялись следующим образом. Несмотря на определенный успех предпринятой специализации богословского знания, такой подход требовал детальной проработки и усовершенствования. Страдало внутреннее наполнение курсов: при особом внимании к сохранению внешней структуры отдельные предметы вовсе не развивались. Критиковалась новая методика образования, построенная вопреки старой классической схеме, а также светское наполнение предметов богословских профилей.

Однако вопрос о внутреннем наполнении богословского курса был решен, хотя это вернуло духовную школу к очередному этапу многопредметности. Относительно качества данной реформы современные авторы склонны отмечать, что «учебный процесс потерял конструктивность и динамичность»⁶.

Таким образом, основная проблема — противопоставленность общеподготовительного и специально-богословского профиля, усилившая вопрос корреляции богословия с другими, в т. ч. светскими областями знаний — так и не была решена. Но, несмотря на это, благодаря предреформенному периоду и поиску оптимального баланса выкристаллизовались проблемы, связанные с научно-богословским исследованием: «церковная корректность» применения научно-критической методологии в богословских исследованиях, «адаптация методов гуманитарных наук в богословской науке; систематизация, преемство и перспективы развития богословских исследований; совместимость научного поиска и церковной ответственности; разработка требований к богословским исследованиям в небогословских науках»⁷.

Вполне понятно, что у каждой реформы в корпорациях духовных академий находились как свои критики, так и в целом сочувствующие и поддерживающие. Поэтому наличие критики хоть и прослеживается в ряде источников и исследований, но она в целом не противоречит основным тенденциям высшей духовной школы. Итогом всех реформ рассматриваемого периода можно считать ряд важных новобразований в духовно-образовательном процессе: перевод преподавания с латинского языка на русский, унификация и централизация образования, появление особого органа — Учебного комитета, занимающегося исключительно вопросами духовно-образовательной сферы, отход от многопредметности в сторону уменьшения количества при увеличении качества, формирование самостоятельности богословской науки, появление богословских специализаций, формирование целого ряда дисциплин и их наполнение и т. д.

На основании анализа исторических проектов, свидетельств и проблем четко прослеживается связь Св. Синода и духовно-учебного ведомства: по мнению авторов, такая связь была видна не только во внешнем административном управлении, но и во внутреннем становлении научно-богословского направления. Синод не только нес на себе функцию аттестации научных исследований, но и, как это видно из выше представленного анализа, инициировал ряд реформ ведомства, направленных на решение тех или иных внутренних духовно-образовательных проблем⁸.

Становление духовной школы неразрывно связано с формированием целостного учебного плана. О формировании определенного подхода к преподаванию можно

⁶ Там же. С. 509.

⁷ Там же. С. 510.

⁸ Сухова Н. Ю. Значение Святейшего Синода в истории научно-богословской аттестации (1839–1917) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). История. Вып. 37. С. 107.

говорить, начиная с XVIII в., но о наличии систематического подхода можно говорить только с середины XIX в. — времени консолидации богословского образования и специализации его направлений. Это иллюстрирует тезис о том, что начало XIX в. в духовном образовании ознаменовано комплексным подходом к дисциплинам, благодаря чему преподавание осуществлялось блоками (в современном понимании) без вычленения различных подходов: патристика представляла собой синтез истории Церкви и догматического богословия, экклезиология — синтез литургики, археологии, церковного права, а пастырское богословие — синтез гомилетики, пастырского и нравственного богословия. Формирование отдельных кафедр реформой 1869 г. уходит от такого принципа и предполагает отдельное развитие дисциплин. Об успешности такого подхода позволяет судить плеяда выдающихся исследователей, сформировавших облик отечественной богословской науки и задавших историко-богословский импульс вплоть до настоящего времени. Помимо систематизации богословских направлений, реформа предполагала и качественное изменение научной составляющей: с внедрением нового методологического фокуса с ориентацией на историко-критический подход. Таким образом, мы видим не только внешнее изменение научно-педагогического процесса, но и его внутренний рост.

Профессор
Н. Ф. Красносельцев

Для иллюстрации становления дисциплин, составляющих практическое отделение, рассмотрим процесс научной трансформации и становления предмета литургики.

Развитие дисциплины можно представить в виде схемы:

- прелиминарная стадия (нач. XIX в. — 1869 г.);
- стадия активного развития (1869–1884);
- стадия оттачивания и конкретизации (1884 г. — первые десятилетия XX в.).

Относительно первого периода отметим, что начало XIX в. в высшей школе ознаменовано отсутствием какого-либо интереса к литургической области, за исключением раздела о церковных таинствах. Первые программы академического образования свт. Филарета (Дроздова) и архимандрита (впоследствии епископа) Иннокентия (Борисова) не показывают стабильного подхода к преподаваемой дисциплине: по мнению авторов программы, литургика читается в соединении с каноникой и именуется «экклезиастикой»⁹.

Подобный подход просматривается в Казанской духовной академии, где, начиная с 1845 г. предпринимаются попытки чтения «экклезиастики», но ограничивается это лишь рядом вступительных лекций¹⁰. Новый период в становлении литургики и каноники в Казани связан с А. С. Павловым, который в 1859 г. в своем курсе уже анализирует не только вводные вопросы, но и фундаментальные литургико-исследовательские проблемы. Такой сдвиг связан с применением в т. ч. и зарубежных пособий, по которым читались лекции. Но, как отмечают исследователи, А. С. Павлов, будучи по преимуществу канонистом, большее внимание уделял именно канонической стороне, нежели литургической. После перехода ученого в Казанский университет кафедру занял выпускник Казанской духовной академии И. С. Бердников, который, как и предшественник, уделял особое внимание канонике.

С приходом на кафедру церковной археологии и литургики, молодой выпускник академии Н. Ф. Красносельцев самостоятельно разрабатывает два курса — по литургики

⁹ Сухова Н. Ю. Формирование литургики как академической дисциплины (1814–1869) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2 (18). 2017. С. 97.

¹⁰ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870): в 3 вып. Т. II. Казань, 1892. С. 313.

Профессор И. С. Бердников

и церковной археологии, закладывая тем самым свою традицию в Казанской школе. Его влияние оказывается настолько сильным, что ученому удается зажечь сердца молодых исследователей, что позже выльется во внушительный ряд исследований: на степень кандидата богословия 11 человек писали работы по археологии и 35 занимались под его руководством литургией¹¹.

Относительно двух других академий — Санкт-Петербургской и Московской, — исследователи видят иное развитие рассматриваемой дисциплины. Так, в 1839 г. в столичной академии священник Михаил Богословский назначается преподавателем предмета, как специалист, переводивший с греческого языка ряд богослужебных текстов, но о каком-либо дальнейшем развитии с его стороны литургики говорить трудно. Его сменяет В. И. Долоцкий, которого, по причине самостоятельности в литургико-

исследовательском подходе, позже назовут «первым православным ученым литургистом в строгом смысле этого слова». Именно В. И. Долоцкий рассматривает литургику как главный предмет практической направленности¹². Его исследовательские приемы следуют методу историзма: в своих лекциях, статьях и исследованиях автор задается рядом историко-реконструктивных вопросов, а также уделяет внимание анализу богослужения других Церквей¹³. Такое же направление ученый сумел привить и своим ученикам. Так, А. Л. Катанский, после выпуска некоторое время преподававший в Московской духовной академии, а позже вернувшийся в Санкт-Петербургскую¹⁴, в литургии использовал подходы своего учителя.

Таким образом, на основании экскурса в историю литургики мы можем убедиться, что до периода действия нового Устава говорить о качественном подходе к литургии говорить не приходится. Ситуация меняется с 70-х гг., когда изменяется подход к литургическому первоисточнику, в том числе и отечественному. Имеющиеся исследования отражают два основных направления: изучение богослужения Древней Руси, и характеристику и анализ имеющихся источников.

Формирование практического направления в отечественном богословии связано с пониманием духовной школы именно как пастырского рассадника, деятельность которого предполагает, по слову Спасителя, активное участие как в жизни прихода, так и его прихожан. Понимание необходимости данного проекта возникает уже в начале XIX в., но долгий путь его формирования иллюстрирует неоднозначную оценку как со стороны Синода, так и со стороны академической профессуры.

¹¹ Акишин С. Ю. Красносельцев Николай Фомич // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 38. С. 435.

¹² Карамышев Н. Т. Введение в употребление термина «литургика» в высшей духовной школе преподавателем СПбДА В. И. Долоцким // Материалы ежегодной научно-богословской конференции Санкт-Петербургской Духовной Академии. Материалы международной конференции «Приходское служение и общинная жизнь». СПб., 2015. С. 107.

¹³ См.: Карамышев Н. Т. Научная деятельность профессора литургики СПбДА В. И. Долоцкого // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 188–209.

¹⁴ См.: Берташ А. В., Карпук Д. А. Катанский Александр Львович // Энциклопедическая практика: материалы и исследования. Сборник научных статей и документов. Энциклопедический отдел Института филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2014. С. 63–81. Санюк Г., свящ. Литургические исследования профессора Санкт-Петербургской духовной академии А. Л. Катанского // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 178–187.

Большую роль в становлении отечественного богословия играет личностный фактор: так, многие исследователи говорят о роли исторической личности в становлении не только практического направления, но и всей богословской науки. Как видно из статьи, зачастую происходило так, что та или иная дисциплина развивалась благодаря вкладу конкретных представителей науки. Поэтому сегодня попытки оценки истории формирования науки как академической дисциплины позволяют говорить нам о трехступенчатой схеме: исторический контекст — историческая личность — формирование академической дисциплины.

Источники и литература

1. Акишин С. Ю. Красносельцев Николай Фомич // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 38. С. 433–438.
2. Андреев А. Ю. Мобильность профессоров в университетской системе Российской Империи XIX — начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 97. С. 68–93.
3. Берташ А. В., Карпук Д. А. Катанский Александр Львович // Энциклопедическая практика: материалы и исследования. Сборник научных статей и документов. Энциклопедический отдел Института филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2014. С. 63–81.
4. Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870): в 3 вып. Т. II. Казань, 1892.
5. Карамышев Н. Т. Введение в употребление термина «литургика» в высшей духовной школе преподавателем СПбДА В. И. Долоцким // Материалы ежегодной научно-богословской конференции Санкт-Петербургской Духовной Академии. Материалы международной конференции «Приходское служение и общинная жизнь». СПб., 2015. С. 106–115.
6. Карамышев Н. Т. Научная деятельность профессора литургики СПбДА В. И. Долоцкого // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 188–209.
7. Посохова Л. Реформы духовных учебных заведений в Российской империи в конце XVIII — в начале XIX века и историческая судьба православных коллегий Украины // RES HISTORICA 36, 2013. С. 203–218.
8. Санюк Г., свящ. Литургические исследования профессора Санкт-Петербургской духовной академии А. Л. Катанского // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 178–187.
9. Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы. М., 2021.
10. Сухова Н. Ю. Значение Святейшего Синода в истории научно-богословской аттестации (1839–1917) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). История. Вып. 37. С. 101–109.
11. Сухова Н. Ю. Формирование литургики как академической дисциплины (1814–1869) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2 (18). 2017. С. 88–116.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Н. Р. Славнитский

**Церемонии в Петропавловском соборе
в дни празднования 200-летия Санкт-Петербурга
(май 1903 г.)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_344

Аннотация: Санкт-Петербургская крепость и Петропавловский собор стали одним из центров празднования 200-летнего юбилея столицы Российской империи. Естественно, торжества включали в себя богослужение возле могилы основателя города — Петра I. В то же время празднества сопровождались и более локальными церемониями. В Санкт-Петербург прибыло немало зарубежных делегаций и депутатий от других городов, и многие из них пожелали отслужить молебны в Петропавловском соборе — как у могилы Петра I, так и у захоронений других российских монархов. Кроме того, аналогичные богослужения в те же дни проводили гвардейские полки и столичные учебные заведения. Все это подробнее предполагается рассмотреть в настоящей статье. Отметим, что данный сюжет ранее в отечественной историографии не рассматривался. При подготовке статьи были проработаны документальные материалы фонда коменданта Санкт-Петербургской крепости, в которых никаких сведений об этих церемониях не обнаружено, и потому источниковой базой стали сообщения в периодической печати.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская крепость, Петропавловский собор, 200-летие Петербурга, Петр I, Петербургская городская дума, гвардейские полки, Исаакиевский собор, А. В. Эллис, газета «Санкт-Петербургские ведомости».

Об авторе: **Николай Равильевич Славнитский**

Кандидат исторических наук, архивист научно-ведомственного архива Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

E-mail: slavnitiski@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>

Ссылка на статью: Славнитский Н. Р. Церемонии в Петропавловском соборе в дни празднования 200-летия Санкт-Петербурга (май 1903 г.) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 344–350.

* Фотографии предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Nikolay Slavnitsky

**Ceremonies in the Peter and Paul Cathedral
during the Celebration of the 200th Anniversary of St. Petersburg
(May 1903)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_344

Abstract: The St. Petersburg Fortress and the Peter and Paul Cathedral became one of the centers of the celebration of the 200th anniversary of the capital of the Russian Empire. Naturally, the celebrations included a service near the grave of the city's founder, Peter I. At the same time, the festivities were accompanied by more local ceremonies. Many foreign delegations and dignitaries from other cities arrived in St. Petersburg, and many of them wished to serve molebens in the Peter and Paul Cathedral – both at the grave of Peter I and at the burials of other Russian monarchs. In addition, similar divine services on the same days were conducted by the guards regiments and the capital's educational institutions. All this is considered in more detail in this article. Note that this topic has not been previously considered in Russian historiography. During the preparation of the article, documentary materials from the fund of the commandant of the St. Petersburg Fortress were worked out, in which no information about these ceremonies was found, and therefore reports in the periodicals became the source base.

Keywords: St. Petersburg Fortress, Peter and Paul Cathedral, 200th anniversary of St. Petersburg, Peter I, St. Petersburg City Duma, guards regiments, St. Isaac's Cathedral, A. V. Ellis, newspaper *Sankt-Peterburgskiye Vedomosti*.

About the author: **Nikolay Raviievich Slavnitsky**

Candidate of Historical Sciences, Archivist of the Scientific-Departmental Archive of the State Museum of the History of St. Petersburg.

E-mail: slavnitski@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1590-9423>

Article link: Slavnitsky N. R. Ceremonies in the Peter and Paul Cathedral during the Celebration of the 200th Anniversary of St. Petersburg (May 1903). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 344–350.

* Photos provided by the author.

Основными центрами празднования 200-летия Санкт-Петербурга стали Петровская (современная Сенатская) площадь и Исаакиевский собор — именно там 16 мая 1903 г. состоялась крестный ход, литургия и воинский парад (вокруг памятника Петру I) в «Высочайшем присутствии»¹. После того как императорская семья покинула церемонию, духовенство направилось в домик Петра Великого, «а чины С.-Петербургского общественного городского управления, в сопровождении представителей городов и сословий: купеческого, мещанского, ремесленного и цехов со значками прошли в Петропавловский собор, где по совершении литии С.-Петербургский городской голова с представителями городского общественного управления возложил на могилу Императора Петра Великого особую на сей случай выбитую золотую медаль с рельефным портретом Императора Петра Великого»².

По сути, Петропавловскому собору в празднествах была отведена второстепенная роль. Связано это было, в первую очередь, с традицией, поскольку именно так проходило празднование 100-летия Санкт-Петербурга 16 мая 1803 г., и городская дума исползовала тот юбилей в качестве образца³; при этом празднества предполагались более широкими. Это и предопределило церемонии, происходившие в Петропавловском соборе в дни юбилея.

При подготовке программы юбилейных торжеств в 1902 г. предполагалось в первый день перевезти образ Спасителя из домика Петра Великого в Исаакиевский собор, а на могилу основателя города возложить памятную медаль⁴. Кроме того, на празднование должны были пригласить «представителей всех тех полков, которые существовали при Петре I и принимали участие в завоевании Ингерманландии и основании Петербурга»⁵. Были также посланы приглашения муниципальным учреждениям многих европейских городов⁶. Все это было сделано, и представители полков посчитали необходимым, помимо участия в официальных торжествах, почтить память Петра I и других российских монархов.

Делали они это неофициально. В связи с этим отметим любопытный момент — в деле комендантского управления Санкт-Петербургской крепости, где сохранилась переписка, связанная с Петропавловским собором за весну и лето 1903 г., нет никаких упоминаний о богослужениях в период юбилея⁷. О том, что 16 мая будет возложение медали на гробницу Петра I, коменданта крепости предупредили — ему был прислан план всей церемонии⁸. В связи с этим отметим также, что со стен крепости в день юбилея был произведен праздничный салют, а комендант крепости генерал от инфантерии А. В. Эллис на комендантском катере сопровождал икону Спасителя из домика Петра Великого на Петровскую площадь⁹. В первоначальном плане, разработанном городской думой, задумывалось также участие в празднестве ботика Петра Великого¹⁰, однако «дедушку русского флота» не стали задействовать в церемонии — ограничились верейкой, хранившейся в Домике Петра¹¹.

¹ Русский инвалид. 1903. № 105. 17 мая. С. 4–5.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1903. № 132. 17 мая. С. 4.

³ Нардова В. А., Сухороукова А. С. Общественное управление С.-Петербурга и празднование 200-летия города // Проблемы всемирной истории. Сборник статей в честь Александра Александровича Фурсенко. Российская академия наук, Институт российской истории. Санкт-Петербургский филиал. СПб., 2000. С. 271–286.

⁴ Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1902. № 36. С. 1479.

⁵ Там же. С. 1479–1480.

⁶ Нардова В. А., Сухороукова А. С. Общественное управление С.-Петербурга и празднование 200-летия города... С. 276.

⁷ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3017. Л. 45–50.

⁸ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2983. Л. 14–17.

⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1903. № 132. 17 мая. С. 3.

¹⁰ Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1902. № 36. С. 1479.

¹¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1903. № 132. 17 мая. С. 3.

Петропавловский собор. Май 2021 г.
Фото Н. Р. Славнитский

Сведения о мероприятиях, проходивших в Петропавловском соборе, сохранились в сообщениях средств массовой информации, т.е. в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Русский инвалид» (печатном органе военного министерства).

Первым отметим богослужение, состоявшееся за несколько дней до юбилея, и не связанное с ним. 13 мая лейб-гвардии уланы полка императрицы Александры Федоровны прибыли в Петропавловский собор, где по случаю исполнившегося 250-летия полка отслужили заупокойную литургию и панихиду по императорам Александру I, Николаю I, Александру II и Александру III, а также «августейшим шефам полка в Бозе почивающим: цесаревиче Константине Павловиче и великом князе Николае Николаевиче старшем». В числе присутствовавших находились бывшие командиры и офицеры полка, настоящие офицеры со своим командиром и представители от нижних чинов полка. Они же возложили на могилы императоров Александра I, Николая I, Александра II и Александра III «дивные венки из живых лилий, роз и других цветов, перевязанные широкими красными и синими лентами со следующей надписью: “15 мая 1903 г. — уланы Ея Величества”». Кроме того, на могилы великих князей Константина Павловича и Николая Николаевича старшего были возложены серебряные художественно исполненные неугасимые лампы в виде короны на серебряном постаменте¹².

Тогда же в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось сообщение, что «в один из юбилейных дней на гробницу державного основателя столицы будет возложен от лица всех городских начальных и четырехклассных школ перевитый лентами художественной работы серебряный венок. Венок приобретен на средства, полученные по подписке среди учащихся в школах и учащихся в них детей. Подписка

¹² Санкт-Петербургские ведомости. 1903. № 129. 14 мая. С. 8.

была исключительно добровольная, причем каждый учащийся имел право подписать не более 1 коп., а учащий — не более 20 коп. Покрытые сотнями детских подписей (до 25 000) листы будут храниться училищной комиссией»¹³.

Накануне праздника, 15 мая, в Петропавловском соборе служило панихиду Петровское коммерческое училище «по в Бозе почивающем Державном основателе Санкт-Петербурга Петре Великом». На ней присутствовали воспитанники училища, во главе с директором и преподавательским персоналом. На гробницу императора был возложен изящный серебряный венок, представляющий соединение лавровых и дубовых ветвей, на лентах которого была выгравирована следующая надпись: «Императору Петру I, в память 200-летия города Петербурга, от Петровского коммерческого училища Санкт-Петербургского купеческого общества»¹⁴.

В тот же день в Петропавловском соборе побывали делегации от двух полков. Первая из них возложила на гробницу Петра I венок с надписью: «Незабвенному основателю Императору Петру — от Суздальцев-Суворовцев старых Вятчан», вторая — венок с надписью: «Незабвенному основателю полков Каспара Гулица и Романа Брюса — ныне Ростовские и Астраханские гренадеры». Кроме того, на гробницу основателя Санкт-Петербурга был возложен венок от тверской городской думы, а на гробницу Александра III был возложен венок с надписью: «Почившему незабвенному Державному шефу полка — астраханские гренадеры»; на гробницу Александра II — венок от болгарской делегации: «Царю-освободителю софийски, пловдивски и плевенски граждани, 15 май 1903»¹⁵.

17 мая у могилы Петра I была отлужена панихида «от имени всех средне-учебных заведений столицы, как мужских, так и женских, министерства народного просвещения, в присутствии начальствующих лиц и депутатий от учебного персонала и учащихся от названных учебных заведений». Она также сопровождалась возложением венка с надписью: «Великому Преобразователю России Императору Петру I от учащихся в школах Санкт-Петербургского учебного округа», на лентах которой были обозначены даты «1703–1903»¹⁶. В тот же день городской голова Киева возложил на гробницу Петра венок с надписью: «Императору Петру I благодарный Киев. 16 мая 1903 г.»¹⁷.

18 мая в Петропавловском соборе состоялись две панихиды. Первая была связана со 100-летним юбилеем 89-го Беломорского, 90-го Онежского и 92-го Печерского полков, которые отслужили панихиду по императорам и императрицам Петру I, Анне Иоанновне, Екатерине II, Александру I, Николаю I, Александру II и Александру III¹⁸. Формально данная церемония не была связана с юбилеем Санкт-Петербурга, но получилось так, что тесно соприкоснулась с ним.

Следом за тем «по случаю 200-летия со дня основания Санкт-Петербурга в Петропавловском соборе от имени церковно-певческого благотворительного общества Санкт-Петербурга были отслужены панихида по в Бозе почивающем императоре Петре Великом и после нее благодарственный молебен за ныне благополучно царствующего государя императора Николая Александровича, при участии соединенных церковных хоров столицы и под управлением регента Исаакиевского собора Соколова»¹⁹.

Наконец, 19 мая депутация от города Парижа, прибывшая на празднование юбилея, возложила венок на гробницу Александра III²⁰. Данный визит также можно считать не связанным напрямую с юбилеем, однако делегация от столицы Франции

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Русский инвалид. 1903. № 106. 18 мая. С. 2.

¹⁶ Там же. С. 3.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Русский инвалид. 1903. № 107. 20 мая. С. 5.

²⁰ Там же.

Петропавловский собор. Май 2021 г.
Фото Н. Р. Славнитский

прибыла в столицу Российской империи именно на празднование 200-летия города. К тому же ее пригласили в связи с тем, что 16 мая в присутствии императорской фамилии состоялось открытие Троицкого моста, который был заложен в царствование Александра III и строительство которого вела французская фирма «Батиньол».

В тот же день Петропавловский собор посетили делегации от полков, которые отслужили панихиды в память Петра I и Александра III²¹. При этом на гробницу Петра были возложены венки с надписями:

«От драгунского Ефима Гулица ныне 1-го лейб-драгунского Московского императора Александра III полка; лейб-регимента ныне 2-го драгунского СПб генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка»;

«От драгунского князя Василия Водбольского полка, ныне 4-го лейб-драгунского Псковского ее величества государыни императрицы Марии Феодоровны полка».

На гробницу Александра III — венок с надписью: «Обожаемому шефу от 1-го лейб-драгунского Московского императора Александра III полка».

Таким образом, в период празднования 200-летия Санкт-Петербурга Петропавловский собор посетили две иностранных делегации — болгарская и французская. Первая из них почтила память Александра II, вторая — Александра III. Были также две делегации от городских дум городов России — тверской и киевской, и они возложили венки именно на гробницу Петра I. Большая часть церемоний памяти основателя Санкт-Петербурга прошла по инициативе воинских частей (полков), представители которых были приглашены на празднества Санкт-Петербургской городской думой, а также учебными заведениями столицы.

²¹ Там же.

Источники и литература

Источники

1. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 2983. О праздновании 200-летия Санкт-Петербургской крепости и города Санкт-Петербурга.
2. РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3017. Переписка о Петропавловском соборе.
3. Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1902. № 36.
4. Русский инвалид. 1903. № 105–107. 15–20 мая.
5. Санкт-Петербургские ведомости. 1903. № 129. 14 мая; № 132. 17 мая.

Литература

6. *Нардова В. А., Сухороукова А. С.* Общественное управление С.-Петербурга и празднование 200-летия города // Проблемы всемирной истории. Сборник статей в честь Александра Александровича Фурсенко. Российская академия наук, Институт российской истории. Санкт-Петербургский филиал. СПб., 2000. С. 271–286.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

И. Ю. Смирнова

**Конфессиональный вектор внешней политики России:
к истории взаимодействия МИДа и Св. Синода
в XIX веке**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_351

Аннотация: В статье представлен обзор взаимодействия Министерства иностранных дел и Святейшего Синода в деле распространения русского духовного и политического присутствия в пограничных с Россией государствах в Ближне- и Дальневосточном регионах в XIX столетии. Показано, что инициатором таких церковно-дипломатических представительств за рубежом как Русские духовные миссии в Иерусалиме, Японии и Урмии выступало дипломатическое ведомство Российской империи, для которого одним из главных направлений деятельности являлись вопросы, связанные с конфессиональными и межцерковными отношениями за рубежом и содействие внешней церковной деятельности Русской Православной Церкви. Выявлено, что главным мотивом учреждения Русских духовных миссий послужила активизация миссионерской деятельности представителей великих держав (Великобритании, Франции, США), служившей наиболее удобным, эффективным и универсальным инструментом их внешней политики. Таким образом, конкуренция держав в миссионерской сфере являлась отражением и важной составляющей их внешнеполитического противостояния, когда в дипломатии держав использовались церковные каналы, а миссионерская политика осуществлялась при поддержке дипломатических представительств.

Ключевые слова: Министерство иностранных дел, Святейший Синод, Русские духовные миссии, протестантизм, католичество, Крымская война, реформы Александра II.

Об авторе: **Ирина Юрьевна Смирнова**

Доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>

Ссылка на статью: Смирнова И. Ю. Конфессиональный вектор внешней политики России: к истории взаимодействия МИДа и Св. Синода в XIX веке // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 351–360.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-09-41010.

* Изображения предоставлены автором

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

I. Yu. Smirnova

**The Confessional Vector of Russian Foreign Policy:
the History of Interaction Between the Ministry
of Foreign Affairs and the Holy Synod in the 19th Century**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_351

Abstract: The article provides an overview of the interaction between the Ministry of Foreign Affairs and the Holy Synod in the extension of the Russian ecclesiastical and political presence in the states bordering Russia in the Near and Far Eastern regions in the 19th century. It is shown that the initiator of such ecclesiastical and diplomatic agencies of Russia abroad as the Russian Ecclesiastical Missions in Jerusalem, Japan and Urmia was the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, for which one of the main areas of activity was issues related to confessional and interchurch relations abroad and the promotion of external church activities of the Russian Church. It was revealed that the main motive for the establishment of Russian ecclesiastical missions was the intensification of the missionary activity of representatives of the great powers (Great Britain, France, USA), which served as the most convenient, effective, and universal instrument of their foreign policy. Thus, the competition of the powers in the missionary sphere was a reflection and an important component of their foreign policy confrontation, when Church channels were used in the diplomacy of the powers, and the missionary policy was carried out with the support of diplomatic missions.

Keywords: Ministry of Foreign Affairs, Holy Synod, Russian Ecclesiastical Missions, Protestantism, Catholicism, Crimean War, reforms of Alexander II.

About the author: **Irina Yurievna Smirnova**

Dr. Hab. in History, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: irinasmirnova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>

Article link: Smirnova I. Yu. The Confessional Vector of Russian Foreign Policy: the History of Interaction Between the Ministry of Foreign Affairs and the Holy Synod in the 19th Century. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 351–360.

* Images provided by the author.

Говоря о конфессиональном факторе внешней политики России, следует принимать во внимание, что в Российской империи синодальный период не было и не могло быть собственно *церковной*, т.е. независимой от государственной, в том числе внешней политики, — Россия, которая считала себя «духовной преемницей Византии»¹, заимствовала не только Православие как государственную религию и схему государственного устройства, но и ответственность империи за сохранение и защиту Православия, взяв на себя миссию «обеспечения пространства спасения для всех православных»².

Русские дипломатические контакты с Константинополем и Иерусалимом, а до 60-х годов XIX в. и с Пекином, осуществлялись по церковным каналам, и, что особенно важно, как «державная, государственная инициатива». Для российских императоров, традиционно лично руководивших внешней политикой России, а также для членов царской фамилии «интересы России и интересы православия в мире были неразрывны и приоритетны»³. Высшая административная и судебная инстанция Русской Церкви, Святейший Правительствующий Синод, наряду с другими ведомствами — иностранным, военным, финансовым, судебным, внутренних дел — рассматривался в структуре государственного управления в качестве органа, посредством которого император управлял церковными делами.

В равной степени это касалось деятельности Русской Православной Церкви за пределами России — во всех случаях, когда внешнеполитические и государственные интересы требовали участия Церкви, Святейший Синод, в компетенцию которого входила миссионерская деятельность, межцерковные и межконфессиональные контакты и другие вопросы, связанные с русским церковным присутствием за рубежом, разделял свои полномочия с Министерством иностранных дел, в юрисдикции которого находились не только вопросы политических и торговых международных отношений, но и покровительство русским интересам, защита русских подданных по их делам за границей.

Совместная деятельность МИДа и Святейшего Синода по расширению русского присутствия за рубежом заключалась в учреждении и обеспечении взаимодействия дипломатических и церковных инстанций — таких как православные церкви при дипломатических миссиях или посольствах и русские духовные миссии. Содействие зарубежной деятельности Русской Православной Церкви составляло одну из главных функций российского дипломатического ведомства. И прежде всего конфессиональная направленность российской дипломатии проявлялась в таком этнорелигиозном регионе как Христианский Восток, где церковная политика России в силу исторических и религиозных причин не могла не совпадать с политической государственной⁴.

С особой очевидностью необходимость в церковно-дипломатическом взаимодействии МИДа и Синода проявилась в XIX в., когда колониальная политика великих держав на Ближнем и Дальнем Востоке неоднократно приводила к обострению международных отношений вплоть до вооруженных конфликтов. Конкуренция и противостояние Великобритании, Франции, Австрии и России, а позже и Северо-Американских Соединенных Штатов (САСШ) проявлялись не только в таких сферах как экономическая или политическая, но и в миссионерской и научно-культурной. Так, один из первых историков русского духовного присутствия в Святой Земле В. Н. Хитрово отмечал, что в начале 1840-х гг. Восточный вопрос приобретает «свой острый характер, и политические цели европейских держав нередко прикрываются религиозным знаменем»⁵. Миссионерское движение использовалось в дипломатии великих

¹ Гросул В. Я. Труды по теории истории. М., 2014. С. 169.

² Лисовой Н. Н. Церковь, Империя, культура. М., 2016. С. 14.

³ Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Сост. Н. Н. Лисового (далее — Россия в Святой Земле). М., 2015. С. 31.

⁴ См. подробнее: Лисовой Н. Н., Смирнова И. Ю. Православное востоковедение: предмет, проблемы, перспективы // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 1. С. 252–257.

⁵ Хитрово В. Н. Православие в Святой Земле. М. — СПб., 2011. С. 130.

держав в качестве одного из наиболее эффективных каналов влияния и политического проникновения в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах.

В меньшей степени это касалось России, отличавшейся пассивностью в отношении православного миссионерства за пределами империи. Тем не менее, по примеру Франции, Великобритании, САСШ, миссионерская деятельность которых осуществлялась при неизменной поддержке дипломатических ведомств, российский МИД в своей работе на Ближнем и Дальнем Востоке опирался на Русские духовные миссии. Не случайно их учреждение за границей, в тех регионах, где еще не существовало дипломатического представительства (как в Пекине или Иерусалиме), осуществлялось по инициативе МИД, миссии действовали по инструкциям и под патронатом министерства. В случае же отсутствия российских консульских постов духовные миссии выполняли не только церковные, но и дипломатические функции.

К середине XIX в. за рубежом действовали русские духовные миссии в Пекине (1715 г.) и Иерусалиме (1847 г.). Русская духовная миссия в Америке (1799 г.) приобрела в конце 1840 г. епархиальный статус во главе с известным миссионером — апостолом Аляски святителем Иннокентием (Вениаминовым), возведенным в декабре 1840 г. в сан епископа Камчатского и Алеутского и Аляскинского, а в апреле 1850 г. — в сан архиепископа.

Катализатором церковно-дипломатической активности великих держав в Святой Земле (в том числе и России) послужило учреждение в 1841 г. англо-прусской епископии в Иерусалиме, инициаторами которой выступили ведущие стратеги британской внешней политики. Лорд Пальмерстон и граф Шефтсбери видели в насаждении протестантского присутствия на Ближнем Востоке формирование т.н. «английской нации» как залог продвижения британских интересов. Одним из методов работы миссионеров был прозелитизм среди православных.

Принцип прозелитизма в Сирии, Палестине, на Балканах, а также в вышедшей из-под османского владычества Греции был взят на вооружение и американскими миссионерами. После того как Американская Епископальная Церковь в 1835 г. объявила себя «Миссионерской Церковью»⁶, открытая в Вирджинии Миссионерская академия ежегодно посылала своих выпускников миссионерами на Дальний и Ближний Восток, используя школьное дело (как собственно и другие конфессии) «в пропагандистских целях»⁷. Как отмечал военный историк Н. А. Халфин, с христианскими миссиями были связаны важные интересы Америки в ее колониальной политике: «Правящие круги Соединенных Штатов придавали большое значение работе в Османской империи своих миссионерских организаций, прилагавших немалые усилия к распространению здесь американского влияния»⁸.

Аналогично, при энергичной поддержке французского посольства в Константинополе работали в Сирии, Палестине и Египте миссионеры католических держав. Их первоочередной задачей (по собственному их признанию) было «духовное завоевание Востока». При этом все миссионерские и образовательные программы имели прозелитический и антиправославный характер.

В ответ на активизацию миссионерского движения ведущих западных держав в 1847 г. состоялось учреждение Русской духовной миссии в Иерусалиме, которая была устроена на тех же основаниях, что и РДМ в Пекине: подчинялась Министерству иностранных дел, получала инструкции из Азиатского департамента МИД, содержалась на средства МИД и не имела собственно миссионерских задач. Россия, не имевшая, в отличие от Франции и Великобритании, колониальных и торговых интересов

⁶ Письмо д-ра Хилла в редакцию *The Spirit of Missions*. Афины, 18 мая 1863 г. // *The Spirit of Missions*. Vol. 28. 1863. P. 162

⁷ См.: *Колюбакин А. М.* Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части азиатской Турции // *Известия Кавказского отдела Русского Географического Общества*. Т. IX. Вып. 1. Тифлис, 1887. С. 108.

⁸ *Халфин Н. А.* Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана. — М.: Издательство Восточной литературы, 1958. С. 97–98.

в регионе, не стремилась к расширению ни дипломатического, ни церковного присутствия, и, уступая в оперативности конкурирующим державам, обрекала себя на отставание. Эта проблема, на которую указывали ведущие эксперты того времени, не была разрешена до середины XIX в., став одной из главных причин поражения в Крымской войне.

Не менее важной сферой интересов западных держав к середине XIX в. становится цинский Китай и русский Дальний Восток с неоформленным еще российско-китайским разграничением по Амуру, бассейн которого,

в случае его захвата, мог стать ценным приобретением для дальнейшего проникновения в китайские владения. Важность Китая для западных держав определило их конфессиональную политику в Цинской империи и граничивших с ним регионах, главным правилом которой стало привлечение миссионеров в качестве «политической машины» для колонизации Китая⁹.

В связи с устремлением Великобритании, Франции и САСШ в Китай, на Сахалин и русский Дальний Восток, перед правительством России встал вопрос об усилении политического и духовного влияния в Дальневосточном регионе. Главным двигателем этого проекта, помимо святителя Иннокентия, выступал светский дипломат, генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский, по инициативе которого епархиальное управление Камчатско-Алеутской епархии, возглавляемой святителем Иннокентием (Вениаминовым), в 1850 г. было перенесено на Азиатский континент¹⁰.

Тогда же, в самый канун Крымской войны были сформулированы собственно миссионерские задачи. Полагая, что дело не терпит отлагательства и что «было бы неприлично не оказать этому направлению полное и скорое содействие»¹¹, Муравьев поднимает вопрос о том, чтобы Приамурский край, еще не признанный официально российским, передать под управление

Вид на Свято-Троицкий собор и здание Русской духовной миссии в Иерусалиме

Архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий (Вениаминов)

⁹ Мурадян А. А. Американские миссионеры в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании в XIX в. М., 1971. С. 26.

¹⁰ См. подробнее: Смирнова И. Ю. Перенесение Камчаткой, Курильской, Алеутской кафедры (1850 г.): pro и contra // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. Вып. 4 (812). С. 159–160.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 908. Л. 4 об.–5.

Император Александр II

Вице-канцлер князь
Александр Михайлович Горчаков

(в религиозном отношении) камчатскому архиепископу. Однако новый масштаб миссионерская деятельность в Приморье и Приамурье приняла уже при новом императоре.

После Крымской войны, в которую Россия была вовлечена одновременно на Ближнем и Дальнем Востоке, программа александровских реформ не могла не коснуться и внешней политики — в условиях, когда «военное решение надолго исключалось из арсенала российских внешнеполитических средств»¹², требовалась реорганизация всей системы дипломатической и церковной работы, в связи с чем встал вопрос о выработке новой концепции русского политического и духовного присутствия за рубежом. По инициативе вице-канцлера А. М. Горчакова в Иерусалиме с 1858 г. возобновила работу Русская духовная миссия, во главе которой был поставлен уже не архимандрит, а епископ, в том же году было открыто российское консульство.

Ранее (в 1856 г.) было создано Российское общество пароходства и торговли, взявшее на себя миссию доставления русских паломников на Афон и в Святую Землю. Императрица Мария Александровна возглавила Благотворительный комитет, призванный оказывать поддержку гуманитарным проектам Русской духовной миссии. В 1859 г. был создан Палестинский комитет в Петербурге во главе с управляющим Морским министерством великим князем Константином Николаевичем, что стало первым шагом на пути к созданию ИШПО под управлением великого князя Сергея Александровича (1882 г.)¹³. Под контроль российских дипломатов берется конфессиональная ситуация на Балканах. Новое развитие — опять-таки при патронате Императорского Дома — получило русское духовное присутствие на Святой Горе Афон.

Религиозная направленность была присуща российской дипломатии не только в странах Христианского Востока, но и в цинском Китае и Японии, где в связи с их открытием для иностранных держав усилилась миссионерская активность западных обществ. Благоприятным фактором для этого

¹² Хевролина В. М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI — начало XX века. М., 2007. С. 223.

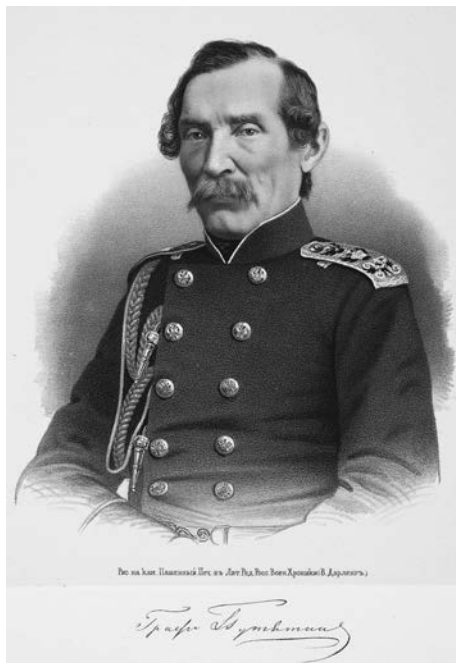
¹³ См. подробнее: Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006; Смирнова И. Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014.

послужили Тяньцзинские трактаты, подписанные Китайским правительством в июне 1858 г. с Россией, Францией, Великобританией и САСШ и включавшие пункт о разрешении на пребывание в Китае христианских миссий не только в важнейших портах, но и внутри империи¹⁴.

В целях соблюдения безопасности российских дальневосточных границ и создания противовеса политическому проникновению Великобритании, Франции и САСШ на повестку дня был поставлен вопрос о расширении церковно-миссионерской деятельности в Восточной Сибири (в том числе Приамурье и Приморье) и Китае. Главная роль в этом деле принадлежала вице-адмиралу графу Е. В. Путятину, который, обратив внимание на наличие в портовых городах Китая широкой сети католических и протестантских учреждений, поставил вопрос о реформировании Пекинской духовной миссии.

Чтобы предотвратить распространение иностранного влияния в Приамурье, уже церковные дипломаты — архиепископ Иннокентий (Вениаминов) и митрополит Филарет (Дроздов), предлагали действовать со стороны сухопутной российско-китайской границы, где меньше вероятности столкновений с иностранными миссионерами, проникшими в страну «с морской границы Китая». Учитывались и политические интересы России на границе с Китаем. Так, по мнению святителя Филарета, «Российское правительство, без сомнения, обратит внимание на то, чтобы не пришли действовать с нашей границы иностранные миссионеры, от которых наши могли бы ожидать не содействия, а столкновения»¹⁵.

Ссылаясь на статьи русско-китайских трактатов 1858 г., московский архипастырь считал необходимым поднять дело миссионерской проповеди «около новоутвержденного на Востоке предела» на должную высоту, подчеркивая не только духовное, но и политическое его значение: «Неужели, — писал он в ответ на рапорт графа Путятина, — Россия откажется от участия в сем деле с своей стороны? Неужели допустить иностранных миссионеров проникнуть

Вице-адмирал
граф Евфимий Васильевич Путятин

Митрополит Московский
Филарет (Дроздов)

¹⁴ Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). М., 2004. С. 64–69.

¹⁵ [Филарет (Дроздов), митр.]. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 5. Ч. 2. СПб., 1888. С. 647–648.

и сюда и распространить здесь свои действия, которые, конечно, будут не в пользу наших и религиозных и государственных видов?»¹⁶

Чтобы не упустить возможностей, предоставленных новым трактатом, митрополит Филарет, среди прочих мер, считал нужным «не оставлять в бездействии и находящуюся в Китае нашу Миссию»¹⁷. Так по инициативе русских светских и церковных дипломатов силами Пекинской духовной миссии в 1859 г. было начато дело православной проповеди в Китае среди китайского населения. В целях повышения эффективности духовно-просветительской работы среди китайского населения МИД предложил проект преобразования Пекинской миссии из дипломатического представительства в миссионерское с разделением функций между РДМ и учрежденным в 1861 г. русским консульством в Пекине. Это положение было окончательно закреплено инструкцией 1864 г., после чего миссия осуществляла уже чисто миссионерские задачи при дипломатической поддержке российского консульства.

Не менее значимой была роль Азиатского департамента МИД в отношении миссионерства на Дальнем Востоке, где в связи с очередным перемещением Алеутско-

Аляскинской кафедры в 1858 г. из Якутска в Благовещенск для русских миссионеров открылись обширные перспективы не только в Приамурье и Приморье, но также и в современной Корее и Маньчжурии.

История создания Русской духовной миссии в Японии — четвертой российской духовной миссии за рубежом — также связана с российской дипломатией на Дальнем Востоке. Ее инициатором явился И. А. Гошкевич, в 1839–1848 гг. состоявший в Пекинской духовной миссии и назначенный в декабре 1857 г. русским консулом в Хакодате¹⁸. По его ходатайству при консульстве была устроена православная церковь, настоятелем которой с 1861 г. стал иеромонах Николай (Касаткин) — известный впоследствии миссионер святитель Николай Японский, многолетние проповеднические труды которого привели к учреждению духовной миссии (1870 г.) и созданию Православной Церкви в Японии. Современник святителя Николая П. А. Гильтебрандт оценивал просветительскую роль Японской духовной миссии как «великое дело», имевшее для России «еще и политическое значение». Он указывал на тесную связь между расширением русского духовного присутствия в Японии

Епископ Ревельский Николай (Касаткин),
начальник Русской духовной миссии
в Японии

и укреплением позиций России на Дальнем Востоке, полагая, что «будущее нашего Тихо-Океанского побережья много зависит от дружеских связей с Японией»¹⁹.

Последней в конце XIX в., вслед за РДМ в Корее (1897 г.), была учреждена Русская духовная миссия в Урмии (1898 г.), действовавшая в области, входившей в состав Персии и территориально относившейся к Персидскому Азербайджану, сопредельному с Азербайджаном Кавказским, отошедшим после Русско-персидской войны

¹⁶ Там же. Т. 4. СПб., 1886. С. 376.

¹⁷ Там же. Т. 5. Ч. 2. СПб., 1888. С. 647–648.

¹⁸ См. подробнее: Щеглов Н. В., *святц.* Иосиф Гошкевич — ориенталист, миссионер и дипломат // Церковь и время. 2015. № 4 (73). С. 242–278.

¹⁹ Древняя и новая Россия. СПб., 1879. № 11. С. 211.

1826–1828 гг. к Российской империи по Туркманчайскому трактату²⁰. И опять-таки Урмийская миссия была создана в результате ходатайств российских дипломатов в Персии, а предпосылками к ее открытию послужила деятельность католических и протестантских миссионеров. Но если в присутствии католических и американских миссионеров российский генконсул в Тавризе А. А. Петров не видел повода для беспокойства, то появление на миссионерской сцене миссионеров британских, трудившихся под эгидой государственной Церкви Англии, при поддержке британских обществ и под «исключительной и энергической охраной» британских дипломатов, Петров воспринял с большой тревогой, сознавая, что конфессиональная ситуация в Урмии может заметно измениться в ущерб интересам России. Полагая, что Россия не должна оставаться в стороне, как это было прежде, генконсул предложил «посылать наше духовенство к несторианам» для их просвещения в целях «поддержания национального духа несториан и оказания противодействия западной пропаганде»²¹. Этому проекту было суждено реализоваться лишь спустя десять лет, когда в марте 1898 г. РДМ в Урмии получила официальное учреждение.

Новая российская миссия была воспринята в дипломатических кругах Британии и Франции как важный стратегический форпост России в Персидском Азербайджане. Так, генконсул в Урмии Сесиль Вуд выражал опасения, что присутствие русского духовенства среди несториан приведет к еще более заметному укреплению российского влияния, и полагал своим долгом — как дипломата и британского подданного — «положить тому предел»²². Французский консул Бержерон видел в членах РДМ опасных конкурентов, способных подорвать положение католической миссии и свести к минимуму число римско-католических прозелитов. Подобные опасения британских и французских дипломатов лишней раз свидетельствуют о внешнеполитическом характере западного миссионерства как инструмента колониальной политики великих держав. С другой стороны, их беспокойство не было лишено оснований. Членам Русских духовных миссий за рубежом приходилось порой брать на себя дипломатические функции, поддерживать отношения с местными представителями государственной власти, с лидерами религиозных общин, проводя курс на установление и развитие межцерковных отношений в интересах России и культурно-научного сотрудничества, что накладывало на них определенные обязательства и ответственность. Важным фактором работы церковных дипломатов было умение налаживать конструктивные отношения с дипломатами светскими.

Таким образом, постоянное взаимодействие МИДа и Синода, проявлявшееся в координации деятельности российских церковных и дипломатических представительств за рубежом, позволяет говорить о существовании системы церковно-дипломатических отношений, направленной на созидание русского политического, духовного и культурного присутствия в пограничных с Россией регионах, входивших в сферу геополитических интересов великих держав.

Источники и литература

1. Гросул В. Я. Труды по теории истории. М.: АИРО, 2014. 548 с.
2. Колюбакин А. М. Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части азиатской Турции // Известия Кавказского отдела Русского Географического Общества. Т. IX. Вып. 1. Тифлис, 1887. С. 104–136.

²⁰ Константин (Горянов), архиеп. История православной миссии в Иране // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 2 (4). С. 12–39.

²¹ Цит. по: Смирнова И. Ю., Шавлидзе З. Б. К предыстории Русской духовной миссии в Урмии (вторая половина XIX в.): по документам Архива внешней политики Российской империи // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 66.

²² Там же. С. 67.

3. *Константин (Горянов), архиеп.* История православной миссии в Иране // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 2 (4). С. 12–39.
4. *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М.: Индрик, 2006. 510 с.
5. *Лисовой Н. Н.* Церковь, Империя, культура: очерки синодального периода. М.: Индрик, 2016. 566 с.
6. *Лисовой Н. Н., Смирнова И. Ю.* Православное востоковедение: предмет, проблемы, перспективы // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 1. С. 252–257.
7. *Мурадян А. А.* Американские миссионеры в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании в XIX в. М.: Наука, 1971. 88 с.
8. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 3-х Т. 1 / Сост. *Н. Н. Лисового*. М.: Индрик, 2015. 816 с.
9. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / Под общ. ред. *В. С. Мясникова*; сост. *И. Т. Мороз, В. С. Мясников*. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 694 с.
10. *Смирнова И. Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М.: РОССПЭН, 2014. 456 с.
11. *Смирнова И. Ю.* Перенесение Камчаткой, Курильской, Алеутской кафедры (1850 г.): pro и contra // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. Вып. 4 (812). С. 159–160.
12. *Смирнова И. Ю., Шавлидзе З. Б.* К предыстории Русской духовной миссии в Урмии (вторая половина XIX в.): по документам Архива внешней политики Российской империи // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 61–69.
13. [*Филарет (Дроздов), митр.*]. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам: в 7-тт. Т. 4. СПб.: Синод. тип., 1886. 614 с.; Т. 5. Ч. 2. СПб.: Синод. тип., 1888. С. 499–1034.
14. *Халфин Н. А.* Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана. М.: Издательство Восточной литературы, 1958. 110 с.
15. *Хевролина В. М.* Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI — начало XX века / Отв. ред. *С. Л. Тихвинский*. М.: Наука, 2007. С. 221–265.
16. *Хитрово В. Н.* Православие в Святой Земле. М. — СПб.: ИППО, Издательство Олега Абышко, 2011. 400 с.
17. *Шеглов Н. В., свящ.* Иосиф Гошкевич — ориенталист, миссионер и дипломат // Церковь и время. 2015. № 4 (73). С. 242–278.
18. The Spirit of Missions. Vol. 28. 1863.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

С. С. Сингх

**Организация судовым священником
паломнических поездок для нижних чинов кораблей
российского флота на рубеже XIX–XX вв.**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_361

Аннотация: В статье впервые в отечественной историографии раскрывается неизвестный аспект служения судового священника: организация паломнических поездок для нижних чинов флота. Эта деятельность уникальна, поскольку среди офицерского состава лишь корабельный священнослужитель стремился организовать подобные мероприятия для матросов. В статье выявляются два направления поездок: местные, направленные на посещение святынь и достопримечательностей, расположенных недалеко от места базирования, и заморские, предполагающие посещение достопримечательностей, расположенных на территории иностранных государств или отдалённых земель Российской империи. В статье раскрывается корабельная специфика организации паломнических поездок.

Ключевые слова: судовый священник, морское духовенство, Российский императорский флот, матросы, паломничество, экскурсия.

Об авторе: **Созонт Сукхдевович Сингх**

Аспирант историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: sozont@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8371-8955>

Ссылка на статью: Сингх С. С. Организация судовым священником паломнических поездок для нижних чинов кораблей российского флота на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 361–370.

* Изображения взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

S. S. Singh

**Organization of Pilgrimage Trips
for Sailors of the Ships of the Russian Fleet
by the Navy Chaplain at the Turn of the 19th–20th Centuries**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_361

Abstract: For the first time in Russian historiography, the article reveals an unknown aspect of the ministry of a navy chaplain: the organization of pilgrimage trips for sailors. This activity is unique, since among the officers, only the navy chaplain sought to organize such events for the sailors. The author identifies two directions of travel: local, aimed at visiting shrines and attractions located near the base, and distant, involving visits to attractions located on the territory of foreign states or remote lands of the Russian Empire. The article reveals the ship's specificity for organizing pilgrimage trips.

Keywords: navy chaplain, naval clergy, Russian Imperial Navy, sailors, pilgrimage, excursion.

About the author: **Sozont Sukkhdevovich Singh**

Postgraduate Student at the History and Philology Department at Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

E-mail: sozont@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8371-8955>

Article link: Singh S. S. Organization of Pilgrimage Trips for Sailors of the Ships of the Russian Fleet by the Navy Chaplain at the Turn of the 19th–20th Centuries. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 361–370.

* Images are taken from open sources.

Введение

Корабли Российского императорского флота посещали различные порты всего мира, и представители морского духовенства, по возможности, отправлялись на берег, в том числе, чтобы осмотреть окрестности и полюбоваться природой. Священник, как правило, путешествовал либо самостоятельно, либо в компании офицеров¹. Ярким примером такого судового священнослужителя-путешественника является архимандрит Сергей (Страгородский), бывший в 1891–1892 гг. судовым священником крейсера «Память Азова». Во время посещения крейсером различных городов и бухт Китая и Японии он активно общался с местными жителями и европейскими миссионерами², что, вероятно, способствовало накоплению опыта для его дальнейшей миссионерской деятельности.

Некоторые судовые священники стремились не только сами путешествовать, посещать святые места, узнавать новые страны, их природу, достопримечательности, но и приобщать к этому свою паству, в первую очередь нижних чинов, ведь офицеры были вполне самостоятельны и регулярно путешествовали сами.

Необходимо отметить, что для иеромонахов из провинциальных монастырей, как и для большей части матросов, проезд в города, где базировался Балтийский или Черноморский флоты, был также необычным явлением, поэтому и самим священникам, и нижним чинам было интересно посетить достопримечательности и святыни России. В связи с этим организацию поездок условно можно разделить на: *местные*, направленные на посещение святынь и достопримечательностей, расположенных недалеко от места базирования, и *заморские*, предполагающие посещение достопримечательностей, расположенных на территории иностранных государств или отдалённых земель Российской империи.

Это направление деятельности флотского духовенства до сих пор не освещалось в отечественной историографии. Потому в данной статье на основе письменных источников будет реконструирована организация судовым священником паломнических поездок для нижних чинов российского флота.

Основная часть

Необходимость организации экскурсий и паломнических поездок не фигурировала ни в Морском уставе³, ни «Положением об управлении церквями и духовенством военного и морского духовенства» (1890 г.)⁴, ни в других документах и была исключительно инициативой духовенства. Участие нижних чинов в поездках осуществлялось на добровольной основе⁵, упоминаний об их принудительности на данный момент обнаружить не удалось. Организация местных и заморских поездок в первую очередь должна была согласовываться со ст. 974 Морского устава: нижние чины должны возвращаться из увольнения не позже «вечерней зари»⁶. Поэтому было необходимо выбирать объекты для осмотра рядом с местом стоянки корабля. Именно расстояние, как правило, было критерием, по которому давалось разрешение на проведение поездки.

Организация *местной* поездки начиналась с рассказа священнослужителя о святых и достопримечательностях⁷. Как правило, это происходило либо во время воскресной

¹ Поликарпов Д., *свящ.* Воспоминания и впечатления первого судового священника во время заграничного плавания в 1900 году // Вестник военного духовенства. 1908. № 17. С. 535–536.

² Подробнее см.: Сергей (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). М., 2013. С. 245–283.

³ Морской устав 1885. СПб., 1885.

⁴ ПСЗ. Собр. III. Т. 10. № 6924 (12 июня 1890 г.).

⁵ О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 49.

⁶ Морской устав 1885. С. 370.

⁷ О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 49.

проповеди, либо во время отдельной внебогослужебной беседы. В основном, священник делал упор именно на церковную проблематику, а главная задача сводилась к тому, чтобы заинтересовать моряков. После чего определялись желающие, священник обговаривал с судовым начальством (старшим офицером или командиром) подробности поездки и получал разрешение на её проведение. В группу обычно назначался «для надзора» унтер-офицер⁸, а если количество желающих превышало 50 человек, то, согласно ст. 973 Морского устава, в её состав должен быть назначен офицер⁹. Но, как правило, группы были небольшие¹⁰. Анонимный священнослужитель отмечает, что «лучше всего, если священник с группой желающих в воскресный и праздничный день сам отправится туда и будет руководить командой при осмотре, сопровождая оный надлежащими пояснениями на месте»¹¹. На основании этого упоминания можно предположить, что не все экскурсии, организованные священником, проводились им самим.

Экскурии проходили чаще всего в Санкт-Петербурге (Балтийский флот) и Севастополе (Черноморский флот) и их окрестностях. В столице основными местами для поездки были Казанский, Исаакиевский, Петропавловский соборы, Александровская лавра и т.п. Кроме святых объектами посещения могли быть и светские достопримечательности, т.е. «памятники, музеи и дворцы»¹². В Севастополе группами посещались «Владимирский храм на могилах 4-х адмиралов» (В. А. Корнилова, П. С. Нахимова, М. П. Лазарева и В. И. Истомина), а также «Братское кладбище» с храмом и местом погребения защитников города, павших в Крымскую войну (1853–1856 гг.)¹³. Но наибольший интерес для проведения поездок представляли монастыри, расположенные в окрестностях Севастополя: Херсонесский, Бахчисарайский Успенский, Георгиевский Балаклавский и Инкерманский. Последний был особо почитаемым, поскольку, по преданию, именно здесь проходили молитвенные подвиги Климента Папы Римского. У входа в эту скальную обитель располагался небольшой музей, а сами окрестности монастыря «обильно орошены кровью славных защитников Севастополя»¹⁴. Например, в этот монастырь в 1912 г. на третий день Пасхальной седмицы была организована большая паломническая поездка судовых священников и моряков с разных кораблей Черноморского флота. После литургии, совершённой в главном храме монастыря, паломники посетили английское и французское кладбища¹⁵. Судовое начальство охотно разрешало совершать поездки во все вышеуказанные монастыри, кроме Бахчисарайского Успенского¹⁶. Вероятно, это связано с тем, что он расположен значительно дальше остальных.

По мнению анонимного священнослужителя, такая поездка полезна для нижних чинов, поскольку «доставит им и духовное утешение, и скромное развлечение, и освежит их после недельного сидения на судне»¹⁷. Сама формулировка «после недельного сидения» может свидетельствовать о наличии практики еженедельных поездок, однако на данный момент других упоминаний об этом найти не удалось.

Организация *заморских поездок* требовала от священнослужителя особой подготовки. Священнику было желательно иметь общее представление о народах и культурных особенностях стран, в порты которых планировались заходы корабля, чтобы передать эти знания матросам.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Морской устав 1885. С. 370.

¹⁰ *Милянковский Ф., свящ.* Из Севастополя // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 9. С. 348.

¹¹ О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 49.

¹² Там же. С. 50.

¹³ Там же. С. 49.

¹⁴ *Милянковский Ф., свящ.* Из Севастополя. С. 348.

¹⁵ Там же.

¹⁶ О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 49.

¹⁷ Там же. С. 50.

Сохранилась рекомендация, содержащаяся в статье¹⁸ анонимного священнослужителя и опубликованная в «Вестнике военного духовенства» в 1904 г.: «При заходе в другие иностранные порта не мешает знакомить команду с народностью той страны, её религией, нравами, обычаями, денежными знаками и рекомендовать то, что заслуживает осмотра в этом порте»¹⁹. Пример подготовки к экскурсии, произведённой на практике, упоминается в записках протоиерея, будущего священноисповедника Романа Медведя, опубликованных в 1914 г. в «Вестнике военного и морского духовенства»²⁰. Священнослужитель был настоятелем вышеупомянутого Свято-Владимирского адмиралтейского собора (именно там расположены могилы четырёх адмиралов) и благочинным береговых команд Черноморского флота, поэтому можно предположить, что он был знаком с материалами, публикуемыми в «Вестнике», и знал о рекомендациях анонимного священника. В апреле 1914 г., отправляясь в качестве судового священника в небольшое заграничное плавание на яхте «Алмаз», протоиерей Роман,

Священноисповедник протоиерей Роман Медведь (1874–1937)

узнав об иностранных портах, которые планирует посетить корабль, подготовился основательным образом. Для будущего рассказа он решил воспользоваться техническим оборудованием: взял с собой «несколько серий световых картин²¹, содержание которых так или иначе касалось тех мест, мимо которых нам надлежало проезжать, особенно же о Константинополе и Афинах»²². То есть рассказ, предваряющий экскурсию, был мероприятием, запланированным ещё до отплытия.

Плавание яхты планировалось до Греции и обратно, т.е. проливы Босфор и Дарданеллы проходились судном дважды. На обратном пути был возможен заход в Константинополь (переименование в Стамбул произойдёт в 1930 г.). Отец Роман решил рассказать о Константинополе и расположенных там святынях на пути в Грецию: «К заходу солнца мы вышли в Архипелаг²³. После ужина я решил устроить для команды чтение о турках, Константинополе и св. Софии»²⁴. Вероятно, священник предполагал сделать чтение отрывков из книги или книг, сопровождая повествование «световыми картинками». Но в первый раз это мероприятие прошло не совсем удачно: «Много времени ушло на приспособление фонаря и его установку. Моя просьба всё приготовить заблаговременно не была исполнена, а потому и чтение было кратко»²⁵. Чтения же, организованные на следующий день во время стоянки в порту Пирей, прошли успешно: «Тридцать картин промелькнуло незаметно. Матросы сожалели, что наступил конец так скоро. Но дольше продолжать

¹⁸ О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 11–18; № 2. С. 41–51

¹⁹ О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 50.

²⁰ Медведь Р., прот. Путевые впечатления // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 15–16. С. 572–575; № 17. С. 611–617; № 18. С. 641–643.

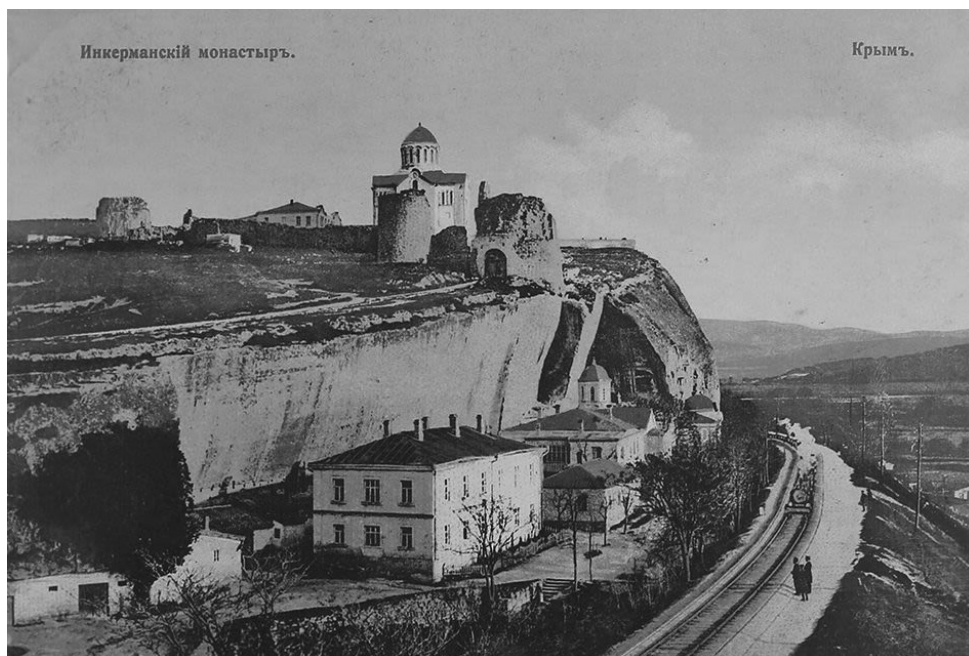
²¹ Вероятно, речь идёт о диапроекторе.

²² Медведь Р., прот. Путевые впечатления. С. 572.

²³ Южные Эгейские острова.

²⁴ Медведь Р., прот. Путевые впечатления. С. 575.

²⁵ Там же.

Инкерманский монастырь. Дореволюционная открытка

чение было нельзя, так как наступило время молитвы. Рассказы о св. Софии произвели на матросов должное воздействие, и они стали просить меня, чтобы на обратном пути, если мы остановимся в Константинополе, я бы с ними отправился в эту знаменитую христианскую святыню. Я обещал, если начальство разрешит и если их пустят на берег. «С Вами-то непременно пустят», сказали они, и были правы»²⁶.

Действительно, «съезд на берег» нижних чинов в иностранных портах находился под особым контролем судового начальства. Комендор крейсера «Аврора» Г. П. Сотников, рассказывая о заграничном плавании, отмечает: «За каждую небольшую провинность на берег не отпускали по месяцу и более»²⁷. При увольнении на берег в иностранном порту, согласно ст. 974 Морского устава, «с нижними чинами всегда отправляется офицер»²⁸. Судовой священник по статусу был равен офицеру и, следовательно, группа во главе с ним могла посетить берег для проведения экскурсии. Священнослужитель обладал большими знаниями, чем матрос, ведь он специально знакомился с историей и культурой страны посещения. И, как утверждает анонимный автор, во время заморских поездок «непосредственное руководство священника своими паломниками-матросами гораздо необходимее, чем на родине»²⁹.

На обратном пути яхта «Алмаз» сделала заход в Константинополь, и священника с матросами «пустили в св. Софию». К сожалению, в записках нет подробностей самой поездки, кроме упоминания, что все матросы, отпущенные на берег со священником, «возвратились на корабль вовремя, никто не загулял»³⁰. Протоиерей Роман отмечает, что для него «это паломничество было сплошною отрадою»³¹.

²⁶ Там же.

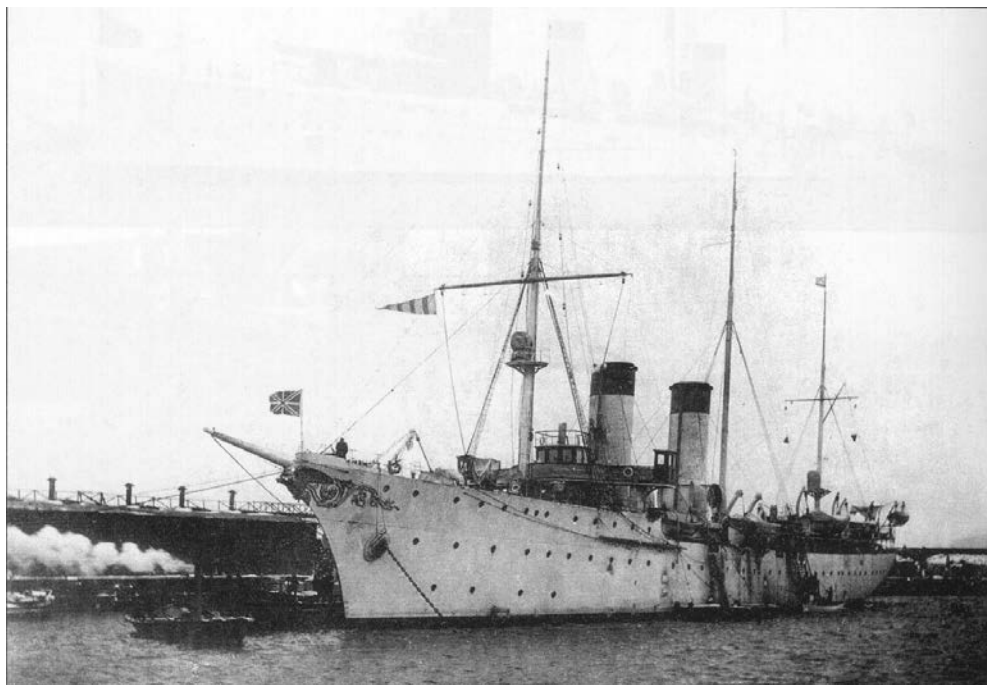
²⁷ ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 358. Л. 1.

²⁸ Морской устав 1885. С. 370.

²⁹ О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 50.

³⁰ Медведь Р., прот. Путевые впечатления. С. 575.

³¹ Там же.

Яхта (крейсер) «Алмаз»

Итак, можно утверждать, что протоиерей Роман Медведь заранее предусмотрел возможность проведения экскурсии, подготовил оборудование и отрывки текста, смог заинтересовать моряков и успешно провёл её, что может служить хорошим примером такого вида деятельности.

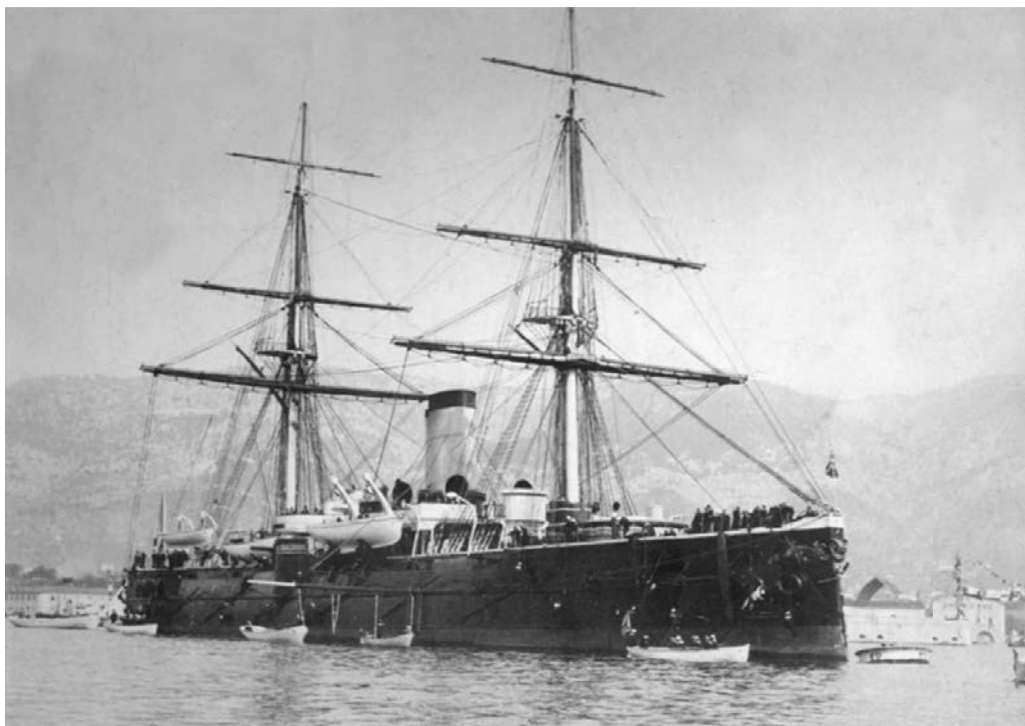
Кроме святых Константинополя, по сведениям анонимного священника, поездки для нижних чинов могли организовываться священнослужителями в монастыри Старого и Нового Афона и в Иерусалим³². Поэтому неслучаен тот факт, что именно с этими монастырями матросы нередко состояли в переписке³³.

В связи с заморскими экскурсиями нельзя не упомянуть любопытный случай, имевший место в октябре 1893 г. во французском порте Тулон. В то время произошло важное внешнеполитическое событие — оформление союза между Россией и Францией. Император Александр III направил в Тулон эскадру под командованием контр-адмирала Ф. К. Авелана, что должно было продемонстрировать сближение России и Франции. Эскадра состояла из броненосца «Император Николай I», крейсеров «Память Азова», «Адмирал Нахимов», «Рында» и канонерской лодки «Терек». 1 октября 1893 г. русская эскадра вошла на рейд Тулона. Её приход был встречен французами с восторгом: нашим морякам был устроен торжественный приём, а праздничные гуляния в их честь продолжались несколько дней. Множество французов хотели посмотреть русские корабли, и моряки с удовольствием проводили им экскурсии. Одним из добровольных экскурсоводов стал иеромонах Авель (Иванов)³⁴. Здесь

³² О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 2. С. 50.

³³ Дьяконов Г., свящ. Церковно-религиозная жизнь на корабле «Император Александр II», за два года заграничного плавания (1896–97 гг.) // Вестник военного духовенства. 1907. № 19. С. 599.

³⁴ Подробнее об этом эпизоде см.: Сингх С. С. Судовой священник крейсера «Адмирал Нахимов» иеромонах Авель (Иванов): штрихи к портрету // Златоустовские чтения: Сборник докладов историко-богословской научно-практической конференции. М., 2019. С. 27–37.

Крейсер I ранга «Адмирал Нахимов» во время визита русской эскадры в Тулон в октябре 1893 года

необходимо отметить важную деталь: иеромонах попытался провести экскурсию для гостей на французском языке, который тот изучал самостоятельно во время плавания³⁵. Контр-адмирала Д. В. Никитин в мемуарах отмечал, что когда отец Авель показывал гостям крейсер «Адмирал Нахимов», выяснилось, что его знания во французском невелики³⁶. Связанный с этим комический эпизод даёт крайне любопытную информацию. Показ корабля гостям — не редкость, но обычно этим занимались моряки, а данный эпизод — единственный из известных автору случаев, когда экскурсию по кораблю проводил судовой священник.

Вопрос о языке немаловажен для организации заморских поездок. Но, за исключением упомянутого эпизода, проблема языка в связи с экскурсиями в источниках не фигурирует. Поэтому можно лишь предполагать привлечение при организации экскурсии местных гидов или сотрудников русских консульств.

Единственное упоминание в источниках, которое можно рассматривать как организацию экскурсии для нижних чинов не духовным лицом, связано с греческой королевой Ольгой Константиновной, супругой короля Георга I, урождённой российской великой княжной, внучкой Николая I. Она с особым вниманием и заботой относилась к российскому флоту, «прежде всего любила его личный состав: матросы были предметом её особого попечения, не только потому, что они были матросами, а главным образом потому, что это были *русские крестьяне* (курсив в тексте. — С. С.), простые люди, которых королева знала и любила с детства»³⁷. Ольга Константиновна часто приглашала моряков к себе во дворец, одаривала их подарками, причём особого

³⁵ Никитин (Фокагитов) Д. В. В отлива час. Морское издательство при Кают-компани морских офицеров в Сан-Франциско, б.г. С. 98.

³⁶ Там же. С. 99.

³⁷ Гаршин М. Ю. Королева эллинов Ольга Константиновна. Прага, 1937. С. 29.

внимания удостаивались именно простые матросы³⁸. В воспоминаниях комендора крейсера «Аврора» Г. П. Сотникова упоминается о том, как в 1903 г. во время празднования Рождества королева посетила корабль, некоторых членов команды взяла с собой в Афины, где показала им свой дворец и вручила каждому моряку по медному кресту на шею³⁹.

Заключение

Важно отметить, что организация экскурсий не входила в обязанности судового священника. Это мероприятие мог организовать любой офицер корабля, но, вероятно, командный состав, состоявший из дворян, не видел смысла в организации каких-либо поездок для нижних чинов. Между тем даже местная экскурсия могла оказать большое влияние на развитие личности моряков. Дело в том, что большая часть матросов, бывших подчас неграмотными или малограмотными провинциальными крестьянами, за годы службы на флоте, даже находясь в заграничных плаваниях, нередко кроме военных баз и портов с прилежащими районами могли ничего и не увидеть. Командный состав кораблей имел больше финансовых возможностей и, в отличие от нижних чинов, мог свободнее перемещаться в заграничных портах. Офицеры регулярно отправлялись на различные приёмы, путешествия по округе, охоту, рыбалку и т. д. Можно предположить, что священник, всё же более близкий к простому матросу, чем офицер, если он был настоящим пастырем, радеющим о пастве, мог стремиться исправить эту ситуацию, а заодно и способствовать воцерковлению матросов. Крестьяне, воспитывавшиеся преимущественно в христианских семьях, как правило, не раз слышали, например, о Святой земле, Афоне и других святынях, но у среднестатистического жителя Российской империи практически не было шанса их посетить. Да и различные достопримечательности, расположенные в столице или Крыму, также могли представлять большой интерес для простых моряков.

Поездки позволяли нижним чинам познакомиться с особенностями природы разных регионов, быта различных народов, достопримечательностями, известными святынями своего вероисповедания, что вероятно, позволяло скрасить тяжёлую, однообразную службу на корабле и приобрести массу новых впечатлений. Этому также способствовало то, что в условиях жёсткой корабельной дисциплины все поездки, организованные священником, носили добровольный характер.

В источниках достаточно редко встречается информация о данной деятельности, что может свидетельствовать о том, что мало кто из священнослужителей имел желание заниматься организацией столь сложного мероприятия. Ведь матросов надо было заинтересовать, продумать поездку и во время неё отвечать за то, чтобы никто из нижних чинов «не загулял» и они все вовремя вернулись на борт. Но, несмотря на все трудности, находились священнослужители, которые проявляли свою заботу о пастве с помощью организации подобных мероприятий.

Источники и литература

1. *Гаршин М. Ю.* Королева эллинов Ольга Константиновна. Прага, 1937.
2. *Дьяконов Г., свящ.* Церковно-религиозная жизнь на корабле «Император Александр II», за два года заграничного плавания (1896–97 гг.) // Вестник военного духовенства. 1907. № 17. С. 537–541; С № 18. С. 568–570; № 19. С. 599–608.
3. *Милянковский Ф., свящ.* Из Севастополя // Вестник военного и морского духовенства. 1912. № 9. С. 347–349.

³⁸ Там же. С. 35, 36.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 358. Л. 23.

4. Морской устав 1885. СПб., 1885.
5. О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1. С. 11–18, № 2. С. 41–51.
6. *Поликарпов Д., свящ.* Воспоминания и впечатления первого судового священника во время заграничного плавания в 1900 году // Вестник военного духовенства. 1908. № 15 С. 472–480; № 16. С. 501–511; № 17. С. 533–542.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том X. Отделение 1. 1890 г. СПб., 1893.
8. *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке (Письма японского миссионера). М., 2013.
9. *Синх С. С.* Судовой священник крейсера «Адмирал Нахимов» иеромонах Авель (Иванов): штрихи к портрету // Златоустовские чтения: Сборник докладов историко-богословской научно-практической конференции. М., 2019. С. 27–37.
10. *Сотников Г. П.* Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 524. Оп. 2. Д. 358.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Диакон Константин Суржиков

**Внутренняя структура и личный состав
Учебного комитета при Святейшем Синоде
(краткий обзор)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_371

Аннотация: В статье на основании в том числе неопубликованных и впервые вводимых в научный оборот источников рассматривается структура, главные направления деятельности и личный состав Учебного комитета при Святейшем Синоде. Данная структура была образована в 1867 г. для централизованного управления духовно-учебными заведениями Российской империи. Деятельность Учебного комитета была связана с внедрением уставов в семинариях и училищах, ревизиями учебных заведений, рецензированием учебников и учебных пособий, распределением премий за опубликованные и рукописные монографические исследования. Учебный комитет осуществлял свою деятельность вплоть до 1918 г.

Ключевые слова: Учебный комитет при Святейшем Синоде, духовная семинария, духовное училище, обучение, синодальное учреждение, управление, устав, личный состав, Святейший Синод.

Об авторе: **Диакон Константин Владимирович Суржиков**

Аспирант I курса Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: surzhikov95@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4948-3045>

Ссылка на статью: Суржиков К., диак. Внутренняя структура и личный состав Учебного комитета при Святейшем Синоде (краткий обзор) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 371–377.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Deacon Constantine Surzhikov

**Internal Structure and Personnel
of the Educational Committee of the Holy Synod
(a Brief Overview)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_371

Abstract: The article examines the structure, main directions of activity and the personnel of the Educational Committee under the Holy Synod on the basis of various sources, including those unpublished and introduced into scientific circulation for the first time. This structure was formed in 1867 for the centralized management of the theological educational institutions of the Russian Empire. The activities of the Educational Committee were related to the implementation of statutes in seminaries and schools, audits of educational institutions, reviewing textbooks and teaching aids, the distribution of prizes for published and handwritten monographic research. The Educational Committee carried out its activities until 1918.

Keywords: Educational Committee at the Holy Synod, theological seminary, theological school, educational, synodal institution, administration, charter, personnel, Holy Synod.

About the author: **Deacon Constantine Vladimirovich Surzhikov**

First year graduate student at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: surzhikov95@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4948-3045>

Article link: Surzhikov C., deacon. Internal Structure and Personnel of the Educational Committee of the Holy Synod (a Brief Overview). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 371–377.

* Photos are taken from open sources.

На данный момент нет ни одного исследования, посвященного систематическому и подробному изложению истории возникновения и деятельности Учебного комитета при Святейшем Синоде, действовавшем в период с 1867 по 1918 гг. Исключением является лишь обзорная статья Н. Ю. Суховой¹.

Учебный комитет был создан для «обсуждения важнейших учебно-педагогических дел»² вместо упраздненного в 1867 г. Духовно-учебного управления, которое, в свою очередь, выполняло данные функции с 1839 г. Согласно положению устава Учебного комитета, основными целями определялись: 1) обсуждение учебно-педагогических дел; 2) проверка учебных заведений посредством ревизий. Просуществовал Учебный комитет до 4 октября 1918 г., когда на Поместном соборе было принято окончательное решение передать управление над всеми учебными заведениями Школьно-просветительскому отделу Высшего церковного совета³.

Рассмотрение внутренней структуры Учебного комитета следует начать с разбора основных положений его устава. Примечательно, что изначальный черновой вариант проекта⁴ несколько отличался от того варианта, который в итоге был принят⁵. В настоящей статье будут рассмотрены как первый, так и второй варианты.

Со второго по девятый параграфы устава располагаются положения, посвященные составу Учебного комитета. В них оговаривается не только количество человек, которые должны работать в данной структуре, но и вопросы, связанные, например, с возможностью совмещения работы в комитете с другими должностями. Как следует из этих глав, председатель комитета избирался из лиц духовного сана, а члены — из духовных и светских лиц. Помимо образовательного ценза, кандидаты должны были обладать и определенным опытом, который бы помогал им в процессе работы. Председатель и члены из духовных лиц назначались на должности Св. Синодом, а светские лица — обер-прокурором⁶.

Пятый параграф посвящен количеству работников комитета: «Число членов в Комитете полагается девять (шесть, в скобках чернового варианта. — *диак. К.С.*); из них шесть (четыре) постоянно присутствуют в Комитете, а три (два) посылаются, с разрешения Святейшего Синода, на ревизии духовно-учебных заведений; во время свободное от ревизий и сии члены обязаны участвовать в занятиях Комитета». Таким образом, изначально предполагалось не девять, а шесть членов, из которых четыре постоянных, а два выездных. В этой связи возникает вопрос, почему в итоге количество членов было увеличено? Можно предположить, что это связано с количеством духовных школ, которых стало на тот момент намного больше по сравнению с началом XIX в.⁷

Протоиерей
Иосиф Васильев

¹ Сухова Н. Ю. История центральных органов управления духовно-учебными заведениями в России. 1807–1918 гг. // Вестник архивиста. 2001. № 6 (66). С. 264–302.

² См.: 2 ПСЗ. Т. XLVI. № 44570. С. 496.

³ РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 26. Л. 168.

⁴ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 37. 1 отд. 1 ст. Д. 131. Л. 7–10.

⁵ См.: Там же. Л. 496–497.

⁶ Там же. Л. 496.

⁷ См.: Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. С. 104.

Протоиерей
Петр Смирнов

Шестой параграф напрямую связан с должностью председателя, которому разрешалось совмещать председательство с какой-либо еще одной должностью, если это не связано с обширными занятиями. Само слово «должность» при этом не имеет никакого определения, в связи с этим сложным является ответ на вопрос, какой смысл изначально вкладывался в это определение.

Примечательно, что председатели протоиерей Иосиф Васильев и протоиерей Алексей Парвов не были «совместителями» и занимались исключительно делами Учебного комитета⁸. Протоиерей Петр Смирнов, кроме того, что возглавлял Учебный комитет, также с 1888 по 1905 гг. являлся редактором журнала «Церковные ведомости»⁹. Архиепископ Арсений (Стадницкий) председательствовал в Учебном комитете, будучи епархиальным архиереем и членом Св. Синода¹⁰. Протоиерей Димитрий Беликов состоял в комиссии по старокатолическому и англиканскому вопросам¹¹. Архиепископ Сергей (Страгородский) возглавлял

Учебный комитет, занимая одновременно с этим целый ряд должностей, например, возглавляя комиссию по исправлению богослужбных книг. Последний председатель, священник Константин Агеев, был членом демократического союза духовенства и мирян и членом Предсоборного Совета и Поместного собора 1917–1918 гг.¹²

Седьмой параграф устанавливал, что члены-ревизоры не могли занимать никаких должностей помимо существующей. Соблюдение данного правила можно увидеть при выборах в Государственную Думу членов Учебного комитета, когда ревизоры не числились в документах, содержащих списки выборных, в отличие от штатных членов комитета¹³.

Согласно восьмому параграфу, на заседания Учебного комитета с ведома Св. Синода или обер-прокурора разрешалось приглашать сторонних, т.е. сверхштатных лиц («с правом голоса, и посторонние лица из ученых и педагогов, как живущих в С.-Петербурге, так и из иногородних в случаях прибытия их почему-либо в С.-Петербург»). Впоследствии некоторым сверхштатным членам выплачивали оклад в размере 1.000 руб. в год¹⁴. Со временем возникла практика, когда сверхштатные члены Учебного комитета через какой-то период назначались членами постоянными, например, доктор церковной истории С. Г. Рункевич¹⁵.

⁸ См.: Анненкова Э. А. Императорское училище правоведения // Пространство и время. 2013. № 1 (11). С. 220.

⁹ См.: Протоиерей Петр Николаевич Смирнов (некролог) // Прибавления к Церковным ведомостям. 1907. № 44. С. 1929.

¹⁰ См.: Фотий (Нечепоренко), иером. Арсений (Стадницкий), митр. // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 410.

¹¹ См.: РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1907 г. Д. 97. Л. 39.

¹² См.: Балакшина Ю. В. Протоиерей Константин Агеев. Письма // Сайт Преображенского братства. Psmb.ru / URL: <https://psmb.ru/a/prot-konstantin-aggeev-pisma.html> (дата обращения: 23.06.2021).

¹³ См.: РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1892 г. Д. 12. Л. 13.

¹⁴ См.: РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1903 г. Д. 115. Л. 4.

¹⁵ См.: РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1903 г. Д. 112. Л. 15.

Девятый параграф гласил: «Занятия между членами Комитета распределяются председателем, который вообще по званию сему пользуется правами председателей коллегияльных учреждений»¹⁶. Председатели же коллегияльных учреждений возглавляли заседания коллегий и при равном количестве голосов их голос приравнивался к двум¹⁷.

Двенадцатый параграф был посвящен взаимоотношениям Учебного комитета с другими структурами и лицами. Общение с нижестоящими и равными Учебному комитету местами и лицами должно было осуществляться через председателя, а с «высшими местами» и лицами — через обер-прокурора. Изначально дела никогда не посылались напрямую от председателя Учебного комитета в Св. Синод, т.к. документ даже личного характера должен был пройти через канцелярию обер-прокурора¹⁸.

Таким образом, изначально в состав комитета входили председатель, девять членов и правитель дел. Впоследствии к работе комитета в качестве экспертов привлекались архиереи, профессора и ученые, чтобы восполнить научную «недостаточность» и подкрепить компетентность решения архиерейским авторитетом¹⁹. Духовные лица избирались Св. Синодом, а светские — обер-прокурором²⁰. В 1871 г. численность сотрудников Комитета была увеличена на два ревизора²¹. В 1876 г. число постоянных членов было увеличено до семи²².

Делопроизводство Учебного комитета осуществляла канцелярия, которую возглавлял правитель дел. Его на должность назначал обер-прокурор, необходимое же число канцелярских чиновников определял сам правитель дел. Вначале он справлялся один, а затем в 1873 г. была учреждена должность помощника правителя дел²³. Затем в 1898 г., в связи с увеличением количества духовных школ и делопроизводства комитета, должность помощника правителя дел была разделена на две — старшего и младшего помощника (по факту их было сразу же два)²⁴. Определением Св. Синода от 10–20 января 1909 за № 91 был учрежден Справочно-статистический отдел, который должен был заниматься сбором сведений о лицах, состоящих на духовно-учебной службе²⁵. Тем же определением, с целью контроля и увеличения загруженности делопроизводителей комитета, было увеличено и количество помощников

Епископ
Сергий (Страгородский)

¹⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 37. 1 отд. 1 ст. Д. 131. Л. 496.

¹⁷ См.: *Бабич М. В.* Коллегии (в Российской империи) // Электронная энциклопедия knowledge.su / URL: <http://knowledge.su/k/kollegii-v-rossiyskoj-imperii> (дата обращения 23.06.2021).

¹⁸ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 37. 1 отд. 1 ст. Д. 131. Л. 497.

¹⁹ См.: *Сухова Н. Ю.* История центральных органов управления... С. 267; *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. 2-е изд., перераб. М., 2006. С. 282.

²⁰ См.: Там же: С. 468.

²¹ См.: 2 ПСЗ. Т. XLVI. № 49657. С. 733.

²² См.: 2 ПСЗ. Т. LI. № 55921. С. 473.

²³ См.: 2 ПСЗ. Т. XLVIII. № 52081. С. 417.

²⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 68. 1 отд. 1 ст. Д. 126. Л. 8–9.

²⁵ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 79. 1 отд. 1 ст. Д. 30. Л. 1–2.

делопроизводителя. К трем помощникам правителя дел прибавился еще один, при этом двое были старшими и двое младшими²⁶.

Таким образом, на 1917 г. в состав сотрудников Учебного комитета входили следующие лица: председатель, семь постоянно-присутствующих членов, три ревизора, сверхштатных членов в количестве двадцати одного (за год), один правитель дел, два старших и два младших помощника правителя дел²⁷.

Все кардинально поменялось в 1918 г., когда Святейшим Патриархом и Священным Синодом в соединенном заседании с Высшим церковным советом от 1/14 мая 1918 г. было постановлено оставить Учебный комитет при Священном Синоде в составе: председателя, шести членов комитета и канцелярии, состоящей из семи человек, с оставлением прежних окладов²⁸. Личный состав теперь выглядел следующим образом: председатель — протоиерей Константин Агеев, два члена ревизора — М. И. Савваитский и Ф. Н. Белявский, четыре постоянно присутствующих члена комитета — П. Ф. Полянский, В. Н. Самуилов, С. Г. Рункевич и В. И. Яцкевич, два сверхштатных члена — В. Т. Георгиевский и архимандрит Неофит (временно, по причине полезности в вопросе устройства пастырских училищ), один правитель дел — А. Д. Кузнецов, один старший помощник — А. И. Оранский, и один младший — Н. А. Скворцов²⁹. Сокращение числа членов Учебного комитета обуславливало в скором времени и его закрытие, после более чем 50-летнего существования³⁰.

Учебный комитет был активно развивающейся структурой, состав членов которой менялся по мере необходимости. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что данная структура старалась в меру своих сил решать проблемы духовных школ, которые постигли их в конце XIX — начале XX вв.

Источники и литература

Источники

1. РГИА. Ф. 797. Оп. 37. 1 отд. 1 ст. Д. 131. Об упразднении Духовно-учебного управления и об учреждении при Св. Синоде Учебного Комитета.
2. РГИА. Ф. 797. Оп. 66. 1 отд. 1 ст. Д. 78а. О сообщении Председателю Комиссии для просмотра устава о службе гражданской расписания должностей по классам, разрядам мундиров и пенсий, как центрального, так и местных установлений ведомства Православного Исповедания.
3. РГИА. Ф. 797. Оп. 68. 1 отд. 1 ст. Д. 126. О замещении должностей по новому штату Канцелярии Учебного Комитета при Святейшем Синоде.
4. РГИА. Ф. 797. Оп. 79. 1 отд. 1 ст. Д. 30. Об учреждении при канцелярии Учебного комитета при Святейшем Синоде Справочно-Статистического отдела.
5. РГИА. Ф. 802 Оп. 11. 1917 г. Д. 11. О личном составе Учебного комитета при Святейшем Синоде и его Канцелярии.
6. РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1903 г. Д. 112. О службе в Учебном комитете С. Рункевича.
7. РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1903 г. Д. 115. О службе в Учебном комитете И. Троицкого.
8. РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1907 г. Д. 97. О службе в Учебном Комитете председателя оногo протоиерея Дмитрия Беликова.
9. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1918 г. Д. 1. О производстве содержания служащим в Канцелярии Учебного комитета и другие расходы по комитету

²⁶ Там же.

²⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1917 г. Д. 11. Л. 35.

²⁸ Там же. 1918 г. Д. 1. Л. 16.

²⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1918 г. Д. 1. Л. 18.

³⁰ Там же. Л. 103–107.

10. РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1892 г. Д. 12. О личном составе Учебного комитета при Святейшем Синоде.
11. РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 26. Выписка из протоколов Священного Собора.
12. Свод Законов Российской империи. Собрание 2. В 55 т. Т. 46. СПб.: I отделение типографии Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1874. 935 с.
13. Свод Законов Российской империи. Собрание 2. В 55 т. Т. 48. СПб.: II отделение типографии Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1899. 572 с.
14. Свод Законов Российской империи. Собрание 2. В 55 т. Т. 51. СПб.: I отделение типографии Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1878. 714 с.

Литература

15. *Анненкова Э. А.* Императорское училище правоведения // *Пространство и время* № 1 (11). 2013. С. 216–222.
16. *Бабич М. В.* Коллегии (в Российской империи) // *Электронная энциклопедия knowledge.su* / URL: <http://knowledge.su/k/kollegii-v-rossiyskoj-imperii> (дата обращения 23.06.2021).
17. *Балакишина Ю. В.* Протоиерей Константин Агеев. Письма // Сайт Преображенского братства. Psmb.ru / URL: <https://psmb.ru/a/prot-konstantin-aggeev-pisma.html> (дата обращения: 23.06.2021).
18. Протоиерей Петр Смирнов (некролог) // *Прибавления к Церковным ведомостям.* 1907. № 44. С. 1926–1930.
19. *Сухова Н. Ю.* История центральных органов управления духовно-учебными заведениями в России. 1807–1918 гг. // *Вестник архивиста.* 2001. № 6 (66). С. 264–302.
20. *Федоров В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.
21. *Фотий (Нечепоренко), иером.* Арсений (Стадницкий), митр. // *Православная энциклопедия.* Т. III. М., 2001. С. 409–416.
22. *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. 2-е изд., перераб. М., 2006.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Н. А. Тарнакин

**К вопросу о преемственности образовательной
и научной моделей дореволюционных духовных школ
в Ленинградской духовной академии и семинарии
(вторая половина 1940-х гг.)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_378

Аннотация: В статье рассматривается образовательный процесс, т.е. перечень изучаемых дисциплин, состав профессорско-преподавательской корпорации, структура учебного года и каникул дореволюционных духовных школ и Ленинградской духовной академии и семинарии, а также отдельные аспекты научно-исследовательской работы — публикационная активность преподавателей и их участие в конференциях. Делаются выводы о том, что: 1) преемственность дореволюционных образовательной и научной моделей возможна благодаря преподавателям и выпускникам дореволюционных академий и семинарий; 2) в Ленинградских духовных школах сохраняется преемственность относительно основного перечня дисциплин богословского образования; 3) преемственности относительно публикационной активности преподавателей и их участия в конференциях практически не наблюдается. Делается предположение, что возвращение к дореволюционным моделям объясняется не столько нежеланием создать новую систему, сколько психологически более комфортной для тогдашних преподавателей реализацией старой, испытанной модели.

Ключевые слова: Ленинградская духовная академия и семинария, преемственность, преподаватели, выпускники, изучаемые дисциплины, публикации, конференции, митрополит Григорий (Чуков).

Об авторе: **Николай Александрович Тарнакин**

Магистр теологии, аспирант Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: tarnakin.n.a@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9218-346X>

Ссылка на статью: Тарнакин Н. А. К вопросу о преемственности образовательной и научной моделей дореволюционных духовных школ в Ленинградской духовной академии и семинарии (вторая половина 1940-х гг.) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 378–388.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

N. A. Tarnakin

**On the Issue of the Continuity of the Educational
and Scientific Models of Pre-Revolutionary Theological Schools
at Leningrad Theological Academy and Seminary
(Second Half of the 1940s)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_378

Abstract: The article examines the educational process, i. e. the list of disciplines studied, the composition of the teaching corporation, the structure of the academic year and vacations of pre-Revolutionary theological schools and the Leningrad Theological Academy and Seminary, as well as certain aspects of research work — the publication activity of teachers and their participation in conferences. It is concluded that: 1) the continuity of pre-Revolutionary educational and scientific models is possible thanks to teachers and graduates of pre-Revolutionary academies and seminaries; 2) in the Leningrad theological schools, continuity is maintained with respect to the main list of disciplines of theological education; 3) there is practically no continuity regarding the publication activity of teachers and their participation in conferences. It is suggested that the return to pre-Revolutionary models is explained not so much by the reluctance to create a new system as by the implementation of an old, tested model, psychologically more comfortable for the teachers of that time.

Keywords: Leningrad Theological Academy and Seminary, continuity, teachers, graduates, disciplines studied, publications, conferences, Metropolitan Gregory (Chukov).

About the author: **Nikolai Aleksandrovich Tarnakin**

Master of Theology, Postgraduate Student at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: tarnakin.n.a@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9218-346X>

Article link: Tarnakin N. A. On the Issue of the Continuity of the Educational and Scientific Models of Pre-Revolutionary Theological Schools at Leningrad Theological Academy and Seminary (Second Half of the 1940s). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 378–388.

* Photos are taken from the open sources.

Введение

Митрополит
Григорий (Чуков)

В 1943 г. была начата разработка Положения об организации богословских школ, которое в дальнейшем стало основой «Положения об академиях и семинариях»¹. Патриархом Сергием (Страгородским) эта работа была поручена выпускнику Санкт-Петербургской духовной академии (1895 г.), магистру богословия архиепископу Саратовскому Григорию (Чукову)². Это произошло после встречи 4 сентября 1943 г. И. В. Сталина с митрополитами Московским Сергием (Страгородским), Ленинградским Алексием (Симанским) и Киевским Николаем (Ярушевичем)³.

В 1946 г. усилиями митрополита Григория (Чукова) была открыта Ленинградская духовная академия и семинария⁴. При этом сразу же возникли сложности с формированием преподавательского состава, поскольку, во-первых, после репрессий 1930-х — начала 1940-х гг. существовал серьезный недостаток квалифицированных преподавателей. Во-вторых, советские власти, как правило, не давали регистрации в Ленинграде лицам, ранее репрессированным⁵. В-третьих, имели место негативные отзывы на предлагаемых

преподавателей (например, на С. А. Купрессова) в адрес уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви, причем иногда даже от церковнослужителей, что автоматически означало запрет на работу в академии⁶.

Тем не менее, несмотря на все сложности, во второй половине 1940-х гг. в Ленинградской духовной академии и семинарии была сформирована профессорско-преподавательская корпорация, костяк которой составили преподаватели и выпускники дореволюционных духовных школ: протоиерей Василий Верюжский, Сергей Алексеевич Купрессов, Василий Васильевич Четыркин, архимандрит Феогност (Дерюгин),

¹ Сорокин В., *прот.* 60-летие возрождения духовных школ в Санкт-Петербурге // Христианское чтение. 2006. № 26. С. 5–6.

² См.: Александрова-Чукова Л. К. Григорий (Чуков Николай Кириллович) // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006. С. 592–598; Шкаровский М. В. Создание и деятельность Ленинградских Богословско-пастырских курсов в 1944–1945 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 2 (63). С. 121–139.

³ Прием товарищем И. В. Сталиным Митрополита Сергия, Митрополита Алексия и Митрополита Николая // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 1. С. 5; Карпов Г. Г. Отчет Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова о приеме Председателем СНК СССР И. В. Сталиным иерархов Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М., 2009. С. 194–203.

⁴ «В современных учебных заведениях им зажжена лампада знания перед алтарем Вечной Истины». Документы по истории развития богословской науки в Ленинградской Духовной Академии в первые годы ее существования (*вступ. статья, публ. и примеч. Д. А. Карпука*) // Христианское чтение. 2016. № 4. С. 110–156.

⁵ Шкаровский М. В. Санкт-Петербургские Духовные школы в XX–XXI вв. Т. 1. СПб., 2015. С. 378.

⁶ Там же.

Лев Николаевич Парийский, Александр Иванович Сагарда и др.⁷ Отметим, что первым ректором возрожденной академии и семинарии стал выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1904 г.) протоиерей Иоанн Богоявленский.

Таким образом, благодаря этим преподавателям мы можем говорить о преемственности, даже своего рода передаче традиций дореволюционных духовных школ в возрожденные Ленинградские духовные школы. Особо отметим, что в корпорации были выпускники не только Санкт-Петербургской, но и Московской (например, Георгий Павлович Миролюбов⁸) и Казанской духовных академий (например, Александр Александрович Угрянский⁹).

Подробнее преемственность традиций дореволюционных духовных школ мы можем проследить через организацию образовательного процесса, научно-исследовательскую работу, административное устройство, историю повседневности студентов и преподавателей. В рамках настоящей статьи будут кратко рассмотрены образовательный процесс, т.е. перечень изучаемых дисциплин, состав профессорско-преподавательской корпорации, структура учебного года и каникул, а также отдельные аспекты научно-исследовательской работы, т.е. публикационная активность преподавателей и их участие в конференциях.

Епископ
Исидор (Богоявленский)

Организация образовательного процесса. Изучаемые дисциплины. Профессорско-преподавательская корпорация

Прямое сравнение изучаемых дисциплин дореволюционных и возрожденных духовных школах представляет серьезную проблему, поскольку ставит ряд вопросов. Во-первых, какой именно устав духовных академий — 1884 г. или 1910–1911 гг. — использовать для сравнения, ведь будущие преподаватели Ленинградской духовной академии учились по разным уставам? Во-вторых, с 1946 г. только началось формирование учебного процесса в возрожденных духовных школах, дисциплины включались и удалялись из программы, переименовывались, менялось их содержание.

Соответственно, далее для сравнения используются перечни дисциплин Санкт-Петербургской духовной академии (по уставу 1910–1911 гг.) и Санкт-Петербургской духовной семинарии (по уставу 1884 г.), причем приведенные перечни дисциплин

⁷ Епископ Симеон (Бычков), протоиерей Владимир Благовещенский, Александр Иванович Макаровский, Георгий Павлович Миролюбов, Александр Александрович Угрянский, Константин Александрович Сборовский, Павел Дмитриевич Вознесенский, Дмитрий Дмитриевич Вознесенский, Владимир Афанасьевич Некрасов, Михаил Филаретович Русаков, протоиерей Григорий Разумовский, Иван Иванович Зеленецкий и др. О них подр. см.: Профессора и преподаватели. 1946–1996. Биографический справочник / Сост. О. И. Ходаковская, А. А. Бовкало. СПб.: Издательство «Дивный остров», 2011. 160 с.

⁸ Миролюбов Георгий Павлович // Профессора и преподаватели. 1946–1996... С. 80–81.

⁹ Угрянский Александр Александрович // Профессора и преподаватели. 1946–1996... С. 126–127.

соответствуют реальной преподаваемой программе Ленинградской духовной академии и семинарии. При этом отметим, что они являются «синтетическими», поскольку представляют собой искусственно усредненные, сборные списки дисциплин, преподававшихся во 2-й пол. 1940-х гг. Более же подробное сравнение требует отдельного, углубленного исследования.

*Сравнительная таблица перечней дисциплин
Санкт-Петербургской и Ленинградской духовных семинарий*

Устав 1884 г. ¹⁰	ЛДС 1946–1950 гг.	Устав 1884 г.	ЛДС 1946–1950 гг.
Изъяснение Св. Писания Ветхого и Нового Заветов и библейская история	Библейская история Ветхий Завет Новый Завет	Начальные основания и краткая история философии	История философии (до 1949 г.)
Богословие:		Языки:	
Основное Догматическое Нравственное Сравнительное	Основное Догматическое Нравственное Сравнительное	Древние (латинский и греческий) Для желающих: Французский Немецкий Еврейский	Древние Английский Немецкий
История Церкви вообще и Российской в отдельности История и обличение русского раскола Гражданская история Русская история	История христианской Церкви	Практическое пастырское руководство Гомилетика Литургика Церковное пение	Практическое руководство для пастырей Гомилетика Литургика Церковное пение
Русская словесность с историей Русской литературы	Русский язык (Стилистика) Церковно-славянский язык	Алгебра, геометрия и основания пасхалии Физика Логика, психология Дидактика	
Иконописание (факультативно)			Катехизис Конституция СССР

Отметим также следующее. Во-первых, полный курс обучения распределялся до революции на шесть лет, в ЛДС — на четыре года. Во-вторых, студенты дореволюционной семинарии на 5-м и 6-м годах обучения проходили педагогическую практику в специально созданной для этого начальной школе с ежедневными уроками, под руководством учителя дидактики, т. е. педагогики¹¹.

Как видим, до революции в семинариях преподавались и богословские дисциплины, и предметы общего образования, такие как, например, алгебра и геометрия. Подобные предметы были и в возрожденных духовных школах, например, Конституция СССР. Примечательно введение в семинарскую программу «Катехизиса», что можно объяснить невысоким богословским уровнем тогдашних абитуриентов. Также обращает на себя внимание отсутствие предметов по всеобщей истории.

¹⁰ Устав Православных Духовных Семинарий // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. (Далее — ПСЗРИ). Т. 4. СПб., 1887. С. 444.

¹¹ Там же. С. 445.

*Сравнительная таблица перечней дисциплин
Санкт-Петербургской и Ленинградской духовных академий*

Устав 1910–1911 г. ¹²	ЛДА 1946–1950 гг.	Устав 1910–1911 г.	ЛДА 1946–1950 гг.
Ветхий Завет Новый Завет	Ветхий Завет Новый Завет	Систематическая философия Логика Психология	Логика Психология
Патрология	Патрология		Византология
История Древней Церкви История Русской Церкви	История Древней Церкви История Русской Церкви		Катехизис Конституция СССР
Пастырское богословие с аскетикой Гомилетика Литургика Церковное право	Пастырское богословие Практическое руководство для пастырей Гомилетика Литургика Каноническое право	По выбору: История философии или Педагогика	История философии (до 1949 г.) История религиозно-философской мысли (после 1949 г.)
Богословие:		Языки:	
Основное Догматическое Нравственное	Основное Догматическое Нравственное	Древние (греческий) Новые языки (для желающих)	Древние (греческий, латинский, еврейский) Английский Немецкий
Церковная археология с связи с историей христианского искусства История и обличение русского раскола История и обличение русского сектантства	История и обличение раскола и сектантства Церковная археология История Русской и Славянских Церквей История Западных исповеданий	Из прочих предметов составлялись четыре группы	

Полный курс обучения до революции и в Ленинградской духовной академии распределялся на четыре года. Обращает на себя внимание, что в Ленинградской академии сохраняется преемственность относительно основного перечня дисциплин, который можно назвать «костяком» богословского образования.

Также отметим, что в дореволюционной академии из студентов составлялись параллельные группы, в которых преподавались дисциплины «по выбору». Согласно уставу духовных академий 1884 г., таковых групп было две¹³. Согласно уставу 1910 г. — шесть¹⁴, однако в 1911 г. их количество было сокращено до четырех¹⁵. Группы своих названий не имели, однако по содержанию их можно было бы назвать «философическим направлением», «историческим», «библейским», «церковно-практическим» и т. д. Соответственно, они напоминают современную магистратуру с разными направлениями подготовки.

¹² Изменения действующего Устава Духовных Академий // ПСЗРИ. Т. 31. СПб., 1914. С. 868–869.

¹³ Устав Православных Духовных Академий // ПСЗРИ. Т. 4. С. 238–239.

¹⁴ Устав Православных Духовных Академий // ПСЗРИ. Т. 30: 1910. СПб., 1913. С. 424.

¹⁵ Изменения действующего Устава Духовных Академий // ПСЗРИ. Т. 31. С. 868.

Ряд дореволюционных дисциплин «по выбору» в Ленинградской академии был введен в основной перечень. Можно предположить, что причина этого заключается в тогдашних реалиях. В те годы найти преподавателей было проблематично¹⁶, поэтому переносы дисциплин можно объяснить привлечением к учебному процессу конкретного специалиста. Так, чтение курса лекций по «Истории и обличению раскола и сектантства» было поручено С. А. Купрессову. Особо отметим, что до революции данный курс был актуален, но в 1940–1950-е гг. практически потерял свое значение, т. е. курс был перенесен, однако смысл его изменился с практического на чисто теоретический, исторический¹⁷.

Далее рассмотрим численность профессорско-преподавательской корпорации (представлена в таблице) и систему званий и должностей.

Численность профессорско-преподавательской корпорации

1984 г.	1910 г.	1947 г.	1950 г.
8 Ординарных проф.	9 Ординарных проф.	3 профессора	3 профессора
9 Экстраорд. проф.	10 Экстраорд. проф.		
9 Доцентов	10 Доцентов	5 доцентов	11 доцентов
3 Лектора	3 Лектора	3 преподавателя	6 преподавателей
=29	=32	=11	=20

Штат профессорско-преподавательской корпорации дореволюционной академии (без семинарии) состоял из 29 человек в 1884 г.¹⁸ и из 32 человек в 1910 г.¹⁹ Корпорация возрожденных Ленинградских академии и семинарии к концу первого учебного года насчитывала всего лишь 11 человек²⁰, к сентябрю 1950 г. — уже 20²¹.

С 1934 г. СССР перешёл на 2-х ступенчатую систему присуждения ученых степеней: кандидат и доктор наук²², в церковной же системе осталась 3-х ступенчатая система: кандидат — магистр — доктор. При этом Ленинградские духовные школы изначально приняли советскую систему званий и должностей. Можно предположить, что данный переход был осуществлен из-за контроля властей за системой оплаты труда преподавателей. Перечень же ученых степеней остался прежним из-за сравнительно большого числа дореволюционных выпускников, что также может восприниматься как преемственность. (Тем более, что переход на новую систему степеней явно не был бы признан государством.)

Структура учебного года и каникул в духовных школах претерпела незначительные изменения. До революции учебный год в духовных академиях продолжался с 15 августа (по уставу 1910–1911 гг. — с 16) до 15 июня. В семинариях учебный год начинался по-разному в зависимости от региона, при этом на летние каникулы было отведено полтора месяца. В Ленинградских духовных школах учебный год начинался по-разному (1 октября в 1948 г., 1 сентября в 1950 г.) и оканчивался в июне, в праздник

¹⁶ Причем не просто преподавателей, а преподавателей, удовлетворяющих строгим требованиям государства.

¹⁷ Купрессов С. А. Лекции по обличению раскола и сектантства, читанные доцентом Купрессовым С. А. студентам II курса Ленинградской Духовной Академии в 1947/1948 уч. году. Л., 1948. [Машинопись]. 574 с.

¹⁸ Устав Православных Духовных Академий // ПСЗРИ. Т. 4. С. 239.

¹⁹ Приложение к § 134 Устава Православных Духовных Академий // ПСЗРИ. Т. 30. Отд. 2: приложения. СПб., 1913. С. 219–220.

²⁰ Шкаровский М. В. Санкт-Петербургские Духовные школы... С. 400.

²¹ Там же. С. 472.

²² См.: Постановление СНК СССР от 13.01.1934 № 79 «Об ученых степенях и званиях» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 12 от 14.01.1934.

Св. Троицы. Зимние каникулы студенты зачастую проводили в академии, как правило, посещая театры, музеи, выставки и т. д.²³

Научно-исследовательская работа. Публикационная активность преподавателей. Участие в конференциях

До революции проблем с публикацией статей не возникало (даже при условии сохранения цензуры), поскольку, прежде всего, существовал целый ряд православных научных журналов²⁴. В советский период все было сложнее. Во-первых, опубликоваться можно было только в «Журнале Московской Патриархии»²⁵. Во-вторых, большая часть статей носила информационный, новостной характер. Однако и научные публикации тоже были. За рассматриваемый период обнаружено четыре статьи, которые принадлежат выпускникам дореволюционных духовных школ: протоиерею Василию Верюжскому²⁶, Льву Николаевичу Парийскому²⁷ и Александру Ивановичу Сагарде²⁸, в чем опять-таки можно усмотреть преемственность и передачу опыта научной работы.

Кратко рассмотрим участие преподавателей в конференциях. До революции научных конференций в современном понимании не существовало. Они начали появляться в конце XIX в. в форме т. н. «съездов», как, например, «Съезды русских естествоиспытателей и врачей» или «Менделеевские съезды»²⁹. Отметим, что из преподавательского состава академии в работе подобных мероприятий («Археологические съезды»³⁰) деятельное участие принимал профессор Николай Васильевич Покровский³¹.

В возрожденных духовных школах конференций также не было, хотя причины этого в ином. Прежде всего, научно-богословское сообщество только еще начинало восстанавливаться и специалистов для полноценного собрания просто не хватало.

²³ См., напр.: *Парийский Л.* Каникулы в Ленинградских Духовных школах // Журнал Московской Патриархии. 1951. № 2. С. 48.

²⁴ О научной деятельности академии в дореволюционный период см.: *Карпук Д. А.* Санкт-Петербургская Духовная Академия // Православная энциклопедия. Т. LXI. М., 2021. С. 368–374.

²⁵ См.: *Алешин А. А.* Проблемы развития духовного образования на страницах «Журнала Московской патриархии» в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. 1943–1948 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 8 (337). С. 79–87; *Добыкин Д. Г., Тарнакин Н. А.* Русская православная библеистика в СССР. Период с 1922 по 1953 гг. // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 225–237.

²⁶ См. *Верюжский В., прот.* О Церкви Христовой (Божеская и человеческая сторона в земной Церкви) // Журнал Московской Патриархии. 1949. № 11. С. 31–36.

²⁷ См.: *Парийский Л.* О церковнославянском языке в русском православном богослужении // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 6. С. 54–58; *Его же.* Обличение папства католическим святым // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 2. С. 52–60.

²⁸ См.: *Сагарда А. И.* Место устной традиции в истории развития древнецерковной мысли (актовая речь в ЛДА) // Журнал Московской Патриархии. 1949. № 1. С. 32–42; № 2. С. 27–33.

²⁹ См.: *Лоскутова М. В.* Съезды русских естествоиспытателей и профессорско-преподавательский корпус университетов Российской Империи (1860–1910-е гг.) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы. Томск, 2012. С. 76–93; *Козлов В. В.* Очерки истории химических обществ СССР. М., 1958. С. 555–584.

³⁰ См.: *Баталов А. Л.* Археологические съезды // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 501–502.

³¹ См.: *Санюк Г., свящ.* Литургическая наука в Санкт-Петербургской Духовной академии на рубеже XIX–XX вв. (К 100-летию со дня кончины проф. Н. В. Покровского) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1. С. 101–112; «Академия идет в глубь веков и черпает свои живительные силы в богословской науке древне-вселенской Церкви, с которой сохраняет постоянную и неразрывную связь» (Из неопубликованного Отчета о состоянии Петроградской духовной академии за 1917 г.) (*Вступ. статья, публ. и примеч. Д. А. Карпук, К. Бабак*) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1. С. 115–117.

При этом отметим, что в деле активизации научно-исследовательской деятельности преподавателей Ленинградской академии с конца 1940-х гг. важную роль играл Отдел внешних церковных сношений (ОВЦС). Первый раз его руководство обратилось в Совет академии осенью 1948 г. с предложением принять участие в научных конференциях в Греции, посвященных 1900-й годовщине прибытия апостола Павла в Европу. Однако на это последовал отказ, обоснованный недостаточной комплектацией библиотеки академии актуальной иностранной научной литературой³². Тем не менее, в последующем преподаватели академии начали принимать подобные приглашения и выезжать за рубеж для участия в различных конференциях, межконфессиональных диалогах и т.п. Очевидно, в то время это был единственный способ участия в полноценных научных собраниях³³.

Заключение

Таким образом, рассмотрев перечни дисциплин, состав профессорско-преподавательской корпорации, структуру учебного года, публикационную активность преподавателей и их участие в конференциях, приходим к следующим выводам.

Во-первых, говорить о преемственности возрожденных духовных школ можно лишь благодаря преподавателям и выпускникам дореволюционных академий и семинарий, которые, будучи носителями традиций духовного образования Российской империи, стали основой профессорско-преподавательской корпорации. Эти традиции старорежимные преподаватели и желали, и старались передать новому, уже советскому поколению воспитанников.

Во-вторых, в Ленинградских духовных школах сохраняется преемственность относительно основного списка дисциплин богословского образования. Однако с преподаванием философских предметов дело обстояло сложнее. Например, «История философии» в семинарии читалась лишь до января 1949 г., когда было принято решение — по-видимому, из-за давления властей — о приостановлении ее преподавания. В академии эту дисциплину переименовали в «Историю религиозно-философской мысли»³⁴.

В-третьих, относительно публикационной активности преподавателей и их участия в конференциях преемственности практически не наблюдается, т.к. условия, в которых она осуществлялась, существенно разнятся.

Подытоживая, зададимся вопросом — какой вообще смысл в преемственности? Ведь в 1943 г. богословское образование начало возрождаться в совершенно иной обстановке, новой стране, где больше не было духовного сословия, церковного воспитания и специальной литературы. Следовательно, в идеале требовалось создание новой образовательной системы. Поначалу так и произошло — были организованы Богословский институт в Москве и Богословско-пастырские курсы в Ленинграде.

Однако уже в 1945 г. духовное образование в Ленинграде было реорганизовано и начало строиться по дореволюционному образцу. Это можно объяснить желанием ускорить процесс подготовки церковных кадров в ситуации снижения давления советского государства на Церковь. Обратной стороной этого ускорения и стала указанная преемственность, которая порой принимала несколько прямолинейный характер.

³² Шкаровский М. В. Санкт-Петербургские Духовные школы... С. 425.

³³ Также стоит упомянуть защиты магистерских диссертаций и активные речи как отдельные элементы жизни возрожденных духовных школ, которые, будучи заимствованы из дореволюционной практики, также могут восприниматься как часть научной преемственности. Однако этот аспект требует отдельного исследования. См., напр.: Карпук Д. А. Богословская наука в Санкт-Петербургской Духовной Академии (к 295-летию со дня основания и 70-летию со дня возрождения) // Христианское чтение. 2016. № 6. С. 10–30.

³⁴ Александрова-Чукова Л. К. Деятельность Учебного Комитета Священного Синода в 1946–1955 гг.: к 70-летию основания // Портал Богослов. Ru. URL: <https://bogoslav.ru/article/4888315> (дата обращения 30.06.2021).

Также можно предположить, что возвращение к дореволюционному образцу объясняется не столько нежеланием создать новую систему, сколько психологически более комфортной для тогдашних преподавателей реализацией старой, испытанной модели.

Источники и литература

1. «Академия идет в глубь веков и черпает свои живительные силы в богословской науке древне-вселенской Церкви, с которою сохраняет постоянную и неразрывную связь» (Из неопубликованного Отчета о состоянии Петроградской духовной академии за 1917 г.) (Вступ. статья, публ. и примеч. Д. А. Карпук, К. Бабак) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1. С. 113–132.
2. «В современных учебных заведениях им зажжена лампада знания перед алтарем Вечной Истины». Документы по истории развития богословской науки в Ленинградской Духовной Академии в первые годы ее существования (вступ. статья, публ. и примеч. Д. А. Карпука) // Христианское чтение. 2016. № 4. С. 110–156.
3. Александрова-Чукова Л. К. Григорий (Чуков Николай Кириллович) // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006. С. 592–598.
4. Александрова-Чукова Л. К. Деятельность Учебного Комитета Священного Синода в 1946–1955 гг: к 70-летию основания // Портал Богослов. Ru. URL: <https://bogoslav.ru/article/4888315> (дата обращения 30.06.2021).
5. Алешин А. А. Проблемы развития духовного образования на страницах «Журнала Московской патриархии» в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. 1943–1948 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 8 (337). С. 79–87.
6. Баталов А. Л. Археологические съезды // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 501–502.
7. Верюжский В., прот. О Церкви Христовой (Божеская и человеческая сторона в земной Церкви) // Журнал Московской Патриархии. 1949. № 11. С. 31–36.
8. Добыкин Д. Г., Тарнакин Н. А. Русская православная библеистика в СССР. Период с 1922 по 1953 гг. // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 225–237.
9. Изменения действующего Устава Духовных Академий // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1885–1916. Т. 31: 1911. СПб.: Гос. тип., 1914. С. 868–870.
10. Карпов Г. Г. Отчет Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова о приеме Председателем СНК СССР И. В. Сталиным иерархов Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М., 2009. С. 194–203.
11. Карпук Д. А. Санкт-Петербургская Духовная Академия // Православная энциклопедия. Т. LXI. М., 2021. С. 360–383.
12. Карпук Д. А. Богословская наука в Санкт-Петербургской Духовной Академии (к 295-летию со дня основания и 70-летию со дня возрождения) // Христианское чтение. 2016. № 6. С. 10–30.
13. Козлов В. В. Очерки истории химических обществ СССР. М.: Изд. АН СССР, 1958.
14. Купрессов С. А. Лекции по обличению раскола и сектантства, читанные доцентом Купрессовым С. А. студентам II курса Ленинградской Духовной Академии в 1947/1948 уч. году. Л., 1948. [Машинопись]. 574 с.
15. Лоскутова М. В. Съезды русских естествоиспытателей и профессорско-преподавательский корпус университетов Российской Империи (1860–1910-е гг.) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: Исследования и документы / Науч. ред. М. В. Грибовский, С. Ф. Фоминых. Томск, 2012. С. 76–93.

16. *Парийский Л.* Каникулы в Ленинградских Духовных школах // Журнал Московской Патриархии. 1951. № 2. С. 48.
17. *Парийский Л.* О церковнославянском языке в русском православном богослужении // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 6. С. 54–58; *Его же.* Обличение папства католическим святым // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 2. С. 52–60.
18. Постановление СНК СССР от 13.01.1934 № 79 «Об ученых степенях и званиях» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 12 от 14.01.1934.
19. Прием товарищем И. В. Сталиным Митрополита Сергия, Митрополита Алексия и Митрополита Николая // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 1. С. 5.
20. Приложение к § 134 Устава Православных Духовных Академий // ПСЗРИ. Т. 30: 1910, отд-ние 2: приложения. СПб., 1913. С. 219–220.
21. Профессора и преподаватели. 1946–1996. Биографический справочник / Сост. О. И. Ходаковская, А. А. Бовкало. СПб.: Издательство «Дивный остров», 2011. 160 с.
22. *Сагарда А. И.* Место устной традиции в истории развития древнецерковной мысли (актовая речь в ЛДА) // Журнал Московской Патриархии. 1949. № 1. С. 32–42; № 2. С. 27–33.
23. *Санюк Г., свящ.* Литургическая наука в Санкт-Петербургской Духовной академии на рубеже XIX–XX вв. (К 100-летию со дня кончины проф. Н. В. Покровского) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1. С. 101–112.
24. *Сорокин В., прот.* 60-летие возрождения духовных школ в Санкт-Петербурге // Христианское чтение. 2006. № 26. С. 5–6.
25. Устав Православных Духовных Академий // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1885–1916. Т. 4: 1884. СПб.: Гос. тип., 1887. С. 232–243.
26. Устав Православных Духовных Академий // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1885–1916. Т. 30: 1910. СПб.: Гос. тип., 1913. С. 868–870.
27. Устав Православных Духовных семинарий // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1885–1916. Т. 4: 1884. СПб.: Гос. тип., 1887. С. 437–448.
28. *Шкаровский М. В.* Санкт-Петербургские Духовные школы в XX–XXI вв. Т. 1. СПб., 2015.
29. *Шкаровский М. В.* Создание и деятельность Ленинградских Богословско-пастырских курсов в 1944–1945 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 2 (63). С. 121–139.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Иеромонах Ферапонт (Широков)

**Епархиальные архиереи
второй половины XIX — начала XX вв. как главные
начальники духовных семинарий своих епархий
(на примере Вологодской епархии)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_389

Аннотация: Устав духовных семинарий 1867 г. определял, что епархиальный архиерей является «главным начальником духовных училищ своей епархии». Епископы имели высшее наблюдение за исполнением в семинарии положений Устава, регулярно посещали семинарии и вникали во все подробности управления. Значительное расширение полномочий епархиальных архиереев по отношению к семинариям прослеживается после введения в действие Устава 1884 года. В настоящей статье рассматривается значение деятельности епархиальных преосвященных Вологодской епархии второй половины XIX — начала XX вв. в отношении к Вологодской духовной семинарии. Источниками для исследования послужили материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Вологодской области (ГАВО), а также важный источник личного происхождения — дневник выпускника Вологодской духовной семинарии Никифора Ильинского, который в течении более чем 30-ти лет трудился в родной духовной школе в должности помощника инспектора. Данные материалы впервые вводятся в научный оборот. В качестве дополнительных источников использованы материалы региональной периодической печати.

Ключевые слова: Вологодская епархия, Вологодская духовная семинария, духовное образование, Святейший Синод, Учебный комитет, Устав духовных семинарий 1867 года, Устав духовных семинарий 1884 года, реформа духовного образования.

Об авторе: **Иеромонах Ферапонт (Широков Павел Федорович)**

Магистр богословия, соискатель Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: ierom.ferapont@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5514-9193>

Ссылка на статью: *Ферапонт (Широков), иером.* Епархиальные архиереи второй половины XIX — начала XX вв. как главные начальники духовных семинарий своих епархий (на примере Вологодской епархии) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 389–399.

* Фотографии взяты из открытых источников и предоставлены автором.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Hieromonk Ferapont (Shirokov)

**Diocesan Bishops
in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries
as Heads of Theological Seminaries in Their dioceses
(Based on the Example of the Vologda Diocese)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_389

Abstract: The Statute of 1867 for theological seminaries defined that a diocesan bishop was “the head of the theological schools in his diocese”. Bishops had the highest supervision over the implementation of the Statute’s provisions in seminaries, regularly visited them and paid much attention to all the management’s details. Significant extension of diocesan bishops’ powers with respect to seminaries can be traced even after introducing the Statute of 1884. This article attempts to consider the significance of the diocesan bishops’ activities in the Vologda Diocese in the second half of the 19th and early 20th centuries in relation to the Vologda Theological Seminary. The sources for the research were the materials of the Russian State Historical Archive (RSHA), the State Archive of the Vologda Region (SAVR), as well as an important source of a private character – a diary of the Vologda Theological Seminary’s graduate Nikifor Ilyinsky, who worked as an assistant inspector at his native theological school for more than 30 years. These materials have been introduced into the scientific circulation for the first time. The materials of the regional periodical press were used as additional sources.

Keywords: Vologda Diocese, Vologda Theological Seminary, theological education, Holy Synod, Educational Committee, Statute of 1867 for theological seminaries, Statute of 1884 for theological seminaries, reform of theological education.

About the author: **Hieromonk Ferapont (Shirokov Pavel Fedorovich)**

Master of Theology, corresponding Graduate Student at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: ierom.ferapont@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5514-9193>

Article link: Ferapont (Shirokov), hieromonk. Diocesan Bishops in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries as Heads of Theological Seminaries in Their dioceses (Based on the Example of the Vologda Diocese). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 389–399.

* Photos are taken from open sources and provided by the author.

Внутренняя политика Александра II способствовала реформированию светских учебных заведений, что в свою очередь стало призывом к реорганизации системы духовного образования. Недовольство состоянием духовного образования, возникшее после реформы 1808–1814 гг., обострилось политикой обер-прокурора Николая Александровича Протасова¹, занимавшего данный пост с 1836 по 1855 гг. По замечанию И. К. Смолича, «даже те церковные иерархи, которые в дни своей молодости полностью одобряли принципы реформы 1808–1814 гг., теперь относились к ним скептически, не будучи, однако согласны со взглядами на задачи духовного образования Николая I и Протасова»². Вступление на должность обер-прокурора графа Дмитрия Андреевича Толстого, который с 1866 г. в своем лице объединил должности министра народного просвещения и обер-прокурора, было живо встречено всеми, кто надеялся на преобразования, о которых стали говорить еще в последние годы царствования Николая I³.

Проекты устава духовных училищ и семинарий, разработанные в 1863 г. Комитетом по соображениям о преобразовании духовных училищ, были разосланы епархиальным архиереям для обсуждения, которое продолжалось до 1866 г. Для ускорения проведения реформы Д. А. Толстой распустил комитет и сформировал новый, во главе с митрополитом Киевским Арсением (Москвиным). Данное учреждение окончательно привело в порядок и представило на утверждение Александром II устава духовных семинарий и училищ, которые 14 мая 1867 г. получили Высочайшее утверждение⁴.

Данные преобразования внесли изменения в структуру управления духовно-учебными заведениями. При этом семинарии, находясь под главным управлением Св. Синода, поступали в «ближайшее ведение» епархиальных архиереев⁵. Согласно положениям Устава, епархиальный архиерей становился «главным начальником духовных училищ епархии» и получал высшее наблюдение за исполнением устава в семинарии⁶. Правящему епископу давалось право посещать духовную школу в любое время, входить во все подробности управления семинарии. Ведению архиерея подчинялись как учебная, так и воспитательная часть. Все замечания в семинарском устройстве епископ обозначал в письменных предложениях, которые направлял Правлению семинарии. Важным свидетельством непосредственного подчинения семинарий епархиальным архиереям служил тот факт, что каждый преосвященный должен был по окончании учебного года представлять отчет в Св. Синод о состоянии семинарии в учебном и нравственном отношении. Епископ также следил за хозяйственной деятельностью семинарии и защищал ее собственность перед государственными органами⁷. В отчете по ведомству духовных дел православного исповедания за 1877 г. обер-прокурор Д. А. Толстой отметил, что «в лице ближайших своих наставников (имея в виду епархиальных архиереев. — *и. Ф.*) духовные школы получили “благопопечительных руководителей”, которые внимательно относились к нуждам семинарий и направляли общий ход жизни к указанным в семинарском уставе целям»⁸.

Значительное расширение полномочий епархиальных архиереев по отношению к семинариям прослеживается после введения в действие Устава 1884 г.

¹ См.: 2 ПСЗ. 14. № 12070, 12071.

² Смолич И. К. История Русской Церкви 1700–1917. Кн. VIII. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1996. С. 452.

³ Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1841. СПб., 1842. С. 113.

⁴ Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М.: ПСТГУ, 2006. С. 174.

⁵ Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. СПб.: Синодальная типография, 1867. С. 3.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1887. СПб., 1878. С. 187.

Вологодская духовная семинария. Нач. XX в.

Епархиальному архиерею помимо прочего вменялось «высшее наблюдение за направлением преподавания, воспитанием учащихся и вообще за исполнением в семинарии сего устава»⁹. По замечанию одного из исследователей истории духовного образования митрополита Тамбовского Феодосия (Васнева), епархиальным епископам Устав 1884 г. даровал значимую роль в жизни и деятельности духовных семинарий. На архиереев возлагались обязанности наблюдения за ходом учебного и воспитательного процессов, где контролирующие функции епископа существенно увеличивались. Епископ с этого момента имел возможность влиять на принятие решений правлением семинарии¹⁰.

Следует отметить, что Устав 1867 г. действовал всего лишь 18 лет и был сменен Уставом 1884 г. Сам процесс, который в отечественной историографии часто называется «контрреформой» обер-прокурора Константина Петровича Победоносцева, основывался на мнении последнего, что «узел всему делу — Епархиальные архиереи... ими все стоит»¹¹.

В настоящей статье представлен анализ деятельности епархиальных архиереев Вологодской епархии второй половины XIX — начала XX столетия по отношению к Вологодской духовной семинарии. В качестве верхней даты хронологических рамок взяты 1867–1869 гг. — годы преобразования духовно-учебных заведений по новому уставу.

На момент преобразований духовных школ правящим архиереем Вологодской епархии был епископ Павел (Доброхотов)¹², возглавлявший Вологодскую епархию с 1866 г. Владыка Павел предпринял действия по подготовке духовной семинарии к полному преобразованию по новому Уставу¹³. Следует отметить, что епископ Павел имел внушительный опыт работы в системе духовного образования: до вступления

⁹ Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. СПб., 1888. С. 5.

¹⁰ *Феодосий (Васнев)*, еп. Устав духовных семинарий 1884 года и его введение в Тамбовской духовной семинарии // Вестник Тамбовского университета. 2012. № 4 (108). С. 308.

¹¹ *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы... С. 346.

¹² См.: *Галкин А. К.* Павел (Доброхотов), епископ Олонецкий и Петрозаводский // Православная энциклопедия. Т. LIV. М., 2019. С. 26–29.

¹³ Вологодская духовная семинария получила полное преобразование по новому Уставу в 1869 г. См.: *Ферапонт (Широков)*, иером. Преобразование Вологодской духовной семинарии по новому Уставу в 1869 г. (по материалам отчета о ревизии) // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 252–261.

Епископ Павел (Доброхотов)
(1807–1900)

Епископ Палладий (Раев)
(1827–1898)

в управление Вологодской епархии будущий архиерей в разные годы возглавлял пять духовных семинарий. Однако в 1869 г. владыка Павел был переведен на Псковскую кафедру и устройство Вологодской семинарии в духе нового Устава было определено осуществить его преемнику, епископу Палладию (Раеву)¹⁴. По сути, вся ответственность по проведению реформ в Вологодской семинарии легла на его плечи. Через несколько дней после прибытия в Вологду владыка Палладий посетил Вологодскую семинарию. Архиерей осмотрел здания духовной школы, правление, семинарскую и ученическую библиотеку, внимательно ознакомился с условиями жизни воспитанников, а также посетил занятия¹⁵.

В 1873 г. ревизор Учебного комитета надворный советник Сергей Иринеевич Миропольский¹⁶, проводивший ревизию Вологодской семинарии, дал следующую характеристику епископу Палладию: «Внимательное участие, постоянный надзор и руководство Пресвященного Палладия, при глубоком сочувствии его к новому Уставу, давало общую поддержку и направление всему делу. <...> Благоприятное влияние Пресвященного Палладия является одним из важнейших условий преуспевания в духе нового Устава не только семинарии, но и вообще всех духовных учебных заведений Вологодской епархии. Я в моей жизни не встречал нигде такого живого, деятельного и практического участия со стороны Пресвященного ко благу духовного учебного заведения, какие нашел в Вологде. Ревизируя семинарию и училище, я почти на всем замечал добрые следы этого влияния»¹⁷.

¹⁴ См.: Галкин А. К. Палладий (Писарев-Раев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский // Православная энциклопедия. Т. LIV. М., 2019. С. 320–321.

¹⁵ Суворов Н. И. Материалы для истории Вологодской семинарии // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1869. № 20. С. 767.

¹⁶ Сергей Иринеевич Миропольский (1842–1907) — член-ревизор Учебного комитета при Святейшем Синоде, педагог-методист.

¹⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 50. 1873 г. Л. 67–68.

Епископ Палладий непродолжительное время являлся управляющим Вологодской епархией, однако за этот период смог многое сделать для пользы духовного образования. В годы его архиерейства было начато строительство общежития для Вологодского духовного училища, положено начало к устройству общежития и при духовной семинарии. Также при семинарии была открыта ссудная касса для нуждающихся воспитанников, которая впоследствии будет преобразована в Попечительство для бедных воспитанников¹⁸. С момента учреждения попечительства в 1877 г. преосвященный Палладий до конца жизни оставался в числе почетных благотворителей. Епископ Палладий благословил открытие «учебно-воспитательного женского приюта» при Вологодском Горне-Успенском женском монастыре для дочерей духовенства, тем самым положив начало епархиальному женскому училищу¹⁹.

Епископ Вологодский Феодосий (Шаповаленко)²⁰, сменивший епископа Палладия в 1873 г., также имел внушительный опыт служения в духовных школах²¹. Как и предшественники, владыка Феодосий уделял пристальное внимание духовной семинарии. В январе 1874 г. архиерей передал епархиальный свечной завод в собственность епархиального духовенства, тем самым предоставив духовенству средства на содержание параллельных классов при семинарии. Этим действием архиерей желал предоставить возможность большему числу детей бедного духовенства получить духовное образование²².

После кончины епископа Феодосия Вологодскую кафедру возглавил епископ Израиль (Никулицкий)²³, бывший до этого епископом Острожским, викарием Волынской епархии. Владыка Израиль вошел в историю Вологодской епархии как архиерей, который усиленно занимался организацией духовного образования и благоустройством духовных школ. В годы его пребывания на Вологодской кафедре было построено новое здание семинарского общежития, произведен капитальный ремонт основного корпуса семинарии и построено новое двухэтажное здание. В семинарские дела епископ подробно не вникал, к проступкам воспитанников относился снисходительно. Были случаи, когда епископ, получив журнал Правления со сведениям об увольнении воспитанников, не утверждал журнал и вызывал к себе провинившегося ученика для отеческого вразумления, после чего определял ученика к посещению крестовой церкви для несения послушаний. Епископ много жертвовал на содержание Попечи-

¹⁸ В 1877 г. благодаря трудам епископа Вологодского Феодосия (Шаповаленко) и его предшественника епископа Палладия при семинарии открылось попечительство о бедных воспитанниках. См.: О действиях попечительства при Вологодской градской Кирилло-Иоанно-богословской церкви о бедных воспитанниках Вологодской семинарии // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1878. № 5. С. 94–95.

¹⁹ До этого дочери духовенства Вологодской епархии обучались в Ярославском училище девиц духовного звания, после чего предлагались студентам семинарии к вступлению в брак при открытии вакантных священнических мест. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 44. Л. 18 об.

²⁰ Феодосий (Шаповаленко) (1811–1883) — архиепископ Вологодский и Великоустюжский. Управлял Вологодской епархией с 1873 по 1883 гг.

²¹ Будущий епископ по окончании Киевской духовной академии в 1839 г. был назначен преподавателем, а затем инспектором Полтавской духовной семинарии, в 1845 г. назначен инспектором Киевской духовной семинарии, в 1848 г. — ректором Волынской семинарии, в 1852 г. — ректором Полтавской духовной семинарии. Являлся также членом Комитета для рассмотрения проектов о преобразовании духовных учебных заведений. С 1861 г. — ректор Воронежской семинарии.

²² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14834. Л. 3.

²³ Израиль (Никулицкий) (1830–1894) — епископ Вологодский и Тотемский. Управлял Вологодской епархией с 1883 по 1894 гг. Епископ Израиль окончил Рязанскую духовную семинарию и Московскую духовную академию, в течении нескольких лет трудился в духовно-учебном ведомстве: сначала инспектором в Калужском духовном училище, затем смотрителем Пензенского духовного училища и преподавателем в Пензенской семинарии. В 1863 г. был перемещен инспектором в Могилевскую семинарию, а с 1872 по 1879 гг. являлся ректором Витебской духовной семинарии.

тельства о бедных воспитанниках, а также выделял средства на приобретение одежды и обуви для бедных учеников. При посещении семинарской библиотеки епископ делал замечания и рекомендации по необходимой учебной литературе²⁴.

После кончины епископа Израиля Вологодскую кафедру возглавил епископ Антоний (Флоренсов)²⁵. Владыка Антоний был известен как ученый иерарх, опытный администратор и педагог. Однако период служения в качестве епархиального архиерея у епископа Антония был незначительным: на Вологодской кафедре он пробыл немного больше года: 12 июня 1895 г. епископ Антоний был освобожден от управления епархией и отправлен на покой. Причиной столь серьезного шага кроется помимо прочего в разногласиях между епископом и ректором по вопросам деятельности духовных школ. При инспектировании Вологодской семинарии и епархиального женского училища епископ Антоний обнаружил серьезные недостатки и злоупотребления. Прежде всего, епископа не устраивал уровень подготовки преподавательского состава и недостаточное материальное обеспечение семинарии. Некоторые преподаватели не составляли литографических конспектов, что отрицательно сказывалось на уровне усвоения материала воспитанниками. Епископ Антоний сразу же принялся за исправление недостатков, но неожиданно встретил сопротивление. Отношения между епископом и ректором семинарии протоиереем Иоанном Лебедевым также вскоре испортились несмотря на то, что они были товарищами по Киевской академии²⁶.

Один из поводов для разногласий заключался в желании преосвященного переместить общежитие семинарии, предоставив освободившееся здание епархиальному женскому училищу. Общежитие предлагалось разместить в соседнем с семинарией доме Розанова, который был выставлен на торги. За счет этого значительно расширилась семинарская усадьба, а общежития для своекоштных и казеннокоштных воспитанников, таким образом, находились бы в одном месте, что значительно облегчало надзор инспекции²⁷. Следствием этого стала вторая инициатива архиерея: закрытие сверхштатной должности помощника инспектора. Епископ Антоний, кроме того, считал необходимым запретить ученикам семинарии подавать личные прошения о принятии на казенное содержание, так как, по его мнению, подавать подобные прошения могут только родители и опекуны²⁸.

Епископ Антоний (Флоренсов)
(1847–1918)

²⁴ ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 1769. Л. 16.

²⁵ Преосвященный Антоний также, как и предшественники имел опыт службы в духовно-учебном ведомстве: с 1881 по 1884 г. он исполнял должность инспектора Симбирской духовной семинарии, а в 1887 г. был определен ректором Самарской семинарии и преподавателем Священного Писания. В 1890 г. был рукоположен во епископа Острожского, викария Волынской епархии, где имел особое наблюдение за состоянием Волынской семинарии. См.: *Андроник (Трубацев), игум. Антоний (Флоренсов), еп. Вологодский и Тотемский* // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 645–646.

²⁶ РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 84. Л. 52.

²⁷ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16713. Л. 2.

²⁸ Там же.

Епископ Алексей (Соболев)
(1836–1911)

Епископ Никон (Рождественский)
(1851–1919)

Ректор сообщал о всех действиях епископа в Учебный комитет, а секретарь консистории — обер-прокурору. Много жалоб было направлено и частными лицами. Для изучения всех обстоятельств дела Управляющий канцелярией обер-прокурора В. К. Саблер²⁹ на основании определения Св. Синода от 7/12 октября 1894 г. направил в Вологду специальную комиссию во главе с архиепископом Ярославским Ионафаном (Рудневым), в состав которой вошел член Учебного комитета при Св. Синоде действительный статский советник П. И. Нечаев³⁰.

Изучив все материалы, комиссия пришла к выводу о невиновности архиерея, однако епископ Антоний 12 июня 1895 г. был уволен на покой по болезни с назначением управляющим Спасо-Яковлевым монастырем Ярославской епархии³¹.

12 декабря 1895 г. указом Св. Синода епископом Вологодским и Тотемским определено быть епископу Сарапульскому, vicарии Вятской епархии Алексею (Соболеву). В отличие от предшественников, епископ Алексей не имел академического образования. Архиерей внимательно следил за жизнью духовной школы, при посещении семинарии вникал во все сферы жизни, давал советы семинарскому Правлению³². Отношение епископа к семинарии на первых порах было благожелательным, ни один из его предшественников не служил в семинарской церкви так часто, как он. После богослужения владыка, по традиции, проводил встречу с воспитанниками за чашкой чая. Часто он посещал семинарские занятия. При обозрении семинарии епископ Алексей нередко делал резкие выговоры за недочеты. С благословения епископа в семинарии и общежитии проводились концерты, которые завершались танцами. Отношение архиерея к духовной школе и, в частности, администрации, резко изменилось после волнений 1901 г.

²⁹ Владимир Карлович Саблер (1845–1929) — государственный деятель Российской империи, обер-прокурор Святейшего Синода в 1911–1915 гг., почётный член Императорского Православного Палестинского Общества.

³⁰ ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 2005. Л. 1.

³¹ Андроник (Трубачев), игум. Епископ Антоний (Флоренсов), старец Московского Донского монастыря. Сергиев Посад: Издательство Московской духовной академии, 2019. С. 21–24.

³² ВГИАМЗ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 40. Л. 2.

21 апреля 1906 г. епископ Алексей был почислен на покой, согласно поданному прошению. Указом Св. Синода епископом Вологодским был определен епископ Серпуховской Никон (Рождественский)³³. Являясь членом Государственной думы (с 1 января 1908 г.) и Государственного совета (с 1907 г., по выбору от монашесствующего духовенства), епископ Никон редко бывал в Вологде, в основном приезжал только на Рождество и Пасху, и по замечанию Н. Ильинского, в Вологде «чувствовал себя не по себе» и с большим удовольствием стремился в столицу³⁴. Однако своим попечением архиерей не оставлял духовной школы в столь трудное время. Его обращения к воспитанникам, по замечанию ректора семинарии протоиерея Николая Малиновского, «производили должное и доброе воздействие»³⁵. Также в непродолжительное время пребывания в Вологде епископ Никон, посещая духовную семинарию, присутствовал на уроках и беседовал с воспитанниками «о пастырском звании и призывал их послушать родной семинарии»³⁶.

Епископ Александр (Трапицын)
(1862–1938)

29 мая 1912 г. епископ Никон, согласно прошению, был уволен от управления Вологодской епархий, с оставлением членом Св. Синода. Епископом Вологодским был определен епископ Юрьевский, викарий Владимирской епархии Александр (Трапицын)³⁷. В семинарские дела архиерей практически не вникал. В годы Первой мировой войны в семинарии действовал епархиальный лазарет, который, с одной стороны, оказывал существенную помощь раненым солдатам, с другой — существенно подорвал экономическое состояние духовной семинарии. Несмотря на сопротивление со стороны епископа, на период его архиерейского управления выпало закрытие Вологодской духовной семинарии в 1918 г.

Таким образом, в рассматриваемый период Вологодские архипастыри играли важную созидательную роль в жизни Вологодской семинарии. Исследуя дошедшие до нас источники, можно сделать вывод, что епископы живо интересовались нуждами духовной семинарии, вникали в учебный процесс, не оставляя без внимания духовно-нравственное воспитание, заботились о расширении семинарского здания и строительстве общежития. Можно сделать вывод, что забота о семинарии была для архиереев столь же ответственной обязанностью, как каждодневная забота о жизни монастырей и приходов вверенной им епархии.

³³ Епископ Никон родился 4 апреля 1851 г. в Московской губернии. В 1874 г. окончил первым учеником Московскую духовную семинарию. В 1880 г. принял монашеский постриг, в 1882 г. рукоположен в священный сан. В 1904 г. состоялась архиерейская хиротония архимандрита Никона во епископа Муромского, викария Владимирской епархии. С 1904 г. был епископом Серпуховским, викарием Московской епархии. См.: Никон (Рождественский), архиеп. Вологодский и Тотемский // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2018. С. 17–20.

³⁴ ГАВО. Ф. 5250. Оп. 1. Д. 1. Л. 360 об.

³⁵ ОР РГБ. Ф. 765. Карт. 9. Д. 89. Л. 4.

³⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2323. Л. 9 об.

³⁷ См.: Дамаскин (Орловский), игум. Александр (Трапицын), архиеп. Куйбышевский // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 484.

Источники и литература

Источники

1. Воспоминания Н. А. Ильинского // Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 5250. Оп. 1. Д. 1.
2. Дело о передаче в ведение Вологодской семинарии епархиального свечного завода // ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14834.
3. Доклад Учебного комитета при Синоде о ревизии духовно-учебных заведений г. Вологды // ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16713.
4. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1887. СПб., 1878.
5. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1841. СПб., 1842.
6. О действиях попечительства при Вологодской градской Кирилло-Иоанно-богословской церкви о бедных воспитанниках Вологодской семинарии // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1878. № 5. С. 94–95.
7. Отчет о состоянии Вологодской епархии. 1861 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 44.
8. Отчет о состоянии Вологодской епархии. 1909 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2323.
9. Письма протоиерея Николая Малиновского епископу Никону (Рождественскому) // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 765. Карт. 9. Д. 89.
10. По выписке книг и периодических изданий для библиотеки семинарии // ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 1769.
11. По случаю ревизии Вологодских учебных заведений // ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 2005.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XIV. Отделение 1. 1839 г. СПб., 1840.
13. Посещение г. Тотьмы обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым // Вологодские епархиальные ведомости. 1891. № 17. С. 265–267.
14. «Сведения о состоянии г. Тотьмы и уезда» (2 экз., представленные тотемским уездным исправником вологодскому губернатору и обер-прокурору Синода). Рукоп. и печат. // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 84.
15. Список личного состава преподавателей и служащих семинарии // Вологодский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (ВГИАМЗ). Ф. 7. Оп. 2. Д. 40.
16. *Суворов Н. И.* Материалы для истории Вологодской семинарии // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1869. № 20. С. 767–777.
17. Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. СПб., 1867. 84 с.
18. Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. СПб., 1888. 202 с.
19. Учебный комитет при Синоде. По отчету надворного советника Миропольского о произведенной им в 1872 году ревизии духовно-учебных заведений по Вологодской епархии // РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1873 г. Д. 50.

Литература

20. *Андроник (Трубачев), игум.* Антоний (Флоренсов), еп. Вологодский и Тотемский // Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 645–646.
21. *Андроник (Трубачев), игум.* Епископ Антоний (Флоренсов), старец Московского Донского монастыря. Сергиев Посад: Издательство Московской духовной академии, 2019. 704 с.
22. *Галкин А. К.* Павел (Доброхотов), епископ Олонецкий и Петрозаводский // Православная энциклопедия. Т. LIV. М., 2019. С. 26–29.

23. Галкин А. К. Палладий (Писарев-Раев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладжский // Православная энциклопедия. Т. LIV. М., 2019. С. 320–321.
24. Дамаскин (Орловский), игум. Александр (Трапицын), архиеп. Куйбышевский // Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000. С. 484.
25. Никон (Рождественский), архиеп. Вологодский и Тотемский // Православная энциклопедия. Т. LI. М., 2018. С. 17–20.
26. Смолич И. К. История Русской Церкви 1700–1917. Кн. VIII. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1996. 798 с.
27. Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М.: ПСТГУ, 2006. 659 с.
28. Феодосий (Васнев), еп. Устав духовных семинарий 1884 года и его введение в Тамбовской духовной семинарии // Вестник Тамбовского университета. 2012. № 4 (108). С. 308–312.
29. Феропонт (Широков), иером. Преобразование Вологодской духовной семинарии по новому Уставу в 1869 г. (по материалам отчета о ревизии) // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 252–261.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Протоиерей Владимир Чернецкий

**К вопросу о подготовке педагогических кадров
для школ грамоты в конце XIX — начале XX вв.
на примере Таврической епархии**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_400

Аннотация: В статье на конкретном примере Таврической епархии представлен обзор особенностей подготовки педагогического персонала для элементарных церковных школ Российской империи в конце XIX — начале XX вв. посредством устройства специальных второклассных школ. Рассматривается организация учебного процесса, распорядок дня, основные и дополнительные предметы программы обучения. Оценивается значение второклассных школ в деле народного образования Таврической губернии как отдельного субъекта Российского государства.

Ключевые слова: Российская империя, Святейший Синод, Училищный совет, Таврическая епархия, губерния, уезд, школы грамоты, второклассные школы, церковно-приходские школы, учитель, педагогика, дидактика.

Об авторе: **Протоиерей Владимир Николаевич Чернецкий**

Магистр богословия, проректор по воспитательной работе, преподаватель Таврической духовной семинарии.

E-mail: olenevka.hram@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5715-325X>

Ссылка на статью: Чернецкий В., прот. К вопросу о подготовке педагогических кадров для школ грамоты в конце XIX — начале XX вв. на примере Таврической епархии // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 400–412.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Archpriest Vladimir Chernetsky

**On the Issue of Training Teachers
for Literacy Schools in the Late 19th – Early 20th Centuries Based
on the Example of the Tauria Diocese**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_400

Abstract: Using the specific example of the Taurida Diocese, the article provides an overview of the peculiarities of training pedagogical personnel for elementary church schools of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries through the establishment of special second-class schools. The organization of the educational process, the daily routine, the main and additional subjects of the training program are considered. The importance of second-class schools in the public education system of the Taurida province as a separate subject of the Russian state is discussed.

Keywords: Russian Empire, Holy Synod, School Council, Taurida Diocese, province, county, literacy schools, second-grade schools, parish schools, teacher, pedagogy, didactics.

About the author: **Archpriest Vladimir Nikolaevich Chernetsky**

Master of Theology, Vice-Rector for Educational Work, Lecturer at the Taurida Theological Seminary.

E-mail: olenevka.hram@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5715-325X>

Article link: Chernetsky V., archpriest. On the Issue of Training Teachers for Literacy Schools in the Late 19th – Early 20th Centuries Based on the Example of the Tauria Diocese. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 400–412.

* Photos are taken from open sources.

Школы грамоты представляли собой один из старейших типов народных училищ Российской империи. Обучение в этих школах вели за определенную плату грамотные представители небогатых слоёв общества. Долгое время школа грамоты по своему устройству, условиям появления и существования представлялась непостоянной, подверженной многим случайностям. Нередко она неожиданно закрывалась либо же переходила в другое место без всяких на то формальных разрешений со стороны училищных начальств различных ведомств, что вызывало ряд недоразумений, до т.н. «школ на бумаге». С изданием положения о народных училищах 25 мая 1874 г. открытие школ грамоты без разрешения инспекции было запрещено, вследствие чего они преследовались гражданской властью как незаконные и даже закрывались полицией¹. Принятые в 1884 г. «Правила о церковно-приходских школах» рекомендовали духовенству взять под свой контроль и покровительство эту в полном смысле слова народную школу. Духовенство по мере сил и финансов пыталось привести её в порядок, помочь средствами, указаниями и личным участием в образовании детей².

С принятием в 1891 г. «Правил о школах грамоты» эти народные училища уравнивались в правах с другими начальными учебными заведениями. Школы грамоты, открывавшиеся в городских и сельских приходах, а также при монастырях, подчинялись Св. Синоду³. В сущности, школы грамоты представляли собой своеобразные частные школы в ведении духовенства, на которое возлагалась ответственность за православно-церковное направление обучения в таких учебных заведениях. Обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев и близкие к нему руководители церковно-школьного дела вынашивали идею распространить по территории всей России сеть школ грамоты, чтобы предоставить русскому народу возможность освоения грамотности под эгидой Церкви, как можно скорее и без значительных финансовых затрат⁴.

С быстрым возрастанием числа школ грамоты возникла острая нужда в специально подготовленных преподавателях для этих начальных церковных училищ. Для восполнения дефицита квалифицированных педагогов секретарём синодального Училищного совета, чиновником по особым поручениям при обер-прокуроре Св. Синода по вопросам церковно-приходских школ Василием Ивановичем Шемякиным был разработан проект по созданию второклассных школ⁵. Этот проект предполагал открытие в каждом уезде двух второклассных школ с общежитиями, в которые планировалось принимать лучших выпускников уездных начальных училищ, чтобы они могли получить общее образование и пройти специальную педагогическую подготовку без отрыва от сельских условий жизни. По окончании курса молодые учителя должны были разойтись по своим селениям, чтобы по возможности и необходимости открыть школы грамоты, учительствовать в них, ведя при этом обычный крестьянский образ жизни⁶. Предполагалось, что второклассные школы будут представлять собой новые «религиозно-просветительские пункты», поэтому должны были устраиваться в сёлах и деревнях, находящихся вдали от городов, заводов и фабрик, монастырей и т.п.⁷

¹ О. Е. В. О второклассных церковных школах // Таврические епархиальные ведомости. 1896. № 27. С. 767.

² Житенев Т. Е. Второклассные школы — начальные педагогические учебные заведения Святейшего Синода на рубеже XIX–XX веков // Поволжский вестник науки. 2020. № 1 (15). С. 42.

³ Шкарлат Л. П. Становление и развитие начального и среднего образования в Крыму во второй половине XIX — начале XX века под эгидой православной епархии. Симферополь, 2020. С. 83.

⁴ По поводу десятилетия второклассных школ // Владимирские епархиальные ведомости. 1907. № 15. С. 239.

⁵ Житенев Т. Е. Второклассные школы... С. 43.

⁶ По поводу десятилетия второклассных школ. С. 239–240.

⁷ О. Е. В. О второклассных церковных школах. С. 773.

В рассматриваемый период в Таврической епархии были открыты всего пять второклассных церковно-приходских школ: мужские — Софиевская Днепропетровского уезда, Таганашская Перекопского уезда, Больше-Знаменская Мелитопольского уезда, женская — Казачье-Лагерская Днепропетровского уезда и смешанная — Алуштинская Ялтинского уезда.

К Казачье-Лагерской женской школе была изначально причислена южная часть Днепропетровского уезда с семью церковно-приходскими и пятнадцатью земскими начальными училищами. К мужской Софиевской школе причислялась остальная часть уезда и восточная Мелитопольского с четырнадцатью церковно-приходскими и семью земскими училищами. Обе школы были открыты в 1896 г.⁸

Алуштинская второклассная школа была открыта в 1897 г.⁹, но в качестве данного типа учебных заведений просуществовала всего несколько лет. Это было связано с тем, что в данном училище число воспитанников, т.е. выпускающихся на должность учителей, было весьма ограниченным, и отделение второклассной школы пришлось закрыть. Алушта, как курорт, была наполнена населением, имевшим другие интересы и искавшим для своих детей более выгодное занятие, чем учительство. Учащиеся из других местностей неохотно направлялись в Алуштинскую школу по причине дороговизны содержания, которое обходилось ученику в 10 руб. на месяц, в то время как других второклассных школах Таврической епархии оно составляло 4–5 руб. в месяц¹⁰. Последний выпуск Алуштинской второклассной школ в составе шести человек был произведён в 1902 г.¹¹

Второклассная школа в с. Таганаше Перекопского уезда была учреждена в марте 1903 г. Находилась на границе двух уездов. Для строительства школы и разведения сада местный землевладелец Эдуард Люц пожертвовал участок земли общей площадью 3 десятины 180 квадратных сажень. Училищный совет при Св. Синоде выдал на строительство одноэтажного каменного здания школы и устройства хозяйственных нужд 25.703 руб. Строительство школы совершил подрядчик Борис Гулевич, и уже с 1905–1906 учебного года начались занятия¹².

Об устройстве второклассной школы в с. Больше-Знаменке Мелитопольского уезда ходатайствовал епископ Таврический Николай (Зиоров) ещё в 1900 г., однако открыта она была только в 1910 г., при значительном материальном участии местного единоверческого общества и первоначально предназначалась обслуживать просветительские нужды главным образом единоверцев, дав им возможность не только воспитывать своих детей в духе и правилах одобренного Св. Синодом единоверия, но и готовить для них знающих учителей и наставников, которые бы заботились о поддержании между своими одноверцами знания и учения в духе древнего благочестия¹³.

Таврический епархиальный училищный совет неоднократно обращался в Училищный комитет при Св. Синоде с просьбами об открытии дополнительных второклассных церковных школ в епархии: в с. Кизияре Мелитопольского уезда в 1897 г.¹⁴, в Симферопольском уезде в 1898 г.¹⁵, в местечке Большом Токмаке Бердянского уезда¹⁶

⁸ РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 54. Л. 9.

⁹ Список церковно-приходских школ и школ грамоты Таврической епархии // Таврические епархиальные ведомости. 1900. № 8–9. С. 584.

¹⁰ Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ в Таврической епархии за 1899–1900 учебный год // Таврические епархиальные ведомости. 1901. № 7. С. 383.

¹¹ Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ в Таврической епархии за 1901–1902 учебный год // Таврические епархиальные ведомости. 1903. № 9. С. 543.

¹² РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 1639. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 598. Л. 1–2, 59.

¹⁴ Там же. Д. 386. Л. 2–3.

¹⁵ Там же. Д. 598. Л. 8–10.

¹⁶ Там же. Д. 627. Л. 1, 9–10.

и в с. Емельяновке Феодосийского уезда в 1900 г.¹⁷ Несмотря на то, что инициатива Таврического епархиального училищного совета поддерживалась представителями местных властей и общественности, которые готовы были предоставить не только земельные участки, но и часть средств для строительства школьных зданий, Училищный комитет всякий раз находил повод для отказа: то ввиду отсутствия необходимых дополнительных денежных сумм, то в связи с нецелесообразностью учреждения данного типа церковно-приходских школ в планируемом населённом пункте.

В имеющихся в Таврической епархии второклассных школах трудились на педагогическом поприще в 1912–1913 учебном году: четыре заведующих и законоучителя, из которых один — с высшим образованием, двое — со средним, один — вышедший из 5-го класса семинарии; двенадцать штатных учителей и учительниц, из которых двое — со средним образованием, остальные — со специально-педагогическим; а также три преподавателя церковного пения и одна учительница рукоделия.

Во второклассные школы Таврической епархии принимались в основном крестьянские дети, а также представители других сословий: мецан, духовенства и др. Во второклассные школы принимались окончившие курс одноклассной школы в возрасте не менее 13–14 лет. Это было связано с тем, что воспитанники второклассных школ по окончании трёхлетнего курса сдавали экзамен на звание учителя церковно-приходской школы, к которым допускались лица, достигшие семнадцати лет¹⁸.

Абитуриенты сдавали вступительный экзамен по таким дисциплинам как закон Божий, русский и славянский языки, арифметика и письмо. Если хоть по одному предмету была неудовлетворительная оценка, абитуриенту отказывали в поступлении. Так, в 1915 г. из 76 поступающих в Казачье-Лагерскую школу было принято всего 28 девочек¹⁹. В 1912–1913 учебном году учащихся во всех второклассных школах было 202 человека и распределялись они таким образом²⁰:

¹⁷ Там же. Д. 628. Л. 1.

¹⁸ Выбор и подготовка учеников для второклассных школ с учительскими курсами. Вниманию заведующих одноклассными церковно-приходскими школами // Таврические епархиальные ведомости. 1896. № 30. С. 846.

¹⁹ ГАРК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 34. Л. 57–60 об.

²⁰ Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1912–1913 учебном году // Таврические епархиальные ведомости. 1914. № 33. С. 465–466.

	I год	II год	III год	Всего	Окончило курс
Казачье-Лагерская	39	27	10	76	8
Софиевская	19	13	5	37	4
Таганашевская	12	17	14	43	11
Больше-Знаменская	18	13	15	46	15

При всех второклассных школах имелись общежития. Плата за содержание в общежитии взималась по 60 руб. в год в Казачье-Лагерской и Больше-Знаменской школах, по 70 руб. — в Софиевской и Таганашской. За эти деньги воспитанники пользовались учебниками, письменными принадлежностями, питанием, помещением, стиркой белья и медицинской помощью.

Распорядок жизни во всех второклассных школах был примерно одинаковым. День начинался и оканчивался молитвой, также молитвы читались или пелись перед началом и по окончании каждого урока, перед приёмом пищи и после. В воскресные и праздничные дни учащиеся вместе со своими преподавателями обязательно присутствовали в местном приходском храме за всеми церковными богослужениями, состоящие в хоре пели на клиросе, а заранее подготовленные принимали участие в богослужебном чтении.

Учебный год начинался 1 сентября и заканчивался 15 июня. В учебную программу второклассных школ входили такие предметы как закон Божий, всеобщая и русская история Церкви, русский и церковно-славянский языки, гражданская история России, арифметика, черчение и рисование, география, физика, дидактика, гигиена, практические занятия в образцовой школе грамотности²¹.

В ноябре 1902 г. Св. Синод утвердил учебную нагрузку во второклассных школах. В первый и второй годы обучения на урочные занятия выделялось по 26 часов в неделю, в третий год — 28 часов. При прохождении изучаемых предметов учителя Таврических второклассных школ старались не ограничиваться одним учебником и по мере возможности пополнять запас знаний учеников из других источников; при этом особое внимание обращалось на то, чтобы приучить учащихся к свободному владению риторикой, умению выстраивать речь, правильному и доступному изложению материала.

Наряду с приготовлением изучаемых предметов учащиеся второклассных школ писали сочинения по закону Божию, русскому языку, истории, географии и дидактике. В каждой школе всех сочинений давалось не менее 30-ти в год.

Кроме обязательных предметов во второклассных школах велись занятия по рукоделию, игре на скрипке, садоводству, огородничеству и пчеловодству.

В Казачье-Лагерской школе рукоделие преподавалось внештатной учительницей в качестве обязательного предмета. Ученицы изучали различные виды вышивания, вязания, кройки и шитья разного рода белья, платья и тому подобное. Преподавание этого предмета велось с большим успехом, заканчивающие курс обучения воспитанницы могли выкроить и сшить себе платье незатейливого фасона.

Игре на скрипке обучали желающих в Софиевской и Таганашской школах учителя пения в свободное от уроков время.

В Софиевской школе велись теоретические и практические занятия по садоводству, огородничеству и пчеловодству. В работах в саду, на огороде и на небольшой пасеке ученики принимали активное участие. В Казачье-Лагерской школе ученицы занимались разведением цветов и уходом за деревьями в школьном саду. Учащиеся Таганашской школы изучали приёмы посадки деревьев, кустарников и правила ухода за ними. Здесь в свободные от занятий часы учащиеся только в 1912–1913 учебном году высадили на школьной усадьбе до 80 фруктовых и свыше 200 хвойных деревьев,

²¹ Положение о церковных школах ведомства Православного исповедания // Тамбовские епархиальные ведомости. 1902. № 32. С. 739–740.

а также около 6.000 саженцев. Ученики Больше-Знаменской школы тоже принимали участие в работах по благоустройству школьного сада²².

Для практического ознакомления с ведением школьного дела и для лучшего усвоения изучаемых на уроках дидактики приёмов преподавания старшие учащиеся второклассных школ несли очередные дежурства и сами вели занятия в образцовых школах. В начале учебного года учащиеся 3-го отделения присутствовали на занятиях в образцовой школе, когда там занимались с детьми учитель этой школы, преподаватели закона Божия и дидактики. Затем эти уроки объяснялись в классе, при этом учитель дидактики делал методические указания с оценкой употреблявшихся приёмов. Сами учащиеся давали пробные уроки по очереди, в течение года каждый успевал провести несколько занятий во всех отделениях школы по всем предметам учебной программы на разных стадиях обучения²³.

К ведению пробного урока практиканты готовились заблаговременно: составляли план занятия и подробный конспект, в котором в вопросах и ответах разрабатывался материал, предназначенный для урока в образцовой школе. Урок проводился в присутствии всех учащихся 3-го отделения и учителя дидактики. Данный практикантом урок затем подвергался всестороннему разбору на ближайшем занятии дидактики, в ходе которого указывались замеченные достоинства и недостатки урока. Разбор практического занятия записывался кем-либо из учащихся в особом протоколе, который прилагался к конспекту урока, и вместе с последним хранился до конца учебного года у учителя дидактики²⁴.

В первое десятилетие XX в. количество школ грамоты в Таврической епархии начинает постепенно снижаться. Из отчётов епархиальных наблюдателей следует, что наивысшее число школ грамоты было в 1903 г. — 197, но уже в 1916 г. их насчитывалось всего 95. При этом большая часть из них (76) располагалась в Мелитопольском уезде. Таврический епархиальный училищный совет и его отделения, идя навстречу желаниям и потребностям народа дать своим детям начальное образование, старались преобразовать школы грамоты в одноклассные церковно-приходские, увеличивая жалование учителям и назначая в такие школы лиц, имевших право преподавать в этих учебных заведениях. Преподавание и ведение учебного процесса во многих школах грамоты Таврической епархии проходило в рамках программ и расписания одноклассных церковно-приходских школ.

В Евпаторийском уезде практически все школы грамоты в 1902–1903 учебном году были преобразованы в одноклассные церковно-приходские школы (далее — ЦППШ). Побуждением к этому было главным образом желание уездного отделения епархиального училищного совета не оставлять детей, пришедших в школы грамоты, без дальнейшего обучения, и дать выпускникам, особенно мальчикам, право на воинскую льготу²⁵.

Таврический епархиальный наблюдатель А. В. Иванов в 1906 г. отмечал, что школы грамоты епархии в большей степени выполняли функции одноклассных школ. Они повышали курс обучения до трёх лет и по окончании курса наделяли своих учеников правами выпускников одноклассных школ. Многие из школ грамоты, проработав три-четыре года, преобразовывались в одноклассные школы. Другие школы грамоты, например, в Мелитопольском уезде, по сути, являлись первыми отделениями одноклассных школ, при этом часто размещались в отдельных зданиях и имели

²² Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1912–1913 учебном году. С. 467–468.

²³ Костылева Е. В. Подготовка учителей во второклассных школах Таврической губернии (начало XX века) // Учёные записки Крымского федерального университета В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 6 (72). 2020. № 4. С. 93.

²⁴ Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1914–1915 учебном году // Таврические епархиальные ведомости. 1916. № 34. С. 364–365.

²⁵ Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1902–1903 году // Таврические епархиальные ведомости. 1904. № 5. С. 298–299.

особых учителей. Выпускники таких школ поступали сразу во второе отделение одноклассной школы, при которой числилось низшее училище такого типа²⁶.

Несмотря на то, что вопрос о всеобщем начальном обучении в Российской империи окончательно не был решён, уездные земские управы Таврической губернии начали формировать общую школьную сеть с 1910 г. Школы грамоты, принимавшиеся в школьные сети для введения всеобщего обучения, преобразовывались в церковно-приходские и осуществляли свою деятельность уже в качестве отдельных и самостоятельных школ, либо же служили в виде дополнительных комплектов при имеющихся ЦШ. Так, в связи с включением в школьные сети к январю 1910 г. только в пределах Днепровского уезда из 32 школ грамоты 2 были закрыты и 29 обращены в церковно-приходские²⁷, а в 1912–1913 учебном году ещё 36 школ грамоты Таврической епархии были преобразованы в одноклассные ЦШ.

Помимо этого, некоторые школы грамоты закрывались вследствие нежелания местного населения предоставить необходимые помещения для занятий, строительства и открытия новых земских училищ, а также в связи с отсутствием достаточного числа детей школьного возраста²⁸.

Тем не менее, второклассные школы Таврической епархии продолжали выполнять свою главную задачу: готовить учителей для школ грамоты. Примечательно, что ежегодно второклассные школы оканчивало несколько десятков человек, при этом епархиальными наблюдателями постоянно отмечалось, что в имеющихся школах грамоты среди преподавателей работают лица, не имеющие ни педагогического образования, ни даже свидетельства на звание народного учителя. К примеру, в 1915–1916 учебном году из 105 учителей школ грамоты 76 не имели никаких свидетельств на право заниматься педагогической деятельностью²⁹.

Куда же девались выпускники второклассных школ Таврической епархии? Попытаемся ответить на этот вопрос. Некоторая часть окончивших второклассные школы воспитанников продолжала своё образование в других учебных заведениях. В ведомстве Училищного совета при Св. Синоде имелись церковно-учительские школы, которые, в отличие от второклассных, представляли собой педагогические учебные заведения повышенного типа и готовили преподавателей для всех видов начальных училищ. В церковно-учительских школах обучались в течение трёх лет выпускники второклассных школ или других учебных заведений подобного уровня. Окончившие с отличием церковно-учительскую школу получали аттестат, а остальным воспитанникам выдавались свидетельства на звание «учителя или учительницы начального училища»³⁰. Таврическая епархия не имела своих церковно-учительских школ, хотя вопрос об их устройстве в Тавриде не раз поднимался местными училищными властями перед Св. Синодом. На эти прошения из Училищного совета последовал ответ, что для Таврической епархии предназначена церковно-учительская школа в селении Шамовка Александрийского уезда Херсонской губернии. Устройство же отдельной для Таврической епархии церковно-учительской школы не предполагалось³¹.

В 1906 г. Таврический епархиальный училищный совет запрашивал Св. Синод о наличии необходимых сумм на устройство специального учебного заведения для подготовки учительниц церковно-приходских школ, дабы при положительном

²⁶ Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1905/6 учебном году // Таврические епархиальные ведомости. 1907. № 13–14. С. 294–295.

²⁷ Обзор положения народного образования в Таврической губернии за 1908/9 и 1909/10 годы. Симферополь, 1910. С. 5.

²⁸ Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1912–1913 учебном году. С. 397.

²⁹ ГАРК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 71. Л. 5 об.

³⁰ Манукян Э. М., Красницкая Т. А. Церковно-учительские школы российской империи (конец XIX — начало XX вв.) // Успехи современного естествознания. 2012. № 5. С. 28.

³¹ РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 801. Л. 1–2.

ответе заняться детальной разработкой проектов плана и сметы для строительства предполагаемой школы.

На этот запрос Училищный совет ответил, что в Таврической епархии не может быть учреждена церковно-учительская школа, потому что для южного района России уже открыты такого типа учебные заведения в епархиях Донской, Киевской, Полтавской и Херсонской, на возведение же новых не имеется в настоящее время необходимых средств³².

С 1908 г. в Училищном совете при Св. Синоде стал активно обсуждаться вопрос о целесообразности существования второклассных школ, был даже рассмотрен проект преобразования некоторой части их в учительские с целью подготовки педагогического персонала для церковно-приходских школ, другой части — в общеобразовательные трёхклассные училища с четырёхлетним курсом обучения, однако это предложение вызвало протест со стороны представителей Министерства народного просвещения и было отклонено. В 1910 г. в ходе чрезвычайного собрания Училищного совета при Св. Синоде был рассмотрен другой проект, который предусматривал постепенный переход второклассных школ в церковно-учительские посредством увеличения срока обучения в них на год, подбором педагогических кадров с высшим образованием, повышением для них жалования. Поднимался вопрос о преобразовании второклассных школ в двухклассные в связи с тем, что первые далеко не всегда пользуются популярностью. Председатель Училищного совета Св. Синода протоиерей П. Соколов на это заметил, что второклассные школы имеют право на существование хотя бы в качестве общеобразовательных учебных заведения повышенного уровня. Идея об обращении второклассных школ в училища для подготовки низших членов клира не получила своего развития из-за недостатка средств³³.

Действительно, часть выпускников Таврических второклассных школ продолжали обучение в церковно-учительских школах и других заведениях.

³² Там же. Д. 1223. Л. 1–2.

³³ Житнев Т. Е. Второклассные школы... С. 46–47.

С 1911–1912 учебного года появилась возможность открывать при действующих второклассных школах одногодичные курсы для выпускников, которые имели различную направленность. В Таврической епархии при женской Казачье-Лагерской школе для окончивших её воспитанниц был открыт в том же году дополнительный курс, по завершении которого они получали особое удостоверение, позволявшее им учительствовать в одноклассной церковно-приходской школе³⁴. К примеру, в 1911 г. из двадцати выпускниц Казачье-Лагерской второклассной школы шесть девиц продолжили обучение на дополнительном курсе, шесть поступили в церковно-учительские школы (Богословскую Каширского уезда Тульской губернии и Дровнинскую Можайского уезда Московской губернии), две — в гимназию и четыре учительствовали в церковно-приходских школах³⁵.

За неимением особых учительских училищ Училищный совет Таврической епархии представлял возможность выпускникам второклассных школ пройти испытания на звание учителя одноклассной школы, для чего учреждалась комиссия из ректора и нескольких преподавателей местной семинарии. Так, в сентябре 1913 г. такого рода испытаниям были подвергнуты выпускники Софиевской второклассной школы Спиридон Мильчевский, учитель Тимошевской школы грамоты, и мещанин Пётр Неня. Испытуемым было предложено написать изложения по басням Крылова и решить несколько арифметических задач. При устном экзамене были спрошены молитвы, заданы вопросы из истории Ветхого и Нового Завета, катехизиса, литургики, церковной и отечественной истории, русского и церковно-славянского языков, арифметики и географии. Затем Мильчевский и Неня приготовили конспекты пробных уроков по русскому языку и арифметике, на основании которых они и провели практические занятия в образцовой школе при семинарии. Комиссия признала, что испытуемые обладали достаточной опытностью и педагогическими способностями, достаточными для получения звания учителя одноклассной школы³⁶.

Других выпускников второклассных школ после сдачи определённых экзаменов принимали в Таврическую духовную семинарию. В частности, окончившие курс Больше-Знаменской второклассной школы дети поселян из единоверцев Кирилл Тряпицын и Иван Романов летом 1913 г. были подвергнуты испытаниям для поступления в 1 класс Таврической духовной семинарии и были признаны вполне удовлетворяющим требованиям³⁷.

Дальнейшее преобразование второклассных школ было прервано Первой мировой войной и событиями Февральской революции. Временное правительство своим постановлением от 20 июня 1917 г. церковные школы, а также и все принадлежащие им здания, на возведение которых были потрачены суммы из государственной казны, передало в ведомство Министерства народного просвещения³⁸.

В июне 1917 г. на волостном сходе инспектор Больше-Знаменского высшего начального училища предложил крестьянам ходатайствовать перед Министерством народного просвещения об открытии в селе гимназии на базе здания местной второклассной школы. А до открытия гимназии с осени текущего года перевести во второклассную школу высшее начальное училище. Благочинный местных единоверческих церковью сообщал епархиальному наблюдателю церковно-приходских школ, что учителя волнуются, не знают, что предпринять и беспокоятся о будущем своём и школы³⁹.

К сожалению, мы не можем однозначно сказать, как исполняли свои функции второклассные школы Таврической епархии с осени 1917 г. Последующие исторические события кардинально изменили отношение к участию Православной Церкви в деле народного образования. Уже 11 декабря 1917 г. советская власть принимает постановление

³⁴ Костылева Е. В. Подготовка учителей во второклассных школах... С. 95.

³⁵ ГАРК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3. Л. 11 об. — 14.

³⁶ Там же. Д. 346. Л. 147.

³⁷ Там же. Л. 187.

³⁸ Житенев Т. Е. Второклассные школы... с. 47.

³⁹ ГАРК. Ф. 419. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.

«О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению», согласно которому все церковные учебные заведения со штатами, капиталами, имуществом передаются в ведение правительства⁴⁰.

Во время Гражданской войны церковные школы Таврической губернии продолжали свою деятельность в рамках школьной сети. С июня 1918 г. по апрель 1919 г. начальные народные школы, в том числе и церковно-приходские, находились в ведении Министерства народного просвещения Крымского краевого правительства, которое выделяло из своей казны средства на содержание всех учебных заведений⁴¹.

Участники Ставропольского собора, состоявшегося в мае 1919 г., просили руководство вооружённых сил юга России вернуть Церкви на подконтрольных ему территориях все переданные в подчинение дирекции народных училищ церковно-приходские школы, при этом их содержание должно было осуществляться за счёт казённых средств⁴². Судя по всему, этот вопрос не был решён окончательно, потому что в сентябре 1920 г. южно-российское Временное Высшее Церковное управление обращалось к председателю врангелевского правительства с просьбой об открытии церковно-приходских школ⁴³.

С утверждением советской власти в Крыму участь церковно-приходских школ была предрешена. Крымревком своим указом № 57 от 30 ноября 1920 г. закрыл все церковные школы Таврической епархии и передал в ведение «социалистической Советской республики»⁴⁴.

Таким образом, второклассные школы Таврической епархии окончательно перестали существовать. Они возникли благодаря государственной политике, в рамках которой правительство пыталось решить проблему распространения элементарного образования за счёт менее затратных по своему содержанию школ грамоты, где бы в качестве учителей работали сами крестьяне, освоившие простейшие педагогические навыки. В Таврической губернии в исследуемый временной период осуществляли образовательную деятельность пять второклассных школ, три — мужских, одна женская и одна — смешанная, последняя проработала всего несколько лет. Впоследствии, несмотря на то, что школа грамоты как вид учебного заведения потеряла своё значение, второклассные школы по-прежнему оставались востребованными у крестьян и мещан ввиду того, что предоставляли более высокий уровень начального образования. В то же время, второклассные школы Таврической губернии большое значение имели и для местного училищного совета, потому что оставались единственными епархиальными учительскими учебными заведениями, пополняющими педагогические кадры начальных церковно-приходских школ региона.

Источники и литература

1. Выбор и подготовка учеников для второклассных школ с учительскими курсами. Внимание заведующих одноклассными церковно-приходскими школами // Таврические епархиальные ведомости. 1896. № 30. С. 846.
2. ГАРК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 346 // Журналы педагогического собрания за 1913 год.

⁴⁰ Дивногорцева С. Ю. Вопросы православного образования в документах Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов // История: факты и символы. 2018. № 1 (14). С. 136.

⁴¹ ГАРК. Ф. Р-3292. Оп. 1. Д. 2. Л. 117.

⁴² Крячко Н., прот. Архив Юго-Восточного русского Собора 1919 г. как источник по истории Русской Православной Церкви периода Гражданской войны // Вестник церковной истории. 2012. № 3/4 (27/28). С. 242.

⁴³ Римский С. В., Багдасарова Ж. Р. Временное высшее церковное управление на юге России // Православная энциклопедия. Т. IX. М., 2005. С. 509.

⁴⁴ ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 1. Д. 4. Л. 60.

3. ГАРК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 3 // Со списками учащихся Казачье-Лагерской второклассной школы.
4. ГАРК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 34 // С копиями журналы и протоколов заседаний церковно-приходских школ Таврической епархии за 1913–1916 гг.
5. ГАРК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 71 // Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии за 1915/1916 учеб. год.
6. ГАРК. Ф. 419. Оп. 2. Д. 2 // Переписка об открытии школы и гимназии.
7. ГАРК. Ф. Р-1188. Оп. 1. Д. 4 // Приказы КрымРевкома.
8. ГАРК. Ф. Р-3292. Оп. 1. Д. 2 // Проекты штатов: мужских гимназий, женских гимназий, реальных училищ, учительских семинарий, духовной семинарии, духовных училищ, высших начальных училищ, морского училища мелкого плавания (Керченского), Севастопольского технического училища, коммерческих училищ, ремесленных училищ и школ и начальных народных училищ.
9. *Дивногорцева С. Ю.* Вопросы православного образования в документах Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов // История: факты и символы. 2018. № 1 (14). С. 133–144.
10. *Житенев Т. Е.* Второклассные школы – начальные педагогические учебные заведения Святейшего Синода на рубеже XIX–XX веков // Поволжский вестник науки, 2020. № 1 (15). С. 42–48.
11. *Костылева Е. В.* Подготовка учителей во второклассных школах Таврической губернии (начало XX века) // Учёные записки Крымского федерального университета В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 6 (72). 2020. № 4. С. 88–98.
12. *Крячко Н., прот.* Архив Юго-Восточного русского Собора 1919 г. как источник по истории Русской Православной Церкви периода Гражданской войны // Вестник церковной истории. 2012. № 3/4 (27/28). С. 213–259.
13. *Манукян Э. М., Красницкая Т. А.* Церковно-учительские школы российской империи (конец XIX – начало XX вв.) // Успехи современного естествознания. 2012. № 5. С. 27–28.
14. *О. Е. В.* О второклассных церковных школах // Таврические епархиальные ведомости. 1896. № 27. С. 767–774.
15. Обзор положения народного образования в Таврической губернии за 1908/9 и 1909/10 годы. Симферополь: Тип. Таврического Губернского Земства, 1910. 73 с.
16. Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1912–1913 учебном году // Таврические епархиальные ведомости. 1914. № 33. С. 465–469.
17. Отчёт Таврического Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1914–1915 учебном году. (Продолжение) // Таврические епархиальные ведомости. 1916. № 34. С. 365–367.
18. Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1902–1903 году // Таврические епархиальные ведомости. 1904. № 5. С. 295–303.
19. Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Таврической епархии в 1905/6 учебном году // Таврические епархиальные ведомости. 1907. № 13–14. С. 293–304.
20. Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ в Таврической епархии за 1899–1900 учебный год // Таврические епархиальные ведомости. 1901. № 7. С. 378–385.
21. Отчёт Таврического епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ в Таврической епархии за 1901–1902 учебный год // Таврические епархиальные ведомости. 1903. № 9. С. 531–546.
22. По поводу десятилетия второклассных школ // Владимирские епархиальные ведомости. 1907. С. 239–245.
23. Положение о церковных школах ведомства Православного исповедания // Тамбовские епархиальные ведомости. 1902. № 32. С. 733–743.

24. РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 1223 // По ходатайству Таврического епархиального училищного совета об учреждении в г. Симферополе церковно-учительской школы.
25. РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 1639 // О второклассной церковно-приходской школе в м. Таганаш Перекопского уезда Таврической епархии.
26. РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 386 // По ходатайству Таврического епархиального училищного совета об учреждении второклассной школы в с. Кизияре Мелитопольского уезда.
27. РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 54 // О второклассных школах в с. Софиевке и Казачьих лагерях Днепровского уезда Таврической епархии.
28. РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 598 // О второклассной школе в с. Большой Знаменке Мелитопольского уезда.
29. РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 627 // По ходатайству Таврического епархиального училищного совета об учреждении второклассной школы в с. Большом Токмаке Бердянского уезда.
30. РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 801 // Об учреждении церковно-учительской школы в Таврической епархии.
31. *Римский С. В., Багдасарова Ж. Р.* Временное высшее церковное управление на юге России // *Православная энциклопедия*. Т. IX. М., 2005. С. 507–510.
32. Список церковно-приходских школ и школ грамоты Таврической епархии // *Таврические епархиальные ведомости*. 1900. № 8–9. С. 584.
33. *Шкарлат Л. П.* Становление и развитие начального и среднего образования в Крыму во второй половине XIX — начале XX века под эгидой православной епархии. Симферополь: ООО «Антика», 2020. 320 с.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

М. В. Шкаровский

Храм Рождества Христова на Песках

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_413

Аннотация: Один из важнейших храмов Санкт-Петербурга – Рождества Христова на Песках был построен в конце XVIII в. по проекту архитектора П. Е. Егорова. Община храма активно проводила благотворительную деятельность. Его настоятель протоиерей Александр Гумилевский в 1863 г. создал первое в России благотворительное церковное общество – приходское Христорождественское Александро-Иосифовское братство, деятельность которого продолжалось до 1918 г. Храм был закрыт в марте 1934 г., целый ряд его клириков был репрессирован в годы советской власти, в том числе пять настоятелей. Один из них – священномученик протоиерей Григорий Сербаринов был прославлен в лике святых. Освещенные в статье следственные дела до сих пор не были изучены исследователями. Статья подготовлена на основе значительного комплекса ранее не введенных в научный оборот архивных документов.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, храм Рождества Христова, Санкт-Петербург, благотворительная деятельность, антирелигиозная политика, репрессии верующих.

Об авторе: **Михаил Витальевич Шкаровский**

Доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Ссылка на статью: Шкаровский М. В. Храм Рождества Христова на Песках // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 413–425.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

Mikhail Shkarovsky

Church of the Nativity of Christ on the Sands

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_413

Abstract: One of the most important churches in St. Petersburg – the Nativity of Christ on the Sands – was built at the end of the 18th century by the architect P. E. Egorov. The community of the temple actively carried out charitable activities. Its rector, Archpriest Alexander Gumilevsky, in 1863 created the first charitable church society in Russia – the parish of the Nativity of Christ Alexander-Joseph Brotherhood, whose activities continued until 1918. The church was closed in March 1934, a number of its clergy were repressed during the Soviet era, including five abbots. One of them, the holy martyr Archpriest Grigory Serbarinov, was glorified as a saint. The investigative cases covered in the article have not yet been studied by researchers. The article is prepared on the basis of a significant set of previously unknown archival documents.

Keywords: Russian Orthodox Church, Church of the Nativity of Christ, St. Petersburg, charitable activity, anti-religious policy, repression of believers.

About the author: **Mikhail Vitalievich Shkarovsky**

Doctor of Historical Sciences, Chief Archivist of the Central State Archive of Saint Petersburg, Professor of the Department of Church History at Saint Petersburg Theological Academy.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Article link: Shkarovsky M.V. Church of the Nativity of Christ on the Sands. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 413–425.

* Photos are taken from the open sources.

Один из самых известных храмов Санкт-Петербурга — Рождества Христова был построен в XVIII в. в местности, именуемой Пески, в слободе мастеров Канцелярии строения домов и садов. Он был заложен по проекту архитектора П. Е. Егорова 18 сентября 1781 г. на главной площади слободы, на углу 6-й Рождественской улицы и Рождественского переулка. Каменный храм на 2000 человек строился в стиле классицизма: с ионическим портиком на фасаде, большим куполом и двумя звонницами по углам. Своим видом здание напоминало Свято-Троицкий собор Александро-Невского монастыря. К концу 1783 г. оно было построено вчерне. Первый придел Всех святых был освящен 6 ноября 1787 г., второй Рождества Богородицы — 8 сентября 1788 г., а через год — 8 сентября 1789 г. состоялось освящение главного придела митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Гавриилом (Петровым) в присутствии цесаревича Павла и его супруги. Резчики Канцелярии во главе с И. Ф. Дункером исполнили пяти- и трехъярусные иконостасы, живописцы И. И. Бельский, А. П. Антропов, И. М. Тонков — образа, Ф. Д. Данилов и Ф. А. Щербаков — роспись. Лепку делали Иван Никитин и Андрей Лобашов¹.

В 1826 г. главный придел был сделан теплым. Здание церкви неоднократно реставрировалось и перестраивалось. В 1850–1851 гг. по поручению архитектора Я. В. Ветлужского В. Ф. Небольсин и А. И. Шевцов перенесли боковые приделы с середины храма к алтарной части. По эскизу члена прихода знатока древнерусского орнамента Ф. Г. Солнцева для этих приделов в мастерской Е. Скворцова были сделаны из липы новые иконостасы, а П. С. Титов расписал стены в византийском стиле. Тогда же заменили главный иконостас. Дополнительные образа для него исполнил А. Федоров. При пожаре в слободе в конце мая 1859 г. здание пострадало мало и было вскоре приведено в порядок. Новыми работами в нем в 1886–1887 гг. руководил И. П. Ропет. В это время были пристроены ризница и притвор, проведен капитальный ремонт, главный неф украшен росписью. К столетию здания, в 1898 г., интерьер был полностью отреставрирован. Тогда же храм и сад обнесли кованой решеткой. Покровительницей Песков была храмовая местночтимая икона Рождества — ей по обычаю молились о помощи при родах и в воспитании детей. В 1901 г. после чудесного сна была обретаена в земле небольшая икона святых Гурия, Самона и Авива, которая быстро приобрела в округе известность как покровительница брака. Кроме образов XVIII в., в храме хранилась серебряная утварь и четыре Евангелия в дорогих окладах елизаветинской эпохи. В 1842 г. все престолы были украшены серебряными рельефами².

Община храма активно проводила благотворительную деятельность. В 1856–1866 гг. его настоятелем служил протоиерей Александр Васильевич Гумилевский, который в 1863 г. создал одно из первых в России благотворительных обществ — приходское Христорождественское Александро-Иосифовское братство со школой, приютом, богадельней, библиотекой. В 1862–1891 гг. благотворительностью занимался настоятель протоиерей Василий Матвеевич Маслов. При следующем настоятеле протоиерее Николае Григорьевиче Смирягине в 1896 г. была открыта бесплатная столовая для бедных. С 1903 г. на четвертом, верхнем этаже дома братства действовал небольшой храм святого великомученика Георгия Победоносца в «русском стиле» с резным одноярусным белым иконостасом, звонницей и витражом «Воскресение Христово», освященный 30 мая 1904 г. митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антоном (Вадковским)³.

К 1917 г. храм Рождества Христова на Песках являлся важным центром духовной, социальной, педагогической и благотворительной жизни столицы России. В приютах Христорождественского Александро-Иосифовского братства для престарелых больных

¹ Маслов В. М. Краткое описание Христорождественской церкви на Песках. СПб., 1887.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 38. Д. 451; Оп. 60. Д. 505; Оп. 62. Д. 344; Оп. 66. Д. 266; Оп. 166. Д. 1249; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 41. Оп. 1. Д. 12.

³ Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010. С. 120–121.

Александр Николаевич
Шкарин

и малолетних нищих проживали 40 мальчиков, 41 девочка и 25 одиноких престарелых женщин. В школе-приюте братства в 1917 г. преподавали учителя А. М. Толузанова, А. А. Обневский и В. В. Мягова⁴.

Последним председателем Александро-Иосифовского братства с начала 1914 г. был Александр Николаевич Шкарин (29 марта / 11 апреля 1876–15 августа 1920) — один из первых педиатров России, доктор медицины, ординарный профессор и начальник кафедры детских болезней Императорской Военно-медицинской академии, заведующий детской клиникой Михайловской больницы баронета Виллие. А. Н. Шкарин являлся одним из учредителей в январе 1904 г. «Союза для борьбы с детской смертностью в России». Он был членом правления союза и много лет возглавлял музей этой организации в доме № 5 по 10-й Рождественской улице, закрытый советскими властями в 1918 г.

Александр Николаевич принял на себя руководство братством после кончины 16 января 1914 г. прежнего председателя инженер-технолога Николая Александровича Резцова и в том же году подготовил

и издал книгу «Пятидесятилетие Христорождественского братства», посвященную памяти Н. А. Резцова. По ходатайству нового председателя братства Петроградская городская управа 7 января 1917 г. приняла решение об увековечивании памяти Николая Александровича⁵.

Ранее бывший потомственным почетным гражданином А. Н. Шкарин сначала стал личным дворянином, а с 1916 г. — потомственным дворянином, статским советником и гласным Петроградской городской думы. В период революционных потрясений он снимал квартиру в доходном доме, принадлежавшем дяде жены, В. Ф. Диевскому, по 3-й Рождественской ул., д. 6. Александр Николаевич скончался 15 августа 1920 г. после автомобильной аварии в возрасте 44 лет и был похоронен на Богословском кладбище (Академической площадке Военно-медицинской академии). В настоящее время на могиле А. Н. Шкарина на Богословском кладбище совершаются панихиды в присутствии сотрудников кафедры детских болезней Военно-медицинской академии.

К началу 1917 г. в состав причта храма входили: настоятель протоиерей Николай Григорьевич Смирягин, протоиерей Георгий Сергеевич Полянский, протоиерей Николай Дмитриевич Удальцов, священник Василий Васильевич Певцов, диакон Феодор Алексеевич Остапов, диакон Петр Яковлевич Ужинский и псаломщик Димитрий Михайлович Вознесенский⁶. Просфорней с 15 февраля 1915 г. была вдова священника Вера Листова.

Старостой храма 14 октября 1914 г. был утвержден потомственный почетный гражданин, купец 2-й гильдии, член окружного санитарного попечительства Литейной части Семен Яковлевич Смуров, занимавший этот пост до 1918 г. Его многочисленная семья проживала в собственном доме по адресу: 6-я Рождественская ул., д. 4.

⁴ Весь Петроград. Пг., 1917. Стлб. 540.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 117. Д. 117.

⁶ Весь Петроград. Пг., 1917. Стлб. 403.

Смуров был хорошим коммерсантом и сумел приобрести несколько доходных домов на этой улице, а также открыть там водопроводную мастерскую⁷.

Протоиерей Николай Григорьевич Смирин являлся настоятелем Христорождественской церкви на Песках с 1892 г. по 23 февраля 1917 г., когда был назначен настоятелем кафедрального Исаакиевского собора, где служил вплоть до своей кончины 3 июля 1919 г. 23 февраля 1917 г. новым настоятелем храма Рождества Христова на Песках был назначен многолетний член его причта протоиерей Георгий Сергеевич Полянский. Он занимал пост настоятеля всего лишь десять месяцев — до 19 декабря 1917 г. С 19 декабря 1917 по 1919 гг. настоятелем храма служил протоиерей Николай Дмитриевич Удальцов. 23 февраля 1917 г. к Христорождественской церкви был временно определен священник Петр Смирнов. Сверхштатным священником храма с 1 сентября 1917 г. некоторое время служил иерей Арсений Чистяков⁸.

В 1917 г. число прихожан Христорождественской церкви составляло несколько тысяч человек. В этом году с епархиального склада общине храма ежемесячно выдавалось три мешка (вероятно пятипудовых) и еще три пуда муки (почти 300 килограммов) для выпечки просфор. В частности, такое количество было выдано 4 января 1918 г.⁹ 3 февраля настоятель протоиерей Николай Удальцов подал очередную заявку на епархиальный свечной склад с просьбой отпустить пшеничную муку для храма и Христорождественского приюта¹⁰.

Октябрьский переворот и установление советской власти послужили началом новой, тяжелой и трагичной главы в истории храма. Основы будущего, почти бесправного положения всех религиозных организаций заложил опубликованный 23 января 1918 г. декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». До реализации его положений в Петрограде дело дошло только в конце 1918 — начале 1919 гг., когда власть новых «правителей» северной столицы несколько упрочилась в период жестокого «красного террора». В разгар его Совет комиссаров Союза коммунистической партии в своем постановлении от 2 декабря 1918 г. потребовал от всех приходских общин под угрозой предания революционному суду предоставления в двухнедельный срок сведений о капиталах, инвентарных описей богослужебного имущества, немедленной передачи советам собственности, не предназначенной для богослужебных целей. Для регистрации в райисполкомах Петрограда приходские общины с 20 декабря 1918 г. должны были предоставить свои уставы, протоколы собраний об их принятии, списки своих членов и состава приходского совета¹¹.

Архитектурные достоинства Христорождественской церкви были оценены и после революции, в частности, Отдел охраны памятников старины и искусства Наркомата просвещения (на основании декрета Совнаркома от 10 октября 1918 г.) взял здание храма, как памятник художественно-исторического значения, под свою охрану. В дальнейшем храм состоял на специальном учете в Петроградском отделе охраны памятников искусства и старины.

В начале 1919 г. Комиссариат юстиции, угрожая судом, категорично потребовал от настоятеля Христорождественской церкви в двухнедельный срок сообщить сведения о капиталах храма, что и было сделано. Одновременно отдел юстиции Петроградского совета запросил сведения о церковных капиталах в различных банках. В декабре 1918 г. Петроградская народная сберкасса сообщила, что в ней хранится 15 рублей на нужды причта Христорождественской церкви. 13 марта 1919 г. Северная областная контора Народного банка в ответ на запрос от 6 февраля известила гражданский отдел Рождественского райисполкома о наличии четырех вкладов храма Рождества Христова на общую сумму 57191 рубль. 14 марта Петроградская народная сберкасса

⁷ Антонов В. В., Кобак А. В. Святцы Санкт-Петербурга... С. 306.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 2039.

⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1221. Оп. 1. Д. 11. Л. 59 об.

¹⁰ Там же. Л. 69.

¹¹ Там же. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 123. Л. 68–69; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 251. Л. 15.

в ответ на запрос от 6 февраля сообщила, что на счету «Бедных духовного звания» по отношению причта Христорожественской церкви хранится 47 рублей. 17 апреля 2-е отделение Народного банка на запрос от 17 марта ответило, что в бывшем Московском купеческом банке на счету храма Рождества Христова имеется 361 рубль и т. д.¹²

В июне 1919 г. ценные бумаги храма были приняты в Госбанк, а в апреле 1920 г. отдел юстиции Петроградского совета известил Народный банк и Госконтроль об аннулировании принадлежавшего Христорожественской церкви капитала и перечислении его в казну. Одновременно советские власти собирали и другие данные об имуществе храма. Так комендант 2-го Рождественского подрайона 11 января 1919 г. переслал в гражданский отдел Рождественского райисполкома сведения о храме¹³.

В 1918 г. был национализирован четырехэтажный каменный дом на церковной площади (6-я Рождественская ул., д. 21), в котором размещались приют, больница, бесплатная столовая и библиотека братства. Раздача пищи в бесплатной столовой для бедных прекратилась весной 1918 г.¹⁴ В этом же году было упразднено Христорожественское Александро-Иосифовское братство.

Весной 1918 г. был закрыт и приют братства, здание которого передали под жилые помещения. Директором Христорожественского приюта до его ликвидации являлась мать А. Н. Шкарина, Вера Александровна Шкарина (урожденная Резцова), родная сестра прежнего председателя Христорожественского братства Н. А. Резцова. Она родилась в Санкт-Петербурге 5 июля 1852 г., скончалась в 1932 г. в Ленинграде и была похоронена на Большеохтинском кладбище. Дочерью Веры Александровны и сестрой А. Н. Шкарина являлась Вера Николаевна (в замужестве Мудьюгина, 1874–1974), мать известного архиерея, архиепископа Вологодского и Великоустюжского, ректора Ленинградской духовной академии Михаила (в миру Михаила Николаевича Мудьюгина, 12 мая 1912–28 февраля 2000). До 1918 г. вся семья активно помогала проживавшим в приюте Христорожественского братства.

Осенью 1917 г. семья Мудьюгиных потеряла служебную квартиру на Васильевском острове и была вынуждена переселиться к Вере Александровне Шкариной в дом на углу 2-й Рождественской и Дегтярной улиц (д. 27, кв. 45). С этого времени началось становление в вере будущего архиепископа, поскольку важную роль в его жизни начала играть бабушка. Именно Вере Александровне принадлежала заслуга настоящего воцерковления любимого младшего внука Михаила, с которым они вместе посещали богослужения в Христорожественской церкви. Около двух лет Михаил Мудьюгин занимался и в расположенной неподалеку воскресной школе при Александро-Невской Лавре. Мать будущего владыки также занимала активную церковную позицию. Она входила в созданное в январе 1918 г. для защиты лавры знаменитое Александро-Невское братство¹⁵.

9 сентября 1918 г. был закрыт приютский храм св. вмч. Георгия Победоносца, а имущество передано в Христорожественскую церковь, к которой он был приписан. Позже здание, в том числе церковное помещение, оказалось перестроено под жилье¹⁶. В 1918 г. были национализированы и дома на 6-й Рождественской улице, принадлежавшие прихожанам храма, в частности, дома Семена Яковлевича Смурова № 4 и № 17, а также дом № 1, которым с 1890 г. владел и жил в нем мастер серебряных дел, видный деятель Александро-Иосифовского братства, член общества распространения Священного Писания в России Николай Андреевич Груздев. Он был

¹² Там же. Ф. 7879. Оп. 1. Д. 5. Л. 2об; Д. 10. Л. 18, 19, 36, 39.

¹³ Там же. Д. 10. Л. 4.

¹⁴ Шульц С. С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. Справочное издание. СПб., 1994. С. 115; Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга... С. 120–121.

¹⁵ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Ф. архивно-следственных дел. Д. П-88399.

¹⁶ Шульц С. С. Храмы Санкт-Петербурга... С. 143; Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга... С. 306.

казначеем Христорождественского братства, другом и помощником его председателя Н. А. Резцова.

К лету 1919 г. настоятелем храма Рождества Христова был назначен протоиерей Павел Петрович Левитский, а отец Николай Удальцов остался вторым священником. Во второй половине 1919–1920 гг. советские власти продолжали усиленно требовать выполнения различных положений декрета «Об отделении церкви от государства и школы», а также инструкции, разъяснявшей его применение. Так, летом 1919 г. в отдел ЗАГС были переданы метрические книги Христорождественской церкви. Осенью приходской совет представил в Комиссариат юстиции и требуемую опись церковного имущества. В октябре 1919 г. от протоиерея Павла Левитского потребовали представить сведения о доходах и расходах общины за последние два года. Настоятелю пришлось сообщить обо всех затратах.

Еще в 1918 г. было прекращено обучение Закону Божию в школах, и в октябре 1919 г. приходской совет Христорождественской церкви обратился в Комиссариат юстиции с ходатайством о разрешении занятий с детьми при храме частным образом. Власти ответили разъяснением, что изучение Закона Божия частным образом не возбраняется.

17 августа 1919 г. был заключен договор с представителем Смольнинского райисполкома о передаче церкви верующим в бесплатное и бессрочное пользование, которое в действительности оказалось не бесплатным и не бессрочным. Тогда же на общем собрании был избран первый состав приходского совета — т. н. «двадцатки» во главе с настоятелем протоиереем Павлом Левитским. На другом общем собрании 2 января 1921 г. прихожане выбрали новый совет в составе 21 члена и трех кандидатов, утвержденный 4 апреля того же года священномучеником митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским). В президиум приходского совета вошли: председатель настоятель протоиерей Павел Левитский, товарищ председателя А. П. Чмутов, секретарь М. Н. Крылов, казначей В. К. Арчаков и бухгалтер Л. Ф. Финдейзен, а среди членов совета были священник Василий Певцов и диакон Петр Ужинский.¹⁷

В августе 1921 г. приходской совет по запросу Отдела управления Петрогубисполкома переслал ему сведения о своем составе, в качестве цели работы было указано: «Удовлетворение религиозных нужд прихожан через ежедневные богослужения в церкви». Деятельность совета по его свидетельству выражалась в содержании причта, хора певчих, устройстве праздничных богослужений, необходимого ремонта и поддержании в порядке церковного здания¹⁸.

Следующее общее собрание было назначено на 23 октября 1921 г., но оно не состоялось из-за малого числа пришедших прихожан. Повторно назначенное собрание прошло 30 октября с участием 93 человек, подписавших договор. Председателем собрания был избран К. Л. Лебедев, а секретарем протоиерей Николай Удальцов. После доклада А. П. Чмутова о работе приходского совета с января по октябрь 1921 г. собравшиеся единогласно признали «весьма полезную его деятельность» и выразили «глубокую сердечную благодарность» членам совета за труды на пользу храма и церковной общины. Они выбрали новый приходской совет из 23 членов, в том числе протоиереев Павла Левитского, Николая Удальцова, священника Василия Певцова, а также церковного старосту В. К. Арчакова. Среди выбранных четырех членов ревизионных комиссий был диакон Феодор Остапов¹⁹.

1 ноября приходской совет на своем заседании выбрал президиум из девяти человек, в том числе председателя Г. Ф. Пегашева и секретаря М. Н. Крылова. 11 ноября приходской совет отправил в Отдел управления Петрогубисполкома протокол общего собрания и справку о составе «двадцатки»²⁰. В это время все священнослужители еще

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 4. Л. 156–156 об.

¹⁸ Там же. Л. 156 об.

¹⁹ Там же. Л. 158.

²⁰ Там же. Л. 157.

Церковь Рождества Христова на Песках

проживали вблизи храма на 6-й Рождественской ул., д.16–18. Следует упомянуть, что в годы гражданской войны многие прихожане Христорождественской церкви эмигрировали из России, погибли на фронтах, уехали из города в провинцию, были репрессированы или скончались от голода и инфекционных болезней.

Весной 1922 г. произошли значительные изменения в положении всей Русской Церкви, и особенно трагически они проявились в Петрограде. Изменилась и дальнейшая судьба храма Рождества Христова на Песках. С марта 1922 г. в Петрограде началась широкомасштабная кампания по изъятию церковных ценностей. Перед проведением изъятия в Христорождественской церкви в Смольнинский райисполком были вызваны настоятель протоиерей Павел Левитский и члены приходского совета для переговоров о содействии работы районной подкомиссии по изъятию церковных ценностей. С них взяли подписку об отсутствии демонстраций верующих. В отличие от представителей большинства других церквей отец Павел и члены приходского совета Христорождественского храма предложили подкомиссии «самой назначить время изъятия, боясь, что приход может прийти к церкви, если заблаговременно узнают о дне и часе работы подкомиссии»²¹.

Несмотря на принятые советскими властями меры, прихожане все-таки попытались помешать изъятию ценностей из храма. Саму акцию провели 26 марта. Райком ВКП(б) выделил членам подкомиссии 20 «надежных» рабочих, преимущественно слесарей, присутствовал также представитель Главмузея Лушкарев. Однако они встретили активное сопротивление. В докладе председателя подкомиссии по изъятию церковных ценностей Смольнинского района Шибова в губернскую комиссию от июня 1922 г. говорилось: «На 6-й Рождественской, у церкви Рождества Христова собралась

²¹ Там же. Оп. 7. Д. 15. Л. 61.

толпа до 800 человек — малолетние, подростки и женщины, так как церковь сама не высока, хулиганы залезли на окна и осыпали комиссию бранью и проклятиями. Была и здесь вызвана охрана в 30 человек кавалеристов, которая оттискивала толпу. Обо всех этих событиях своевременно было донесено в Госполитуправление»²².

В секретной информационной сводке о ходе операции по изъятию церковных ценностей в районах Петрограда отмечалось: «Смольнинский район. Операция по изъятию протекла и окончена удовлетворительно за исключением следующих эксцессов со стороны верующих, а именно: при увозе ценностей из Рождественской церкви (на 6-й Рождественской) и Марии Магдалины некоторыми гражданами по адресу комиссии по изъятию и милиции были сделаны отдельные выкрики и брошены камни...»²³.

Вызванный вооруженный отряд разогнал часть протестующих, и члены подкомиссии смогли провести изъятие. При этом на особо чтимых иконах были оставлены серебряные ризы, как и некоторые другие предметы (утвари) с обязательным условием замены (выкупа) в семидневный срок однородным металлом по весу. За несколько дней прихожане собрали сотни серебряных предметов — ножи, вилки, ложки, кувшины и т.п. и внесли в качестве выкупа несколько пудов серебра. Среди выкупленных святынь были считавшаяся покровительницей Песков храмовая местночтимая икона Рождества Христова, обретенная в 1901 г. в земле после чудесного сна икона святых Гурия, Самона и Авива, а также четыре большие Евангелия в драгоценных окладах елизаветинской эпохи. Многие из выкупленных ценностей были спасены от уничтожения.

Члены подкомиссии вывезли несколько десятков серебряных риз с икон, серебряных лампад, ковшиков, потиров, кубков, дарохранительниц и других предметов, в том числе хранившейся в храме серебряной утвари XVIII в. Кроме того, были сняты украшавшие все три престола серебряные рельефы. Изъятые ценности (общим весом около 150 килограммов) отвезли в Гохран и Помгол. Серебряные предметы оформлялись и как ценные ювелирные изделия, и как «серебро-лом». Некоторые вещи передали в музеи. В храме оставили плащаницу, т.к. подкомиссия затруднилась определить ее металл, для чего оказалось необходимо вызвать эксперта²⁴.

Некоторые предметы были оставлены в храме по требованию Лушкарева на учете отдела старины и искусства Главмузея. Причем между ним и членами подкомиссии возникали споры, порой доходившие до скандала. Решение некоторых спорных моментов было отложено до выяснения позиции губернской комиссии. Вопреки постановлению ВЦИК клирики храма Рождества Христова, как и других церквей района, не представили подкомиссии дореволюционных инвентарных книг. Районная милиция провела по этому поводу предварительный допрос настоятеля и членов приходского совета, после чего все материалы были отправлены в ГПУ²⁵.

В мае 1922 г. советские государственные структуры организовали т.н. обновленческий раскол. За противодействие изъятию в разных храмах Петрограда было арестовано несколько сотен человек (не менее 300), в том числе в апреле бывший священник храма Рождества Христова на Песках протопресвитер Александр Александрович Дернов. Из заключенных в тюрьму на Шпалерной ул. 86 человек предстало в качестве обвиняемых на открывшемся 10 июня судебном процессе, в том числе арестованный в мае настоятель храма Рождества Христова на Песках протоиерей Павел Петрович Левитский. В обвинительном заключении на процессе отмечалось: «26 марта у Рождественской церкви толпа рассеяна лишь воинской силой»²⁶.

Сохранились свидетельства очевидцев судебного процесса, продолжавшегося почти месяц. На допросе отец Павел Левитский виновным себя не признал. 5 июля 1922 г. Петроградский губернский революционный трибунал вынес свой приговор:

²² Там же. Л. 61 об.

²³ Коняев Н. Священномученик Вениамин митрополит Петроградский. СПб., 1997. С. 96.

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 15. Л. 61об-62.

²⁵ Там же. Л. 62.

²⁶ «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991. С. 11.

10 человек приговорили к расстрелу, в том числе будущего настоятеля храма Рождества Христова на Песках протоиерея Леонида Богоявленского, большую часть — к тюремному заключению или принудительным работам. Затем шестерых из приговоренных к смертной казни помиловал ВЦИК, заменив расстрел тюремным заключением, а четверых — митрополита Вениамина, архимандрита Сергия (Шейна), профессора Ю. П. Новицкого и юриста И. М. Ковшарова — расстреляли в ночь с 12 на 13 августа. Протоиерей Павел Левитский оказался на судебном процессе по обвинению в «распространении воззваний митрополита Вениамина, но без умысла нанести Советской власти вред», приговорен к принудительным работам без содержания под стражей на два месяца²⁷.

На этом же судебном процессе по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей» был приговорен к пяти годам заключения внук настоятеля храма Рождества Христова на Песках протоиерея Николая Михайловича Парийского будущий секретарь Патриарха Московского и всея Руси Алексия I, профессор и инспектор Ленинградской духовной академии Лев Николаевич Парийский.

Православное духовенство и миряне пытались бороться с обновленцами по всей стране. Но первой оформилась Петроградская автокефалия, не признававшая власть обновленческого Высшего церковного управления. Она окончательно оформилась в августе 1922 г. Возглавляли ее епископы Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич). 1 сентября 1922 г. в губисполком был представлен для утверждения проект устава Петроградской Православной Кафолической Церкви, под которым стояли подписи 12 учредителей этого религиозного объединения²⁸. Одной их «твердынь» противников раскола был храм Рождества Христова на Песках, в котором неоднократно совершал богослужения владыка Николай.

Существование Петроградской автокефалии вызывало у советских властей все более сильную тревогу. 10 февраля 1923 г. епископ Николай с ближайшими сподвижниками был арестован. Лишенная руководителей, под репрессивными ударами Петроградская автокефалия начала распадаться. Весной 1923 г. почти все храмы Петрограда оказались захвачены обновленцами. Лишь около 10 храмов смогли противостоять натиску, в том числе Христорожественская церковь.

27 июня 1923 г. был освобожден Святейший Патриарх Тихон, и почти сразу же начался быстрый спад влияния обновленцев и массовое возвращение верующих под окормление Предстоятеля Русской Церкви. 23 сентября в Москве состоялась хиротония во епископа Лужского с правом управления епархии архимандрита Мануила (Лемешевского). С прибытием законного правящего архиерея церкви северной столицы стали одна за другой переходить в юрисдикцию Патриарха, иногда по несколько в день. 6 октября 1923 г. Рождественские улицы (в том числе 6-я Рождественская) были переименованы в Советские. В этом же году Суворовский проспект стал называться Советским.

Стремясь поддержать обновленцев, 3 ноября 1923 г. президиум Петрогубисполкома принял постановление (протокол № 55, пункт 31) о расторжении договоров с тихоновскими «двадцатками» трех церквей: Христорожественской, Свято-Троицкой и Космо-Дамиановской в связи с нарушением ими общественного порядка и о передаче этих храмов обновленческим «двадцаткам»²⁹.

Если Свято-Троицкая и Космо-Дамиановская церкви оставались обновленческими до их закрытия в 1930 г., то с Христорожественской ситуация сложилась иначе. Обновленцы смогли захватить храм лишь на несколько недель, хотя настоятель протоиерей Павел Левитский перешел к раскольникам. Другие члены причта, как и подавляющая часть прихожан, не признали сформированной при поддержке советских властей обновленческой «двадцатки», и уже в конце ноября смогли вернуть

²⁷ Там же. С. 87; АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-89305.

²⁸ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 22. Л. 3–3 об.

²⁹ Там же. Д. 323. Л. 92 об; Оп. 97. Д. 1. Л. 55 об; *Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В.* Православные храмы Санкт-Петербурга 1917–1945 гг. Справочник. СПб., 1999. С. 77–78.

храм в каноническую Русскую Православную Церковь. С этого времени исполнять обязанности настоятеля стал сохранивший верность Патриарху Тихону протоиерей Николай Удальцов, хотя протоиерей Павел Левитский после принесения покаяния был вновь принят в юрисдикцию Московского Патриархата. Новый председатель приходского совета И. П. Лазарев вскоре предложил занять пост настоятеля недавно освобожденному из заключения прежнему настоятелю Казанского собора протоиерею Николаю Чукову (будущему митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию).

Об этих событиях отец Николай так писал в своем дневнике 27 января 1924 г.: «Ко мне приходили председатель приходского совета Христорождественской церкви И. П. Лазарев с казначеем и предлагали место настоятеля. Там был о. Левитский; за переход к обновленцам его сместили и назначили настоятелем второго священника о. Н. Удальцова, который будто бы не соответствует роли настоятеля. В ноябре приглашался о. Л. Богоявленский, но сменилась двадцатка, и он взял согласие обратно. Просили послужить всенощную накануне Крещения и сказать слово... Обсудив все это, я послал председателю приходского совета письмо с отказом “по обстоятельствам времени”»³⁰.

В марте 1924 г. на посту настоятеля церкви протоиерея Николая Удальцова сменил освобожденный 21 августа 1923 г. из заключения досрочно по амнистии прежний настоятель кафедрального Исаакиевского собора протоиерей Леонид Константинович Богоявленский. Приходскому совету удалось получить разрешение на его регистрацию со стороны ГПУ³¹. Отец Леонид служил в Христорождественской церкви более двух лет. Он оказался вновь арестован ГПУ 8 сентября 1926 г. и в храм на Песках, скорее всего, больше не вернулся³². После его ареста исполнять обязанности настоятеля, вероятно, вновь стал протоиерей Николай Удальцов.

В 1931 г. настоятелем Христорождественской церкви был назначен священномученик протоиерей Григорий Сербарин. В докладной записке инспектора по делам культов Володарского района Анны Иосифовны Леопольдовой от 17 августа 1931 г. о важнейших праздниках в храме Рождества Христова на Песках говорилось: «Главный праздник Рождества Христова 7 января (25 декабря) является общим праздником, поэтому в этом храме особенно не выделяется. Празднуют: Рождество Пресвятой Богородицы 21 (8) сентября и Воскресение (следующее за Троицыным днем), Всех Святых – праздник подвижный»³³.

С 1929 г. в Ленинграде началось массовое закрытие приходских церквей. Вопрос о закрытии храма Рождества Христова на Песках был возбужден в конце 1931 г. коллективом завода «Большевик», ходатайствующим о передаче здания под рабочее общежитие, и Управлением садов и парков, предлагающим церковь снести и устроить

Священномученик
Григорий Сербарин

³⁰ Чуков Н., *прот.* Один год моей жизни. Страницы из дневника / Публ. В. Антонова // Минувшее: Исторический альманах. Т. 15. М. – СПб., 1993. С. 535–536.

³¹ Там же. С. 602, 617.

³² Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2017. С. 63–64.

³³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 48. Д. 31. Л. 42.

на ее месте сквер. Для районных властей второе предложение оказалось предпочтительнее, и 7 февраля 1932 г. президиум Володарского райсовета принял решение просить городские власти закрыть храм и снести его³⁴.

Несколько месяцев ушло на сбор соответствующих материалов, и 9 июля 1932 г. президиум Леноблисполкома принял постановление о закрытии и сносе Христорождественской церкви по предложению, внесенному Комиссией по вопросам культов: «Учитывая малочисленность зеленых насаждений в районе 6-й Советской и прилежащих к ней улиц, и не имея свободной территории для разбивки сквера, а также наличие большого количества церквей в этой части города, так что религиозные потребности верующие могут удовлетворять вблизи расположенных церквей того же течения: Феодоровской, Афонской, Крестовоздвиженской, постановление Володарского райсовета утвердить, церковь снести, на занимаемой ею территории разбить сквер»³⁵.

Однако прихожане во главе с настоятелем протоиереем Григорием Сербариновым подали ходатайство в Президиум ВЦИК. Храм удалось временно спасти от закрытия и уничтожения. В списке действующих религиозных объектов Володарского района от 1 января 1933 г. было указано, что решение о закрытии и сносе состоящей на учете как памятник архитектуры третьей категории Христорождественской церкви принято, но не реализовано³⁶.

Верующие переполняли храм. Так, в докладной записке члена ВКП(б) П. Ф. Сокольниковца инспектору по делам культов Володарского района Леопольдовой о праздновании Пасхи в Христорождественской церкви от 16 апреля 1933 г. отмечалось: «В церкви яблоку упасть негде... не только паперть, но и вся улица почти вплоть до трамвайной линии была запружена народом. Чтобы протолкнуться от церкви к Советскому проспекту нужны были большие усилия». Командированный наблюдать за ситуацией Сокольниковцы прибыл в храм к 23 часам, к этому времени уже освещали куличи, а в полночь после колокольного звона началась Пасхальная служба, которая закончилась в четвертом часу утра. В богослужении участвовали 17 клириков: один архиерей, пять священников, два диакона и девять церковнослужителей. При этом пели два хора – первый на клиросе и второй (любительский) – на хорах³⁷.

3 января 1934 г. был арестован протоиерей Григорий Сербаринов, осужденный по делу евлогиевцев. Новым настоятелем Христорождественской церкви митрополит Ленинградский Алексей назначил будущего новомученика протоиерея Феодора Федоровича Окунева, однако он прослужил недолго. Храм Рождества Христова на Песках был закрыт в конце марта 1934 г. 27 марта митрополит Алексей перевел протоиерея Феодора Окунева в храм святых князей Бориса и Глеба. Второй священник Христорождественской церкви протоиерей Василий Певцов 31 марта был принят в состав причта Спасо-Преображенского собора.

Хотя Храм Рождества Христова на Песках считался известным памятником архитектуры, его снесли вскоре после закрытия в апреле-мае того же года с циничной формулировкой советских властей: «Учитывая малочисленность зеленых насаждений в районе 6-й Советской... и неимения свободной территории для разбивки сквера»³⁸. В дальнейшем на месте храма был устроен сквер. В период «большого террора» 1937–1938 гг. органы НКВД арестовали и расстреляли нескольких бывших членов причта: священномученика протоиерея Григория Сербаринова, протоиерея Феодора Окунева, протоиерея Леонида Богоявленского и протоиерея Василия Певцова. В годы Великой Отечественной войны и блокады многие бывшие прихожане и клирики скончались от голода и болезни, в том числе в 1943 г. протоиерей Николай Удальцов.

³⁴ Там же. Оп. 50. Д. 28. Л. 85.

³⁵ Там же. Ф. 7179. Оп. 10. Д. 382. Л. 49.

³⁶ Там же. Ф. 1000. Оп. 50. Д. 28. Л. 85.

³⁷ Там же. Л. 53.

³⁸ Трушковский В. Э. Рождественскому скверу необходима архитектурная доминанта // Вестник. Зодчий. 21 век. 2016. № 1. С. 30.

Возрождение уничтоженного в советское время храма Рождества Христова на Песках стало важным событием в новейшей истории города святого Апостола Петра. В 2017 г. начались строительные работы, которые продолжались около трех лет. Так впервые в центре Санкт-Петербурга был воссоздан полностью разрушенный в советское время храм. 7 января 2020 г., в престольный праздник Рождества Христова, под сводами возрожденной святыни было проведено первое богослужение за 87 лет, прошедших после разрушения храма. Официально завершение строительства воссозданного храма и ввод здания в эксплуатацию состоялись 20 июля 2020 г.

Источники и литература

1. Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010.
2. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Ф. архивно-следственных дел. Д. П-88399; Д. П-89305.
3. Весь Петроград. Пг., 1917.
4. «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991.
5. Коняев Н. Священномученик Вениамин митрополит Петроградский. СПб., 1997.
6. Маслов В. М. Краткое описание Христорождественской церкви на Песках. СПб., 1887.
7. Чуков Н., прот. Один год моей жизни. Страницы из дневника / Публ. В. Антонова // Минувшее: Исторический альманах. Т. 15. М. — СПб., 1993. С. 535–617.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 38. Д. 451; Оп. 60. Д. 505; Оп. 62. Д. 344; Оп. 66. Д. 266; Оп. 166. Д. 1249.
9. Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2017.
10. Трушковский В. Э. Рождественскому скверу необходима архитектурная доминанта // Вестник. Зодчий. 21 век. 2016. № 1. С. 28–32.
11. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 48. Д. 31; Оп. 50. Д. 28; Ф. 1001. Оп. 1. Д. 4; Оп. 7. Д. 15; Д. 22; Д. 323; Оп. 97. Д. 1; Ф. 1221. Оп. 1. Д. 11; Д. 123; Ф. 7179. Оп. 10. Д. 382; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 251; Ф. 7879. Оп. 1. Д. 5; Д. 10.
12. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 115. Д. 2039; Ф. 41. Оп. 1. Д. 12; Ф. 513. Оп. 117. Д. 117.
13. Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В. Православные храмы Санкт-Петербурга 1917–1945 гг. Справочник. СПб., 1999.
14. Шульц С. С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. Справочное издание. СПб., 1994.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

И. И. Юрганова

**Русская Православная Церковь и народы Восточной
Сибири: коммуникативный аспект инкорпорации
в империю (постановка проблемы)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_426

Аннотация: Исследование посвящено вопросам изучения коммуникативных практик Русской Православной Церкви в Восточной Сибири как составной части инкорпорации местных этносов в имперское пространство. Отмечено, что повседневность миссионерской и приходской деятельности способствовала привлечению различных коммуникационных каналов: невербальный и вербальный стали базой формирования устной коммуникации, иконический и символичный — началом документной коммуникации, получившей продолжение в создании грамматики для бесписьменных народов, школьного дела, книжной культуры, иконописи и живописи и др. Коммуникационными знаками миссионеров и приходского клира являлись проповеди и молитвы, церковные обряды, духовная литература и церковная утварь, привносимые на личном, групповом и общественных уровнях. Отмечена специфичность коммуникаций Русской Церкви, направленных на вовлечение инородцев в христианскую цивилизацию. По мнению автора, данные тезисы могут найти своё подтверждение в ходе дальнейшего изучения деятельности Церкви как коммуникационной системы в восточно-сибирском регионе с обращением к историческим источникам и, прежде всего, к эго-документам миссионеров и приходского духовенства, содержащим наблюдения и заметки о возможностях и результатах подобных коммуникаций.

Ключевые слова: коммуникации, Православие в Восточной Сибири, христианизация, инкорпорация в Российскую империю, Русская Православная Церковь, межкультурная коммуникация, этносы Восточной Сибири, миссионерская деятельность в Сибири, православная интеграция, Иркутская епархия.

Об авторе: **Инна Игоревна Юрганова**

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и церкви Института российской истории РАН и Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севере СО РАН.

E-mail: inna.yurganova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>

Ссылка на статью: Юрганова И. И. Русская Православная Церковь и народы Восточной Сибири: коммуникативный аспект инкорпорации в империю (постановка проблемы) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 426–433.

* Фотографии взяты из открытых источников.

**HERALD
OF THE HISTORICAL SOCIETY
OF SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY**

Scientific Journal

No. 3 (8)

2021

I. I. Yurganova

**The Russian Orthodox Church and the Peoples of Eastern
Siberia: the Communicative Aspect of Incorporation
into the Empire (a Problem Statement)**

DOI 10.47132/2587-8425_2021_3_426

Abstract: The research is devoted to the study of the communicative practices of the Russian Orthodox Church in Eastern Siberia as an integral part of the incorporation of local ethnic groups into the imperial space. It is noted that the daily life of missionary and parish activities contributed to the attraction of various communication channels: the basis of the formation of oral communication became verbal and non-verbal, the beginning of documentary communication — iconic and symbolic, which was continued in the creation of grammars for non-literate peoples, schoolwork, book culture, icon painting, etc. The communication signs of the missionaries and the parish clergy were sermons and prayers, church rites, spiritual literature and church utensils, brought at the personal, group, and public levels. The specificity of the communications of the Russian Church aimed at involving foreigners in the Christian civilization is noted. According to the author, these theses can be confirmed in the course of further study of the activities of the Church as a communication system in the East Siberian region with reference to historical sources and, above all, to the ego-documents of missionaries and parish clergy, containing observations and notes on the possibilities and results of such communications.

Keywords: communications, Orthodoxy in Eastern Siberia, Christianization, incorporation into the Russian Empire, Russian Orthodox Church, intercultural communication, ethnic groups of Eastern Siberia, missionary activity in Siberia, Orthodox integration, Irkutsk Diocese.

About the author: **Inna Igorevna Yurganova**

Doctor of Sciences (History), leading researcher at the Center for the History of Religion and the Church of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences and Institute of the Humanities and Indigenous Peoples of the North of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: inna.yurganova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>

Article link: Yurganova I. I. The Russian Orthodox Church and the Peoples of Eastern Siberia: the Communicative Aspect of Incorporation into the Empire (a Problem Statement). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, 2021, no. 3 (8), pp. 426–433.

* Photos are taken from open sources.

Введение

В настоящее время в гуманитарной науке присутствует интерес к понятиям, связанным с коммуникативностью как способом исторического исследования, направленным на осмысление форм, содержания и развития общественной коммуникации¹. Исследователи изучают формы и содержание коммуникаций посредством более мелких дискурсов для воссоздания целостного представления об историческом процессе с позиции понимания прошлого человека и культуры изучаемого сообщества и исследуемого времени². Рассматриваются проблемы коммуникативных практик в формировании идентичности православных верующих в современной России³. Предметом изучения становится репрезентация религиозного сознания в коммуникационном пространстве⁴. В связи с этим предлагается рассмотреть общие принципы коммуникативных практик Русской Православной Церкви в процессе инкорпорации народов Восточной Сибири в Российскую империю.

Очевидно, что на восточно-сибирских просторах Православие было представлено официальной религией империи, выполнявшую государственную задачу по вовлечению местных этносов в единое социальное пространство. Представители духовного сословия вступали в диалог с местным языческим населением, передавали ему новые знания, и возникающая целевая диалоговая коммуникация создавала основу для сотрудничества между различными социальными группами на уровне микро- и мидикоммуникаций, формируя предпосылки православных архетипов и социокультурной интеграции.

По отношению к присоединению сибирских территорий в состав русского государства в исторической науке присутствует дефиниция «колонизация», трактуемая в настоящее время как политико-административное освоение и / или процесс заселения и развития на новых территориях хозяйственной деятельности. Социально-культурное освоение, предполагающее, в том числе, и религиозную составляющую, соотносят, как правило, уже со следующим этапом инкорпорации⁵. Заметим, что одной из особенностей государственного строительства Российской империи являлось преобладание административно-политических целей, когда не идея гражданства привязывала человека к государству, а территория и идеология по отношению к нерусским народам, включенным в сферу деятельности государственной власти и управления, формировалась в процессе развития⁶.

¹ *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft.* Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1990; *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns.* Band 1–2. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1995;

² *Рядинская М. В., Хабермас Ю.* Коммуникативный подход как новая методология исторического познания // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2. С. 159–165.

³ *Ковальчук О. В.* Цивилизационные модели диалога светской и религиозной культуры: автореф. дис... канд. филос. наук. Белгород, 2004. 21 с.; *Гришаева Е. И.* Роль коммуникативных практик в формировании идентичности православных верующих // Научный результат. Социология и управление. 2016. Т. 2. Вып. 4. // URL: <http://rrsociology.ru/journal/article/885/> (дата обращения. 10.07.2021); *Яблоков И. Н.* Религиозное сознание: специфика, уровни, репрезентации // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 46–55

⁴ *Серафим (Амельченков), еп.* Коммуникативная культура Русской православной церкви в информационном пространстве современной России. М.: Изд-во РСГУ, 2020. 125 с.

⁵ *Трепавлов В. В.* Формирование многонационального государства в России: закономерности и особенности // Труды Отделения историко-филологических наук РАН / отв. ред. А. П. Дервянко. М.: Наука, 2009. С. 64–71; *Юрганова И. И.* Цивилизационная деятельность Русской православной церкви в Якутии (XVII – нач. XX вв.) // Вестник Рос. ун-та дружбы нар-ов. Сер. История России. 2016. № 3. С. 55–63.

⁶ *Дамешек Л. М.* Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Оттиск, 2018. С. 296.

Основная часть

Постоянные контакты представителей духовенства с народами, проживающими на восточно-сибирской территории, возникают в XVI — первой половине XVII вв., когда начинают возводиться первые острожные поселения. Перед пришедшими на сибирские просторы казачьими отрядами и служилыми людьми стояла задача закрепления на новых местах и обеспечения налогообложения местных этносов (ясак⁷). Начинается растянувшийся на столетие, процесс шертования⁸, сущность которого в контексте подданства сибирских «иноземцев» остается дискуссионной до настоящего времени. В связи с отсутствием государственности у народов Восточной Сибири к шерты приводили правителей территориальных политических объединений и глав семейных кланов⁹. На каждой из «новооткрытых» рек закладывалось поселение, предоставляющее возможности использования водных артерий для контроля над территорией и установления регулярного диалога с местными жителями, обеспечивающего, в свою очередь, сбор ясака и промысел пушного зверя. Обязательным элементом сибирского острога выступал православный храм, и потому одной из основных задач сибирского архиерея, возглавляющего созданную в 1620 г. Тобольскую (Сибирскую) епархию (затем митрополию), было её кадровое обеспечение. Строительство храмов приводило к созданию приходов, паствой которых становилось пришлое православное население. Существует мнение о трех волнах колонизации в Восточной Сибири — военно-промышленной, вольной народной и штрафной, согласно которому в начале XVIII в. служилых людей в Сибири насчитывалось не более 10.000 человек, из них 3.500 — на территории от Енисея до Тихого океана¹⁰. Немногочисленным было и восточно-сибирское духовенство, обслуживающее духовные нужды русского населения, сосредоточенного по острогам, острожкам и крестьянским слободам¹¹. В обязанности сибирских воевод входила, помимо прочего, забота, «чтобы духовенство исполняло свои обязанности», а прихожане посещали храмы и «говели своевременно»¹².

Христианизация местных этносов, в большинстве своем языческих, представляла значительные трудности в связи с их полиэтничностью, образом жизни и масштабностью территории проживания. Ядро коммуникативного пространства народов Восточной Сибири составляли язык, мифы, ритуалы и родовые архетипы, и потому проникновение Православия, одной из главных задач которого была консолидация общества, вступало в конкуренцию с локальными коммуникативными пространствами.

Особая группа коммуникативного пространства местного населения была представлена инородцами¹³, поступающими на русскую службу. Вступление на государственную службу являлось эффективным средством изменения социального статуса и адаптации. При зачислении «на государеву службу» мужчин, как правило, крестили и они, как «знающие край», пополняли отряды служилых людей. Основным фактором приёма на службу крещеных инородцев в Восточной Сибири являлась

⁷ Ясак — натуральный налог (пушнина), которым облагались народности Сибири и Дальнего Востока.

⁸ Шерть (шзрт, араб.) — особый вид источника права, регулировавшего взаимоотношения Русского государства и правителями нехристианских народов.

⁹ Акишин М. О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Вып. 5. С. 233–241.

¹⁰ Санников А. П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII вв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 12.

¹¹ Сафронов Ф. Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1956. С. 80.

¹² Дополнение к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. X. СПб., 1867. № 78. С. 353.

¹³ В исследовании применен термин «инородцы» как общепринятый в т. ч. и в законодательных актах в Российской империи.

Свт. Иннокентий Московский

недостаточность вооруженных сил, связанная с небольшой численностью городских (острожных) гарнизонов. Дети от браков служилых, промышленных и торговых людей с представительницами местного населения окрещивались и записывались в состав русского населения. В последующем они пополняли состав православного населения, передавая христианскую ментальность своим потомкам. Индикатор религиозного исповедания сохранял свою значимость для процесса политической социализации, а некрещенный инородец считался ненадежным подданным государя¹⁴. Таким образом, уровень коммуникативности пришлого и местного населения был связан с религиозным фактором («свой – чужой»).

Миссии, как специальные учреждения, начали свою деятельность в Восточной Сибири в XVIII в., после выделения из состава Тобольской митрополии самостоятельной Иркутской епархии (1727). До того миссионерская деятельность осуществлялась в основном усилиями епархиальных архиереев и отдельных миссионеров, что не могло обеспе-

чить широкомасштабную христианизацию. Кроме того, процесс христианизации осложнялся масштабностью территории и кочевым образом жизни большей части населения. Известны случаи, когда в Ленском крае крещение от священника принимал князец или родоначальник, а другие члены кочующего рода окрещивались заочно в лице их представителя с отправкой с ним икон и крестиков.

Качественно новым этапом миссионерства стала середина XVIII в., характеризующая массовым крещением, назначением штатных миссионеров (веропроповедников, походных священников) и разработкой основных направлений их деятельности.

Следующим этапом миссионерской практики на восточных территориях империи стала деятельность свт. Иннокентия (Вениаминова). Инструкция свт. Иннокентия, получившая известность как «Наставление священнику, назначаемого для обращения иноверных и руководства обращения христиан в христианскую веру» (1840), была рекомендована Св. Синодом всем миссиям и миссионерам Русской Церкви. В документе отмечались значимость персональных качеств миссионеров и особенности восприятия христианства этносами восточных окраин, были приведены практические советы в общении с язычниками и подчеркивалось, что главным в миссионерской работе должны быть доброжелательность и ненасильственное распространение знаний.

Повседневность миссионерства способствовала использованию различных коммуникационных каналов: невербальный и вербальный стали базой для формирования устной коммуникации, иконоический и символный – началом документной коммуникации, получившей продолжение в создании грамматики для бесписьменных народов, школьного дела, книжной культуры, иконописи и живописи и др. Коммуникативными знаками миссионеров и приходского духовенства являлись проповеди и молитвы, церковные обряды, духовная литература и церковная утварь, привносимые на личном, групповом и общественных уровнях.

¹⁴ Дмитриев А. А. Статусное положение представителей коренных народов Сибири на русской службе в конце XVI – начале XVIII в.: постановка проблемы // Развитие территорий. 2015. № 2. С. 9.

Простейшей из коммуникационных систем является межличностная коммуникация, состоящая из двух и более участников, имеющих возможности взаимовлияния. Она характерна для деятельности и миссионеров, и приходских причтов. Посещая места кочевий, миссионер вступал в непосредственный диалог с населением и его проповеди были направлены на привлечение иноверцев в официальную религию империи. Помимо формального имело место и неформальное межличностное общение, когда, например, миссионер останавливался на ночлег и / или проводил индивидуальные беседы. Исторические источники (журналы миссионерских поездок и путевые дневники миссионеров) свидетельствуют как о трудностях поездок, когда большую часть времени миссионеры проводили в пути в суровых сибирских морозах и летней жаре в бездорожье, ночуя под открытым небом в пургу и метелях, так и о сложностях, возникавших при их коммуникациях с представителями иной ментальности. Следует отметить, что в отличие от сборщиков ясака и служилых людей, миссионеры ничего не просили и не забирала, наоборот, они предлагали веру и её символику (иконы, крестики и т.д.), что вызывало удивление и интерес инородцев. Представляются значимыми персональные характеристики духовных особ. Прежде всего, они были людьми грамотными, что в глазах местного населения являлось важным показателем их умственного уровня, и если миссионер обладал необходимым красноречием, даром убеждения и мог обходиться без толмачей, это ещё более повышало его авторитет среди инородцев. Кроме того, миссионеры были одними из первых пришлых людей, с которыми местное население могло общаться «глаза в глаза» и их облик и манеры формировали представление о христианстве в целом.

Миссии, уже как постоянно действующие учреждения, начинают функционировать в Восточной Сибири только с XIX столетия, и миссионерские станы можно соотнести с понятием организационных коммуникационных систем с элементами формальной и неформальной коммуникаций, усложненного коммуникационным процессом с отсроченной или неполной обратной связью. С общественной (или публичной) коммуникационной системой соотносятся коммуникации между человеком и большой группой людей, например, выступление с речью перед аудиторией, что входит в обязанности приходского священника и типично для него. Однако здесь обратная связь между слушателями и выступающим менее очевидна и прочна, чем возникающая в условиях межличностной коммуникации.

Представители духовенства обращались и к межличностным, и организационным коммуникациям, направленным к жителям родов и наслегов (впоследствии, приходов), обеспечивающим целостность социальной системы империи, социальную преемственность и интеграцию. Коммуникации Русской Церкви специфичны, они предполагают вовлечение в христианскую цивилизацию и имеют реальных «получателей», даже когда их аудитория безответна, так как в сознании акторов-священнослужителей присутствует «воображаемый адресат».

Коммуникации имеют знаковый характер и образы (слова, жесты, образы, вещи и др.); коммуникационные практики Церкви обладают материальной формой —

Профессор Н. И. Ильминский

от крестильных крестиков до величественных каменных храмов, создавших православный дискурс ментальности.

Важным каналом коммуникации служил язык общения. В 1740 г. Кабинетом Её Величества сообщалось: «Понеже для обучения православию и приведению в веру греческого вероисповедания народов — мордовского, чувашского, черемисского, лепарского и самоедского нужны люди, которые бы знали их языки...». Далее Кабинет распоряжался о «наборе детей» для обучения их инородческим языкам в церковных школах с последующим их посвящением в диаконы и священники¹⁵. После учреждения Казанской духовной академии (1798–1818, 1842–1921), она стала центром религиозно-нравственного просвещения северо-востока империи. Во второй половине XIX в., когда для большинства представителей православной духовной миссии стала очевидна неэффективность практики обращения в христианство и обучения на неродном языке, профессором академии Н. Н. Ильминским была создана оригинальная система образования и воспитания для нерусских народов Поволжья, Урала, Сибири и Средней Азии, нашедшая широкое применение в инородческих школах восточных губерний империи, в том числе миссионерских. Теоретические принципы методики Ильинского обосновывали три главные задачи, а именно: первоначальное школьное образование на родном языке, подготовку «единоплеменного учительства» и создание комплекса переводной учебно-методической и вероучительной литературы.

Ещё одним каналом православной коммуникации выступала переводческая деятельность духовенства — перевод церковно-богослужебных книг на языки восточно-сибирских народов и обучение духовного сообщества местным языкам.

Заключение

Очевидно, что коммуникационные практики и каналы Русской Церкви в Восточной Сибири были разнообразны, при этом все они выполняли задачу приобщения к Православию и вовлечения в российскую государственность. Миссионерская, приходская, социально-просветительская деятельность и другие направления работы Церкви в аспекте коммуникационного воздействия на ментальность инородческого сибирского населения и вовлеченности его в выполнение общегосударственных задач представляют несомненный интерес и перспективу для научных изысканий и будут способствовать расширению дискурсов по истории Церкви. Предлагаемая постановка проблемы предоставляет исследовательские возможности для изучения деятельности Русской Церкви в восточно-сибирском регионе как коммуникационной системы, задачами которой было не только привлечение в Православие в контексте выполнения общегосударственных задач, но и использование всех коммуникативных возможностей с учетом специфики проживания. В данном ракурсе особенно значимым может стать обращение к историческим источникам, в первую очередь к эго-документам миссионеров и приходского духовенства, содержащим наблюдения и заметки о возможностях и результатах подобных коммуникаций.

Источники и литература

1. Акишин М. О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Вып. 5. С. 233–241.

2. Гришаева Е. И. Роль коммуникативных практик в формировании идентичности православных верующих // Научный результат. Социология и управление. 2016. Т. 2. Вып. 4 // URL: <http://rrsociology.ru/journal/article/885/> (дата обращения. 10.07.2021).

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 21. Д. 24. По сообщению Кабинета Её Величества, для приготовления миссионеров для обращения в православие инородцев.

3. *Дамешек Л. М.* Сибирские «иностранцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Отгиск, 2018. 456 с.
4. *Дмитриев А. А.* Статусное положение представителей коренных народов Сибири на русской службе в конце XVI – начале XVIII в.: постановка проблемы // Развитие территорий. 2015. № 2. С. 6–11.
5. Дополнение к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. X. СПб., 1867. № 78.
6. *Ковальчук О. В.* Цивилизационные модели диалога светской и религиозной культуры: автореф. дис... канд. филос. наук. Белгород, 2004. 21 с.
7. РГИА. Ф. 796. Оп. 21. Д. 24. По сообщению Кабинета Её Величества, для приготовления миссионеров для обращения в православие иностранцев.
8. *Рядинская М. В., Хабермас Ю.* Коммуникативный подход как новая методология исторического познания // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2. С. 159–165.
9. *Санников А. П.* Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII вв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 311 с.
10. *Сафронов Ф. Г.* Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илимма в XVII в. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1956. 207 с.
11. *Серафим (Амельченков), ep.* Коммуникативная культура Русской православной церкви в информационном пространстве современной России. М.: Изд-во РСГУ, 2020. 125 с.
12. *Трепавлов В. В.* Формирование многонационального государства в России: закономерности и особенности // Труды Отделения историко-филологических наук РАН / отв. ред. А. П. Деревянко. М.: Наука, 2009. С. 64–71.
13. *Юрганова И. И.* Цивилизационная деятельность Русской православной церкви в Якутии (XVII – нач. XX вв.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2016. № 3. С. 55–63.
14. *Яблоков И. Н.* Религиозное сознание: специфика, уровни, репрезентации // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 46–55.
15. *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1990; *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Band 1–2. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1995.
16. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Band 1–2. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1995.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

Священник Павел Овчинников

**Создание базы данных духовного сословия
Российской империи: подготовка материала,
разработка платформы, размещение,
информационная работа**

Вначале несколько общих слов, чтобы ввести читателя в контекст изучаемой темы. То, чем мы занимаемся, называется исторической информатикой с применением просопографических методов изучения и обработки исторического материала. Если выражаться сухо, то жизнь человека мы рассматриваем через призму закономерностей, похожестей. Человек — это часть множества. И мы изучаем это множество, чтобы помочь ученым, исследователям увидеть закономерности, не видные при изучении отдельной человеческой единицы или малой группы.

Год назад мне довелось выступить с похожей темой на данной конференции (можете посмотреть текст доклада в журнале и на сайте¹), в которой была освещена теоретическая работа над базой данных и разработка теоретической научной части.

Обращу ваше внимание на то, что подобные работы ведутся в Русской Православной Церкви лишь на базе крупных церковных и образовательных организаций вроде Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Соловецкого монастыря. В связи с этим может показаться, что задача слишком амбициозна и доступна лишь столь серьезным институциям. Однако, пока я нес служение в Воронеже и работал над проектом по составлению списка выпускников Воронежской духовной семинарии за 270 лет ее существования², стало очевидно, что даже амбициозные проекты могут быть реализованы небольшими командами. Для этого надо иметь единомышленников, финансирование и достаточно времени на их реализацию. При создании указанной книги мы иногда в буквальном смысле откапывали в архивах данные по более чем 8.000 выпускников.

Первоначальная идея заключалась в том, чтобы проведенную работу в Воронежской епархии расширить до других губерний Российской империи. В связи с особенностями используемых источников, каковыми являются опубликованная литература по истории приходов и епархий, в этих книгах нередко упоминаются близкие родственники, дети и церковнослужители. Поэтому логично расширить работу за счет включения в нее представителей духовного сословия.

Священник Павел Овчинников — магистр богословия, магистр теологии, соискатель ОЦАД, клирик Санкт-Петербургской митрополии.

¹ *Овчинников П., свящ.* Создание базы данных духовного сословия Российской империи на основе опубликованных материалов // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 187–192.

² Выпускники Воронежской духовной семинарии 1745–2015 гг.: материалы к биографическому справочнику / Отв. ред. П. А. Овчинников. Воронеж: Издательский отдел Воронежской православной духовной семинарии, 2015. 384 с.

За минувший год была разработана сама платформа на облачных серверах Oracle Cloud и осуществлен переход с сайта gudatabase.com. Сайт имеет несколько разделов, в одном из разделов можно перейти на платформу Oracle Apex. В России эту платформу используют крайне редко. А жаль, потому что она очень гибкая и позволяет реализовать разные задачи.

За минувший год был сделан многостраничный сайт на Tilde, написаны исторические и биографические статьи для сайта, внесена информация о 28.000 персоналий (на момент чтения доклада). До конца мая 2021 г. планируется внесение еще 25.000 имен и биографий (этот массив обрабатывается уже несколько месяцев и работа близится к концу). Еще 40.000 имен обрабатываются наборщиками.

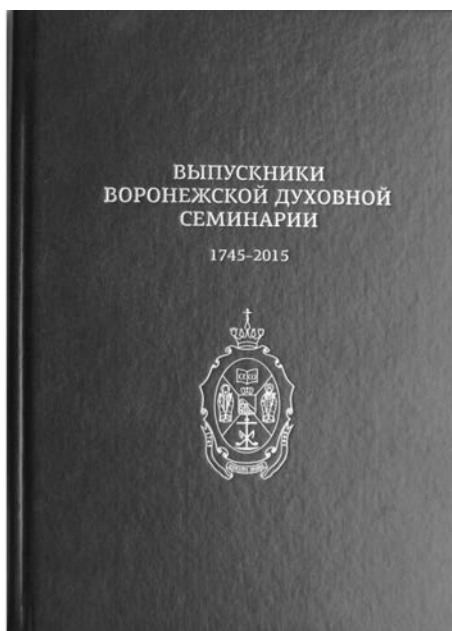
Как мы работаем

Чтобы внести информацию в базу, нам нужно ее унифицировать. Мы берем разные источники с разной подачей материала и ее изложением, разных авторов, периодов и регионов. Нам нужно сделать так, чтобы все сведения были одинаково изложены. После поиска и копирования источников (как правило, источниками являются опубликованные книги по истории храмов, монастырей, епархий), материал передается наборщикам (это 5–7 человек, работающих удаленно). Они переводят текст в таблицу Excel с определенными столбцами. По сути, стандартизируют результат. Свою работу они передают куратору, который проверяет ее на наличие ошибок и правильность адаптации материала, и, исправив всё, загружает в базу данных.

База имеет свои внутренние справочники, т.е. свои внутренние стандарты – справочники имен, названий храмов, губерний и епархий, учебных заведений, санов и должностей и некоторые другие. Эти справочники нужны, чтобы минимизировать ошибки при внесении новых имен и данных. Если загружаемый файл содержит ошибки (или, иными словами, вводимые данные содержат некорректные данные), то программа не позволяет произвести загрузку и требует исправления ошибок. В идеале нам хотелось бы создать справочник населенных пунктов, чтобы и в этой части исключить ошибки и вариации написаний.

Мы по-прежнему активно ищем авторов статей для сайта. Эти статьи нужны, чтобы увеличивать оригинальный контент, поскольку тогда сайт и платформа будут не узко профессиональной научной платформой, интересной лишь профессионалам, но местом, куда придут простые читатели и пользователи, найдя там полезную и интересную статью по истории Церкви, биографические данные и т.д. Также платформа может способствовать популяризации имен подвижников веры и науки.

Таким образом, мы будем рады любым публикациям исторической и биографической тематики на страницах сайта. Для этого надо лишь отправить на электронную почту rabloooo@yandex.ru текст и обязательно визуальное содержание (картинки и фото). Отмечу, что статьи публикуются в авторской редакции.

Материалы к биографическому справочнику о выпускниках Воронежской семинарии (1745–2015 гг.)

Из интересного

Оказалось, что представители духовного сословия много учились, а потому предусмотренных пяти полей для заполнения карточки персоналии не всегда хватает. То есть священники или члены их семей иногда получали даже более пяти образований.

Какие только награды не получали представители духовного сословия и из каких только семей не приходили к служению у престола! В процессе работы нам пришлось создать множество справочников (населенных пунктов, санов, имен, названия храмов, образовательных учреждений, родственных связей и т.д.), чтобы минимизировать количество ошибок на стадии ввода. При этом выяснилось, что на данный момент никто в России не создал списков всех населенных мест Российской империи. Нет ни одного издания! Министерство внутренних дел Российской империи начало работу еще во второй половине XIX в., но к 1917 г. так и не закончило ее. Очень жаль! Уверен, что такой список нужен не только нам.

Еще о сложностях, с которыми мы сталкиваемся в процессе работы. Некоторое время я рассчитывал на работу добровольцев, которые получали бы оплату за каждую внесенную персоналию. Но оказалось, что запал быстро охладевает и даже оплата никого не вдохновляет продолжать работу. Доверить же внесение информации посторонним лицам пока невозможно.

Также создаваемая платформа оказалось заточена под внесение информации посредством загрузки специалистом Excel файлов. Если же вы хотите внести одну персоналию, то это весьма непростое дело. На данный момент проще внести тысячу имен посредством загрузки файла Excel, чем завести одну персоналию!

В связи с этим было принято решение взять сотрудника на полную ставку. В его задачи входит координация работы наборщиков (их количество колеблется и составляет в среднем 5 человек) и внесение обработанных персоналий в базу. Поскольку все доступные электронные ресурсы давно были обработаны (но еще не все внесены), то в его обязанности входит также посещение Российской национальной библиотеки с целью оцифровки новых источников со списками студентов духовных учебных заведений, священников и членов их семей по разным губерниям Российской империи.

К концу 2021 г. года в базу данных будет внесено 100.000 имен. Всего же, полагаю, их удастся набрать более 500.000.

Дальнейшее расширение базы будет производиться за счет более удобного внесения имен и исправлений, возможности построения родословных древ, удобного выстраивания родственных связей, встраивания международного формата для обмена генеалогической информацией — Gedcom, транслитерации имен, внедрения личного кабинета и возможности хранения личных документов по истории семьи. Мы задумались о расширении функционала базы за счет включения в нее не только представителей православного духовенства и членов их семей, но также инославных, проживавших в Российской империи со времени Петра I до 1917 г.

На данный момент для обмена данными налаживается диалог с Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом и Соловецким монастырем. Подготовлена информационная статья о проекте для журнала «Фома». Мы заинтересованы в диалоге со СМИ и коллегами, а потому будем признательны за помощь. Мы нуждаемся в создании информационных поводов, обмене данными в цифровом виде для включения в свои базы, в рассмотрении осуществимости и желательности совместных проектов.

Также нам необходим помощник (сотрудник), который смог бы курировать работу с грантами, потому что на данный момент платформа развивается на средства своих создателей.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

М. Е. Смирнова

**Деятельность обер-прокурора Святейшего Синода
В. К. Саблера в Санкт-Петербурге**

После недолговременной профессорской деятельности в Московском университете, будучи талантливым юристом, в 1873 г. Владимир Карлович Саблер был приглашен в Министерство юстиции. Вскоре он был назначен во второе отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, где принял участие в работе комиссий по пересмотру «уложения о наказаниях по делам раскольников», а также по пересмотру устава «о предупреждении, пресечении преступлений».

Одновременно Владимир Карлович был приглашен управляющим делами женского патриотического общества. Он стал ближайшим сотрудником великой княгини Екатерины Михайловны, герцогини Мекленбург-Стрелицкой, супруги герцога Георга Августа Эрнест Мекленбург-Стрелицкого, и находился при ней во время приема лиц дипломатического корпуса.

В Петербурге Владимир Карлович женился на Ольге Андреевне Заблодской-Десятковской. В молодой семье родилось три сына: Святослав, Георгий и Сергей. Супруга Владимира Карловича входила в дамский комитет прихожанок Андреевского собора на Васильевском острове, состоявшем из восьми человек. Председательницей комитета была её сестра Елизавета Андреевна Семенова-Тян-Шанская. Настоятелем Андреевского собора в это время был протоиерей Александр Тимофеевич Камчатов (30.08.1809–06.02.1888).

В работе общества в качестве попечителя принимал участие и Владимир Карлович. На начальном этапе благотворительное общество раздавало деньги нуждающимся прихожанам Андреевского прихода, затем организовало приют для престарелых женщин. Потом собирали девочек-сирот, которых обучали грамотности, Закону Божию, рукоделию. Образованные дамы из общества преподавали им арифметику, русский язык, литературу. Андреевское благотворительное

Андреевский собор
на Васильевском острове

общество раздавало деньги нуждающимся прихожанам Андреевского прихода, затем организовало приют для престарелых женщин. Потом собирали девочек-сирот, которых обучали грамотности, Закону Божию, рукоделию. Образованные дамы из общества преподавали им арифметику, русский язык, литературу. Андреевское благотворительное

Марина Евгеньевна Смирнова — Председатель Благотворительного Фонда им. Владимира Саблера (Vifinia@rambler.ru).

* Фотографии предоставлены автором.

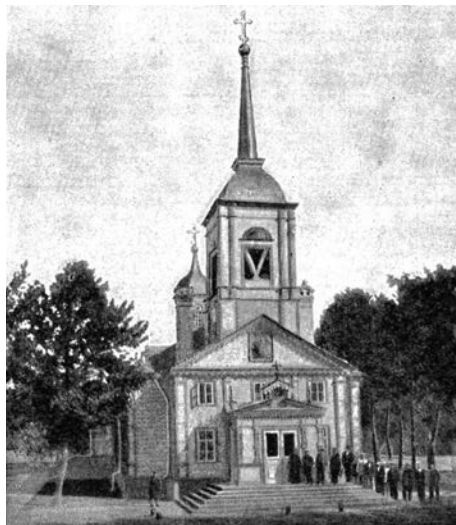
общество приобрело известность, и в него стали обращаться за помощью бедняки соседнего Троицкого прихода. Члены Андреевского общества Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский и Владимир Карлович Саблер составили для Общества Троицкого прихода Галерной Гавани устав. В 1879 г. председателем Гаванского общества был назначен Семенов-Тян-Шанский, правда через три года, в 1882 г., он оставил председательство по случаю избрания его председателем Андреевского общества, и с этого времени председателем Гаванского общества становится Владимир Карлович Саблер.

На территории Троицкого прихода благотворительное общество под председательством Владимира Карловича строит здание на углу Среднего проспекта и Наличной улицы, где разместились богадельня, детский приют, приходская школа с хорошо оборудованным залом для духовных бесед. Был открыт дом трудолюбия для мальчиков-подростков.

Саблер был замечен как талантливый юрист Константином Петровичем Пободоносцевым, и ему была предложена служба в духовном ведомстве. 18 ноября 1881 г. Владимир Карлович назначается на должность юрисконсульта при Св. Синоде. В 1883 г. был назначен управляющим канцелярией Св. Синода. Через два года Владимир Карлович избран и утвержден помощником председателя Совета при Св. Синоде для заведования церковно-приходскими школами.

В декабре 1886 г. на квартире Владимира Карловича Саблера протоиерей Иоанн Сергеев встречался с губернатором Эстляндской губернии князем Сергеем Владимировичем Шаховским. На встрече обсуждалось образование Православного Прибалтийского братства.

В своих «Воспоминания и письмах» архиепископ Никанор (Бровкович) пишет: «В день Александра Невского, 30 августа 1887 года, появляется в лаврском соборе обер-священник, старец Петр Покровский, ну совсем ветхий старец, подходит ко всем, ласкается. На приветы старцу отвечают все холодным приветом: кому какое до него дело? И на обед к владыке-митрополиту он зван; а ноги и с лестницы снести его не могут, и на лестницу поднять бессильны. Кому какое до немощного старца дело? Но смотрю: Владимир Карлович Саблер тащит немощного старца в дом митрополита с лестницы. Смотрю: тот же Владимир Карлович тащит немощного старца и на лестницу. Это меня тронуло... Хороший, богобоязненный, теплый сердцем, скорый на помощь человек. Не говорю о том, что готов бывать в церкви хоть каждый день. Стоит примерно у нас трехчасовую литургию накануне Крещения. Тут же, после легкой куты, садится в моем кабинете и пишет несколько писем, отвечая архиереям на поздравления. А получил он более 40 писем от преосвященных архиереев, кроме телеграмм. Тут же идет к нам на трех с половиной-часовую всенощную, которую стоит всю до конца, не приседая ни на одну минуту, несмотря на мои приглашения и на удобство присесть в моей молелной. По отцу и дети. Он теперь водит к нам всех трех своих сынков: Святослава, Юрия и Сергия. Святослав держит у меня и свечку. Эти дети тоже отстаивают не только наши обедни, но и трехчасовые всенощные, например, накануне Рождества или Нового года. Да и к обедам явились, пешком пришли (не нашли извозчика) в Рождество к 7 час. утра, а в Новый год даже в 6 1/2 час. утра же. Нет, примерный он человек в наше время, примерный отец, добрый христианин...»

Храм Святой Троицы
в Галерной Гавани

Вскоре Саблер был назначен товарищем обер-прокурора Св. Синода. Также «в виду особых заслуг по благоустройству и развитию церковно-приходских школ и во внимание к основательному знанию дела народного просвещения в духе православной церкви» Владимиру Карловичу было присвоено звание почетного члена Училищного совета при Св. Синоде.

В декабре 1893 г. Владимир Карлович назначается членом совещания, в состав которого вошли представители духовного ведомства и Министерства народного просвещения, для обсуждения вопроса о порядке заведования начальными народными школами.

Саблер старался окружить своей заботой в большом количестве проживающих в Санкт-Петербурге православных эстонцев. На улице Алексеевской при храме Воскресения Христова, который в народе называли церковью Архангела Михаила, находилось Православное братство во имя святого мученика Исидора Юрьевского.

Покровителями этого братства были Владимир Саблер и священник Павел Кульбуш — впоследствии епископ Ревельский Платон, причисленный к лику святых новомучеников Церкви Русской в 2000 г. Братство, которое существовало до 1916 г., занималось просвещением проживающих в столице православных эстонцев, постройкой храма на Екатерининском канале во имя святого мученика Исидора Юрьевского. Первый взнос на постройку сделал протоиерей Иоанн Кронштадтский. Саблер и Кульбуш были и попечителями Санкт-Петербургского общества образования и призрения малолетних сирот обоего пола эстонского происхождения.

29 января 1896 г. Св. Синод учредил комиссию под председательством Киевского митрополита Иоанникия (Руднева) для выработки положений по улучшению воспитательной части в духовно-учебных заведениях. В состав комиссии вошел и Владимир Карлович Саблер. 26 мая 1896 г. он был награжден серебряной и малой золотой медалями в память коронования Николая II.

18 октября 1896 г. при консерватории Императорского русского музыкального общества в Санкт-Петербурге был освящен домовый храм Рождества Пресвятой Богородицы. На освящении храма присутствовали представители дирекции Императорского музыкального общества, профессорско-преподавательской корпорации консерватории, а также петербургский губернатор граф Сергей Александрович Толь, петербургский градоначальник Клейгельс, В. К. Саблер и другие высокопоставленные лица и почетные гости.

В 1896 г. Саблер становится сенатором, а в мае 1897 г. — утвержден членом комитета Главного попечительства детских приютов.

В начале марта игуменья Леушинского монастыря Таисия (Солопова) была на подворье монастыря в Санкт-Петербурге для того, чтобы по просьбе отца Иоанна Кронштадтского увезти в Леушино для обучения монашеской жизни будущих сестер Сурской обители. В. К. Саблер 8 марта писал отцу Иоанну: «К сожалению, по нездоровью не могу быть ныне у матушки Таисии. Она передала мне о Вашем желании. И я, конечно, с радостью готов исполнить его». Просьба отца Иоанна касалась образования Сурской общины.

В Гаванской церкви в честь Милующей иконы Божией Матери 28 марта при освящении придела в честь Феодосия Черниговского и Сергия Радонежского чудотворцев отец Иоанн Кронштадтский сослужил митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому). Перед освящением Владимир Карлович сообщил отцу Иоанну о хodataйстве Св. Синода пред императором о награждении протоиерея митрою. Церковь Милующей иконы Божией Матери находится в Галерной гавани, строительство ее было начато еще в 1722 году, и только комитет строителей под председательством Владимира Карловича Саблера довел храм до освящения, на котором молился весь строительный комитет. Старостой храма со дня возобновления строительства стал Владимир Карлович.

13 декабря 1900 г. Саблер был утвержден, по избранию, почетным попечителем церковно-приходских школ и награжден грамотой Петербургской епархии.

Домовый храм Рождества Пресвятой Богородицы
при консерватории

Церковь Милующей иконы Божией Матери
в Галерной гавани

С.-Петербургъ.—St.-Petersbourg. № 25.
Сурскій монастырь Иоанна Кронштадтскаго.
Monastère Sourskiy de prêtre Iohan Kronstantsky.

Подворье Сурского монастыря на Карповке

1 января 1901 г. Сурская община была торжественно преобразована в Сурский монастырь, а через 10 дней состоялось собрание членов Комиссии по постройке подворья Сурского монастыря на Карповке. В этот день отец Иоанн Кронштадтский пишет игумении Леушинского монастыря Таисии (Солоповой): «Сегодня, 11 января, было у нас собрание членов комиссии. Был Владимир Карлович Саблер, добрый он человек, — дай Бог ему здоровья. Собрание это было в высшей степени интересное, полезное и чревато добрыми последствиями».

6 июня 1901 г. на заседании Архангельской духовной консистории было принято решение просить отца Иоанна Кронштадтского собрать необходимые справки об участке земли. Отец Иоанн собрал документы, но разрешение на принятие дара затягивалось. Саблер часто исполнял обязанности обер-прокурора Св. Синода на время его отсутствия. Отец Иоанн обратился за помощью к Владимиру Карловичу, и 28 июня товарищ обер-прокурора Св. Синода отправил епископу Архангельскому Холмогорскому Иоанникию телеграмму: «Покорнейше прошу поспешить представлением об укреплении за Сурским монастырем земли, жертвуемой Раменским. Крепостной документ, и удостоверение представлено в Синодальную Канцелярию». Архангельское начальство быстро откликнулось на просьбу Саблера — представление в Св. Синод было выслано 8 июля.

Прослужив в Синоде более 20-ти лет, 7 апреля 1905 г. Саблер подал в отставку. Из письма епископа Антония (Храповицкого) к владыке Арсеню (Стадницкому) следовало: «Выход Владимира Карловича из духовного ведомства и замена его Ширинским-Шихматовым есть факт. Крайне недружелюбное отношение Константина Петровича, побудившего Владимира Карловича подать в отставку 7 апреля».

По словам самого Владимира Карловича, история этих разногласий очень сложна. Главным был вопрос о преобразованиях в Русской Церкви, включая восстановление в ней патриаршества. Епископ Вольнский Антоний (Храповицкий) при оставлении Саблером должности товарища обер-прокурора писал ему: «Своей горячей любовью

к Божественной службе Вы, можно сказать, поворотили историю русского богослужения, Вы удержали её от стремительного удаления от богопреданных образцов к западноевропейским, чувственным аффектам, под Вашим влиянием церковная служба духовных школ, монастырей и приходов вновь украсилась забытыми сокровищами молитвы, созданными богопросвященными мужами или, вернее, Святым Духом. Не все духовные лица ценят эти возвращенные церквам стихиры, антифоны и осмогласия, но должны помнить, что помимо прочего, богослужение и в наше время составляет девять десятых созидающих сил Церкви, а проповедь у нас так скудна и школьное обучение так формально, бедно и далеко от жизни, что едва ли одна десятая воспитывающих сил Церкви выполняются этими отправлениями. Но и здесь дело не шло вне Вашего влияния. Благодаря последнему, наши семинарии хоть несколько прониклись началами духовного воспитания, и проповедничество стало предметом практических упражнений учащихся. Говорить ли о миссионерской проповеди, о борьбе с ересями и расколом, об утверждении единоверия, здесь все живое по всей России и далеко за границей носит печать Вашего влияния и покровительства, и все почти миссионеры считают Вас своим личным другом. Строение храмов Божиих, учреждение святых обителей, церковная школа — все это двигалось и, можно сказать, дышало Вами... Особенно трогательным, для меня в частности, являлось материнское участие, с которым Вы, никем не побужденный, вникали во всякое хоздатыство крестьян по своим приходским делам; можно было думать, что Вы сами прихожанин любого села далекого Заволжья или Сибири, откуда приходили малограмотные просьбы приходских уполномоченных. Один масгитый иерарх говорил мне, что, хотя скопление дел и понуждает всех нас быть подчас чиновником, но наименее чиновником среди нас являлись всегда Вы, незабвенный Владимир Карлович. Да, будучи по своему званию чиновником Духовного ведомства, Вы на самом деле были, прежде всего, сыном Церкви и радетедем ея славы...»

20 декабря 1908 г. скончался протоиерей Иоанн Сергеев, и Владимир Карлович становится членом Общества памяти отца Иоанна Кронштадтского.

В течение пяти лет сложная машина церковного управления сильно расшаталась во всех своих главных связях, и в чрезвычайно тяжкое для Церкви время, 2 мая 1911 г., уже после кончины Константина Петровича Победоносцева, высочайшим указом на пост обер-прокурора Св. Синода был назначен Владимир Карлович Саблер, человек, который прекрасно знал вверенное ему ведомство.

В 1912 г., когда скончался митрополит Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), на его место был назначен митрополит Владимир (Богоявленский). Три года владыка управлял столичной епархией и это было труднейшее время для церковно-общественной работы, ибо тогда усиливалось в Петербурге влияние Г. Е. Распутина. Когда это влияние стало сказываться на церковной жизни, митрополит Владимир счел для себя невозможным дальнейшее молчание и попросил аудиенции у государя.

Архиереи вообще имели очень редко аудиенции у императора. Все сношения между ними и монархом обычно поддерживались через обер-прокурора, который каждый четверг предстоял перед государем с докладом.

Протоиерей
Иоанн Сергеев

Резиденция обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода

Владимир Карлович, узнав о цели, с какой владыка Владимир желал видеть государя, предупредил владыку о том, что это очень болезненная и сложная тема. Но митрополит смело пошел на исполнение того, что он считал неперменным своим священным долгом.

28 июля 1914 г. началась Первая мировая война, и 1 сентября 1914 г. в резиденции обер-прокурора Св. Синода в Петербурге, по благословию митрополита Владимира, был открыт Синодальный лазарет на 400 коек имени царевича Алексея Николаевича. Сам же Владимир Карлович со своей семьей переехал в наемный дом.

В июле 1915 г. Саблер, согласно прошению, был уволен от должности обер-прокурора Св. Синода, оставшись членом Государственного Совета, статс-секретарем и сенатором. 2 июля в Царском Селе была прощальная аудиенция. Государь в этот день записал в свой дневник: «Простился и с Саблером». В этом же году митрополит Владимир был удален из Петрограда на кафедру митрополита Киевского. За время, когда Владимир Карлович Саблер находился в должности обер-прокурора Св. Синода, в лике святых были прославлены святитель Иоасаф Белгородский, святейший патриарх Ермоген, святитель Питирим, епископ Тамбовский. Владимир Карлович приложил немало усилий и для канонизации последнего святого, прославленного в царское время — святителя Иоанна Тобольского.

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

С. Х. Ямазаки

**Особенности религиозной политики
и отношение японского правительства
к Японской миссии Русской Православной Церкви
во второй половине XIX — начале XX вв.**

В японской истории драматическим и ярким периодом является эпоха Мэйдзи (1868–1912), когда закончилась 200-летняя политика «закрытых дверей» сёгуната Токугава и под управлением императорского правительства началась модернизация страны. Период Мэйдзи, продолжавшийся в течение 45 лет, полностью совпадает с тем временем, когда развернула свою деятельность Японская миссия Русской Церкви, во главе которой стоял свт. равноапостольный архиепископ Николай Японский. Девизом Мэйдзи 明治 — япон. «просвещённое правление» — называется время правления императора Муцухито.

Относительно особенностей религиозной политики эпохи Мэйдзи, касающихся христианских миссий, можно отметить два ключевых момента: «кассация неравноправных договоров» и «государственный синтоизм». Христианские миссии, которые находились в это время в Японии, всегда вынуждены были балансировать между двумя этими точками.

Относительно *кассации неравноправных договоров* отметим, что ещё в эпоху Эдо правительство сёгуната Токугава заключало неравноправные договоры «о дружбе и торговле» с пятью западными государствами: США, Голландией, Россией, Великобританией и Францией. Иностранцы приобретали в Японии широкие права на открытие морских портов для торговли, низкие таможенные пошлины, экстерриториальность своих консульств.

Одной из главнейших задач нового правительства Мэйдзи была кассация этих договоров. С этой целью в 1871 г. в западные страны было отправлено великое посольство во главе с министром иностранных дел Ивакурой Томоми (岩倉具視). Посольству не удалось добиться пересмотра договоров, однако оно выяснило, что разрешению проблемы препятствует отношение японского правительства к христианству¹.

В Японии христианство было запрещено государственным законом с 1612 г., и по всей стране стояли доски с публичными объявлениями о запрете. Правительству феодального времени, базировавшегося на конфуцианском мировоззрении, учение христианства о равенстве всех людей казалось неудобным и опасным. Также правительство опасалось колонизации, примеры которой можно было видеть в Юго-Восточной Азии.

На начальном этапе новое правительство Мэйдзи поддерживало такое отношение к христианству. В 1872 г. в Японской миссии Русской Церкви власти арестовали

Ямазаки Светлана Хитоми — магистр филологии (Япония) (svetlanayamazaki@yahoo.co.jp).

¹ 『神々の明治維新』 (安丸良夫、岩波新書、1998) . p. 208.

Первоначальный вид храма Воскресения Христова
при Российском консульстве в г. Хакодате

катехизаторов и верующих в Хакодате и Сэндае². А в 1876 г. в районе Ураками аресту подверглось большое число католиков, которых даже истязали. Против такого гонения на христиан поднимали голоса дипломатические представители западных стран, сообщали об этом своим правительствам. Японское правительство не могло далее игнорировать дипломатическое давление. Пришлось отменить вывешивание публичных объявлений о запрещении христианства, хотя внутри страны причина таковой отмены объяснялась следующим образом: «Поскольку о запрещении христианства уже широко известно».

С этого времени миссионерской деятельности не стали препятствовать, но по-прежнему ее не одобряли. Официально миссионерам предоставили свободу только в 1889 г., когда была обнародована Конституция Японской империи, но и тогда были выдвинуты определенные условия.

К этому времени у японской миссии Русской Церкви были уже некоторые достижения. Например, согласно протоколу заседания Собора Японской Православной Церкви 1893 г., в Японии имелось 219 православных церквей, 28 священнослужителей, 161 катехизатор, 20.915 верующих, 164 молитвенных дома. Свяtitель Николай писал: «Уже в христианских церквах, наравне с иностранными министрами и иностранными христианами, открыто молятся Богу японские христиане (я сам видел это в минувшую католическую и протестантскую Пасху в Йокохаме). <...> Что же значит, что японское правительство и запрещает христианство, и в то же время игнорирует заведомых христиан? Что другое, как не то, что японское правительство сознает всю слабость и бесполезность своих указов»³.

² 『日本正教傳道誌』 (石川喜三郎編纂、日本正教会編輯局、1901.

³ См.: Свяtitель Николай Японский. Дневники 1870–1911. СПб., 2007.

Свт. Николай и священнослужители.
Около 1895 г.

В стесненных, неудобных условиях для своей деятельности католические и протестантские миссии часто действовали в формах или образовательной, или культурной, или медицинской организаций. Смотри на это, свт. Николай отмечал: «Англичане служат японцам более всякой другой нации — и науками, и торговлею, но, однако, симпатиями японского народа не пользуются. Все это, конечно, потому что жизнь человеческая — по преимуществу жизнь духа, и только в области духовной могут быть связаны и отдельные люди, и целые народы истинно-прочною связью. В этом отношении духовная миссия, преследующая и обязанная преследовать только духовные, никак не мирские цели, имеет, тем не менее, и важное политическое значение. Счастлива будет Япония, если она, помимо католичества и протестантства, прямо примет истинное христианство»⁴.

Такая неколебимая, честная, точная миссионерская позиция свт. Николая пользовалась искренним уважением среди современников, включая инославных христиан. Например, известный протестантский лидер Учимура Кандзо (内村鑑三) сообщал: «Особо уважительно, после того как учитель (свт. Николай. — Я. С. Х.) приступил к миссионерской деятельности, он не собирался пользоваться предметами цивилизации, а только напрямую и откровеннейшим образом проповедовал Христа»⁵.

Теперь что касается *государственного синтоизма*. Какие отношения установить с христианством, синтоизмом и буддизмом — это было главным вопросом в религиозной политике правительства Мэйдзи. Наряду с этим крайне важным было установить среди народа новый фундамент мировоззрения нового времени вместо устарелого

⁴ Там же.

⁵ 『宣教師ニコライとその時代』 (中村健之介、講談社現代新書、2011) . p. 135–136.

конфуцианства. Поскольку авторитет императорской власти совпал с необходимостью создания нового духовного фундамента, с сохранением национальной идентичности, правительство предоставило привилегию синтоизму, обожающему предков «непрерывной на вечные времена Императорской династии»⁶.

Однако буддисты (особенно «Дзёдо-синсю [浄土真宗]»), после долголетнего своего служения людям и стране внезапно лишённые всякого достоинства и смысла существования, активно протестовали против насилия со стороны синтоизма⁷.

Получив протест не только с дипломатической стороны, но и со стороны японских буддистов, японское правительство принуждено было изменить свою религиозную политику.

В 1900 г. правительство объявило, что официальный синтоизм не является религией, тем самым получив возможность без какого-либо нарушения Конституции принуждать всё население к соблюдению синтоистских ритуалов. С другой стороны, была, по сути, создана новая государственная религия⁸.

Теперь что касается других особенностей религиозной политики. Правительство Мэйдзи стремилось к модернизации страны во всех сферах жизни и активно способствовало внедрению новейших западных идей и западного образа жизни. Свт. Николай в 1869 г. писал: «Вот взор японцев пока прикован к оболочке европейской цивилизации: пароходам, пушкам, внешней постройке конституций; но все эти молодые люди, — их тысячи, — изучающие теперь европейские языки, ужели все они и вечно будут заниматься лишь пушками и пароходами? Не пойдут ли они дальше? Не заглянут ли они глубже...?». Исходя из последующих событий, можно сказать, что японцы «пошли дальше, заглянули глубже», но большинство из них прошли мимо христианства⁹.

В 1894 г. Япония смогла отказаться от первого неравноправного договора. В 1895 г. Японско-китайская война закончилась победой Японской империи. В христианских миссиях стали происходить случаи, когда верующие-японцы выступали против миссионеров-иностранцев¹⁰.

В Японской миссии Русской Церкви некоторые японские священнослужители и миряне, заблуждаясь, стали требовать права решать финансовые вопросы и участвовать в церковном управлении. Святитель Николай на заседании Собора терпеливо объяснил правильную позицию Японской миссии Русской Церкви¹¹.

В международных отношениях в Корее обострился конфликт между Японией и Россией, что привело к инциденту в Оцу, затем к Русско-японской войне, что стало одним из труднейших периодов для Японской Церкви.

Как известно, покушение на цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II, произошло в японском городе Оцу. Он посетил Японию в рамках восточного путешествия и подвергся нападению полицейского Цуды Сандзо. Свт. Николай в тот же день вечером сел на поезд, взяв с собой запасные Дары¹². Император Муцухито (睦仁) поспешил с извинениями в Киото, где остановился Николай Александрович. На этот раз Япония избежала обострения отношений с Россией.

⁶ 大日本帝国憲法第一条より (1889年) .

⁷ 『神々の明治維新』 (安丸良夫、岩波新書、1998) . p. 112–118.

⁸ 同上 p. 208–211.

⁹ 『日本宗教史』 (末木文美士、岩波新書、2006) p. 189.

¹⁰ 『宣教師ニコライとその時代』 (中村健之介、講談社現代新書、2011) p. 296.

¹¹ Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 5. СПб.: Гиперион, 2004. С. 545–547.

¹² 「正教新報」 (251号 1891年5月15日発行) p. 29. В официальном вестнике Японской Миссии Русской Православной Церкви «Сэйкё-Симпо № 251 от 15 мая 1891 г. (「正教新報」)» было помещено расписание свт. Николая — как он действовал после того, как ему сообщили об инциденте. Из этого расписания видно, что император прибыл в Киото вечером 12-го мая, когда свт. Николай уже ехал обратно из Киото в Токио. Цесаревич Николай Александрович принимал свт. Николая днём 12 мая, на день раньше императора. Следовательно, они не могли увидеться втроем. По всей вероятности, их разговор переводил не свт. Николай.

Похоронный венок от императора Японии

Однако через 13 лет началась Русско-японская война. Японская миссия оказалась в крайне сложном положении. Японцы смотрели на нее как на «гнездо шпионов». Святитель Николай, пренебрегая опасностью, принял решение остаться. В дневнике он пишет: «Как поступить? Себялюбие тянет в Россию — больше 23 лет не был там, <...> польза церковная велит остаться здесь»¹³.

Здесь необходимо заметить об одной особенности религиозной политики японского правительства во время Русско-японской войны.

В самом начале войны Японская империя представила себя как цивилизованная конституционная монархия, и японское правительство должно было это доказать перед западными государствами. Оно обещало соблюдать международное право¹⁴, издало ряд постановлений о защите русских и православных, проживающих внутри страны¹⁵, заявляло, что Конституция Японской империи гарантирует «свободу вероисповедания».

Таким образом, японское правительство обязано было хранить безопасность и право Японской миссии Русской Церкви, хотя на местном уровне случалось разное. Святитель Николай писал: «Семь полицейских и два жандарма приставлены специально хранить Миссию; <...> за такое тщательное охранение нельзя не поблагодарить от души японское Правительство; до сих пор никакой беды Миссии, даже ни одного стекла не разбито японскими патриотами»¹⁶.

В этом контексте деятельность «Православного общества духовного утешения военнопленных», учрежденного верующими, была очень ценна и с точки зрения

¹³ Дневники святого Николая Японского. Т. 5. С. 9.

¹⁴ 『日露戦争の世紀』 (山室信一、岩波書店、2005) p. 3–4.

¹⁵ 「日本の近代化と宣教師—明治期の政治外交と宣教師 W・インブリー」 (中島耕二、東北大学大学院博士論文)

¹⁶ Дневники святого Николая Японского. Т. 5. С. 93.

религиозной политики Японского правительства в международных отношениях¹⁷. По благословию и под чётким руководством владыки Николая в лагерях военнопленных пастырское служение несли 17 иереев и 6 диаконов, причем все они были японцами. Они владели русским языком и могли провести службу по-церковнославянски. Православие, которое пришло в Японию из России, теперь послужило России в Японии.

Через год после окончания Русско-японской войны свт. Николая возвели в сан архиепископа. Скончался святитель Николай 16 февраля 1912 г. Император Муцухито прислал ко гробу похоронный венок¹⁸. Это был первый случай, когда Японский император пожаловал похоронный венок иностранному миссионеру. Если учесть все особенности политических обстоятельств и международных отношений того времени, то этот эпизод особо примечателен.

Епископ Сергей (Тихомиров) в сентябре того же года писал: «Начав при смертных опасностях, закончил свою деятельность в Японии Владыка Николай при одобрении с высоты Трона»¹⁹.

До Октябрьской революции 1917 г. оставалось 5 лет. В этих непростых условиях деятельность Японской миссии Русской Церкви продолжал епископ Сергей (Тихомиров). В Японии же началась новая эпоха Тайсё (大正) .

¹⁷ 『函館ハリストス正教会史』 (函館ハリストス正教会史編集委員会、2011) p. 72–73

¹⁸ 『聖人ニコライ事蹟伝』 (日本ハリストス正教会総務局、1998) 「大主教ニコライ師永眠前後」 p. 129–130.

¹⁹ 同上

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

**ЗАЩИТА КАНДИДАТСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ
ДИАКОНА СЕРГИЯ (СЕРГЕЯ) СЕРГЕЕВИЧА КУЛЬПИНОВА**

**«Возникновение, развитие и ликвидация обновленческого
раскола в Иркутской епархии в 1920-х — 1930-х гг.»**

1 июня 2021 г. в Санкт-Петербургской духовной академии на заседании диссертационного совета под председательством доктора богословия, профессора-протоиерея Георгия Митрофанова состоялась защита кандидатской диссертации диакона Сергея Кульпинова на тему «Возникновение, развитие и ликвидация обновленческого раскола в Иркутской епархии в 1920-х — 1930-х гг.». Диссертация была написана в аспирантуре Санкт-Петербургской духовной академии под научным руководством доктора исторических наук, профессора Михаила Витальевича Шкаровского.

Диакон Сергей (Сергей) Сергеевич Кульпинов родился в г. Иркутске 25 ноября 1990 г. В 2007 г. поступил в Московскую духовную семинарию. В 2009 г. перевелся

Диакон Сергей Кульпинов

в Казанскую духовную семинарию, которую окончил в 2012 г., защитив дипломную работу по теме «Даниил Андреев в контексте духовно-интеллектуальной культуры конца XIX–XX в.». В 2016 г. окончил Исторический факультет Иркутского государственного университета по направлению подготовки 47.03.03 «Религиоведение» (заочная форма обучения) с присвоением квалификации «Бакалавр религиоведения» (диплом с отличием). В 2018 г. окончил Исторический факультет Иркутского государственного университета по направлению подготовки 47.04.03 «Религиоведение» (очная форма обучения) с присвоением квалификации «Магистр религиоведения» (диплом с отличием), защитив выпускную квалификационную работу по теме «Зороастрийское космологическое учение в контексте религиозно-философских идей Древнего мира». В том же году был рекомендован к поступлению в аспирантуру Санкт-Петербургской духовной академии, куда зачислен в качестве соискателя. В 2016 г. вступил в брак и 21 июля 2018 г. был рукоположен в сан диакона митрополитом Иркутским и Ангарским Вадимом (Лазебным). С 2019 г. преподает на курсах повышения квалификации для священнослужителей Иркутской митрополии и Богословско-катехизаторских курсах для мирян Иркутской епархии, является членом комиссии по канонизации святых Иркутской епархии.

В диссертации диакона Сергия Кульпинова систематически рассматриваются процессы возникновения, развития и ликвидации обновленческого раскола в Иркутской епархии в 1920-х — 1930-х гг. в их историческом развитии. Актуальность проведенного исследования обосновывается рядом факторов. В первую очередь — это необходимость пролить свет на закономерности церковно-государственных отношений в России — СССР в первой половине XX в., что в особенности четко может просматриваться на конкретных примерах на региональном уровне. Также следует отметить отсутствие как систематических исследований по истории обновленческого раскола в Восточной Сибири, так и ряда источников по истории раскола на общесоветском уровне, в силу чего анализ определенных общих тенденцией возможен только при опоре на региональные материалы.

Целью исследования явилось комплексное изучение процессов возникновения, развития и ликвидации обновленческого раскола в Иркутской епархии в их историческом развитии. Для достижения цели автором были сформулированы следующие задачи:

1. Рассмотреть проблему предпосылок обновленческого раскола в дореволюционный период и период с 1917 по 1921 гг. и определить, имели ли место таковые в Иркутской епархии до 1922 г.;

2. Исследовать процесс становления обновленческого раскола в Иркутской епархии в период от зарождения симпатий к расколу в среде духовенства в первой половине 1922 г. до оглашения итогов II Поместного собора в конце мая — начале июня 1923 г.;

3. Проанализировать особенности состояния Иркутской обновленческой епархии под управлением «архиепископов» Василия Дмитриевича Виноградова и Ильи Ивановича Фокина;

4. Исследовать особенности положения Иркутской обновленческой епархии под управлением «архиепископа» Владимира Михайловича Злобина и проанализировать состояние епархии в период первой волны гонений на обновленческий раскол в 1930 г. — начале 1931 г.;

5. Исследовать процессы становления, развития и ликвидации Восточно-Сибирской обновленческой митрополии. Проанализировать общие и специфические особенности в положении епархий митрополии в 1931–1934 гг., обозначить причины расформирования митрополии;

6. Проанализировать процесс окончательной ликвидации Иркутской обновленческой епархии.

Источниковой базой исследования стали материалы четырех государственных архивов: Государственного архива Иркутской области, Государственного архива

Красноярского края, Государственного архива Республики Бурятия и Государственного архива новейшей истории Иркутской области, а также материалы Архива регионального управления ФСБ по Иркутской области. Помимо этого, автор опирался на широкий спектр опубликованных источников, в частности, материалы дореволюционной, обновленческой и советской периодической печати, а также опубликованные сборники документов и источники личного происхождения.

Первая глава диссертационного исследования посвящена проблеме предпосылок и процессам институционализации обновленческого раскола в Иркутской епархии. В рамках главы были проанализированы возможные предпосылки обновленческого раскола в епархии в дореволюционный период (с 1905 г. по 1917 г.), а также в период с 1917 г. по 1921 г. Отцом Сергием было определено, что в Иркутской епархии отсутствовали однозначные предпосылки обновленческого раскола в дореволюционный период, связь с расколом усматривается только в деятельности некоторых клириков епархии в первой половине 1917 г. Церковный большевизм в регионе отсутствовал. Катализатором для обновленческого раскола в Иркутской епархии, как и в Советской России в целом, послужила кампания по изъятию церковных ценностей. Власть в епархии была передана обновленческому губернскому церковному управлению в сентябре 1922 г., к весне 1923 г. наиболее активная оппозиция расколу в регионе была подавлена.

Во второй главе диссертации автор анализирует положение Иркутской обновленческой епархии в период с середины 1923 г. по начало 1931 г. Диссертант приходит к выводу, что после II Поместного собора начался рост оппозиции обновленческому расколу в Иркутской епархии. Обновленческие органы епархиального управления боролись с оппозицией посредством пропагандистских и репрессивных мер. Несмотря на это, на протяжении первой половины 1920-х гг. число приходов в юрисдикции обновленческой епархии неуклонно сокращалось. Стабилизация в положении раскола в регионе последовала в период управления епархией «архиепископа» Ильи Ивановича Фокина. К концу 1927 г. наметилась тенденция к переходу приходов Патриаршей Церкви в обновленчество. Относительно стабильное положение Иркутской обновленческой епархии сохранялось в 1928 г. и 1929 г. С февраля 1930 г. были развернуты массовые гонения на обновленческие общины и духовенство со стороны государственной власти, в результате чего Иркутская обновленческая епархия оказалась в критическом положении.

В третьей главе диссертационного исследования анализируется история Восточно-Сибирской обновленческой митрополии в 1931–1934 гг., а также период существования обновленческих общин на территории Иркутской епархии с конца 1934 г. по середину 1939 г. Указывается, что Восточно-Сибирская митрополия объединила епархии, значительно пострадавшие от гонений на обновленчество в 1930–1931 гг., находясь в сложном положении весь период своего существования. Относительно благополучное положение складывалось только в Канской епархии. В наиболее тяжелом состоянии находились Читинская, Сретенская и Якутская епархии. Пропагандистская работа митрополией велась крайне слабо. Вместе с тем, основной причиной расформирования митрополии в октябре 1934 г. стал личный конфликт между главой митрополитанского церковного управления «архиепископом» Василием Федоровичем Макушевым и присланным в Восточную Сибирь обновленческим Священным Синодом протоиереем Н. А. Лавановым. В период с конца 1934 г. по середину 1939 г. обновленчество в Иркутской епархии постепенно шло на нет. Несмотря на то, что поставленный во главе Иркутской епархии «архиепископ» Константин Иванович Знаменский осуществлял довольно активную деятельность, для пропагандистской работы и серьезного противостояния с Патриаршей Церковью у обновленчества в регионе уже не было возможностей. В 1936–1937 гг. был закрыт ряд действующих обновленческих приходов, и арестованы отдельные священнослужители. В первой половине 1938 г. последовали массовые аресты обновленческого духовенства епархии, большинство арестованных вскоре было расстреляно. К середине 1938 г. большинство

действовавших обновленческих общин распалось. Последние обновленческие приходы на территории бывшей Иркутской епархии были ликвидированы к середине 1939 г. В дальнейшем верующими не предпринималось попыток открытия приходов в обновленческой юрисдикции.

Основным результатом проведенного диссертационного исследования можно считать ряд выводов, позволяющих судить о взаимосвязях обновленческого раскола в Иркутской епархии с церковным движением первой половины 1917 г., о положении Иркутской обновленческой епархии в разные периоды ее существования, истории Восточно-Сибирской обновленческой митрополии и процессах ликвидации обновленческого раскола в Восточной Сибири. Практическим результатом исследования может служить использование его материалов при преподавании курсов истории Русской Православной Церкви в XX в. и истории Иркутской епархии, а также при написании общих работ по истории обновленческого раскола и истории Русской Православной Церкви в XX в.

После выступления диссертанта и научного руководителя был зачитан отзыв ведущей организации – Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Отзыв был подготовлен профессором кафедры Общей и русской церковной истории и канонического права, кандидатом исторических наук, доктором церковной истории священником Александром Мазыриным. Отец Александр отметил актуальность и системность представленной работы, рекомендовав исследование к публикации в виде монографии. Среди недостатков было отмечено отсутствие упоминаний о богословских методах исследования в обзоре исследовательской методологии, некоторые неточности формулировок.

Также на защите был зачитан поступивший в диссертационный совет отзыв на автореферат кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН Александра Геннадьевича Кравецкого. В своем отзыве Александр Геннадьевич отметил хорошее знание автором источников и литературы, касающихся исследуемой проблемы, а также системность представленной работы. Вместе с тем составитель отзыва поставил под сомнение вынесение на защиту положения об отсутствии предпосылок обновленческого раскола в Иркутской епархии в дореволюционный период, поскольку, по его мнению, нельзя связывать обновленческий раскол с дореволюционным церковным реформистским движением.

В своем ответе на отзыв ведущей организации диссертант поблагодарил рецензента, а также подчеркнул, что каноническая и экклезиологическая оценки обновленческого раскола были бы более уместны в общем исследовании, посвященном обновленчеству в целом, а не его региональной истории. Автор диссертационного исследования согласился с составителем отзыва в том, что не всегда употреблял корректные формулировки, а также иногда прибегал к ссылкам на электронные варианты тех работ, которые имеются в печатном виде.

В ответе на отзыв Александра Геннадьевича Кравецкого диссертант подчеркнул, что вопрос о предпосылках обновленческого раскола в современной науке является дискуссионным, поэтому в рамках представленного исследования было важно установить, имели ли таковые место именно в Иркутской епархии.

Официальными оппонентами диссертации выступили доктор исторических наук, профессор и заведующая кафедрой Кадастра недвижимости и права Пензенского государственного университета архитектуры и строительства Ирина Ивановна Маслова и кандидат богословия, кандидат исторических наук, председатель региональной общественной организации «Общество любителей церковной истории» (г. Москва) священник Илья Соловьев.

И. И. Маслова в своем отзыве отметила стройность исследования, аргументированность выводов и значительную источниковую базу, задействованную автором. Рецензент подчеркнула, что работа свидетельствует о большом научном потенциале и заслуживает высокой оценки. Среди недостатков диссертационного исследования

Выступление официального оппонента И. И. Масловой

было обозначено отсутствие упоминания биографического метода при описании методологии исследования, а также недостаточную исследованность государственного влияния на обновленческий раскол в Иркутской епархии и противодействия расколу со стороны Патриаршей Церкви в регионе.

В ответе на рецензию И. И. Масловой диссертант поблагодарил рецензента и отметил, что согласен с большинством озвученных замечаний, однако уточнил, что более подробное изучение противостояния расколу со стороны Патриаршей Церкви в регионе едва ли возможно в силу крайней немногочисленности сохранившихся документов, относящихся к деятельности каноничной Иркутской епархии.

Священник Илья Соловьев в своей рецензии выделил в качестве несомненных достоинств представленной работы актуальность и новизну исследования, аргументированность авторских тезисов и выводов, а также обозначил самостоятельную научно-краеведческую ценность документов, приведенных в качестве приложений. Среди недостатков рецензентом были отмечены слишком подробное исследование истории Иркутской епархии в период с 1905 г. по 1921 г., а также не вполне корректное употребление термина «церковный большевизм». Рецензент отметил, что, по его мнению, обновленческий раскол никогда не являлся идейным движением, и корни его следует искать не в революционной и реформистской деятельности духовенства, а в церковном сервилизме по отношению к власти. Вместе с тем отец Илья подчеркнул, что работа заслуживает самой высокой оценки, и предложил опубликовать ее в качестве монографии в издательстве «Общества любителей церковной истории».

В своем ответе диссертант поблагодарил рецензента, признав, что следовало бы дать более четкую формулировку понятия «церковный большевизм» в диссертационном исследовании. В то же время отец Сергей высказал несогласие с рецензентом в том, что обновленческий раскол не являлся идейным движением, приведя некоторые примеры обратного из истории Иркутской и Ново-Николаевской обновленческих епархий.

Члены Диссертационного совета, соискатели, оппоненты

В дальнейшей дискуссии отец Илья отметил, что именно руководство раскола, его высшая «иерархия», по его мнению, не являлись идейными сторонниками церковных преобразований. Диссертант согласился с этим тезисом, но подчеркнул, что конкретно в Сибири во главе епархий нередко стояли именно идейные обновленцы, сторонники церковных реформ.

После завершения дискуссии прошло тайное голосование, в результате которого диссертационный совет единогласно (23 голоса — за) принял решение о присуждении диакону Сергию Кульпинову искомой ученой степени кандидата богословия по специальности «церковная история».

**ВЕСТНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Научный журнал

№ 3 (8)

2021

**ЗАЩИТА КАНДИДАТСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ
ДИАКОНА МАКСИМА ТАРАСОВА**

«Миссионерское общество в Петербурге (1865–1869)»

9 июня 2021 г. в Санкт-Петербургской духовной академии на заседании Диссертационного совета состоялась защита кандидатской диссертации диакона Максима Алексеевича Тарасова на тему «Миссионерское общество в Петербурге (1865–1869)». Диссертация была написана в аспирантуре Санкт-Петербургской духовной академии под научным руководством кандидата богословия Дмитрия Андреевича Карлука, заведующего аспирантурой, доцента кафедры церковной истории.

Диакон Максим Тарасов родился в городе Василькове (Киевская область, Украина) в священнической семье. Был крещен в Свято-Никольском храме г. Василькова, где с самого детства нес послушание алтарника и псаломщика. После окончания школы

Диакон Максим Тарасов

в 2012 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. С 2015 г. по 2021 г. нес послушание псаломщика в храме св. благ. кн. Александра Невского в Рыбачком (подворье Александро-Невской лавры). 11 июня 2016 г. в академическом храме Иоанна Богослова был пострижен во чтеца архиепископом Петергофским Амвросием (Ермаковым). В 2016 г. окончил бакалавриат, защитив дипломную работу на тему «Деятельность Киевского религиозно-просветительского общества конца XIX – начала XX века». В 2018 г. окончил магистратуру, защитив магистерскую диссертацию на тему «Православное миссионерское общество и его деятельность (1865–1878)». В этом же году поступил в аспирантуру Санкт-Петербургской духовной академии для написания кандидатской диссертации. В сентябре 2020 г. был принят на работу в академию в качестве методиста кафедры богословия. 20 марта 2021 г. за Божественной литургией в храме св. ап. и ев. Иоанна Богослова Санкт-Петербургской духовной академии был рукоположен во диакона епископом Петергофским Силуаном (Никитиным).

В диссертационном исследовании диакона Максима Тарасова комплексно изучается противоречивая история Миссионерского общества в Петербурге (1865–1869), которое оставило после себя недобрую память и ранее не попадало в сферу интересов исследователей русского миссионерства и церковной истории. Плохая организация работы и многочисленные противоречия и конфликты среди участников не позволили Обществу стать центральной миссионерской структурой Российской империи. Только после реформирования и переноса в Москву в 1870 г. Православное миссионерское общество смогло достичь значимых результатов в финансировании миссий под опытным руководством митрополита Иннокентия (Вениаминова).

Отечественные историки написали немало статей об истории Православного миссионерского общества, однако комплексное исследование было предпринято только американским исследователем Аароном Михельсоном¹. Логическим продолжением этого исследования и стала диссертация диакона Максима Тарасова, посвященная преимущественно предыстории Православного миссионерского общества и начальным этапам формирования системы общественной поддержки православной миссии в Российской империи в середине XIX в. Исследование сконцентрировано вокруг деятельности Миссионерского общества в Петербурге в целом и вокруг его руководителей в частности, а не вокруг Православного миссионерского общества или отдельных выдающихся миссионеров, как это было у предыдущих исследователей.

В ходе своего выступления на защите диакон Максим Тарасов раскрыл содержание и результаты своего исследования. Первая глава диссертации посвящена историческому контексту. В ней описаны особенности православной миссии в XIX в., обозначены предпосылки создания центрального миссионерского общества, расписаны предшествовавшие попытки и проекты систематического общественного финансирования православного миссионерства, в особенности, попытка создания Санкт-Петербургского православного церковного братства². Вторая глава диссертации посвящена непосредственно учреждению, функционированию, политике и различным направлениям деятельности Миссионерского общества. В ней подробным образом прослеживается процесс утверждения Миссионерского общества церковным и светским руководством, раскрываются особенности функционирования, которые не всегда соответствовали утвержденному уставу, описывается финансовая,

¹ *Michaelson A. N. The Russian Orthodox Missionary Society, 1870–1917 A Study of Religious and Educational Enterprise. Thesis (Ph. D.) University of Minnesota, 1999. 392 p.*; Ее разбор см.: *Тарасов М. А. Пренебречь ярлыком русификации: Православное миссионерское общество глазами американского исследователя // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 77–88.*

² См.: *Тарасов М. А. Попытка учреждения Санкт-Петербургского Православного Церковного Братства (1864–1865) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 1. С. 192–210; Его же. Санкт-Петербургское православное церковное братство как предшественник Миссионерского общества в Петербурге (60-е гг. XIX в.) // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 233–247.*

административная и организационная деятельность Общества. Особое внимание уделено организации при Санкт-Петербургском университете курсов для подготовки миссионеров, а также попыткам совета Миссионерского общества создать отделение для поддержки новокрещеных евреев³. Третья глава посвящена конфликтам в Обществе, приведем к прекращению его деятельности. В главе дается объективное описание конфликтов вокруг организации, показываются причины закрытия петербургского совета, а также характеризуются последствия этих событий. Четвертая глава диссертации содержит сравнительный анализ исторических форм центральной миссионерской организации — Миссионерского общества в Петербурге и Православного миссионерского общества в Москве. Также здесь анализируется отношение исследователей к проблеме сопоставления организаций, обосновывается использование термина «центральное миссионерское общество».

К основным выводам диссертации можно отнести следующие положения.

Во-первых, Миссионерское общество в Петербурге должно рассматриваться как важное историческое явление, ставшее воплощением многолетних стремлений миссионеров по созданию центральной миссионерской организации и давшее начало структурному оформлению благотворительности в пользу миссионерства.

Во-вторых, главной причиной низкой эффективности Миссионерского общества была некомпетентность и политизированность его руководителей, которые отказывались принимать советы опытных миссионеров. Конфликты в Миссионерском обществе имели под собой множество причин и случайных совпадений: недостатки утвержденного устава, желание духовенства привлечь как можно больше представителей гражданского общества, нежелание миссионеров «выносить сор из избы», смена места служения учредителей общества и частая смена архиереев в Томске. Однако главным их виновником был недобросовестный купец А. Г. Мальков. Идеалы протестантской Европы, где миссионерскими обществами управляли светские лица, а миссионерами часто были миряне, определили отношение руководителей Миссионерского общества к конфликту в Алтайской миссии, вследствие чего они решительно поддерживали купца А. Г. Малькова и закрывали глаза на его недобросовестность, тогда как любой проступок начальника Алтайской миссии архимандрита Владимира (Петрова) воспринимался критически и крайне отрицательно.

В-третьих, описание и анализ деятельности Миссионерского общества в Петербурге показал, что несмотря на наличие альтернативных проектов⁴, по своему характеру и потенциалу оно может считаться полноценным предшественником Православного миссионерского общества, а значит, может быть названо центральным миссионерским обществом Российской империи. «Петербургский период» был временем становления центральной миссионерской организации, когда ее направления деятельности и устройство лишь формировались, т. е. создание Миссионерского общества стало важным примером и индикатором того, каким должно быть дальнейшее развитие Православного миссионерского общества.

Научный руководитель Дмитрий Андреевич Карпук, отметив высокий научный уровень рассматриваемой диссертации, обратил внимание на тот факт, что изначально отец Максим планировал рассмотреть в рамках своей исследовательской деятельности всю историю Православного миссионерского общества. В дальнейшем, после обнаружения указанной выше работы американского ученого, а также после выявления довольно большого корпуса неопубликованных источников, было принято решение сфокусировать внимание на наименее разработанном в историографии вопросе, касающемся обстоятельств возникновения и деятельности общества в Петербурге. Вместе с тем вопрос, касающийся истории Православного миссионерского общества,

³ Об этом подробно: *Тарасов М. А.* Миссионерская и благотворительная деятельность Миссионерского общества в Петербурге среди евреев (1865–1869) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 269–286.

⁴ См., например: *Тарасов М. А.* Православное христианское общество как альтернатива Миссионерскому обществу в Петербурге (60-е гг. XIX в.) // Христианское чтение. 2020. № 3. С. 104–115.

Члены Диссертационного совета, соискатели, оппоненты

остаётся открытым, т.к. в отечественной историографии пока так и не появилось обстоятельного монографического исследования, посвященного истории общества с 1870 по 1917 гг.

После выступлений диссертанта и научного руководителя был зачитан отзыв ведущей организации — Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Отзыв был составлен ведущим специалистом в области истории русского миссионерства, кандидатом физико-математических наук, профессором Андреем Борисовичем Ефимовым, а также обсужден на совместном заседании кафедр Миссиологии и Общей и русской церковной истории и канонического права Богословского факультета ПСТГУ. Автор отзыва обратил особое внимание на тот факт, что в диссертации слишком большое внимание уделено терминологии, а «терминологические предложения автора не следовало бы относить к основным результатам диссертации». В своем ответном слове диссертант отметил, что термин «центральное миссионерское общество», который был предложен для наиболее корректного совместного обозначения Миссионерского общества и Православного миссионерского общества, имеет большое значение для всего исследования. Только подробное изучение истории Миссионерского общества и тщательное сопоставление ее с историей Православного миссионерского общества позволяют считать их близкородственными организациями и использовать для них общие понятия и термины. Следовательно, введение подобного термина в научный оборот стало результатом всей проделанной работы, потому и было включено в перечень значимых результатов.

Официальными оппонентами выступили кандидат исторических наук, доцент Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I Андрей Германович Фирсов и доктор церковной истории, профессор Казанской православной духовной семинарии протоиерей Алексей Колчерин. А. Г. Фирсов в своем отзыве высказал ряд ценных замечаний по содержанию диссертации, при этом отметив, что «диссертация... представляет собой замечательный пример детальной и скрупулезной исследовательской проработки истории отдельного общественного

учреждения». Отец Алексей также высказал несколько замечаний касательно оформления и содержания работы, но подчеркнул, что «диссертация... является самостоятельным научным сочинением, соответствует требованиям новизны и научности, после соответствующей доработки может быть рекомендована к публикации в качестве научной монографии».

Помимо официальных отзывов в диссертационный совет поступили четыре положительных отзыва на автореферат диссертации от Марии Владимировны Кротовой, доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного экономического университета, совместно с Ольгой Александровной Балабейкиной, кандидатом географических наук, доцентом того же университета; Елены Иосифовны Пашкович, кандидата исторических наук, доцента Брестского государственного университета; протоиерея Георгия Крейдуну, доктора искусствоведения, кандидата богословия, заведующего кафедрой церковной истории Барнаульской семинарии; священника Алексия Максимова, магистра миссиологии Папского Григорианского университета, старшего преподавателя Сретенской духовной семинарии. В ходе дискуссии соискатель ответил на ряд уточняющих вопросов относительно того, какие объективные критерии он использовал для определения неэффективности Миссионерского общества, почему светские лица встали во главе Миссионерского общества, какой была организационная структура общества, какие были причины конфликтов в организации и др.

После завершения обсуждения диссертации было проведено тайное голосование с участием 22 присутствующих членов диссертационного совета. По итогам голосования — 22 голоса «за» и 0 голосов «против» — было принято решение о присуждении диакону Максиму Тарасову искомой ученой степени кандидата богословия по специальности «церковная история».

Для заметок

Учредитель журнала:
Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Журнал учрежден 15 мая 2017 года

Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии

№ 3 (8), 2021

Научный журнал

ISSN 2587-8425 (Print)
ISSN 2687-0800 (Online)

Главный редактор журнала: Дмитрий Андреевич Карпук,
кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Официальный сайт журнала
<https://scientific-journals-spbda.ru/herald-historical-society>
Электронная почта журнала: vspbda@yandex.ru

Адрес Издательства СПбДА:
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17.
Тел.: +7 812 612 40 44, доб. 339.
Эл. почта: izdatspbda@gmail.com

Главный редактор Д. В. Волужков
Корректор А. М. Чуб
Верстка Н. Н. Пимшина
Дизайн обложки Юлия Гринько

Подписано в печать: 10.11.2021. Дата выхода в свет: 30.11.2021.
Формат 70 x 100 / 16. Гарнитура: Linux Libertine.
Объем: 29,4 а.л.
Свободная цена.

Отпечатано в ООО «Аргус СПб»
198320, Красное Село, ул. Свободы д. 57.
Заказ № 180. Тираж 250 экз.